

Рюрикович в XXI веке

Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский

Статьи, интервью, письма, рецензии

Москва 2017

УДК 929+73/76
ББК 63.3(2)6+85.103(2)6
Р89

Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский/
Сост. Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. – Москва, 2017. – 660 с.,
ил. – (в пер.)
ISBN 978-5-906644-36-7

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – русский князь, живущий в Лондоне, коллекционер, выдающийся благотворитель современности, подвижник русской культуры, собравший уникальную коллекцию театральной живописи Серебряного века и открывший ее миру.

В книгу, как и в предыдущую – «Рюрикович в эмиграции», включены выступления Лобанова-Ростовского, интервью а также многочисленные статьи о нем.

Для искусствоведов, коллекционеров и интересующихся историей русской культуры первой трети XX века.

ISBN 978-5-906644-36-7

© Н.Д. Лобанов-Ростовский, 2017
© Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский,
составление, 2017
© И.А. Томозова, макет, 2017

От составителя

Жизнь и судьба Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского – Рюриковича в 33-м поколении, потомка Игоря и Святослава, Крестителя Руси Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукова, Всеволода Большое Гнездо не укладывается в рамки обычной жизни.

Если бы режиссеры решили снять о нем художественный фильм – это мог бы быть авантюрный остросюжетный сериал.

Геолог и банкир, выпускник Оксфорда и Колумбийского университета, коллекционер и меценат, зэк (о чем он не устает напоминать), родившийся в Болгарии, но любящий свою историческую родину, принимающий активное участие в ее жизни, одаривающий ее бесценными сокровищами. «Россия больше чем страна. Она состояние духа, мироощущение, особое видение».

На вопрос, что движет им в отношениях с Россией, князь ответил: «Желание увидеть ее процветающей». «По определению Россия не может быть моей родиной или родной для меня, поскольку я там не родился. Зато она – мое отечество, в борьбе за благосостояние которого мои предки участвовали 900 лет».

Для любителей театрально-декорационного искусства Серебряного века Никита Дмитриевич – фигура легендарная. Он вернул истории русского искусства из небытия имена гениальных русских художников, работавших в театрах России и на Западе в конце XIX – первой трети XX века.

Никита Дмитриевич Лобанов вместе со своей первой женой княгиней Ниной Лобановой-Ростовской собрал уникальную коллекцию русского театрально-декорационного искусства, известную во всем мире.

Первая выставка коллекции Лобановых-Ростовских «Русское театрально-декорационное искусство. 1890-1930» была в 1988 году в Москве (ГМИИ им. А.С. Пушкина, февраль-март) и Ленинграде (Манеж, апрель-май).

«Спасибо, Нина и Никита за то, что выставка открыта. Мои глаза благодарят и продолжения хотят».

«Первый класс! Хорошо, что Лобановы-Ростовские спасли так много прекрасных картин!»

«Выставка совершенно потрясающая, открывает для нас, советских людей, совершенно неизвестные страницы русского театрально-декорационного искусства».

После посещения выставки этой коллекции в Ленинградском манеже вот, что написал о ней академик Д.С. Лихачев: она «явилась не просто большим событием в культурной жизни Ленинграда, но и поворотным

*Н.А. Алпатова и Н.Д. Лобанов-Ростовский.
Москва, 2015 г.*

пунктом в вопросе о русской живописи первой трети двадцатого века».

Судейкин и Бенуа, Бакст и Коровин, Гончарова и Ларионов, Кандинский и Малевич, Эль Лисицкий и Шагал, Экстер и Челищев – вот только малая часть имен художников из этой коллекции.

Предлагаемая книга является продолжением книги «Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский», вышед-

шей в Москве в 2015 году, включавшей, как и эта, статьи, воспоминания, интервью, выступления человека эпохи, разбросанные по различным отечественным и зарубежным изданиям.

В планах князя подготовка следующей книги, в которой он надеется опубликовать архивные документы, касающиеся его семьи, а также включить материалы, хранящиеся в его личном архиве.

Н.А. Алпатова

ИЗ БИОГРАФИИ

Ирина Тишина

Дорогой Никита Дмитриевич

(фрагмент главы из книги)¹

3 ноября 2009 г. я находилась на одном из заседаний III Ассамблеи Фонда «Русский мир». Тема – проблемы преподавания русского языка за рубежом и сохранение школ русского языка в странах проживания наших соотечественников.

Заседание началось с доклада преподавательницы русского языка из Израиля, сетовавшей на непонимание молодыми русскоязычными гражданами ее страны аллюзий и реминисценций из советского прошлого их родителей. Докладчица привела пример: тонкость газетного заголовка «Как закалялась шваль» статьи о так называемых «новых русских» не

*Ирина Тишина и Н.Д. Лобанов,
ноябрь 2016 г.*

смогли оценить израильтяне, незнакомые с известным произведением Николая Островского «Как закалялась сталь».

– А что такое «шваль»? – шепотом обратился ко мне сосед справа, занявший свое место уже в процессе заседания. Повернувшись, я увидела импозантного, представительного мужчину: благородная посадка головы, красивые седые волосы, открывающие высокий лоб, прямой нос, ясные стальные глаза. Чуть заметный акцент выдавал в моем элегантном соседе с платком, небрежно заложенным в карман дорогого пиджака, нашего соотечественника отнюдь не из ближнего зарубежья. Объяснив смысл контекста и значение заинтересовавшего его слова, я получила слова благодарности и визитку, на которой прочла лишь короткое «Никита Д. Лобанов» и адрес электронной почты.

– Может быть, Вы согласитесь побеседовать со мной? – обратилась я к Никите Д. Лобанову, помня о задании главного редактора «Литературной газеты», где я в то время трудилась в должности редактора и корреспондента, «кого-нибудь потрясти».

В ответ мой собеседник протянул мне номер журнала «Русский мир», назвал страницу и добавил:

– Прочтите в перерыве, Вы ведь должны знать, с кем имеете дело.

¹Пока не опубликована.

Начало было явно интригующим.

В первую же секунду объявленного обеденного времени мой сосед сошел с места и энергично отправился к выходу, – он был строен, высок, и весь его облик выражал независимость и целеустремленность.

Уединившись, я перелистала журнал. Вот: его фото., интервью... Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, потомок древнейшей фамилии из рода Рюриковичей... Миллионер, меценат, геолог, банкир, обладатель самой большой в мире коллекции русского театрального искусства... живет в Лондоне., активный деятель Русского мира... Что же, есть кого «потрясти»!

В конце перерыва я увидела, как сам князь быстро идет мне на встречу.

– Вы готовы? – почти приказным тоном спросил он, не отводя холодного, пристального взгляда серых глаз. – Только о чем мы станем с Вами говорить? – произнося это, он решительно взял меня под руку и повел в свободное от людей помещение.

Я предположила: может быть, о книгах поговорим, которые сохраняли Вашу русскость в инокультурном окружении, – все-таки, у нас «Литературная газета»?

– Боюсь, мне это будет не интересно, – парировал будущий интервьюируемый, выразительно глядя на меня сверху вниз.

Вдруг сильно разволновавшись, я поняла, что теряю способность быстро соображать, – меня буквально гипнотизировал этот пронзительный взгляд, и чем дольше тянулось время, тем более в нем сквозило нетерпение. К счастью, спасительная мысль посетила мою, начинающую паниковать, голову.

– Пожалуйста, – как можно увереннее произнесла я, – расскажите о том, как русскоязычная диаспора Великобритании сохраняет русский язык в условиях потенциальной угрозы ассимиляции.

Глаза Никиты Дмитриевича вспыхнули, он весь подался вперед и разразился десятиминутным монологом. Князь с жаром описывал не лучшую ситуацию со школами русского языка в Соединенном Королевстве, и стало понятно: для него это больной вопрос, требующий скорейшего разрешения.

За все эти десять минут я не раз открывала рот, пытаюсь превратить его соло в диалог, однако «солист» не обращал никакого внимания на мои попытки и, закончив свою речь, сразу спросил, когда она будет опубликована в газете, которую я представляю. Задавая вопрос, он так же решительно взял меня под руку и повел к дверям конференц-зала. Было очевидно: этот человек привык играть по своим правилам.

Увы, «Монолог князя», как я назвала печатную версию его «выступления», в газету не приняли, – был опубликован мой общий репортаж об Ассамблее, благо интересных людей и тем было множество. Однако контакт с

Никитой Дмитриевичем, которому я предложила записать другое интервью, продолжился: в том же месяце в «Литературной газете» вышла наша беседа из цикла «Примирение».

(В рамках этого цикла почти на одни и те же вопросы о затянувшемся антагонизме «красных» и «белых» впоследствии отвечали князь Д.М. Шаховской, князь А.А. Трубецкой и граф С.А. Капнист.)

Чуть позже мы с князем записали интервью о создании в Москве Национальной портретной галереи, инициатором которого он был, а через год в той же газете вышла моя рецензия на его книгу «Эпоха. Судьба. Коллекция», но о книге рассказ особый.

С первого же дня моего знакомства с Никитой Дмитриевичем у нас завязалась активная электронная переписка. Потом я поняла: таких корреспондентов у князя – великое множество, и, честно говоря, я до сих пор не понимаю, как он успевает переписываться со всеми. Только за первый год объем наших общих отправок друг другу перевалил за шесть сотен писем: Никита (именно так он подписывается) посылал на мой адрес (и, слава Богу, делает это до сих пор) интересную, на его взгляд, информацию: сначала это были сведения о нем самом – все по той же причине «знать, с кем я имею дело», затем обо всем, с чем он считал нужным меня познакомить.

Однако ядро переписки первых лет нашего знакомства составляли письма, в которых мы обсуждали его рукопись под первоначальным названием «Записки коллекционера». «Дорогой Никита Дмитриевич» (так я обращалась к нему, не осмеливаясь по-европейски опускать отчество) предложил мне прочесть ее черновой вариант и попросил Галину Александровну Чиканову – директора издательства «Русский путь», которое готовилось выпустить будущую книгу в свет, – привести диск с электронной копией ко мне в редакцию.

Распечатка «рукописи» представляла собой две толстые стопки (к сведению, будущая книга будет весить 3 кг), любезно прошнурованных моим мужем. Я начала читать и не могла оторваться: бесстрастным тоном, блестящим русским языком автор излагал свою удивительную биографию и историю своей семьи, не избежавшей испытаний безжалостного двадцатого столетия. <...>

Никита и его первая супруга Нина (совладелица коллекции русского театрального искусства) самозабвенно покупали на каждую лишнюю «копейку» работы русских мастеров Серебряного века – Коровина, Ларионова, Гончаровой, Добужинского, Бакста, Николая и Александра Бенуа, Судейкина, Челищева, Серебряковой, Чехонина, Шагала... Супруги Лобановы не позволяли себе дорогих ресторанов, покупки новой мебели, мод-

ной одежды – все было нацелено на Ее величество Коллекцию. Сколько родственников и друзей известных, полузабытых, а то и вовсе забытых русских художников обошли эти двое, сколько чердаков и подвалов обследовали!.. Браво вам, Никита и Нина, – супругам, которые были связаны не только узами брака, но и единой всепоглощающей страстью к собирательству русского театрального искусства, которое оказало колоссальное влияние на западную сценографию, кинематограф, моду, ювелирное искусство и, главное, на интерес западного зрителя к России!..

Не могу не сделать маленькое, но очень важное для нашего дела – популяризации тургеневских мест – отступление: гениальная художница Наталья Сергеевна Гончарова родилась в 1881 г. в селе Архангельское Чернского уезда Тульской губернии.

Вот что пишет о ней и ее творчестве сам автор в разделе книги «Заметки о художниках»: «Всю живость и яркость своих картин внесла в театральную живопись уроженка Тульской губернии Наталья Гончарова. На нее оказало большое влияние русское народное искусство – например, вывески, которые писали для лавок. Кроме того, она пользовалась одним из приемов иконописи – передачей перспективы через высоту... Я уверен: Гончарова – волшебница... Произведения Гончаровой выставлены в лучших музеях Европы и Америки. Ею надо гордиться...».

Раздел «рукописи» «Заметки о художниках» поразил меня своей насыщенностью: он состоял из 25 рассказов о русских авангардистах в алфавитном порядке и начинался интереснейшим обзором русских художников-эмигрантов и описанием Русского Парижа 20-х годов прошлого столетия. Большинство информации, помещенной в раздел, обнародовалось впервые, и в этом – одна из заслуг автора. Представляю, сколько историков искусства, искусствоведов, культурологов, коллекционеров и просто любителей русской культуры не раз и не два обратятся к этой сокровищнице, изобилующей интереснейшими деталями и подробностями!.. Характеризуя Русский Париж, коллекционер замечает: «...это целый огромный континент русской культуры, своего рода Атлантида, которую мы только начинаем осваивать...».

Не менее впечатляющими для меня были разделы о коллекционерах, русской культуре и, конечно же, «Родословие». Перечислив всех известных ему Лобановых-Ростовских, начиная с XIX колена от Рюрика, автор подробно рассказывал и о родственниках по линии матери Ирины Васильевны, о которых мы уже упоминали. «Родословие» интересно структурировано: Никита Дмитриевич использовал не только свои воспоминания и комментарии, но и тексты статей своего дяди Н.В. Вырубова и отрывки из интервью с ним.

С банковской и хронологической точностью (не будем забывать, что много лет Н. Лобанов-Ростовский был одним из топ-менеджеров американского Wells Fargo Bank) автор «Записок» в соответствующих разделах перечислял выставки своей коллекции и рецензии на них, свои дарения крупнейшим культурным центрам России и Украины с указанием их коллекционной цены, а в разделе «Библиография» разместил список своих выступлений в СМИ и список цитируемой прессы. Было очевидно: богатейший и разнообразный по содержанию и структуре материал, размещенный на нескольких сотнях страниц, по определению не может быть назван просто «Воспоминаниями» или набившими оскомину «Записками».

С этой мыслью я и обратилась к автору, укрепившись в ней еще раз, когда обновленную рукопись пришлось перечитывать повторно – для «ловли блох».

«Дорогой Никита Дмитриевич, – традиционно начала я свое обращение, – Ваша рукопись – гораздо шире, чем просто “воспоминания”, и глубже, чем просто “записки”. На мой взгляд, было бы правильнее дать ей название – что-то типа “Эпоха. Судьба. Коллекция”...».

Буквально через день Никита Дмитриевич ответил: «Редактор согласен с названием “Эпоха. Судьба. Коллекция”». Это было довольно неожиданно – стать автором названия такого потрясающего труда, но еще более – приятно!..

В дальнейшем князь попросил меня написать небольшой текст для размещения на обложке издания, а после выхода книги (надо отметить, что издательство «Русский путь» справилось со своей задачей блестяще!) – и рецензию на нее в «Литературной газете».

В рецензии, помимо прочего, я упомянула и о блестящем авторском стиле Никиты Дмитриевича. Для «внутреннего употребления» эту своеобразную манеру изъясняться, проявляющуюся наиболее ярко в письмах и устных выступлениях, я называю «никитизмом». Особенность «никитизма» – в сочетании так называемой высокой лексики с низкой: к примеру, несколько утратившие повседневность обороты «дабы» и «ибо» автор употребляет с выражениями «нелитературными». Добавьте к этому изрядную долю иронии и лаконизм, и перед Вами – живой, интересный текст, во многом объясняющий и внутренний мир «стилиста»...

Работа с Никитой Дмитриевичем стала началом моего погружения в неиссякаемое культурное пространство Русского Зарубежья, которое, к счастью, продолжается до сих пор... Книгу «Эпоха. Судьба. Коллекция» я подарила нескольким, дорогим для меня, людям, и не устаю ее популяризировать при любой возможности. Вот и сейчас передо мной лежат эти

три килограмма воспоминаний, умозаключений, размышлений, обильно приправленных фотографиями и цветными иллюстрациями, с надписью от автора: «Ирине Тишиной, дорогой и милой, на память о нашем многолетнем знакомстве и благотворном и приятном сотрудничестве на фронте и в тылу культуры». Имею честь благодарить и гордиться!..

Екатерина Фёдорова

«Мне важнее действие, чем созерцание»
*О Н.Д. Лобановом-Ростовском: детство – отрочество*²

Три побега Лобановых-Ростовских

Е.С. Фёдорова и Н.Д. Лобанов, 2016 г.

В XX в. на счету семьи Лобановых-Ростовский три побега, один фантастичнее другого. Первый – из Советской России в 1920 г., когда переодетые в крестьянские одежды дедушка, бабушка, и будущий отец Никиты Дмитриевича достигли границы и были взяты на нелегальное судно под военным флагом. Капитаном корабля был Константин Улик, решившийся пойти на риск ради этой семьи. Побег окончился благополучно. Семья оказалась в Софии.

А второй побег – из Софии – был организован парижским дедом Никиты, Василием Васильевичем Вырубовым³ и совершался через два с лишним десятилетия, в 1946 г., когда туда пришли советские военные части. Второй оказался неудачным. Лобановы должны были нелегально перейти границу в месте самых высоких гор в Родопи. Но их предал американский полковник Мейнард Бернс, получивший за это деньги. Проводник не появился, зато под видом «партизан» пришли сотрудники КДС. Так семья оказалась в болгарской тюрьме и пережила все то, что переживали репрессированные в СССР: тюремное

² *Федорова Е.С.* Опираюсь на факты // www.nasledie-rus.ru/red_port/lobanov_1.php, интернет-журнал «Наше наследие», 27 февраля 2016 г.

³ *В.В. Вырубов* (1879 – 1963) – земский, а потом государственный деятель; после Февральской революции товарищ министра внутренних дел Временного правительства князя Г.Е. Львова. В эмиграции активно участвовал в общественной жизни, в частности, был членом правления Общества сохранения русских культурных ценностей.

заклучение, расстрел отца семейства, полное бесправие, «лишенчество», крайнюю нищету.

Еще через 20 лет третьему побегу способствовали герой Второй мировой войны, брат матери Н.Д. Лобанова-Ростовского, Николай Васильевич Вырубов, и его товарищ военного времени, знаменитый французский писатель Ромен Гари. Этот побег в 1953 г. выглядел как вполне легальный отъезд на поезде. Но ему предшествовали многочисленные официальные и тайные действия. Были безнадежные обращения Лобановых с просьбой выпустить их из страны. Хлопотами брата Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская получила французский паспорт, в который был вписан сын Никита. А Роменом Гари был придуман дипломатический ход. Пользуясь своим колоссальным весом в качестве героя войны и друга де Голля, он задержал во Французской зоне Вены два электровоза, заказанных болгарами в Европе. Гари намекнул болгарской стороне, что техника пойдет в сторону Болгарии только в том случае, если «французские граждане» отправятся в противоположном направлении. В сущности, Ромен Гари выкупил мать и сына за два электровоза⁴.

Разумеется, рассказанное здесь ярко, экзотично и привлекательно для многих, ведь в нашей стране путем «многоволнового» террора была, в конце концов, уничтожена вся аристократия, выведено под корень дворянство, истреблена интеллигентная среда. Но материала о необычной судьбе аристократа хватило бы на две три статьи. Личность Никиты Дмитриевича перевешивает всю живописность его судьбы. Он человек творческий, очень много работающий, умудренный знанием жизни, но не уставший остро и неравнодушно реагировать на ее события. Всякий раз нам хочется узнать его суждения по поводу текущих событий... Любой разговор с ним выходит за рамки заявленной темы, чреват неожиданными поворотами.

Излишне и говорить о востребованности в российской культурной среде эмигрантского наследия и сколь подробно оно разрабатывалось три последних десятилетия. Лобанов-Ростовский – 81-летний лондонец, смотрящий на многое с непривычных для российского ума позиций. Но он правильно считает себя и «старым москвичом», знает маршруты и закоулки Москвы, ее нужды и противоречия. Он совершает последовательные шаги, чтобы затягивался болезненный и по сей день разрыв между, условно говоря, «белыми» и «красными». Он сознательно и рассудочно выбрал для себя путь рус-

⁴ Побег подробно описаны в книгах: Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский / Статьи, интервью, рецензии. М., 2015; *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010; *Гурвич Э.* Дерзкие параллели. М.: Человек, 2012; *Горбовский А.А.* Рюрикович. Детство Никиты. М., 2004 (книга Горбовского доступна на сайте Центра имени А.Д. Сахарова: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=639>).

ской самоидентификации, поскольку его предки «1000 лет строили Россию». А мы считаем Никиту Лобанова-Ростовского частью «Русского мира», и это его обогащает, пусть немного, но восстанавливает его исторические корни.

Детство. Белая лошадь и бурый мишка

Екатерина С. Федорова: *Какие любимые игрушки у Вас были в детстве и истории с ними?*

Никита Д. Лобанов-Ростовский: Две. Качающаяся лошадь белого цвета, которую мне подарили на День рождения, когда мне исполнилось пять лет. И мишка коричневого цвета тридцати сантиметров высотой, с которым я всегда спал и которого звали Мишка. Увы, с игрушками я не помню никаких историй, и вообще моя память так устроена, что я мало что помню из детства.

ЕСФ: *Это были русские игрушки?*

НДЛ-Р: Нет, болгарские. В Болгарии были свои мануфактуры, производившие подобные вещи.

ЕСФ: *А книжки?*

НДЛ-Р: Книги были на трех языках, поскольку я сразу обучался на трех языках. Я учил немецкий, поскольку в течение четырех лет войны Болгария была союзником немцев. Я любил книжку «Der Struwwelpeter», про мальчика с огромной шевелюрой – это универсально читаемая книга, наконец, переведенная и на русский язык в Советском Союзе⁵. Затем мне помнятся почему-то басни Лафонтена, особенно ярко – картинки, на всю жизнь запомнилась лиса, смотрящая на сыр, мне казалось, на камамбер.

ЕСФ: *Басен Крылова не было?*

НДЛ-Р: Крылов был, но запомнился Лафонтен – видимо, я не был включен в отечественный цикл образования.

ЕСФ: *Культурологически интересен билингвизм или даже полилингвизм культур, которому оказались причастны дети эмиграции.*

НДЛ-Р: Языкам я стал обучаться до школы. Помню, бабушка рисовала русские буквы, гувернантка-француженка что-то читала мне по-француз-

⁵ Книга «Der Struwwelpeter» (т.е. «Растрепка», ср. русск. Степка-растрепка) немецкого психиатра Генриха Хоффмана написана в 1845 г. для своего трехлетнего сына с целью показать неправильное поведение детей. Моральная направленность соединена с комическими приемами повествования, книга подробно иллюстрирована и считается одним из первых детских комиксов. Переведена на несколько языков. Так, в 1891 Марк Твен создал свой перевод книги на английский. У российских и советских прототитов Штрувельпетера длинная история. Сначала на русском книга была известна как «Степка-Растрепка (Struwwelpeter)». Рассказы для детей. СПб.; М.: Изд-во Т-ва М.О. Вольф, 1901. Героя принято изображать в красном сюртуке, зеленых брюках, с длинными лохматыми волосами и необрезанными ногтями. Внешний вид, видимо, повлиял на любимого советскими детьми «Незнайку» Н. Носова, который, как сейчас стало известно, весь создан из «лоскутков» и заимствований. (Например, из «Мурзилки» Анны Хвольсон 1887, одноименных журналов, дореволюционного «Мурзилки» до 1917 и советского, выходящего с 1924). По книге «Der Struwwelpeter» в конце XX в. поставлен мюзикл: благодаря ему книга известна в России под названием «Питер с копной волос».

Княгиня Вера Дмитриевна (урожд. Калиновская) с мужем князем Иваном Николаевичем Лобановым-Ростовским – бабушка и дедушка Никиты. Москва, 1903 г.

Василий Васильевич Вырубов – дедушка Никиты. Париж, 1935 г.

ски. Также было и с немецким. А первого букваря не помню. И первого учебника не помню.

ЕСФ: *То есть это был такой типично «дворянский путь» овладения языком путем погружения в него в быту с помощью гувернанток.*

НДЛ-Р: Да, неблагонадежного белоэмигранта...

ЕСФ: *Кто был самым близким и любимым членом семьи?*

НДЛ-Р: Не могу ответить на этот вопрос, поскольку они были со мной в разные периоды жизни. Сначала я проводил много времени с бабушкой со стороны отца, Верой Дмитриевной Калиновской, целью которой было научить меня русскому языку. Она умерла рано, когда мне было четыре года. Три поколения нашей семьи в то время жили в одном доме напротив французского посольства, где были три квартиры. Мы жили в одной, дедушка с бабушкой – в другой, а в мансарде жила няня, Елена Ивановна Иванюк, со своей семьей, и я предполагаю, что она жила даром за то, что нянчила меня. Так что вначале у нас был относительно большой дом. А когда во время войны началась бомбежка, мы переехали. Мы жили в отдельной квартире в большом доме, а бабушка и дедушка во флигеле в саду, предназначенном для выращивания роз. Так что можно сказать, что они жили в «розовом саду». Домик до сих пор сохранился.

ЕСФ: *Остался ли патриархальным уклад Вашей семьи?*

НДЛ-Р: Извините, мне стыдно признаться, но я не понимаю Вашего вопроса?

ЕСФ: *Могу привести пример, моя университетская учительница, родившаяся в 1922 г. в эмиграции в Маньчжурии, дочь российского разведчика, была из семьи очень левых взглядов, и я ее знала весьма советским по*

Князь Дмитрий Иванович с супругой княгиней Ириной Васильевной и сыном Никитой. София, 1939 г.

русской православной церкви, предполагая, что София (как и Вена) станет местом присутствия всех союзных армий. Так поначалу и было.

ЕСФ: Патриархальный уклад оставался у бабушки и дедушки?

НДЛ-Р: Да. В тот короткий период, когда я их застал. И для меня это четко сказалось в двух воспоминаниях. Дедушка, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, водил меня на службу в церковь, которая длилась два три часа. И поначалу я с ним находился все время службы, потом время от времени стал выходить в садик. Ребенку столь долгое время вынести службу было тяжело и, к сожалению, это оттолкнуло меня от ритуала русской православной церкви. Второе очень сильное воспоминание. Когда царь Борис⁶ скончался (вследствие того, что его отравил Гитлер), колокола били в соборе Александра Невского – мой дед встал и перекрестился. Почему-то я запомнил это навсегда... Царя Бориса все уважали, хотя он принадлежал к немецкой княжеской Кобург-Готской фамилии. Он спас всех болгарских евреев, приказав в одну ночь эвакуировать их (это тогда всем показалось ужасным!) в отдаленные и недоступные горские селения... В Болгарии дедушка Иван Николаевич числился

⁶ Царь Болгарии с 1918 по 1943 г.

убеждениям человеком. Но она выросла в законсервировано-дореволюционной среде, и в ее поведении нельзя было скрыть традиционных культурных привычек старой России, как бы вопреки ее идеологизации. В данном случае даже проявилось сильное противоречие между «установками» и унаследованной культурой. Сохранялся ли в укладе семьи российский традиционный обиход?

НДЛ-Р: Нет. Потому что мой отец и моя мать – оба выпускники английских школ, и в них не «дышала Русь», как Вы могли бы ожидать, все это было только у моего деда. Но политически все были настроены за союзников. То есть мы не отступили с немцами. И дед, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский приветствовал вторжение Со-

«безработным». У него была скрипка работы Страдивари, и он играл на ней. И в жизни его интересовали только две вещи – православие и музыка. И как ни странно, они стали причиной его приезда в Болгарию, что детально описано в моей книге.

ЕСФ: Он учил Вас музыке?

НДЛ-Р: Нет, потому что он понял, что это бессмысленно, это меня не увлекало. Я слышал, как ежедневно он играл классические произведения. Помню, играл Чайковского и напевал: «Вышел терем-тереница...» И это было главным его занятием: игра на скрипке и хождение на церковные службы. Но у кого он учился музыке, я не знаю. Он был музыкант-дилетант, как многие помещики, которые могли себе это позволить. Для меня все это – «неизвестная территория». Бабушка умерла гораздо раньше. Но он всегда жил с нами, у него всегда была своя комната. И он не был одинок.

Из игр помню прыгалки, ездил на велосипеде. Вспоминается, что у нас часто бывали гости с детьми, помню, что я играл с ними в кубики. В саду мы с ними пряталась за кустами – играли в прятки. Еще, помню, у меня был конструктор: складывающиеся металлические болты с дырками...

Среди природы я жил постоянно. Во время войны мы были в эвакуации в деревне у отца нашей кухарки. Он был деревенским кузнецом, а кроме того у него имелось большое хозяйство, т.е. был зажиточным человеком, что властями осуждалось. Ведь в те времена люди старались, чтобы хозяйство было самодостаточным. У него были виноградники, чтобы делать вино, пшеничное поле, чтобы выращивать хлеб, бахча для арбузов, дынь и огурцов. И я хорошо помню деревенскую жизнь, чувствовал себя вполне свободно, лазил на деревья и прочая. Ужинали мы всей семьей за низким столом, который назывался «паралия» или «софра», сидя на корточках или на глиняном полу. Посередине круглого стола находилась большая деревянная миска. Деревянной ложкой мы черпали похлебку из миски и заедали хлебом, выпеченным в домашней печи. А взрослые запивали ужин вином. Я пил воду. Чай после ужина не полагался.

ЕСФ: Родители разрешали Вам играть с деревенскими? Ведь позже, когда Вы вырвались из Болгарии в Европу, Ваш дедушка Василий Васильевич Вырубов, в общем, был против таких тесных контактов с другими социальными группами, насколько я поняла?

НДЛ-Р: Никакой проблемы не было. В то время стоял вопрос выживания, а не каких-то социальных ограничений. Напротив, я постоянно дружил с соседским сельским мальчиком, вместе мы ходили пасти, он – коня, я – двух ишаков. Разница культур ощущалась вовсе не в социальном обиходе. Впервые я почувствовал разницу культур, увидев турецкую махалу

*Княгиня Ирина
Васильевна Лобанова-
Ростовская. София, 1939 г.*

*Князь Дмитрий Иванович
Лобанов-Ростовский.
София, 1935 г.*

(район) в деревне, где мы жили, мечети и прибранные, чисто выметенные дворы.

ЕСФ: *Еда как ритуал сохраняла ли привычки хорошей среды, хорошего общества до Вашего ареста?*

НДЛ-Р: Абсолютно и несомненно. Уважение к пище – это не вопрос неуважения или уважения. Завтракали в восемь, обе-

дали в час и ужинали в семь. Опоздать было невозможно – неуважительно. Были скатерти, салфетки, как же иначе? Все, как полагается. У меня осталось серебряное кольцо для салфетки с выгравированной короной и гербом...

ЕСФ: *Не доест какое-то блюдо было возможно?*

НДЛ-Р: Уместный вопрос, потому что это правило не универсально. Например, в Соединенных штатах в высшем обществе принято было не доест, чтобы показать, что вы не голодны. А в полуголодной Европе неприлично было не доедать.

ЕСФ: *В дореволюционной России этот вопрос решался диаметрально противоположно в аристократическом и мещанском обществе. В первом абсолютно неприлично было не доест. Во втором необходимо было оставить что-то на тарелке... А русские блюда в семье сохранились?*

НДЛ-Р: **Нет.** Кухня была болгарской, которую я продолжаю любить. Фасолевый суп с красным перцем, «фасул-чорба». Пирог с сыром, который называется «баница», а по-гречески «плакенда». «Имам баялды» – запеченные синие баклажаны с помидорами.

ЕСФ: *А на Пасху? Русский стол?*

НДЛ-Р: Да. Полный стол. Все, что традиционно полагается, было. Помню, мы занимались раскрашиванием яиц.

ЕСФ: *Колыбельные на ночь?*

НДЛ-Р: Няня пела мне «Баюшки-баю...» А почему меня укачивали? Поскольку нужно было, чтобы я лег и тут же заснул – по эстетическим причинам, чтобы уши были не растопырены и не стали похожи на еврейские.

ЕСФ: *Кто рассказывал сказки?*

НДЛ-Р: Отец. Может быть, он был хорошим рассказчиком. Он мне и читал сказки по-русски.

Запись в дневнике Никиты Лобанова-Ростовского: «23.01.1948. После ужина папа читал нам „Капитанскую дочку”. 02.02.1948. Папа закончил чтение „Капитанской дочки”».

Если говорить о моем детском отношении к домашним, то отец для меня стоял на некоем возвышении, ощущался начальником, а мама была ближе. Дедушка был «особ статьей». Он воспринимался неким патриархом в семье. В разные периоды детства кто-то из домашних становился для меня на время важнее других. А если говорить об интенсивности моего чувства любви к домашним, и использовать условные баллы для их оценки, то, несомненно, отношение к матери – 10 из 10, к отцу 7 из 10.

Никита в шопском (болгарском) костюме. София, 1939 г.

Запись в дневнике 08.11.1950 г.: «Мне очень трудно без папы. Это был человек золото. Я пишу это не потому, что он мой отец. Это я слышал и от всех людей, которые его знали. Каждый день мне приходится обращаться к нему...»

...А к остальным – не такая безоглядная любовь, которую я испытывал к матери, безграничная, безоговорочная и безусловная, подобная любви собаки к человеку. Я испытывал к ним и несколько другие чувства – уважения, восхищения, привязанности.

ЕСФ: Что из рассказов матери о ее жизни Вам помнится?

НДЛ-Р: Очень немного. Вот вспоминаю, она рассказывала как ей было приятно учиться в школе. Британия состоит из островов, и она училась на маленьком острове на побережье Уэльса, в ее английской речи сохранялась особая певучая интонация этой местности. Об истории их любви не знаю ничего. Из рассказов почти ничего не помню. Только любовь мамы, разлитую для меня в воздухе, вне событий или прогулок или чего-то еще. По воскресеньям мы гуляли с отцом в

Папа катает Никиту на санках. Борисов сад, София, 1942 г.

парке. Он работал шесть дней в неделю, а седьмой – выходной. Он старался провести время со мной.

ЕСФ: Помните ли семейные словечки?

НДЛ-Р: Нет, к сожалению не помню. Ничего о патриархальном быте не помню. Зато помню, что всегда стремились разговаривать (и учили этому), не перемешивая языки и не употребляя иностранные слова в том языке, которым сейчас пользуешься. Русской буржуазии было присуще говорить по-русски, употребляя французские слова. У нас дома это считалось неприличным. Я бы сказал, это мещанская привычка – употреблять в речи иностранные слова.

ЕСФ: Я бы с Вами не согласилась. Например, очень многие представители русского дворянства, по крайней мере, 1-й половины XIX в., были русско-французскими билингвами, в речи легко переходили с языка на язык, проникновение в русский некоторых выражений было неизбежно.

НДЛ-Р: Я не спорю с Вами. Но это моя точка зрения.

ЕСФ: То есть Вашей среде было присуще стремление к пуризму в языке. В каком-то смысле вообразаемому.

НДЛ-Р: Это касалось не только русского языка. То же касалось и английского. Когда переходили на какой-то из привычных для семьи разговорных языков, было не принято вставлять словечки или выражения из другого языка.

ЕСФ: Дома говорили по-русски?

НДЛ-Р: По-русски. А родители между собой говорили по-английски. Оба в те времена недавно вернулись из Англии, где обучались, и английский для них был нормальным разговорным.

ЕСФ: Ваша семья относилась к англomanам, франкоманам? Кто были их сувернантки?

НДЛ-Р: Вот этого я не знаю, но думаю, что явно семья тяготела к английскому типу образования – ведь все важные годы, когда человек формируется, родители провели в английских школах.

ЕСФ: Ведь это достаточно редкое явление в России, мы знаем теперь, конечно, что с английским вариантом культурного и языкового билингвизма связана небольшая часть высшей аристократии в России Серебряного века. И тому общеизвестный пример семьи Набоковых.

НДЛ-Р: Мой дед со стороны матери, Василий Васильевич Вырубов, послал всех троих детей учиться в Англию, несмотря на то, что дед жил во Франции. Почему он так сделал, я не знаю. Но, наверное, были соображения о большей пользе английского образования. Например, для моего дяди Васи, который поступил в дальнейшем на сельскохозяйственный факультет в городе Рединге, и ему было уже приготовлено место по специальности в

Аргентине. Очевидно, дед думал, что живя по Франции, полезно знать английский. А вот причиной того, что мой дед по отцовской линии отправил учиться моего отца, было, то, что его родственница, Лобанова-Ростовская, вышла замуж за англичанина⁷, и могла присматривать за племянником.

ЕСФ: У нас в годы 1960–1970-е была бесспорная романтизация эмиграции, ее музыкального наследия – романсов. Но когда общение того и этого мира стало возможно, я с удивлением узнала, что вовсе не все представители эмиграции знали этот репертуар. А Вы?

НДЛ-Р: Я жил в среде, которая уехала из РСФСР. Цвет русской культуры находился за его пределами, 90 процентов русской интеллигенции уехало из страны. Так что оставшаяся в СССР интеллигенция была по преимуществу еврейской. Я жил в своей среде и не знал другой. Мы были знакомы с цыганской семьей Димитриевичей⁸. У моего деда со стороны матери, В.В. Вырубова, было достаточно средств, чтобы после Второй мировой войны порой приглашать их к себе в деревню под Парижем. Алеша и его сестра Валя пели нам вечерами. А потом, в зрелые годы, Алеша переехал в Аргентину, где пел моему дяде Васе Вырубову. В то время я занимался в Аргентине бурением нефти, а в период отпусков жил у дяди, у которого встречался с Алешей. Увы, он стал наркоманом и пел слабовато. Так что не только знаком с этой музыкой, но и с исполнителями. Юл Бриннер⁹ был другом дяди Николая Вырубова, брата моей матери. Юл играл на гитаре в «кабаке Денисова», а дядя был вышибалой. Денисов – друг моего деда, русский купец, бежавший из РСФСР и вложивший все свои деньги в спортивную ловлю семги в Швеции. Он купил полкилометра берега реки, оснащенного первоклассной установкой для ловли семги «на мушку», и это ему приносило очень большой доход. Поляков¹⁰, брат художника, играл на гитаре в кабаке «Шехерезада». Весь городской русский фольклор был в разгаре, когда я попал в Париж после войны. А вот Вертинского услышать не удалось, только на пластинках, поскольку он вернулся после войны в Советский Союз раньше, чем я попал во Францию. А сейчас – через полвека – меня, пожалуй, мог бы раздражать декадентской вычурностью «лиловый негр Вам подает мантию». Впрочем, дол-

⁷ Ольга Николаевна Эджертона, урожд. Лобанова-Ростовская (1863–1947) вышла замуж за сэра Эдвина Эджертона. С 1895 по 1921 г. жила в Англии. Основала модный дом «Поль Каре» (с 1921 г. в Париже), куда приглашала на работу только русских, например, моделями работали княжны Нина и Саломия (Мия) Оболенские.

⁸ Известный ресторанный певец и музыкант Алеша Димитриевич (1913–1986) часто выступал вместе с членами своей семьи: матерью, тремя братьями и двумя сестрами.

⁹ Алеша Димитриевич дружил с Юлом Бриннером (Юлий Борисович Бринер (1920–1985) – известный американский актер русского происхождения), который выступал вместе с ним в ресторанах, записал пластинку и даже, вопреки реальности, публично заявлял, что цыгане в его роду.

¹⁰ Владимир Георгиевич Поляков (Volodia Poliakov, 1887–1985) – певец и гитарист, исполнитель русских и цыганских песен и романсов; муж певицы Вали Димитриевич (Валентина Ивановна Димитриевич, 1905–1983). В 1979 художник Михаил Шемякин финансировал запись его пластинки «Цыганские песни из России», известной сейчас среди любителей под названием «Что так грустно, взять гитару...». Брат Серж Поляков, сначала тоже исполнитель романсов, стал в эмиграции известным художником-абстракционистом.

жен сказать, я заметил, что в Сан-Франциско встречается именно такой, липовый оттенок у темнокожих.

ЕСФ: И даже такой шедевр, как «Прощальный ужин», который и сейчас в России популярен, Вас не трогает.

НДЛ-Р: Да, шедевр, но несколько слащавый «акцент» этого произведения сейчас мне уже кажется старомодным. Но я ведь не читатель, не писатель, я деятель.

«Самое трудное – первые сорок дней, когда вы еще живете в другом мире...»

Как я сам попал в тюремную камеру, помню очень ясно. Нашу семью, разделив по двум военным машинам, везли два дня из Родоп в Софию. По дороге встретилась засада, и у нас создалось впечатление, что это партизаны, которые нас освободили и, как казалось, прилагали усилия, чтобы расстрелять сопровождавших нас в Софию. Я помню как наивно, подружившись с водителем, разговаривал с матерью: «Давай заступимся за водителя, возьмем его во Францию, и он будет водителем у деда». Но «засада» оказалось ловушкой и обманом, подстроенным чекистами. «Партизаны» во время привалов и «передышек» как будто «дружески» допрашивали отца, на чем мы и попались.

Другое воспоминание: жизнь в военной тюрьме в Софии, которая представляла собой, как и подобные учреждения того времени в Москве и Ленинграде, просто обычное здание, но из которого арестантам ничего не могло быть видно, и в котором ничего не видно. Мне было 11 лет. В день давали один кусок хлеба. От недостатка питания я заболел, меня перевели в центральную тюрьму для уголовников. Я четко помню, как меня с сопровождавшими людьми через широкую дверь ввели в камеру. Когда в Болгарии началась перестройка, многое стало возможным, советская телевизионная кампания устроила так, чтобы я посетил эту камеру, и проводила съемки. Войдя, я сказал директору тюрьмы: Знаете, как странно, вот здесь была дверь когда-то! – Да, ответил он, Вы правы, ее заложили. И таким путем он получил подтверждение, что я сидел в этой тюрьме, а не какой-нибудь «подставной агент». Для меня эта тюрьма казалась «раем», поскольку здесь поутру давали липовый чай. С отцом и матерью меня разлучили сразу. Они остались в военной тюрьме. И я был один в камере. То есть был заключен в камеру-одиночку.

А вот сокамерники у меня появились в пересыльной тюрьме, когда меня переводили по этапу. Мне вспоминается один колоритный цыган, которого называли «авантата» (наверное, слово итальянского корня, обозначающе-

го «выгоду»)¹¹, т.е. «авантюрист, мошенник», который из всего извлекает себе прибыль. Он был к тому же оппозиционером. Это было летом, и он ходил без рубашки, но в зеленом галстуке на голое тело, означавшем принадлежность к земледельческой, сельскохозяйственной партии – часть оппозиционного фронта (но все-таки это были не коммунисты). Он работал на Галошной фабрике. Тогда галоши в Болгарии были новой обувью и считались самой элегантной – люди повсюду ходили в галошах. Он придумал такой хитроумный способ: каждый день, уходя с фабрики, надевал две пары галош, одну на другую, и таким образом выносил с фабрики, в конце концов, попался...

Мне встречались в камере и уголовники, которые учили некоторым уловкам. Вот одна из них. Берем сигарету, не папиросу, и тщательно высыпаем из нее табак, затем сворачиваем долларовую банкноту и засовываем в оставшуюся пустой сигаретную трубочку. А сверху на оставшиеся полтора миллиметра вновь заталкиваем табачок. Делаем столько сигарет, сколько нужно провезти денег. А при любом досмотре можно вынуть из пачки и закурить, не вызывая подозрений...

Ужасное и морально отягощающее обстоятельство для каждого человека, который сидит в тюрьме без уведомления о причинах задержания и без приговора – это то, что вы не знаете, за что сидите, это, во-первых, а во-вторых, не знаете, сколько времени вам еще сидеть. Мы были незаконно похищены на греческой территории, официально властям было трудно предъявить нам обвинение. И вот мы находились в заключении в полной неизвестности.

Самое трудное – первые 40 дней, когда вы еще живете в другом мире. Постепенно вы переходите в другой мир, и много из внешнего мира становится безразличным, вы начинаете много спать, или находиться в полудреме, не менее 12 часов в день. Время от времени меня вызывали на допросы, но им нечего было меня спросить, я явно был им неинтересен. И я бы ничего не смог сообщить, поскольку ничего не знал. Не знал даже, что мы собираемся бежать, а думал, что отправляемся на прогулку. И только когда начался наш путь, отец сообщил мне, что мы бежим...

Я не спрашивал о родителях. Бесплезно спрашивать у хамов. Был только один следователь, который, наверное, «подстраховывал» себя на случай перемены режима. Вот он принес мне две книжки, и я тогда открыл для себя двух писателей – Карла Майя и Майн Рида¹². Надо сказать, что в камере никогда не тушился свет, всегда горела лампочка.

¹¹ Например, *avventuriero (итал.)* – авантюрист, ср. *лат. aventura* – происшествие, *advena* – пришелец, чужеземец.

¹² *Карл Фридрих Май (1842–1812)* – немецкий писатель, автор приключенческих романов, в частности повествующих о путешествиях по Америке. *Томас Майн Рид (1818–1883)* – шотландец, уехавший в Америку в поисках приключений. Америка стала местом действия его романов. Майн Рид был с дореволюционных времен (первый перевод в 1861 г.) и остается популярным писателем для юношества в России.

Быт в военной тюрьме был таким: в камере находились нары, тюфяки набиты сеном. Не было ни рукомыльника, ни отхожего места. Когда заключенные стучались, чтобы их вывели в туалет, им не всегда открывали. В этих случаях приходилось пользоваться личной миской, которая была у каждого заключенного, позже ее приходилось опорожнять только тогда, когда заключенных приводили в туалет. В эту же миску раз в день наливали похлебку...

Вначале было такое ощущение, что нас преправят в Советский Союз. Но этого не произошло. Почему – не знаю. Может быть, потому, что отец был не советским гражданином, а болгарским. В тюрьме я пробыл год.

ЕСФ: Вас миновало такое понятие, как «детдом для детей врагов народа», или в Болгарии до такого не додумались?

НДЛ-Р: Меня выпустили из тюрьмы только после того, как нашли, к кому меня направить. До этого планомерно обошли всех наших знакомых и спрашивали, не возьмут ли меня? Но все отказывались. Согласилась одна только няня. И тогда фельдфебель пешком довел меня от тюрьмы до дома няни. Меня взяла няня, Елена Ивановна Иванюк, ибо она не боялась репрессий, находясь на самой низкой ступени социальной лестницы – работала посудомойкой в Русском клубе, а ее супруг, Николай Миронович Иванюк, бывший офицер Белой армии, был агрономом. В Болгарии в те времена по закону все должны были работать, статуса «не работающего» по какой-то причине не существовало, и они работали. Но дело не в том, что няне некуда было «спускаться» по социальной лестнице. Семья рисковала своей жизнью и жизнью своих детей. За то, что приютили меня, их могли и в тюрьму посадить.

В тюрьме мне снились какие-то сны. Но, к сожалению, тогда, как и сегодня, я их не помню. Однако два дня тому назад мне приснился сон, который я хорошо запомнил. Этот, один и тот же, сон мне снится не реже, чем раз в год. Как будто два «неблагонадежных» элемента ворвались в спальню, и я помню это ощущение сна, как они трясут меня в постели. Хотя в нашем доме все заперто на ночь, даже дверь в спальню. Я предполагаю, что это последствие той травмы, которая осталась на всю жизнь. Время от времени у меня может возникнуть ощущение, что кто-то сейчас постучит в дверь и скажет: «Давай, собирайся с вещами...» Два года тому назад я был у знахаря, который положил мне руки на плечи и постоял так за спиной минуты три-четыре. Затем он сказал, что чувствует у меня за плечами огромное количество злобы, которую не может снять, потому что «у Вас ее слишком много».

За время заключения вся моя одежда протерлась. Когда я сидел в пересыльной тюрьме, которая раньше была турецким караван-сараем (сегодня

на его месте «Полицейский участок № 5» в центре Софии), где комнаты были как камеры, – там меня водили чистить картошку и лук. В мешке из-под картошки я прорезал три дырки, посередине – для головы, а по бокам – для рук, и сделал, таким образом, себе одеяние. Именно в таком виде меня и встретил мой друг Володя Макаров¹³, потому что я сидел перед дверью и чистил картошку. А его арестовали и ввели в камеру. Мы посмотрели друг на друга молча, и ни один из нас ничего не сказал. Позже оказалось, что Володю выпустили раньше нас, и именно от него люди в Софии узнали, что мы арестованы.

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, проходящий обязательную военную службу (крайний справа). София, 1938 г.

А вот в Париже дед Василий Васильевич Вырубов сразу понял это. Ведь на границе за нами должен был прийти грек-проводник, чтобы заменить болгарского проводника – он не пришел. А затем грек должен был отправиться к деду и получить свою часть платы за наше спасение, предъявив половину полученной от нас банкноты, которая бы совпала с половинкой, оставшейся у деда – таков был условный знак, что мы переправились. Он не появился. Виновником неудачи нашего побега был американский посредник, полковник Барнс¹⁴.

Так случилось в жизни, что мы были очень хорошими знакомыми с бывшим заместителем главы ЦРУ Джеймсом Эндрюсом (James Andrews). Моя супруга Нина долгие годы дружила с его семьей в Вашингтоне. Он, надо сказать, рано ушел в отставку, будучи состоятельным человеком, и больше интересовался птицами и белками, чем политикой... Когда я с ним посоветовался, стоит ли пытаться что-то предпринять против Барнса, он ответил отрицательно. И мне было страшно обидно, но он был прав, потому что тот был частью «лавки», «конторы», и это повредило бы мне в получении американского гражданства...

А встреча с дедом Иваном Николаевичем Лобановым-Ростовским была мучительной. Я не знал, где его сын. Дедушка был очень мужественен, скрывал свое состояние, ведь он был очень религиозен. Но я ощущал, без

¹³ Владимир Юрьевич Макаров – друг Лобановых-Ростовских в Болгарии. Позже переехал во Францию.

¹⁴ Мейнард Барнс – полковник, член Американской миссии, затем посол США в Болгарии, получив большую часть денег как посредник, организующий «греческую часть» побега Лобановых-Ростовских, предал их, не прислав обещанного проводника.

Никита – школьник. София, 1949 г.

всяких слов об этом, какой болью для него это было. И это впечатление осталось со мной навсегда – видеть человека, который не знает участи сего сына. И меня не оставляло чувство неудобства перед ним, что я вышел, а его сын – нет.

Маму освободили позже. А потом отца. И его больше не арестовывали. Он просто исчез среди белого дня. Его похитили. Он пошел за молоком и не вернулся. И у нас есть юридический документ о его исчезновении. Поскольку в те времена безвозвратно исчезало так много людей, что Болгарии надо было как-то юридически «выкручиваться» из этой ситуации. Мы пытались искать по полицейским участкам и по тюрьмам. Искать было бессмысленно. Ужасны были эти времена «диктатуры пролетариата». Да и любая диктатура ужасна, я не желаю ее никакому народу.

Брата моего отца, Николая Ивановича Лобанова-Ростовского отправили в лагерь, постоянно били, уменьшали паек: дядя отказывался работать, говоря, что он князь. Выйдя из лагеря, 20 лет он работал в «Aliance Francaise», государственном институте Франции. И заслужил, таким образом, французский паспорт. Переехал во Францию, пытался жить со своим братом Яковом, но не ужился. Его так били в лагере, что он стал больным человеком. И тогда я пристроил его в Иер, в санаторий для пожилых людей, выполнявший функции и больницы. Это прекрасный город на юге Франции, чудное место, сто лет назад город был курортом, подобным Ницце, но море отошло, и он перестал быть так популярен. Вскоре и в Иере дядя заскучал. Поскольку там не менялись сезоны, как в Болгарии, а вечно тепло. И я перевел его в горы, где была настоящая зима. Там для него не было достаточно медицинского ухода, мне пришлось через несколько лет перевести его обратно. Он умер оттого, что просто тело его распалось...

Вспоминаю, что среди знакомых был граф Николай Николаевич Игнатъев, племянник того «советского графа и военачальника» Алексея Алексеевича Игнатъева, написавшего «Пятьдесят лет в строю»¹⁵. Мы с ним постоянно, несколько раз в неделю, видались в Софии. Он многое

¹⁵ *Граф Николай Игнатъев* – участник Второй мировой войны, племянник широко известного А.А. Игнатъева (1877–1954) дипломата, вернувшегося в СССР, занимавшегося внешней разведкой и написавшего книги «Пятьдесят лет в строю» и вышедшую после его смерти, в 1990-е годы «Кулинарные секреты кавалергарда генерала графа А.А. Игнатъева, или Беседы повара с приспешником».

рассказывал мне интересного, в том числе и о Франции. Николай Николаевич был явно жертвой своего, может быть, неуместного идеализма. Во время войны он потерял ногу. И понял, что как спортивному журналисту ему будет трудно. А он работал в самой большой французской спортивной ежедневной газете «L'Équipe». На первой Парижской Мирной конференции после войны от Болгарии присутствовал председатель аграрной партии, вместе с дочерью-переводчицей, с которой и сошелся Игнатьев. А затем он познакомился с Вышинским, и тот предложил ему работу у себя в качестве секретаря, но рекомендовал вначале пожить в Болгарии несколько лет, привыкнуть, прижиться, поскольку образ жизни в СССР очень отличается от того, к чему Игнатьев привык. Он поверил, согласился, взял советский паспорт, но больше его из Болгарии не выпускали. Позже я читал материалы доносов сыщика, который стоял под окнами их квартиры, там говорилось, что «в доме говорят на иностранных языках». Вот за это его и арестовали...

С разными оккупационными частями, стоявшими в Болгарии, у меня связано несколько забавных «культурологических наблюдений». Однажды я играл в хоккей на льду. Это происходило на маленьком пруду у входа в большой парк, носивший имя царя Бориса. Вдоль всего спуска к воде шел гранитный бордюр. Как-то, ради забавы, один советский солдат по этому склону въехал на лед на «Виллисе». И целый час пытался выехать обратно и не смог. Мешал крутой берег. Он был пьян. Мы хохотали. А пили советские солдаты одеколон, они ходили по всем магазинам и скупали его, наверное, это было дешевле. Из американских солдат я впервые увидел филиппинца и негра. Это был культурный шок: при чем тут американец и негр? Помню полковника Нурка – латыша. Это первое впечатление многогранности американской армии.

ЕСФ: *Считались ли вы в Болгарии «врагами народа», «детьми врага народа», как это было в то время в СССР?*

НДЛ-Р: Да, именно так мы и назывались. И это влекло за собой отсутствие у нас талонов на питание.

В моем детстве у нас был дефицит обуви. Православные крестьяне ходили в обуви из свиной кожи (по-болгарски – «цървули» или «опинци»), продырявленной крест-накрест и прошнурованной. Турки носили такую же обувь, но из коровьей кожи. А когда я вырос из ботинок, то от них отрезали носы, и я ходил в них как в сандалиях, даже зимой по морозу, было очень холодно.

После тюрьмы я собирал по улицам окурки, чтобы выпотрошить остатки табака и продать цыганам. Подростками на вокзале мы воровали арбузы. София окружена горами. А вокзал находится в долине. Нагруженные

вагоны, отправляясь в путь, едут вверх с некоторым трудом, с медленной скоростью, примерно, пять километров в час. Мы рассеивались на протяжении полукилометра. А кто-то из нас, например, я, вскарабкивался на вагон и лежа, ногами, толкал арбузы вниз, где их подбирали мои товарищи. Бывали и другие фрукты, черешня, например, которыми мы объедались, и даже тошнило от «пережора». И это относится к приятным воспоминаниям. Мы ходили это делать с большим удовольствием. И не было чувства стыда. А вот за трамвай заплатить тогда считалось стыдным. Поскольку все мы были под впечатлением одного французского фильма с Фернанделем, где герой ни за что не платит. И тогда воцарилась среди нас мода – не платить. И мы ехали сзади, держась за металлический бампер, или на ступеньках, но заплатить было унизительно...

Отрочество. Школьные годы

ЕСФ: Какова история Ваших школьных лет?

НДЛ-Р: Вначале, в пять лет, я поступил в русскую школу, но пробыв в ней дня три, сбежал. Там были только эмигранты. А мне было там скучно. Потом я попал в немецкую школу, Deutsheshule. В те времена там была организация Hitlerjugend, помню зеленые фуражки. Затем, по окончании войны, перешел во французскую школу, где были и дети эмигрантов, и болгары. Когда наступила «диктатура пролетариата» французов выгнали, и так я попал в болгарскую школу.

После возвращения из тюрьмы я учился в болгарской школе, и стал пионером, носил красный галстук. Были даже намерения принять меня в комсомол. Хотя, бесспорно, я кому-то казался неблагонадежным, в комсомол меня приняли. Однако я вызывал и некое уважение тем, что был усердным учеником и чемпионом по плаванию. Конечно, при этом мы, мальчишки, были хулиганье, в классе – тридцать человек, дети из разных социальных групп. Ребята из крестьян тоже считались тогда неблагонадежными.

Никита – чемпион Болгарии (юноши) на 100 и 200 м брассом (крайний справа), 1951 г.

ЕСФ: Вы шалили в школе?

НДЛ-Р: Нет. Я никогда умышленно не прогуливал школу, по-

тому что мы все (дети наших знакомых из эмигрантского круга) ходили в школу с удовольствием, сознавали, что получаем знания даром. У нас часто складывались дружеские отношения с преподавателями, и даже после уроков мы часто стремились «выкачивать» из них еще какие-то знания. Мне посчастливилось учиться с теми людьми, которые рано осознали необходимость накопления знаний... Помню, в те времена в школе могли происходить и настоящие вражеские выпады. Мы учились в две смены, утром и вечером. Как-то раз, в послеобеденную смену, часам к четырем, когда стемнело и зажглось электричество, кто-то прорвал проводку, а в наступившей темноте секретарь комсомола получил ранение в плечо. Наверное, это действовали крестьяне, жившие у подножия гор.

Никита. Бассейн Мария Луиза в парке «Царь Борис». София, 1950 г.

Запись в дневнике 04.09.1951 г.: *«Читаю русскую литературу, так как мы в этот год изучаем ее в школе. Но не забываю читать по-французски. Очень жаль, что не могу свободно читать по-английски. Язык – самое большое богатство для человека».*

ЕСФ: *Какие любимые предметы в школе?*

НДЛ-Р: Физика, химия, астрономия и геология. А литературу и историю я как-то считал не предметами, но удовольствием. Эти предметы не приходилось зубрить – раз прочитал и все. У нас была особая «технология» – мы заранее покупали и читали учебники следующего года, там те же темы передавались более глубоко, а мы стремились скорее «набраться больше сведений». В те годы я пережил увлечение приключенческими романами, о которых я уже говорил и которые прочитал на русском. Русских детских книг я просто не помню. Гораздо позже, когда я был подростком лет 14–15, я читал Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Русскую классику мы изучали в болгарской школе, равно как и всю мировую классику.

Запись в дневнике 10.11.1950 г.: *«Читаю Эренбурга. Думаю, что для него я очень молод». (Мне было 15 лет.)*

ЕСФ: *Вы осознавали, что Тургенев – Ваш предок?*

НДЛ-Р: Нет, абсолютно. Я вообще не интересовался историей семьи, только лет десять назад, по воле обстоятельств, стал как-то входить в эту тему. «Записки охотника» Тургенева я знал хорошо потому, что это было близко мне по тематике, поскольку я ходил на охоту, знал, как это все происходит.

ЕСФ: А Чехова Вы любите?

НДЛ-Р: Уф, конечно. И еще Гоголя. Как мы все упивались, читая Гоголя. Помню, как обычно сидел на корточках на веранде и читал «Вечера на хуторе близ Диканьки». Читал про себя, очень медленно, стараясь схватить суть. Ведь я дислексик, читаю медленно, зато читаю только один раз – и все помню. В том числе и учебник. Но, в общем, я учился не читая. Вопреки правилу, что ученики высокого роста должны сидеть на последней парте, я до начала урока выскакивал и садился на первую парту. И если что-то не понимал, даже прерывал учителя вопросом: А что это значит? Я четко знаю, что учился во время уроков. В связи с этим вспоминаю, что к моей матери однажды пришла учительница, преподававшая «марксизм-ленинизм» и «Историю ВКП(б)», и сказала: «Я замечаю, что Ваш сын очень внимателен. Он приходит и сидит на первой парте, хотя должен сидеть на последней. Он внимательно слушает, но я смотрю в его глаза, и мне кажется, что он надо мной подсмеивается».

ЕСФ: Местной болгарской литературе отдавалось в школе некое приоритетное место?

НДЛ-Р: Болгарская литература была очень скромной. Десяток книг и все. Она стояла на своем месте.

ЕСФ: Мы знаем и другие случаи: реально большой литературы нет, но ее в целях идеологических преувеличивают.

НДЛ-Р: Болгарскую литературу не «выпячивали». Просто тогда еще не додумались до этого, руки не дошли. Были заняты уничтожением людей.

ЕСФ: У Вас, по сути дела, получилось советское детство?

НДЛ-Р: Советское отрочество, скорее.

ЕСФ: А в семье культура была иной. Вы ощущали этот разрыв?

НДЛ-Р: Чувствовал. Впрочем, как и все жители СССР, жили и живут так до сих пор¹⁶. По одному живут дома, а по-другому внешне, т.е. «врут на фасад».

ЕСФ: У Вас это как выразалось?

НДЛ-Р: Да. И я был вовлечен в этот круг. Вот это и почувствовала та учительница, о которой упоминал.

ЕСФ: Были ли у Вас друзья в школе?

Слева направо: Платон Чумаченко, Свет Петрусенко, Никита Лобанов. София, 2015 г.

¹⁶ См.: Нормер В.Ф. О карнавализации как генезисе двойного сознания // Вопросы философии, 1991, № 1. С. 166–186.

НДЛ-Р: Да, шесть человек. Мы почти все были геологами – увлекались геологией. Повзрослев, один, Платон Чумаченко, стал профессором палеонтологии, другой, Свет Петрусенко – минерологом, Христо Пулиев – геохимиком, Свет Докучаев – геологом, пятый, Иордан Иванов – певцом, а Любомир Левчев – выдающимся писателем. Были и друзья не по школьным занятиям, а по плаванию – мы ходили в бассейн и любили этот вид спорта. В 14 лет мой друг, ставший позже певцом, серьезно интересовался оперой, и мы с ним, по крайней мере, два раза в неделю ходили в Оперу. Надо сказать, что тогда в Болгарии билеты в театр и Оперу стоили столько же, сколько и билеты в кинематограф, потому что считалось, что это «культура для пролетариата», и она должна быть материально доступной. Мы этим и пользовались, ходя на все премьеры постановок и на концерты. В эти годы я уже знал весь классический репертуар.

Запись в дневнике 8.03.1949 г.: «Вчера вечером был на фильме "Паганини". В четверг пойду со Светланой на "Севильского цирюльника", а затем на "Травиату"».

ЕСФ: Почему Вы выбрали геологию?

НДЛ-Р: С раннего детского возраста, я начал собирать – почтовые марки, потом монеты. С десяти лет, когда я увидел коллекцию минералов у соседа Света Петрусенко, увлекся собиранием минералов. Быть в нашем кружке в Софии означало ходить в горы и искать. София является дном высохшего огромного озера и окружена горами. В те времена деревья на горах были вырублены. И горы в большой степени были голыми. Позже, при коммунистическом режиме, нас отправляли каждую субботу в горы сажать по 30 елок. И теперь, если взглянуть на них с дальнего расстояния, они все покрыты зеленой растительностью. Но какое значение отсутствие озеленения имело тогда? На открытой поверхности гор видны были каменоломни, где когда-то вытесывался сиенит для дорог. Чтобы разрабатывать сиенит, его взрывали. Есть виды не чистого сиенита, а содержащего примеси, который называется пегматитовыми жилами. А в них-то и содержатся кристаллы. И каждый конец недели мы отправлялись искать их и добывать. Это очень большое увлечение моего детства. Я их любил с точки зрения красоты, с точки зрения эстетической. Когда нащупываешь взглядом ложбинку, где предполагаешь, могут быть кристаллы, и разбиваешь ее молотком – вдруг взгляду открывается блеск аметистов, турмалинов! Для нас это было изумительным эмоциональным переживанием.

ЕСФ: Сродни набокковскому собиранию бабочек?

НДЛ-Р: Может быть, но я полагаю, что у него оно было более систематичным и более обширным по количеству собранных экземпляров. Мы же

набирали за раз штук двадцать минералов. Несли их домой. Потом обменивались друг с другом. Раз я нашел очень большой кристалл кварца. И это со всех точек зрения было знаменательным событием – найти столь редкий по красоте и величине кристалл. Спустя некоторое время оказалось – даже сохранилась об этом запись в моем дневнике того времени – что в семье совершенно нет денег и уже нечего продать. И мне пришлось пойти в магазин и продать этот большой кристалл. Конечно, я его «оплакивал», но так сделал.

Запись в дневнике 16.05.1951 г.: «Мы остались совсем без денег, и мне придется продать свои камни. Сегодня продал свой самый большой кварцевый кристалл (42/35 см.) за 1500 левов. С этими деньгами надо будет жить до конца недели».

ЕСФ: Набоков как писатель Вас интересовал?

НДЛ-Р: Увы, я его мало знаю. Нет причин, отчего. Хотя я знал его родного брата в Нью-Йорке.

ЕСФ: Когда стало возможным познакомиться с Роменом Гари, русский читатель в него влюбился безмерно, его сравнивали с Гайто Газдановым, Набоковым, хотя он, как известно, по-русски не писал. Популярен ли он так же в Европе?

НДЛ-Р: Ромен Гари очень интересен как политическая личность и как писатель. Он был очень популярен при жизни во Франции, и сейчас его читают, главным образом, те книги, которые вышли не под его именем, а под псевдонимами, т.е. те, которые он писал для денег. Вряд ли в Англии о нем что-либо знают. Вообще, эти две страны, Франция и Англия, редко переводят произведения друг друга. Ромен Гари имел на меня огромное жизненное, практическое влияние. Когда в 1960–1961 гг. я работал геологоразведчиком на разработках месторождений нефти в полупустыне Патагонии в Аргентине, мне мой дядя Арсеньев¹⁷ послал книгу, посвященную матери Ромена Гари, «Обещание перед рассветом», чей образ оставил во мне особое впечатление. Она была образованным и одухотворенным человеком и одновременно владела умением выживать. Именно эта ее черта дала мне направление, как искать себе спутницу жизни. Я не искал супругу, я искал спутницу, соратницу, с которой смог бы разделять и трудности, и радости. И если бы меня расстреляли, а были бы дети, то она, подобно матери Ромена Гари, смогла бы, проявив те же качества, выжить и отстоять то, чем обладала. Вот это событие своей внутренней жизни начала 1960-х я помню конкретно. Отчасти поэтому я выбрал своей супругой Нину¹⁸.

¹⁷ Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) – философ, историк культуры, поэт.

¹⁸ Нина Лобанова-Ростовская, урожд. Жорж-Пико – первая супруга Н.Д. Лобанова-Ростовского.

А спасал нас Ромен Гари раньше, в сентябре 1953 г. Нам страшно повезло. Он взял риск на себя позвонить коменданту Французской зоны оккупированной Вены, разделенной на четыре оккупационные зоны, и попросить задержать локомотивы, купленные Болгарией. Ведь Николай Васильевич Вырубов и Ромен Гари провели всю войну вместе, в Добровольческой армии генерала Де Голля. Но я не знаю, насколько дядя Коля повлиял на Гари в этом его решении...

Когда же я увидел его впервые в Болгарии, он произвел на меня странное впечатление. Ведь во Французском посольстве в Софии он был по важности фигура № 2 после самого посла Жака Париса, но внешне ничем не напоминал дипломата. Он ходил в военной форме без погон и когда встречал представителей местной власти, отвечал им тем же жестом приветствия, что и они, но в пародийной форме. Дело в том, что болгарские коммунисты, встречая друг друга, поднимали кулак вверх, тыльной стороной ладони назад. А Ромен Гари тоже поднимал кулак вверх, но зеркально, костяшками сжатых пальцев вперед. То есть отчасти получалось так, что он махал им кулаком. Но как будто «в рамках традиционного приветствия». Он отдавал себе отчет, что его «крыша» – сам де Голль, он – герой войны, и позволял себе делать все, что хотел. После войны де Голль вообще переформировал Министерство иностранных дел Франции, вышвырнул оттуда тех, кого считал неподходящими, и поставил на все посты тех, с кем воевал, на кого мог положиться. Тогда я даже не знал, что он писатель, воспринимал его только как дипломата, чиновника. И я общался с ним только по делу.

ЕСФ: *Помните ли первую любовь?*

НДЛ-Р: Это было изумительно и осталось во мне на всю жизнь. Мне было семнадцать лет. Лили Асенова была стажеркой-преподавательницей. Когда я закончил в 1952 г. предпоследний год в школе, летом меня отправили на тренировки по плаванию на Черное море в Варну, уроженкой которой была Лили. И мы подружились, когда по случайности оказались в одном купе поезда. Я предполагаю, что мое притяжение к ней было основано на феромонах, которые у нас совпадали, иначе

*Никита и Лили Асенова.
Варна, 1952 г.*

столь сокрушительную силу влечения объяснить себе не могу. Мы встречались два или три раза в неделю. Я открыл для себя секс... и перестал быть чемпионом Болгарии по плаванию, потому что занимался им столь же усердно, как и предавался плаванию. А сразу обе эти стороны жизни, в равной степени интенсивности, несовместимы. Для того чтобы быть чемпионом в спорте, интеллектуальным и физическим, нужно воздержание и целеустремленность. Нужно в какой-то мере «отупеть» для всего другого и не думать ни о чем другом. Как только вы становитесь «вольнодумцем», можете забыть о том, чтобы стать чемпионом в спорте. Я продолжал тренироваться, но уже не с прежним эффектом...

Запись в дневнике 17.05.1951 г.: «У нас, как всегда, денег нет, и мы голодаем. У меня очень мало времени. Так как много читаю. Кончил 4 тома У. Черчилля и начал «От Гитлера до Сталина» одного французского министра».

Другой мир

Я прекрасно помню, что для меня явилось первым ощущением свободного мира. Мы приехали в Белград поездом Orient-express в 10 часов вечера. На перроне мальчишки кричат: «Кока-кола, оранжата». Вот это было символом запретной территории, символом того, что мы вывралась! Потому что кока-колу на советское пространство не допускали, только пепси-колу, ибо один из крупных производителей кока-колы, хан (князь) Макинский¹⁹, был агентом ЦРУ, что я узнал потом из газеты «Нью-Йорк Таймс», а Советский Союз знал об этом, вероятно, раньше меня. Кстати, для пепси-колы придумали бартерную сделку, очень выгодную обеим сторонам: пепси в Союз, а из Советского Союза в обратную сторону шла русская водка...

ЕСФ: Когда Вы очутились в Оксфорде, пришлось ли Вам себя как-то «переламывать», приспособливать?»

НДЛ-Р: Я очень ясно помню, как в первую неделю после приезда встал у окна в комнате моей крестной и увидел проезжающий грузовик. В первую секунду возникло недоумение: а где же красная звезда и номер сзади? Потому что у каждого грузовика в Болгарии сзади была красная звезда и свой номер. Мне потребовалось время, чтобы психологически переехать в другой мир, столь серьезен был отпечаток прежних реалий.

ЕСФ: А как приняли Вас товарищи по университету?»

¹⁹ Александр Павлович Макинский (1900/2–1988) – хан (князь) из иранской семьи, родственной иранским шахам, и находившейся на русской службе; учился в Училище правоведения; в эмиграции вице-президент компании «Кока-Кола».

НДЛ-Р: Очень радушно, потому что я сразу вошел в круг аристократов, друзей моей крестной²⁰. Я никогда не почувствовал никакого пренебрежения.

ЕСФ: На уровне привычек, быта, того, что «ранит» или просто задевает при разнице культур, ничего не казалось трудно преодолимым?

НДЛ-Р: Ничего.

ЕСФ: То есть мир «русских европейцев» когда-то был единым пространством жизни со всей Европой?

НДЛ-Р: Да. Нужен был только язык. И смекалка.

ЕСФ: Где Вам проще находиться и общаться сегодня?

НДЛ-Р: Мне проще повсюду.

Некоторую неуютность в России я чувствую потому, что часто законодательство до сих пор является рычагом власти, а не охраной жителя. И в ближайшие тридцать лет это следует с трудом преодолевать.

ЕСФ: Какая культура Вам самая родная, или Вы культурная билингва, или даже Вы себя воспринимаете мультикультурным?

НДЛ-Р: Нужно уточнить, в каком контексте мы понимаем культуру. Если говорить в самом общем смысле, то я знаком с несколькими культурами, может быть, поверхностно. Но преклоняюсь я перед необычайным явлением, я бы сказал, *событием* в жизни человечества – русской культурой конца XIX – начала XX в. Такого нигде в мире не было, и нет!

ЕСФ: То есть Вы считаете это российским Возрождением, которое пришло в те времена, когда все европейские Возрождения давно миновали?

Да, это было своего рода Возрождением, но важно, что каким-то образом оно было подготовлено генетически и возбуждено в разных областях *одновременно*. Не было области, отрасли, в которой бы ни совершился этот взрыв в тот короткий период. Франция, например, имеет своих могучих композиторов, литературу, но такого яркого периода цветения культуры сразу во всех ее видах я не знаю, хотя четко осознаю высокий уровень и уникальность тех культур, с которым в жизни соприкасался. Особо восхищает меня и XIV век – время Рублева, и несмотря на то, что

*Н.В. Вырубов у себя в кабинете на даче, деревня Форж близ Фонтенбло, 2003 г.
Фото лорда Дерри Мора*

²⁰ Катерина Ридлей (Katherine Ridley) (1912–1976) – внучка последнего царского посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа (1843–1916).

этот культурный расцвет состоялся на 200 лет позже Византии, но это универсальный гений человечества... Возвращаясь к Серебряному веку, должен отметить, что для меня важны и общественные преобразования того времени, и законодательно-правовые, и промышленные, и архитектурно-строительные, транспортные и так далее, все абсолютно. Гениальные люди жили в то время!

ЕСФ: *А как явление стиля Серебряный век меньше Вас увлекает?*

НДЛ-Р: Я никогда бы для удовольствия не сел бы читать символистов. Скука. А живопись символистов так же интеллектуально интересна для меня, как и авангард. Они имеют свои несомненные достоинства. А вот если это выразить денежно, то окажется, что авангард явно дороже символистов, в десятки раз. Малевич продается, скажем, за 40 миллионов долларов, а Калмаков²¹ – за миллион.

Собирательство и впечатления бытия

ЕСФ: *Когда Вы влюбились в живопись Серебряного века?*

НДЛ-Р: Я в живопись вряд ли влюбился. Я столкнулся с ней случайно. Дело в том, что в Софии не было музея живописи. Я никогда не видел живописи как таковой. Впервые я попал на Дягилевскую выставку в Лондоне в январе 1954 г., когда мне исполнилось девятнадцать лет, и через нее «вошел» в это искусство. А поскольку я стараюсь все делать целеустремленно и, видя в чем-то перспективу, занимаюсь этим до тех пределов, пока не замечаю, что все сделано, и дальше неинтересно, то и коллекционированием занялся энергично. И так состоялся этот замечательный «эпизод моей жизни», называемый коллекционированием, одно из самых моих приятных времяпрепровождений.

ЕСФ: *Кто же Вам ближе других?*

НДЛ-Р: Ларионов. Несомненно, он основоположник модернизма в России, чрезвычайно одаренный человек. Он мне очень близок. Если бы я решил какую-нибудь живописную работу повесить у себя дома, то это был бы Ларионов и Бакст.

ЕСФ: *Не Сомов, например?*

НДЛ-Р: Сомов слащав. Да, хороший художник. Но я взгляну с такой стороны: если бы его и не было в России, она бы не обеднела.

ЕСФ: *Борисов-Мусатов «художник слишком для женщин», мужчинам его любить не полагается?*

²¹ Николай Константинович Калмаков (1873–1955) – художник, скульптор, сценограф.

«... картина, / вся лучистый зов, / Какую создал Калмаков, / Меня тогда очаровала» (Игорь Северянин). Его картины вызвали испуг гипертрофированным эротизмом, неумеренной фантазийностью и мистицизмом. Он был забыт, только в 1960-е годы его картины нашли на парижской барахолке – его имя вновь вернулось в историю культуры.

НДЛ-Р: Да!.. Но он чудный по сочетанию цветов, по композиции. Очень приятный художник. Мы же говорим о том, что мне близко.

ЕСФ: А Серов?

НДЛ-Р: Серов – гениальный художник. Но он не новатор. Та живопись ценится выше, которая привносит в мир нечто совершенно новое. Серов – замечательный художник, и как раз из тех, произведения которых я хотел бы повесить у себя дома. Но он не принес принципиального нового в живопись. А с картинами Ларионова, Бакста, например, висящими у меня в столовой, я разговариваю, пусть даже это звучит для Вас как небезлица. Я вхожу с ними в общение.

ЕСФ: В шкале русских писателей, когда Вы росли, Гоголь у Вас был на первом месте?

НДЛ-Р: Он заинтриговывает читателя, при этом пишет забавно. Вот «Мертвые души», как можно делать деньги из ничего!

ЕСФ: Мне кажется, юмористическая сторона литературы увлекала Вас больше всего другого?

НДЛ-Р: Конечно, еще бы!

ЕСФ: Ларионов Вам нравится больше других не только из-за новаторства, но из-за юмора, который чувствуется в его работах?

НДЛ-Р: Да. И красочность. Он веселый.

ЕСФ: Вы человек веселый и лишены уныния?

НДЛ-Р: Ну, как временами обойтись без уныния? Но я не люблю хандры. И «Двенадцать стульев» читал с удовольствием.

ЕСФ: Интересна ли Вам литература так называемой «третьей волны эмиграции»?

НДЛ-Р: Кроме Солженицына современные русские писатели не привлекают меня своим слогом. Они пишут на том русском языке, который не мой. И, пожалуй, еще, кроме Василия Аксенова, который писал на хорошем литературном языке, без этих «новаторских фокусов».

ЕСФ: Из эстетических восприятий какое Вам ближе, цвет, слово, звук?

НДЛ-Р: И то, и другое, и третье. Все вместе впечатления бытия мне интересны. И нет предпочтений.

ЕСФ: А философия? Вопросы, почему и зачем мы тут появились и прочее?

НДЛ-Р: Совершенно меня не интересует. А эти вопросы я даже не отношу к философским, это то, чем задается абсолютно каждый человек.

ЕСФ: Вы уверенный человек, и это чувствуется. На что же Вы опираетесь в жизни? На какую силу?

НДЛ-Р: Опираюсь на факты. А на какую силу? Меня очень любили в детстве в семье. Обожали. Может быть, подсознательно я на это и опираюсь...

Кино я тоже люблю. И бываю в кино раза два в год, но чаще всего для того, чтобы посмотреть трансляцию оперы из Ковент-Гардена, и из Метрополитен-оперы в Нью-Йорке. А на премьеры кинофильмов не хожу. Русские фильмы – хороши. Но они, увы, не интересны для западного зрителя, поэтому не являются сегодня эффективным денежным продуктом. Слишком много хороших фильмов, уже завоевавших рынок, французских, итальянских, английских...

У меня очень мало времени. Я очень страдаю оттого, что мне психологически сопутствует ощущение постоянного недостатка времени. Я каждый раз взвешиваю, что важнее сделать в данный момент. И я всегда заставляю себя сделать то, что важнее. Это сочетание моего спортивного опыта, который вырабатывает волю для того, чтобы победить, и потребность успеха в творчестве, в деятельности. Если ты работаешь, материально, по крайней мере, ты вознагражден. Я к этому привык, и это стало нормой моей жизни. У меня нет, например, любимой литературы на ночь. Я стараюсь скорее заснуть, чтобы не нарушать режим моих дел и обязанностей. Читать позволяю себе только во время перелетов и в отпуске.

О времени я писал в дневнике 13.04.1950 г.: «Очень мало людей, по-моему, знают, что значит час времени, но человек, отсидевший немало времени в тюрьме, ответит на этот вопрос правильно...»

ЕСФ: Как Вам удастся держать столь «высокую планку собранности» долгие годы?

НДЛ-Р: Может быть потому, что у меня в молодости было больше энергии, чем у других. Никто из моих сверстников не работал больше, чем я. Я вкалывал всю жизнь. И сейчас, когда у меня энергии гораздо меньше, мне все равно важнее действие, чем созерцание.

О хронологии и отступлениях.

«С Антоновой я пошел бы в разведку»

ЕСФ: Возвращаясь к российским традициям старого воспитания: в дореволюционной России – целовали дамам ручки, и традиция продолжилась в советский период, причем не только в среде выходцев из стародворянской среды, но и в среде советской интеллигенции. Например, Сигурд Оттович Шмидт до последних дней не изменял этой привычке, но он целовал ручки избирательно тем, кого считал настоящими дамами. Никита Ильич Толстой из сербской эмиграции привез совсем другую традицию – целовать руку в знак приветствия всем без разбору особам женского пола, и девицам, и замужним. Что вызывало удивление моего деда, родившегося в 1890 г. и сохранившего свои дореволюционные установления: целовать ручки

барышням (незамужним) неприлично. Я знаю, что одного старого большевика «вычистили» из партии во время одной из «чисток» 1930-х годов именно за то, что он целовал руку собственной жене. В общем, эта дореволюционная черта сохранилась в России в XX в. А Вы, я заметила, этого уже не делаете?

НДЛ-Р: В старые времена и барышням целовали руки. Скажем, Наташе Ростовской, если хотите литературный пример. А я в России целую руки очень редко, потому что люди к этому не привыкли и

держатся в этом случае очень скованно. Редкий случай – это Антонова, которая, бывая во Франции, привыкла к мужскому знаку любезности. Не хочу ставить людей в России в неловкое положение. А во Франции, да, целую дамам ручки. В Англии же нет, потому что в Англии такого обычая не существует. Англичане даже редко подают друг другу руку. Вот что еще интересно: сейчас по всему свету люди целуются при встрече. Мне это очень трудно и неудобно. Меня удивляет, что в России и мужчины при встрече целуются друг с другом. Моя супруга Джун всегда меня укоряет, что я сторонюсь подобных контактов. Убеждает, что я должен пересилить себя и отвечать тем же, чтобы не создавать впечатление какого-то высокомерия.

ЕСФ: Вы ощущаете то, что молодое поколение в России стало теперь осознавать отсутствие сформированного общественного понятия о личном пространстве? В разных странах оно или больше (как в Германии), или меньше (как в Италии), но оно есть. А у нас, наверно, отсутствовало?

НДЛ-Р: У меня почти нет такого опыта. Мои контакты в России – это номенклатура, научная среда, таксисты. Но вот одно наблюдение. Сегодня я ехал в метро и был ошеломлен тем, что мужчины вели себя по отношению ко мне вежливо: придерживали дверь, когда я входил и выходил из метро. Впервые я замечаю подобное. Это было для меня одной из ярких особенностей Москвы, что никто не придерживал двери проходящим. В любой стране (ну, может быть, в Зимбабве не так) любой человек автоматически придерживает дверь для следующего, кто проходит в метро. В прошлом в Москве я этого не наблюдал.

ЕСФ: Оказавшись в Оксфорде, чем оксфордская система образования отличается от известной Вам болгарской?

Н.Д. Лобанов-Ростовский. Театральный музей. Санкт-Петербург, сентябрь 2008 г.

НДЛ-Р: Не только от болгарской, но и от мировой. В Оксфорде система исключительна тем, что Вам назначают преподавателя, который является Вашим индивидуальным учителем. Вы можете ходить на лекции или не ходить, но встречаться и заниматься с ним Вы обязаны не реже одного раза в неделю. По обоюдной договоренности это может случаться и чаще. Встреча длится час-полтора. За это время он дает Вам указания, какие книги в данную неделю прочитать и что написать, причем речь идет обо всех предметах, связанных с основной специальностью. В моем случае – с геологией. Но, разумеется, вспомогательных дисциплин, скажем, физики, мы не касались – только основных. Это очень дорогой подход. Но он дает возможность выявить в регулярных беседах, есть ли у Вас «смекалка», «сечете» ли Вы в основных предметах, т.е. сделать выводы о профессиональной пригодности и способностях ученика. В конце первого года, по результатам бесед, Вас могут попросить уйти.

ЕСФ: *А бывают ли случаи личной антипатии ученика к руководителю или наоборот?*

НДЛ-Р: Конечно, встречаются, как и в жизни, как и в браке. И создают большие затруднения.

ЕСФ: *В Оксфорде студент может сам выбрать тьютора?*

НДЛ-Р: Нет, его назначают. Никогда не слышал, чтобы кто-то выбрал его себе сам.

ЕСФ: *В московском университете до сих пор сохраняется подобная традиция: обычно на втором курсе студент выбирает себе руководителя. Но именно сам выбирает. Иногда руководствуется интересом к научной тематике, разрабатываемой преподавателем. Но есть такая хорошая университетская традиция – выбирать в качестве руководителя именно личность, которая для юного существа важнее, нежели научные темы, в которых он, может быть, до конца и не ориентируется. И встречается с избранным руководителем раз в неделю на спецсеминаре, однако руководство студентом касается только выбранной темы курсовой работы, разумеется, и литературы, которую необходимо прочитать. Руководитель не только читает, но призван править текст письменной работы, и научно, и стилистически. То есть, в сущности, за несколько лет, в идеале, руководитель должен выучить студентов писать работы в научных жанрах. К академику Н.И. Толстому мы часто приходили и домой, получали книги, он иногда предлагал чаю или кормил студентов.*

НДЛ-Р: Не слышал, чтобы это происходило где-нибудь, кроме Оксфорда. Но, конечно, Ваши встречи были более дружескими. Наши, наверное, – более официальными. Мы всегда встречались в преподавательской гостиной.

Во время беседы пили обычно шерри, а иногда портвейн, и обсуждали текущие учебные проблемы. Мне очень повезло, что моим руководителем был профессор Пол Кент. Позже я учредил стипендию его имени на изучение органической химии. То есть финансово обеспечил ставку имени профессора Кента для тех, кто ее достоин.

ЕСФ: Возникали ли личные отношения с преподавателем помимо учебных? Они ведь при тесных личных контактах неизбежны?

НДЛ-Р: Безусловно. У меня сложились очень хорошие личные отношения с тьютором. В течение 50 лет мы постоянно встречались с профессором Кентом один-два раза в год. Последний раз в прошлом году – ему исполнилось 90 лет. А пять лет спустя после окончания Оксфорда я посетил Кента в его загородном доме, купив ему большой горшок с растущими цветами. Его супруга сказала, что впервые за все годы выпускник догадался привезти цветы. У меня были такие теплые отношения с профессорами и потому, что геология была не только моей профессией, но и моим хобби, моим интересом и даже частью моей жизни, как я Вам говорил раньше. А затем это случилось с живописью, и ее собирание также стало частью моей жизни. И с другими преподавателями-геологами у меня были дружественные отношения. В частности, одна из причин, по которой я сознательно поступил в Оксфорд, а скажем, не в Кембридж, была следующей – кафедрой геологии заведовал профессор Вагер, создатель теории дифференциации застывшей лавы. Он заметил по экземплярам пород одной горы, что породы всегда располагаются в определенной последовательности – одна под другой. Когда лава всплывает, в котле жидкой лавы первыми остывают тяжелые металлы, например, медь, а самые легкие поднимаются наверх. Верхние пласты из-за эрозии часто стираются, и потому, например, так редок малахит. Ведь малахит – это «ржавчина» меди, она всегда наверху. А вот в России, кстати, на Урале этот слой не стерся из-за эрозии, так как залегал глубоко. Оттого на Урале много качественного малахита. Эта теория очень способствовала экономической целесообразности в поиске полезных ископаемых, позволяла быстро вычислить, в каком примерно слое находятся ископаемые, соответствующие искомому минералу.

ЕСФ: Вы учились четыре года?

НДЛ-Р: Да, это был бакалавриат, в конце был письменный экзамен с вопросами, т.е. тест. На время обучения мне дали стипендию «беженца из Восточной Европы».

ЕСФ: Писали Вы научные работы? И было ли желание их как-то собрать воедино, в одну книгу?

НДЛ-Р: Писал статьи, но желания собрать их никогда не возникало.

В.В. Вырубов. Санкт-Петербург, 1914 г.

ЕСФ: Как дальше Вы использовали полученную специальность?

НДЛ-Р: Некоторое время я преподавал геологию в Нью-Йорке. Я ощущал, что передаю знания людям, которые в дальнейшем становятся разведчиками ископаемых, получают серьезные денежные вознаграждения. А я остаюсь на своей маленькой зарплате преподавателя. И мне не нравилось преподавать именно потому, что я носил в себе это чувство, совершенно не подходящее учителю.

ЕСФ: Существует мнение, что Лев Толстой в «Войне и мире» под именем Ростовых описал семью Лобановых-Ростовских?

НДЛ-Р: Не могу Вам ответить, потому что нет никаких конкретных доказательств, что Толстой имел в виду именно Лобановых-Ростовских. Это только гипотеза.

ЕСФ: Из Болгарии Вы приехали в Париж к своему деду, Василию Васильевичу Вырубову, каким Вы его увидели?

НДЛ-Р: У него был облик барина. Чтобы представить себе, как он выглядел и держал себя, могу привести Вам в пример физика Петра Капицу, жившего в Кембридже в 1920-х – начале 1930-х, или Алексея Толстого, дружившего с моим дедом, с которым и я встречался в Париже. Дед был исключительно умен, обладал замечательной памятью, в свое время закончил математический факультет университета с золотой медалью, стал общественным деятелем. В отличие от многих в эмиграции он был тем, кто в царские времена в России назывался бы «левым» – он не был монархистом. Он остался бы в РСФСР, если бы Ленин с помощью лживых обещаний, силами матросов, стоящих на ступеньках Смольного, не совершил свой переворот. Вот после этого они вместе с князем Львовым и уехали из России.

ЕСФ: Он никогда Вас прежде не видел?

НДЛ-Р: Раз, в двухлетнем возрасте. В 1937 г. дед приехал в Болгарию, после чего мы с мамой и с ним поехали в Париж, где у матери была операция на глазу.

ЕСФ: Какие у Вас сложились отношения, когда юношей Вы оказались в Европе, стали жить с дедушкой под одной крышей?

НДЛ-Р: «Дипломатические» отношения. Не близкие. Он был выдающимся человеком. А я, да, был его внуком. Как к внуку он относился ко

мне очень доброжелательно. Но тогда я ничего не знал из того, что составляло содержание его жизни. Он со мной не мог разговаривать – не о чем было говорить.

ЕСФ: *И не хотел делать усилия для диалога с внуком?*

НДЛ-Р: Незачем делать усилия и терять время, когда его постоянно окружали люди, раньше служившие в царском и Временном правительстве, или его друзья, или артисты, с которыми ему было о чем разговаривать! За обедом постоянно присутствовали интересные для него люди. Я для него был незаметен.

ЕСФ: *Вы никогда не оставались наедине?*

НДЛ-Р: Я часто оказывался наедине с ним, но никакого примечательного разговора, никакого особого события не состоялось. Ровные взаимоотношения, больше ничего. Потом я уехал в Оксфорд, однако посещал его на каникулах, жил у него в загородном имении, в отдельном маленьком домике, входившем в ансамбль строений на этой территории. Но дружеских отношений не было.

ЕСФ: *И тепла?*

НДЛ-Р: Я думаю, что он не выразил тепла ни к одному из своих детей, ни ко мне.

ЕСФ: *Не умел? Или это была «позиция сдержанности»?*

НДЛ-Р: Тот факт, что он провел свои годы в эмиграции в одиночестве, без супруги или подруги, для меня говорит о том, что у него не было необходимости быть с кем-то и разделять с кем-то тепло.

ЕСФ: *Как Вы впервые увидели дядюшку, Николая Васильевича Вырубова?*

НДЛ-Р: В сентябре 1953 г., когда мы приехали в Париж, он работал в Вене. Приехал в отпуск два месяца спустя. Он оказался изумительно интеллигентен, красив и мил в общении. У нас никогда не было теплых отношений. Но они были интересными. И еще с ним в последние 20 лет у меня происходили оживленнейшие разговоры, поскольку за полвека после приезда в Париж я кое-чему научился и мог разговаривать наравне.

ЕСФ: *То есть эти взаимоотношения были в том же русле, что и с дедушкой?*

НДЛ-Р: Нет, они были теплее, но все же не дружеские. За год до смерти он даже обвинял меня в отсутствии теплоты с моей стороны.

ЕСФ: *А мне кажется, Вы очень теплый человек...*

*Н.В. Вырубов с В.В. Вырубовым.
Флёрн, 1953 г.*

*Н.В. Вырубов с супругой
Сабин де Ноай, 1953 г.*

после смерти Сталина, родителей же до 1956 не выпускали из Узбекской ССР. Казалось, Ваше поколение нуждалось в особой ласке со стороны «дедов», его действительно нужно было «отогреть», однако ж, видимо, такая родовая черта...

НДЛ-Р: Я думаю, что одной из причин, по которой один из двух сыновей деда, Вася, уехал в Аргентину, было отсутствие дружеских чувств. Мой дядя Николай Васильевич в детстве одно время даже жил у знакомых (графа Палена), а не у себя дома. И в отношениях с моей матерью не ощущалось тепла. Да, были очень внимательные деловые взаимоотношения. Но это не то, что называют семейной любовью.

ЕСФ: *Я прочитала в одном из очерков книги «Рюрикович в эмиграции», что Николай Васильевич «с женщинами обращался как Романов», что это означает? Он их использовал как царь своих подданных?*

НДЛ-Р: Я абсолютно не могу понять этой фразы. Он казался магнитом для женщин, это правда. Он был обаятельно и ласково обращался с женщинами. Но не в его характере было использовать людей вообще, в любых целях.

ЕСФ: *Может быть, это «взгляд из лакейской», по выражению Пушкина? Слишком он кому-то казался барином, блестящим военным, и отсюда такой искаженный взгляд?*

НДЛ-Р: Вполне возможно.

НДЛ-Р: Иным судить. Чтобы объяснить характер отношений с дядей Колей, вот Вам пример: ни он, ни его супруга никогда не бывали на выставках нашего собрания. Ни разу за 50 лет.

ЕСФ: *Это действительно странно.*

НДЛ-Р: Другая жизнь, другие жизненные задачи и интересы.

ЕСФ: *Вы знаете, вспоминая «моих Вырубовых», так называемую «владимирскую ветвь», жившую здесь в России, скажу, что наблюдала ту же необъяснимую мне «прохладность», например, моей прабабушки Анны Сергеевны Вырубовой к своей внучке. А ситуация была «зеркальной». Вы в 1953 г. вырвались из соцлагеря, мою маму в 1953 привезли из среднеазиатской ссылки в Москву одну, без родителей, как только это стало возможным*

ЕСФ: Ваш школьный друг писатель Любомир Левчев в той же книге называет Вас, конечно немного иронически: «социолог и даже апологет принципов социалистического реализма»²², что это означает?

НДЛ-Р: Не знаю, что это означает.

ЕСФ: Мне кажется, он хотел этим сказать, что Вы открыто и очень прямо, даже прямолинейно судите обо всех общественно-исторических событиях, хотите «заострить», а не сгладить, то, что происходило? И это Ваша личностная черта. Мне даже кажется, вполне соответствующая звездному знаку Козерога, под которым Вы родились... Хотя метод соцреализма как раз избирательно относится к фактам реальности, выбирая одни и оставляя в тени другие для идеологических задач, в этом «социалистичность» реализма.

НДЛ-Р: Да. Я стараюсь судить открыто и прямо. Но апологет?

ЕСФ: Приверженец, защитник.

НДЛ-Р: Да, апологет прямых, не скрывающих ничего суждений и высказываний. А вот идею социализма совершенно не разделяю. Она, по-моему, принесла человечеству мало хорошего. По крайней мере, этот принцип не работает в тех странах, где этот режим насажден.

ЕСФ: Возвращаясь к хронологии Вашей жизни. В годы учения был человек, личность которого оказалась значимой. А в «эпоху банковского дела» нашелся ли такой, кто бы произвел бы впечатление оригинальностью мышления, может быть, в чем-то повлиял на Вас?

НДЛ-Р: Да. Был такой, господин Арбакл, председатель банка «Уэллс Фарго». Целью его жизни было периодические изменения деятельности. Что это значит? Каждые 7–10 лет он переключал себя на иной род деятельности. Он работал профессором экономики в университете Стэнфорд в штате Калифорния, затем главой рекламного агентства и так далее... Его целью было менять род занятий, потому что он считал, что через определенный период человек терял инициативу и желание конструктивно строить дело и превращался в садовника, который «ухаживает» за делом, но не продвигает его. А он хотел быть созидателем. Когда мы с ним путешествовали, я увидел, что он полагался не столько на литературу о стране, а на собственные прямые и живые наблюдения. Так

Любомир Левчев и Никита Лобанов-Ростовский на презентации трехтомника Левчева. София, 2014 г.

²² Рюрикович в эмиграции. М., 2015. С. 79.

однажды мы приехали в столицу Турции, Анкару, и он попросил отвести его на базар, затем на овощной рынок. И всюду он записывал цены. Он сопоставлял записи с ценами в других странах, и это ему говорило о том, каким образом население может справляться с ценами, и таким образом позволяло составить представление о его благосостоянии. Потому что, в конце концов, благосостояние страны сводится к благосостоянию населения. Если население довольно и может хорошо жить, то оно не стремится к социальным переменам. А для банков – учреждений, которые дают деньги «напрокат», безразличен строй страны. Им необходима стабильность данного строя. И потому мы и работали с Советским Союзом, поскольку «диктатура пролетариата» была столь жесткой, что перемен не предвиделось.

ЕСФ: То есть для Вас глобальные перемены строя в России были неожиданными?

НДЛ-Р: Да, совершенно не предвиденные.

ЕСФ: Вы не верили, что может произойти то, что называли «перестройкой»?

НДЛ-Р: Нет. Будучи ростовщиками, мы предвидели стабильность, а не перемены. Конечно, Горбачев сделал ошибку. И она очень четко записана – в материалах его встречи с Дэн Сяопином. Горбачев сказал ему: «Мы перенесем строй и перейдем на рыночную экономику». Дэн Сяопин ему ответил: «В отличие от вас мы не меняем режим, но переходим на рыночную экономику». Китай изучил политику НЭПа, созданную Бухариным и Лениным. Китайцы ее приняли как марксистскую экономику. Горбачев, либерализовав строй, расшатал стабильность. В этом его ошибка. В Китае сейчас относительная экономическая стабильность – при диктатуре. Последнее обстоятельство не мешает Китаю получать из-за границы в три-четыре раза более прямых капиталовложений, чем Россия.

ЕСФ: Вы считаете, было бы предпочтительнее, чтобы диктатура в России оставалась?

НДЛ-Р: С точки зрения ростовщика – конечно. Если бы Горбачев, придерживаясь режима, постепенно шел бы к другому строю, стабильности было бы больше. Увы, он принял советы, навязанные ему одним ученым из Гарварда, не знавшим и не изучавшим экономики СССР.

ЕСФ: Но это, мне кажется, другая идея, каким образом перейти, стремительно или постепенно. В России и тогда, и теперь многие считают, что благоприятным вариантом на достаточно длительный переходный период была бы частная собственность в сфере только малого бизнеса.

НДЛ-Р: Малого бизнеса не было в СССР, и пока ему все еще трудно пробиться.

ЕСФ: Существует такой взгляд, что Советский Союз развалился не по материальным причинам, а, главным образом, из-за идеологии, которая так перебарщивала, так всем надоела, что люди, вообще способные мыслить, действовать, что-то решать, задыхались ежедневно. То есть развалился из-за фикции, из-за метафизики?

НДЛ-Р: Перебор идеологии – это было полбеда. Подобного рода явления были присущи и Китаю, например, и ряду других стран. Политические изменения – результат экономики. СССР экономически задыхался. Было и другое – ряд ошибок Брежнева. Например, кормить скот хлебом, тогда как пшеницу покупали за рубежом за валюту. Хлеб же был такой дешевый в Советском Союзе, что колхозы покупали его и для скота вместо того, чтоб кормить его на пастбищах. Так что производство мяса происходило за счет казны, которая в результате постепенно беднела. Тогда Брежнев стал употреблять госзапасы валюты и золота. И деньги России растаяли.

ЕСФ: А чем же было кормить скот?

НДЛ-Р: Выводить на пастбища или иными местными продуктами, а не импортным хлебом.

ЕСФ: От отступлений – вновь к банковскому периоду Вашей жизни. В финансовой сфере Вы встретили одну, безусловно, ценную для Вас личность. А в целом эта среда, в которую Вы вступили прагматически, для того, чтобы стать обеспеченнее, не показалась ли Вам чуждой, дискомфортной – после научной среды? Ведь эта специфическая профессия, требующая педантичной точности, некоторой занудности и пр.

НДЛ-Р: Нет, я очень удобно себя чувствовал. Потому что я видел результаты деятельности, видел, как мы помогаем странам и предприятиям, давая им деньги в займы. Что касается личностей, то напротив, мои коллеги были интересными людьми. Так, моим заместителем был бывший посол США в Саудовской Аравии и Тегеране Николас Тэчер, а моим начальником в Париже был Боб Симпсон – бывший дипломат, ранее служивший в Каире (он был женат на писательнице).

ЕСФ: Когда Вы сами стали руководителем, то каким: жестким, снисходительным, терпеливым, резким? Кого Вы брали за образец, кого копировали?

НДЛ-Р: Некого было копировать. Да и очень трудно быть снисходительным, когда Вы за что-то ответственны. В России, увы, царит безответственность, можно украсть у страны 10 миллиардов рублей и остаться на должности. А в Европе и США нужно быть чрезвычайно одаренным, чтобы избежать тюрьмы.

ЕСФ: В России – если этот человек бандит.

НДЛ-Р: Хорошо, предположим, в России на должностях только 1 % такого рода бандитов. Такие бандиты есть и в США в банковском деле, но они не являются основой деятельности. Основой является ответственность зарабатывать деньги, т.е. ежеквартальная прибыль. Когда Вы должны отчитываться за заработок каждый квартал, очень трудно иметь сотрудников, которые не способствовали бы этой цели. Банковское дело подобно армии. У Вас десятки тысяч солдат, немного сержантов и еще меньше полковников и генералов. Среди последних есть те, которые приносят доход. А все остальные исполняют для этого необходимую работу. И неотъемлемая обязанность «полковника или генерала» – выжимать из людей максимальную производительность, чтобы каждый из них вкалывал как можно больше. То есть руководители должны уметь эксплуатировать людей, а за это им экстраординарно платят, пропорционально тому доходу, который они приносят.

ЕСФ: А «человеческий фактор», личные симпатии или антипатии как-то действовали в Вас, когда Вы были начальником?

НДЛ-Р: Определенно. В соответствии с ними я нанимал людей на работу и ошибался. Я часто ошибаюсь в людях.

ЕСФ: Но ведь Ваша банковская карьера была успешной?

НДЛ-Р: Могла бы быть более успешной. Как руководителю, мне часто приходилось пренебрегать личной приязнью в пользу работодателя. Из-за этого я породил себе много недоброжелателей, что уменьшало эффективность работы коллектива. Например, был очень симпатичный мне коллега, который, впрочем, каждый день не мог не опоздать на 30–40 минут. В конце концов, мне все-таки пришлось его уволить, потому что это негативно влияло на других сотрудников – если одному можно, почему же нельзя им? После этого наши отношения испортились.

ЕСФ: А долго Вы терпели?

НДЛ-Р: Я думаю, месяцев шесть.

ЕСФ: Да, долго. А Вы считаете, что разбираетесь в людях, видите человека?

НДЛ-Р: Нет. Мне всегда приходится спрашивать совет у других.

ЕСФ: Другие тоже могут ошибаться.

НДЛ-Р: Мне в этом отношении очень повезло. Моя супруга – графолог. И когда мне нужно что-то узнать о человеке, я прошу его под каким-то предлогом послать мне почтовую карточку. По почерку Джун определяет характер человека и сообщает мне.

ЕСФ: Когда Вы поступали в Оксфорд, Вы вынуждены были сдавать латынь, которой в Болгарии не изучали. В Ваших интервью кое-где, к месту, рассыпаны латинские поговорки, *per aspera ad astra, in aeternum...* Долго ли

Вы ею занимались, возвращались ли к ней? Латынь такая стройная система, так подходит мне кажется, к складу Вашей личности, вообще к тем, кто занимается точным банковским делом и его системами.

НДЛ-Р: Месяцев шесть. Мне преподавал латынь католический священник. Мне было очень интересно тогда, а позже латынь помогла мне разобраться в испанском, немецком, английском. Но не возвращался к ней никогда.

ЕСФ: *К вопросу о том, каким Вы были начальником? Мне кажется, вопреки Вашим декларациям жесткости, суровости, Вы бывали и человечным, и терпеливым.*

НДЛ-Р: Трудно, трудно быть очень человечным. В Соединенных Штатах начальнику не полагается иметь более семи подчиненных, потому что за большим количеством нельзя активно уследить. И погоня за доходами уменьшает человечность и терпеливость к подчиненным.

ЕСФ: *А директора заводов?*

НДЛ-Р: В России можно иметь множество непосредственных подчиненных, в отличие от США. Скажем, в США Вы курируете семь человек, возглавляющих отделы. Они, в свою очередь, работают в этих отделах с семью сотрудниками и отвечают за происходящее с ними. Такова система. С некоторыми из тех, с кем я был должен активно взаимодействовать, налаживались отношения, с другими нет. Я, как Вы знаете, не проявляю терпимость. От себя требую больше, чем от других. Однако другим я не прощаю халтуру. И это бывало причиной затруднений. Но поскольку я обычно приносил большой доход работодателю, у кого бы я ни работал, то мне это прощалось.

ЕСФ: *В этот период жизни у Вас появились новые друзья?*

НДЛ-Р: Да. Очень приятный круг друзей. Например, мой начальник Боб Симпсон, бывший дипломат, в обществе которого я сам или вместе с Ниной часто проводили выходные и летнее время.

ЕСФ: *Вы не оставили близких друзей во времена своего детства?*

НДЛ-Р: Нет. Вся жизнь меня сопровождали люди, которые становились моими близкими друзьями, именно друзьями, не просто приятелями. Помню – это было лет двадцать назад – один француз на обеде в Лондоне объяснил, почему считает меня своим другом. Во времена Второй мировой

*Джун, Салли и Никита за завтраком в саду.
Лондон, 2013 г.*

войны он был участником Французского Сопротивления. Он сказал: «Если меня сегодня захотят арестовать, единственный человек, к которому я обращаюсь с просьбой меня “закамышить”, будет Лобанов, потому что я знаю, что он меня не предаст». Меня это очень тронуло. Как человек, прошедший испытания в годы Сопротивления, он имел довольно четкие представления о людях. Его звали Филипп Доди, он был писателем. Как ни странно, он был одним из немногих французов, состоявших в коммунистической иностранной бригаде. С ним произошел один любопытный случай. Когда министр иностранных дел коммунистической Венгрии решил порвать с тем режимом, который царил тогда в стране, и бежать во Францию, то этот Доди пошел на прием к премьер-министру – консерватору и попросил у французской разведки содействия в этом деле. А надо сказать, что этот венгр был по убеждениям коммунистом и хотел вести переговоры только с коммунистами. И французская разведка помогла его вывезти через коммунистов-французов (а во Франции была очень сильная коммунистическая партия, 25 % всех депутатов). Коммунистической партии принадлежали заводы и фабрики. Так что этого венгра определили работать на такую мебельную фабрику во Франции... Видите, мои друзья, в общем, люди различных убеждений, но наша дружба была основана на существенных человеческих принципах. Вы можете быть коммунистом, социалистом, кем угодно, но если, условно говоря, Вы воспринимаете законы Моисея, т.е. идущие из древности моральные заветы, то у нас с Вами сразу же появляется что-то общее. Общие ценности значительно дополняют различные интересы.

ЕСФ: Вы говорили о сильных левых во Франции. Я слышала в одном из московских выступлений Рене Герра в Литературном музее, что он был готов передать накопленное художественное наследие русских эмигрантов и организовать музей в Сорбонне, но французские левые профессора воспротивились принять его дары именно потому, что это было наследие белой эмиграции. Неужели такое возможно?

НДЛ-Р: Не могу Вам ответить, ибо не знаю. Я знаком с Герра, но всегда старался избегать сближения. Потому что его характер еще хуже моего, и я знал, что конфликт очень вероятен. А когда не имеешь контакта, встречаешься только на заседаниях, на публичных обсуждениях, то отношения остаются ровными. И потом, мы соперничали на аукционах. Бывали случаи, например, когда у него были деньги (он был из богатой семьи с юга Франции), а у меня не было, и он успевал купить то, что я не мог.

ЕСФ: В одном из Ваших «Жизнеописаний» написано, что в юные годы Вы получили стипендию в Оксфорде оттого, что подали заявление на туспециальность, которая, как посчитала комиссия, всегда будет востребована

в стране. И тогда Вас покоробил этот прямолинейный и циничный прагматизм. А Вы, работая в банке, не усвоили постепенно как норму такой прагматичный взгляд на вещи, превалирующий над всем? Или Вы сохранили черты «русской иррациональности»?

НДЛ-Р: Я говорю об излишнем прагматизме именно в контексте деятельности образовательного учреждения, которое, я считаю, должно быть мотивировано исключительно только интеллектуальными способностями поступающего. Если уж давать кому-то деньги на обучение, то нужно дать тому, кто сможет ими воспользоваться и достичь как можно больше в жизни. На том заседании присутствовал один из величайших мыслителей Англии, русский еврей сэр Исайя М. Берлин. Он тоже принимал участие в решении, мотивированном меркантильным образом! Вот что меня поразило. «Дадим ему субсидию для обучения на этом факультете, потому что если будет экономический спад, инженер сможет стать слесарем, электриком, нежели сидеть на государственном обеспечении...»

ЕСФ: То есть Вы и сейчас считаете, что нельзя так плоско и прямолинейно искать выгоду?

НДЛ-Р: В контексте образования – нельзя.

ЕСФ: Когда наступил в Вашей жизни период коллекционирования, в ней появились аукционы. Какое место в истории культуры занимают аукционы, как Вы считаете, чем они полезны или вредны?

НДЛ-Р: Вреда они приносят очень мало. А чем они полезны? Они содействуют популярности и утверждению живописцев. Вот пример. Есть изумительно талантливая русская художница Зинаида Серебрякова. В 1960-е годы спроса на ее «обнаженных» не было. Ее работы вообще не появлялись на рынке. Мне пришлось очень долго убеждать ее дочь Катю дать несколько работ Серебряковой на аукцион Сотбис – не для получения денег, а для того, чтобы люди узнали о существовании художницы. Тогда в 1967 г. эти работы стоили 600 фунтов. Сегодня эти же работы стоят 600 тысяч фунтов! Таков же был мой подход к живописи Николая

З. Серебрякова. Автопортрет с палитрой. Париж, 1925 г.

Бенуа. Ведь русских художников не знали в мировом контексте. А благодаря аукциону Сотбис, его каталогам, которые распространяются по всему миру, попадают в музеи, к коллекционерам, и рекламирует имя художника, работы Серебряковой теперь знают. Аукционные дома создают рейтинг и вообще объявляют миру, что есть такой художник. Коллекционеры принимают его или отвергают. Но, по крайней мере, о нем становится известно. Замечу кстати, что в 1964 г. я предложил подарить музею в Филадельфии работы Экстер. Мне ответили очень любезно письменно, что, мол, «благодарим за предложение, но не можем принять, потому что мы ее не знаем».

ЕСФ: Получается, что на аукцион можно предложить все, что угодно?

НДЛ-Р: Нет. Мне удавалось «пробовать» русское искусство, поскольку я учился в Оксфорде с пасынком сэра Исаяи Берлина, Мишелем Штраусом, служившим начальником отдела на аукционе. И он даже давал мне задаток на закупку картин. То есть когда я приходил, например, к племянницам Бакста за работами художника, я уже знал, что получу, по крайней мере, половину этих денег, продав 60 % работ на аукционе. Ведь я был очень ограничен в средствах, и чтобы продолжать коллекционирование, надо было как-то выкручиваться.

ЕСФ: То есть «с улицы» прийти на аукцион Сотбис нельзя?

НДЛ-Р: Трудно. Была группа людей, работавших на аукционе, как, например, Мишель Штраус, Тило фон Вацдорф или Джулиан Барран, которые были в кругу дягилевских балетов, знали художников «Мира искусства», сознавали, что это работы высокого качества, и старались создать на них рынок. А я был один из тех, кто содействовал его созданию.

ЕСФ: Какие аукционные дома Вы цените как приличные, не являющиеся пристанищем жуликов?

НДЛ-Р: Я не знаю, чтобы в Лондоне какой-нибудь аукционный дом мог бы быть «пристанью жуликов». Законы очень четкие, за их исполнением следят. В Лондоне четыре аукционных дома, занимающиеся русской живописью. Они проходят два раза в год, действуют в два сезона – осенний и весенний. В каждый сезон продается около 2 000 работ.

ЕСФ: Как Вы оцениваете наш Антикварный салон, проходящий в ЦДХ?

НДЛ-Р: Я не был на нем много лет и потому не могу представить объективное мнение.

ЕСФ: Мне тяжело смотреть на некоторые вещи на этом салоне, кажется, что они вышли из бывших «распределителей и запасников НКВД», в них горе репрессированных, и от этого для меня какая-то тяжелая атмосфера.

НДЛ-Р: Так надо радоваться, что они вышли «из запасников НКВД», а не продолжают там лежать!

ЕСФ: После того, вышел роман Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы», все узнали, как налажен и обширен рынок подделок. И теперь трудно представить, каким образом отличать подлинную живопись от копий. Ибо в области этого «ремесла» достигнуты большие технические успехи: используются старые холсты, находят старые краски, умеют создать неотличимые от старинных кракелюры и пр. И в этой деятельности тоже есть свои гении. Как сегодня коллекционеры решают эту проблему?

НДЛ-Р: Здесь много подходов, каким образом приобретать произведения искусства. Но если речь идет о подделках, они тоже имеют свою стоимость. Ведь чтобы ее сделать, надо же затратить определенное количество усилий, таланта и денег. Значит, масштабы подделок не так огромны. Один русский ученый, физик, создал аппаратуру, которая не портит предмет искусства, но с точностью определяет его подлинность. Автор метода, кажется, выехал со своим изобретением в США и поселился, может быть, в Чикаго. Два года тому назад в русском посольстве в Лондоне он его демонстрировал, чтобы привлечь внимание и британской общественности. Если человек готов заплатить деньги за такое исследование, то теперь можно «переиграть поддельщиков».

ЕСФ: А Вы обращались к нему?

НДЛ-Р: У меня нет необходимости, потому что я много лет уже не приобретаю произведения искусства.

ЕСФ: Я читала одну работу молодого экономиста, в которой говорится, что в России все рынки экспертов служат определенной группе людей, и вообще нет ни одного независимого эксперта. Как Вы считаете, есть ли эксперты, на которых можно положиться?

НДЛ-Р: То, что Вы сейчас рассказали, на 100 % отражает то, что происходит в России с рынком художественной экспертизы. Есть группа людей, оплачиваемая одним из олигархов, которые хотят «прихватить», чтобы оставить за собой этот рынок. Но таким образом, они его убивают – уменьшают цены. Они объявляют работы подделками, чтобы легче «объять» художественный рынок. Вопрос экспертизы – очень доходный. Потому постоянно идет борьба между теми, кто способен делать экспертизы. Они начинают с тысячи долларов, но иногда цена доходит до 100 тысяч долларов. Юридически же, в России экспертиза ничего не стоит и потому бессмысленна. И наивны те люди, которые оплачивают экспертизу в России. Но у них провинциальное сознание, и это их не беспокоит. Вы можете дать любое экспертное заключение, позитивное или негативное, а через некоторое время от него отказаться. Был один служащий Третьяковской галереи, который дал сто фальшивых экспертиз и ныне живет припеваючи. В Париже тоже бывают всякие экспертизы. Но там существует апелляционный

суд, куда Вы можете обратиться. При нем закреплены графологи и эксперты по живописи. Когда Вы от них получаете экспертное заключение, то в случае ошибки у Вас есть прямой ход к апелляционному суду, где Вы можете искать и получить возмещение своих расходов и наказание «эксперта». Имена экспертов числятся в справочной книге, а также и в интернете.

ЕСФ: *Разве нет солидных экспертов в Третьяковской галерее?*

НДЛ-Р: Много вполне солидных экспертов, впрочем, как и тот, кто сделал 100 фальшивых заключений. Я говорю лишь о том, что их экспертизы не имеют юридической силы в России. То есть человека нельзя судить за неправильную экспертизу – эксперт не несет юридической ответственности, да и нет соответствующего закона.

ЕСФ: *Каков для Вас критерий солидности аукциона?*

НДЛ-Р: Все в мире относительно. Солидность основывается на доверии и способности продать поступивший предмет. Вопрос доверия в том, продает ли аукцион попавшие туда фальшивые вещи сознательно или по незнанию? Первый вариант сразу исключает аукционный дом из круга солидных. Если по незнанию – это зависит от деятельности экспертов. Редко удастся аукционному дому платить зарплату крупным экспертам; часто приходится брать совет у музейщиков. Бывает, продаются на аукционах вещи, чья атрибуция неправильна, и бывает это часто. Я покупал подобные работы. Это плохо для солидного аукционного дома, ибо репутация аукциона важнее прибыли, когда его оборот в год насчитывает, например, миллиард долларов. Я говорю сейчас о трех главных аукционных домах, Сотбис, Кристис и Бонхамс, в которых я участвовал.

ЕСФ: *В России, какие аукционы Вы бы назвали серьезными?*

НДЛ-Р: Не могу сказать. Ни разу не участвовал. Но по сравнению с этой деятельностью в странах, где давно этим занимаются, аукционы в России пока что – явление интересное, но еще слишком местное, не соизмеримое с оборотом, например, в Нью-Йорке.

ЕСФ: *Каких экспертов Вы выделяете?*

НДЛ-Р: Большинство работ из нашего собрания куплено у родственников или у семьи художника, это около 70 % собрания. Так что мне никогда не приходилось тесно сотрудничать с экспертами. Наоборот, меня порой просили быть экспертом в аукционных домах.

ЕСФ: *Почему, отвечая на «Анкету Пруста», в разделе «любимые художники», Вы не отметили среди «любимых» ни одного из художников Серебряного века, назвав Рембрандта и пр.?*

НДЛ-Р: Мы говорим о совершенно разных величинах, Вы говорите о Серебряном веке, а я о мировом Золотом. Нельзя сравнивать эти два металла. У них совершенно разные достоинства.

ЕСФ: Значит, Ваше собирательство, это одна сторона, Ваш союз с Серебряным веком – это «брак по расчету», а любовь лежит в другой области?

НДЛ-Р: Может быть, и «брак по расчету». Но я этот союз так не вижу, просто я сознаю значимость мировой живописи. Есть удаленные от этого центра художники, но значимые в своем контексте, как Серов, например, или Экстер. Серебряный век – замечательный период живописи в России. Но ведь есть и Золотой русский век, Брюллов, Левицкий, Боровиковский. А есть такие мировые гиганты, как Тициан, Веласкес...

ЕСФ: Но Вы же отвечаете на вопрос «любить»?

НДЛ-Р: Если б я имел возможность выбирать, что видеть в своем доме в идеале, здесь я был бы многогранен. Я бы перемешал и Веласкеса, и Рембрандта, и Тициана, и Серова, и Ларионова.

ЕСФ: Из Серебряного века для Вас все-таки самый важный Ларионов?

НДЛ-Р: Пожалуй, да. Он основоположник всего того, что случилось в живописи в России в ту эпоху.

ЕСФ: В книге, посвященной Вам, есть пассаж, написанный Вашей первой женой Ниной о том, что коллекционеры счастливы в своем одиноком мире, погруженные в свою страсть собирательства. Вы именно такой коллекционер? Вам с детства надо было непременно что-то собирать?

НДЛ-Р: Да. Это инстинктивное чувство, присущее человечеству, но конечно, в разных дозах. Уже примитивный человек в древнейшие времена догадался что-то собирать, копить – например, в целях пропитания. Во всех нас живет в разных дозах стремление к накоплению. И это связано с желанием обладать. Для меня коллекционирование – основная часть жизни. Я начал собирать, когда мне было 11 лет, почтовые марки и старинные монеты, разыскивая монеты повсюду, где придется, иногда даже находя на раскопках. Когда затем я увидел у соседа Святослава Петрусенко собрание минералов, я загорелся геологией и в тот момент ликвидировал все, что у меня было собрано до того.

ЕСФ: Ликвидировал – это значит продал?

НДЛ-Р: Продал, а часть отдал. И начал собирать минералы, которые я никогда не покупал. А собирал только те, которые находил сам, участвуя в наших геологических походах. Когда же мы уезжали из Болгарии, мне пришлось во второй раз раздать свое собрание. А в третий раз, в 1954 г., как известно, я загорелся коллекционированием в Англии, увидев русскую театральную живопись. Вот таковы мои этапы коллекционера.

ЕСФ: Настоящие коллекционеры не любят отдавать, и это свойство, на мой взгляд, является неотъемлемым при складе личности, присущем коллекционерам. А Вы стараетесь дарить. То есть Ваша благотворительная деятельность входит в противоречие со свойствами коллекционера?

Эль Лисицкий. Клином красным бей белых.
Литография, 1919–1920 гг.

Как, впрочем, и у Зильберштейна. Потому так и ошеломляет поступок Ильи Самойловича – отдал абсолютно всю коллекцию, которая у него была, государству, что не вяжется с самой психологической сутью коллекционеров.

НДЛ-Р: Может быть, это потому, что я сам себя строго ограничил целями собрания, и считал, что все, что не входит в эти узкие параметры, не должно у меня задерживаться. Я дарил периферийные по отношению к коллекции вещи. К слову, я очень долго противился иметь работы Тыртова по прозвищу Эрте²³, несмотря на наше знакомство. Он красил волосы и лицо, его вид и манера поведения мне были неприятны. Потому я вначале отдал все его работы музею Метрополитен. А позже осознал, что Тыртов слишком значим как живописец своей эпохи и оставил огромный след вне своей родины. Потому я приобрел его работы на аукционе, чтобы они остались для России. Множество вещей Бакста, которые я покупал у его племянницы, нуждались в реставрации, а на нее у меня не было денег. Нью-Йоркская публичная библиотека получила тогда от меня в подарок 20 работ Бакста. А третья причина – я вынужден был купить иногда чье-то наследство или коллекцию только целиком, и там находились вещи, не имеющие отношения к моему собранию. Вот, к слову сказать, почему у меня так много плакатов. Один раз мне пришлось купить в Москве 500 плакатов! Среди них были четыре подлинных листа Эль Лисицкого «Клином красным бей белых». Один экземпляр есть в Ленинской библиотеке в Москве, сотрудники которой в течение 50 лет, в коммунистический и посткоммунистический периоды, под разными предложениями, «хрупкости и несохранности» и прочая, отказывались мне его показывать. При том, что во времена Советского Союза меня пускали в разные запасы Третьяковки, ГМИИ им. Пушкина... Легче указать, куда меня не пускали. Но в Ленинке коллектив абсолютно противился. Плакат никогда полностью не был опубликован. Иначе в сравнении легко определить подлинный ли он или

²³ Роман Петрович Тыртов (1910–2008), псевдоним Эрте составлен из инициалов Р.Т. Учился у Ильи Репина. С раннего детства увлекался созданием моделей женской одежды, с 1914 г. стал работать для модных домов и журналов в Париже. Делал костюмы для балетов Дагилева и для Анны Павловой, для спектаклей Гранд Опера и Метрополитен-опера. Стал одним из крупнейших и востребованных западных художников.

фальшивый. Потому что на плакате есть типографические знаки, которые выходят за рамки рисунка. На оригинале они видны, но не на репродукциях. Но сравнение было невозможным.

ЕСФ: Почему Вашим первым приобретением в области коллекционирования искусства была живопись, картина Сверчкова, Вы хотели собирать именно живопись, а не предметы мебели или что-то другое?

НДЛ-Р: Потому что мне эту картину предложил книжник В.В. Тютчев на Лонг-Айленде.

ЕСФ: Вот так прагматично?

НДЛ-Р: Да. А для предметов мебели не было бы места в нашей квартире.

ЕСФ: Но Вы же любили живопись более других видов искусства?

НДЛ-Р: Определенно.

ЕСФ: Мне кажется, Вы всегда преувеличиваете свой прагматизм. Может быть, чтобы люди не слишком Вас беспокоили?.. Как Вы считаете, для бизнеса нужен талант и оригинальное воображение для необычных решений? Или это вопрос труда и усидчивости?

НДЛ-Р: Нужно и то, и другое. Воображение нужно для удачливого бизнесмена. Потому что можно быть просто успешным бизнесменом, на основе одного упорного труда. Но нельзя быть неординарным в области бизнеса без воображения. Образ успешного бизнесмена, по крайней мере, в Соединенных Штатах, – это человек, приходящий на работу между 5–7 утра и уходящий домой после 6 вечера. Мой двоюродный брат Юрий Александрович Трубников, купивший себя завод под Парижем, приезжал на работу раньше кого бы то ни было! Ведь по французской традиции он должен был, как хозяин, поздороваться и пожать руку каждому из сотрудников. Нужно очень желать этого в жизни, чтобы так вкалывать постоянно. Так что воображение и трудоспособность – две одинаково необходимые компоненты для неординарного успеха.

ЕСФ: По какой линии Юрий Трубников Ваш двоюродный брат?

НДЛ-Р: Мой дед, Василий Васильевич Вырубов был женат дважды. Его вторая жена – бабушка Юры.

ЕСФ: Считаете ли Вы, что эксперимент большевиков закончился? У Николая Бердяева есть замечательная провиденциальная работа в журнале «Путь», в которой он говорит, что самые страшные результаты последствий большевизма мы увидим тогда, когда его эпоха завершится (он уже в 1925 г. определенно предчувствовал, что в исторически обозримом времени режим исчерпает себя). Мне кажется, что сейчас, как ни странно, активизировались продукты воспитания большевиков, тогда как в советский период действовали люди с закваской дореволюционной культуры, с другими основаниями и другой мотивацией.

Ю.А. Трубников, 1960 г.

НДЛ-Р: Все зависит от того, с какими критериями подходить к этому явлению. Для некоторых большевизм – это поколение определенного культурного типа людей, для меня – это уничтожение интеллигенции и русского деятельного населения, более 20 миллионов. Вот что принесла диктатура пролетариата. И просто невозможно сравнивать с последующей нынешней эпохой, прекрасной эпохой, когда уничтожается ежегодно лишь десятки людей, например, адвокатов, или личностей, оспаривающих режим, и пр. Ну, раз в месяц кого-то убивают. Это несравнимо с временами, когда за каждое полугодие в лагерях гибли сотни тысяч людей.

ЕСФ: В статьях журнала «Путь» Бердяев предвидел: «Царство мещанства окрепнет, и его блага получают всеобщее распространение». Весьма специфической он представил себе постсоветскую церковь, в которой «рядовыми» окружен главный «фельдфебель» Христос. Действуют ли сейчас – как главные силы – воспитанники советской идеологии?

НДЛ-Р: Если смотреть на нынешнюю Россию издали, в ней видна часть принципов, движущих общество в предшествующую эпоху: концентрация власти у одного человека и ее утверждение через рычаги институтов власти (законодательную и исполнительную ветви). Как при Сталине, а не как при Андропове, верховная власть застрахована в своем существовании разделением военной мощи и МВД/ФСБ в России. С одной стороны, система, являющаяся потомком НКВД, 400 000 человек, под личным командованием президента, с другой – военные силы, подведомственные министру обороны. Однако в современной России сегодня существуют некоторые демократические принципы, которых ранее никогда не было ни в Российской империи, ни в Советском Союзе.

ЕСФ: Например?

НДЛ-Р: Вот то, что мы с Вами сейчас сидим и разговариваем. В Советском Союзе и меня, и Вас бы уже посадили. А уж про «уехать куда хочется» нечего и говорить. В Российской империи тоже было нечто подобное, в частности, из страны очень трудно или часто невозможно было выехать, даже аристократу. Ну, а крестьянину, прикрепленному к земле – просто невысказано. Сейчас любой гражданин, если ему не нравится жить здесь, может уехать. А если он не может уехать, он может пойти на некоторые компромиссы,

ни в чем не участвовать, жить дураком, но умереть естественной смертью. В Советском Союзе это было совершенно невозможно. Так что, если подводить баланс, то сегодня в России живется легче, чем в предшествующие эпохи.

ЕСФ: *Как Вы думаете, что сейчас заставляет людей в здравом уме отрицать репрессии? Так, например, как говорит Зюганов: «В нашей деревне репрессий не было».*

НДЛ-Р: Это политический маневр с его стороны. А есть и самообманщики. Они по-своему счастливые люди, подобные приверженцам религий, пытающимся рассказать нам о сотворении нашей планеты вопреки научным сведениям. Спорить с такими людьми бессмысленно. Как только я чувствую, что человек заиклен на чем-то, я замолкаю.

ЕСФ: *А мне кажется, что это подсознательный страх, в случае Проханова, например, у которого половина родственников репрессирована, но он из кожи лезет вон, чтобы всем – и прежде всего себе – доказывать допустимость недопустимого..., т.е. оправдать репрессии. Еще 15 лет назад Ваш дядюшка Николай Васильевич Вырубов в известной статье в журнале «Наше наследие» говорил об «этической компоненте» в политике, которая должна быть «привита» в России, о том, что путь развития России – вместе с Европой, что Европа нуждается в том же. И многие в России были согласны с этим европейским путем развития России. Сейчас же изменились настроения в стране, изменилась ситуация в самой Европе, я слышала и от образованных европейцев, что Европа ныне все более становится «Музеем Европы». Следовательно, воссоздание единого пространства Европы и России ныне – закрытая дорога? Или это временно?*

НДЛ-Р: Россия – часть европейской культуры, а не восточной, это несомненно. Несомненно и то, что Европа рушится. Евросоюз – это обанкротившаяся система. Но основные ее моральные принципы близки России. Большинство населения в обоих пространствах христиане. Так что как бы многие ни старались развивать интерес России на Восток, это непродуктивно, ибо психологически Россия и Восток очень различны. Но самое важное – торговля России с Востоком 30%. Неизбежно экономические связи ведут к политическим решениям. Я надеюсь, что безумное поведение Евросоюза и США по отношению к России скоро закончится. Месяц тому назад Киссинджер

И.В. Вырубова, мать Никиты, со своей сводной сестрой Ольгой Трубниковой, тетей Ю.А. Трубникова. Лозанна, 1939 г.

приезжал в Москву с теми же предложениями, что он сделал в 2013 г. и которые были переданы Никсоном в 1972 г. 44 года тому назад: принимая во внимание свои национальные интересы, каждая из сторон должна стараться мирно договариваться. Я согласен с тем, что России благоприятен европейский способ развития по двум причинам. Первое – это, что торговые отношения России со странами СНГ составляют только 14% от объема ее внешней торговли с дальним зарубежьем, так что и эти размеры несопоставимы по значимости для благосостояния страны, которое складывается не в последнюю очередь из обмена товарами. Второе – это территория России. Россия в этом отношении исключительно уязвима, и ее политика во все века строилась именно на защите пространств, создании буферных государств. С одной стороны, российский флот, чтобы выйти в Балтику, должен пользоваться узеньким проливом, где его могут контролировать флоты, ему враждебные. Со стороны суши северо-запада там простираются поля, равные территориям некоторых маленьких стран. Потому Наполеон или Гитлер какое-то время могли относительно легко наступать по ним. Так что России было необходимо строить хорошие отношения с пограничными странами. Например, доктриной Сталина было – окружить себя вассалами. И потому для выживания обеих сторон, по крайней мере, необходимо иметь корректные отношения друг с другом. Европа нуждается в российском рынке и наоборот, Россия нуждается в Европе для финансирования роста своего развития и приобретения технологий.

ЕСФ: А эта нынешняя беспомощность, одряхление Европы не является препятствием для оживления диалога?

НДЛ-Р: Нет, ибо оживление является политическим решением, к которому Евросоюз (Меркель и Олланд) придут по экономической необходимости. Хотя Европа постепенно «дохнет», и политическая корректность не позволяет реально справляться с проблемами терроризма. Вы подумайте, мэр одного из районов Брюсселя, чтобы удержаться у власти, сам создал из избирателей маленький «исламский кружок заговорщиков»! Россия остается одной из немногих стран в Европе, где преобладают местные православные жители, и как директивное государство, она сможет справиться со здешними террористами.

ЕСФ: Значит, путь интеграции с Европой нарушен, раз сама Европа теряет свои позиции?

НДЛ-Р: Россия была готова взаимодействовать с Европой и США, они отказались. Есть конфликты внутри этих стран. Так, Обама не управляет страной, ибо и Сенат, и депутаты нижней палаты Конгресса США относятся в своем большинстве к другой партии. Когда американские представители приехали на переговоры по поводу ракет, которые должны были

быть расставлены вокруг России, аргумент России был таков: если они назначены, чтобы обороняться от Ирана, давайте ими управлять совместно. Делегаты согласились. Но когда они вернулись в США, Конгресс отказался принять это решение.

ЕСФ: *Через два года исполнится 100 лет со времени первой публикации «Заката Европы» Шпенглера, и, к сожалению, кое-какие черты упадка, предсказанные им, налицо. И все равно единственный путь для развития России – интеграция с Европой?*

НДЛ-Р: Не единственный, но плодотворный. В Европе 500 миллионов потребителей, которые могут покупать продукцию России. России же нужно производить, продавать и зарабатывать, чтобы развиваться и улучшать уровень жизни населения.

ЕСФ: *Что Вас более всего привлекает, или задевает, или раздражает в «новых русских»?*

НДЛ-Р: Увы, я «новых русских» очень мало знаю. Когда Вы говорите о «новых русских», я это понимаю как российскую финансовую и правительственную элиту. Это люди, с которыми я изредка встречаюсь по делу. А личное общение у меня происходит только с теми людьми, которых я знаю 50 лет, Вы по случайности попали в орбиту наших встреч. О тех же почти ничего могу сказать. Мы с ними люди «разных полей ягоды». Кроме русского языка у нас ничего общего нет. Любая деловая встреча с сановниками вызывает у меня раздражение. Кроме разве премьера Дмитрия Медведева, который как адвокат разговаривает очень рационально. А нижнее руководство – замминистры и всякие помощники – это пропитанные советским духом двурушничества люди, врут безнаказанно и безответственно. Вот эта безответственность в России меня страшно утомляет. И в суд даже подать нельзя, ибо судьи являются рычагами исполнительной власти, не законодательной.

ЕСФ: *Как же при безответственности возможен диалог с европейцами?*

НДЛ-Р: Очень сложно, ибо понятия двух сторон противоречат друг другу. Но это не означает, что не нужно продвигаться по этому пути.

ЕСФ: *Бунин в «Окаянных днях» написал, что среди современного ему населения России есть потомки того племени, которое называлось «чудь белоглазая», они совершенно асоциальны, и являлись стержнем революции. А через сто лет один блогер на «Эхо Москвы» написал, что вот Вы идете по улице, заходите в учреждения, Вы понимаете, что есть два русских народа, его представители сразу узнают друг друга в лицо, эти два русских народа совершенно различны, между ними ничего общего. Это не интеллигенция, это шире, люди из разного теста. Замечательный филолог, недавно умерший, Виктор Живов настаивал на том, что все зло в России вот в этих двух неслиянных частях, друг друга не принимающих, и пошло оно*

С.Е.А. Евтушенко. Дом-музей Лобановых-Ростовских в Филях. Москва, июнь 2005 г.

от Петра Великого. Поскольку образовалось две культуры в одном народе. И оттого задержалась и укреплялась революция, и вся социальная ненависть, собственно, направлена не к «враждебному классу», а к «культурно чужим».

НДЛ-Р: Ничего не могу сказать по этому поводу. Я никогда не был включен в жизнь страны и могу делать лишь поверхностные наблюдения и замечания.

ЕСФ: Вы знали многих выдающихся художественных деятелей, Вознесенского, Окуджаву, Евтушенко... Какими Вы их увидели?

НДЛ-Р: У Окуджавы был изумительный шарм. Я услышал его впервые, когда он пел свои песни и играл на гитаре в Сан-Франциско в 1974 г. В Евтушенко я увидел способность актера отдавать и выжимать полностью всего себя, выступая перед зрителями. Я это понял, когда после его выступления, длившегося полтора часа, на ужине он просто уронил голову и заснул от усталости. Да.

ЕСФ: Он такой эксцентрик, немножко клоун, что подчеркивает его одежда?

НДЛ-Р: Люди, подобные ему, это серьезные люди. Он, во-первых, серьезный поэт, а потом серьезный актер. Мне приходит в голову Смоктуновский, к примеру. Я бы не употреблял слово «клоун». Я полагаю, более подходящее – «футурист», человек, привлекающий к себе внимание разными путями, в том числе и одеждой... Вознесенский же увлекал интонациями, когда декламировал свои произведения. Тембр его голоса, ритм и интонации – все вместе завоевывало слушателей. А Бродский поражал меня своим феноменальным интеллектом. Для меня он был исключительным собеседником, потому что у него был обширный диапазон знаний. Мы говорили о катарах и богилах, а также и о современной музыке в Англии. О чем бы Вы ни заговорили с ним – он уже это знал! Он обладал колоссальной эрудицией. И она впечатляла меня больше, чем его поэзия. Я ведь почти не читаю стихи. А в разговорах он был изумительно интересен. Мы встречались с ним на «тусовках» или я приглашал его иногда в ресторан в Лондоне. Для меня Бродский был исполнен шармом, непринужденностью, обаянием.

ЕСФ: А как вы относитесь к мнению Твардовского, кстати, деятельно защищавшего Бродского, но высказавшегося после встречи с ним как о

неприятном молодом человеке, но талант которого стоит целого поколения?

НДЛ-Р: То же самое могу сказать и о Твардовском, который не был особенно приятным в общении человеком. А еще больше это касалось супруги Твардовского, которая на него сильно «налетала» при людях. Но Твардовский же был могучим талантом.

ЕСФ: *Еще раз вспомним о Ваших дарах России. Вы, как человек хорошего вкуса, постарались сводить к деловым объяснениям свою благотворительную деятельность в пользу России. Более того. Вы часто говорите, что отдаете то, что уже не является предметом Вашего коллекционерского пыла и интереса, или отдаете то, что получили вдобавок к основному предмету, за которым охотились. Короче говоря, стремитесь «принизить» свои мотивы и таким образом уйти от похвал размаху Вашему великодушию. Но как объяснить столь щедрые дары Музею изобразительных искусств имени Пушкина, которому Вы, среди прочего, подарили картину маслом Де Кирико и акварель Дуйсбурга. А Музею личных коллекций Вы подарили подборку советского фарфора 1920–1930-х годов, плюс предметы живописи и графики, и плакаты. Все это на сегодняшний день представляет бесспорную художественную и материальную ценность.*

НДЛ-Р: Я это сделал только из уважения к Ирине Александровне Антоновой. Если бы я был в траншеях на фронте, и мне надо было выбирать кого-то, с кем идти в разведку, я бы выбрал именно ее. Потому что я и был с ней на «фронте». И это описано в моих воспоминаниях. Когда заведующий Советским фондом культуры спросил: «почему Вы хотите со мной встретиться», я ответил: «оттого что Вы предложили показать наше собрание в Советском Союзе». Тот сказал: «но я никогда не делал Вам предложения показать!». А это было не так! И я тут же при нем набрал телефон Антоновой. И они начали ругаться – хотя оба были партийными товарищами. И она действовала решительно, как мужчина, и «добила» его, выиграла этот телефонный раут, в результате которого в 1985 г. состоялась наша первая выставка в Москве в ГМИИ им. Пушкина. Антонова осмелилась показать наше собрание в Советском Союзе. И это было третье зарубежное собрание, показанное в Москве. Первой

Н.Д. Лобанов и И.А. Антонова. Пресс-конференция на открытии выставки работ из коллекции Лобановых-Ростовских в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1988 г.

открылась выставка из коллекции Арманда Хаммера, как здесь говорят, друга Ленина. Второй была экспозиция из собрания барона Тиссена, может быть потому, что его заводы поставляли Союзу сталь. А третьей выставкой оказалась наша. Антонова в эти годы шла против течения. То есть она делала то, что в Советском Союзе не было в моде. Это не означает, что она не была лояльна советской власти. Но у нее были свои независимые принципиальные соображения по поводу развития отечественной культуры. Однажды меня пригласили на Би-би-си в качестве переводчика снимать фильм о трофейном искусстве в СССР. И мы снимали сотрудников Музея изобразительного искусства, один из которых показал даже шкаф, наполненный этими артефактами. Затем идем к Антоновой, чтобы взять у нее интервью. Она нам сообщает: «У нас никаких произведений трофейного искусства нет!» Год спустя я спросил: «Ирина Александровна, как Вы могли так сказать, когда Ваш сотрудник указал даже на шкаф, где они находились?». И она мне ответила: «Никита, я директор музея и член партии. Мне было велено не признавать наличие у нас этих предметов». У меня было два пути: сказать «да», и тогда меня убирают из музея. Или ответить «нет» и остаться. Что важнее, выжить музеем, или самой «сохранять лицо»?»

Портрет С.Н. Андрониковой (слева) и Ашени Маликовой в исполнении А. Яковлева, Париж, 1922 г. Дом-музей Марины Цветаевой. Москва.
Дар Н. Лобанова

А ведь музей, как все знают, так успешно развивался, приобрел всемирную известность во многом благодаря организационному дару Антоновой. И за подобные решения я ее уважаю. Потому я сделал эти ценные дары.

ЕСФ: Вы продолжаете в той же манере «снижения пафоса» путем обыденных и утилитарных объяснений. А почему Вы отдали свои дары в московский Музей М.И. Цветаевой? И что за бесконечные дары Музею Ростовского Кремля в Ростове Великом?

НДЛ-Р: Потому что в Музее Цветаевой ничего существенного не было! И я подарил портрет Саломеи Андроникашвили, подруги Цветаевой, работы Александра Яковлева. Вначале они повесили его над камином... А теперь он не виден в экспозиции, увы. Я часто отдаю те вещи, которые не являются главной темой нашего собрания. Поэтому-то я подарил Музею изобразительных искусств ключевую работу Дуйсбурга «Чер-

ный зигзаг» в качестве символа художественного направления. Тео ван Дуйсбург и Пит Мондриан – основоположники абстрактной живописи. В «Зигзаге» Дуйсбурга заключается смысл его ссоры с Мондрианом. Мондриан практиковал только горизонтальные и вертикальные линии. Он создавал свои картины с помощью шелковых тесемок, которые прикреплял к мольберту. А Дуйсбург ввел зигзаг как дополнение к прямолинейным линиям Мондриана. Именно из-за этого они поссорились. Так и картины Брака и Экстер, которые я недавно подарил музею Ростовского кремля, не входят в наше собрание. В этот музей я передал массу предметов в надежде, что они откроют в качестве филиала «Музей Н.Д. Лобанова-Ростовского».

*Катрин Денёв и Н. Лобанов.
Лондон, 2002 г.*

ЕСФ: *Есть такие знаковые фигуры мировой культуры, которых за границей любят, может быть, еще больше, чем на родине. У нас так любят Катрин Денёв. Я видела Вашу фотографию с ней. Каково Ваше знакомство? В России нам кажется, что она эталон женственности.*

НДЛ-Р: Она для меня очень значимый человек, поскольку принимала участие в фильме «Восток–Запад». Я думал, что это фильм был сделан обо мне. Там многое совпадает с моей биографией! И вот я встречаю ее на ужине. Заговорили о фильме. Она сказала, что фильм был снят по мотивам жизненной истории Никиты Кривошеина... Да, она очень женственна, но ей нравятся женщины больше, чем мужчины.

ЕСФ: *Вы обещали рассказать о меценатах Михаиле и Марии Цейтлинных, друзьях Бунина, Волошина, Ларионова и Гончаровой?*

НДЛ-Р: Это исключительно одаренная семья! Бывал я у них в Нью-Йорке ради их дочерей. Конечно, параллельно я интересовался живописью. Они были состоятельными людьми. Они жили на улице, которая эквивалентна тем генеральским домам на Кутузовском проспекте, где жило семейство Брежневых. Цейтлины жили на улице Сентрал-парк-Уэст, простирающейся вдоль западной стороны Центрального парка в Манхэттене, в квартире на верхнем этаже. Квартира была особенным образом спланирована, чтобы солнце в ней было целый день. Я, к сожалению, был молод и легкомыслен, не воспользовался всем тем кладезем знаний, которые были у Цейтлиных. А вместо того танцевал с их дочерьми и всеми теми, кто бывал на их вечеринках. Но и тогда я уже понимал, что они величины русской культуры. Они были очень деятельны, издавали два журнала в Нью-Йорке. Вот что было определяющим. А не просто интеллигентными и знающими людьми.

ЕСФ: Вы были знакомы с Питером Устиновым?

НДЛ-Р: Да, много лет. Это был исключительно одаренный человек. Он мог разговаривать на многих языках как «туземец». Я, например, говорю по-русски с детства, но человек, родившийся в данной местности, сразу же, по интонации, по некоторым словам поймет, что я не местный. Устинову же удавалось интонационно, мимикой воспроизводить местные особенности. К тому же он был очень терпеливым человеком. Однажды я присутствовал на трехдневных съемках в г. Лугано. Фильм был о Дягилеве. Питер Устинов играл Сергея Дягилева, Владимир Васильев – Вацлава Нижинского, а итальянская балерина Карла Фраччи играла Тамару Карсавину. Был один эпизод, в котором участвовали все трое. Его снимали десять дублей подряд, один за другим. Что-то постоянно не нравилось режиссеру. На следующий день за завтраком я, сидя напротив Устинова, спросил его: «Питер, зачем Вы соглашаетесь десять раз делать то же самое? Это же для вас страшная потеря времени и сил, это Вас утомляет!?» Он мог поднять левую или правую бровь отдельно, по своему желанию. Он поднял одну бровь и сказал: «За деньги!»

ЕСФ: Каким Вам помнится Илья Самойлович Зильберштейн?

НДЛ-Р: Знакомство с ним было для меня очень значимым. Потому что он меня поддержал в тот период, когда все окружающие считали, что я собираю что-то совершенно не нужное, – т.е. русскую театральную живопись – и подсмеивались надо мной. Двумя моральными столпами для нас Ниной в нашей коллекционерской жизни были, Илья Самойлович Зильберштейн, а позже Альфред Барр, директор Музея современного искусства в Нью-Йорке. Они поддержали и подтвердили правильность наших изысканий. Каким я запомнил Зильберштейна? Он был бледный, казался болезненным. Говорил быстро и четко, довольно резко. Что значит резко? Например, когда он предлагал Вам чаю, он энергично восклицал: «Пейте! Ешьте!» Мы с Ниной у него всегда бывали с большим удовольствием. Несмотря на абсолютный беспорядок, царящий в его кабинете, он называл его «научным беспорядком», и даже уверял нас, что есть причины для этого. В таком беспорядке он всегда мог все найти, что нужно в данный момент. Он не только уверовал в значимость нашего собрания, но и рисковал своей репутацией, уговаривая заведующего Советским фондом культуры Мясникова сделать выставку нашего собрания в Москве. Он смог это сделать, потому что в Уставе Фонда культуры СССР были указаны репатриация и демонстрация культурного достояния России. По той или иной причине Мясников в дальнейшем от этого предложения отказался, как я уже говорил. Были и другие «практические стороны» нашего знакомства. В 1970 г. Илья Самойлович одолжил нам денег, чтобы мы могли уехать из Совет-

ского Союза, когда меня ограбили. В холле гостиницы «Дніпро» в Киве ко мне подошел человек и легко прикоснулся к пиджаку, как будто решив удостовериться в качестве материи, из которой был сшит мой костюм. Я нисколько не удивился и не встревожился. В принципе, интерес вполне объясним, поскольку таких хороших материалов в стране в 1970-м году не было. А оказалось, что это был карманник, укравший у меня все наличные деньги... Итак, три различных, но очень важных случая, когда Илья Самойлович «подставил плечо». Вообще, должен повторить, если у Вас есть общие жизненные интересы, то политические разногласия становятся второстепенными.

В. Серов. Похищение Европы, 1910 г.

ЕСФ: *Может ли культурная эпоха русского Серебряного века претендовать на то, чтобы стать частью мировой культурой в глазах Европы?*

НДЛ-Р: Только в театральной живописи. В станковой живописи того времени нет ничего такого, что не было бы достигнуто на Западе.

ЕСФ: *Никита Дмитриевич, но какой-нибудь Беклин того же направления гораздо хуже русских художников, слаще и поверхностей!*

НДЛ-Р: Сотни художников были хуже российских, но десятки были лучше. Вот Вы, Георгий Георгиевич²⁴, художник-профессионал, выразите мнение, на каком уровне находится русский Серебряный век в контексте мировой живописи.

Георгий Г. Шишкин: Я думаю, что нужно говорить о личности художников. Полагаю, хотя их объединяет эпоха, нельзя говорить об их художественном объединении, а только как об отдельных личностях. И потому нельзя сравнивать художественную эпоху с зарубежной, а нужно каждого – с каждым. Скажем, Валентин Серов, написав портрет Иды Рубинштейн, показал свою борьбу объемного взгляда с плоскостным, и сделал это в каком-то аспекте раньше Матисса. Для меня же важна русскость открытий. Наше искусство, на мой взгляд, должно следовать национальному направлению развития.

ЕСФ: *Мы же говорим об оценке...*

ГГШ: А что такое оценка? Если рассматривать русское искусство по меркам западноевропейского, то оно всегда будет на втором месте. Весь

²⁴ Г.Г. Шишкин – русский художник, создавший особый способ подготовки основы картины для работы с пастелью. Автор почтовых марок Монако и России. Ныне живет в княжестве Монако.

«Бубновый валет», например, – последователи Сезанна. И они дают некий карикатурный взгляд на русское естество. Их же представляют как некую художественную вершину. А в русском искусстве, в русской художественной природе существует столь много тонкого, глубокого и – своеобразного, чего нет нигде.

ЕСФ: *Если Вы предлагаете говорить отдельно о личностях, то кто может претендовать на то, чтобы войти в «страницу мировой культуры», Бакст, Бенуа, Борисов-Мусатов, Петров-Водкин?*

ГПШ: Пожалуй, как театральный художник, Бакст. Однако он скорее выразил чувственный Восток, нежели нечто специфически российское – в соответствии с художественной тенденцией того времени...

ЕСФ: *Никита Дмитриевич, каковы Ваши информационные источники по Серебряному веку, библиотеки, архивы, мемуары? Что Вы предпочитаете и любите?*

НДЛ-Р: Источников, когда я начал собирать вне России в 1958 г., не было. Как мы узнавали о художниках? По театральным программам. Это была единственная литература, в которой можно было прочитать имена художников. Например: балет «Стальной скок» 1927 г., художник-постановщик Георгий Якулов. К счастью, в Париже и Нью-Йорке были антиквары, у которых имелся отдел театральных программ. Это и было основой нашего знания до 1960 г., когда в Советском Союзе впервые можно было заговорить о Бенуа.

ЕСФ: *Уместна ли монархическая идея в России? в каком виде? и нет ли опасения, что она непременно превратится в балаган? Есть такое мнение среди монархически настроенных россиян, что «Романовы себя исчерпали. И если заняться в какой-то мере ее реконструкцией, то надо организовать выборы и искать совершенно нового человека».*

НДЛ-Р: Я думаю, есть очень серьезные шансы восстановить монархию в России в будущем. Это может совершиться легитимно по двум причинам. Юридически монархии в России никогда не был положен конец, юридически она не была отвергнута. Следовательно, юридически возможно вновь созвать священный собор, который будет состоять из потомков аристократов, духовенства и выдающихся людей современности. И эти люди смогут выбрать монарха. Существует договорный опыт, как это политически организовать, как, скажем, это сделал Франко. Он в свое время выбрал не свергнутого монарха, а его сына, чтобы было время образовать и подготовить его к будущей деятельности.

ЕСФ: *Как Жуковский Александра II?*

НДЛ-Р: ...И создать монархию, учитывающую многонациональность России, которая сформировала бы возможности к объединению различ-

ных национальностей и меньшинств. Так что я считаю такую возможность вполне реальной и разумной.

ЕСФ: *А Вас не смущает, что «выборное решение», скорее всего, окажется заранее подготовленным?*

НДЛ-Р: Как ни странно, такое бывает и в других странах. Это не только «привилегия» России. Так выбрали Романова.

ЕСФ: *Чего ж тогда собирать собор?*

НДЛ-Р: Я говорю о легитимности, которое в России считается второстепенным фактором. А в англосаксонском образе мышления легитимность является основой государства.

ЕСФ: *То есть Вы считаете, что может быть выбран и один из потомков Романовых, и кто угодно другой, это уж как посмотрит общество?*

НДЛ-Р: Конечно. Я бы даже сказал, что монархия для России не только возможна, но и необходима.

ЕСФ: *Монарх должен обладать реальной властью, или быть национально-декоративной фигурой?*

НДЛ-Р: В смысле власти – декоративной, как сегодня все монархи в Европе. У него другая задача. Он должен был символом, который сплачивает национальные и конфессиональные множества. В царские времена в России, в отличие от других стран, существовала огромная толерантность к другим конфессиям. Это подобно Оттоманской империи. Суниты в оттоманские времена были толерантны к другим религиям, в отличие от христиан. Более сильного примера толерантности в этом отношении невозможно привести.

ЕСФ: *Меня пугает, что те монархисты, которых мы знаем сегодня, например, по фильму «Голубая кровь. Дворяне и дворянки», в большой степени маргиналы и чудачки, если говорить мягко. Не превратится ли это мероприятие сразу в последнюю дискредитацию монархической идеи?*

НДЛ-Р: Этого я не могу предсказать.

ЕСФ: *Вы человек дела, Вы всегда это подчеркиваете; для Вас важны действия. Но Вы и человек живого темперамента, горячий вспыльчивый. Есть и третья сторона, как свидетельствуют люди, хорошо Вас знающие, Вы – человек любящий. Это так?*

НДЛ-Р: Да, правда, я очень любил в своей жизни. Но я думаю, ненависть, злость сочетаются во мне равномерно с любовью.

ЕСФ: *То есть Вы – человек сильных чувств – вопреки Вашему прагматизму?*

НДЛ-Р: Может быть, да.

ЕСФ: *И это залог Вашей неиссякаемой молодости?*

НДЛ-Р: Кто его знает?

Мария Антонян
После прочтения
интервью-повествования
«Мне важнее действие, чем созерцание»

Что отличает хорошее интервью от среднего или плохого, от обычного интервью-формата или интервью-задания? – Его читабельность. Эта читабельность заключена в том, что молчаливый читатель становится органичным участником. Пока длится этот диалог, читатель может не соглашаться. Может, например, возникнуть острое желание высказаться вслух. Он включен в этот чужой разговор и присваивает его себе.

У этого интервью есть известная функция: фиксировать и транслировать прошлое. Это как-то особенно ценно сегодня, когда не смолкают разговоры о глобализации, футурологических концепциях и непонятной российской действительности.

Я – человек, склонный к относительной романтизации прошлого. Вероятно, это связано с чрезмерным влиянием классической русской литературы. Она, как и Университет, изрядно попортила мне жизнь и сознание, пока их же формировала. Поэтому я практически идеальный читатель такого интервью. Хотя надо отметить мою неусидчивость, связанную скорее с ритмом сегодняшнего времени и с досадным ощущением: «так больше не живут, так почти не относятся друг к другу».

Оно вполне могло бы быть частью большой книги. Насыщенной, которую осилит не каждый. История человека, история времени, история прошлого в настоящем. И, потом, где ты еще посмотришь на зрелую мужскую аристократическую красоту?

*М. Антонян и Н. Лобанов.
Ресторан Корчма. Москва, 2017 г.*

Тема тюрьмы сложна лично для меня на генетическом уровне. Мой дед провел 17 лет в ГУЛАГе. Теперь, каждый раз, заходя в тематический музей, срабатывает память физическая. То же происходит, когда приходишь на спектакль «Крутой маршрут» в московский театр «Современник». Хотя сама книга Е. Гинзбург, когда тебе 16 лет, читается легко, без трагизма, как родная, залпом.

Если отойти от очевидной ценности «повествования об ушедшей истории», которая никуда не уходит, особенно звучат в интервью отдель-

ные строки. Они объясняют человека в целом. Например, вот это: «Откровенность – это для Лобанова-Ростовского также вопрос самоуважения, нежелания унижать себя мелкостью уловок», или «Необузданность и прагматизм», или «Я не спрашивал о родителях. Бесплезно спрашивать у хамов».

Конечно же, это история о патриотизме. О том, который про «моральный выбор – не оставлять ни в мыслях, ни в поступках Россию», о том, который о сохранении в себе понимания и присутствия русского аристократа, о внимании к своему детству.

Подумалось, что на самом деле Лобанов-Ростовский кажется абсолютно современным человеком, и человеком в этой современности скорее западным. Он мог бы быть основателем новой премии, стипендии, фонда. Кажется, он представляет ту модель «осуществившейся» личности, которая разнопланова, самобытна, субъективна, независима, ответственна, образована, трепетна к корням. Для которой, следуя цитате из интервью, «важнее действие, чем созерцание». У него существуют ориентиры, нашим состоятельным людям современной России в общем-то чуждые. За редким исключением и тех попыток, которые часто выглядят пародиями. Пока.

Наталья фон Гент **Господин из Сан-Франциско**²⁵

В Берлине открывалась интернациональная художественная ярмарка. Владельцы галерей, художники и собиратели искусства съехались со есего мира в молодую столицу Германии. Художник Женя Шеф пригласил меня сопровождать его, – я охотно согласилась. Прогуливаясь по гудящим многоязычием залам и павильонам, здороваясь беспрестанно то с одним, то с другим, раздавая направо и налево воздушные поцелуи, он представил меня мимоходом одному седовласому джентльмену, американцу с русскими корнями, занимающему высокое положение в деловых кругах Америки. Господин находился здесь со своей супругой-американкой, но его короткий и строгий взгляд притязательного и строгого знатока женщин и женской красоты, брошенный на меня, на секунду выдал мне его досаду по сему поводу. Вечером Женя затянул меня контрабандой на званый ужин во французский ресторан, где собрались российские художники и любители русской живописи. Рядом со мной сидела супруга господина, столь меня очаровавшего. Я с большим усердием и вниманием развлекала ее легкой

²⁵ Глава из книги. *Наталья фон Гент*. Сказать судьбе «прощай». Германия: «stella.ru», 2010. 262 с.

Евг. Шефер у себя в студии в Берлине, 2011 г.

беседой. Господин внимательно на меня поглядывал, а после ужина взял супругу под руку и, пожелав всему обществу доброго вечера, откланялся, даже не взглянув на меня. Кажется, на этом история должна была закончиться. Но как-то пару месяцев спустя Женя, послав своим друзьям по электронной почте новый анекдот про Вовочку, указал в числе прочих получателей и его

адрес. Мне в руки приплыл шанс из интернета, посланный через спутник! Небесный провайдер... Сию минуту я написала ему короткое письмо. Часом позднее у меня зазвонил мобильный: он хотел меня видеть!

Две недели спустя я летела к нему на встречу. Безработная, несчастная, одинокая русская эмигрантка, сидела я в роскошном дорогом отеле, от которых давно уже успела отвыкнуть, в ожидании его. Он прилетел рейсом из Бостона и в сопровождении порттье вкатывал свои костюмы и чемоданы. И вот он стоял передо мной в шикарном номере отеля – красивый, стройный, подобранный, с интернациональным лоском, с именем, которое давило на меня своей значительностью. Я робела. Я ни на минуту не забывала, что я – бедная и заблудшая, а он – Король Солнце. Я с удивлением констатировала, как изменила меня моя трудная жизнь. Я была другим человеком.

С первого мгновения я любила его. Я боготворила его, и сердце мое постепенно расцветало, наполнялось радостью. Я училась у него. Я видела многие его недостатки, но мне они не мешали. Я была снисходительна к его тщеславию и самомнению, ибо для меня он был ходячей Российской историей. Расставаясь с ним, ожидая, когда и в какой точке мира он вновь назначит встречу, я с изумлением изучала в Интернете ветви его родословного дерева, берущего начало в XIII веке, рассматривала фотографию его супруги на приеме в Белом доме и тихо восхищалась, как превосходно он выглядел в своем черном фраке... Мое сердце замирало, глаза блестели, голова была прозрачной и невесомой. Есть в жизни обстоятельства, когда мы добровольно и с готовностью выпускаем из рук поводья, отдавая ход событий на волю любимого человека, и только и думаем, как бы увидеть его, хоть на минуту, только и ищем самозабвенно, сгорая от нетерпения, его звонка, чтобы в ту же минуту бросить все, еще день назад казавшееся важным и неотложным, – и тотчас же бежать к нему. Любовь – единственная болезнь, прививка против которой не защищает от рецидивов, не образу-

ет антител, и не предохраняет от нового заражения. Он не любил меня. Он жил в другом мире. Слишком близко к солнцу. Я была для него приятным, волнующим развлечением.

Мой седовласый господин никогда не жил в России, но факт, что он происходил из старинного княжеского рода, упоминаемого Толстым в «Войне и мире», играл большую роль в моем восприятии этого человека. Его язык сегодня был английский, мой язык сегодня был немецкий. Но у нас был общий язык, который я почти забыла. Ведь годы работы над диссертацией, писавшейся на немецком, окончательно выбили остатки русского из моей головы. Общаюсь с ним на ломаном русском, я бесконечно сожалела, что так запустила родной язык. Он бранил меня за это. Иногда, не находя в быстром потоке речи нужного слова, я вставляла немецкие слова, которых он не понимал, или останавливалась, давась отсутствием искомого выражения и ступенькаясь еще больше под его строгим взглядом. Я думала, что как-то все это так странно, что судьба послала мне его после того, как я заключила с ней перемирие и договор. Но для чего? Это мне предстояло выяснить. Что все это? И что будет дальше? И какой все это имеет смысл? Я отдавала себе отчет, что никакого будущего эта любовь иметь не может. Что рано или поздно мы расстанемся. Я не ожидала ничего помимо того, что само шло мне в руки. Я всем сердцем принимала и вбирала в себя то счастье и ту боль, которые обрушивает на нас любовь, не строя никаких планов, не загадывая, когда же он меня бросит, не спрашивая себя, сколько любимых у него было и еще будет, не пытаюсь искать в его глазах и словах какой-то скрытый смысл или тайный намек. Я не гадала на картах, не размазывала кофейную гущу, не читала гороскопов. Я ни разу не спросила его, любит ли он меня. Я ни разу не потребовала, заламывая руки и падая в обморок, полюбить меня, верно и до самой смерти! Я не рыдала, видя его холодные глаза, Я просто наслаждалась любовью, посланной мне небом, ничего не требуя дополнительно ни от неба, ни от него. Я знала, что любовь, которую я к нему испытывала, никто не мог у меня отнять, ее нельзя было купить, продать, я получила ее даром, «на память», и это было – мое, и это было – внутри...

Я почти ежедневно писала ему письма, посылая их по электронной почте. Я почувствовала жгучую потребность перечитать Бунина, Чехова, Толстого. От того, что мой любимый был столь недосыгаем, я, чувствуя огромную надобность выплеснуть наружу все эмоции, начала писать. Я писала по-русски.

Я писала и писала. Я любила его. Почему мы всегда стараемся заземлить любовь, трансформируя ее в брак, в беременность, в деньги, в алименты, в обязательства или обязанности? Почему требуем от нее надежности, проч-

ности, долговечности? Любовь – не страховка, она не может давать гарантий, выплачивать дивиденды за верность и премии за долговечность. Я любила его, ничего не ожидая и ничего не желая. У меня не было ни единого желания. Я любила этого необыкновенного мужчину, не занимая мысли второстепенным: ни деньгами, ни работой, ни полезными знакомствами. Я знала, что он дал мне несравненно больше. Любовь – от неба. Богу – богово. Любви не до полезности. Год спустя, закончив работу над своей первой вещью, написанной по-русски, я почувствовала, что мне стало свободнее дышать, что любовь к этому мужчине уже не занимает все мои мысли. Наша дружба плавно, как на парашюте, опустилась на землю и постепенно сошла на нет. Он так и не решился расстегнуть последнюю пуговицу своей души. Я оглянулась и поняла – он появился в моей жизни, чтобы привести меня назад, к русскому языку, и вперед, к тому, что я начала писать. Я выходила на свою орбиту. Я и Универсум. Весь мир лежал передо мной.

Наталья фон Гентшенфельде
Диалектика любви²⁶
Лирическое романетто
Предисловие автора

*Наталья фон Гентшенфельде.
Берлин, 2000 г.*

«Диалектика любви» и «Танго» – две любовные истории, трагические и динамичные, которые имели место в действительности. Я опиралась при их создании на документальные и биографические источники, пытаюсь сохранить по возможности точно схему реальных событий и образец действий героев. Я написала эти новеллы потому, что не могла оставить нерассказанной столь необычную любовь.

Героиня «Диалектики любви» Юлия – наша современница. Юлия занимается историческими изысканиями и знакомится с князем Василием фон Стороффски, выходцем из России, нью-йоркским банкиром, представителем старинного аристократического рода. Он высылает ей некоторые материалы, касающиеся его семьи. В них Юлия нахо-

²⁶ Неопубликованная книга.

дит заметку, привлекая ее внимание – историю любви его прадеда Алексея. На основе этой газетной заметки Юлия пишет рассказ. В процессе работы она встречается со Стороффским и влюбляется в него.

Действие происходит на двух уровнях: внутренний рассказ о любовной истории Алексея – Константинополь 1856 – пишется протагонисткой в течение собственного развития новеллы и даже оказывает при этом определенное влияние на события, происходящие с Юлией.

Главный, невидимый герой этих двух новелл – История.

Наталия фон Гент, Берлин, 15 ноября 2005 г.

Посвящаю Н.Л.-Р.

«**Berlin, den 9 April 199-** Многоуважаемый Mr. von Storoffski, я собираю материал о княжеском роде Л-ых, берущем начало в XIII в. ... хотелось бы просить Вас, как одного из его потомственных представителей, мне в этом содействовать... корни России... была бы Вам очень признательна за предоставление исторических справок, если таковые имеются в Вашем распоряжении... также за помощь – по мере возможностей – в поиске соответствующих материалов... более подробной информации... Позволю себе просить Вас выслать мне... Замечу в заключении, что мой интерес связан с тем, что сегодняшняя, посткоммунистическая Россия... на изломе двух эпох... в социальных катаклизмах века... с неизбежностью... диалектика истории... обращается к своему прошлому, к своим истокам...

Yours sincerely, J. Dolgareva²⁷»

«**New York, 14 April 199-** Уважаемая Mrs. Dolgareva, я готов предложить Вам материал; ...предлагаю принять участие в съемках документального фильма о роде князей Л-ых, где Вам предоставится возможность собрать обширный материал... состоится в Москве... июне сего года... Сообщаю также, что в Нью-Йорке через месяц откроет работу конференция, где освещается, в частности, интересующий Вас исторический период... Думаю, было бы целесообразно...

С ув. фон Стороффски»

«**Berlin, 15 April 199-** Многоуважаемый господин фон Стороффски, очень признательна Вам за готовность сотрудничать и за приглашение... С удовольствием приму участие... Буду в Нью-Йорке... сообщите точную дату...»

²⁷Искренне Ваша, Ю. Долгарева (англ.).

...Увесистый конверт пришел несколько дней спустя. Статьи из старых газет, пара пожелтевших от времени фотографий... В конце послания, в приложении, помещалась небольшая газетная заметка, вызвавшая по прочтении необъяснимое смущение, легкую грусть. Отчего бы? Что такое... Не понять... Красивая история... Печальная очень... Жюльетт... Константинополь, 1856 год...

Константинополь 1856. Посол Алексей Л-ов

...В Константинополе 1856 года звенел весенний воздух, кружили в небе ласточки, бурно цвела вишня. Статский советник, князь Алексей Л-ов, 30 с небольшим лет от роду, приняв пост Советника русского посольства в столице Оттоманской империи, давал прием в Дипломатическом клубе. Это был красивый и статный молодой человек, с внимательными и умными серыми глазами, блестящими на выразительном, с правильными чертами, лице. Безупречные манеры выдавали в нем человека тонкого, вдумчивого. То, как обходился он с товарищами и коллегами свидетельствовало об открытости и бескомпромиссности его характера. Рожденный в беспокойном 1825 году, в старой дворянской семье, ведущей свою родословную еще от времен Ивана Грозного, получил он великолепное образование в Царскосельском лицее, закончив его с отличием. Двоюродный дядя Алексея, заядлый историк и коллекционер, прошедший генерал-майором Отечественную войну, жил в Париже, за-

*А.И. Ладурнер (1895–1855).
Николай I принимает рапорт
генерал-адъютанта князя
Александра Яковлевича Лобанова-
Ростовского (1788–1866)*

нимался историческими изысканиями, собиранием военных карт и портретов русских монархов, передал страсть к истории своему племяннику. По окончании лицея Алексей Л-ов, получив соответствующий его положению и образованию пост в Министерстве иностранных дел, обратился с пристрастием к изучению тем и событий прошедшей эпохи, справедливо заключая, что история для дипломата – лучшая наставница для анализа современности, ибо плох тот дипломат, который не разбирается в хитросплетениях прошлого, дабы лучше понять настоящее. Работая в Министерстве, Л-ов познакомился с князем Петром Долгоруким, признанным знатоком российской генеалогии, любителем исто-

рии, слышшим бунтарем, человеком злого ума и неслыханной дерзости. С ним молодой князь углубил знания об интересовавших его событиях недалекого прошлого, издал даже некоторые исследования, в которых разделял критические взгляды своего товарища. Они обсуждали ночами Французскую революцию, читали Герцена и Вольтера. Неосмотрительный и резкий, Долгорукий был вынужден, однако, вскорости покинуть Россию навсегда. Князю Л-ову выпала иная участь. В 1849 году, получив камер-юнкера, он отправился советником в Берлин, откуда, после смерти Николая и перехода власти к Александру II, был переведен в Константинополь, где должен был выполнять миссию сложную: представлять страну побежденную, штопать оборвавшуюся в Крымской войне дружбу между Россией и Османской империей.

Князь Петр Владимирович Долгоруков (1816–1868)

Крымская война (1853–1856)

Внешним поводом для возникновения конфликта 1853 года в русско-турецких отношениях был затяжной спор между Россией и Францией по поводу святых мест Палестины, входящей в состав Османской империи. Обе державы пытались добиться протектората над ее христианами, и, кроме того, получить Иерусалим и Вифлеем под покровительство своей конфессии. Султан колебался, менял мнение, признав вначале право православной церкви, передав это преимущество затем церкви католической.

Раздраженный нерешительностью султана, Николай I отправил в Константинополь князя Меншикова, настрого поручив ему добиться передачи всех православных подданных Османской империи под особое покровительство России. Как и ожидалось, Порта ответила на это решительным отказом. Попытка царя добиться султанского фирмана безнадежно провалилась. Николай, рассчитывая на военное преимущество России и, следовательно, свою легкую победу над султаном, разорвал с ним дипломатические отношения, а летом 1853 года части русской армии своевольно заняли значительный кусок турецкой территории в Балканских провинциях. В ответ на столь дерзкое нарушение своего суверенитета Порта вынуждена была объявить России войну. Война велась с пе-

Студия Ф. Крюгера.
Николай I (1796–1855)

Ю.А. Ковако. Портрет
Александра II (1818–1881)

Ф. Крюгер. Князь Александр
Сергеевич Меншиков
(1816–1868)

ременным успехом. В ноябре русские войска уничтожили турецкий флот у Синопа, успешно продвигаясь вперед, заняли Карс. Опасаясь разгрома турок, правительства Англии, Франции и Австрии вступили с ними в союз против русских. Дело незамедлительно приняло неожиданный оборот. Пал после героического сопротивления Севастополь, перешедший в сентябре 1855 г. в руки противника. Россия, увидев себя один на один с мощной вражеской армией, вынуждена была отступить, признав свое поражение. 30 марта 1856 г. война с турками, вошедшая в историю под названием Крымской, закончилась. В Париже был подписан мирный договор. Таково было положение дел на внешнем фронте политики, когда молодой Л-ов в апреле 1856 г. упаковывал свои чемоданы, готовясь к переезду с берегов унылого Шпрее к блистательным побережьям Босфора.

Было положено празднество на 14 мая. Ожидался приезд султана Абдулмеджида, обед был заказан на европейский манер, повар выписан из Парижа, ждали непременно французского и английского послов. Подавали шампанское в саду. Гости веселились вволю. Дамы обмахивались широкими веерами, смеялись со светящимися от удовольствия глазами, наслаждаясь усиленным вниманием многочисленных кавалеров. Дурнушки ходили королевами, – в высших кругах Порты не принято было выводить жен в свет, держали их в гаремах, учили чтению и письму, а на приемах восхищались просвещенными европейками из дипломатического корпуса.

Весенний воздух опьянял. Оркестр гремел, бокалы звенели, серебристо блестя каштаны, степенно покачивая своими мохнатыми кистями. Доложили прибытие мсье

Буркине, Секретаря Французской миссии, с супругой. Князь Л-ов поспешил приветствовать прибывших. Ему навстречу уже спешил, стягивая на ходу перчатки и шляпу, бросая их привычным жестом распорядителю, молодой, изящно, по последней моде – в стиле Луи Наполеона – одетый дипломат. Его супруга, мадам Жюльетт Буркине, красивая зеленоглазая брюнетка, обронив для приветствия пару небрежных слов, сопровождая их равнодушным взглядом, села, явно скучая, отвернувшись от празднества, под крону каштанов, приказав подать ракию. Алексей, вежливо, в соответствии с протоколом и положением дел, обменявшись приветствием с французским коллегой, поспешил затем к мадам Буркине, пораженный ее красотой, с намерением достойно приветствовать гостью.

*Султан Абдулмеджид I
(1823–1861)*

Нью-Йорк, 199-й... Князь Василий фон Стороффски, среднего возраста и приятной внешности банкир из Нью-Йорка, с гордой посадкой головы и холодным, с легким налетом скепсиса взглядом серых глаз, эмигрировавший в Америку в далеких пятидесятых, усаживаясь 14 мая в кресло самолета, был немного нервозен. Встреча ожидала быть напряженной. Предстояло решить вопрос о предоставлении кредита Болгарии. Прием в посольстве намечен на вторник. Дождь моросил, холодновато для этого времени. Полет из Вашингтона до Нью-Йорка прошел, как обычно, за чтением «Wall Street Journal». Европейские банки выявляли четкую тенденцию к *underperformance* в три процента. Опасения инвесторов могут негативно сказаться на общей ситуации. Federal Reserve повышает проценты. Необходимо сегодня же собрать совет, выслушать руководителей отделений Азии и Ближнего Востока. Что они думают, дальше медлить нельзя...

Наскоро освежившись и надев свежий костюм и сорочку, фон Стороффски спешно просмотрел свежую корреспонденцию, продиктовал распоряжения секретарю и направился скорым шагом к ожидавшему лимузину, на ходу слушая доклад о запланированных на вторую половину дня встречах. Устроился вольготно в широком, пахнущем свежей кожей «ягуаре». Князь предпочитал эту марку, *it's very British*. Он любил Англию, там закончил Оксфорд, там учились когда-то его родители. Кивнул шоферу, плеснул себе минеральной, затянул «Монтекристо №4», чтобы собраться

с мыслями. Затемненные стекла автомобиля надежно защищали его от назойливости улицы.

Переговоры прошли удачно. Следующим пунктом по плану шла конференция.

В его распоряжении оставалось еще немногим более часа. В машине связался с секретарем, попросил заказать столик, как всегда, в японском ресторане в конце Пятой авеню, выпил немного коньяка «Реми Мартен», почувствовал, что напряжение проходит, прикрыл глаза, и через десять минут очнулся, бодрый и отдохнувший. В ресторане подали ему без промедления свежую рыбу, sea bass²⁸, поджаренную с обеих сторон строго одну минуту, его любимое блюдо. Через сорок минут встал из-за стола, закончив обед, и ровно в положенное время занял место в президиуме конференции.

Деловая встреча, назначенная на вечер, откладывалась. Секретарь уведомлял его об этом запиской в президиум. Фон Стороффски, решив остаться на последующий прием, отпустил машину. Рабочий день для шофера был окончен.

Второй раз видел он перед собой эту женщину. Она, стоя перед ним, накладывала себе, как и он, на тарелку черные оливки, держа в свободной руке рюмку с вином, а перед этим, у стойки с горячими блюдами, заказывала свежую рыбу, пожелав обжарить ее строго одну минуту с каждой стороны. Скользнув взглядом по табличке с именем на лацкане ее костюма, он вспомнил, что это, кажется, та самая журналистка, пишущая о его семье, которую внес он в список участников. Подойти поприветствовать, как бишь ее? Не рассмотрел точно имени: Дюльгерова? Долгина? Долгарева? ... Кое-какие материалы подготовлены, не забыть передать ей. Неплохая фигурка, а впрочем, что мне до нее?.. Хотя, недурна, право... взять визитку...

«Как, простите? Юлия? Очень приятно... Что за сборник? Да, понимаю, воспоминания, интересные моменты из жизни, разумеется, почему же нет? Я могу предоставить Вам некоторые дополнительные материалы моего архива, копии статей из старых газет. Буду на съемках фильма в Москве через месяц, можем встретиться, поговорить. Будьте любезны дать Ваш номер, позвоню, сообщу точную дату и место... А что делаете в Германии? Долго уже? В разгаре перестройки? Забавно. Докторантура, да, понимаю, понимаю... В какой же области? Русская история и философия? От тоски по России?.. А разве можно этим деньги заработать? Ну, это чистый идеализм! ...Первый раз в Нью-Йорке? Нравится? В Берлине лучше? Ближе к дому? А откуда родом? Как? Не понял. Где это такое?

²⁸ морской окунь (англ.).

Урал? Эх, как далеко забросило Вас! Какими ветрами занесло? Любовь? Не только? ...А что ж Вы ищите? Что ж искать бесконечно? Странная у Вас романтика... хотя, впрочем, достойно удивления...» Фон Стороффски, кивнув головой, вежливо закончил беседу. «Девчонка, покраснела даже», – снисходительно улыбнулся он про себя и, расправив плечи и вытащив следующую «Монтекристо», закурил, вкушая с наслаждением легкий аромат сигары.

Не дожидаясь завершения банкета, он в приятном расположении духа покинул зал.

«...Красив, необычен, интересный мужчина, интересно, женат? а впрочем, что мне до него...»

«Константинополь, год 1856-й. Жюльетт. ...Мой муж выше всякой меры озабочен своей карьерой. Вы, очевидно, тоже не являетесь исключением, если судить по тому, как стремительно и успешно поднимаетесь по служебной лестнице?»

«Можно вполне понять и оценить прилежание и чрезвычайные успехи Вашего супруга, имеющего счастье получать такое божественное вознаграждение – в Вашем лице, мадам, дабы преподносить плоды труда своего к Вашим ногам как неперменный атрибут восхищения Вами – восхищения той, которая здесь, в Константинополе, олицетворяет собой все самое прекрасное, чем может гордиться Франция».

«О, Вы делаете опасные комплименты, князь! Очень прямолинейные для такого опытного дипломата, каковым являетесь...» Жюльетт, оживившись, поднялась со скамьи, подошла к кусту чайной розы, сорвала один цветок, возвратилась затем на прежнее место.

«Самая искусная дипломатия теряет аргументы пред совершенством красоты, мадам. Когда говорит женщина, дипломатия замолкает, ибо нет в мире ничего убедительнее, чем любовь, добро и совершенство – прерогатива женщины». Жюльетт, склонив голову, оценивающе посмотрела на Л-ова.

«Однако, слышала, не женаты? – ласково протянула она. – Кто поощряет Ваше рвение в Вашей самозабвенной работе?»

«Я служу своему Отечеству в той мере, в какой мне это возложено Государем, с тем усердием, с коим должно служить представителю моей фамилии, с коим служили все мои предки на благо России». Алексей поклонился слегка, взял с подноса поднесенный ему бокал вина, присел, в ответ на ее приглашение, на край скамьи, отпил глоток. Жюльетт смотрела на него, слегка усмехаясь, глаза ее блестели, легкий румянец проступил на лице.

*Мустафа Рашид Паша
(1800–1858)*

*Чарльз Стрэтфорд
Каннинг, 1-й виконт
Стрэтфорд де Рэдклифф
(1786–1880)*

На короткое время между ними установилось молчание. Л-ов поспешил его нарушить.

«Можно посочувствовать Вашему супругу, который вынужден по делам службы так много времени находиться вне Вашего общества».

«Посочувствуйте лучше мне, князь. Я провожу целые дни в одиночестве, единственное мое развлечение – арабские скаковые, подаренные мне недавно мужем».

«Не боитесь скакать на таких норовистых? А ну как понесут?»

«Бояться? Жеребцов?» Жюльетт громко и заливисто рассмеялась, откидывая назад голову. «Бояться здесь следует не лошадей, а мужчин, князь».

Сознавая свою привлекательность и ничуть не беспокоясь о производимом впечатлении, зная, что преступает границу, она игриво провела розой по его руке.

«Оглянитесь, как мало здесь дам. Все заперты в гаремах, нам, европейкам, страшно выходить на улицу без сопровождения адъютантов посольства. Так и при этом чувствуешь себя раздеваемой донага непочтительными взглядами».

Жюльетт, склонив голову, смотрела искоса, вскинув длинные ресницы, на молодого князя, лукаво растягивая в улыбке губы, поднеся розу к обрамленной тонким жемчугом шее, уронив вдруг ее к своей ножке...

Поспешно наклонившись, покрасневши от этой поспешности, чувствуя на себе насмешливый взгляд красавицы, Л-ов, выпрямившись, подал ей цветок. «Вы надежно защищены от недостойных взглядов влиянием и положением Вашего мужа, мадам», – поспешил он увести беседу в менее щекотливое направление. «Мужем?» Жюльетт порывисто наклонилась к молодому дипломату, так, что он почувствовал ее пряное дыхание и приятный запах ее разгоряченного, закованного в корсет тела. «*Mon cher*²⁹, мой муж вспоминает о том, что женат на мне, лишь когда отправляется на дипломатические приемы, на которых положено по протоколу являться с супругой. Он делает хорошую карьеру и выставляет меня пред собой, как щит. Великий визирь Рашид Паша, Вы, конечно же, знаете, любит украшать приемы красивыми европейками из дипкорпуса». Заметив, что муж ее направляет-

²⁹ Мой дорогой (фр.)

ся к ним, Жюльетт сухим кивком головы неохотно прервала беседу.

«...Красивая женщина... Своевольна, как породистая лошадь, такую женой хлопотно, должно быть, иметь, всегда начеку быть с такой... А, вон и посол Англии пожаловал, лорд Стрэтфорд. А это кто? Ах, да, говорили, молодая Бутенева, приехала навестить «папа». Не приударить ли за ней? Не забыть, обговорить с ним касательно депеши из Петербурга... Государь озабочен положением дел в балканских провинциях султана. Как решится вопрос автономии славянских областей... Болгария надеется на поддержку России...»

Празднество удалось на славу. Гости разошлись лишь под утро. Л-ов вышел, сел на скамейку в саду, где давеча беседовал с Жюльетт. День занимался, в утренней дымке неясно проступали очертания белокаменных минаретов. Муэдзин монотонно зазывал на утреннюю молитву.

«А вот ведь нейдет она у меня сегодня из головы, эта дьяволица... Спать пойти быстрее, напряженный день предстоит, да вот не забыть *discuter une certaine chose*³⁰ с французским посольством. ...Она, впрямь, великолепно... Жюльетт... Ульяна... А, впрочем, глупости все, выбросить из головы, замужня женщина, да еще за французским дипломатом! Ишь, что в голову лезет! ... Бутенев намерен успел-таки представить мне дочь свою, Александру. Умна, бесспорно. И очень приятна в обхождении. Завтра повести ее на прогулку к Босфору пообещал». Князь сидел, забывшись, мечтательно глядя в отливающее александритом небо, вертел в руке чайную розу, оставленную на скамейке Жюльетт.

«И все же что-то в ней есть этакое, что будоражит мой ум... Ах, полноте! Идти спать!»

Нью-Йорк – Берлин – Нью-Йорк, 199-й. «Многоуважаемый мистер фон Стороффски, спасибо за сообщение... Непременно буду в Москве... полагаю, смогу собрать интересную и обширную информацию... с большим увлечением... работа захватила меня... материал,

Вами посланный... с интересом неожиданно... параллельно работаю над...»

«Многоуважаемая мисс Долгарева, как договорено, привезу материалы...» «Уважаемый господин фон Стороффски...»

*Аполлинарий Петрович
Бутенев (1787–1866).
Париж*

³⁰ обсудить кое-что (фр.)

«Уважаемая госпожа Долгарева...»

«Уважаемый Василий Николаевич...»

«Уважаемая Юлия Владимировна...»

Москва, 199-й. Москва встретила Василия фон Стороффски бурным цветением. Старые липы на бульварах источали пряный аромат, березы кудрявились нежной зеленью, голубыми озерами разливались на клумбах васильки, радостно атели маки, анютины глазки лукаво вскидывали головки к солнцу, щедро льющему на землю свой жар.

«Вот оказия... Теплее, чем рассчитывал. Легких рубашек мало взял».

Поспешив надеть солнцезащитные очки, Василий взял такси, отправился в гостиницу «Савой», поселился, как всегда, в номере 525, в самом конце коридора, там было спокойнее.

Недружелюбие, которое он всякий раз испытывал, приезжая в этот город, поражало его. К этому трудно было привыкнуть. Поездки в Москву отнимали много сил. Беспокойное напряжение не покидало его, даже когда оставался один, закрывшись в номере гостиницы. Беззаконие русских законов являло собой предмет анекдотов там, дома. Здесь смеяться над этим совсем не хотелось... Скорей бы все закончить, да и назад, домой. ...Домой?.. Это ли не мой дом, моя родина, страна моих предков... Что такое родина? Любимая, теплая... Язык, на котором говорил с матерью? Место, где выдали паспорт? Прописка? Воспоминания детства? Иль то, чем детство разрушено... Где она – моя родина?..

Москва стояла грубая, возбужденная, шатающаяся, потная, продирающая залипшие после тяжелого, кошмарного сна глаза, опухшая, не знающая в какую сторону устремить свой расплывчатый, мутный взгляд, смачно сплевывающая с тяжелого, до кровоизлияния, похмелья. Воздух, серый, пропитанный пылью и выхлопными газами, тяжело, как смирительная рубаха, ложился на кожу. Старые, гроыхающие проржавевшей жостью «лады» и «москвичи» пыхтели на разбитых, в пробойнах, дорогах. «Фольксвагены» и «опели» козыряли блестящими боками и в нетерпении гудели, застрявши в пробках, требуя проезда; элегантные «мерседесы» и «джипы паджеро», властно гудящие мощными моторами, мчались, как колесницы небесные, разрезая поток машин, по поспешно освобождаемой левой полосе, загоняя в пот тех, кто медленно реагировал. Новые короли пускали, не раздумывая, пулю в лоб, если кто-то замешкивался или просто упрямился, полагаясь на правила дорожного движения и строящуюся в стране демократию. Черные «чайки» и «волги» – в новом глянце, но со старыми, еще с советской системы сохранившимися синими сигнальными фарами, уверенно, не сбавляя ско-

рости даже на светофорах, шли, как танки, напролом по запруженным центральным магистралям города. Офицеры ГАИ, как и прежде, спешно брали им под козырек, расчищая по мановению гаишной палочки пробки, грубо обрушиваясь при этом на скромно ютящихся у грязных обочин водителей серых «москвичей». Газеты каждодневно сообщали об убийствах – журналистов, предпринимателей, банкиров, главарей банд, политиков, военных. Время от времени взрывались жилые дома или станции метро – война против Чечни требовала своей дани. Пассивность, властеугодие, послушание русских поражали, о гражданских правах читали в Playboy'е. В подземных переходах метро, когда-то самого красивого в мире, сидели безногие калеки и бездомные алкоголики – ветераны Афганистана и Чечни – как выброшенный за ненужностью мусор. Дети-сироты попрошайничали; подростки, как худые, голодные гиены рыскали по вокзалам в надежде раздобыть наркотики, зарабатывая для этого деньги у обрюзгших педофилов. Бывшие церберы партии, надежно укрывшись за крепостными стенами Кремля, вновь заняли свои кресла, под другим цветом флага, с намерением строить демократию. Получался то театр Петрушки, то бой быков, но все по привычке хлопали в ладошки. Грязь летела со всех сторон, грязь, ничего кроме серой, липкой, до краев заполняющей душу грязи...

Встреча

Встреча, о коей договорился он с берлинской журналисткой, должна была состояться в холле гостиницы. Их переписка протекала в деловых рамках, но ее письма, в которых она просила осветить то или иное событие прошлого, касающееся его рода, – письма выпрашивающие, будоражащие, захлебывающиеся от энтузиазма и удивления, – освежали его, он уже их почти ждал. Спускаясь по лестнице, фон Стороффски почувствовал, что слегка взволнован. Смешно, право. Девчонка... с веснушками. Князь не любил веснушек.

Журналистка уже сидела в холле, уставившись в газету «Die Zeit» вот уже минуты, не перелистывая, не спуская глаз с одной и той же строчки. Заметив это, фон Стороффски почувствовал удовлетворение, но и еще большее напряжение. Отчего оно происходило, уже не было времени анализировать. Лишь удивился, откуда это легкое, приятное, как пузырьки в шампанском, волнение. «Мадам Долгарева, очень приятно, сядемье в то кресло, там поспокойнее».

«Что желаете выпить? Разрешите пригласить Вас. Как – не пьете за работой? Позвольте, позвольте... Да, как исключение, для меня... Я рекомендовал

бы вот это чудесное французское вино, Côtes du Rhône... Конечно... гулять, так гулять... Да, и работать не забудем. Давайте покалякаем. Какое словечко? Ах, это? Нет, не на улице, от водителя американского посла Хартмана, да-да, не сбейтесь, он превосходно владеет не только провинциальными, но и ненормативными диалектами России. А я, как видите, прилежно перенимаю». Сейчас он был опять в своем элементе, его речь плавно лилась, сопровождаемая обходительными жестами и дружелюбно-поверхностным тембром голоса, глаза смотрели на собеседницу почти ласково. «Да, совершенно верно, собираю работы русской театральной живописи конца XIX – начала XX в. Да, русский авангард. Хотел бы я возвратиться на историческую родину? В сегодняшнюю, обновляющуюся Россию? Э-э-э... по comment. На каком языке думаю? Думаю я чаще всего на английском. После недели в Москве замечаю, что думаю по-русски. Во Франции – по-французски. Но считаю почему-то всегда по-болгарски. Плачу?.. Право, не знаю... Что за странный вопрос... Не помню, когда я в последний раз плакал, но знаю, что в момент тяжелой душевной боли заплачу по-русски».

Ответив на все вопросы журналистки, фон Стороффски принялся говорить на посторонние темы, осведомился мимолетно, замужем ли она, есть ли дети? Разведена, во второй раз уж? Ух! Не поспевают за Вами? А куда ж Вы все бежите? Дочь, Василиса, что Вы говорите? Редкое имя, слышал в сказках, что мать в детстве рассказывала... Замечательное фото, да ведь как есть – красавица! В честь бабушки, сталинские лагеря? ...и дедушка? Вот как... Почему же? Протоиерей в Ленинграде? Не пожелали отказаться от веры? ... Божество, решившее сотворить новый мир, не желающее терпеть побежденного Бога с собой рядом..., истребляющее его служителей...

*Посол Артур Хартман
(1926-2015)*

...А что же, в Германии одна живете? Почему родители там остались? Больны? Старший брат в Афганистане погиб? Отец – партийный работник? Без работы сидит? Муж – офицер Генштаба, в Москве живет, спился? Эко! Ну и дела... А возвращаться не думаете? Как Вы сказали, – контаминация злом? Да, верно, контаминация...»

После короткой паузы, бросив быстрый взгляд на часы, фон Стороффски учтиво улыбнулся, давая понять, что разговор окончен. Тон его сделался враз сухим, официальным. «Вот материалы, надеюсь, смог Вам помочь. Вышли-те готовую статью, конечно, вот телефон, зво-

ните, рад, что смог быть Вам полезен... Нет, еще пару дней здесь, с удовольствием, покажете мне набросок, ах, в самом деле? В соседней гостинице, в «Национале»? Да, Вы правы, выбор не столь велик. Ну что ж, очень рад был знакомству, спасибо, Вам того же, до скорой встречи».

Кто есть Стороффски?

Василий сидел в номере гостиницы, просматривая план деловых встреч на оставшиеся до отъезда домой дни. Обед у американского посла, прием в Кремле, «Спартак» Григоровича. Сегодняшний ужин с Председателем Внешторга закончился раньше обычного. Спать не хотелось. Фон Стороффски встал с кресла, достал из чемодана небольшой, привезенный с собой магнитофон, вложил кассету, церковный хор из Храма Александра Невского в Софии, он брал ее с собой в поездки, когда уезжал далеко от дома. Закрыв глаза...

Поработать над докладом? Нет, он, пожалуй, поручит это секретарю. На сегодня хватит, настроение не то. Фон Стороффски встал вновь, подошел к приотворенному окну, закрыл его плотно. Прохладно, однако. ...Вчера был в Рождественском монастыре, у фамильной усыпальницы, прошелся потом по Мясницкой, красивый особняк, дед мрамор в Италии заказывал. Как будто время выстрелило в него, холодно стало... Страшный город, страшный, холодный и темный, как склеп. Бежать скорей отсюда, пока ненароком дверь опять не захлопнется, и не останется он замурованным здесь навечно... Never! He would never return. Under no circumstances. What kind of stuff she is thinking of?³¹

С новой силой растревоженные нахлынули воспоминания детства: рассказы отца о побеге семьи из революционной России, России, вставшей на дыбы, – словно проснувшийся после изнуряющей, мучительной спячки медведь, сидевший долго запертым в клетке, забытый пирующими хозяевами, сделавшийся диким, страшным, крово-

Собор Александра Невского, София

Особняк Лобановых-Ростовских на Мясницкой, 43 в Москве, нач. XVIII в.

³¹ Никогда! Он никогда не вернется! Ни при каких обстоятельствах. О чем только она думала? (англ.).

жадным от того, что забывали его должным образом покормить, меду да воли дать...

...Как требовали выдачи их, беженцев, русских аристократов, от правительства соседней страны, протягивая вслед за ними мохнатую лапу с острыми когтями, содранными в заточении о железные прутья клетки, грозно и оглушающе ревя огромной, вздрагивающей от судорог голода пастью...

...Как потом недовольно косились на их существование по соседству, сытно отрыгивая кровью, – кровью тех, кто держал цепи да ключи от клетки, тех, кто, увлекшись пиршеством и забывши дело и службу, не успел, отяжелев, отскочить... Косились до тех пор, пока не закончилась Вторая мировая... Тогда пришлось им сплевывать кровью... – в Болгарию, давшую им в то смутное время приют, вошла и села хозяином советская армия, предавая анафеме упрямых и неверующих. Середина сороковых... «враг народа»... ребенок, казенная одежда, узкая, как бритва тюремного цирюльника, щель дневного света, невесомый и прозрачный ломтик хлеба, ... в одиночной камере... долгие месяцы, зима, весна, лето, осень, зима, весна... замерзал, скрючившись на тюремных нарах, задыхаясь от плача, одиночества, страха, голода... От вселенской покинутости... Как жаждал он в одиночке, чтобы кто-нибудь, хоть одна живая душа погладила бы его, прижала бы к себе, потрепала б по голове, сказав, какой он хороший, как его любят; как хотел он тогда, чтоб его кто-нибудь в этом мире любил...

...Эмбрион в мирском пузыре, забытый в холодной Вселенной намерзся, на всю свою жизнь намерзся... До сих пор мерзнет, холодно...

...Как потом выбросили его с явными признаками дистрофии из тюрьмы, как выплескивают отходы... Чтобы выжить, приходилось чистить «товарищам» сапоги, воровать яблоки в чужих садах... Родителей выпустили лишь пару лет спустя...

...Как жили они, забывая дышать от страха, как ушел однажды утром отец за хлебом и не вернулся, пропавший в неизвестность. Лишь годы спустя они узнали, что тайно казнен – как враг народа. Мать вечно в страхе, измотанная борьбой за выживание, не имеющая сил поддержать и защитить его от этих нависших над ним, удушающих выхлопных газов истории, обескровленная, чтобы показать ему свою любовь, заслонить сына от проникающего во все щели их жалкого жилища сквозняка прошлого, от обрушившегося на них ледопада проеденной молью ненависти, – слабая, чтобы отвести от него участь платить по счетам века, по старым вексельям, не им заложенным, слишком изможденная, чтобы подуть на его замерзающие ладони, согреть его надеждой и верой...

Выжил... Злость заставила выжить. Душу с тех пор раскрывать разучился. Веру выплюнул, вместе с выбитыми зубами.

Любить? ... Любили преданных режиму. Он был по рождению враг народа...

Та девочка, которой он увлекся в школе, с веснушками... Свою любовь они от мира скрывали, чтоб никто не видел. Он держал себя, не давал сердцу воли... Знал, что надо будет расставаться. Тогда, в Болгарии, увлекся он геологией, собирая камни на склонах Витоши, восхищаясь красотой, совершенством и щедростью природы.

Лишь когда ему исполнилось восемнадцать, удалось им вырваться на Запад, в Париж, где жили родственники. Год спустя поступил в Оксфорд, – на геологический. Казалось, жизнь начала выправляться... Вот бы и любить. Но умерла мать... Один, вновь один, как когда-то, на нарах; уже забывать начал, как чувствуется – когда любовь... На Западе любили сильных и богатых. Он, представитель своего рода, должен был таким стать. И имел женщин, знавших, как этого достичь. В Нью-Йорке выучил финансовое дело... Освоил их язык... Встав на ноги, он уж ни в ком не нуждался. Да, он уж ни в ком не нуждался... Солнце в его жизни светило мягко, приятно... Не хотелось больше штурмов...

Встреча

...Пойти прогуляться по набережной?

Нет, опять эти тени в серых костюмах, по пятам за ним ходят. Болваны, не так бы очевидно надо, потоньше... Не позвонить ли Юлии? Есть в ней что-то такое, уж не пойму, как и сказать, что приятно возбуждает мой разум? Умна, несомненно... Пойти выпить с ней в баре гостиницы, лучше, чем сидеть одному, в этой стране небезопасное занятие – сидеть одному в своем номере, если ты – бывший враг народа, да-а-а...

Пусть серые костюмы расслабятся.

...Она сняла трубку мгновенно, не дав и первому гудку прогудеть, как будто ждала все время у телефона. Встретились в баре, заказали бутылку французского вина, играла приятная музыка. Журналистка, весела, молодая и опьянительна, игриво, с элегантно нарочитостью, чудно выставляла ножку в длинном разрезе юбки... Она сама предложила ему подняться наверх. Если не взяла с собой паспорт, то, очевидно, ничего из этого не получится?

Она поспешно выдернула паспорт, быстрым рывком, щелкнув застежкой сумочки. Фон Стороффски подал его рецепционистке. Та, поджав губы и строго оглядев смутившуюся Юлию, пролистав его не спеша, протянула

его было назад, ядовито ухмыляясь наивности этих иностранцев. Но, напорвшись на взгляд фон Стороффски, сделавшегося в момент обжигающе-ледяным, осеклась, лишь кивнула безмолвно головой.

В последующие три дня его пребывания в Москве Юлия без помех приходила к нему в номер. Они гуляли по Арбату, посетили Загорск и окрестности, где она, предложив пройтись полями, принялась собирать васильки, любовались Москвой с Воробьевых гор, куда почти поминутно подъезжали свадебные экипажи и вываливались, растекаясь вдоль балюстрады, многочисленные компании – одна из остановок в обязательном для каждого истинного москвича праздничном ритуале, – после прогулки по Красной площади и поклона у Вечного огня. Юлия радостно принималась поздравлять молодых. Одна особенно оживленная ватага гуляющих потащила их с собой, подхватив под руки, усадив в машины, праздновали всю ночь в Черемушках, поили-кормили, бабуля оторванную в сутолоке пуговицу на пиджаке под утро пришивала... удивительные люди эти русские...

...Откуда так много солнца в этой девочке? Живет на чужбине, без семьи, ребенка одна воспитывает, делает, что хочет, своевольная... все ищет чего-то, чудачка Да, похоже, есть здесь что-то, иначе не светилась бы так, теплая такая и мягкая... А завтра – домой лететь...

Им обоим было ясно без слов, что, уж, видимо, не увидятся больше, что это – одна из бесчисленных встреч в отелях мира, ничего не значащих, быстро забываемых, сразу, выйдя за порог гостиницы. Приятное приключение, освежающее, как бокал шампанского перед ужином, предлагаемый за счет отеля, как сауна перед сном, как полчаса в бассейне перед завтраком, *all inclusive, no receipt please*³²...

Последний вечер провели, как завелось у них, в баре отеля. Она сосредоточенно тянула виски, вскидывая время от времени глаза, глядя на него, то задумчиво, грустно, то отчужденно, нахмутив тонкие брови от бродивших в голове мыслей. Он, взяв, по обыкновению, приятельски-вежливый свой тон, начал было легкую беседу, но, подчиняемый ее настроению, замолк постепенно, не заботясь уж об *Anstand*³³, смотрел лишь на нее, это было приятно, неожиданно... Что вертится в голове этой сумасбродной журналистки? Что ни говори, она возбуждала его любопытство. Он, банкир, имел дело с четкими фактами, цифрами, процентами, их можно было вычислить, убавить, прибавить, реально осязаемая материя, чем больше ее, тем убедительней, никакой метафизики, *absolute and uncomplicated*³⁴.

³² Все включено, квитанция не нужна (англ.).

³³ приличие (нем.).

³⁴ абсолютное и без осложнений (англ.).

С ней же все становилось неоднозначно. Белое расплывалось в радугу, точка растягивалась в многоточие, душа раскрывалась веером, установившееся и затвердевшее рассыпалось по крошкам, ускользало через раскрытые пальцы рук, как куличики в песочнице, из детства... но было не жалко... по меньшей мере в эти минуты... Stop it!³⁵

На короткое время после этой встречи фон Стороффски потерял голову и покой. Но беспокойная жизнь Нью-Йорка захватила его. Давняя подруга, рыжеволосая англичанка с ее прохладной, как сиденья «ягуара» кожей, с охлаждающим, как мартини, сдержанным, элегантно модулированным смехом в ответ на рассказы о его московских приключениях, успокоила волнения крови. С ней он опять нашел свой привычный ритм, размеренный, без перебоев, как швейцарские часы. С ней опять ровно светило солнце, не дули порывистые ветры, жизнь вновь вернулась в привычное русло, сердце утихомирилось, замедлило свой бег. Пушкин уступил место Пинчону, все стало на свои заведенные места. Воспоминания отошли и не беспокоили уж его, память услужливо перевернула страничку, тщательно послунявив пальцы, как бездомная собака старательно подлизывает тротуар, съев найденную там булку с мясом...

Наслоения его дальнейшей жизни закрывали постепенно ее образ, заметали следы, прятали воспоминания о ней за свежие пласты впечатлений, за отложения насущного.

Константинополь, 1856-й год. Бутенева. «Поспеем как раз к началу, лошади добрые, мигом доставят», князь Л-ов, шагнув навстречу Александре Бутеновой, чтоб приветствовать ее, был приятно удивлен ее пунктуальностью и безукоризненно подобранным туалетом. Сделав ей по этому поводу комплимент и нагнувшись учтиво к ручке, Л-ов помог своей спутнице подняться в карету. Направлялись на богослужение. Александра, гостившая вот уже три недели у своего папа, посла Бутенева, слыла девицей умной, рассудительной и, хотя и не отличалась особой красотой, считалась в свете одной из лучших невест Петербурга. Знакомство с ней развеивало прозаическую монотонность, которая начала постепенно закрадываться в жизнь Л-ова, освежало, приятно взбадривало его. Их совместные прогулки и занятия приносили желательное разнообразие в мерно протекающие будни посольской миссии. Общество Александры наполняло известной долей изящности и утонченности становящиеся все более однообразными каждодневные ритуалы князя. Он радовался этим встречам, и загадывал каждый вечер, перед сном, куда можно было б еще поехать и что показать Александре, чтобы удивить ее и доставить ей радость.

³⁵ Перестань! (англ).

Ехали мимо Константиновской колонны, оставляя за собой Большой базар Капаличарши, где жили зажиточные турки-торговцы, свернули на Grande rue de Pera. В этой части города размещались посольства западных держав и жили преимущественно европейцы, хотя все больше строилось домов, принадлежащих членам высшего света Порты. Здесь сильнее, чем в других районах Константинополя, чувствовалось влияние Запада: открывались магазины, кафе, появилось первое в городе уличное освещение. Их обгоняли, запряженные добрыми рысаками, украшенные цветами экипажи. За плотно закрытыми занавесками, тщательно закутавши лицо в тонкую шелковую ткань, сидели турчанки, направлявшиеся на прогулку или в мечеть Синанс, где для женщин с недавнего времени было оборудовано помещение для молитвы. Экипажи становились символом принадлежности к высшему обществу, к европейскому образу жизни. Появлялись даже первые модистки. Дамам света разрешалось показываться на улицах – для посещения лавок и магазинов. Книги по кулинарии с французскими рецептами пользовались у турчанок повышенным спросом.

Реформы

Константинополь эпохи Танзимата был городом, где железный занавес, отделяющий османский мир от Европы и воздвигнутый некогда на прочном убеждении, что религия ислама, единственно верная и неоспоримая, наделяя его носителей нравственным и культурным преимуществом по отношению к приверженцам других религий, начинал постепенно раскрываться, уступая место менее радикальным, более либеральным воззрениям. Этому повороту частично способствовало поражение в Крымской войне и наступившее вследствие этого размягчение в устаревших, закостенелых убеждениях прошлого, а также готовность учиться у Запада, пользоваться достижениями его экономики равно как и технического прогресса. В Оттоманском государстве начиналась перестройка. Былое имперское великолепие, сочетаясь с вынужденным смирением перед союзниками и с неуверенностью, происходящей от военных поражений последних десятилетий, вызывали неумное желание Порты придать облику города новое лицо, продемонстрировать свое величие и размах, показать миру, что Оттоманское государство – это не распадающаяся империя, отданная на милость победителей, а динамичная, набирающая силу страна. Стоя

Долмабахче – дворец османских султанов на европейской стороне Босфора в Стамбуле

на азиатской стороне Босфора и глядя на северо-запад, можно было видеть новый дворец султана Абдулмеджида, Долмабахче, где в парке Гюльхан правитель, прогуливаясь в окружении своей блестящей свиты, вынашивал новые декреты и проекты реформ, демонстрировавших миру готовность империи к обновлению и либерализации. Находившийся в Порте посланником Англии лорд Стрэтфорд в значительной мере способствовал созданию этих проектов, которые призваны были привести в движение внутренние реформы и благоприятно настроить общественное мнение Европы. Строились церкви христианские и еврейские синагоги, назначение на государственную должность проводилось независимо от вероисповедания, а на основе квалификации, защита прав гарантировалась без различия ранга и происхождения. Мусульманин жил здесь рядом с католиком, еврей с православным, храм Св. Константина и Елены соседствовал с мечетью, синагога в Галате возвышалась рядом с монастырем девы Марии. Люди самых различных национальностей населяли город. Великий везирь, посетив армянского Патриарха, предоставил всем иноверцам и иностранцам неограниченные права свободного вероисповедания. Султан благосклонствовал даже объединению христианских церквей, рассчитывая на то, что уменьшит тем самым вмешательство чужих властей в дела его христианских подданных. Оттоманская империя, доминируемая европейскими государствами-союзниками, все интенсивнее втягивалась в мировую общность.

Ахмед Вефик-Паша (1823–1891)

Солнце, зацепившись за верхушки минаретов, желтым шаром висело на небе, щедро отдавая городу свой жар. Проезжали мимо Vanque Ottomane, Академии наук, гимназии, свернули к Университету. Вскорости показалась, спрятанная за густыми кипарисами, русская церковь. После службы решили прогуляться, отправились не спеша к проливу, лошади шли следом, ведомые за уздечки посольским служителем. Синяя поверхность Босфора лениво шевелилась под мягким дуновением ветерка. Молодая Бутенева, русоволоса и голубоглаза, бросала на Л-ова быстрые, застенчивые взгляды. Проезжая мимо городского фотографа, остановились, решив сделать фото на память. Султан Абдулмеджид слыл меценатом и охотно поощрял технические нововведения; – он щедрой рукой вознаграждал городских фотографов, раздавая им достойные титулы. Гостившая в городе французская

труппа давала театральное представление: договорились навеститься непременно, на нынешней же неделе. Перед местным театром собиралась публика. Подъезжали и поспешно скрывались в помещении богато одетые турчанки в сопровождении прислуги, бесшумно проскальзывая на свои места в густо зарешеченные, надежно закрытые для чужих взглядов ложи. Султан, большой любитель искусств, временами посещал театр, хотя, как говорили, более всего любил он, сидя в саду под навесом, слушать, как ему читали Гюго, Золя или Мольера, бывших в большой моде, переведенных с французского его верным визирем, Ахмедом Вефик-Пашой.

После прогулки гуляли долго еще по саду посольства. Алексею было приятно с ней, спокойно. Они говорили о новом романе Бальзака и о «Мадам Бовари»; Бутенева горячилась, спорила, пытаясь с жаром защищать свое мнение, но все ж, в конце концов, отступала и принимала его точку зрения, больше, однако ж, потому, чтоб сделать ему приятное.

Так, за прогулками и оживленными беседами, которых князь Л-ов всякий раз стал с нетерпением ждать, проходили недели, потянулись месяцы. Алексей и Бутенева часто встречались, начали выезжать верхом за город. Александра была нежна и покорна, понятлива и уступчива, безошибочно угадывала его желания, ласково ему улыбалась, любила читать для него вслух. Постепенно они перешли на русских писателей, увлеклись романами Толстого, декламировали Пушкина с Лермонтовым. Гоголь, посетивший Константинополь пару лет назад на пути в Иерусалим, оставил в посольстве на память свой томик с автографом, который они принялись было переводить на французский. Их частые поездки к побережью Босфора и открывающаяся им во время этих прогулок красота Востока вызвали неожиданно у обоих, жгучее желание заняться живописью. Этому способствовали и висевшие в залах посольства картины Айвазовского, будучи им написанные во время его путешествия по Азии, когда сопровождал он Великого князя Константина Николаевича. Тогда они брали краски с мольбертом и уезжали к проливу... *Et elle était tellement ravissante, cette Alexandra*³⁶!

Берлин, 200-й. «Дорогой Василий Николаевич, Ваш вчерашний звонок был очень для меня неожиданным... мои мысли о Вас... все это время... со встречи в Москве... совсем не ожидала часто думаю о Вас... Во всех Ваших неожиданностях Вы неожиданны, а я работаю над новеллой... Ромео и Джульетта – это будет история любви Вашего прапрадеда Алексея Л-ова и Жюльетт. Она его так полюбила, внезапно, как захлебнувшись, удивительно, это должен был быть очень неожиданный человек...

³⁶ Что за прелесть была эта Александра! (фр.).

Я вот только ракурс ее понять должна. Я сама всегда была, как мой бывший муж говорил, «бегущая по волнам». Убегающая. А она – приходящая. Сначала ракурс понять... Есть ли у Вас более обширный материал о нем? О той истории?.. Что это был за человек, этот легендарный князь Алексей...»

«Дорогой Василий Николаевич, пыталась Вам дозвониться... Вы всегда в разъездах... невозможно застать...»

«Дорогой Василий Николаевич в приемной секретарша бросила трубку...»

«Дорогой Василий Никола...»

«Уважаемая, ныне ни к чему такая интенсивность... Рад был с Вами познакомиться... Успехов на трудовом фронте...»

Юлия кружила нервной рысью по комнате, включив на всю мощь «Москву златоглавую». Перематывала снова и снова, сердце саднило. Хотелось на родину. Хотелось к нему. Он – это Россия... По меньшей мере – для нее. Если попытаться дальше писать новеллу – можно как бы побыть с ним. В воображении. Позволить фантазии лететь, куда хочет сердце. И удержать это на бумаге. Фикция, превращаемая в реальность, преобразующая ее. Хорошо. Собираемся. В кулак. Садимся. Сосредоточиваемся. Открываем Windows. За-google-иваемся в тематику. Заглянем на эту страничку. Интересная историческая статья о Константинополе. Отлично. Можно использовать в работе. Пишем дальше. Побывать с любимым. В тексте. На экране компьютера. Любить его, хотя бы виртуально. Слышишь? Слышишь ли ты меня, милый?..

Пусть герой полюбит героиню.

Константинополь, 1856-й год. В последние недели осени, когда на полях начали опадать листья и солнце умерило свой жар, султан пригласил на театральное представление. Ставили написанную Вефик-Пашой пьесу о турецких Ромео и Джульетте – нашумевшая в городе история любви между семьями грегорианских и католических армян, закончившаяся трагически. После спектакля давался бал. Дворец султана, расположенный на берегу нижнего Босфора, по своей роскоши затмевал собою все богатейшие строения Константинополя, прежде там созданные. Это было здание в стиле Рококо, по внешнему архитектурному оформлению напоминающее Версаль и Зимний дворец, выполненное из великолепного, чистейшего оттенка, белого мрамора. Его классические колонны и портики, выстроившись стройными белыми рядами, отражаясь в темных водах Мраморного моря, создавали воистине грандиозную картину. Гостей собралось множество, прибыла на бал императрица Евгения с огромной свитой, являя собой французскую изысканность, императорскую пышность и расточительную элегантность; сияли брильянты, ярко блистали хрустальные

люстры, тысячекратно преломляясь в белоснежном мраморе полов, в огромных, обрамленных золотом зеркалах.

После спектакля гости, большей частью дворцовая знать, а также представители дипломатического корпуса, приглашенные с супругами, вышли на террасы, свисающие над морем, в ожидании праздничного фейерверка.

О любви

Алексей стоял, опираясь на балюстраду террасы, рядом с ним Бутенева. Тут же, шагах в двух поблизости, остановился мсье Буркине. Об его руку опиралась Жюльетт. Многочисленные гости, неспешно прогуливаясь, собирались кучками и степенно беседовали друг с другом, обмениваясь короткими репликами, вступая в непринужденный разговор...

«...отчего так случается, что любовная история заканчивается столь трагически?»

«...невозможно представить себе подобное в сегодняшней Европе».

«Ну отчего же невозможно? Разве не могут трагически сложившиеся обстоятельства привести к разлуке и даже смерти любящих? Если ее величество Фортуна грозно вмешивается в ход событий...»

«Да уж позвольте возразить Вам, что в жизни все выходит гораздо более прозаично. Да опять, и есть ли еще такая любовь?.. Посмею утверждать, что она – эта самая любовь – спустилась сегодня с неба на землю, уступила место прагматизму и рациональности».

«Совершенно верно. Трагическая любовь осталась, если рассуждать трезво, лишь на страницах романов. Я так скажу: трагедия уходит, потому что человек все в большей степени может подчинять себе обстоятельства, разумно регулируя и трезво рационализируя свою жизнь. При сегодняшнем развитии медицины, науки, техники человек уж не нуждается более в – как бы это вернее сказать – благосклонном покровительстве неба».

«Верно Вы говорите. Той драматичности, заложенной в истории Ромео и Джульетты, уж не остается в наше время. Если два человека любят друг друга, что может помешать им быть вместе? Какие преграды могут встать на их пути?»

«...Судьба. Что, если не судьба?..»

«Ну, знаете ли, ныне дано достаточно возможностей, дабы исправить уготованное тебе небом и предначертанное Богом».

«А что же, если один уже связан брачными узами, наложенными ему по необходимости или просто по неопытности, что тогда? Что остается ему делать, встретив настоящую любовь свою, когда не может он бежать

за нею, не разбив при этом сердце оставленного супруга и не восстановив против себя свет и общественное мнение? Где же тут выход?»

«Выход тут, сударыня, один: подчиниться необходимости и установленным обществом и церковью законам».

«А если сердце кручинится от любви к другому?»

«Так и идти прямехонько...»

«Вот-вот. И не ведомо, куда заведет тебя. Ересь это! Ересь и распущенность».

«Вы вот об обстоятельствах говорили... Разрешите заметить, что обстоятельства, позволяющие соединиться с любимым человеком или препятствующие этой любви, могут быть так же многочисленны и многогранны, как многообразны в этом мире судьбы человеческие и сердца. Но, думаю, есть одно условие, без которого невозможно познать счастливую любовь: чтобы любить, надо обладать свободой. Быть свободным, чтобы отдать сердце своему избраннику. Быть свободным от деспотизма общественного мнения, от социальных условностей, препятствующих тебе принять любовь твою».

«Да ведь это не всегда выполнимо! Да ведь и слава Богу, что оно так положено. Ведь есть в жизни ситуации, когда необходимо повиноваться судьбе и наложенным на тебя обязательствам... Ведь такую свободу зачастую и короли не имеют. Нет-нет, долг, совесть и разум должны стоять выше всего».

«А я вот как думаю. Полагаю, что в этом случае любящий должен идти туда, куда его любовь ведет. Любовь всегда права. Любовь – от Бога, и, следовательно, грех – не принимать ее, руководствуясь разумом и практически, меркантильными аргументами. Отталкивая любовь, мы отталкиваем Божественное. Ведь старую любовь невозможно заштопать. Любовь – она как мыльный пузырь – не дыши, осторожно обходишь, а уж если лопнет – заново не надуешь. Главное, не упустить шанс. Идти, куда сердце велит. Это будет верно».

«Отнюдь. Ваши соображения – ересь. Сердце надо в узде держать».

«Да нет, не ересь. Этак ведь можно мимо жизни прожить, промахнуться, главного не увидеть».

«Прожить мимо жизни? Эх как Вы завернули! Да как же такое возможно, милостивый сударь?»

С сухим треском взметнулся в небо салют. Гости радостно зашумели, зааплодировали, подняли бокалы за великолепие султана, оживленно заговорили. Все пришли в радостное волнение, быстрее забегала прислуга, разнося искрящееся шампанское, все задвигалось, завертелось, зашуршало шелком и забренчало шпагами.

О России

Алексей сидел за столом, отложив в сторону «Колокол» Герцена с многочисленными карандашными пометками на полях, глубоко задумавшись, склонившись над дневником. Изредка поднимал голову, подыскивая верное слово, и вновь низко наклонялся к тетрадным страницам:

«По всему видно, что в России начинается новая эра. Не столько во внешней политике – война проиграна, Севастополь обменяли на Карс, протекторат над христианами перенят коалиционным союзом – нет, а больше в ее внутреннем развитии. Необходимость преобразований, с такой настоящей очевидностью проявившаяся после поражения в войне с Турцией, чувствуется всеми и многими напрямую высказывается. Проникающее во все слои российского общества психологическое потрясение и, как следствие сего, все более явно выражаемое недовольство существующим политическим устройством являет собой не просто предзнаменование приближающегося кризиса, но и показывает со всей ясностью анахронизм базирующейся на абсолютизме государственной системы. Крепостное право безнадежно устарело. Апатия и дезориентация царят в стране; разобщенность общественных слоев устрашает. Правящая элита не владеет совершенно умонастроениями тех, над кем господствует...

Тем я завидую, кто стоит сейчас на переднем крае, пытаюсь преобразовать и улучшить жизнь в России, возлагая на себя ответственность за ее будущее. Нынешнее Дворянское собрание, созванное Государем в Москве, на котором предложено им было упразднение крепостничества, понимает, надо полагать, всю первостепенную важность и историческую неотложность данного проекта. Освобождение крестьян даст, наконец, народу волю, им давно, с наполеоновской войны еще, ожидаемую, и героизмом вполне заслуженную, а стране – импульс экономического развития. Ведь именно хозяйственный упадок настоятельно диктует обществу становящуюся столь неотложной необходимостью всесторонних преобразований! Пойдет ли Россия путем западным, иль своим собственным, лишь ей предначертанным? Одно ясно – страна начинает перестраиваться.

Государь хоть и прислушивается к веяниям Запада, однако ж старается всеми силами не допустить распространения в России либерализма и демократии, сохранить status quo; и опирается он для этого на бюрократический контроль и православие, рассчитывая, и полагаю, вполне справедливо, что единство в вере укрепляет единодушие в государстве. И все же одна мысль не дает мне покоя, и возникла мысль эта, думается мне, вследствие того, что увидел я здесь, работая на дипломатическом посту в столице Оттоманской империи, где сосредоточено множество культур и

религий, веяний и течений, где скрещиваются интересы всей Европы, где жернова истории интенсивно перемалывают старое и создают новое... Россия держится лишь на авторитете и вере в царя. Российский престол опирается не на этнию, а на династически-сословный патриотизм, а это, думаю, очень тонкая основа для такого колосса, коим является матушка Россия наша. Царь есть голова, угнетение и абсолютизм – руки, послушание и терпение народное – ноги этого великана. А потому – сохрани Бог, если утратит русский мужик эту веру в безраздельную и неограниченную власть царя, тогда стране грозит опасность братоубийственной войны, потому как нет у нас ярко выраженной нации, не сложилось в России гомогенного общества и не существует единства национальных интересов крестьянства и передовой дворянской интеллигенции, не созрело еще этническое национальное сознание, а напротив, зияет лишь огромная пропасть между двумя этими общественными слоями. И ведь вполне ясно – почему. Монархия по праву осторожна с национальным движением, так как урок Франции показал, что национальный принцип несет в себе громадный демократический и эмансипационный потенциал, и национальное движение, попади оно в благоприятные условия, может вылиться в революционное...

Все упорнее слышатся критические голоса разночинской интеллигенции, все радикальнее ее требования... к чему все это может привести, не дай Бог... Я все думаю, пытаюсь найти ответ на вопрос: Что значит – нести ответственность за судьбу России? Что значит – честно служить Отечеству? Были ли Бестужев, Пестель, Грибоедов в меньшей степени патриотами, служа России – России, а не престолу; меньше ли они любили Россию, нежели те, кто благополучно служат Государю, успешно продвигаясь вверх по лестнице, думая о собственных интересах и не умея спросить себя, в чем состоит требование настоящего исторического момента, где, что есть Отечество – Государь ли наш император или русский народ? Можно ли и нужно ли отделять одно от другого? Добро есть или зло – предстоящая либерализация российских законов и освобождение крестьян? Улучшится ли жизнь русского мужика, если в стране будет введена конституция и Земские правления? Что есть – любовь к Отчизне?

Государь провозгласил новый принцип – гласность, надеясь подвигнуть инертных чиновников к конструктивной критике существующих недостатков. Блестящая идея! Потому как бездействие и отсутствие коренных изменений опасны для страны. Они могут иметь фатальные исторические последствия.

У России есть за спиной единственное, но очень существенное преимущество: она может опираться на тот теоретический базис, который

выработан был западной философией, и использовать тот практический опыт построения прогрессивного общества, который собрали наши соседи в Европе».

Алексей, пробежав еще раз глазами написанное, отложил в сторону дневник, бросил взгляд на часы, спохватившись, заторопился, вспомнив, что сегодня положили собраться у Александры, как повелось у них в последнее время. Думали ехать на чай к находящемуся в Константинополе проездом и застрявшему здесь на неопределенное время поэту Вяземскому, а вечером собирались на банкет, даваемый по поводу открытия в турецкой столице первого русского банка, куда приглашены были крупнейшие российские промышленники, в числе прочих Прохоров, владелец Трехгорной мануфактуры, и, как сообщали в посольстве, Ефим Гучков, известный в Москве суконный фабрикант, прибывшие в Константинополь с намерением наладить здесь торговлю. Александра присылала уж поутру человека с запиской, просила, чтоб не опаздывал, передавала, что ждут его непременно.

...Мадам и мсье Буркине тоже будут на вечернем банкете?.. Очаровательная, однако, женщина... необычная... непременно ее увидеть...

Женева, 200-й. «...Дорогая Юлия, спасибо за манускрипт, Вами посланный. С интересом прочел первую часть новеллы... А у Вас неплохо получается... Я, знаете ли, скоро буду в Европе... по делам банка встретиться в Женеве... если, конечно... Сообщите... лучше по электронной почте...»

...Она бежала по булыжной мостовой, в одной руке карта города, другой тянула за собой подпрыгивающий на камнях чемодан. На такси не было денег. Rue de la Servette, Quai Turretini, Rue de Rhône, Credit Suisse – стоп! Кажется, перебрала – занесло дальше, чем нужно. Назад. И сразу направо. Вот. Hôtel des Bergues. Слава Богу, нашла... Взмыленная, как лошадь. Постоять, отдышаться. Madame, Ihren Passeport, bitte. Merci, Madame. Ihr Zimmer is vier zero acht. Ich wünsche Ihnen angenehmen Aufenthalt³⁷.

На столе стояла бутылка красного французского вина. Рядом лежала открытая пачка с орешками, два компакт-диска с песнями бардов – Виктора Леонидова и Кати Яровой, в пепельнице – недокуренная «Монтекристо». Записки нигде не было – он не любил писать. Предупреждал заранее по телефону, что деловая встреча продлится до пяти. Значит, у нее есть с полчасика.

Осмотрелась. Чудный номер, вид на бухту. На воде полным-полно ледяных островков нарастающего снега на Урал-реке... Посреди озера

³⁷ Ваш паспорт, госпожа. Ваш паспорт, пожалуйста. Спасибо. Ваш номер 408. Приятного пребывания. (нем.).

бил фонтан. Мощная струя его взметалась ввысь, к небу, и падала вниз, образуя форму парусника, и вновь принималась биться, страстно, без устали, неудержимо, стараясь оторваться и унести прочь, к белым облакам, беспрестанно возвращаясь, беспощадно разбиваясь о водную поверхность. Но все ж в этом своем бессмысленном упорстве щедро и радостно источая и разбрызгивая вокруг себя мириады прохладных серебристых росинок – прозрачный факел страсти, седой и неумный, холодный, но не охладевший, безустанный, вечно в движении, само томление зона, непреодолимое, вечно бушующее желание...

Горы, голубые, как топаз, покрытые пушистым лесом, отливающим сапфиром и смарагдом, с проступающими местами белыми залысинами, достойно обрамляли собой эту ювелирную лавку природы.

Быстро развесив вещи в шкафу, наскоро приняв ванну, Юлия принялась ходить по комнате. Сейчас он придет. Он уж, должно быть, на подходе. Кажется, кто-то постучал в дверь? Нет, никого нет. Запаздывает...

...Вот уж на тридцать минут опаздывает.

...Вот уж час, как сидит она в кресле, силясь вникнуть, что пишут в глянцево-м журнале...

«...проходи, Костя, будь добр, покалякаем. Разрешите представить вас друг другу. Константин Колосовский, мой старый приятель. – Юлия Долгарева, журналистка, живет в Берлине. С Костей мы случайно встретились в банке, совершенно неожиданно. Мир, как известно, тесен» – дополнил он, обращаясь к Юлии, как бы извиняясь.

За последующим ужином втроем в ресторане L'Omnibus у берега Роны фон Стороффски объявил ей, что первоначально запланированные два дня свидания с нею он вынужден сократить. Завтра утром покидает ее, необходимо с Костей уладить одно дело, но она может остаться. Номер в отеле наперед оплачен, Женева – красивый город, погуляет, ознакомится... да, Костя, а как ты смотришь на то, что сектор недвижимости постепенно приходит в движение? Значительный сегмент... клиенты из Восточной Европы... Да что ты говоришь? Эта та самая Baronin zu Scharrenberg? Ну, как же, как же, знаю, встречались на мотогонках в Баден-Бадене. Я тогда даже приударял за ней, было дело. Она ведь сейчас в Лондоне живет. Да, кандидаты в очередь стоят – сам понимаешь... Однако, мне кажется, мой омар слишком переварен, *garçon, je voudrais bien*³⁸...»

«...да, из России, с Урала... Да, конечно, можете просто – Юлия. Вы, Костя, давно из России? О! ...и что ж, неужели не тянет в Москву? почему? ...агрессивная? ...территориальный принцип?.. колониализм?.. аморфный конгломерат?.. отсутствие гомогенной нации?.. как же это?..»

³⁸ официант, пожалуйста (фр.).

Перестройка

«...я Костю вполне могу понять; со старыми головами нового не построишь... поразительная инертность устрашающее невежество духовной элиты...»

«...деструктивная цикличность развития истории? ...что Вы имеете в виду?..»

«...извольте отсутствие здорового гражданского общества, политической оппозиции, а главное – свободы и демократии! ...правительство – над законом... над законом! подумайте, 140 лет назад Россия уже стояла перед подобными проблемами... травма Чингиз-хана... иммунитет деспотизма... послушны авторитету... Горбачев... крышку Пандоры... потерял решимость... разорванность и двойственный результат... реформатор в стиле Александра II: то ли Лютер, то ли Папа Римский? ...шаблоны столетней давности... Колесо истории прокрутилось вхолостую...»

«...да, верно ты говоришь, Костя... Перестройка в России начинается, в сущности, лишь сейчас, после Перестройки Горбачев взялся за реставрацию социализма, штукатурил старое новыми методами толстый слой штукатурки... обвалились Ельцин – трость, на которую история, подвинувши ногу, смогла опереться в решающий момент, начинает развиваться новое как на ледяной горке мальчишкой: скатился и пытаешься взобраться наверх по наклонной поверхности... лед скользкий... цепляешься руками за края, упираешься чтоб не сползти вниз...»

«...и удастся ли взобраться?»

«...батюшка-царь, матушка Россия... дети, все еще не научившиеся брать ответственность в свои руки... страна Вечного Отрочества... Костя, ты согласен со мной?.. демократия несовместима с 'мышка-мать... Приходите, тетя Кошка, нашу детку покачать'... доживем, как говорится, увидим...»

Женева

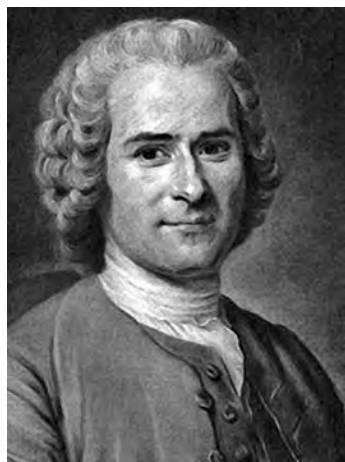
Юлия лежала рядом с ним. Он спал крепким, молодецким сном, укрывшись до подбородка одеялом. Все окна были плотно закрыты, он и здесь, в Женеве, точно так же, как тогда, в Москве, перед тем, как ложился в постель, тщательно закрывал все окна. Говорил, что холодно. Через занавески просачивался мягкий свет уличных светильников, желто-оранжевый, как плоды манго. Осторожно, чтобы не разбудить его, она встала с кровати, подошла к окну. Спящий город был великолепен. Чугунные трехрожковые фонари мерцали теплым светом, вытянувшись цепочкой, как янтарное ожерелье, обрамляя своим загадочным светом черный атлас реки, придавая зданиям и мостовым таинственную, почти сказочную ауру. На

противоположной стороне реки, обнесенной ажурной баллюстрадой, величественно возвышались каменные здания, подхваченные изящными колоннами, гордо выпячивающие свои литые черным кружевом балкончики. Дома, соборы, капеллы, мостовые: весь город – чарующий хоровод истории. Здесь ходил Кальвин, проповедуя лютеровские тезы, задумывая создать в Женеве протестантский Рим; здесь направлялся на прогулку Руссо, прохаживаясь вдоль Роны, завороченно глядя на ее малахитовые воды, обдумывая свои трактаты; здесь прогуливался Вольтер, и думал о судьбах Европы Талейран; здесь сражались в декабре 1602 года женеvцы против савоярдов, обратив врага в бегство, – этот день, именуемый Escalade, до сих пор празднуется горожанами каждый декабрь. Женева – город вольнодумцев и новаторов... Все происходящее казалось Юлии почти неестественным, сказочным. Вот сейчас пробьет полночь – и с последним ударом часов ее облик сказочной принцессы превратится в старое тряпье Золушки... Как бы подтверждая это, на соседней крыше заворковали во сне голуби, еще больше нагнетая эту атмосферу нереальности происходящего. Она тихо прошмыгнула в постель, вытянулась. На площади Philibert Berthelier, мимо которой давеча проходила с ним, начали бить часы на башне – низким, старческим боем. Полночь...

Она лежала неподвижно, слушая его дыхание. Раскинувшись во сне, он безмятежно положил на нее руку. Ей было неудобно, но она боялась пошевелиться, чтоб не потревожить его сон. Так лежала она, не решаясь заснуть, слушала бой часов, один удар, два... Он, прижимаясь к ней во сне, переместился почти полностью на ее половину, ей было мало места, левая рука и нога свесились, но она лишь вдыхала полной грудью запах его здорового тела, тихонько прижималась к нему, обнимая его, спящего, осторожно, чтоб не разбудить, закрыв глаза, наслаждаясь этой безоговорочной близостью, боясь заснуть, чтобы подольше насладиться им. Было уже

Жан Кальвин (1509–1564)

Жан-Жак Руссо (1712–1778)

*Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ де)
(1694–1778)*

*Шарль Морис де Талейран-
Перигор (1754–1 838)*

далеко за полночь, но сказка не исчезала... Три удара, четыре... По меньшей мере, до наступающего утра он будет с ней. Это было счастьем... Счастье может длиться часами – невероятно...

После завтрака, поспешно застегнув небольшой кожаный чемодан, он, отвлекаясь многочисленными телефонными звонками, не успев попрощаться, кивнул лишь ей небрежно головой; нажимая на кнопку лифта, плечом прижимая телефон к уху, послал ей воздушный поцелуй. Выйдя из гостиницы и оглянувшись наверх, на окна, закончив, наконец, разговор, вспомнив, что не сказал *au revoir*, махнул лишь ей на прощанье рукой, стараясь вложить в этот свой жест по возможности больше нежности; повернул за угол, скрылся из виду.

Она стояла у окна. Все? Он уехал... Вот так, просто взял и уехал? И она должна жить дальше, как ни в чем не бывало? ...А что, собственно, «бывало»? Ничего ж и не бывало... Да нет же, этого не может быть! Она не насмотрелась на него, не надышалась им еще, как мог он ее вот так просто оставить?.. Словно опомнившись, рванулась она из комнаты, вслед за ним, чтоб еще хоть секунду побыть с ним, обнять его на прощанье, бросилась, не дожидаясь лифта, вниз по лестнице, наскочив внизу на услужливого портье, спешившего придержать ей тяжелые

двери, почти сбивая его с ног, выскочила на улицу, забежала за угол...

...Нет... Его уже нигде не было видно...

...Враз обессилев, почувствовав невероятную пустоту и усталость, поплелась, ни на кого не глядя, назад, к отелю...

...Банальность, классическая банальность – один любит другого, который не любит этого первого, – что может быть банальнее... Она бросилась на постель, где он лежал недавно, и разрыдалась. Встав затем, утерев слезы, стояла потом долго еще у окна, и смотрела в небо, как он улетает... Все... Палящее солнце криво усмехалось с высоты.

Пустая, изможденная, вышла она в город. Женева лежала приветливой, ласковой. В этой части города размещались многочисленные банки, ювелирные магазины, галереи, дипломатические миссии. Элегантно одетые дамы, в шляпах, господа с кожаными портфелями попадались ей на пути. Banque Cantonale de Genève, Credit Lyonnais, Lloyds TSB, Banque Pictet, густая паутина троллейбусных проводов над головой, «Амурские волны» из-под рук заезжего уличного музыканта с меланхолическим взглядом серых глаз, нежно растягивающего меха своего старенького аккордеона.

Выйдя на Place Neuve, где горделиво возвышалась статуя Général Dufour, а напротив красовался Grand Théâtre, соседствуя с Musée Rath, она пересекла площадь и углубилась в густую тень старых платанов на променаде des Bastions. Здесь играли в шахматы, ели круассаны, сидели, обнявшись, на скамейке, прогуливались, взявшись за руки. Женева – город любви...

Направившись на север, по направлению к старому городу, Юлия, сделав над собой усилие, сосредоточенно принялась изучать достопримечательности, стараясь прилежно вникнуть в надписи на мемориальных досках, изучая оказавшуюся в сумочке карту с планом города. Идиллические узкие улочки, тихие дома с геранью на подоконниках, туристы, с проспектами Женевы подмышкой, в шортах и сандалетах, почти не видно местных. Rue de Saint Germain, Grande Rue, Galerie la Cite d'art, «Le Petit Prince»... Улица уходила вниз, резко завильнув за угол. Там, как будто из-под земли, жужжало мирно и ровно, как улей, уличное кафе, Brasserie Lipp. Сев за столик, указанный ей дружелюбным, черноглазым, приветливо улыбающимся официантом, заказала кофе. В некотором отдалении, через пару столиков, она заметила средних лет господина, пристально и с интересом на нее поглядывающего. Это то, что ей сейчас более всего необходимо – сыграть ва-банк... Поставить на него, как в рулетке. Познакомиться, влюбиться. Проигрывая, последним рывком все ж поймать ускользающую иллюзию, сейчас, немедленно!..

...Проигрыш. Банкир. Из Сан-Франциско. Женева – город банкиров и азартных игр...

Юлия шла, почти бежала, то и дело спотыкаясь на высоких каблуках, которые постоянно проваливались между булыжниками мостовой. Она вынуждена была останавливаться, это невольно сдерживало ее, заставляло замедлить темп; но она вновь принималась бежать, и вновь проваливалась, и вновь ускоряла шаг. Слезы досады и боли катились по щекам. Она поспешно надела очки от солнца. Слезы застилали глаза, каблуки мешали идти, но она все бежала, не глядя вокруг себя, оказавшись вдруг посередине проезжей части, замерев на островке, окруженная автомобилями, сердито

гудящими ей. Выждав, когда можно перебежать дорогу, она выбралась, наконец, на тротуар, изможденная, как будто переплыв Ла Манш. Подняла голову, чтобы осмотреться.

Перед ней стоял собор Нотр Дам. Откуда он здесь взялся, господи? Этот строгий, холодный, великолепный, из серого камня дом Божий, затерявшийся меж бесчисленных банков – соборов живота и тщеславия? ...Ну, пойдём, найдем... Католический... да какая разница? Господь – он и везде – Господь. Лет десять назад последний раз в церкви была – с туристической группой. Где это было? Не помнит уже... А чтоб молиться – никогда не молилась...

Народу было немного. Она, широко, с размахом перекрестившись три раза, упала на колени. Господи, помоги, Господи... Слезы капали, она наклонила лицо к земле. Любовью Бог одарил – у него и утешения искать...

Рядом, опустившись на колени, молилась шепотом, горько всхлипывая, молодая мулатка. Юлия прислушивалась к ее мольбам, не умея сама молиться, ничего не могла понять, но все ж постепенно успокаиваясь. Встала наконец. Пошла поставить свечку. За него, за дочь, за маму, за себя, еще за одну маму – помянуть душу его покойной матушки, – перекрестилась еще раз размашисто – и вышла.

На следующее утро она задолго до положенного времени была уже в аэропорту. Бесцеремонно пропихиваясь сквозь чинную толпу пассажиров, первой стояла у посадочной стойки, первой подошла к трапу, – домой...

Бросила сверху последний взгляд на город. Яхты были рассыпаны по воде, как лепестки яблони, сбрасывающей цвет.

Самолет резал крылом облака, как ножом по маслу. Летели некоторое время полностью погруженные в облака. Мутная бель – повсюду, как в другом измерении, ни земли, ни неба. Может, и не было ничего? Сейчас она спустится на землю – и все будет опять легко и ладно... Сидевшая рядом молодая блондинка с берлинским диалектом, модно и добротнo одетая, ухоженная и гладкая, как шарик для игры в гольф, листала Bunte, ни разу не взглянув в иллюминатор, не отрывая взгляда от страниц журнала, жадно читая советы по маникюру. Ее спутник, оценивающе оглядев Юлию прозрачным, стеклянным взглядом, принялся читать новости спорта. Какie напрочь успокоенные люди... *Meine Damen und Herren, willkommen in Berlin!.. Das Märchen war zu Ende...*³⁹

Дни проходили за днями, недели за неделями. Фон Стороффски посылал ей изредка привет по электронной почте, осведомлялся при этом, как идут дела на трудовом фронте. Вскоре и эти короткие сообщения прекратились. Сердце покручинилось, поболело и потихоньку начало успокаив-

³⁹ Дамы и господа, добро пожаловать в Берлин!.. Сказка закончилась... (нем.)

ваться, лишь спотыкалось иногда, заходило от волнения, когда слышалось слово «Женева», – или случайно в телевизоре включали программу CNN – ту, которую он во время их встречи имел обыкновение смотреть... В такие мгновения Юлия принималась прокручивать до бесконечности Катю Яровую, потом Леонидова. Музыка травила сердце еще сильнее – это был он, это была Россия... Она брала сигару «Монтекристо», затягивалась ею до кашля, до головокружения – и все опять постепенно становилось на свои заведенные места. Юлия уходила с головой в работу; от тоски кололо в груди; по рекомендации врачей начала умеренные занятия плаванием.

Константинополь, 1857-й год. Жюльетт и Александра. Л-ов много читал. В последние месяцы он с интересом проглатывал один роман за другим. Никогда раньше произведения французских авторов, кои брал он для чтения у Жюльетт, не доставляли ему такого удовольствия. Когда Алексей встречал Жюльетт и говорил с нею, он испытывал необъятную радость, необъяснимую взволнованность, и видел отражение этого чувства, – иль обманывался он? – в ее ответном взгляде. Но это длилось лишь мгновения, после чего она опять становилась строгой, насмешливой, колючей, говорила с ним свысока, слегка постукивая веером по тонкой ладони, как бы отсчитывая минуты для дозволенного ему свидания. Иногда Алексею удавалось завязать с ней пространную беседу о прочитанном, переходящую нередко в дискуссию о насущном. В этих разговорах она удивляла и поражала его своими критическими высказываниями, осведомленностью в политических вопросах и завидной независимостью, своевольностью характера.

Досадуя на себя, Алексей признавался себе, что, вопреки здравому смыслу он чаще, чем то можно было оправдать его увлечением французской литературой, думал о ней. Да нет же! он любил ее! – с двойственным чувством – счастья и отчаяния, – сознавался он сам себе, и это признание приводило его то в безмерный восторг, то заставляло холодеть при мысли о невозможности владеть ею. Он не мог с точностью сказать, когда это произошло, и как могло случиться, что он, сам того не замечая, начал настойчиво искать общества Жюльетт. Необходимость видеть ее, говорить с ней наедине постепенно овладевала всем его существом. Обстоятельства, казалось, способствовали тому. По делам службы Л-ов часто принимал участие в официальных встречах и банкетах, посещал светские приемы и салоны, где встречал Жюльетт с супругом, регулярно выезжающую, признанную первую красавицу света.

Князь призывал на помощь весь свой разум и здравомыслие, уговаривая себя не искать с ней встреч. В такие мгновения он, поддаваясь настойчивым убеждениям рассудка, устремлял свой взор на ту, которая была рядом:

Александра Бутенева, всегда мягкая, всегда чутко улавливающая его настроения, с ее спокойным, лучистым взглядом, умела успокаивать ненужные волнения. С ней все смятение его, все замешательство улетучивались, или, по меньшей мере, не так волновали душу его. Он догадывался уже, и нетрудно было увидеть это, что Александра любит его, да она и не могла и не хотела скрывать своего чувства к нему. С ней он чувствовал себя умным и благородным, хотелось совершать хорошие поступки и говорить на возвышенные темы, прогуливаться по парку, держа ее заботливо и участливо за руку, и вместе любоваться закатом солнца. Алексей испытывал к ней нежную дружбу и искреннюю привязанность. Он скучал, если долго не видел Александру, высоко ценил ее мнение, ее здравый смысл и спокойствие, уравновешенность ее характера, с ней он чувствовал себя сильным и добрым, надежным ее защитником и сердечным другом. Но сердце его билось ровно. При виде нее у него не захватывало дыхания, и не щемило в груди при мысли о ней. Потому как и мысли его, и жар его сердца – хоть и пытался он всеми силами души сопротивляться этому – принадлежали Жюльетт... Как много бы дал он за то, чтобы так же наверное знать, что происходит в груди той, другой, желанной, таинственной, закрытой от него, недоступной, отгороженной от его любви ее мужем и всеми непреодолимыми обстоятельствами.

Как ни старался Л-ов избегать ее, обстоятельства были все ж сильнее. Время от времени он видел Жюльетт то на прогулках в парке, то выезжала она, в сопровождении адъютантов, на своем скакуне за черту города. В такие моменты он, горя от желания говорить с ней, приближался к ней, наслаждаясь мгновениями мимолетного счастья, раздираемый бушевавшими в нем чувствами. Но, научившись за годы службы совершенно владеть собой, лишь с подобающей случаю приветливостью, с подчеркнутой вежливостью под взглядами ретиво охранявших ее кавалеров, учтиво приветствовал ее, наклоняясь низко к руке; лишь глаза его влажно блестели, и громко билось сердце, и становился он почти что неуклюжим, все более и вполне теряя голову свою... И не мог он открыть ей любовь свою, не догадывалась, по-видимому, она, что он любит ее и томится по ней, – не должно было ему, дипломату, открывать душу свою, не зная, к каким это может привести последствиям...

Ему было тем более тяжело и мучительно думать о ней, потому что не знал он совершенно, что чувствует она к нему. Он испытывал то жар, то холод, думая о ней, то принимался утешать себя, что не может такого быть, чтобы не любила она его, если он ее так сильно любит, как может такое случиться, спрашивал он себя, чтобы сердце оказалось столь слепым и неосмотрительно неосторожным, полюбив так жарко того, кто, возможно, не

может ответить ему такой же горячей любовью. ...А ведь если она ощущает даже хоть сотую долю того сметающего чувства, какое он к ней испытывает, то, стало быть, она все же любит его, принимался рассуждать он. То, почти начиная стонать от отчаяния, находил вдруг какое-то слово, жест, настроение ее, какие – как ему казалось – никак не могли подходить к тому, что она любила его... Какие несуразные надежды... Она любила своего супруга, какое право имел он в этом сомневаться... Он вновь и вновь проматывал в своей памяти каждую мелочь их последней мимолетной встречи, ее гордую манеру говорить с ним, как смотрела она на него, почти насмешливо, – нет, невозможно, чтоб она любила его, как можно тешить себя такими безумными надеждами...

В такие моменты, когда сердце нестерпимо начинало болеть по ней, он приказывал седлать своего скакуна, выезжал скорой рысью в степь, и долго, без цели скакал, подставляя ветру горевшее от несбыточных желаний и быстрой езды лицо. Сойдя затем с лошади, ложился в траву и долго лежал так, размышляя, отбиваясь от осаждавших его вопросов, не находя на них ответа. Так и не почувствовав успокоения, не разобравшись, что ему должно делать и как поступать, и разбередив душу еще более этой неясностью, возвращался он, ничуть не умеря своих страданий, домой.

Алексей читал Фейербаха, изучал Шопенгауэра, о котором говорили ныне много; мысли не давали покоя, роились и кусали, как пчелы. Если Божественное живет в самом человеке, в каждом автономном индивидууме, если религия растворяется в антропологии, и утрачивается связь с небом, остается одна голая реальность – что это означает?.. А то, что человек, осиротев, и выбросив не нужные ему более погремушки метафизики, стоит, неприкрытый, под ливнем нерешенных своих вопросов, в полном одиночестве на большаке своего жизненного пути, и по тому, что сделает он для этого мира, должно будет судить о его божественной натуре, рядить о его моральных качествах. Значит, надо использовать каждый прожитый тобой день для того, чтобы идти путем паломника, взвалив на плечи эту навязанную тебе неизвестно зачем тяжелую ношу – свою божественную силу, – выбирая сам для себя свои святые места, дабы претворять в жизнь самое себя, руководствуясь гуманными идеалами. Загробная жизнь, следовательно, устранялась, и наивысшим благом становилась жизнь земная, а значит, ею следовало, не откладывая и без оговорок, наслаждаться вволю. Единство человека с человеком, равно как и познание мира осуществлялись, следовательно, лишь через сосуществование любящих друг друга людей. Смелые мысли... Шопенгауэр давал ему чувство скепсиса и разочарования, нагонял печаль. Организм, а следовательно, жизнь, есть объективируемая во времени и пространстве воля, которая и является основным

жизненным принципом: темный инстинкт, побуждающий жить и пробиваться вперед. Стало быть, неприкрытая жизнь – без вуали иллюзий – прокламируется как основной принцип реальности?

Значит ли это, что отказаться от желаний и жить, руководствуясь строгой моралью, есть высший принцип реальности? И должен ты, и как индивидуум, и как достойный представитель своего отечества, быть в ответственности пред своей совестью и своим ближним. И сделать его счастливым, чтобы стать таковым самому. ...Да в состоянии ли я сделать счастливыми любящих меня, доверивших мне счастье и жизнь свою? – принимался судить Алексей. Он ходил взад и вперед по кабинету, раздумывал, брался за перо, записывал что-то в дневник, бросался в кресло, вставал опять, подходил к окну, оставался так стоять, забывшись, задумчивый, печальный, страждущий. Чего он желал, он и сам не мог понять. Не мог найти ответа на все вопросы, которые вертелись в его голове и не давали ему покоя. Да разве покоя он искал...

Л-ов вышел в сад. Стояла светлая, тихая, как невеста под венцом, лунная ночь.

На траву опустился легкий, серебристый туман. В развесистых кронах старых платанов заходилась в любовной песне соловей. Сорвав травинку и закусив ее меж зубами, Алексей, решив, что все равно уж не удастся заснуть, принялся бродить по аллеям. Вчерашняя встреча с Жюльетт на балу во Французском посольстве все не шла у него из головы. Они говорили долго. Он пару раз смог пригласить ее на вальс, она превосходно вальсировала... полностью отдаваясь волшебству танца и музыки, откинув слегка назад голову, приоткрыв слегка губы, улыбаясь ему, обвинив его страстно – не сон ли то был? – за шею. Она была хороша...

Любил ли он ее или было это временной, сковывающей его сердце страстью?

Как всегда при этом вопросе приходила ему на ум Александра. К ней он испытывал совсем иное чувство. Он уважал и любил ее как друг. Но это было совсем не то, что он испытывал к Жюльетт – чувство волнующее, обжигающее, горячее, захватывающее дыхание. Он вполне отдавал себе отчет, что влечение к Жюльетт обусловлено его чувственным Я, что страстное желание обладать ею обостряло его неумное стремление видеть ее, и что невозможность быть с нею вместе, а значит, неосуществимость желаемого, неспособность подчинить обстоятельства своей воле еще больше усиливали это стремление, тревожили воображение, волновали сердце, ибо – говорил он себе – та натура его, которая ищет удовлетворения в любви – любви запретной, стремящейся переступить законы общества, – эта натура подчиняется порывам чистейшего индивидуализма, кои не могут

стоять в согласии с требованиями общества, которого достойным представителем он призван быть и для блага которого он ни при каких обстоятельствах не согласился бы поставить эти свои личные мотивы во главу угла. А с другой стороны, – спрашивал он себя, – как поступил бы он, оказавшись, что Жюльетт любит его? Как должно бы было поступить, не нарушив закона сердца и чести? Разве любовь, данная Богом и небом, может быть аморальной? Чем дальше Л-ов рассуждал, тем яснее становилось ему, что любовь его к Жюльетт обречена, и чем быстрее он сможет забыть ее, тем лучше это будет и для нее, и для него самого...

Он понимал вполне, что, напротив, Александра пробуждает в нем и способствует расцвету его лучших сторон, заставляет просыпаться его лучшее Я, и это первое Я, подчиняющееся конвенциям света и порядку, этим светом установленному, свободнее и чище. Оттого чище, что оно не позволяет его голой субъективности проступать на поверхность и руководить всеми его поступками и умыслами, оттого еще, что оно полагается и опирается на силу рационального...

Так бродил он, не зная, как унять волнение сердца, не зная, на что он должен решиться, да впрочем, и не было у него альтернативы. Он любил чужую жену и это было неприемлемо и пошло...

Берлин, 200-й. Впечатления. Юлия ходила взад и вперед по комнате, обдумывая, ехать ли на выставку современного русского искусства, проходившую в Лондоне. Приглашение держала в руках: Russia: Empire to Utopia, 54 Pimlico Road, London SW1W 8NE. On Tuesday, 11th June 200-, 6-9 pm. The Directors of Chaucer Fine Arts Ltd. request the pleasure of your company to a private view of the exhibition⁴⁰. Получила его от одного знакомого художника, Жени Шеффера, который сам ехать не мог. Она могла бы, соединив приятное с полезным, написать о выставке статью для русской и немецкой газет. Конечно! Денег, правда, совсем нет для поездки... занять у Жени?.. Решено, так и делает.

Женя жил в западной части Берлина, неподалеку от Ku'damm. Решив поехать на автобусе, на сотке, Юлия направилась к Alexanderplatz.

Берлин был полон туристов, да оно и понятно: кому не хотелось увидеть этот исключительный, единственный в мире аттракцион. Взглянуть на окаменевший хребет коммунизма, потрогать застывший след, оставленный историей – узкая бетонная полоска, проходящая через весь город, то исчезающая под новостройками, то вновь появляющаяся на поверхности – материализовавшаяся, видимая глазу, затвердевшая тень реальности,

⁴⁰ «Россия: от Империи до Утопии». [Адрес галереи в центральном Лондоне.] Во вторник 11-го июня 200- г., 18:00-21:00. Дирекция галереи искусства «Chaucer Fine Arts» приглашают Вас на закрытый просмотр выставки.

которой след уже простыл, забетонированная идея – стена как воплощение идеологии, которую сейчас позволялось даже безнаказанно топтать ногами, подумать только!..

Остатки фундамента этого рухнувшего фундаментализма можно было даже приобрести на память в магазине сувениров: 5 евро за кусок истории, окаменевшей от ужаса, за террор, вылитый в бетон, за произвол, вставший на дыбы.

Город, снявши родильные швы, наложенные при кесаревом сечении, медленно приходил в себя, выходил из оцепенения, вызванного перенесенной болью, – то еще нерешительно поморщиваясь, но постепенно расправляя плечи, еще критически и осмотрительно оглядываясь на прошедшее, но уже полный молодого рвения и динамики. Полоска былой травмы, не вполне успевшая порости быльем, еще саднила, бессоница и ночные кошмары еще отнимали силы. Но капельница с питательным раствором щедро, без устали вливала в вены живительную влагу. И выравнивался постепенно пульс, наливались румянцем щеки, все увереннее становился голос.

На фасадах домов, в вагонах метро, в кафетериях, пивных, ресторанах и гостиницах, в холлах вокзалов, в аэропортах и в залах универмагов беспрестанно транслировались по телевидению последние новости. Берлинцы, падкие на свежие известия, глотали на ходу, с огня, с печи, как излюбленный ими турецкий Облег, куски свежей, но в тот же самый момент уже становящейся прошлым, убегающей истории; глотки насущного, терпкие и с молодой пеной, как свежесваренное пиво, еще не отстоявшееся.

Город дрожал, гудел, ревел, звенел и позвякивал. В небе, куда ни глянь, торчали, возвышаясь над крышами домов, строительные краны. Новостройки возносились с невероятной быстротой, словно в компьютерной анимации. Целые улицы и кварталы, вырастающие, словно из-под земли, словно после дождичка, самоуверенно сверкая сталью и стеклом, поднимались рядом со старыми зданиями, с молодой неуживчивостью, вынуждая горбатых, с обвалившейся штукатуркой стариков потесниться, навести новый лоск. Спешно прокладывались дороги и открывались новые станции метро, соединяющие восток и запад, остатки социализма и капитализма. Возводились новые железнодорожные вокзалы, с тем чтобы помочь Берлину выстоять под неугомонным напором туристов со всего мира, стекающих в город, в радостный водоворот истории, еще дымящейся, которую еще можно было пощупать руками.

Мимо Юлии деловито спешили по делам берлинцы, спортсмены мягко трусили по направлению к Tiergarten, сноровисто маневрировали меж автобусов велосипеда и рикши, такси и автомобили нетерпеливо сигналили чужакам, заставляя их, зазевавшихся у светофоров, быстро трогаться с

места. Праздно расхаживали туристы, увешанные фотоаппаратами, кинокамерами, мобильными телефонами и картами города. Повсюду в городе – медведи из гипса: красные, зеленые, в полоску, в цветочек и в клеточку. Восторженно фотографирующие друг друга в обнимку с ними японцы. Не спеша и с достоинством шагающие, детально изучающие надписи, выгравированные на памятниках, приехавшие в Берлин всей семьей немцы из провинции: в шортах до колен цвета застиранного хаки, сандали, широкая рубаша навыпуск. Темноволосые, оживленно дискутирующие, привлекательно одетые итальянцы – впереди жена, уверенно указывающая путь мужу, зарывшемуся в путеводитель. Также симпатично одетые, но муж оглядывается с нетерпением на замешкавшуюся, неуверенно застывшую на перекрестке жену – русские. Подтянутые, в клетчатых брюках и кепках – англичане, сдержанно обменивающиеся друг с другом репликами.

Юлия шла вдоль Шпрее, оставляя справа Николаевскую церковь. В многочисленных кафе, расположенных на берегу, сидели гости, кто с наслаждением, крупными глотками отпивая пиво из запотевших кружек, кто лениво потягивая кофе с молоком. В фонтане Нептуна прыгали и резвились собаки, одуревшие от необузданной радости, их хозяева прыгали и суетились вокруг, пытаясь взять своих любимцев на поводок. Добродушные полицейские, несущие дежурство у городской ратуши, невозмутимо наблюдали за происходящим, поглядывали на прохожих, то и дело оставившихся у парадного входа и с любопытством изучающих надписи на мемориальной доске; поблескивая начищенными пуговицами униформ, скрестив за спиной руки, они охотно и с удовольствием вступали с туристами в разговор, радуясь возможности поболтать, вежливо отвечая на вопросы и терпеливо выслушивая разного рода замечания.

«Алекс» был, как всегда, полон народу. От рядов с хлебными лотками растекался чудный аромат свежих берлинских булочек. Трамваи дребезжали без устали, вспугивая вездесущих голубей и зазевавшихся прохожих. Под Часами мира стояли, переступая с ноги на ногу, в ожидании встречи, берлинцы. У входа в метро сидели и лежали молодчики с зелеными волосами и пирсингом в губах, сосущие шнапс из бутылки, живущие по своим законам, не обращающие внимания на окружающих, равно как берлинцы не обращали внимания на них. Огромную площадь, названную в честь царя Александра, планировалось радикально уменьшить – в пятикратном размере – так же, как пару десятилетий прежде ее с энтузиазмом расширяли, азартно демонстрируя миру социалистический размах. Алекс сделал свое дело: в 89-ом здесь собрался миллион рассерженных берлинцев, а пару дней спустя свершилась Берлинская революция – самая быстрая, радостная и беззлая в мире. Законопослушные, тяжелые на исторические

экспромты немцы, просмотрев вечерние новости, вышли ночью на улицы и переступили, недоумевая, радуясь собственной силе, в одну ночь пик коммунизма, что с оружием, огнем и кровью строился и яро охранялся десятилетиями. Лунная революция берлинцев с «Трабантами» вместо танков и пивом вместо гранат сомкнула в одну ночь две половины города, безжалостно рассеченного, и, смешивая законы реального и выдуманного, соединила невозможное, восток и запад, закат и восход, создала город, где отныне дважды два давало в результате пять с половиной. Берлин, насчитывающий больше мостов, чем Венеция, становился мостом, соединяющим два мира в единое целое.

На остановке стояло много народу: маршрут № 100 проходил по центральным улицам Берлина и был очень популярен среди гостей столицы. Влившись в толпу, Юлия вошла в подошедший автобус, поднялась на второй этаж, села на переднее сиденье, наслаждаясь открывающейся перед ней перспективой. За окном, как в огромной книге с картинками, проплывали фасады зданий, заставленные строительными лесами и кранами, задрапированные в полотна с изображением того, как эти здания будут выглядеть после реставрации. Телебашня, величавый Берлинский собор, отражающийся в стеклянном фасаде Дворца республики, неподалеку – Министерство иностранных дел, «Комод», напротив – университет Гумбольдта, помпезное посольство России. На противоположной стороне улицы пятиэтажный Карл Лагерфельд элегантно улыбался с рекламы торговой фирмы H&M. У Рейхстага, за Бранденбургскими воротами возвышался строй памятников погибшим при попытке пересечь границу ГДР, Персеи, посмевающие взглянуть на голову Медузы; монумент русским солдатам, павшим во Второй мировой; резиденция канцлера, рядом – Дом мировых культур, парк, турки, расположившиеся целыми семействами на воскресный пикник, жарящие на решетках мясо перед окнами замка Bellevue, представительства президента; «Европа – центр», церковь Поминования, уличные художники на площади, молодежь, сидящая на спинках скамеек как птицы на проводах, темнокожие и светлые, фанаты брейка и хип-хопа, Эминема и Агилеры; Центральный вокзал, бездомный бродяга, прикорнувший у входа, бок о бок со своей собакой, «Beata Uhse», острый аромат турецкого Döner, тайландское бистро, потоки туристов в начале Кудамм; отели и рестораны с европейской кухней, припаркованные у обочины «порше», сидящие за столиками кафе «Карас» в ожидании счастья блондинки в средней части бульвара; дорогие бутики, ювелирные магазины и «мерседесы-кабриолеты», окаймляющие тротуары – к концу.

Женя, средних лет бородач из Москвы, как всегда торчал в «Париж-бар», сидя со своим приятелем, полу-художником – полу-писателем Харлампием

Огорошковым и знакомым журналистом Хоффманом за бутылкой Beaujolais. С Огорошковым он снимал мастерскую в Шарлоттенбурге, где ему, однако, редко доводилось писать свои картины в одиночестве и без помех. Его друзья охотно и часто посещали Берлин, ставя на пробу хлебосольство хозяина, слетаясь на свет его ярких светильников из Нью-Йорка, Москвы, Петербурга, Тель-Авива и Амстердама. Гости, задерживаясь порой на недели, а то и месяцы, вовлекаемые в интернациональный казачок, лихо отплясываемый художниками и артистами со всего света в молодой столице Германии, посещали многочисленные выставки, задорно и с охотой работали, обменивались идеями, пили «Московскую» и спорили о судьбах искусства.

Женя знал весь русско-еврейский Берлин и весь Берлин знал Женю. Его приглашали в гости к русским эмигрантам, живущим здесь во втором и третьем поколении, фамилии которых начинались приставкой «фон», а также к тем, кто жил в Берлине лишь время от времени, наезжая сюда, чтобы пройтись по его магазинам. Женя любил Комара, Меламида, Сорокина и Бренера. Женю любили владельцы модных салонов. Женя любил Россию, и не любил Германию, но жил в Германии, не желая жить в России. Он писал картины по русским мотивам, рассказывал новейшие анекдоты, и, набравшись водки, заводил, торжественно вскидывая голову, лихо подмигивая глазом «Боже, царя храни».

В «Париж-бар» пропускали как в мавзолей Ленина. Перед входом теснилось много желающих, но получить столик можно было, лишь имея статус VIP. «Мадам», – строго поприветствовал ее на входе хозяин ресторана, решительно встав поперек двери и слегка напирая на Юлию своей широкой грудью. «О, Юленька, лапочка, проходи, пожалуйста. Слушай, столько не могу, вот полтинник». Хоффман, с которым она была поверхностно знакома, пообещал, как всегда, позвонить, возможно сможет организовать для нее работенку. «...Язык, знаю, без костей. Остаток придется подкопить. Подождать с оплатой телефона?.. Опять отключат... блин».

Константинополь, 1857–1858 годы. Об Оттоманской империи. Дни, как четки, нанизывались на недели, недели на месяцы. Алексей Л-ов много работал, проводя на службе дни и вечера напролет, оставаясь нередко за рабочим столом далеко за полночь, детально изучая и досконально разбираясь в запутанных вопросах и перипетиях европейской дипломатии.

Оттоманская империя обладала еще немалым политическим весом. Невзирая на то, что экономика Порты зависела от Франции, Англии и набирающей все большую силу Пруссии, ее международное влияние тем не менее постепенно росло. Страна становилась неотъемлемой частью мирового

сообщества. Послевоенные соглашения, убыточные и наносящие ей ущерб, не могли, однако, в должной мере обеспечить полноценное развитие ее индустрии: Оттоманскую империю все чаще называли «больной Европы». Тому не в последнюю очередь способствовало невыгодное развитие дел на внутреннем рынке: потеря ресурсов вследствие убыточных договоров с провинциями, некогда приносившими высокий доход, а сегодня стремящимися к независимости, равно как и проводимая в стране модернизация армии, системы образования, транспорта и административного управления, требовавшие высоких капиталовложений. Оттоманская элита, пытаясь задержать стремительное развитие кризиса, поспешно искала тесного союза то с Англией, то с Пруссией. Россию считали врагом номер один, опасались ее экспансионистской политики на Балканах.

Константинополь хорошел, преобразался на глазах, кривые улочки с ветхими деревянными строениями постепенно сносились, уступая место красавцам-домам из кирпича и камня, возводились новые кварталы, центральные части города строились по проектам Османа, по образцу Парижа, Франция была в моде. Побережье Босфора застраивалось вилами в стиле архитектора Синана с террасами с видом на море. Для большей наглядности выпускался реестр построек и их владельцев, дабы султан на прогулках своих мог быть доподлинно информирован о владениях поданных. Часто проводились празднества на воде, на месте слияния двух морей.

Любовь к Жюльетт

Князь Л-ов работал с большим воодушевлением и прилежанием. Своим старанием он заслужил полное доверие старого Бутенева, который все чаще поручал ему ответственные, требующие высокой профессиональной сноровки и интуиции задания. Изредка, по делам службы и требованию обстоятельств Алексей наведывался на официальные приемы Французской миссии, где получал возможность увидеть Жюльетт. Она все больше нравилась ему, все глубже проникали в его душу любовь и восхищение ею, сердце кручинилось. После этих коротких встреч с нею он, по обыкновению, начинал упрекать себя в ветренности и неверности по отношению к Александре. В такие минуты Л-ов садился за стол, брал перо в руки и записывал свои мысли в тетрадь, – мысли о том, каким неосторожным, неразумным и непостоянным может быть человеческое сердце, как безоглядно и легкомысленно отдается оно любви; любовь к Богу открывает сердце для любви ко всему земному, для любви к женщине. Да разве же может любовь быть грехом, разве может это быть плохо... Он писал Александре пись-

ма, если служебные обязанности долго не позволяли ему видеть ее, и его письма были полны нежности и скрытых самоупреков. Алексей чувствовал, что эта женщина ближе ему по духу, что, следовательно, судьба ведет его по правильному пути. Он молился Господу, чтобы наставил его, дал совет. Чем же разрешится сия дилемма, как успокоить угрызения совести и досаду, что не может он всецело принадлежать ей, а вынужден думать о замужней женщине? Смущение, царившее в его душе, побуждало Л-ова бросаться с головой в работу, служебное рвение отвлекало от этих трудных вопросов, он становился все более незаменимым и сведущим дипломатом, читая и рассуждая много о положении современной Европы и тенденциях ее развития. Здоровые рассуждения показали ему всю несостоятельность его предположений относительно любви к Жюльетт; да и каким бы было это отчаянным легкомыслием! Какой безответственностью по отношению к возложенной на него здесь, в Константинополе, миссии! А откройся вся эта история! Да разве ж можно давать себе так распускаться!.. Забыть все, зачеркнуть.

Найденное решение удовлетворяло вполне. Как-то само собой становилось ясно, что Александра может рассчитывать на его предложение, которое он и намерен был сделать в ближайшее время.

К зиме князь узнал, что мадам Буркине по настоянию своего супруга покинула Константинополь, чтобы поселиться в Париже с его умеренным климатом, планируя остаться там на неопределенное время: как говорили – для укрепления здоровья.

Лондон, 200-й. Выставка. Лондон стоял, покрытый прозрачной дымкой, спустившейся на город словно с полотна Моне. Сев в Хитроу в автобус номер А1, Юлия доехала до центра. Пансион, в котором она забронировала комнату, находился в маленькой улочке, в мрачного вида здании, на заднем дворе. Лестница, ведущая на второй этаж, где размещалась приемная, громко скрипела при каждом шаге. Получив у флегматичного индуса ключи от номера, Юлия вошла в маленькую, со спичечный коробок, комнату, пахнувшую сыростью и прокисшим супом, закрылась на ключ. Серое оконце выходило во двор. Там громоздились контейнеры с мусором да пара старых, искореженных велосипедов. Спокойно, но темно. Надев единственный, что имела в своем чемодане, брючный костюм, который одолжен был у приятельницы, подкрасившись, она враз изменилась, стала строгой и элегантной. Индус-хозяин, разинув рот, одобрительно щелкнув языком, удивленно проводил ее взглядом.

Вернисаж уже открылся. Было довольно много посетителей. Красивые женщины, в элегантных, некоторые в экстравагантных нарядах, мужчины в

темных костюмах и накрахмаленных белых сорочках. Шампанское искрилось, фотоаппараты щелкали, загорались вспышки, яркий свет люстр создавал приятную, праздничную атмосферу. Повсюду слышались приветствия, щедро расточались поцелуи.

Остановившись перед одной работой, привлечшей ее внимание, Юлия принялась со вниманием изучать ее, не обращая внимания на то, что происходило вокруг.

«...А о чем тут можно калякать, господин Абрамович? Это же просто великолепно! Как точно схвачено! Как замечательно тонко передано! Вот так, пробуждается Россия...»

«Боже... неужели...»

«...нет-нет, ну о чем Вы говорите, Роман Андреевич? Не спорьте со мной! Я точно знаю, что этот художник живет и работает в Лондоне...»

«Нет, этот художник живет не в Англии, он давно уже переехал в Россию», – вмешалась она в разговор, стараясь придать своему голосу как можно более непринужденный тон.

«Ни в коем случае, я читал о нем в „Daily Telegraph“».

«Уверяю Вас, он живет в Москве!» Решительный, но слегка вибрирующий тон Юлии заставили ее оппонента оторвать взгляд от картины и повернуться к ней. «...Вы?!...»

Фон Стороффски был явно удивлен встречей.

«...Что Вы здесь делаете?»

«То же, что и Вы».

Фон Стороффски, небрежно представив ей своего спутника, красивого молодого человека, очень богато одетого, с легкой бородкой, кажется, русский предприниматель, из «новых», ельцинского набора, кивнув ему затем, что догонит, устремил на нее удивленный взгляд. «Вы что же, живете в Лондоне? Одна здесь?»

«Приехала на выставку. Чтобы написать рецензию. Живу по-прежнему в Берлине. По-прежнему одна».

«Отойдите немного... Неужели еще одна? Не было подходящих?»

«Да, вот уж, не везет... Да и времени не было, недавно защитилась».

«О, молодец, поздравляю, поздравляю... Ну, ничего, у Вас еще все впереди».

«А сами? Как в Лондоне? По службе?»

«Да-а... развеяться в Европу. Думаю в Лондоне поселиться. ...А чем намерены заняться после выставки?»

«Никаких особых планов».

«Разрешите пригласить Вас на ужин?»

Они спустились по широкой, застланной красным ковром лестнице,

на улицу. Моросил легкий дождь. Поехали в Hilaire. После ужина, садясь в такси, фон Стороффски назвал водителю, слегка помедлив, адрес своего отеля, бросив на Юлию быстрый взгляд, ища подтверждения, что поедет с ним. Она, втянув в себя воздух, потупившись, лишь молча кивнула.

На следующий день, прогуливаясь с ней по Лондону, фон Стороффски завел разговор о насущном, осведомился, есть ли у Юлии хорошо оплачиваемая работа?

Услышав отрицательный ответ, фон Стороффски принялся упрекать ее, что виной тому является, очевидно, нежелание интегрироваться в западное общество, а также неумение усвоить его законы, понять простую и железную логику его экономического функционирования, научиться нести полную ответственность за свои действия и, прежде всего, за свое бездействие! Следовало бы усвоить, что у нас, здесь, на Западе...

Юлия внимательно слушала его, не решаясь возражать, слишком неожиданна была их встреча, слишком мало времени было у нее, чтобы обсуждать с ним вещи, которые никак не касались этого момента. Она радостно внимала его словам, улыбаясь, наслаждаясь его близостью, рассеянно отвечая на вопросы и слабо возражая ему.

Он, принимая ее лаконичные ответы за неспособность понять его аргументы, повысил тон, обстоятельно и с легким налетом снисходительности объясняя, какие шаги ей следовало бы предпринять; бросил затем, заметив в заключение, что, как ему кажется, родившись и выросши в русской глубинке, она, очевидно, не научилась столь необходимой для жизни на Западе предприимчивости.

Юлия, которую последний аргумент задел за живое, нерешительно заметила, что русская провинция ей лично больше по душе, как милее ей ее простые люди, которые еще сохранили в себе исконно русские черты: скромность, терпение, пренебрежение материальностью, завет нестяжательства, в общении которых доминирует еще принцип «Я и Ты», что само по себе достойно удивления и является, если рассматривать это под определенным углом зрения, ядром исконно русского феномена соборности, ведь говорится же в народе: «Собором – и черта поборем»; где сохранили действенность, пережив системы и идеологии, постулаты воздержания и ограничения, ставшие в эпоху Потребительства и Изобилия истинным дефицитом, русским анахронизмом. А что касается работы... Что ж поделаешь, коли не пускают. Такие как она и в России – не русские, и в Германии – не немцы.

Проходили мимо Chelsea Old Church. На углу к ним подковылял нищий бродяга. Фон Стороффски, не прерывая разговора, обошел его стороной, замедлил шаг, оглядываясь на замешкавшуюся Юлию. Та, остановившись,

поспешно вытащила тощий кошелек, выудила из него мелочь, сунула ее в иссохшую, протянутую ей навстречу, слегка дрожащую руку.

«Зачем Вы даете ему деньги? Ведь сами перебиваетесь с хлеба на квас!»

«Вы же видите, он просит милостыню...»

«Ну так что ж? Пусть идет работать».

«Как легко Вы это говорите!»

«Зачем отдавать последние деньги этому оборванцу?»

«...милосердие... это называется милосердием...»

Фон Стороффски раздраженно замолчал.

Вечером он поехал с ней до аэровокзала «Хитроу», помогая нести чемодан с зубной щеткой и пижамой. Простояв тридцать минут в ожидании регистрации, переступая с ноги на ногу в длинном, гудящем многоязычием хвосте пассажиров, остановившись затем перед стеклянной перегородкой, он, обтекаемый со всех сторон толпой провожающих, чмокнул ее торопливо в щечку, приподнял нерешительно руку, махнув на прощание.

Берлин, 200-й. Ранимый Стороффски. «...Не забыть мне его, как не старайся. Сердце как выпрыгнуло из груди, так и покатилося за ним, как мячик. Неужели он совсем не задет моей любовью? ...Он не видит меня. Я мала и незаметна. Одинокая, безработная, безденежная эмигрантка из России...

...Раним. ...Отчего он так раним? ...как скрипка Страдивари, – боишься до него неверным словом дотронуться, или резким, смехом, или лишним жестом. Хочется поближе, но не решаешься, и замираешь, затаивая дух, отстраненная ледяным пламенем. И вдруг засветится слабо что-то теплое внутри, и он вдруг таким мягким делается, и замираешь, зачарованная этим светом, и боишься, что опять погаснет, и вот уж в самом деле рассеилось таинство, как не бывало... и он, словно очнувшись, опять просовывает голову в кокон ледящей учтивости, в непроницаемую униформу вежливости, и вот уж опять начеку, опять неприсутственный и блестящий, и опять горяче-холодный душ., и трепещешь, подпаленная... Глаза у него всегда грустные, даже когда смеется... Плачет ли? Не могу его плачущим представить... Непроницаемый и холодный, как асфальт на Пятой Авеню. Не проглядишь, что в душе происходит. Почему – то он никогда не дарил мне цветов... и холодно как-то все ему...»

Константинополь 1858. Любовь к чужой жене. 17 августа 1858 князь Л-ов праздновал свое вступление на должность посланника Его Императорского Величества и государства Всероссийского в Константинополе. Стоял великолепный вечер, заходящее солнце отражалось в водах Босфора, растекаясь багрянцем по воде. Л-ов был в превосходнейшем располо-

жении духа. Изнуряющие мысли почти улетучились и не беспокоили уж с прежнею беспощадностью души его. Мир с самим собой был, казалось, найден. Невеста телеграфировала из Петербурга свои поздравления, ждала через месяц домой. На будущую зиму было назначено венчание его.

Объявили прибытие мсье и мадам Буркине...

Он не верил своим ушам, она снова была в Константинополе!

Жюльетт вошла, еще более красивая, чем прежде, в великолепном, последней моды, платье, с глубоким декольте, открывающим ее грудь цвета благородного алебастра. Мсье Буркине, обменявшись с Л-овым несколько натянутым приветствием, поспешил присоединиться к собравшемуся у стола с аперитивом и сигарами большому кругу гостей, оживленно обсуждавшему выдвинутый недавно

*Ахмед Джемдет-Паши
(1822–1895)*

Джемдет-Пашой проект Code Civil, который тот предложил перенять из французского законодательства, без существенных изменений, «... en fait, c'est une idée très mûre quoique il faut prendre en considération que...»⁴¹.

«...Вы делаете огромные успехи. Моему мужу за Вами не угнаться...»

Жюльетт казалась тише обычного, ее щеки несколько осунулись, впали, но это делало ее еще более привлекательной. Л-ов не ответил, лишь кивнул в знак благодарности головой. Он стоял ошеломленный от ее близости, счастливый от того, что вновь мог видеть ее, что вновь была она с ним рядом, близко, здесь, на этом празднестве, в Константинополе... Он почти не отвечал на ее вопросы, лишь смотрел на нее жадно, и светились жарким светом глаза его, и сердце от счастья выпрыгивало из груди, у него, опытного дипломата, владеющего каждой мышцей своего тела. Она, взглядывая на него исподлобья, тоже постепенно замолчала, глаза ее потемнели, яркий румянец, прорываясь сквозь слой умело наложенных румян, заливал лицо ее.

В последующие дни Л-ов ничего не мог поделать с собою, вновь вспыхнувшее чувство с новой силой волновало душу его, любовь к ней, заплывавши, как сухое сено, опалила его, сбила с ног; он усиленно старался найти подходящий предлог, чтобы вновь и вновь видеть ее. Он зачастил в парк, зная почти наверное, что там непременно встретит ее, и точно встречал ее, когда она, то прогуливаясь, то проезжая на своих скаковых, замедляла шаги, давая ему возможность нагнать ее. Алексей кланялся, проходя мимо.

⁴¹ Да, это очень зрелая мысль, хотя надо принять во внимание, что... (фр.).

Они обменивались долгим взглядом, бросая иногда при этом друг другу пару слов официального приветствия. Он знал теперь наверняка, что любит лишь ее, он желал ее, как никогда в жизни не желал ни одной женщины. Он забыл все свои размышления о двух натурах, он не думал более о преградах и благородном отречении. Сейчас ему казалось, что и она зажглась этим жаром, сейчас он чувствовал, что и ее взгляд следовал за ним, она была уж не такая насмешливая в разговорах с ним и, казалось, – да почти уверен он был, – искала его общества, а при встречах становилась молчалива, лишь зеленые глаза ярче сияли на лице ее.

Он задумывался о предстоящей свадьбе своей, спрашивал себя, не грех ли это, вступать в брак с женщиной, которую – он это знал наверное – не может любить так, как должно любить человеку, намеревающемуся в скором времени стать ей верным мужем. Он должен был со всей прямоотой признаться себе, что любил другую – не невесту свою, ожидавшую его в Петербурге, а чужую жену...

Лондон, 200-й. Фон Стороффски, возвращаясь после воскресной прогулки, порядочно взбодрившей его, домой, в свою новую квартиру поблизости от Sloane Square, находился в самом приятном расположении духа. В последнее время он с большой охотой предпринимал походы в Richmond Park. Дивные там березы! Березы напоминали ему детство, рассказы родителей о России. Сейчас попить чаек с липовым медом – и за дела! На его руку опустился паучок, он бережно смахнул его, вспомнив, как мать говаривала; паука – к добрым вестям. Ну, посмотрим, посмотрим, что нам пишут...

Заглянув в почтовый ящик, нашел среди прочей деловой корреспонденции большой увесистый конверт, тем привлекая его внимание, что был он отправлен на старый его нью-йоркский адрес, и потому лишь до него дошедший, что послали его сюда, в Лондон, вслед выехавшему адресату как досылку, о чем и свидетельствовала служебная пометка с жирным штампом. Распечатав пакет, фон Стороффски нашел монографию, автор – Julia Dolgareva, *Russische Kulturosophie: zu Spezifik und der Logik der Geschichte*⁴². Издательство Франкфурта-на-Майне, 200– год. К обложке книги была прикреплена канцелярской скрепкой визитка. Пробежав по ней, увидел, что и она поменяла адрес и телефон. Вот оно что! Потому-то и не мог дозвониться, даже в справочной ее номер не значился! Спешно подойдя к телефону, набрал указанный номер. Приятный женский голос доложил на английском, что фрау доктор целый день занята на конференции, не угодно ли будет позвонить после двадцати часов либо попытаться застать ее завтра с восьми до девяти утра? После двадцати часов не было

⁴² Русская культурософия: специфика и логика истории.

ни приятного голоса, ни фрау доктор, лишь автоответчик, отчеканив для самых настырных номер факса, приготовился, дав сигнал, записывать устное сообщение. Фон Стороффски взял лист бумаги. «Пятница, 9 июля, Париж, ресторан отеля Бристоль, двадцать часов? Конечно же, если позволяют обстоятельства. Фон Стороффски». Набрал номер факса. Утром, перед завтраком, нашел ответ; «Конечно же, позволяют. Юлия»

Париж, 200-й. Юлия бежала мимо английского посольства, мимо Елисейского дворца с застывшими перед входом гвардейцами в красочных униформах, пересекла Avenue de Marigny. Запаздывала.

Великолепное белокаменное здание гостиницы «Бристоль», красная герань по обеим сторонам входной двери, красный «феррари» напротив. Не сбавляя темпа влетела в холл. Остановилась. Ковер цвета бургундского вина. Строгие мраморные колонны. Бархатный свет тяжелых хрустальных светильников. Портрет Мари-Антуанетт над красным диваном. Тяжелые, барочного стиля портьеры на окнах, за которыми видна просторная, тщательно ухоженная терраса, украшенная белыми скульптурами и изящными скамейками.

Мимо Юлии бесшумно порхали служители отеля, глядя ласково и чуть исподлобья, с дружелюбной и приветливой улыбкой. Постояльцы плавно, как титаники, проплывали по мраморному залу, выстланному мягкими коврами – высоко держа голову, медленно и вальяжно, не торопясь и по-хозяйски, пыхтя толстыми сигарами, блестя ботинками тончайшей кожи и оставляя за собой едва уловимый след изысканного одеколона. Их спутницы, степенно проходящие мимо портье, торопливо распахивающего перед ними двери, спокойным шагом направлялись в салон, опускались в кресла, устраиваясь поудобнее, не спеша приступали к аперитиву, им незамедлительно преподносимому, начинали неторопливую беседу с приятельницами.

Юлия энергично прошла по салону, стараясь, однако, умерить свой шаг. Фон Стороффски сидел в отдалении, рассеянно просматривая карту вин, поднимая время от времени глаза, оглядывая входящих. Увидев ее, он, поднявшись, шагнул ей навстречу, сдержанно приветствуя, помогая снять пальто, осведомившись – дабы скрыть замешательство первых минут – хорошо ли доехала, легко ли смогла найти отель?

Он изменился. Несколько похудел, жестче обозначались складки на лице, – это придавало ему строгое и холодное выражение. За бокалом шампанского («за встречу!») обменивались легкими, вежливыми вопросами, задаваемыми менее для того, чтобы получить на них точный ответ, сколько для камуфлирования неловкости. Прошли, наконец, в ресторан.

Заглянув в предложенное ей учтивым официантом меню, Юлия в нерешительности положила его было назад: что все это и с чем его едят?..

Фон Стороффски бросил на нее вопросительный взгляд. Еще более смутившись, взяла меню вновь. *Guinea fowl consommé flavoured with sherry... Tenderloin Wellington with black truffles... blackberry sorbet... Brittany lobster... Champagne Cordon Rouge*⁴³... выбрать блюдо, где указана наименьшая цена, все равно худеть надо... ..поужинать здесь вдвоем – что слетать на Урал одному... шальные деньги...

Ночной Париж

После ужина, в прекраснейшем расположении духа, решили единодушно гулять – так гулять! Фон Стороффски вел Юлию по улицам, подхватив под руку, взявшись показать ей город, который он знал как свои пять пальцев. Юлия шла, оперевшись на него, глядя вверх и по сторонам, очарованная зрелищем.

Ночной Париж лежал, освещаемый яркими лучами прожекторов, соблазнительно выставляя напоказ белокаменные бедра зданий, беззащитно обнажая стройные колонны, обрамляющие темноту входных вестибюлей, игриво выставляя округлые, схваченные в черное кружево чугуна балконы с пышно цветущими на них бегониями, кокетливо приоткрывая свои невидимые при дневном свете красоты. Вольготно раскинувшиеся площади с соблазнительными пупками фонтанов были покрыты мягким пушком ночной дымки. Красочные витрины магазинов привлекливо зывали заглянуть внутрь, туннели сверкали ровными рядами отливающих матовой белизной светильников, уличные фонари излучали мягкий свет.

Парижанки, красивые, как с полотен Ренуара, элегантные, как элитные московские путаны у «Националя», женственные, как будто не слыхавшие о булимии, выгуливали на ночь своих мопсов, висевших, как виноград, целыми связками на поводке. Несмотря на поздний час, поток машин на улицах не ослабевал. Светофоры задавали ритм. Пешеходы, не успевшие перейти дорогу на зеленый свет, послушно, как оловянные солдатики, застывали на кромке тротуара. Неиссякающий поток автомобилей, дружно, как на старте, замирал перед светофором, и также дружно, как после выстрела из стартового пистолета, продолжал свой бег. Автомобилей больше, чем людей. «Ситроенов», «рено» и «пежо» больше, чем «мерседесов» или «тойот».

Эйфелева башня упиралась в небо, помешивая звезды, словно латунная ложка в банке с осетровой икрой. На черной, маслянисто поблескивающей

⁴³ Консоме из цесарки с хересом... Вырезка «Веллингтон» с черными трюфелями... Сорбет из ежевики... Бретонские омары... Шампанское Кордон-Руж... (англ).

поверхности Сены, как на подносе, расписанном Палехом, дрожали красно-желто-зеленые разводы.

Влившись в толпу пешеходов, фланирующих на Елисейских полях, отдавшись на минуты инерции ее течения, Стороффски и Юлия спустились затем в метро, подчиняясь ритму и направлению движения пассажиров, вышли через некоторое время на бульваре Монпарнас; струя гуляющих не ослабевала, несла их за собой.

В *Closerie des Lilas* как всегда было много народу. Фон Стороффски провел Юлию к только что освободившемуся столику, заказал красное бургундское *Romanée-Conti*, закурил сигару, осмотрелся. Пианист наигрывал мотивчик от Эдит Пиаф, чернокожий официант Лулу, с бутылкой вина в одной руке и позвякивающими на подносе бокалами в другой, маневрировал, извиваясь всем телом, словно исполняя танец живота, меж плотными рядами оживленно беседовавших друг с другом посетителей. Время от времени прошмыгивала официантка с волосами цвета багета, в белом фартучке, в короткой юбочке, – не первой свежести, но приятно глазу... – пронося на вытянутой вверх руке блюдо с живописно сервированными на нем лангустами, устрицами, омарами. Красиво жить, как говорится, нужно уметь финансировать.

Любит или нет?

Фон Стороффски перевел взгляд на Юлию. Она усердно потягивала вино, с интересом глядя на происходящее вокруг, поглощенная зрелищем, явно наслаждалась царившим здесь весельем, сутолокой и оживленными разговорами, не обращая на него внимания, радостно взволнованная, широко открыв глаза. Встала затем, пошла вымыть руки, покачивая бедрами, больше, однако, чем нужно...

Что это было, что держало его подле нее? Он часто думал о ней, это было приятно – думать о ней, с ней он чувствовал себя?.. как чувствовал он себя, когда видел ее?.. Почему их пути никак не разойдутся? Что это, что заставляло его чаще, чем то допускал здравый смысл и обычная дружба, вспоминать о ней? Любил ли он ее? Он не мог однозначно ответить на этот вопрос. Даже если допустить, что в глубине своего сердца он испытывал к ней ...э-э-э ...чувство, похожее на любовь? – то при зрелом размышлении он должен был признаться себе, что все это – не более, как глупое мальчишество, к чему, право... разум его возмущался. Да, он сопротивлялся этому чувству. Разумнее всего было бы оставить этот вопрос открытым. Ему отнюдь не хотелось расставаться с ней окончательно, но в то же время он старался не допустить, чтобы их отношения стали бы чересчур интенсивными и близкими. Да и как это должно на деле выглядеть?.. Она – в Герма-

нии, он – в Англии, 900 км, разделяющие их... Здравый смысл подсказывал ему, что надо было давно уже закончить это знакомство, да к чему было и начинать?.. теперь же поздно обрывать все окончательно...

Она занимала его мысли, и мысли эти бередили душу, тревожили сердце. Когда он думал о ней, сердце начинало стучать сильнее и отрывистее, и тогда он бывал рад возможности остаться одному. В мыслях своих он прогуливался с ней, обняв ее за плечи, по лесу, или бродили они по улочкам какого-нибудь неизвестного города, пили вино в кабачке где-нибудь на побережье моря, или она читала ему вслух из романа, сидя на диване, а он лежал, положив голову ей на колени, наслаждаясь ее близостью... Какое, однако, тривиальные желания! ...но эта тривиальность была желанна и мила. Наверное, в том и заключается загадка любви – что с любимой даже простое и банальное кажется увлекательным и желанным. Когда тебе легко дышится от счастья – от того, что она – рядом. Просто рядом – и ничего больше. Вот как сейчас: она здесь, с ним... Поменять направление – полететь с ней вместе домой, в Лондон... совсем просто...

Юлия появилась в зале, сияющая от удовольствия, зажимая меж зубами толстую сигару. Гм-гм... излишне эксцентрична, все же... Фон Стороффски наблюдал за ней, слегка прищутив глаза от дыма сигары, медленно потягивая вино из бокала. Один из стоящих поблизости от двери посетителей обратился к ней с вопросом. Юлия, улыбаясь, с видимым интересом вступила было с ним в беседу, кокетливо стреляя глазами, но, увидев наблюдавшего эту сцену Стороффского, смутилась, направилась к столику.

...Ну, вот вам... Для нее это было приключением, временным развлечением. Не следовало бы ему с его-то опытом и положением даже и допустить подобные мысли. Большие разногласия в миропонимании. Да ведь и по-английски-то не говорит... не умеет... Она была для него чужой. Из России. Инаковой. Экзальтированная, чересчур эмоциональна, открыта. Одним словом – русская! То, что в России было хорошо и нормой, воспринималось в Англии как отклонение. Да и молодая слишком...

До самолета оставалось еще немногим более 12 часов. Не по пути... Жаль, в сущности... это казалось столь легко осуществимым; чего проще – поменять рейс... – но все же реально невыполнимым. И легко перо, да на крышу, как говорится, не закинешь...

Она с интересом следила за происходящим в баре, скользя взглядом по рядам посетителей, переводя затем взор на него, наслаждаясь его близостью. Эта встреча с ним – как сказка. Как фильм. Как компьютерная игра, конец которой, однако, предопределен. Мужчина, которого она любила, был для нее недоступен, так же, как этот город, очаровавший ее, навряд ли мог когда-нибудь стать ее домом: как тщетна была мечта поселиться здесь,

в Париже, в обозримом будущем! Она стала чужой для России – ведь не существует даже страны, которую она когда-то покинула; она – чужая в Германии, и, не владея языком, она нежеланна во Франции. Где искать приют? Ни денег, ни работы, ни семьи, ни родины... Здесь, на Западе каждый живет сам по себе, в скафандре собственного микрокосмоса с собственной, обслуживающей индивидуальные жизненные потребности техникой: жилое пространство для себя одного, телевизор и автомашина у каждого члена семьи, служба доставки пищи на дом, персональный компьютер – комфортабельное одиночество посреди вещей, рай без искупления. Общение с друзьями в телеграфном стиле посредством SMS, mails & chats. Загляни в «Windows» – и увидишь весь мир! Интернет дает ответ на любой вопрос, без ошибок и сомнений, трансценденция посредством спутника...

И вновь окружающее пространство показалось ей нереальным. Виртуальность реальности. Сослагательное и изъявительное наклонение сливались, «как будто бы» и «в самом деле» играли друг с другом в салки, понятие истины проникало в категорию желаемого, в конъюнктив, оседало в нем... Любить его она могла лишь на бумаге, в компьютере, в новелле. В действительности он был недостижим. Из другого мира. Сейчас, находясь с ним рядом, она все дальше и безнадежнее отдалялась от него...

...Он совсем не обращает на нее внимания. Даже не смотрит. Думает о своем. Сухой, прагматичный банкир. О чем он думает? О делах? О, господин... не видит, с каким интересом поглядывают на нее другие мужчины...

Нашел ли он покой и умиротворение в жизни? Похоже, нашел... он любит Лондон. ...Лондон – чужой для нее город. Холодный, чопорный. А он? Какой он? Достаточно ли хорошо она знает его? Нет, совсем не знает. Такой же закрытый и непроницаемый, как те круги лондонского общества, в которых он вращается.

...Любил ли он ее? Что это за чувство, что он испытывал к ней? Нет, он не любил ее... Ах, если бы можно было перенести в реальность то, что происходит с протагонистами на экране компьютера, в тексте. Что за вздорные мысли, однако? Зачем беречь душу... Наслаждаться этими минутами, пока он здесь, рядом. Надышаться им, заполнить до краев резервуары памяти...

Он вновь заказал вина. Атмосфера в баре становилась все более оживленной. Громче велись разговоры, раскатистее смеялись мужчины и, откинувшись в кресла, отставив в сторону сумочки, блестя глазами и свободно жестикулируя, беседовали со своими спутниками дамы.

...Не умеет она жить, витает в заоблачных высотах... А чего ж там искать? Предназначение жизни, поиски смысла – метафизика! Совершенствовать следует прежде всего обстоятельства. Жизнь коротка, и надо топтаться ее благоустроить. «... я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...»

Русский мазохизм! ...Пусть все останется, как есть. К чему думать и загадывать? Посмотрим, куда это приведет Она сообщила ему давеча, что думает возвращаться назад, в Москву... Да, там сейчас, должно быть, интересно жить... Хотел бы он возвратиться в Россию? Его огромный опыт мог бы стать полезным... В последнее время ему частенько приходилось навещать в Москву, появилось много знакомых...

Россия... Удивительнее всего было, что теперь он допускал подобного рода вопрос, но навряд ли мог дать на него положительный ответ.

Она сняла уже для себя квартиру в Москве; похоже, в их дальнейшей дружбе альтернатив не предвидится... Значит, как не крути, а придется скоро ставить точку... Из сна каши не сварить... Ой-е-ей, набралась уже порядочно... надо закругляться. Давно так не веселилась! Первый и последний раз в Париже! Почему, собственно, последний? Тьфу-тьфу. Сплюнуть через левое плечо... типун на язык... блин. ...Приближается расставание. Назад, домой, в Берлин. ...Как чудесен этот город. Как приветливы французы. Как неотразимо шармантны и галантны по отношению к женщине мужчины. Тем галантнее, чем глубже декольте... ..Парижане – патриотичны. Русские? Русские – истеричны в этом вопросе. А немцы? Почему немцы столь неуверенно обращаются с понятием патриотизма? После покаяния должно наступить отпущение...

Занимался новый день. Огни Эйфелевой башни постепенно угасали. Парижский маяк, как исполинская паутина, в которую слетались туристы со всего мира, чтобы причаститься в ее железном брюхе, стряхивал с себя ночной блеск, становился будничным и унылым. Чистильщики улиц – в зеленых униформах, как водяные, с зелеными, как водоросли, венниками, – принимались за работу. Безраздельные властители широких бульваров, они широкими улыбками, приветливо поблескивая светоотражающими куртками, приглашали ранних прохожих остановиться, поболтать.

Парижане, как хорошие, терпеливые и благовоспитанные хозяева, уставшие от засидевшихся гостей и улыбаясь вымученной улыбкой, вежливо отделивались от назойливых вопросов типа: «Не подскажите ли, как пройти к Эйфелевой башне?», притворяясь не понимать по-французски. Они могли себе это позволить. Красивый город имел право быть капризным.

Константинополь, год 1858-й, сентябрь. Реформы в России. Алексей вот уже больше часа бродил по парку, размышляя над содержанием только что прочитанной им книги под названием «La vérité sur la Russie», автором коей был его давний знакомый, князь Петр Долгоруков, опубликовавший ее в Париже. Устранение крепостного права и конституционный образ правления в России – единственно верный выход из того опасного

положения, в котором находится монархия, несомненно... Крепостничество есть явление, противное естественному устройству человеческой природы, и надо, следовательно, искать средства, дабы устранить оное, и тем самым предотвратить рост революционного движения. Аристократия пытается препятствовать нововведениям. Что за будущее может иметь народ, чьи высшие слои так испорчены роскошью, расточительностью и пустым тщеславием, что начисто утратили всякое национальное чувство и забыли все морально-этические законы православия? Ведь они, передовые, образованнейшие, занимающие ответственные государственные посты, призваны были стоять во главе всех передовых веяний общества и способствовать его прогрессу и процветанию! Ведь это какой позор для России – быть единственным государством в Европе, где человеческое достоинство так беззащитно и преступно презирается, где монархия без ограничений стоит еще над законом! Культурная элита русского общества! Ее представители каждый вечер едут на бал или посещают модный салон, каждую зиму увлекаются примадонной или тенором итальянской оперы, ездят на воды в Германию и время от времени навещают свои имения, где крестьяне стонут от порабощения и несносных условий жизни!

А взять того же Долгорукова, издающего в Париже газету «Будущность», в которой беспрепятственно высказывает свои либеральные взгляды и резко нападает на коррумпированную бюрократию и сытую, потерявшую ощущение реальности аристократию. За это лишился он своего княжеского титула и поместий, приговоренный к вечному изгнанию из Отечества. Как странно и нелогично! Ведь реформы в стране жизненно необходимы – как для выживания всей страны, так и для упрочения положения власть имущих. Как, однако, плохо знают стоящие у трона то общество, которым они управляют! Иначе видели бы всю критичность сложившейся в стране ситуации. Набирающая силу интеллигенция, задыхающаяся в тенетах цензуры, не имея свободы, генерирует идеи, которые, радикализируясь, попадают в поле зрения революционных фанатиков и, деформируясь, приобретают радикальные, зловещие черты!..

Голова Алексея гудела. Усилием воли он заставил себя переключиться на другие темы, дабы снять перед сном волнение, вызванное чтением брошюры. Он стал думать о том, как завтра утром выйдя на прогулку, увидит Жюльетт, сможет держать ее руку – те долгие минуты, покуда не подъедет к ним адъютант посольства, ее сопровождающий, – держать ее, как всегда, прикоснувшись слегка губами к ее тонким пальцам, чувствуя их подрагивание, слегка сжимающие в ответ его руку, смотреть ей при этом долго в глаза – как повелось у них в последнее время...

Недели, прошедшие со времени ее возвращения из Парижа, были насыщенные и волнующими. Сейчас Л-ов был почти уверен, что она сама искала с ним встреч, – или все это лишь казалось ему?..

Неожиданный визит

Было уже далеко за полночь. Почувствовав усталость, князь решил, наконец, возвращаться. Приближаясь к дому, он увидел, что все его окна ярко светились, слуга еще, видно, не ложился, странно, ведь приказано ж было не ждать! Поднимаясь на крыльцо, Л-ов увидел своего камердинера, нерешительно высовывающего из-за двери голову; тот, глянув на Алексея как-то искоса, сообщил, заговорщески понизив голос, что де не угодно ли Его Сиятельству пройти срочно в кабинет, где дожидается дама, не соблаговолила никак назвать имени, вот уже два часа, под темной вуалью, изволит ждать в кабинете, уж которую по счету рюмку вина принести приказывала...

Сердце Алексея взметнулось к горлу. Он ворвался в кабинет. Жюльетт, резко обернувшись на шум его шагов, замерла, бледнея. В последующее мгновение они бросились друг другу в объятия, замерли в поцелуе, опускаясь на диван, соскальзывая все ниже, на пол, не видя, как удивленно выпучил глаза лакей, перекрестившись, качая растерянно головой, шепча что-то неслышно себе под нос, осторожно затворяя двери, вздрогнув всем телом от того, что двери громко заскрипели, замерев на мгновение, испуганно покосившись на обоих...

Но они не слышали и не видели ничего вокруг себя, лишь сплетались в объятиях руки, и прижимались в экстазе тела их, испивая нектар счастья со стиснутых в отчаянном поцелуе губ...

Утром Л-ов писал прошение об отставке. Он остался еще некоторое время в должности, ожидая, пока будут выдержаны все формальности и найдется должный преемник. Против всякого ожидания, скандал не разразился. Этому способствовало и то обстоятельство, что дело об отставке смогли быстро уладить. И вот уже граф Игнатъев принимал его дела. А еще пару дней спустя покидали они Константинополь, счастливые, не расплетая рук своих, глядя то и дело друг другу в глаза, влажно блестящие у обоих горячим блеском вдруг открывшегося им счастья.

Париж. Год 1859-й. Служба Отечеству. Л-ов писал письмо домой, родителям, уже несколько месяцев им откладываемое. Он писал, что томился давно, затянутый в узкую и тесную униформу послушания и бездеятельности, несвободы и невозможности проявить себя как должно на служ-

бе Отечеству, – а как должно – того он тоже не знал... как не ведал он, что означает в его положении – любить Отечество – действовать ли активно, руководствуясь совестью? Против кого и за что? или оставить все, отойти от дел, устраниться, чтоб не участвовать в том фатальном развитии истории, которое может привести Россию в тупик, нанести непоправимый вред ее будущему. Не есть ли пассивность при определенных обстоятельствах выражение активности? Есть ли кажущееся отступление от идеи выражение лояльности по отношению к оной? А потому, есть ли этот его шаг безответственность или, напротив, поступок чести – время покажет. Имперский патриотизм, любовь к царю, – и любовь к Отечеству – теперь он знает почти наверное, что это все ж разные вещи, да, сейчас он в этом почти что убежден. Но мучился, боясь признаться самому себе в том, что он, князь, потомок древнего знатного рода, вынужден был ставить эти, кажущиеся на первый взгляд еретическими, вопросы, мучился, не решаясь ни с кем этими сомнениями поделиться. Но сейчас, видя, как мир обновляется, как эмансипируется западное общество, а Россия, как медведь в спячке, не проснется никак, не слышит, как гудит мир, растревоженный радостными, прогрессивными переменами – да, сейчас он почти что убежден в правоте своей. Россия – это Государь император. А где народ? Я хочу служить не одному повелителю, а Отчизне. Но где ж она – Отчизна? Где голос народа, и почему молчит народ? Продолжать закабаление и угнетение русского народа – это ли благо?

Эмансипация

Судьба его сделала резкий поворот. И в этом он видит знамение неба, – в том, что его жизнь поворотила в иное направление. Он не знает еще, – писал он им, – как сложится его судьба с этой женщиной. Но каждый день, проведенный с нею, доказывает с неопровержимой силой, что он любит ее, лишь ее одну. Хотя обстоятельства сложились таким образом, что уже не остается у него времени и возможности обдумать правомерность совершенного им и найти точный и объективный ответ на все тревожащие его вопросы, Но не сомневается он ничуть, что поступил правильно, как и подобает русскому аристократу, не оттолкнув любящую его женщину, решившуюся ради него на столь отчаянный шаг, который, впрочем, говорит менее об ее безрассудности, как, предполагает он, рассудит этот шаг свет, а который в его глазах служит великолепнейшим примером того, что женщина становится самостоятельно мыслящим членом общества и в состоянии принимать решения, продиктованные сердцем; что она может любить деятельно и активно, не скрывая своих чувств, что,

хотя и воспел Пушкин Татьяну Ларину, но наша консервативная почва не возмужала в действительности таких свободных, эмансипированных и уверенных в своей правоте женщин, а вот она, Жюльетт, француженка – о, да! Именно от того, что француженка – поступила по велению своего сердца... Сегодняшняя Франция... Счастлив, как никогда еще не был счастлив... хотя... время на размышление... собраться с мыслями... дабы служить Отчизне...

Лондон, 200-й. Женитьба. Фон Стороффски давал прием. Гости, коих было немного, прохаживались по саду, останавливались, сдержанно приветствуя друг друга, небольшой оркестр ненавязчиво поднимал настроение, Tea for Two⁴⁴ Шостаковича. Ожидаемое им с начала года назначение на должность chief executive officer⁴⁵ давало повод для принятия давно откладываемого им решения положить достойный конец его доселе холостяцкой жизни; – праздновали, стало быть, повышение и объявление о намерении, наконец, пожениться, в едином. Счастливая невеста, рыжеволосая англичанка, радостно кивала вновь прибывшим, с белозубой улыбкой принимая поздравления и подхватывая на руки то и дело, видимо, от избытка чувств, от полноты сердца, кружившего за ней по пятам рябого йоркширского терьера; будущие родственники – лорд и леди Telthow – по-свойски оглядывали дом, где будущие супруги намерены были поселиться.

Уже на следующий день необходимость срочной деловой поездки в Москву заставила фон Стороффски собирать чемодан. Предстояли переговоры о предоставлении России крупного кредита, делегация состояла из пяти человек, Директор правления N-ской корпорации вез проект договора о закупке большой партии российских алмазов, c'est l'ironie du destin⁴⁶, он едет решать вопрос о помощи России, вот ведь как все поворачивается... Уже садясь в лимузин, получил от запыхавшегося секретаря только что прибывшую корреспонденцию, письмо от Академии наук России с известием о выходе его монографии по банковскому делу. И приглашение от московской телевизионной компании на участие в передаче «Наши соотечественники за рубежом»... займет немного времени... еще два участника, научный работник из Германии и фармацевт из Cincinnati.

Москва, 200-й. В Шереметьево ждали у трапа, снимали его по приезде, затем по городу, на завтра съемки в студии, с ведущим, доверительная

⁴⁴ Чай вдвоем (англ.).

⁴⁵ директор компании (англ.).

⁴⁶ это ирония судьбы (фр.).

беседа о заслугах, о былом и насущном, – очень плотная программа, переговоры обещают быть успешными, встреча в Министерстве финансов перенесена, обсуждалось его предложение об участии корпорации в деятельности российского Фонда культуры, президент горячо одобрил, с министром культуры Швыдким складываются теплые отношения, да, час для передачи мог бы выкроить, да, почему же нет, разумеется...

Фон Стороффски долго здесь не был. Москва заметно изменилась, расцвела... Смотри-ка, какой храм отстроили! Жилой комплекс «Вест-Сайд», да, неплохие квартирки, Новинский пассаж – шикарно, шикарно... учатся понемногу у Запада. А что в газетах пишут? «...при нем страна наша стала подниматься с колен и превращаться... Отсюда у них такая трепетная любовь к "узнику совести" Ходорковскому и такой повышенный интерес к Кавказскому региону; отсюда и не менее трепетная любовь к чеченцам – этим потенциальным убийцам и террористам, которых в Вашингтоне упорно называют "повстанцами"! ... еще мы должны вернуть такое понятие, как "великоросс"! Только его возвращение обеспечит стабильность для русской культуры!.. Чтобы Россию перестали воспринимать как некие руины СССР, а вновь почувствовали, что она вернулась в мировую политику в прежней мощи. Что ее надо побаиваться! Это – начало общегосударственной интеграции, чтобы перевернуть мир с головы на ноги. Депутат Госдумы, доктор юридических наук Сергей Бабурин». Что за гусь... Как могли подобный бред напечатать в центральной газете? Не воспринимать всерьез. Пора, однако, отправляться в студию.

...Юлия вошла энергичным шагом, красивая, источающая внутреннюю силу и уверенность в себе...

«...Вы?!..»

«Оставьте нас!» – привычным к распоряжениям тоном бросила, не оборачиваясь, и без того заторопившимся на цыпочках к двери визажистам с редактором.

«Вот и встретились... Опять Вы здесь. Ждала.... Я ждала Вас, милый. Все это время.... Много было всего, конечно.... Любила, да, было... Я сердцем щедрая... Но Вас в самом заветном уголке держала... и держу... Все ждала, что придете, вспомните...

...Да, возвращаюсь окончательно назад, в Россию, люблю Россию... Отечеству служить... нет, не правителям. Отечеству. Да, совершенно верно, как Пушкин... Я здесь больше пригожусь... Все обновляется... Как долго пробудете в Москве? Так скоро? Иль задержитесь подольше? Задержитесь подольше, князь... Встретимся завтра, – выходные... поедете в Петербург... Белые ночи уж как люблю...»

Петербург, 200-й. Это никак не входило в его планы, но как замороженный, не в силах отказать ей, фон Стороффски отложил все намеченные встречи. И вот уж поезд ранним утром подъезжал к Санкт Петербургу, город пахнул ему в лицо своим особым ароматом. Серебристый перезвон колоколов всполохнул душу. Старинный купол Исаакиевского собора возвышался все так же степенно и величаво, как на старой фотографии из семейного альбома, той, где бабушку вели под венец. Сейчас, находясь с ней, радуясь этой нечаянной встрече, происходившей при обстоятельствах, когда его пребывание здесь, в России, не отягощало его более, фон Стороффски воспринимал окружающее в ином свете. Предстоящая свадьба, словно мощный магнит, удерживала его от ставших ненужными более размышлений, разрешала все прежние сомнения, смягчала, словно бальзамом на растреванную рану, последние колебания, утоляла неясные томления, ставила точку в ненужных более вопросах. Стена сопротивления расступалась, Рубикон оставался в стороне, жребий был брошен.

То ли от того, что был он теперь в России в качестве желаемого партнера, то ли от того, что все здесь заметно обновлялось, а только чувствовал он себя легко, враз помолодевшим, освобожденным от давящего скафандра враждебности. Он радовался тому, что вновь, при столь неожиданных и приятных обстоятельствах, встретил здесь Юлию, которую долго не видел. Облегченное сердце радостно открывалось, впитывало в себя, как пересохшая губка, ее русскость, неумность и неистовство ее характера, широкого и необъятного, как степи России, она смеялась заливисто и громко, закидывая голову, заразительно, так, что самому хотелось смеяться, тянула его вдруг за руку куда-то, не привычного к такому водопаду близости, останавливалась вдруг посредине улицы, чтоб показать ему василек, торчащий промеж тяжелых бетонных плиток мостовой... сердце kloкотало и бурлило в груди, как до краев наполненный кипящий самовар.

В эти дни с ней, казалось, и солнце светило жарче, и небо стояло выше и голубее, и дышалось легко и радостно. Рыжеволосая невеста, предстоящая свадьба его – все это таяло, как на солнце мороженое, которое он раньше никогда не ел, но которое с ней казалось вдруг таким вкусным, таким освежающе ядреным. Просыпаясь утром и находя ее рядом в постели, он испытывал такой непривычный трепет, какой незнаком ему был; с ней захватывало дыхание, как на сибирском морозе, пощипывало радостно сердце, кровь лилась в жилах весело, как горный родник, ветер дул в лицо, хмельной и свежий, и мир вокруг становился румяным, как русские матрешки... Вдруг позабыл он все вокруг себя, носил жакет нараспашку, чего не делал со времен своей юности, они гуляли по Невскому, держась за руки, как школьники, облизывали пальцы, запачканные «мишкой косола-

пым», украдкой оглядываясь, не наблюдает ли кто их нелепое поведение, (пили на Мойке Советское полусладкое, от которого становилось еще легче, еще приятней, посетили Царское, резали на Фонтанке, не найдя, где поужинать, позней ночью бородинский и делали бутерброды с колбасой, запивая из горлышка «Хванчкарой», подержали за лапы Пушкинских «львов сторожевых», Она упростила его пойти в церковь, решив покреститься, не крещеной жила, а сейчас – надо стало, попали на перформансы концептуалистов с сумасбродным, тонким, смелым Бренером, все их освежало, дни проносились быстро, как на санках с горки, легко и свободно, словно не было бы перед ними разлуки, его свадьбы, навсегда...

Ему было мучительно хорошо и больно с ней, как если б сняли с него кожу. Все чувствовал он сильнее и интенсивнее, громче пели птицы, но это оглушало его; глубоко дышалось, но это вызывало головокружение; ярче зеленели деревья, но это ослепляло его, и он изнеможенно закрывал глаза... Сердце болталось словно на тоненькой нитке, и все боялся, что оно не выдержит этого урагана, сорвется, лопнет, унесенное ветром, не привычное...

«Не решаетесь расстегнуть последнюю пуговицу Вашей души? Расстегивайте! высыпайте все наружу, выверните все ее карманы наизнанку! ... Что? Что Вы сказали?.. жениться собираетесь?.. ... Вот как? Ну что ж... .. Счастья Вам... что? я?.. Нет... Ищу? Принца?.. А Вы – шутник... Нет, уже не ищущий... Я его давно уже нашла».

...Фон Стороффски медленно укладывал чемодан, небрежно рассовывая вещи, задумавшись, углубившись в свои мысли, потом, очнувшись, все быстрее, немного времени оставалось, полет, деловая встреча, пора, время расставаться...

Юлия, сжавшись в комок, словно от холода, сидела печальная и задумчивая.

Париж, 1862. Болезнь Жюльетт. Алексей возвращался с верховой прогулки. Сегодня он уехал довольно далеко от дома – печаль гнала его, он погонял жеребца, сбился с пути, долго блуждал. Вот уже два с лишним года прошло с тех пор, как поселились они здесь, на одной из тихих улочек Парижа, упиваясь друг другом и своим неожиданным счастьем. Тот отчаянный шаг, предпринятый Жюльетт – переход из французского посольства в российское, с одной стороны улицы на другую, – подкосил ее здоровье, у Жюльетт открылась чахотка. В последние месяцы она все реже выходила из дому, не было сил на длительные прогулки. Болезнь все более беспощадно давала о себе знать. Жюльетт таяла на глазах, доктора беспомощно разводили руками...

Несколько месяцев назад их посетила его матушка, дав ему свое благословение, привезя с собой новые книги, последние петербургские новости и кипы писем от друзей и знакомых, из коих он узнал, что Александра, его бывшая невеста, погрузив положенное время, спешно вышла замуж, говорили, имела чудных детей и любящего супруга. Его поступок, хотя и не вызвавший в свете ожидаемого скандала, многими осуждался, хотя были и такие, кто хвалил его за решимость, радовался его любви и счастью.

Петербургское общество, рассказывала ему матушка, было растревожено последними политическими событиями и реформами, и гудело, словно потревоженный пчелиный улей. В салонах и гостиных охотно обсуждались и без промедления передавались подробности о последнем заседании ареопага, на котором граф Валуев внес предложение об исторической необходимости создания в России законодательного органа, Думы, должного выбираться народом. Предложение это было – как передавали дело слышавшие об этом из первых уст – весьма прохладно принято Государем, а князь Горчаков заявил, что выборы не вяжутся с обычаями и традициями России, и, в таком случае, зачем же менять порядок, которым все русские были довольны?

Фрейлина императрицы Анна Тютчева, с которой Л-ов состоял в дальнем родстве, писала ему, что сердце Государя Александра передовое, но его разум боится прогресса; что царь желает изменений, но когда они наступают, опасается вызванных им самим сотрясений и собственной отваги, и потому становится защитником порядка, который сам же и разрушил. Анна прислала книг для Жюльетт и сообщала, что намерена посетить их будущим летом.

Визит его матушки, казалось, взбодрил Жюльетт, придал ей сил. Она начала вставать с постели, выходила в сад, заказала даже себе новую шляпку. Но уже пару недель спустя у нее вновь началось обострение болезни, взгляд ее потускнел, силы заметно оставляли ее.

Алексей не отходил от больной, дни и ночи дежурил у ее постели. Каждый день он любил ее так, как был бы это их последний день вместе. Он наслаждался ее близостью, тем, что она есть, что она – рядом, что она любила его. Все прочие заботы, все прежние надежды, проекты, тщеславные замыслы и честолюбивые планы казались ему сейчас мелкими, ничтожными, мышшиной суетой по сравнению с тем, что он узнавал и чувствовал с ней. Погоня за чинами и деньгами, уловки самолюбия, пустота и несущественность каждодневных усилий, кажущиеся ему когда-то столь значительными и неотложными, как много сил и жизни было потрачено впустую! Как беспощадно быстро и необратимо протекло сквозь раскрытые пальцы время, потраченное на погоню за иллюзорными сокровищами! Что деньги? Что чины? Что слава? Они лишь удаляли от жизни. Бредешь,

спотыкаясь, как с завязанными глазами, по тропе своей, и справа бредут, и слева, и спокоен, что так надо, так верно, и хвалят тебя, и подбадривают – а снимут с тебя платок – впереди нет ничего. Обрыв. Пустота.

Алексей радовался, видя, как сияют ее глаза в ответ на слова любви, которые он говорил ей; как любитесь она посаженным под окном кустом чайной розы, или закатом солнца, или перепархиванию воробьев, купающихся в пыли на обочине дороги. Он любил ее, и это было то единственное верное, что составляет действительность, то, ради чего стоит жить. Все остальное – никчемность и суета.

Москва – Лондон, 200-й. «Вы прочли мою новеллу ?.. Вы верите в судьбу, князь? Нет, не верите? Да, зачем спрашивать, я знаю, что не верите...

Оставить все как было?.. как есть?..не пожалеете? А ну как пожалеете?

Алло... Вы меня слышите?.. Почему Вы молчите?..

...С сожалениями трудно жить. С ошибками жить легче... Потому как сожаления – это сердечный балласт, от которого уж не избавишься до конца дней своих. Они разъедают сердце. А ошибки – как удары молотка, набьешь себе по пальцам, больно, поморщишься, а потом поплюешь на ладони и – ну дальше стучать! Тут ты сам участник, в ошибках твое сердце участвует, сердце ошибки скорей прощает, чем мертвый груз сожалений...

...Да Вы не слушаете меня Ну, что ж, воля Ваша... Прощайте, мой любимый, дай Вам Бог...»

Лондон, 200-й. «*We announce that the wedding of Prince von Storoffski with Lady Telthow will take place on November 200-, at... Thursday... Till death do you part*». ⁴⁷

Париж 1863. Кончина Жюльетт. Жюльетт умирала. Она лежала, разметавшись в постели, широко и беспомощно раскинув в стороны руки, словно сдаваясь на милость победившей ее смерти. Время от времени вздрагивала вдруг, беспокойно начинала искать глазами Алексея; увидев его подле себя, замирала, успокаиваясь, облегченно откидывала голову в подушки. То вдруг принималась раскрывать слабой рукой на груди сорочку, словно это сорочка сдавливала грудь, не давала дышать. Втягивая судорожно воздух, Жюльетт тянулась, словно надеясь получить облегчение, рукой к его руке, которую он уж подставлял ей, начиная и сам задыхаться от страха и сострадания. В эти последние недели он не отходил от нее, не выходил на улицу, потерял счет дням и часам, не ел почти, перестал уже молиться, и

⁴⁷ Сообщаем, что свадьба принца фон Сторофски с леди Тельзоу состоится такого-то ноября 200- г., в таком-то часу... в четверг... Пока смерть не разлучит вас (англ.).

плакать перестал. Лишь надеялся, что Всевышний пошлет ему милость и возмет его вместе с ней, не оставит его здесь, одного, без нее, как можно жить без нее, как он раньше жил без нее, свет не мил...

Ее черные кудри слиплись от холодного пота, белое лицо, черты которого заострились, осунулось, приняло тот холодно-матовый оттенок, что свидетельствует о беспощадной неотвратимости приближающегося конца, – цвет окончательности из палитры неумолимого художника. В последние часы сухой блеск ее глаз сменился мягким, кротким светом, словно потушили невидимой рукой лампадку в душе ее. Взгляд этот выражал сейчас покорность и готовность, как будто обратила она свой взор в себя, вовнутрь, собираясь в последний путь, постепенно отходя от хлопот этого мира, все яснее видя перед собой невидимое ему.

Очнувшись от недолгого забытия, Жюльетт с трудом зашевелилась, попыталась подняться с подушек, сбрасывая с себя одеяло. С трудом и прерывисто дыша, потянулась к нему. На короткое мгновение глаза ее вновь вспыхнули прежним ярким светом. В изнеможении, напрягая последние силы, Жюльетт протянула к нему свою худую руку, невесомо обвила его шею, повернув с усилием голову, заглядывая в глаза, «...люблю тебя, ненаглядный мой... иди и будь счастлив... как я была... Я узнала любовь... Не о чем не сожалею... Благодарю тебя, ми...» Она задышала глубоко, часто, уронив руку с плеча его, раскрыв широко глаза, как будто увидела что-то, что не дано было видеть ему, не спуская тихого, прояснившегося взгляда с его лица, словно старалась запечатлеть навеки его образ. Внезапно замерев, вдохнула медленно медленно... так же медленно и бесшумно выдохнула все до последней капли, – и затихла навсегда, облегченная.

Алексей замер, забыв перевести дыхание. В следующую минуту, глотнув судорожно воздух, закричал, зарычал от боли, завыл, как подстреленный зверь, дико, жутко, как может кричать живое существо, оставшееся одиноким во Вселенной, зарыдал, прощаясь навеки с любимой, провожая ее, в надежде, что она услышит боль его, оставленного, брошенного здесь, в этом мире, ставшим вмиг беспросветным, темным. Он бросился к ней, наклонился к устам ее, еще минуту назад шептавшим ему слова любви, обхватил обеими руками белое лицо ее, пытаясь найти в нем следы ускользающей жизни, схватил ее руку, словно хотел удержать, не дать исчезнуть из этого мира, судорожно провел ладонью по лбу, уже не покрытому более холодным потом, а прохладному, сухому, белому, как слоновая кость, потянул ее, ставшее безвольным, тело рывком к себе, обнял крепко – и забился в плаче, горьком, безутешном, задыхаясь от горя и отчаяния.

Она не отзывалась на его боль, лежала безучастная, еще теплая. В уголке ее губ замерла умиротворенная улыбка счастья.

С улицы щедро лилось солнце, непрощенное, врвалось в комнату, обжигало своим теплом, причиняя почти физическую боль.

Лондон, 200-й. Дни, недели, месяцы бежали мерной чередой. Зима сменялась весной, лето осенью. Фон Стороффски вел приятную, размеренную жизнь. После своей женитьбы он несколько изменился, стал более спокойным, уравновешенным, можно ли было назвать это счастьем? умиротворением? Если это не было счастьем, то что тогда вообще есть счастье?.. Дни в его жизни катились, как горошины, похожие один на другой, заполненные работой; плотно исписанные страницы настольного календаря переворачивались все быстрее и быстрее, унося неделю за неделей, – неумолимо и беспрекословно росла его левая половина и все тоньше становилась правая.

У Стороффского появлялось все больше русских приятелей, которых часто стал приглашать он к себе на ужин. Рыжеволосая жена его, благозвучно и перламутрово смеясь над анекдотами про армянское радио, рассказываемыми за столом хозяев по-английски, по-прежнему элегантно прикрывала тонкою ладонью рот, но сейчас это вызывало в нем легкое раздражение.

Изредка находил он то в одной, то в другой русской газете статьи Юлии, она писала о новостях культуры и изменениях в жизни Москвы. Он читал Сорокина, ознакомившись с ее рецензиями и анализами творчества этого писателя, перечитывал кое-что из Толстого, Достоевского, Бердяева... Все больше были заметны перемены, происходившие в экономике, и все очевиднее становилось, что в России вновь набирает силу, расправляет плечи демократура, что все опять возвращается на круги своя, что нет в истории случайных коллизий, а есть лишь железная логика закономерности.

И все-таки тянуло в Россию.

Москва 200-й. Рассуждения. «...Да, милый, я знаю.... Не говорите мне ничего... Молчите... Молчите, потому что я все знаю Откуда знать? Сожаление следы оставляет. В сердце. И в глазах. Ваши глаза полны им. Я? Да что же спрашивать, бывое ворошить, сердце тревожить Я любила Вас... Вся моя жизнь вела меня к Вам по всему миру искала я узнала любовь... Да... Нет, не замужем... .. Но не о чем не сожалею.»

«...за воссоздание прежнего сильного государства, за то, чтобы наши геополитические границы проходили по тем рубежам, на которые Россия исторически выходила... к какому мировоззрению мы ближе: к восточному? к европейскому? ...надо знать твердо: Россия и русские – самодостаточный

славянский макрокосмос, не нуждающийся в разработали новый тип ракеты для защиты от международного...»

«...Ерунда, что это за ерунда? Защищаться? И от кого они все время защищаются? Все гадают, по какому пути идти – с XIX века никак не решат этот вопрос! Если Запад не заигрывает с Россией – обижаются и берутся указывать на историческую общность; когда же Запад оборачивается, приподняв приветливо шляпу, – рассуждают, гордо выпятив губку, о самобытности и славянской самодостаточности... Не учатся на опыте соседей, а защищаются от них! Где интеллигенция? Элита общества! Одна ее часть послушно ходит на приемы в Кремль и старается урвать побольше от пирога. Другая ругает правительство, бездумно хвалит Запад, но не может предложить ничего разумного для будущего России...»

Повсюду в городе патрулировали наряды милиции. Фон Стороффски невольно опускал глаза, встречаясь взглядом со строгими защитниками порядка, убыстрял шаги. Хотелось повыше поднять воротник пиджака и пониже втянуть голову в плечи. В метро он больше не поедет, взять машину с шофером, к чему может привести эта авантюрная идея прошвырнуть-ся по городу...

Нет, в Россию он пока больше не ездок...

Санкт-Петербург, 1866. Вопросы Александра II. «Слышал, история с Вами приключилась забавная, увели женщину из-под носа супруга?»

«Она по своей воле пришла ко мне. Пришла, любя, и осталась. Предпочла беспокойную жизнь со мною, вынужденному выйти в отставку, ровной и респектабельной жизни с мужем».

«Почему же Вы способствовали этому шагу, так не идущему к образу

Александр II (1818–1881)

россиянки? Татьяны Ларины у нас в России, слава Богу, пока лишь героини любовных романов, выдуманных вольнодумными писателями. Как могли поощрять такую неслыханную вольность?»

«Она была француженкой...»

«Вот как! Это несколько объясняет дело. Ох, уж эти мне французы... Вот ведь куда доводит их эмансипация и либерализация Любили, должно быть, ее очень?»

«Любил ли я ее? Сначала она вызывала во мне удивление и любопытство, побуждая взглянуть на мир иными глазами, заставляя открыться и осмотреться, взглянуть, где ты

стоишь, где твое место, кто твой сосед. Зажигала чувства, и этот свет освещал мой разум. А уж разум, пленившись открывшимися, не изведенными доселе красотами, открыл сердце для любви к ней».

«И каким же Вы увидели этот мир, что был открыт ею?»

«Он был, в сущности, таким же, как и раньше. Лишь ярче, веселее, зеленее, как будто раскрыли вдруг ставенки и горница наполнилась враз Божьим светом. Солнце светило с ней ярче, птицы пели громче. Все становилось вдруг лучше и радостнее с ней...»

«Да-а-а... Я вполне понимаю Вас с любимой женщиной мир становится куда более сносным Однако недолго довелось Вам насладиться ее любовью, слышал, она умерла вскоре?»

«Да. Мало времени уготовила судьба... Короткое и кроткое прикосновение счастья... Но за это время успел укрепко понять, что значит – жить, и зачем дана жизнь».

«... Вот как... да-да, понимаю. Понимаю Вас вполне, друг мой А где ж пропадали так долго, почему не возвращались в Петербург?»

«Не мог жить без нее. Любил больше жизни. Сердце рвалось на части».

«О, да Вы романтик, мой милый! Впрочем, можно позавидовать Вам, что удосужились в жизни встретить такую любовь Хорошо, дело забыто. Я не буду ставить Вам в укор эту Вашу милую провинность».

«Нет, Ваше Величество, не забыто. Я ее никогда не забуду Одно сожалею – что не сразу распознал, чего сердце хочет, а когда распознал, то долго медлил, ждал все чего-то, не решался сердцу волю дать, не держать его в уздах разума. То, что Богом дается, без раздумья принимать надо. Вот об этом сожалею...»

Петербург, 1880 год, 18 июля. «...Ваше Величество, теперь я понимаю, почему Вы с таким великодушием и пониманием отнеслись к моей тогдашней ситуации. Разрешите поздравить Вас от всего сердца! Ваша супруга – великолепна!»

«Да... четырнадцать долгих лет она была моей тайной любовью... долго ждал этого момента Царица Мария Александровна, упокой, Боже, душу ее Я всегда надеялся, что придет день, и я смогу назвать Катеньку моей законной женой – перед людьми и Богом...»

...Это тяжелый груз, много времени потеряно напрасно. А жизнь так коротка, князь... Люблю ее, как в первый день...»

Петербург, 1881 год. *Санкт-Петербургские ведомости.* «1-го марта совершено покушение на Его Величество императора Александра II. ...Скончался вследствие полученных ранений...»

Г. Бролинг. Покушение
на Александра II 1(13) марта 1881 г.

Москва, 200-й. «Уважаемая госпожа Долгарева, сообщаем, что решительно не видим возможности публикации Вашей новеллы в нашем издательстве... Наши корифеи находят проблематичным... Непонятно... парадигма... Желаем успехов в Вашем дальнейшем творческом пути... Спасибо за доверие, оказанное нашему издательству...»

«Мама, привет, как дела... наконец-то собралась написать тебе... думаю, уеду отсюда не знаю, удастся ли заскочить к вам перед отъездом... не поминай лихом... слушай, я должна тебе, наконец, сказать ... у меня тут, понимаешь, нашли ерунду такую не хотела тебя беспокоить... необходимость операции... не хочу... боюсь... даст Бог... целую тебя, моя родная... твоя блудная дочь Юлия».

«Алло! Зинка, ты? Да, давно не созванивались... Слышишь, я все же решила. Уезжаю... Назад. Да. Да. Там медицина надежнее. Да и вообще... Нет. Послезавтра. ...встретиться на прощание... Хорошо. В пять, у меня. Целую. До скорого. Да подожди реветь-то, дуреха, говорю ведь – в одну из лучших немецких клиник... »

Париж, 1896. Смерть кн. Алексея Л-ова. ...Jeudi le 13 Septembre 1896. «Le Petit Journal», supplement illustré, annonce la mort de Prince Alexej L-ow, Ministre des affaires étrangères de la Russie...

Le Prince est mort d'une crise cardiaque... dans le train rapide royal... il avait vécu en France pendant quelque temps... c'était de 1856 à 1861 en tant que diplomate russe à Constantinople... la rencontre, que avait changé sa vie... la femme... l'épouse d l'envoyé français à Constantinople... qui était tombée amoureuse de lui... une démarche incroyable... elle était venue vivre avec lui par sa propre volonté, quittant son mari... Le Prince L. était forcé de quitter son poste... la maison à Paris dans laquelle elle était morte... portant le nom de son amour fameux – Juliette... les plus belles roses – the dans toute la ville de Paris... En souvenir de cette femme... il avait fait construire une église⁴⁸.

⁴⁸ «...Четверг, 13 сентября 1896 г. Иллюстрированное приложение к журналу «Le Petit Journal» объявляет о смерти князя Л-ова, Министра иностранных дел России ...

Князь умер от разрыва сердца... в царском экспрессе... Он жил некоторое время во Франции... в 1856–1861 в качестве русского дипломата в Константинополе... встреча, изменившая его жизнь... женщина... супруга французского посланника в Константинополе... которая полюбила его... невероятный поступок... она сама пришла к нему, оставив мужа... Князь Л-ов вынужден был оставить службу... дом в Париже, в котором она умерла... названный в честь его знаменитой любимой – Жюльетт... самые красивые чайные розы во всем Париже... В память об этой женщине... построил церковь...» (фр.).

Лондон, 1896. Thursday 13 September 1896. The Times. Prince Alexei L-off is dead...⁴⁹

Берлин, 1896. Donnerstag, den 13. September 1896. Fürst L-ow, Minister für Auswärtige Angelegenheiten Russlands is tot...⁵⁰

Стамбул, 1896. Prens L-ow vefaat etti. Prens ve Fransiz işarkadaşının karisi beraber kaçmışlardı...⁵¹

Санкт Петербург, 1896. *Петербургские ведомости.* 13 сентября 1896 год, четверг. «...Князь Алексей Л-ов, Министр иностранных дел России, скончался в возрасте 71 года от разрыва сердца...»

Берлин 200-й. «Да, хорошо, хорошо. Да, обещаю. Нет, в этот раз действительно сделаю. Ну, давай заканчивать, дорого... Целую, мама. Не переживай. Все будет хорошо. Привет папе и бабуле. Да, скучаю. Да, у нее все хорошо. В школе. Да, обязательно передам...»

«Guten Tag, ich hätte gerne einen Termin bei Herrn Professor Wittstock. Ja, ich habe eine Überweisung. Wenn möglich, in diesem Monat. Mein Name ist Dolgareva. Ich buchstabiere: D-o-l-g-a-r-e-v-a. Nein, es ist kein französischer Name. Ein russischer. Vorname: Julia. Vielen Dank. Auf Wiederhören»⁵².

«Guten Tag, Herr Professor. Ja, schon seit einiger Zeit. Absolut richtig. Tja. Sie haben Recht: ich hätte es viel früher machen müssen. Es ist noch nicht zu spät? oder?»⁵³.

Лондон, 200-й. Солнце светило как оглашенное. Через открытые окна виллы слышался из далека, едва уловимый, перезвон церковных колоколов. Завтрак был на удивление несносным. Чай как из лужи. Ветчина очень жирная. Яйцо переварено. Размахнувшись, фон Стороффски швырнул его с наслаждением в аккуратно подстриженные садовником кусты жасмина. В ту же минуту зашелся тонким, с взвизгиваниями, лаем йоркширский терьер его жены. Собака!.. и лаять-то по-людски не умеет, урод худосочный... Русскую сторожевую завести – узнаешь тогда наших...

⁴⁹ Четверг, 13 сентября 1896 г. Газета «Таймс». Умер князь Алексей Л-ов...

⁵⁰ Четверг, 13 сентября 1896 г. Умер князь Алексей Л-ов, министр иностранных дел России...

⁵¹ Принц умер. Принц Л-ов и его жена бежали с французскими друзьями...

⁵² Добрый день, я хотела бы записаться на прием к профессору Виттстону. Да, у меня есть направление. Если можно, в этом месяце. Меня зовут Долгарева. Повторяю по буквам, Д-о-л-г-а-р-е-в-а. Нет, это не французская фамилия. Русская. Имя: Юлия. Спасибо. До свидания.

⁵³ Добрый день, господин профессор. Да, уже некоторое время. Совершенно верно. Ну, так ведь... Вы правы – я должна была сделать это много раньше. Но еще ведь не слишком поздно? Нет?

Мерно звонили колокола. Не dokonчив завтрака, в мрачном расположении духа, фон Стороффски направился в кабинет и, хлопнув за собой в сердцах дверь, кинулся в кресло у стола. Рассеянно пролистал дневник. Деловая встреча в совете искусств, прием у директора Ассоциации... Нет, сегодня – нет, исключено, отменить, сослаться на недомогание... Пружинисто вскочив, направился было к окну, но запнулся за провод телефона, который с грохотом полетел на пол. Ну и денек... Он распахнул, раздраженный, гардины, отворил окно, широко, наклонившись всем телом вперед, жадно вдыхая пряность свежескошенной травы... Неугомонно звонили колокола...

Сон

...Сон сегодня был... странный, проснулся от слез, душивших его... сердце все еще саднило... снег хрустит, ядрено рождественский морозец... бьет благовест... Лошади в упряжке, фыркают от нетерпения, копытом бьют... он, мальчишкой, с калачем... щеки мерзнут на морозе... и мать, ласково так смеется закинув голову... ему улыбается... нарядная... в честь дня его рождения... в платке с алым узором, как русские крестьянки носят... в церковь с ним собирается... На богослужение...

Церковь

Где?!

Где?! Русская церковь... Справочная книга – где?! Справочная книга, я спрашиваю! Нет, ничего здесь нет... Не может быть! Ну не может же такого быть, как же так, эти... эти...! Все филиалы мк-дональдса указаны, неисчислимые! все парикмахерские для йоркширских терьеров! а русской церкви – нет!! Позвонить приятелю... Нет дома? в отъезде, Лас Вегас, спасибо, до свиданья... Набрать справочную... Что значит не указано! Что зна... Хорошо, дайте мне номер русского посольства... Автоответчик... В случае крайней необходимости... мобильный... Да, алло, да, самая крайняя необходимость! Да, русская церковь, да, нет, не шучу, да, очень любез... Вот, так. Посмотреть на карте, где это находится? Как же туда добраться? Не важно, скорей, скорей...

...И вот уже бежал он из дома, накидывая на ходу пиджак, не отвечая на удивленные вопросы жены, лишь махнув ей неопределенно, успокаивая, ускоряя шаги, принимаясь бежать, и вновь переходя на быстрый шаг, устремляясь к станции метро, так быстрее, нет пробок, ворвавшись в вагон, в уже захлопывающиеся двери,

сел, прижав лицо к окну, снова поднялся, остался стоять, забившись в угол вагона, сжимая от нетерпения в кулаки пальцы рук, пряча их в карманы... Наконец. Прибыл. Выходить. Где-то здесь должна быть эта улица. Он бросился бежать, пробежав до конца, увидел, что улица привела его в тупик, развернувшись, устремился назад, – никого, как нарочно, нет, чтобы спросить, господи, есть тут кто-нибудь? Увидев старую женщину на противоположной стороне улицы, бросился к пешеходному мосту, что вел туда, но она уже скрылась из вида, как сквозь землю... Вот вышла из-за поворота еще одна, у ней спросить, быстрее! «Нет, не туда, это совсем в другую сторону, ... а потом направо...»

Он уж мчался вперед, как обезумев, мчался, как в юности, боясь, что опоздает, приходя в ужас от страха, что не успеет, вдруг поздно.. Господи, помоги! для чего так много светофоров? И все – красные! Нет ведь ни машин, ни пешеходов... Он бежал, не видя ничего вокруг себя, не дожидаясь, когда загорится зеленый.. Слышал скрип тормозов, приостановившись на секунду, увернувшись от тормозящего автомобиля, не слыша ругательств водителя, посылаемых ему вслед, мчался дальше...

Почему не звонят колокола?! Поздно... Поздно... Неужели уже поздно... Неужели он опоздал, и уже ничего нельзя больше изменить!! Господи! Да где же церковь... Какая невероятно длинная улица, как можно? Где же здесь поворот, еще один проулок, почему все так тихо, почему не звонят колокола, Господи! Он опоздал... поздно... Поздно-о-о-о...

...Она стояла, утопая в зелени лип, с великолепными, как из сказок Пушкина, голубыми куполами... С позолоченными крестами, устремлявшимися в прозрачную голубизну раскинувшегося над ней бездонного неба... Белые облачка, как небесные божьи луковки, клубились, мирные, кроткие, и так много их было, безмерно много, все небо – церковь, все небо клубилось куполами, Боже...

...Почему так много народу... Даже не помещаются все внутри, стоят и на паперти, и на траве, что такое, почему... Троица?.. Сегодня – Троица?.. Попробовал слово на вкус, как приятно было держать его во рту, мягкое, теплое, как ломоть благоухающего русского хлеба...

Голос батюшки едва слышен... вперед, вперед, я должен туда, вовнутрь, должен все слышать, я не могу так, никак... пожалуйста, увольте, мне очень надо... нет, всем не так надо, мне – слышите? – только мне – очень надо... Так надо, как никогда не бывало надо... Аж кости ломит – вот как надо...

Он продирался вперед, как слепой, как в беспамятстве, не было места, плечо теснилось к плечу, но он мягко, настойчиво отодвигал молящихся,

он научился в своей жизни это делать: уверенно раздвигать локтями вперёдстоящих, чтобы без промедления и наверняка принимать рукоположения благосклонствующих на своем пути к видимым и весомым благам жизни.

Прихожане молились, стоя на коленях, он ступал через их головы, хотел только одного – приблизиться к мягко звучащему из алтаря голосу батюшки. «И помолимся, Боже, о Богохранимом Отечестве нашем и о стране сей... ..ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче... ..благотворящим благосотвори творити заповеди Твоя и друг друга любити нелицемерно ...сотвори Рцем, Боже... ныне и присно и во веки веков. Аминь...» Протиснувшись почти вплотную к амвону, упал, изнеможенный, на колени, начал молитву, не зная толком, как надо, растерявши все слова, вдруг обезмолвевший... Он молился молча, закрыв глаза, не воспринимая уж ничего вокруг себя, он и Бог, один на один, с глазу на глаз, я и Господь, услышь меня, Всевышний... слышишь? Слышишь ли ты меня, Боже? ...а что ж говорить, разве и сам не знаешь... да хоть видишь ли, Господи? ...дай, Боже, дай, не дозволю... Долго молился он, не замечая ничего вокруг себя, потом открыл глаза, перед ним были чьи-то ботинки. Он смотрел на эти чужие ботинки, освободившийся от груза, обессиленный, не имея сил даже на то, чтобы подняться с колен, но в то же самое время наделенный какою-то необъяснимой благодатью, распиравшей грудь его, облегченный, как наполненный гелием воздушный шар. Он пытался втиснуть в слова то, что чувствовал, но слова бессильно рассыпались, как медные пятаки, выпрыгнувшие из кошелька, закатывающиеся во все стороны, под лавку, не собрать; он бросил искать подходящие слова, всецело отдаваясь этому, ему прежде незнакомому чувству, которое не мог он ясно описать, от которого щемило в горле.

Так стоял он, коленопреклоненный, один в переполненной церкви, забывши, зачем пришел сюда, втягивал лишь полной грудью этот особый запах, русский дух, царивший здесь, внимая душой пению церковного хора на клиросе, от коего холодело у него вокруг головы и поднимался кверху по спине холодок благоговения и восторга, чувствовал как наполняется грудь, – как собор ладаном, – чем-то новым, непривычным, волнующим, от чего саднило в переносице и глаза начинали наполняться горячими слезами, это чувство было почти невыносимо, причиняло почти физическую боль, потрясало. Собравшись, наконец, с силами, по-прежнему не поднимая глаз, встал медленно, опираясь одной рукой о пол, с колен; подошедши к аналою, приложился неловко к иконе, вышел, обессиленный, со склоненной головой, забыв ее горделиво вскинуть, на свежий воздух, народ уже

рассеялся, как долго он, однако, пробыл за молитвой... побродил, забывшись, ни о чем не думая, вокруг, по прилегающему к церкви русскому кладбищу, вдохнул глубоко, полной грудью, свежего воздуха, – надышался... ну а сейчас-домой... айда домой...

Берлин, 200-й. «Да, мама. Через месяц. Да, все анализы уже сделаны. Уладила. Нет, не стоит, спасибо. Не волнуйся. Я вас люблю. Все будет хорошо... А нет – так, знать, не судьба. Скоро увидимся... да, привези с собой в Москву...»

«... алло, Юлия, безумно рад слышать Ваш голос... Вы, кажется, грустны... почему? ...все ли в порядке? Опять в Москву? Маму повидать? А почему ж такой голос грустный? Радоваться надо! Вы ничего не скрываете от меня? Правда? Правда?..»

«...алло, Юлия, дорогая моя, очень хочу Вас видеть...»

«...алло, завтра вылетаю до встречи в Москве, милая...»

Москва, 200-й. «...Любовь моя, сядьте ко мне... Сядьте-же, посидите со мной, Юлия хочу чувствовать Вас каждую минуту с собой рядом вот так... ближе ... всегда...»

«... да куда Вы все торопитесь, милая? вся жизнь перед нами послушайте, а не махнуть ли нам в Париж? У меня там есть один знакомый маклер по недвижимости...»

«...а чего же ждать? Не желаю больше ждать!»

Берлин, 200-й. «... в Посольство Российской Федерации. Заявление... отказываюсь от русского гражданства... и моя дочь... просьба удовлетворить... Ю. Долгарева, Берлин, ...сентября 200– года...»

«Ausländeramt. Hiermit beantrage ich deutsche Staatsbürgerschaft... auch für meine Tochter... Mit freundlichen Grüßen J. Dolgareva, Berlin, den-September 2004»⁵⁴.

Берлин. Клиника Charité. «Please, not to long. Don't tire her. She is still exhausted. After the crisis, she has not have completely recovered yet. There may be complications»⁵⁵.

«Да, бесконечно... сильнее, чем прежде... Да, постараюсь и сразу поедем в Париж, любимый мой...»

⁵⁴ В департамент по делам иностранцев. Ходатайствую о получении немецкого гражданства... также моей дочери... с уважением Ю. Долгарева, Берлин, сентябрь – 2004.

⁵⁵ Пожалуйста, не долго. Не утомляйте ее. Она все еще изнуренная. Еще не полностью оправилась после кризиса. Могут быть осложнения.

Москва, 200-й год. «...Да, дом-музей... хотелось бы больше времени проводить здесь, в Москве... да, моя коллекция... русская живопись ... Пушкинскому музею... собирал всю свою жизнь для России... моментальные снимки нашей истории, долгой жизни нашего дома, предназначенные ответить на извечные вопросы: Откуда я? И почему я такой? Кто суть мы?..

...мы – народ. Мы делаем историю. Мы. Нельзя забывать этого...

...это и есть История, поиск самих себя, нашего прошлого... и нашего пути в будущее... нам есть, чем гордиться и что показать нашим детям и внукам. А заодно, и всему миру...

...да, мое предложение, с которым я обратился к мэру Москвы... музей русского зарубежья дары русской эмиграции, рассеянной по всему свету...

...охотно отвечу на Ваши дополнительные вопросы...

Она?..

...она...

...да... да... один...

...Жарко, откройте окно больше!.. Осторожно, не опрокиньте вазу с вазильками...

...Да, всегда со мной на всю жизнь...

...Плачу?.. по-русски...

Нет, не о чем не сожалею...»

Лондон, 200-й год.

Natalia d'Onacienne, Berlin, Dezember 2004

Письмо автора герою ее романетто

Вы, прочтя мою «Диалектику любви», испытаете, возможно, амбивалентное чувство: с одной стороны, Стороффски цитирует Ваши слова; с другой стороны, Стороффски стал самостоятельным, автономным героем, он поступает так, как ему то заблагорассудится, не очень-то заботясь об историческом оригинале, положенном в основу его образа. Стороффски приходит к тому, что Россия – страна, разрушившая его семью и забравшая у него детство, оплот зла – эта Россия становится все ж опять его домом. Он научился прощать. Он научился любить Россию. Он научился любить. Он примиряется с прошлым, с историей, которая его очень трагически персонально коснулась, оставила в его жизни очень глубокий след, и произошло это вследствие его любви к русской Юлии; через нее он находит последнюю и окончательную ценность и

опору в бессмысленном жизненном существовании – любовь. (Потому он и говорит в конце эту свою фразу, что не о чем не сожалеет – ведь она ему это открыла.)

Пройдет время. Вы вчитаетесь в каждое слово и доберетесь до основания – и подружитесь с новеллой... – То, что увидела я на той Вашей фотографии, в Ваших глазах – то имеет сейчас Стороффски ... Я за Ваши грустные глаза Вас полюбила...

Я, летя в Софию, читала в самолете главу о Вашем детстве от Горбовского, и в те же часы увидела Вас... И эти две картины так сплелись у меня в сердце. Ваши страдания в детстве, и Вы – сейчас, такой красивый и тонкий...

Я загорелась огнем от встречи с Вами – и благодарна Вам за этот огонь, и за любовь, хоть и такую короткую и, в общем-то, драматичную, но об отсутствии которой я бы жалела, если бы ее не имела счастье узнать...

Огонь от моей встречи с Вами вошел в меня – и я выносила эту новеллу. Она останется...

И Вы уж меня не забудете до конца Вашей жизни. Как и я Вас...

Потому как писала это, любя Вас. Не полюбив, не смогла бы это написать. Не смогла бы заглянуть глубоко в Вашу душу. Это был ад – писать о Вас, думать о Вас, и ждать Ваши письма, такие холодно-вежливые. И не мочь бросить все, убежать прочь – и от Вас, и от дум, и от себя самой...

Каждое слово о любви, что произносится в новелле протагонистами, каждое ощущение, – будь оно Алексея или Юлии. – что передается авторским описанием, я безмолвно произносила для Вас и чувствовала к Вам...

Я торопилась в показе моего чувства к Вам. Да. Это было ошибкой. Боялась чего-то не успеть. Я всю жизнь боюсь чего-то не успеть сделать, куда-то слишком поздно придти. Они обе – Жюльетт – Алексея Лобанова, Ваша матушка – Вас – не долюбили до конца, уйдя ... Но сейчас они уж будут спать спокойно.

Не хотели Вы меня любить. Хоть немножко. Сантименты в Вашем положении не уместны Ну что ж...

Берегите себя. Целую Вас в щечку.

Ваша

Наталия d'Onacienne (Dr. N. Otto v.d. Gentschenfelde)

Берлин, 2004, 9. декабрь

Любила Вас до сумасшествия, ненаглядный мой.

Это все-таки очень печально – любить в одном направлении... Я так и не добралась до Вашей души... как жаль.

Письмо М.Г. Эткинду⁵⁶

49 East 96th Street
New York City 100028

22 сентября 1969 г.

Марку Григорьевичу Эткинду⁵⁷
Ул. Войнова, 38, кв. 12
Ленинград 192194

Уважаемый Марк Григорьевич!

На днях был в Чикаго и провел там день с Николаем Александровичем Бенуа⁵⁸. Он там в опере ставит «Хованщину» со своими костюмами и декорациями. Как всегда мне было очень интересно с ним повидаться на сцене оперы вместе с его сотрудниками и ознакомиться со всеми их заботами и радостями. Например, бас, выписанный из Ленинграда, заболел. Сидит в Чикаго без дела, без английского и без местной подруги; топит свое горе водкой. На его место наняли молодого баса-негра. У Николая Александровича возникла новая забота: как гримировать негра в Досифея. Болгарин Гяуров⁵⁹ решил петь Хованского, ибо в этой роли петь меньше, а оклад тот же.

Во время завтрака в итальянском ресторане, где все главные силы оперы столуются, мы с Николаем Александровичем долго и много обсуждали всякие темы в искусстве и литературе. Говорили и о Вас и о Вашей книге о корреспонденции А.Н. Бенуа, о Вашей биографии Александра Николаевича и прочем.

В связи с этим делаю Вам следующие конкретные деловые предложения:

⁵⁶ Текст со сносками Е.В. Ким.

⁵⁷ М.Г. Эткинд (1925, Ленинград – 1979, Ленинград) – советский искусствовед, автор первой в СССР монографии о творчестве А.Н. Бенуа (Л.–М.: Искусство, 1965). Вел курс истории русского и советского искусства на художественно-графическом факультете ЛГПИ (1964–1976). Специализировался на русской художественной культуре кон. XIX – нач. XX в. и советской художественной культуре 1920-х годов. Опубликовал более 100 работ в сборниках и отдельных изданиях. Состоял в переписке с Н.Д. Лобановым-Ростовским с 1967 г., их личное знакомство состоялось в 1970 г. в Ленинграде, где жил М.Г. Эткинд. Позже они регулярно встречались во время приездов Н.Д. Лобанова-Ростовского в СССР.

⁵⁸ Н.А. Бенуа (1901, Ораниенбаум – 1988, Кодропо) – художник. Почетный член АХ СССР (1988). Сын художника Александра Николаевича Бенуа. С конца 1932 жил в Милане. В 1937–1970 – директор постановочной части театра Ла Скала в Милане (126 постановок; часть оформил с отцом). С Н.Д. Лобановым-Ростовским знаком с 1967 г., автор нескольких его портретов. Один из них хранится в ГМЗ «Ростовский кремль» (Г-3097, 1980 г. картон, соус, белила, 390x260).

⁵⁹ Николай Гяуров (1929, Велинград), Болгария – 2004, Модена, Италия) – один из самых знаменитых басов послевоенного периода. Обладал сильным, красивым голосом большой гибкости и широкого диапазона, музыкальностью и яркой артистичностью; для него характерно единство вокального и сценического воплощения образа.

1. Письма. Надеюсь, что до конца года Вышло в ЦГАЛИ (Волковой⁶⁰) архив Судейкина⁶¹, к которому я приложу около 10 писем А.Н. Бенуа и князя Шервашидзе⁶². Вы можете их одолжить у ЦГАЛИ и, если они Вам подойдут, употребить в книге.

2. Фото. В этом же чемодане, отправленном в ЦГАЛИ, посылаю целую коллекцию фотографий и негативов работ мирискусников. Из них Вы сможете подобрать кое-что для иллюстрации Вашей книге об А.Н. Бенуа.

3. Петрушка. У меня есть полное собрание оригиналов эскизов к костюмам (около 100) и декорациям (5), плюс бутафория (14) для балета «Петрушка» А.Н.Б. Не хотели бы Вы, Марк Георгиевич, написать книгу о «Петрушке», в которой можно было бы воспроизвести все декорации и костюмы размером от четверти до целой страницы, а второстепенные роли воспроизвести по 9 эскизов на страницу. Текст для книги можно составить из писем А.Н. Бенуа по «Петрушке» или же из главы о «Петрушке» в книге его воспоминаний, которая уже опубликована на английском языке в Англии. Решение по тексту предоставляю Вам. Главное и единственное условие – это, чтобы текст был бы объективный, т.е. без того, что было в Вашем тексте в монографии об А.Н. Бенуа. Если это невозможно в настоящее время, то лучше пока подождать и не создавать эту книгу. В этой же книге можно воспроизвести рисунки из моего собрания, относящиеся к тексту, т.е. портрет Стравинского у рояля, играющего партитуру «Петрушки», написанный А.Н. Бенуа в Риме, портрет Дягилева (рисунок Ларионова) и прочее⁶³. С нашей точки зрения эта книга была бы очень красивой, легкопродажной (т.е. не сидела бы долго на прилавках) и окупила бы все расходы. Поговорите с Борисом Ионовичем Бродским⁶⁴. Может быть

⁶⁰ *Наталья Борисовна Волкова* – директор ЦГАЛИ/РГАЛИ, заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат филологических наук. Возглавляла архив на протяжении четырех десятилетий, с 1963 г. – супруга И.С. Зильберштейна.

⁶¹ *Сергей Юрьевич Судейкин* (1882, Смоленск – 1946, Нью-Йорк) – живописец, сценограф. В 1920 г. переехал в Марсель, в 1920–1922 гг. жил в Париже. В 1922 г. вместе с труппой Бахлева прибыл на гастроли в США и там обосновался. Фонд № 947 С.Ю. Судейкина в РГАЛИ состоит, в основном, из материалов, поступивших в 1969 г. от Н.Д. Лобанова-Ростовского. Он приобрел архив у вдовы художника, Джин Судейкиной. Документы прошли научную обработку в 1982 г. Подробнее см.: *Решетникова И.Л.* Обзор документов С.Ю. Судейкина в собрании РГАЛИ. Выступление на конференции «Американские деятели искусства из Российской империи. Первая половина XX века. С-Пб.: Русский музей. Октябрь 2009 г.

<http://rgali.ru/object/203550951#page:1/o:203550951/p:1/o:223577516/p:1>

⁶² *Александр Константинович Шервашидзе (Чачба)* (1867, Феодосия – 1968, Монте-Карло) – князь, потомок абхазских царей. Театральный художник, портретист, сценограф Мариинского и Александринского театров в Петербурге. В 1920 г., по приглашению С.П. Дягилева, принимает участие в антрепризах «Русского балета». Оформлял драматические и балетные спектакли в Париже, других городах.

⁶³ Речь идет о рисунках: А.Н. Бенуа. Портрет И.Ф. Стравинского, исполняющего на фортепиано партитуру «Петрушки» в зале «Костанца» в Риме, 1911, бум., каран. граф. 22х13,7; М.Ф. Ларионов. С.П. Дягилев, сидящий в постели в номере Гранд Отеля в Париже, 1929, (ныне в собрании Нины Лобановой-Ростовской, Лондон).

⁶⁴ *Борис Ионович Бродский* (1920–1997) – писатель, искусствовед, краевед Москвы. Преподавал историю изобразительного искусства и историю костюма в Театральном училище им. Б. Щукина с 1960-х по 1980-е гг. С Н.Д. Лобановым-Ростовским знаком с 1968 г. по переписке и с 1970 г. – лично. Научил Никиту Дмитриевича, по его собственному признанию, «искусству жить в советской Москве». Н.Д. Лобанов-Ростовский перedal в Ростовский музей в составе своей библиотеки две книги Б.И. Бродского Б. Связь времен. М.: Детская литература, 1974.; Жизнь в веках. Занимательное искусствоведение. М.: Советский художник, 1983), а также несколько его писем, которые сейчас проходят научную обработку.

это предложение заинтересует издательство, где он работает. Если ответ на мое предложение да, то для начала я Вам pošлю черно-белые негативы эскизов костюмов и декорация для Вашего ознакомления. За пользование моего материала хотел бы получить что здесь называется «royalty» в качестве 100 книг, которые издатель разослал бы по СССР моим адресатам с моей визитной карточкой. Плюс наличные рублями, отложенными в ленинградском банке на мой счет. Конечно, на обложке, под титулом, и на фронтисписе надо указать под титулом книги «из собрания Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского».

4. Собрание Н.Д.Л.-Р. Недавно здешний (нью-йоркский) издатель Николья Дюкро просил меня дать ему возможность ознакомиться с нашим собранием и обсудить возможность опубликовать коллекцию в форме art book, т.е. альбом люкс-издание⁶⁵. Во время обсуждения, кто мог бы быть автором текста, я назвал Вас. Для убедительности указал, что Вы собираетесь писать о русском театральном искусстве 1920-х годов, и что таким образом у Вас будет уже на руках почти весь материал. С этой темы перешли на вопрос Вашего гонорара и на возможность издания этой же книги в Советском Союзе. Т.е. здешний издатель послал бы пустые страницы с иллюстрациями в издательство в СССР, которое прибавило бы Ваш текст на русском языке. Я сказал также господину Дюкро, что Вы в шутку мне предложили издать нашу коллекцию в Советском Союзе, и что, в свою очередь, я Вам написал, прося подтверждения и разъяснения. На этом пока переговоры кончились. Вы сможете ознакомиться с нашим собранием для начала таким образом: А) В каталоге, который Вы видели, к выставке в музее Метрополитен в Нью-Йорке, где иллюстрированы 107 эскизов из нашего собрания⁶⁶. Б) Шлю Вам копию пилотного экземпляра каталога к новой выставке, где есть 180 других репродукций⁶⁷. Этот пакет для Вас кладу в чемодан с материалами, предназначенными для ЦГАЛИ. На прошлой неделе заказным письмом послал Вам четвертую копию моей статьи. В ней Вы найдете факты и справки о художниках в нашем собрании⁶⁸. На оборотной стороне этого листа – фотокопия расписки заказного письма, содержащего мои статьи. Если заказное письмо не дойдет до Вас, то справьтесь у Вас на таможне. Там наверняка где-нибудь лежит десяток книг и мои статьи⁶⁹.

⁶⁵ Данный проект не был осуществлен.

⁶⁶ Russian Stage & Costume Designs. New York, 1967. Выставка экспонировалась в Метрополитен с 1 июля по 31 августа. Из представленных на ней 122 произведений 105 были из собрания Н.Д. и Н. Лобановых-Ростовских.

⁶⁷ Речь идет о каталоге к выставке в Музее искусств Краннерта в Шампейне, штат Иллинойс.

⁶⁸ Речь идет о статье Н.Д. Лобанова-Ростовского «Творчество русских художников для театральной сцены», опубликованной в начале 1969 г. во втором томе «Записок русской академической группы в США».

⁶⁹ Н.В. Марк Эткин, член компартии, сходил на таможню в Ленинграде. Там, без стеснения, ему показали книги по искусству, которые я ему послал, говоря, что литература о художниках группы «Мир искусства» не допускается в СССР. Он никогда не получил эти книги. (прим. Н.Д. Лобанова-Ростовского).

5. Николай Александрович Бенуа. Он собирается уменьшить свою деятельность в миланском «Скала» начиная с 1970 года и уделить больше времени личной деятельности: а) Тогда он сможет заняться разбором писем от отца и Вам их выслать. Б) Организацией своей биографии. Она могла бы выйти одновременно в Италии в итальянском издательстве и, с Вашей помощью, в издательстве в Советском Союзе⁷⁰.

Н.Д. Лобанов у Н.А. Бенуа в мастерской художника у него дома. Милан, 1967 г.

6. Экстер. Со временем я наверное приобрету у Семена Лиссима архив А. Экстер, состоящего из сотен театральных эскизов, корреспонденции и набросков⁷¹. Если у нас с Вами дела пойдут хорошо, если эти темы Вас интересуют, мы смогли бы обсудить издание монографии об Экстер в Советском Союзе.

Сможете ли Вы приехать в Нью-Йорк, скажем, на неделю в случае, что дела со здешним издателем пойдут хорошо? Относительно расходов предполагаю, что авиабилет Вы сможете купить на рубли у «Аэрофлота». Расходы здесь я или издатель возьмем на себя⁷². Мы с Ниной собираемся к Вам в 1970 г., чтобы потратить рубли, полученные из ЦГАЛИ и Русского музея.

*В ожидании Вашего делового ответа,
Уважающий Вас Никита Дм. Лобанов-Ростовский*

10 декабря 20016 г.

Елена Ким

Комментарий на письмо Н.Д. Лобанова-Ростовского к М.Г. Эткинду

В сентябре 1969 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский, энергичный помощник вице-президента финансовой корпорации «Пруденшиал» (Prudential), прибыл из Нью-Йорка в Чикаго. Помимо обычных служебных задач у него

⁷⁰ Первая статья о творчестве Н.А. Бенуа в Советском Союзе была опубликована в 1981 г.: Кадина И. Мастер сценографии Николай Бенуа // Искусство, 1981. № 12. С. 42-47.

⁷¹ Симон Лиссим (Семен Михайлович) (1900, Киев – 1984, Флорида) – театральный художник. В 1917 г. работал в Киевском городском театре, где познакомился с А.А. Экстер. С 1921 г. жил в Париже, с 1941 – в США. Душеприказчик и лучший ученик А.А. Экстер. Позже планы Н.Д. Лобанова-Ростовского изменились, и он содействовал искусствоведам А.Б. Накову в покупке архива Экстер у С.М. Лиссима. Купленные у С. Лиссима два эскиза к постановке «Фамира-Кифаред» И. Анненского (1916) и картину «Абстрактная композиция» (1917–1918) в 2013 и 2016 гг. Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил в ГМЗ «Ростовский кремль».

⁷² Поездка М.Г. Эткинда в Нью-Йорк не состоялась, он не смог получить визу.

Каталог к выставке в Харкнесс-Хаус, Нью-Йорк, 1966 г.

статьей Н.Д. Лобанова-Ростовского «Творчество русских художников для театральной сцены», содержащей биографические сведения о всех выдающихся художниках сцены и их главных произведениях. Предисловие к статье было написано по-русски, а сама статья по-английски, чтобы американский читатель мог найти необходимые справки. Статья не осталась незамеченной, о ее значении не раз писали корреспонденты издаваемой в Нью-Йорке газеты «Новое русское слово» (№№ от 21 марта, 12 мая, 22 октября 1969 г.), а К. Белоусов назвал Н.Д. Лобанова-Ростовского «представителем нашей смены».

Кроме публикаций, коллекция Н. и Н.Д. Лобанова-Ростовского регулярно экспонировалась на специально организованных выставках. Этот продлившийся несколько десятилетий выставочный марафон начался в 1966 г., когда в Доме Балетного искусства «Харкнесс» в Нью-Йорке была открыта экспозиция «Театрально-декорационные эскизы русских художников из собрания Нины и Никиты Д. Лобановых-Ростовских и Георгия Рябова». Коллекционеры были тогда «молоды и небогаты, – вспоминал позже искусствовед В.К. Завалишин. – Поняв, что я имею дело с энтузиастами и бессребрениками, я принял участие в каталоге выставки и написал вступительную статью». В следующем году эта выставка в несколько измененном составе (к участникам прибавился коллекционер Дональд Онслэгер) уже экспонировалась в Музее Метрополитен и по отзыву па-

была еще одна, и весьма неожиданная для банковского служащего, цель: встреча с Н.А. Бенуа, художником всемирно известного театра «Ла Скала», труппа которого в это время гастролировала в Чикаго.

К своим 34-м годам Никита Лобанов не только преуспел в карьере финансиста, но и менее чем за десятилетие вместе со своей верной помощницей первой супругой Ниной сумел собрать внушительную коллекцию русской театральной графики времен расцвета этого вида искусства. Но молодой коллекционер не только активно выявлял и покупал произведения русских художников в разных странах мира, но и собирал о них сведения, восстанавливал по крупицам их биографии. В марте 1969 г. вышел из печати том II «Записок русской академической группы в США» со ста-

рижской газеты «Русская мысль» стала «одной из главных сенсаций текущего нью-йоркского летнего сезона». Позже на организуемых выставках супруги Лобановы-Ростовские показывали только свое собрание, и таких к упомянутому событию сентября 1969 г. было проведено уже 14! В городах 13 штатов, расположенных в разных частях большой страны, американцы имели возможность увидеть произведения русских художников и воспринять образ России вне идеологических штампов «холодной» войны.

Встреча Н.Д. Лобанова-Ростовского с Н.А. Бенуа имела конкретную цель. Никита Дмитриевич намеревался выкупить у сына А.Н. Бенуа недостающие эскизы к балету «Петрушка». Что, собственно, и случилось, и Лобановы-Ростовские стали обладателями 100 эскизов костюмов, четырех декораций и 14 бутафорий А.Н. Бенуа к этой постановке. С тех пор, где бы они ни жили, в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Париже или Лондоне, – приходя в квартирах была украшена эскизами к «Петрушке». Но Н.Д. Лобанов-Ростовский уже в ту пору проявил себя активным популяризатором русского искусства, он стремился к тому, чтобы это искусство знали, о нем писали книги, а произведения не только экспонировались на выставках, но и широко репродуцировались. Подтверждением этому служит письмо Н.Д. Лобанова-Ростовского М.Г. Эткинду, датированное 22 сентября 1969 г.

К этому времени с Марком Григорьевичем Эткиндом, советским искусствоведом, автором опубликованной в СССР в 1965 г. монографии о творчестве выдающегося русского живописца, художественного критика и историка искусства А.Н. Бенуа, Никита Дмитриевич общался только по переписке. Однако тон его письма так весел и напорист, что с трудом верится в их только эпистолярное знакомство. Легко и непринужденно, с неподражаемым юмором, рассказывает Никита Дмитриевич о постановке «Хованщины» в Чикаго, о решающем привычном способе проблемы захворавшем солисте из Ленинграда и непредвиденных сложностях, связанных с необходимостью загримировать артиста-негра под Досифея...

А далее очень точно, кратко и понятно автор излагает суть нескольких издательских проектов, в которых предлагает принять конкретное участие и Марку Григорьевичу: это подготовка книги об эскизах А.Н. Бенуа к «Петрушке»; издание коллекции в форме art book; публикация в Советском Союзе монографии о творчестве Н.А. Бенуа одновременно с итальянским изданием и возможное начало работы над книгой, посвященной творчеству А.А. Экстер. К сожалению, книга о «Петрушке» так и не была подготовлена, а первая книга о коллекции Лобановых-Ростовских в СССР увидела свет только в 1990 г. Что говорить о 1960-х годах, если даже в 1983 г. статья И.С. Зильберштейна «Шедевры отечественной культуры» была

отклонена от публикации в «Огоньке» с мотивировкой: «Популяризацию Лобанова-Ростовского Н.Д. и его коллекции в советской печати считаем нецелесообразным». И подпись – начальник Пресс-бюро КГБ СССР Я.П. Киселев. Больше года пришлось хлопотать автору статьи, чтобы она все-таки была опубликована.

Однако, вспоминая конец 1960-х и последующие годы, советских специалистов, с которыми ему довелось тогда общаться, Никита Дмитриевич отмечает: «Директор ЦГАЛИ Н.Б. Волкова была, конечно, партийной, но, как и И.А. Антонова, она профессионально подходила к своему делу. Ее задача – пополнять архив, а у кого брать документы, ей было все равно – хоть у дьявола, хоть у белоэмигранта. Как ни странно, в советские времена интересовались артефактами». Последний вывод Никита Дмитриевич подтверждает тем, что в советское время процедура дарений кардинально отличалась нынешней. Вот как, например, происходила передача в ЦГАЛИ упоминаемого в письме архива художника С.Ю. Судейкина. В квартиру Лобановых-Ростовских пришли служащие «Аэрофлота» и забрали тяжелый чемодан с архивными материалами. Все, больше никаких действий дарителю не пришлось осуществлять. Теперь же совсем по-другому. Привозя в каждый свой ежемесячный приезд в Россию дары в Ростовский музей, Никита Дмитриевич сам таскает тяжести, сам везет их в аэропорт на такси и оплачивает стоимость багажа. При этом у него даже нет уверенности, что дарения достигнут места назначения: «Я постоянно нарушаю таможенные правила. Там точно написано большими буквами: дозволено ввозить 50 кг. Я же каждый раз привожу по 80 кг в трех чемоданах, из которых 2 весом в 64 кг для Ростова. До сих пор мне удавалось избежать конфискации: 1) Когда меня просят заплатить за перевес 300 евро, я отказываюсь и говорю, что отказываюсь от чемодана с книгами. Это возможно, но по таможенным правилам должен быть создан протокол, описывающий детали каждой книги. Это обычно скучно таможеннику и меня отпускают с выговором, указывают больше так не делать. 2) Когда я вез подарок С. Лаврову, предложил таможеннику позвонить в приемную Лаврова и проверить, говорю ли я правду. А вез я только по договоренности с министром. Через полчаса меня обычно отпустили с извинениями. Таковы затруднения зарубежного мецената, старающегося дарить в РФ». «При этом, – добавляет Никита Дмитриевич, – я еще должен уговаривать Н.С. Каровскую (директора Ростовского музея), унижаться и просить, чтобы приняли в музей возвращаемое в Россию культурное достояние».

С момента написания публикуемого письма прошло почти 50 лет. Изменился мир, многое изменилось и в жизни дарителя. В 1970 г. он впервые приехал в Россию и впервые посетил Ростов Великий – город, в котором

княжили его далекие предки. Сейчас здесь готовится к открытию Музей Лобановых-Ростовских. Число возвращенных им на родину произведений искусства, архивов, книг, фотографий трудно перечесть, только один фонд Н.Д. Лобанова-Ростовского в РГАЛИ насчитывает 425 единиц хранения. Составление сводного каталога его даров и возвращенных в Россию артефактов – дело будущего, хочется надеяться, недалекого. Многое изменилось, одно неизменно – все так же бодр и весел Никита Дмитриевич, и все с той же энергией и неутомимостью преодолевает многочисленные препятствия на пути его служения русской культуре.

Письма от Е. Эдельмана

Лобанову-Ростовскому Н.Д.
Сан-Франциско, Калифорния

25 февраля 1976 г.

От:

Евгений Эдельман
35 White Hall Road
Toronto, 5, Ontario
Canada

Многоуважаемый господин Лобанов!

Я был очень рад получить Ваше письмо и публикацию о выставке русского искусства в Нью-Йорке. Вот уже 3 года, как я живу в США. Все это время я поддерживаю постоянную переписку с профессором J.E. Bowlz из Техаса о русском искусстве, так как еще в России я начал собирать коллекцию живописи, в основном художников «Голубой розы» и «Мира искусства». Но, эмигрировав из России, пришлось почти все оставить в Москве. Выставка из Вашей коллекции внесла в меня новую надежду на возможный интерес к русской живописи в США. Еще раз хочу сказать Вам огромное спасибо за Ваше письмо.

Я уверен, что мы будем поддерживать постоянный контакт и возможно, что в скорое время я буду в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, и мы сможем познакомиться ближе. В настоящее время я имею в моем распоряжении работу члена «Голубой розы» А.А. Арапова (1876–1949), которая выполнена им к постановке «Желтая кофта» в Свободном театре Таирова в 1913 г.

Е. Эдельман и Н.Д. Лобанов-Ростовский, 2012 г.

Публикации:

С. Кречетов. Желтая кофта // Рампа и жизнь, 1913, № 58. С. 8.

Э.Б. Желтая кофта // Театральная газета, 1913, № 4. С. 7.

Е. Ракитина. А.А. Арапов. М.: Советский художник, 1965.

А.А. Арапов был одним из художников, которых С. Дягилев представил на выставке русского искусства в Париже. Я посылаю Вам фотографию. Картина выполнена на холсте в смешанной технике – масло и темпера. Оценка в долларах: 1250.

Совсем недавно я отправил на аукцион в Лондон работы следующих художников:

1. А. Бенуа – 1905 г. иллюстрация к «Великосветской охоте на Руси» – акварель
2. А. Бенуа – 1917 г. эскиз к постановке «Спящая красавица» – акварель
3. Б. Григорьев – два рисунка – карандаш
4. Н. Рерих – ? пастель (была на выставке в Третьяковской галерее до 1917 г.)
5. Ю. Анненков – 1914 рисунок пером (тушь) (предполагается портрет С. Есенина)
6. К. Сомов – 19?? Акварель
7. Р. Фальк – 1930 (портрет Нарышкиной в Париже).

Вероятно, в ближайшее время я буду иметь работу С. Судейкина (графика), выполнена им к постановке «Венецианские безумцы». Если что-либо из вышеупомянутых работ Вас интересует, напишите мне или обратитесь за каталогом аукциона, который будет проходить в Лондоне в Sotheby's Co. в первых числах июня.

Еще раз спасибо за Ваше письмо.

С уважением, Евгений Эдельман

P.S. С нетерпением жду Вашего ответа.

НД Л-Р: Я напомнил Жене о его первоначальном письме ко мне, на что он откликнулся следующим образом:

08.09.2016. Париж

Дорогой Никита!

Большое спасибо за письмо «от Евгения», которое ты хранил все это время. 40 лет тому назад!

В то время у меня не было много денег, а эти работы на бумаге были собраны в то время, когда я не знал арт-рынка и т.д...

В мой первый приезд в Лондон я остановился у моего дяди Сэма Ванамейкера, который очень любезно предложил мне взять эту маленькую коллекцию в «Сотбис». Думаю, у него там был друг по имени Тило фон Вацдорф (если не ошибаюсь в правописании!!!). В то время она продавалась очень недорого.

Конечно, я сожалею, что не последовал твоему совету продолжать собирать русское искусство. В то время западное искусство завладело мной... И мне нужно было добиться успеха в этом.

*С огромной привязанностью,
Твой Женя*

Князь Лобанов-Ростовский о монархии, самозванцах и любви к искусству⁷³ «Российская элита не умеет себя вести в приличном обществе».

Беседовал Андрей Новиков-Ланской

Минувшим летом в России и за ее пределами активно обсуждалась идея возвращения на родину потомков рода Романовых. Депутат заксобрания Ленинградской области Владимир Петров написал письма членам императорского дома с предложением вернуться в Россию. Послания были адресованы княгине Марии Владимировне и князю Димитрию Романовичу. По мнению Петрова, этот шаг способствует восстановлению величия России и возвращению ей мирового влияния. Депутаты разработали законопроект «Об особом положении представителей царской фамилии», а в качестве официальной резиденции Романовых предложили выделить дворец в пригородах Санкт-Петербурга или в Крыму. Эта инициатива вызвала бурное обсуждение в России и неоднозначную реакцию представителей русских дворянских фамилий.

*На балу в честь 400-летия Дома Романовых
в Кремлевском дворце.*

Фото: Илья Питалев / РИА Новости

⁷³ Сайт Lenta.ru, 7 февраля 2016 г.

В беседе с «Лентой.ру» князь Никита Лобанов-Ростовский рассказал о самозванцах и монархии, о том, чего не хватает российской элите, и что привлекает его в искусстве.

«Лента.ру»: Как Вы оцениваете идею вернуть в Россию потомков Дома Романовых, в частности предоставить особый статус княгине Марии Владимировне?

Лобанов-Ростовский: Мне важно, чтобы была услышана альтернативная точка зрения. Когда мы с графом Шереметевым, князем Трубецким и графом Капнистом – все они живут в Париже – написали открытое письмо российскому президенту о нежелательности какого-то особого статуса Марии Владимировны Гогенцоллерн, мы исходили из того, что к ней будет неизбежно приковано внимание всего мира, и это может повредить Рос-

Княгиня Мария Владимировна.
Фото: Алексей Куденко / РИА Новости

сии. Важно понимать, что мы говорим о человеке, который самозванно именуется главой императорского дома Романовых, незаконно раздает дворянские титулы и ордена, а самое печальное – ее отец кокетничал с Гитлером и открыто призывал русских эмигрантов воевать на стороне нацистов. Мы хотели, чтобы нас услышали, и я рад, что были статьи и радиопередачи, где наше мнение было озвучено.

Но с Вами не согласились многие представители дворянства, живущие в России.

Да, некоторые убеждены, что не так важно, кто именно получит новый монарший статус. Важнее, что это был бы большой шаг к возрождению монархического статуса в России. Но я считаю, что нельзя строить новый дом на таком гнилом и непрочном фундаменте. Ничего хорошего из этого не выйдет.

А как Вы сами относитесь к идее реставрации монархии?

Я не монархист, но полагаю, что со временем будет целесообразно сделать конституционную монархию в России. Разные опросы показывают, что около трети всего населения поддерживают идею создания конституционной монархии. И это без какой-либо монархической пропаганды и работы с населением. Хотя мало кто отдаст себе отчет в том, сколько различных институтов управления необходимо создать, которые сегодня в России просто отсутствуют.

Будущий монарх должен осуществлять сбалансированное соединение светской власти и православной церкви. Должен стать стабилизирующим инструментом многонациональной и многоконфессиональной страны, не думая о сиюминутных настроениях избирателей, а руководствуясь представлением об исторической судьбе своего народа. Сам же монарх может быть либо избран заново, либо может быть приглашен законный наследник одной из двух правивших династий – Рюриковичей и Романовых. Я знаю многих достойных представителей этих фамилий.

Монархия немыслима без аристократии. Видите ли Вы что-то напоминающее аристократию в современной России?

Глядя на представителей нынешней русской элиты, я понимаю, что в 95 % случаев они не имеют ничего общего с аристократией.

Чего же им не хватает?

По-английски мне было бы проще ответить: аристократ – это джентльмен, у него другое сознание, другие ценности, другие манеры. Современная российская элита в большинстве своем просто не умеет себя вести в высшем приличном обществе. Кроме того, у аристократа должен быть вкус. Например, человек пригласил меня на обед в свой огромный дом в центре Москвы. Там все очень дорого: антиквариат, картины, услужливые лакеи. Но вкуса нет, предельная безвкусица. Ступеньки на улице у входа сделаны из мрамора – но они должны быть гранитные! Мрамор – мягкий камень, от осадков и моющих средств он быстро приходит в негодность. В том же доме есть замечательная коллекция живописи. Но сами картины обрамлены некрасиво – без вкуса! Это типичный пример отсутствия вкуса у людей, собирающих искусство в России. Рамы новые, помпезные, с обильной позолотой – они совершенно не гармонируют с картинами. Каждая картина – это особая история. Каждая требует своего индивидуального обрамления. Но такие маленькие детали отражают вкус.

Особое внимание к картинам – результат многолетнего коллекционирования русского театрального искусства?

Да, в том числе. Это же часть моей жизни.

Что Вы больше всего цените в Вашем собрании?

Больше всего я ценю его целостность, концептуальное единство, оно продумано до мелочей. В нашей коллекции нет ничего случайного. В своем максимальном составе собрание насчитывало около двухсот художников и более тысячи работ. Я очень люблю своего Врубеля, Ларионова, Гончарову,

Мария Владимировна на церемонии награждения президента РАХ скульптора Зураба Церетели Императорским орденом Св. Анны.

Фото: Сергей Пятаков / РИА Новости

заработанных денег, и их надо как-то тратить. При этом даже редчайшие бриллианты оцениваются только в десятки миллионов долларов.

Можно ли собрать хорошую коллекцию, не имея богатого наследства или огромных доходов?

Универсальных рецептов не бывает. Но есть общий принцип: присматривайтесь к 10–15 художникам, которые лично Вам нравятся и доступны по цене. Когда картины одного из них станут Вам не по карману, переключайтесь на другого. И так лет 20. Затем одного из них наверняка назовут выдающимся живописцем, и он резко взлетит в цене. Тогда, продав одно из его произведений, Вы сможете вернуть то, что вложили за 20 лет, и оставить себе картины, больше всего понравившиеся Вам.

Вы лично знали многих живописцев. Кто производил наибольшее впечатление в личном общении?

Московский Императорский бал в Доме правительства.

Фото: Вячеслав Прокофьев / ТАСС

Бакста, и получал большую эмоциональную зарядку, живя среди их картин.

Какова сейчас обстановка на арт-рынке?

На мой взгляд, ситуация совершенно нелогична и субъективна. Когда сотню миллионов долларов платят за картину Модильяни или Сезанна, это ненормально. На эти деньги можно было бы построить несколько сотен школ в России. Но в мире огромное количество не-

заработанных денег, и их надо как-то тратить. При этом даже редчайшие бриллианты оцениваются только в десятки миллионов долларов.

Знал. Например, Сальвадор Дали. Он был очень странен и непредсказуем. Я осознавал, что передо мной гений. К сожалению, мы не смогли наладить близких, дружеских отношений. Препятствием была его супруга Гала. Я ценю Дали больше, чем, например, Пикассо, потому что у него больше работ, где проявляется талант рисовальщика. Пикассо, конечно, более ге-

ниален и многогранен, но у него много работ, которые меня отталкивают. То есть я предпочел бы жить с картинами позднего Дали, чем с поздним Пикассо. Но при этом лучше жить с ранним Пикассо розового периода, чем с ранним Дали. Хотя, если честно, я предпочел бы жить с картиной Матисса, чем с Дали или Пикассо. Но я никогда не приобретал западную живопись, потому что тогда эти деньги были бы отняты от приобретения русского театрального искусства. <...>

*Князь Никита Лобанов-Ростовский и княгиня Нина Лобанова-Ростовская на открытии экспозиции русского театрально-декорационного искусства из их коллекции. Санкт-Петербург, 24 сентября 2008 г.
Фото: Алексей Даничев / РИА Новости*

Каковы Ваши предпочтения в других искусствах – в литературе, музыке?

Всю мировую классическую литературу я перечитал еще в ранней юности, когда жил с родителями в Болгарии. Главной фигурой для меня всю жизнь оставался Пушкин. Если говорить о музыке, я воспитан на классическом оперном репертуаре. Родители привили мне любовь к музыкальному театру: в пятилетнем возрасте я попал на оперу Сметаны «Проданная невеста», а затем на «Аиду» Верди. К симфонической музыке я пришел гораздо позже, когда в 23 года приехал в Нью-Йорк, где познакомился с великим скрипачом Натаном Мильштейном.

В конце 1950–х в Карнеги-холле еще можно было услышать таких гигантов русского исполнительского искусства, как Давид Ойстрах и Сергей Кусевицкий. Когда я был студентом в Оксфорде, то увлекался доромантической музыкой, Вивальди, Бахом и Моцартом. Из музыки XX в. я особенно ценю Стравинского и Прокофьева. А вот современная музыка для меня откровенно неприемлема.

У российского искусства есть будущее?

Я смотрю в будущее с оптимизмом. Русские – феноменально одаренный народ. Хотя я сомневаюсь, что в ближайшее время сможет повториться тот культурный бум, который был в России на рубеже XX в. Тогда российские гении музыки, литературы, изобразительного искусства, театра,

балета влияли на всю мировую культуру. До сих пор в России все еще есть возможность учиться рисованию. Вне России рисование как предмет – основа, на которой строится индивидуальный подход к живописи, – в школах и вузах мало востребован. В любом случае, важно, чтобы русские осознавали тот колоссальный эффект, который русское искусство последних двух веков произвело на весь цивилизованный мир. Даже самые отъявленные ненавистники России вынуждены это признать.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский: «У меня особая связь с Россией»

Беседовал Андрей Новиков-Ланской

Никита Дмитриевич, наш журнал подробно рассказывает о памятниках дворянской архитектуры – усадьбах, дворцах, городских особняках. Не секрет, что князьям Лобановым-Ростовским принадлежало много исторической недвижимости.

Несомненно.

Какое из фамильных зданий особенно дорого Вам?

Самое дорогое и интересное фамильное здание на территории России – это, безусловно, дворец со львами Алексея Яковлевича Лобанова-Ростовского в Питере. Дом был построен в 1820 г. архитектором по имени Мон-

Дворец со львами А.Я. Лобанова-Ростовского в Санкт-Петербурге, 1817–1829 гг.

ферран. Ныне в нем размещается гостиница. Между прочим, в 1994 г. мне предложили его за 3,2 млн. долларов, что составляло аренду на 45 лет. Хозяин сидел в тюрьме, и я обсуждал это предложение с его адвокатом. Тогда уход за домом стоил около 1 млн. долларов в год. В нем высота комнат в среднем чуть больше трех метров, что слишком мало, чтобы разделить этажи на два и удвоить количество комнат. В те времена в среднем хороший номер в Питере стоил 100 долларов в сутки, и

это было недостаточно, чтобы гостиница приносила доход. Сегодня же, когда свит Лобанова стоит 16 тыс. евро в сутки, а обычная комната – 625 евро, ситуация коренным образом изменилась. Что и объясняет решение крупной гостиничной сети там обосноваться. Мне всегда приятно там останавливаться и в особенности обе-

Князь Н. Лобанов-Ростовский с супругой Джун

дать или ужинать в центральном ресторане во вновь созданном внутреннем двореке дворца. Свит Лобанова помимо императорских портретов украшен также театральными эскизами Бакста, что для меня как коллекционера русской театральной живописи чрезвычайно приятно и трогательно.

Вы родились и выросли вне России. В какой мере Вы себя ощущаете русским человеком?

Отвечая на этот вопрос, очень легко оказаться банальным. Россия больше чем страна. Это состояние духа, мироощущение, особое видение. Мой дед Иван Николаевич Лобанов– Ростовский, русский и глубоко верующий православный человек, очень помог мне найти самого себя. Дед самым деликатным образом, почти неслышно напоминал мне, что я по рождению Рюрикович и, таким образом, у меня особая связь с Россией. Он учил меня, что без прошлого нет настоящего. И это в значительной степени сформировало меня как человека. Низкий поклон ему. Еще одна причина моего отношения к России – русское искусство, которому я отдал часть своей жизни.

А что для Вас осознание себя частью такого знатного рода – бремя, привилегия?

Бременем я никогда это не чувствовал. Привилегию я начал осознавать из отношения ко мне других людей. Некоторые достойные потомки пролетариата часто очень резко к этому относились. Обычно интеллигенция, знающая историю, более снисходительна. А иногда – я очень часто замечал и в Советском Союзе, да и сегодня, что люди просто приглашают меня, как генерала на свадьбу. И у них в дневнике потом записано: «Встретился с князем!» – и на этом отношения заканчиваются. Так что отношение разное. <...>

Ваша нынешняя супруга происходит из английской аристократической семьи. Есть ли какая-то существенная разница между российской аристократией, пусть даже в изгнании, и европейской?

Моя супруга Джун – потомок лорда Сиднея, основателя одноименных городов в Австралии и Канаде. Английские аристократы абсолютно открыты. То есть как только Вы более-менее имеете те же навыки и возможности, то особенных затруднений к знакомству нет. Так что это самая открытая, мне кажется, в Европе аристократия. Французская аристократия довольно закрыта. Как Вы знаете, французы – те, которые хотят быть в паспорте прописаны как аристократы, платят за это налог. Итальянская довольно открытая. Испания, будучи монархией, величает свою аристократию, и редко бывают смешанные браки. В Швеции все совершенно формально и закрыто. Маленькая страна – может быть, из-за этого? Но там вообще социальная формальность, самая строгая в Европе.

Возвращаясь к разговору о вкусе, в каких европейских культурах вкус в наибольшей степени изощрен, тонок, на Ваш взгляд? И как он проявляется, скажем, в одежде?

Мне кажется, что в Англии вкус наиболее ощутим. В мужской моде каждый англичанин известного класса носит крой одежды, который не присущ Европе. Английский пиджак плотно прилегает к телу. Европейский пиджак слегка заужен, американский пиджак просто висит. Во всем мире один человек на десять тысяч шьет себе костюмы в Лондоне и платит за них иногда десятки тысяч долларов. Так что это касается минимального количества людей. А во Франции первенствует вкус в дамской одежде. В Италии – определенный вкус в мужской и дамской одежде, который в Англии не воспринимается элегантными мужчинами.

Н.Д. Лобанов у входа в «дом со львами», дворца А.Б. Лобанова-Ростовского в Санкт-Петербурге. 2014 г.

А насколько аристократизм передается посредством языка, речи?

В Англии это настолько ощути-
мо, что для некоторых это болез-
ненно слышать. Потому что англий-

ская аристократия говорит на чистом языке, который резко отличается от остального. Вы же слышали, как моя жена говорит?

Другой вопрос. Деньги – насколько для человека с элитарным сознанием существен этот момент? Насколько незачем человеку аристократического происхождения заниматься деньгами, накапливать их, вообще думать о них?

В Англии это было очень ошутимо. Было просто неприлично аристократу заниматься, скажем, деньгами и коммерцией. Сейчас это исчезло. Но бедному аристократу не так уж трудно прожить, потому что его всегда будут принимать среди аристократов из-за общего образа жизни, манеры одеваться, разговора, менталитета. И в Англии для этого не требуется денег. Во Франции также. Пример. У графа Парижского, претендента на трон Франции, было несколько дочерей. Одна из них была в Нью-Йорке. Я ее пригласил провести вместе время, она согласилась. У меня было тогда двадцать пять центов на этот день. Маленькая кружка пива в ирландском баре в 1958 г. стоила пять центов. Мы выпили по маленькой кружке пива; затем возник вопрос, как вернуться, потому что метро стоило десять центов. Я Вам это говорю в подтверждение того, что с членом королевского дома я встречался при полном отсутствии денег. Будучи нуждающимся студентом, я встречался с королевской семьей, с принцессой Маргарет, общался и с герцогом и герцогиней Кентскими, бывал у них на уик-эндах.

Образ жизни королевской семьи отличается от просто аристократической жизни?

Нет, навыки те же самые. В Англии, в отличие от континентальной аристократии, аристократы были очень мощные и строили дворцы в своих имениях, которые были больше, чем Букингемский, как, например, Бленам, дворец герцогов Мальборо. Многие из них вообще в Лондон никогда не приезжали, считали, что это ужасное грязное место. Если Вы ездите по стране, Вы видите эти огромные дворцы-усадьбы. Английские аристократы часто чувствуют себя выше, чем Виндзоры, считают их немцами. Связей с ними не хотят иметь!

Почему, на Ваш взгляд, Великобритания настолько стабильная монархия? Столько мощных монархий распалось, а Англия держится?

Все дело в постоянных компромиссах. В такой плюралистической стране, как Соединенное Королевство, политики понимали, что нужен какой-то символ, объединяющий четыре составляющие нации. Без этого все распадется. Потому и не бунтуют против королевской семьи.

Хочу задать вопрос об интеллигенции. Интеллигент и аристократ – это близкие социальные типы?

Это абсолютно разные сословия. Когда я был в Оксфорде, интеллигент, т.е. студенты, которые усердно учились, даже имели свои особые мантии. Сразу видно было, что это ученый.

То есть ученый не может принадлежать к высшему обществу?

Очень редко, ибо у каждого из этих сословий свой менталитет. Интеллигент весь день учится, а аристократу это не полагается. Он пьет, занимается спортом, охотой, верховой ездой. Учиться было стыдно. И потому сэра Исайя Берлин мне дал очень хороший совет: если Вы хотите что-то сделать в жизни, нужно прятаться и тайком учиться. Потеряешь много друзей из-за этого, но учеба этого стоит.

И английским аристократам нельзя показывать свой ум, эрудицию?

Нельзя, это неприлично. В отличие от французов, которые сразу же Вам доказывают, насколько они умны. Но в Англии это плохой вкус. Если разговор где-то заостряется, то англичанин предпочитает отойти и не позволить себе выиграть в споре, чтобы не поставить оппонента в неудобное положение. А во Франции постоянно ругань. Очень разные менталитеты.

Клубная культура – это ведь тоже очень английский феномен. В России же нет клубов как таковых, даже среди богатых.

Да. Во время моих командировок в Россию я был в Москве в некоторых из них, но они не выжили. В Лондоне клубы достаточно обширные. Вы можете туда пойти, сесть подальше от других и поговорить, будучи уверенным, что Вас не подслушают. Со стороны войти туда абсолютно невозможно. «Уайте» – самый элитный клуб, самый закрытый. Интересы «Уайте» – это охота, игра в карты и рыбная ловля. В Англии по-прежнему много помещиков с огромными поместьями, и у них охота и рыбная ловля – основные занятия. Это красивый и удобный особняк в центре города, где можно встретиться с друзьями, вкусно откусать и отдохнуть. Членство в нем говорит о том, что ты – часть элиты. Но я из этого клуба ушел, потому что там начали подавать чай в пакетах. К тому же там украли мое кашемировое черное пальто. Но я-то туда ходил главным образом из-за парикмахера, так было удобно. Сейчас парикмахер приходит ко мне домой.

В России Вы известны прежде всего как крупнейший коллекционер русского театрального искусства. Что было для Вас самым важным в коллекционировании?

Удовольствие. Несомненно, удовольствие. И мы так много пропустили из-за отсутствия денег. Когда я в 1950-1960-х годах приходил к Ларионовой, театральные работы ее мужа продавались по два доллара. Большие работы маслом были по триста. Я не мог их купить. Но нужно было четко выбрать, что из этих работ по два доллара стоило прикупить, чтобы потом часть продать в Нью-Йорке и снова вернуться в Париж для дополнительных покупок.

Вы лично знали многих крупнейших творцов. Кто-нибудь производил такое впечатление, что вот общаешься и понимаешь – гений.

Без сомнения, Сальвадор Дали. Он был настолько странен, настолько непредсказуем. И, несмотря на его странности, я осознавал, что он – гений. Может быть, если бы я лично знал Матисса, у меня такое же было бы впечатление. К сожалению, я не мог наладить близкие дружеские связи с Дали, Гала была препятствием. <...>

Есть ли большое будущее у русского искусства, на Ваш взгляд?

Определенно, но оно циклическое. Нации не могут быть ведущими в искусстве постоянно. Россия очень богата талантами, и не только в живописи, но и в музыке, и в танце. Например, Мариинский театр Гергиева, Большой театр, певцы – Владимир Моторин, мировой бас. И многие другие. В Англии есть огромный интерес к русской культуре – русской литературе, музыке. Я все время проповедую, что Россия должна заниматься в мире своей культурной пропагандой, тратить большие деньги, возить балет, делать чудные выставки повсюду. И я проповедую это уже 40 лет!

Неонилла ПАСИЧНИК

Токио – Берлин – Москва – Киев, 1998–2015

**«Считается неприличным
демонстрировать свое богатство...»⁷⁴**

В год 80-летнего юбилея – беседа с князем

Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским ...

Никита Дмитриевич – Вы русский князь. Родились в Болгарии, на родине просветителей славян святых Кирилла и Мефодия. Что запомнилось с детских лет?

⁷⁴ Русская народная линия, 23 сентября 2015 г. http://ruskline.ru/analitika/2015/10/23/schitaetsya_neprilichnym_demonstrirovat_svoye_bogatstvo/

Родился я в Софии. В Болгарию эмигрировала вся семья моего дедушки, так как он любил православное богослужение, а в Софии в соборе Александра Невского пел замечательный хор, куда входили певцы болгарской оперы. До оккупации в 1944 г. советской армией Болгария была для меня страной, где я чувствовал себя дома, жил я нормальной семейной жизнью, с родителями, с бабушкой и дедушкой. Няня Елена Иванюк меня страшно баловала, а когда в 1947 г. двенадцатилетним мальчиком я вышел из тюрьмы, няня была единственным человеком, который дал мне приют. В Болгарии я узнал, что значит дружба между людьми с критериями преданности друг другу, стоявшими выше преданности правительству. Я почувствовал власть тьмы, когда тупое меньшинство, по указке СССР, чинило террор и насаждало диктатуру во имя «светлого будущего», т.е. на благо кучки людей, служивших интересам Кремля. Страна, где я узнал голод, страх, а сидя за решеткой, тяжесть неволи; где я научился ненавидеть бесконтрольную власть палачей и в то же время обрел свою первую любовь. Страна контрастов, где не было дискриминации русских, армян или евреев (до войны), и где царь Борис, а не диктатор Тодор Живков спасал евреев от гитлеровцев. Эта же страна истребила моего отца и многих порядочных людей в концлагерях за то, что они не были людьми пролетарского происхождения или же не были готовы кривить душой и принимать догму сталинизма.

В Болгарии у меня по-прежнему много верных друзей болгар: среди них певец, писатель, геолог, которые в отличие от немцев в бывшей ГДР и других моих сверстников, не только не «стучали», а оберегали и помогали «неблагонадежному элементу». Огромное им спасибо, что спасли маму и меня. Поэтому ежегодно, весной и осенью, я бываю в Софии и встречаюсь со всеми друзьями, ибо дружба, как любовь, требует многих усилий, постоянства и самого главного, что у нас есть в жизни – времени. Например, очень четко помню, как в августе 1943 г. по радио объявили о смерти царя Бориса. Колокола софийских соборов тогда скорбно звонили о его кончине. А мой дед встал и перекрестился... Реакция деда оставила очень сильное впечатление в моем детском сознании. Гитлер вызвал царя Бориса в Берлин – уговорить, чтобы он объявил войну СССР и послал болгарские войска на Восточный фронт. Однако несмотря на то что царь Борис был по происхождению немцем из Сакс-Кобург-Готтской династии, а Болгария входила в состав Оси, он отказался выполнить «пожелание» фюрера, поскольку Болгария традиционно слишком привязана к России. Царю Борису удалось убедить Гитлера не отправлять болгарские войска на советско-германский фронт, а использовать их в основном в оккупационной зоне в Югославии и Греции. После встречи с Гитлером царь Борис скоропостижно скончался 28 августа, по официальной версии, от сердечного приступа. В народе же верили, что нем-

цы подложили яд в его кислородную маску (в то время еще летали на самолетах «мессершмидт» с масками). Другое мое воспоминание связано с переездом из центра разбомбленной Софии в предместье, где у наших знакомых армян под фамилией Мурадян был склад. Там мы и прожили до конца войны.

Вы известный в России и за ее пределами общественный деятель – первый заместитель председателя Международного

Н.Д. Лобанов-Ростовский, Ричмондский парк, Лондон, 2007 г.

совета российских соотечественников, Почетный председатель Координационного совета российских соотечественников в Великобритании. Не так давно отмечены званием «Соотечественник года 2012», Российской Нобелевской премией, орденом и дипломом за вклад в сохранение исторических и других духовных ценностей российских соотечественников. Что сейчас объединяет русских людей за границей в отличие, быть может, от предыдущих лет?

Международный совет российских соотечественников (МСРС) включает в свои ряды 137 организаций из 52 стран мира. Это международный совет, штаб-квартира которого находится в Москве, несколько лет назад отметил свое десятилетие. Преимущество МСРС перед Конгрессом соотечественников, директивной организацией федерального правительства, в том, что к МСРС не предъявляется иных требований, кроме объединения русскоязычной диаспоры. Русскоязычная диаспора подразумевает два типа людей. Главным образом, тех русскоязычных людей, которые находятся на территории бывшего СССР – их около 18 млн. Плюс 12 млн. тех, которые распланы на разных континентах, в том числе потомки белоэмигрантов. Что их объединяет – это русский язык. Но меня огорчает, что, несмотря на то что нас, русскоязычных, за пределами России 30 млн. – нас никто не слышит! Мы не влияем на общественное мнение в странах проживания, в отличие от Мирового конгресса евреев или армян. А я предлагаю, чтобы большие организации, такие, скажем, как Россотрудничество, Русский мир, Конгресс русских американцев, МСРС, Координационный Совет соотечественников, Казачество объединились и создали свой орган, например Мировой русскоязычный конгресс. И выбрали бы во главу русскоязычного человека, не живущего на территории России, но который

имел бы вес и которого уважали бы в Москве точно так же, как в Вашингтоне и других странах. Русская диаспора разобщена и не представляет политическую силу; она не влияет значительно на события во многих странах. Зато, если путем консолидации объединить главные организации соотечественников, то мы постепенно сможем утвердиться на национальной мировой арене. На многих наших заседаниях мы обсуждали вопрос привлечения Православной церкви к участию в Мировом русскоязычном конгрессе и решили, что духовенство должно в нем участвовать, но не должно доминировать, поскольку среди нас, русскоязычных людей, есть и иудеи, и мусульмане, и представители других вероисповеданий. Это чисто светская организация, в основе формирования которой должны быть культура и язык. Все остальное, как, например, религия и национальность, нас только разъединяет.

Что Вы можете сказать о событиях, происходящих в Украине?

Нынешнее состояние Украины объяснимо тем, что ни одно ее правительство не соглашалось дать элементарные права русскоговорящему населению. Эти права меньшинств четко прописаны в Уставе ООН. Все последние три лидера грабили страну и мало чем другим занимались. Семь лет тому назад я выступал в ООН на презентации Международного совета русских соотечественников, созданного в 2002 г. Совет имеет ассоциированный статус при Департаменте общественной информации ООН, при Экономическом и социальном Совете ООН. В штаб-квартире ООН за круглым столом были подняты темы нарушения рядом стран основополагающей конвенции ООН в применении их к русскоязычному населению, а также проблеме массового безгражданства русских в Латвии и Эстонии – этого позорного явления. Представитель от Украины Вадим Колесниченко обратил внимание на проблему вытеснения русского языка на Украине. Теперь оказался изгнанным из страны.

Помимо правозащитной работы, МСРС поддерживает темы гуманитарного характера. Например, решением московского правительства будет построено второе здание известного Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. В его залах планируется разместить постоянные экспозиции и проводить выставки культурно-исторического наследия русского зарубежья. Одна из решаемых Советом соотечественников задач – возвращение предметов искусства на историческую родину. Теперь русский человек, скажем, в Буэнос-Айресе или в Нью-Йорке, передавая картину, реликвию или скульптуру в дар России, будет знать, что это будет там на учете и не пропадет. И это очень важно людям моего поколения, потому что очень часто нам некому оставить художественные ценности, ибо дети

и внуки этим не интересуются. Я лично приобретал на аукционах культурные ценности и передавал их в дар России и Украине.

С ситуацией на Украине можно провести параллель между Болгарией, – страной где я родился и провел юность, включая тюремный срок, который я «отмотал» в 12 лет за свое происхождение, – и Украиной, страной, которая мне напоминает Болгарию. Из болгарской тюрьмы меня освободили благодаря вмешательству ООН. Само собой напрашивается сравнение с отставкой болгарского премьер-министра Бойко Борисова. Это произошло после череды массовых протестов против высоких цен на электроэнергию и правительственных мер экономии. Болгария – самая бедная страна Еврозоны и, подобно Украине, сильно коррумпирована. Решению премьера об отставке предшествовал ряд столкновений, в ходе которых пострадали люди – восемь человек. Выступая перед парламентом премьер-министр заявил, что «отказывается состоять в правительстве, при помощи которого полиция избивает людей». В Украине мы видим, что не только само правительство избивает людей, но уже идет гражданская война – люди стали защищаться от действий правительства... Террористические акты совершаются у стен правительства. Это свидетельствует о глубоком кризисе украинского общества, искусственно созданного Лениным в 1922 г. Поэтому попытки запрещения коммунистической партии Украины выглядят по меньшей мере абсурдными.

Напрашивается еще одно сравнение с Болгарией, когда в 2001 г. Народное собрание Болгарии избрало премьер-министром бывшего болгарского царя Симеона II, лишённого трона малолетним, в 1946 г. Стоит отметить, что на то время президентом страны был член компартии Болгарии. Выступая перед парламентом в качестве премьер-министра, Симеон II, исповедующий православие, подчеркнул необходимость сохранения преемственности во всем положительном, что было совершено в стране до сих пор. В украинском правительстве мы не наблюдаем подобного стремления, а видим разрушительную безответственную

Симеон II и Н.Д. Лобанов-Ростовский, 2012 г.

деятельность, не опирающуюся на опыт предшественников. Деструктивная политика руководства страны привела к гражданской войне. Это свидетельствует о том, что правительство страны слабо знает ее традиции и историю, а также руководствуется в своих действиях не чаяниями каждого гражданина государства, а навязанными извне ценностями, ему не присущими.

К примеру, в Болгарии в 1946 г. состоялся референдум, в результате которого провозглашенный царем, по смерти в 1943 г. отца царя Бориса III, 9-летний монарх Симеон II покинул Болгарию. Долгие годы Симеон занимался бизнесом, жил в Мадриде, имея испанское гражданство с фамилией графа Рыльского. Он создал Национальное движение Симеона II, которое победило на парламентских выборах в 2001 г. и получило право на формирование правительства.

Никита Дмитриевич, снова поднят вопрос о захоронении «останков царевича Алексея и его сестры Анастасии», которые, будучи сожженными в 1918 г., сомнений не вызывали даже у следователя Соколова. Вы принимали непосредственное участие в приобретении материалов дела, которое вел Соколов и передаче их в Россию. Ваше отношение к предстоящим «похоронам царевича Алексея»?

Да, в свое время я уговорил барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна купить на аукционе Sothebys «архив» Соколова за счет правящего князя Лихтенштейна. Затем архив Соколова обменяли на личный архив князя Лихтенштейна, который находился в СССР как трофей. У Соколова все четко написано. Он был честным человеком и лицом незаинтересованным. Если он сказал, что собрал в пепелище кости двух детей, ему можно доверять. Алексей и Анастасия были худенькими, маленькими, их вполне могли сжечь на простом костре, как об этом сказано даже в незначительном на первый взгляд свидетельстве, которое нельзя исключать из делопроизводства, считал князь Алексей Павлович Щербатов член Зарубежной экспертной комиссии, мой дядя, с которым я был близок в Нью-Йорке. Я имею в виду воспоминания красноармейца, чекиста Григория Ивановича Сухокурова, привлеченного к перезахоронению останков после неудачного их первоначального погребения в шахту: «Трупы были извлечены из шахты, думали их сразу похоронить на дороге, но дорога оказалась каменной... Чтобы белые не смогли опознать трупы по количеству, два трупа, Алексея и Анастасии, сожгли. Трупы оставшихся сбросили в яму, залили кислотой, потом засыпали землей и перекрыли сверху шпалами. На месте кострища от двух трупов вырыли яму, потом заново закрыли и сверху развели еще один костер». Согласно рассказу Соколова, прибыв на место расправы с

царской семьей, он не нашел тела государя. Однако в обнаруженном им небольшом костре, по его предположениям, были сожжены двое детей, вероятнее всего царевич Алексей и сестра его Анастасия. Эти уцелевшие кости Соколов сложил в мешок, поместил в чемодан и через Дальний Восток привез в Париж. Живой еще тогда вел. кн. Николай Николаевич не захотел принять у Соколова коробку. И он передал ее находившемуся в Париже бывшему послу царского правительства Гирсу. Тот положил их в банковский сейф в Лионе. Сам Соколов умер в 1924 г. Из Лиона коробку с остатками костей, пулями от нагана, зубами, уже сухой землей вел. кн. Владимир Кириллович решил поместить в только что достроенный православный храм-памятник святого Иова Многострадального в Брюсселе. В самом начале Второй мировой войны коробку замуровали в стене храма. Была попытка снять документальный фильм, предпринятая германским режиссером, недавно скончавшимся. Но Синод РПЦЗ не позволил это сделать неправославному человеку. Что касается работы Госкомиссии, то даже ее член академик Вениамин Васильевич Алексеев, директор Уральского института истории и археологии РАН, по поводу подготовки публикации материалов о ее работе хорошо высказался: «От нее, кроме документированного позора, ожидать нечего».

Стоит напомнить о некоторых несообразностях в работе госкомиссии. ДНК-анализ, проведенный доктором биологических наук Е.И. Рогаевым с использованием крови племянника императора Т.Н. Куликовского-Романова, проигнорирован комиссией и даже не включен в отчет. Следующее: после эксгумации праха брата Государя, кости которого мало пригодны для экспертизы из-за петербургских наводнений, буквально через неделю их, с подачи «специалиста» генетика, кандидата биологических наук Павла Иванова, объявили идентичными найденным скелетам, при совпадении ДНК-анализа на 99,9 %. Такой процент в большинстве стран мира не является достаточным даже в гражданских делах. При этом Иванов вводил в заблуждение общественность, утверждая, что генетические исследования в городе Роквилл (США) были лишь контрольными и полностью подтвердили его прежние исследования в Англии. На самом деле, в США и Англии исследовались совершенно разные объекты. Обе комиссии настаивали, чтобы все «изыскания» вышеназванного «ученого» были полностью исключены из материалов комиссии, а сам он отстранен от дальнейших исследований. Участие Иванова, как одного и того же российского ученого, возглавлявшего исследовательскую работу в России, затем принимавшего деятельное участие в исследованиях, которые назывались контрольными, в двух других странах, где одна лаборатория предсказуемо подтвердила результаты другой, – это нарушение доктрины независимых научных

исследований. Что касается личности самого Павла Иванова, я склонен доверять мнению князя Алексея Павловича Щербатова, члена Зарубежной экспертной комиссии. А именно: господин Иванов говорил, что занимался генетикой у знаменитого немецкого профессора в Дюссельдорфе. Князь не поленился и связался с профессором, который сказал, что не работал близко с русским доктором по фамилии Иванов. Князь Щербатов после этого решил познакомиться с Ивановым лично. Их встреча состоялась. Павел Иванов, молодой человек, вошел в комнату, где заседала комиссия, и без долгих разговоров вынул из портфеля маленькую отполированную кость, сообщив: «Это кость Николая II». На вопрос князя Щербатова откуда он это знает, Иванов ответил: «Ну, я знаю...».

Ваша судьба – это жизнь успешного русского человека. Это исключение из, как правило, трудной жизни потомков лучших людей, изгнанных из своего Отечества в 1917 г.?

Жизнь русских людей, оказавшихся выброшенными за пределы своей страны декретом Ленина, чья мумия, как некий символ до сих пор находится рядом с Кремлем, была не из легких. Многие работали на заводах, в шахтах, таксистами. Когда нашу семью похитили с территории Греции после неудавшегося побега через самые высокие горы в Родопах, нас посадили в военную тюрьму. Мне повезло – в камерах окон не было, но моя камера была последней в коридоре, заканчивавшемся окном. Поэтому я мог слышать доносившиеся крики избиваемых и звуки расстрелов по ночам (тюремщики заводили моторы грузовиков, но выстрелы все равно были слышны). Однако именно это окно помогло мне узнать, что моего отца также держат здесь. Раз в месяц приходил парикмахер и стриг людей как раз возле этого окна в коридоре. Однажды я услышал, что кто-то навистывает старый английский военный марш, любимую мелодию моего отца. Я тут же продолжил марш из своей камеры... Так мы узнали, что сидим рядом. В тюрьме я провел год. Выпустили нас только после того, как мой дядя Николай Васильевич Вырубов, мамин брат, служивший после войны в секретариате ООН, уговорил французского посла на одном из заседаний ООН заявить: «Как же Болгария хочет стать членом ООН, когда она держит в тюрьме людей, которые были схвачены на территории другого государства?» Свобода оказалась жестокой – нашу квартиру конфисковали, и никто из знакомых не хотел взять меня к себе. Кроме няни, очутившейся на самом дне общества: работала посудомойкой в русском клубе. Дальше притеснить ее было некуда, поэтому она ничего не боялась. Вот так мы и жили... Я собирал окурки на улице, потом раздираал их и продавал табак цыганам по кило, чистил ботинки «товарищам»... Пока через шесть ме-

сяцев не вышла из тюрьмы моя мама. В это время у наших знакомых появилась лишняя комната, куда по тогдашним законам по уплотнению надо было кого-то вселить. Им было удобнее «вселить» нас...

Памятник Примирения – это Ваша идея?

Памятник Примирения должен призывать к Покаянию за все преступления, которые были совершены в репрессиях и гражданских конфликтах, независимо от того, кто в них больше был виновен – красные или белые. Мы убеждены, что без Терпимости, Примирения и Покаяния – которые основаны на вере или хотя бы на стремлении обрести веру – не может быть и народного единства.

Приближается 100-летие Октябрьского переворота, который не только привел к гибели миллионов россиян, к разрушению тысяч православных храмов, но и, по нашему глубокому убеждению, затормозил развитие нашей родины, на долгие годы удалил Россию от семьи европейских народов. Октябрьский переворот как раз и привел к тому расколу общества, от которого Россия и Русский мир до сих пор не могут оправиться!

Эта инициатива не спущена кем-то «сверху». Это наша, исходящая от нескольких разных по убеждениям людей гражданская инициатива, не продиктованная никакими идеологическими, групповыми или корыстными соображениями. Соответственно, мы исходим из того, что и Памятник Примирения России должен быть сооружен на средства, собранные русским народом, российскими гражданами и зарубежными соотечественниками.

И ни в коем случае не следует создавать его на средства «построенных» по чьей-то команде олигархов! Если будет так, по команде, тогда мы получим еще одну пиар-акцию, а не знак примирения, выстраданный в сердцах людей.

Нам – «белым» и «красным», русским и россиянам, верующим и неверующим, православным и мусульманам – нужно обрести еще и гражданское согласие. Не «спущенное сверху», а настоящее, выстраданное. Так пусть памятник-символ такого согласия поставит окончательную точку в истории разделения народа и станет основой для будущего партнерства и сотрудничества всех россиян, независимо от политических взглядов, в какой бы стране они ни находились, во имя и на благо России!

Памятник Примирения должен символизировать не только общественное согласие, межэтническую и конфессиональную толерантность, а его смысловое содержание должно быть направлено против духовного разобщения соотечественников, живущих в России и вне исторической Родины. Этот памятник, как историческая точка отсчета – символ понимания исторической трагедии раскола русского общества и для будущего взаимо-

понимания и примирения современных России и Украины. Принято говорить: лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. История, словно религия образованных людей. Важно, что есть люди, по крохам собирающие почти исчезнувшее прошлое, тем самым не давая умереть свидетельствам истории, какими бы они ни были. <...>

Ваш род происходит от династии Рюрика, первого правителя Киево-Новгородской Руси, явившей миру многих святых, начиная равноапостольной княгиней Ольгой и ее внуком равноапостольным князем Владимиром, просветившим Русь светом Крещения.

Что касается темы прекращения династии Рюриковичей, правивших Русью 700 лет, то произошло это во времена так называемого Смутного времени, когда по указке Бориса Годунова был умерщвлен царевич Дмитрий Иоаннович, младший сын царя Иоанна Грозного – законный претендент на русский престол. Народ не простил царю Борису это злодеяние, а мощи святого царевича Дмитрия были обретены после кончины Годунова. Величайшая опера всех времен и народов «Борис Годунов» Мусоргского повествует о том, как соблазненный властью монах-расстрига Гришка Отрепьев, называемый Лжедмитрием, поверг наше отечество в смуту.

Как сложилась судьба Вашей коллекции?

Что касается коллекции русской театральной живописи, которую я собирал в течение всей своей жизни, посещая русских художников, разбросанных волей исторических обстоятельств по всему миру, то действительно, на сегодняшний день она уникальна. Ибо представляет не только художественную, но и историческую ценность, как уникальный документ. Рад, что ныне судьба моего собрания картин связана с Россией. Она была приобретена Фондом «Константиновский», хранится в Театральном музее в Петербурге и продолжает путешествие по всему миру, а я остаюсь гидом на выставках своей коллекции, как и в 1998 г. в Японии, где, как Вы помните, выставка демонстрировалась в музее современного искусства Йокогама под российским флагом!

Как складывается судьба уютной дворянской усадьбы в Ростове – Дома-музея князей Лобановых-Ростовских?

В 2000 г. директор Филевского парка Валерий Кособуцкий мне предложил создать Дом-музей в парке. Это на основании плана развития Филевского парка, в котором предвиделся музей – выставочный зал. Я принял приглашение, закрепленное постановлением правительства г. Москвы и договором, составленным юристом правительства г. Москвы и моим

адвокатом Ю. Кузнецовым. Сутью соглашения было то, что правительство Москвы мне дает за номинальную аренду, пожизненно, нововыстроенный дом (в советском и нынешнем российском законодательстве не существовало концепции «дарения дома»). Параллельно с этим, за свой счет, я заполняю музейную часть портретами и реликвиями, а офисные помещения надлежащей мебелью. Официальное открытие музея совершилось в 2001 г. С уходом мэра Лужкова, новая администрация указала мне, что юридические документы, связанные с музеем, не действительны. И предложили, чтобы я вывез из дома все его содержание. В результате я написал письмо министру культуры Мединскому 6 ноября 2012 г., предлагая передать содержание Дома-музея Лобановых-Ростовских Государственному Ростово-Ярославскому музею «Ростовский Кремль». Минкульт направил свое согласие в Ростов в письме от 13 декабря 2012 г. Я дождался оттепели и на грузовике добрался до нашего дома в Филевском парке в начале апреля, дабы вывезти все содержание в Ростов. Видимо в благодарность за вклад в обустройство Отечества, в нашей древней вотчине во граде Ростове Великом на улице Пролетарской решили устроить Музей рода Лобановых-Ростовских, где будут храниться в числе документов и экспонатов мои книги и книги обо мне.

Граф П.П. Шереметев и князь Н.Д. Лобанов на вручении мэру Москвы Ю.М. Лужкову гравюры старинной карты Москвы, дар Лобанова; заседание МСРС, Москва, 6 декабря 2008 г.

Вы хлопотали о создании Российской национальной портретной галереи?

Да, я предлагал устроить выставку национального портрета в Москве с последующим созданием Национальной портретной галереи в виде филиала Исторического музея. Президент Путин предложил разместить галерею в бывшем музее Ленина. Это указание не выполняется под предлогом, что нет средств для ремонта музея. Уместно было бы кому-то из местных миллиардеров пожертвовать 25 млн. долларов на ремонт с условием, что это будет проходить под его личной эгидой, чтоб уменьшить неизбежные откаты, я бы с удовольствием участвовал в финансировании на этих условиях.

В Решении коллегии Минкультуры от 28 октября 2011 г. о создании Национальной портретной галереи России отмечено, что «создание такой галереи, несомненно, отвечает стремлению российского общества лучше

знать отечественную историю», но как межмузейный сетевой проект в сети интернет, а не как традиционную выставку, что предполагалось в январе 2010 г. на встрече премьер-министра В. Путина с А. Авдеевым, где было предложено создать портретную галерею выдающихся деятелей русской истории на площади 1000 кв. м. в филиале Исторического музея. Словом, произошла подмена понятий, исходя из нежелания видных деятелей музейного сообщества что-то отдавать из своих фондов в Национальную портретную галерею.

Редакция Русской Народной Линии сердечно поздравляет Никиту Дмитриевича с днем Ангела!

Анастасия Лиховцева

Никита Лобанов-Ростовский:

«Моя цель – умереть бедным человеком»⁷⁵

Интервью А.Н. Лиховцевой с Н.Д. Лобановым-Ростовским.

Москва, март 2015 г.

А. Лиховцева и Н.Д. Лобанов-Ростовский, 2015 г.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – яркий представитель русского зарубежья. В мировой русскоязычной прессе пишут, что он гражданин США, геолог, банкир и выдающийся коллекционер, который собирает по всему миру уникальные экспонаты и передает их музеям на своей исторической Родине. Однако для нас, проживающих в Болгарии – приятным является тот факт, что он родился 6 января 1935 года в Софии. Сын русских эмигрантов Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского и Ирины Васильевны, урожденной Вырубовой. В Болгарии прошли детство и юность, здесь живут друзья, которые радуются его успехам. Он поддерживает отношения с болгарскими учреждениями науки, культуры и искусства. Дважды в год приезжает сюда в качестве члена Фонда им. Святых Кирилла и Мефодия. В свой предыдущий приезд он предоставил Фонду денежные средства в сумме свыше

⁷⁵ Россия/Русия. София, 8-14 мая 2015. С. 14.

5 тысяч левов на покупку 3-хтомного издания произведений Любомира Левчева для последующей передачи в болгарские библиотеки. Ранее в дар Национальному природо-научному музею передал уникальный экспонат – кусочек бесценного метеорита, прилетевшего к землянам с Марса. Очередной его приезд ожидается в середине мая.

А в апреле он был в России, где не только подарил Ростовскому кремлю уникальную коллекцию афиш и плакатов XX в., но и презентовал свою новую книгу, в которой собраны статьи и выдержки из его интервью. Это издание Никита Дмитриевич называет компроматом на себя самого.

«Моя цель – умереть бедным человеком. Почему я могу себе позволить этот люкс? К счастью, во втором браке я бракосочетался с финансово независимой гражданкой», – говорит он в интервью Ивану Уварову.

А в беседе с А.В. Лиховцевой рассказал в чем смысл коллекционирования, стоит ли тратить деньги и посвящать этому не только свое время, но и свою жизнь.

Практика коллекционирования

Никита Дмитриевич, скажите, пожалуйста, что стоит собирать вообще, где и как приобрести первый предмет для коллекции и какой аспект все-таки самый главный при выборе произведения искусства? Какие универсальные практические советы Вы могли бы дать с высоты Вашего опыта начинающему коллекционеру? На чем стоит заострить внимание при выборе предметов? Вопросов, которые волнуют коллекционера очень много, поэтому для нас важно понять, какой главный принцип в коллекционировании произведений искусства и по какому принципу собирать коллекцию. И, конечно, самый главный философский вопрос: В чем смысл коллекционирования и стоит ли вообще тратить деньги на коллекции и посвящать этому не только свое время, но и свою жизнь?

Собирательство для меня никогда не было вкладыванием денег. Наверное, это хобби, определяющее образ жизни. Сам по себе процесс созидания чего-то нового настолько важен, что он затмевает обычные финансовые сложности. В общем, в коллекционировании преобладают эмоциональные решения в отличие от бизнеса, который требует рациональности, где эмоции не поощряются. Иногда желание приобрести картину возникает в первую минуту, подобно влюблению с первого взгляда, когда картина, кажется, имеет пленящий магнетизм и зарядку. Сколько себя помню, я всегда что-нибудь собирал. Еще мальчиком в Болгарии я увлекался сначала почтовыми марками, затем монетами, а потом собиранием минералов. Последнее обстоятельство определило выбор моей первой специальности геолога.

Собирателю коллекции живописи, прежде всего, надо хорошо разбираться в искусстве, обладать вкусом. Первые десять лет увлечения русским искусством я накапливал сведения. Искусство подвержено моде. И направления искусства, и художники – то вызывают повышенный интерес, то не ценятся. Зная это, можно приобретать сравнительно дешево те произведения, которые «сейчас не в моде». Когда я стал собирать театральные эскизы, к ним еще не было интереса вне России. В 1958 г. я купил эскизы Ларионова и Гончаровой всего по два доллара за штуку (для сравнения: на эти деньги можно было купить десяток газет или двадцать кружек пива). Разбираясь в живописи, можно обрести ценнейшие вещи на дешевых развалах. На «блошином» рынке в Париже знатоки находят подлинные работы, например, Тулуз-Лотрека, Сезанна, не подписанные авторами и потому принимаемые либо за копии, либо за опусы неизвестных художников. Правда, когда я начинал коллекционировать, у меня порой не было и этих двух долларов на картину, но я раздобыл адреса почти всех русских художников, живших тогда в Париже, Мадриде и Нью-Йорке. Зная, что я человек небогатый, художники или их родственники отдавали мне свои работы задешево. Почти все свои средства я вкладывал в живопись. К счастью, моя первая супруга Нина, любящая театр и русское искусство, поддержала мое увлечение. Кстати, первые 10 лет нашей совместной жизни, большую часть мебели для нашей нью-йоркской квартиры мы сделали собственными руками или взяли с улицы. Когда американцы хотят сменить мебель, они просто выставляют ее на улицу. Ночью специальные грузовики все это увозят. До их приезда можно обзавестись приличной обстановкой.

В 1979 г. мы переехали в Лондон. Я стал первым вице-президентом Международного банка финансов и ресурсов. Собственно, только лишь 10 лет спустя мы с Ниной смогли позволить себе покупать живопись на аукционах.

Как собирать?

У того, кто в Москве займется коллекционированием живописи, возможностей немало, даже при небольшом достатке. Здесь наверняка есть неизвестные или малоизвестные живописцы, продающие свои работы за минимальную цену... Надо лишь найти их. У меня было некоторое преимущество: я собирал русскую театральную живопись, которая на Западе пользуется куда меньшим спросом, чем, скажем, фламандская. Русская живопись слишком этнична, национальна, ее не все принимают.

Универсальных рецептов для коллекционирования не бывает, но можно воспользоваться советом Петра Апраксина, работавшего в Музее со-

временного искусства в Нью-Йорке. Он говорил: приглядите 20–30 художников, чьи произведения Вам нравятся и доступны по цене. Когда картины одного из них станут Вам не по карману, переключайтесь на другого. И так лет 20. Затем хоть одного-двух из «Ваших» художников назовут гением. Тогда выбросите все остальное, оставив себе произведения гения. Еще лучше – не выбрасывать, а припрятать... вдруг, еще через 20 лет кто-то из них тоже попадет в гении...

Подтверждение подхода Апраксина я прочитал в лондонской газете «Ай» (i) от 24-го июля 2012 г. на стр. 17. В статье описана история одного коллекционера – Герберта Вогела. Сын русско-еврейского эмигранта-портного, Герберт Вогел (Herbert Vogel) скончался в 2012 г. в возрасте 89 лет. Всю свою профессиональную жизнь он провел сортировщиком почты на почтамтах Нью-Йорка в ночную смену (он не закончил средней школы), а его супруга Дороти (дочь ортодоксальных евреев) работала библиотекарем в Бруклине. В 1962 г. Вогелы посетили Национальную галерею, а также и другие музеи в Вашингтоне. Непосредственное соприкосновение с живописью произвело на них сильное и неизгладимое впечатление. Вернувшись в Нью-Йорк они стали постепенно покупать живопись у художников, которых они встречали и чьи работы им были по карману. Заметьте, это не была зажиточная пара. У них не было иного дохода помимо их муниципальных зарплат. Они тратили только часть зарплаты, а затем часть пенсии. За 30 лет им удалось приобрести пять тысяч работ, включая произведения маслом, графику и современные произведения, которые пока еще не имеют определенного названия. Статья цитирует господина Вогела, что они покупали только у художников, с ними торговались, а также покупали в рассрочку. Например, коллаж болгарско-американского художника Христо они получили взамен на то, что заботились о его кошке. Господин Вогел не мог точно объяснить журналисту, почему он покупал ту или иную живопись и что он искал для своей коллекции. Он ответил: «Я просто люблю искусство» (I just like art). У Вогелов были три основных критерия для возможного приобретения: вещь должна была быть 1) недорогой, 2) размером и весом, позволяющими перевоз на метро, 3) габаритами, чтобы вместиться в их односпальную квартиру с урегулированной арендой в верхневосточном районе Манхэттена. За всю свою жизнь супруги не продали ни одного произведения. В 1992 г. Вогелы подарили свое собрание, которое тогда оценивалось в десятки миллионов долларов (точно не указано), Национальной галерее в Вашингтоне из-за того, что вход в нее бесплатный. Господин Вогел говорил: «Мы легко могли бы стать миллионерами гораздо раньше, но деньги нас не интересовали».

Скажите, пожалуйста, что отличает подлинный предмет, настоящее произведение искусства, от подделки?

Отличает то, что оно не отвечает авторству, за которое предмет продают. Визуально, почти невозможно отличить подлинную работу от фальшивой, сделанную виртуозным мастером. Известен пример художника, писавшего под Вермеера и удачно продававшего эти картины Герингу. Как Вы знаете, ему в тюрьме пришлось написать картину Вермеера, чтобы убедить неверующих и таким образом попасть в список борцов с нацизмом. Только современные технологии позволяют безупречно определить подлинность работы выполненной маслом.

Я не могу себе отказать в интересе и не задать Вам вопрос, как же понять значимость предмета в культурном контексте?

Это философский вопрос, на который я не компетентен отвечать, несмотря на то, что вопрос «как» – обычно касается материального мира, в отличие от философских «почему».

А как выгодно купить предмет?

Обманув. А, если по существу, один из принципов – это уменьшить количество посредников. И, обычно, стоимость у производителя меньше, чем у посредника. Также на неспециализированных аукционах и рынках, где бывает так, что картины продаются без описания автора. Но для этого нужно хорошо разбираться в той отрасли (живописи), которую Вы коллекционируете.

Какие условия нужно учесть, чтобы коллекция имела долгую жизнь и со временем приобрела значимость?

Во-первых, качество. Значимость, на данный момент, живописца или художественного течения. Например, Щукины и Морозов покупали живописцев школы «Наби», параллельно с импрессионистами, когда цены на них были подобными. А со временем школу «Наби» позабыли, а цены на импрессионистов постоянно и непрерывно растут. Хорошо, если Ваша коллекция имеет энциклопедический характер, иллюстрируя всех художников данной школы, как например коллекция театральной живописи у Нины и Никиты Лобановых-Ростовских.

Вы имеете не только уникальный опыт собирательства, но и уникальный опыт продаж. Часть Вашей коллекции (810 графических листов) была продана в 2008 г. благотворительному Фонду «Константиновский» за 16 млн. долларов США. Как Вы считаете, стоит ли продавать предметы из коллекции? Как определить момент, когда выгодно это сделать?

Конечно, стоит, если у Вас не хватает денег, чтобы купить более качественное приобретение для Вашей коллекции. Цены на искусство, как и акции компаний, обычно подлежат экономическим циклам. Нужно быть исключительно умелым и удачливым, чтобы продавать на вершине цикла (определив, что это есть вершина) и покупать в периоды экономического краха или застоя.

Как Вы считаете, есть ли смысл и необходимость плотного контакта коллекционера и музеев.

Он желателен, но не необходим. Квалификации музейных работников очень отличаются друг от друга. Коллекционер должен быть в своей отрасли специалистом, к которому музейные работники сами часто обращаются.

Оказывает ли влияние коллекция на самого коллекционера?

Да. В случае ограниченных средств коллекционер становится чрезвычайно внимателен к любым расходам, которые могут помешать покупке следующего предмета. Далее окружение себя предметами своей коллекции влияет на психику и служит источником большого вдохновения, дающего смысл жизни. Я часто веду диалог с картинами у нас дома.

Никита Дмитриевич, какой предмет в Вашей коллекции Вы считаете самым значимым и его приобретение оцениваете, как свою большую удачу?

«Дама на котурнах» Михаила Врубеля. Покойная Дора Зиновьевна Коган говорила, что с него начался весь модернизм в России. Если внимательно приглядеться, в этом рисунке можно разглядеть еще две фигуры.

С какими советскими коллекционерами Вы общались?

Большинство ведущих коллекционеров в СССР, с которыми я общался в 1960–1980-х годах, были евреями. В Ленинграде первым был физик Абрам Филиппович Чудновский, за которым следовали кинорежиссер Алик (Соломон Абрамович) Шустер и врач Григорий

М. Врубель, Дама на котурнах, ок. 1904 г.

Михайлович Левитин, который собирал исключительно театральные эскизы. В Москве это были полковник КГБ Игорь Васильевич Качурин, экономист Яков Евсеевич Рубинштейн, журналист Виктор Луи, Феликс Евгеньевич Вишневский, доктор Арам Яковлевич Абрамян, армянский еврей, и, наконец, профессор Илья Самойлович Зильберштейн. Последние два собирали не авангард, а старых русских мастеров. На первом месте из московских коллекционеров авангарда был, конечно же, грек Георгий Дионисьевич Костаки. Один из немногих русских коллекционеров, которых я знал в то время в Москве, был Владимир Семенович Семенов, член ЦК, который начал свою карьеру шофером Сталина, а позже стал послом в Бонне. Позднее, в 1970-х годах, я познакомился с Валерием Александровичем Дудаковым, тоже русским. В Киеве было четыре ведущих коллекционера: Борис Борисович Свешников, Юрий Алексеевич Ивакин, Игорь Сергеевич Дыченко и единственный из них еврей Давид Лазаревич Сигалов. Конечно, были и многие другие, с которыми мне не посчастливилось познакомиться.

Как Вы объясняете отсутствие подписи на многих произведениях авангарда?

Одна из основных установок ВХУТЕМАСцев и авангардистов была: первенство идеологии над утверждением индивидуальности. Таким образом, множество работ авангарда не были ни подписаны, ни датированы. Это представляет серьезные проблемы искусствоведам сегодня. Однако это также имело и положительный эффект. Когда в 1930 г. вышел ждановский декрет, провозглашающий соцреализм как единственное приемлемое направление в искусстве СССР, во все художественные музеи империи были высланы директивы уничтожить беспредметное авангардистское искусство, с указанием списков художников, как коммунистов, так и нет. Музейные деятели в те времена были лояльными партработниками, выбранными на фабриках и заводах из выдающихся рабочих. Они ничего не разумели в искусстве, но верно служили партии. Их невежество в искусстве, а также и отсутствие подписей на многих работах, способствовало тому, что они уцелели. Вот почему в провинциальных музеях русской глубинки сегодня можно отыскать картины Малевича, Родченко или Поповой.

В статье «Собрано в СССР» в журнале «Forbes Украина» 2 июля 2012 г. Борис Давиденко пишет со слов киевского антиквара Александр Брея: «Меня иногда спрашивают, почему я смотрю подпись на полотнах довоенных художников в последнюю очередь. Мало кто уже помнит и знает, что в 1930-е годы висящие на стене Малевич или Кандинский, – это как надпись

на входной двери „враг народа”. Цена такой красоты была слишком высока. Владельцы замазывали или обрезали подписи, чтобы никто не увидел запрещенных фамилий. Позолоту на мебели закрашивали. Правда, многих это не спасло от ссылки, лагерей или расстрела. Их собрания оказывались у энкавэдэшников, а то и просто у соседей по коммуналке».

Спасибо Вам за интересную беседу.

Профессиональный путь Н.Д. Лобанова-Ростовского начался с выбора специальности геолога. Он занимался разведкой нефти в Патагонии (Аргентина) для концессии частного банке «Лоуб Роудс» и поисками ртути в Тунисе и на Аляске, никеля – в Венесуэле, железа (итабирита) – в Либерии, работал на алмазных приисках пустыни Калахари в Южной Африке. Затем изучал банковское дело и сделал необыкновенную карьеру. Около 10 лет (1987–1997) Н.Д. Лобанов-Ростовский был советником южноафриканской алмазной компании «Де Бирс» и советником аукционного дома «Кристис», а затем и «Сотбис». Н.Д. Лобанов-Ростовский является пожизненным членом Союза благотворителей музея Метрополитен в Нью-Йорке. Коллекция, собранная Никитой и Ниной Лобановыми-Ростовскими на 90% до 1980 г., считается крупнейшим в мире частным собранием русского театральнo-декорационного искусства и включает 1100 работ около 177 художников. Н.Д. Лобанов-Ростовский участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1987 г. и передал тогда в дар 80 произведений русской графики из своего собрания, а в 1994 г. передал музею очередной дар – фарфор 1-й трети XX в. В феврале 2008 г. ГМИИ получил в подарок от Н.Д. Лобанова-Ростовского полотно итальянского художника-метафизика Джорджо де Кирико «Меланхолия поэта» (1916) и акварель голландского супрематиста Тео ван Дуйсбурга «Черный зигзаг» (1924). Музей Марины Цветаевой получил в дар от знаменитого коллекционера «Портрет Саломеи Андрониковой» работы Александра Яковлева. Библиотека Н.Д. Лобанова-Ростовского в 3200 томов и часть фотоархива была передана в дар Дому русского зарубежья в Москве в 2010 г. Часть коллекции Лобановых-Ростовских (810 графических листов) была продана им 24 января 2008 г. благотворительному фонду «Константиновский» за 16 млн. долларов США (дополнительные 31 лист были проданы Фонду несколько позже – в июле 2010 г.). В 2014 г. фонд «Константиновский» передал приобретенную часть коллекции Лобановых-Ростовских в Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. Князю Н.Д. Лобанову-Ростовскому принадлежит идея создания в России Национальной портретной

галереи. Привести более подробную биографию этого уникального человека в рамках данной статьи не представляется возможным, однако и эта краткая биографическая справка не может не вызвать восхищения и уважения к этому необыкновенному человеку.

Наталья Смирнова Идейный князь⁷⁶

У князя Лобанова-Ростовского, Рюриковича в тридцать третьем поколении, как-то спросили, что значит быть потомком знаменитого рода.

Е. Шефер. Портрет на фоне коллекции Лобановых-Ростовских. Слева направо: Н.Д. Лобанов с супругой Джун, Нина Лобанова-Ростовская и И.С. Зильберштейн, 2011 г.

И он, процитировав Бердяева, ответил, что аристократия – это не те, кто самовозвышаются, а те, кто служат людям и миру...

Первый раз я увидел театральные эскизы на выставке в Лондоне, посвященной «Дягилевским сезонам». Меня поразило, что из 42 художников, работавших над декорациями к «Русским балетам», половина были русского происхождения. Дягилеву тогда удалось заполучить самых лучших живописцев.

Почему, например, к нему пришел Пикассо? Не только потому, что его жена, Ольга Хохлова, танцевала в этой труппе. Пикассо понимал – каждый день в театре тысяча человек видят его искусство. В какой галерее это возможно?

Меня эта выставка тогда совершенно очаровала своими красками, мне захотелось иметь эти работы у себя, видеть их каждый день. Но я был студентом, жил на стипендию, которую Оксфорд выделял для беженцев из стран Восточной Европы. Потом я переехал в Нью-Йорк, влюбился, женился на Нине (Нина Жорж-Пико, дочь французского посланника в ООН. – *Прим. авт.*), и мы развили бурную детективную деятельность. У нас было две зарплаты – моя, инженера-геолога, и ее – журналиста, на одну мы жили, на другую – собирали. Мы отыскивали имена русских художников в старых театральные программах и афишах, потом – в телефонных книгах.

⁷⁶ «Story» январь-февраль 2016 г.

Находили детей, братьев, сестер, друзей, любовников и любовниц... И что оказалось? Племянницы Льва Бакста хранили его работы в квартире, а за вещанное племяннику они сложили на балконе. И очень много костюмов и декораций было повреждено.

Родственники их отдавали?

Нет, обычно продавали. Только одна из племянниц Бакста кое-что мне подарила, а дочь художника Бориса Билинского вообще предлагала все даром – 60 лет тому назад эскизы никому не были нужны и стоили пять долларов максимум. Дочь Билинского я все-таки уговорил взять деньги, потому что по закону, как бы ни была мала плата, даже один рубль является сделкой. Вначале мы не думали о коллекции – мы хотели жить в окружении красивых вещей. Как ни странно это звучит, я с ними общаюсь. У меня в кабинете висят эскизы, и каждый раз, когда я смотрю на них, я разговариваю с Челищевым, с Львом Бакстом, с Ларионовым. Рассказываю, как приятно было познакомиться с их близкими, побывать у них в гостях. Тогда в домах русских эмигрантов пили очень много чая, и нужно было иметь мощный пузырь – иначе приходилось с чаем расставаться, а это нарушало разговор. Но я к этому привык, потому что работал в Кабуле, а там принято было выпивать по 7–10–12 чашек чая. Впечатления от походов к художникам я старался записывать. Однажды в Париже разыскал госпожу Пуни (К.Л. Богуславская-Пуни, вдова художника И.А. Пуни, живописца, графика. – *Прим. авт.*). Она курила сигары, а над ее кроватью висело огромное фото футболиста. Мадам Пуни увлекалась футболом и уговаривала меня пойти с ней на матч, но я отказался – я предпочитаю хоккей. Я купил у нее одну очень хорошую работу за сто долларов (это была треть моей зарплаты), но вначале мы торговались. Когда я уже уходил, она позвала меня обратно и согласилась, потому что ей нужно было давать деньги футболистам.

Она спонсировала команду?

Не совсем. Я думаю, что людям «зрелого» возраста очень трудно дает интимность с молодыми людьми и приходится их заинтересовывать не только духовно... Но тогда я был молод, наивен, у меня были предрассудки, и я опубликовал впечатления от своего визита в «Русской мысли». Потом друзья госпожи Пуни писали в газету письма и укоряли: «Как это можно! Какой ужас!».

А потом нашей идеей стала пропаганда русского искусства. Мы организовали около 50 выставок только в США, а еще в Японии, Франции, Канаде, Бельгии, Германии. Причем в те времена, когда еще шла холодная вой-

на, и отношение ко всему русскому было ужасное. Но, к счастью, и тогда, и сейчас в России было и есть много привлекательного. И прелестного. Было на что смотреть и чем наслаждаться. В те времена мысль, что эти произведения вернутся в Россию, мне и в голову не приходила. Это было нереально! (Большая часть коллекции Лобановых-Ростовских в 2008 г. была продана в Санкт-Петербург, Международному благотворительному фонду «Константиновский». – *Прим. авт.*) Когда комиссия по покупке собрания приехала его рассматривать, они сказали, что это не просто собрание, а готовая экспозиция – музей в музее. Это важно, потому что есть прекрасные собрания русского искусства – у французского слависта Рене Герра, например, чудесные картины, они выставлялись в 1990-е в Третьяковской галерее, но там нет идеологической базы.

А у Вашей, Вы думаете, есть?

Я не думаю, я в этом уверен. Вначале мы собирали спонтанно – то, что красиво, визуально привлекательно, что отличается от передвижников, которые для нерусских людей скучны. Но потом искусствовед Джон Боулт мне подсказал – нужно собирать систематически. Всех художников, которые участвовали в антрепризах Дягилева, плюс тех, что занимались авангардной сценографией.

А это, между прочим, уникальное явление. Нигде такого не было, чтобы новейшие течения живописи воплощались на сцене – как, например, супрематизм Малевича в занавесе «Победы над Солнцем». Во всем мире сценография была ремеслом, а в России в театре работали самые яркие живописцы. Все семь течений русского авангарда были представлены на сцене! Художники работали сначала в императорских, потом в государственных театрах.

Начиналось это еще с Саввы Мамонтова, а позднее, когда распалась школа Малевича в Витебске, у них не было прописки, чтобы работать в Ленинграде. Они не были трудящимися! И тогда Чехонин прописал их рабочими на завод (Ломоносовский фарфоровый завод в Санкт-Петербурге. – *Прим. авт.*). И вся эта плеяда – Шагал, Малевич, Кандинский рисовали там тарелки за паек.

Л. Бакст. Эскиз костюма вакханки к балету «Нарцисс» А. Черепнина, 1911 г.

Ну да, знаменитый агитфарфор. Радость коллекционеров и музеев. Вы подарили фарфор Музею личных коллекций в Москве. А как Вы вообще выбирали, кому и что дарить?

Я не выбирал. Дарил наугад. И не всегда брали. Хотел подарить американскому музею в Филадельфии картины Александры Экстер, они поблагодарили и отказались. Сказали – мы не знаем такого художника. А я в Нью-Йорке общался с близким другом Экстер, киевлянином Лиссимом, который знал о ней больше, чем кто-либо вообще. Сейчас ее полотна стоят по 600–800 тысяч фунтов. У меня много было интересных встреч. Познакомился с Николаем Александровичем Бенуа, сыном Александра Бенуа, тоже художником. Это был изумительно приятный человек! У нас была переписка, писал он подробно и всегда по существу. И всю коробку с этими письмами, которые хотел опубликовать, я потерял!..

У Николая Бенуа в «Ла Скала» была огромная мастерская, он там провел 30 лет, был там «царем». (С 1937 по 1970 г. Н.А. Бенуа – директор постановочной части театра «Ла Скала» в Милане. – Прим. авт.) Однажды он сказал, что «Ла Скала» ставит «Петрушку» И. Стравинского в новых декорациях. «Зачем? – спрашиваю. – У Вас же есть отцовская сценография 20-ти летней давности?» – «Ах, она устарела!» – «А Вы бы продали эти костюмы и декорации за 5000 долларов?» – «Почему бы и нет? Старые мы все равно выбрасываем». Мы ударили по рукам, и все было отправлено в Нью-Йорк. И знаменитый хореограф Роберт Джоффри, с которым я тогда сотрудничал, поставил «Петрушку» в сценографии Александра Бенуа!

А где сейчас эти костюмы и декорации?

Полагаю, в собственности балетной компании Джоффри.

Жалко. И коробку с письмами Бенуа жалко. А у частных коллекций бывают неудачные судьбы? Когда они просто рассеиваются и на оригиналы негде посмотреть?

А. Экстер. Эскиз костюма к спектаклю «Дама-невидимка», 1921 г.

А. Веснин. Обложка программы к спектаклю «Федра», 1922 г.

Н. Гончарова. Афиша Ночного гран-бала, 1923 г.

Я знаю историю собрания Сержа Лифаря, который присвоил после смерти Дягилева часть его коллекции и сам собрал немало ценностей – он хорошо «зарабатывал ногами». Граф Полиньяк, который в Монте-Карло заведовал финансовыми делами князя Ренье, предложил Лифарю за его собрание долгосрочный аккредитив на миллион долларов. Я тогда состоял в оргкомитете по покупке и уговаривал его продать – это было хорошее предложение. Банк через год эти деньги бы выплатил. Сделка была готова, и уже собирались переоборудовать здание рядом с «Кафе де Пари» в Музей костюма и танца, который хотела основать принцесса Грейс. И Лифарь не согласился! Я думаю, что на этом настояла его супруга, графиня Лилиан Алефельдт, с

которой он жил последние 30 лет. Она хотела получить всю сумму сразу, а ее нужно было еще собрать. Как результат – аукционы в Париже, Монте-Карло и Лондоне, и коллекция разрозненна. Вот так жалко все закончилось. А Лифарь был сверходаренным. На сцене – сам произведение искусства. Дягилев, умирая, поручил ему, двадцатичетырехлетнему, театр, и Лифарь 30 лет служил директором и главным хореографом «Опера Гарнье». Чтобы уцелеть во главе такого театра, иностранцу надо было быть исключительной личностью. О нем ходила, например, такая история. Вокруг здания «Опера» в Париже высокая чугунная ограда, и возле служебного входа всегда стоял жандарм. Лифарь приходит на работу, а новый жандарм его не пускает – он забыл свой пропуск. «Но я Лифарь!» – возмутился директор. «Не знаю такого», – заявляет жандарм. Тогда Лифарь разбегается и перемахивает через ограду. А жандарм восклицает: «Теперь я знаю, кто такой Лифарь!».

Возможно, это легенда, какие ходят о великих людях... Франция считается родиной балета: Людовик XIV сам много лет участвовал в представлениях. А потом все это перешло в Россию, а во Франции совершенно замерло. И Лифарь все воскресил. У него со временем появилась мечта – он очень хотел поставить спектакль в Большом театре! Он предлагал в дар письмо Пушкина Гончаровой за разрешение на эту постановку. Большой театр ему отказал. Он обиделся так, что даже на смертном одре не соглашался ни передать, ни продать это письмо, как его ни уговаривали.

И где оно сейчас?

После его смерти графиня Алефельдт «отомстила» – продала его Советскому Союзу через «Сотбис» за миллион долларов. Это было, когда в Москве в 1988 г. проходил первый и единственный аукцион иностранного аукционного дома. Беспрецедентный. На нем продавались работы русских художников, но иностранные покупатели не платили акцизный налог на вывоз, они платили за покупку «Сотбис», а «Сотбис» расплатился с Министерством культуры этим письмом.

А Вы почему никому не мстите, а, наоборот, все дарите и дарите? Ведь Россия Вам даже не родина...

Моя родина – Болгария, а Россия – отечество. Предки мои тысячу лет жили в этой стране, на этой земле. Мой дед по отцу, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, эмигрировал в Софию, когда там правил царь Борис, а в 1944-м Болгария стала просоветской, и на этом нормальная жизнь закончилась. Я в одиннадцать лет сидел в военной тюрьме, родители тоже – нас арестовали за нелегальную попытку перейти границу с Грецией. Отец бесследно исчез (в 90-е я узнал, что его расстреляли в лагере Пазарджик), мать заставили доносить, ее это убивало, она тяжело заболела. Во мне была огромная злость на просоветский режим. Это чувство было моим главным двигателем. Из тюрьмы я вышел доходягой, но стал чемпионом Болгарии по плаванию брассом – хотел уплыть морем в Турцию. Вырваться в Париж нам с мамой удалось только усилиями ее брата Николая Васильевича Вырубова. Он направил в МИД Франции просьбу выдать его сестре Ирине, моей маме, французский паспорт, вписав меня туда. Паспорт выдали, но болгары нас не выпускали.

Вам помог Ромен Гари?

Да. Заместитель французского посла. Он попросил коллег задержать в Вене болгарские локомотивы, купленные во Франции, а на вопрос болгарского МИДа: «Как насчет наших локомотивов?» – ответил: «А как насчет наших граждан?» И в 1953 г. мы оказались в Париже. Мне было восемнадцать.

Трудности перехода были?

Переход был драматическим! Мы с матерью до этого жили в коммуналке, и два раза в неделю я ходил в турецкую баню. Там вас мужчины с силой трут шерстяной перчаткой, счищая эпидермис. Приехав в Париж к деду, я позвонил лакею и попросил меня помыть. Он меня вымыл, а дед сказал: «Ты как обращаешься с лакеем? Это не его обязанность –

А. Экстер. Эскиз костюма танцующей вакханки, 1916 г.

Николай Галахов. Париж, 1946 г.

тебя мыть». Я невинно поинтересовался: «А к кому я должен обратиться?» – «Да сам мойся», – был ответ. Но если серьезно – на меня, конечно, сильно повлияла семья. Мой дед по матери (В.В. Вырубов, в первом составе Временного правительства – товарищ министра внутренних дел князя Львова. – *Прим. авт.*) в Париже был главой русского «Земгора», помогавшего эмигрантам. Он продолжал жить своей «русскостью». Он не стал гражданином Франции! Оставил себе нансеновский паспорт эмигранта. А когда Германия напала на СССР, он поддержал желание сына Николая, того самого, что потом вызволял нас из Болгарии, воевать с немцами. Половина русского зарубежья тогда полагала, что нужно помочь немцам свергнуть советский режим. А другие считали, что независимо от режима Россия – это отечество и ее нужно беречь как страну.

Во французскую армию Николая Вырубова не взяли, потому что он не был подданным Франции. Он попытался попасть в английскую. Там та же история – нет гражданства. И только когда генерал де Голль объявил призыв в добровольческую армию, удалось в нее вступить. Он сражался, был два раза ранен, прошел всю Африку, и в Камеруне встретился со своим двоюродным братом Николаем Галаховым. И был сложный момент – Галахов отказался воевать на стороне де Голля. Он считал, что немцы правильно делают, что свергают коммунизм. После войны двоюродные братья продолжали общаться. И я однажды спросил – а как? у вас ведь противоположные взгляды? Николай Вырубов ответил, что, хотя он не согласен, он уважает точку зрения своих близких, а без них был бы совершенно одинок. Или вот, Любомир Левчев, главный редактор литературной газеты, человек, очень близкий к дочери диктатора, член ЦК Болгарской компартии. Я – бывший зэк, сидевший. Левчев в 1970-е демонстративно поддер-

живал дружбу со мной. Ему за это попало: диктатор сослал его на завод – исправляться.

Какой диктатор?

Тодор Живков, самый долго задержавшийся генсек. Он хотел, чтобы Левчев приобщился к рабочему классу. Что забавно – работать ему там не дали. Директор фабрики сказал – не мешайте, сидите в комнате, к станку даже не подходите, все равно ничего не умеете. Левчев меня приглашал в Дом литераторов, где присутствовали члены ЦК КП Болгарии – они хотели быть поближе к писателям. Что удивительно, они обращались ко мне в звательном падеже, который из русского языка уже ушел: «Княже».

Литераторы, бывало, тоже хотели быть поближе к власти. Те же Брики...

С их родственниками у нас связан один тяжелый момент. Моя мать обращалась в письме к Эльзе Триоле, сестре Лили Брик, муж которой, Луи Арагон, был членом ЦК Французской компартии. Это было уже после ареста – мама просила помочь нам выбраться из Болгарии. Эльза ей ответила, также в письме – Вы должны быть счастливы, что живете в социалистической стране и Вам незачем переезжать на Запад. Спустя много лет Коммунистическая партия Франции все-таки оказала мне услугу. У Саломеи Николаевны Андрониковой был ее портрет кисти Зинаиды Серебряковой. И она очень хотела, чтобы портрет попал на ее родину, в Тбилиси. Это было ее завещание. После ее смерти я писал в Министерство культуры – нет ответа. Писал в Тбилиси, в музей – молчание. Тогда я обратился к члену Французской компартии Мари-Клод Вайян-Кутюрье – помогите! Саломея Андроникова была в эмиграции известна как человек абсолютно левых взглядов, она всегда была за Советский Союз! Цвет грузинской интеллигенции, любовница Цветаевой. Очень необычная женщина. И только после этого письма меня вызвали в Москву, и портрет оказался в Тбилиси. Это иллюстрация того, как трудно возвращать культурные ценности на родину.

Но Вы же возвращаете?

Хочу умереть бедным человеком. Когда летаю в Москву, привожу по 75 килограммов артефактов. Из аэропорта все грузовиком отправляется прямо в Ростов. Там мне выделили купеческий дом, его будут реставрировать, а в 2018 г. откроется музей. Если, конечно, спустя сто лет после переворота опять что-нибудь не случится.

Редакция выражает благодарность за организацию встречи с Н.Д. Лобановым-Ростовским Елене Захцер.

Никита Лобанов-Ростовский
«Я хотел бы многое изменить...»⁷⁷

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, потомок великого княжеского рода Рюриковичей, никогда не жил в России.

После революции его родители, скрываясь от преследований советской власти, вынуждены были бежать за границу и обосновались в Болгарии, где и родился Никита.

Но на этом бедствия и страдания, обрушившиеся на семью «белых» эмигрантов, не прекращаются. Пережив бомбежки Второй мировой войны, Лобановы-Ростовские вскоре вновь вынуждены искать убежища – на этот раз после прихода в Болгарию советских войск. Найти кров в Греции не удастся: семья, включая 11-летнего Ни-

киту, арестована, перевезена в Болгарию и брошена в тюрьму.

Никита выходит на свободу через год, еще через полгода освобождают его мать, еще позже – отца, который вскоре будет похищен болгарскими органами госбезопасности и расстрелян в лагере смертников. Новая жизнь для Никиты начинается только в Париже, куда он в 18 лет переезжает с матерью и где живет в окружении близких людей. Молодой человек решает изучать геологию в Оксфорде и отправляется в Англию. Когда ему исполняется 21, умирает мать. Никита полностью погружается в учебу. Посетив в Лондоне выставку, посвященную «Сезонам русского балета» Сергея Дягилева, знакомится с русским театрально-декорационным искусством, коллекционированию которого посвятит всю жизнь.

Впереди у него будут учеба в университетах Нью-Йорка, разведка нефти в Патагонии, поиски ргути в Тунисе и на Аляске, работа на алмазных

⁷⁷ Анонимно. Журнал «Знание», 12 ноября 2015 г.

Справа: Никита Лобанов-Ростовский и руководитель Образовательного центра «Знание» Айна Мамаева. Посольство РФ в Лондоне

рудниках в Калахари, обширная банковско-финансовая деятельность и знакомство с исторической родиной.

Геолог, банкир, консультант, коллекционер, меценат князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – сегодня в гостях у «Знания».

Никита Дмитриевич, мы удивлены, что Ваша биография еще не стала темой какого-нибудь психологического триллера. Как Вам удавалось переносить тяготы судьбы, обрушившиеся в молодости, что вдохновляло и придавало силы?

Главные убеждения, которые вдохновляли и придавали силу в борьбе с теми тяготами судьбы, которые я пережил в молодости (1940–1950-е годы), были связаны с желанием изменить образ жизни. Во-первых, меня вдохновляла идея убежать из коммунистической Болгарии и обосноваться на «гнилом Западе». Во-вторых, для осуществления этого желания, развития необходимых воли и силы я начал усиленно заниматься спортом, в результате стал чемпионом Болгарии по плаванию на 100 и 200 метров брассом. В-третьих, планируя включиться в ряды трудящихся на «отсталом» Западе, я, как и все мои друзья, усердно учился, закончил гимназию с отличием. Это помогло мне беспрепятственно быть принятым в Сорбонну, а затем в Оксфорд.

Сохранились ли у Вас воспоминания о детстве? Что вспоминается больше всего?

Самые яркие воспоминания детства (1930–1940-е годы) – это война и походы по изучению геологии. Софию, столицу Болгарии, ежедневно бомбили союзники: днем – американские самолеты Б-14, прилетавшие со своих

Посольство РФ в Лондоне

правляясь в более далекие поездки, собирали образцы руд. Нахождение кристаллов было для нас одним из высочайших удовольствий.

баз в Ливии, а ночью – англичане. Впечатляли не только взрывы бомб, но и шум, производимый немецкими пикирующими бомбардировочными самолетами Юнкерс-87 «Штука» – они дико выли, что действовало на психику людей. Из самолетов больше всего падали американские. Мы с друзьями следили, куда они упадут. А после бомбежки бегали собирать алюминий, который потом продавали по килограмму. После войны, в 1945–1953 гг., мы с друзьями увлекались геологией и во все свои выходные ходили в горы, где в пегматитовых жилах выискивали кристаллы: турмалины, кварцы и аметисты, – а, от-

Какие люди, события, страны оказали влияние на Ваше мировоззрение, стиль жизни?

Многие люди помогли мне своим примером и советом. В детстве это был академик минералогии Иван Костов и директор аквариума в Варне профессор Вылканов. Несомненно, та толика добра, что во мне есть, – это от мамы, глубоко религиозного человека. Положительным взглядам на жизнь я обязан отцу. Помню, когда мне было пять лет, я построил у нас во дворе хижину из снега и очень был этим горд. На следующий день мальчишки со двора ее разрушили. Увидев меня расстроенным, отец сказал мне: «Да, Никита, очень жалко, что то, что ты создал своим трудом, было разрушено. Но суть дела – это то, что тебе удалось построить хижину, и этот опыт уже никто не сможет у тебя отнять». Терпимости я учился у брата моей матери Николая Вырубова, который был героем французского Сопротивления и пять лет воевал рядом с де Голлем. Как известно, во время немецкой оккупации русская диаспора по различным причинам была разделена на тех, кто сотрудничал с немцами (коллорационисты), и тех, кто был против. Я спросил дядю, как он мог оставаться в дружеских отношениях с родными и знакомыми тех людей, против кого он сражался всю войну. Он мне ответил, что, несмотря на то, что он не разделял их идеологию, у него с ними было много общего, а это куда более важно, чем разноречия.

В Оксфорде был сэр Исайя Максимович Берлин. Как-то за ужином он мне сказал, что для того, чтобы преуспеть в жизни, нужно очень усердно учиться

и что в Оксфорде это достаточно трудно делать. Находясь среди сверстников и огромного количества развлечений, нормальная тенденция для молодых людей – общаться, развлекаться, выпивать, покуривать. Чтобы не отвлекаться, нужно потерять часть друзей, закрыться у себя в комнате и зубрить, пренебрегая соблазнами университетской жизни. Поскольку я услышал подобное из уст самого известного в те времена русского философа мирового ранга, это не могло не впечатлить. Я последовал его совету.

А свой стиль жизни я сформировал в семейной среде – перенял от дедушек, родителей, дяди, которые все без исключения были порядочными, деловыми и глубоко русскими людьми.

Будучи русским по происхождению, Вы родились и выросли за границей. Насколько долгим и тернистым был для Вас путь возвращения на историческую родину, процесс понимания происходящих там событий и перемен?

Поскольку я не вернулся жить на историческую родину, мне не пришлось испытывать трудности при приспособлении к иному стилю жизни. А будучи ростовщиком и одалживая деньги СССР в 1960–1970-е годы, мне необходимо было профессионально понимать происходящие там события и перемены.

Станет ли Россия когда-нибудь для Вас родной?

Нет. По определению Россия не может быть моей родиной или родной для меня, поскольку я там не родился.

Зато она – мое отечество, в борьбе за благосостояние которого мои предки участвовали 900 лет.

Если бы Вы были президентом России, что бы Вы изменили там прежде всего?

Если бы я был президентом России, моя цель была бы привести страну на то место в мире, которое она заслуживает, и сделать это через благосостояние своего населения и развитие науки и экономики. Увы, демократическим способом эти цели невозможно осуществить. Для начала нужно избавиться от коррупции, которая является одним из самых сильных тормозов экономического развития. А это нужно России для того, чтобы иметь средства на существенное повышение качества образования; увеличение пенсий непроизводительной части населения, где сегодня 100 рабочих мест содержат 120 пенсионеров; введение законов, которые дадут возможность предпринимателям развить сельское хозяйство и индустрию, чтобы сделать страну независимой от импорта продуктов питания и пре-

Н.Д. Лобанов с супругой Джун на Оксфордско-кембриджской регате на Темзе, 2014 г.

С сэром Питером Устиновым в роли Дягилева. Лугано, 1980 г.

вратить ее в экспортера промышленной продукции, нежели просто сырья. Это все приведет к уверенности населения в будущем благосостоянии страны. Принятие подобных мер приостановит утечку капитала из России и будет способствовать развитию местной экономики.

В Вашем роду были знаменитые российские генералы, коллекционеры. Вы не пошли по военной линии, но с молодых лет стали собирать коллекцию произведений русского театрально-декорационного искусства середины XIX–начала XX в. Чем был обусловлен этот выбор?

На мой выбор объектов коллекционирования повлиял театральный критик Ричард Бакл. В январе 1954 г. он организовал в Лондоне выставку, посвященную Дягилеву. Я только что поступил в Оксфорд, и моя крестная мать Екатерина Ридлей, внучка графа Бенкендорфа, последнего посла русского царя в Англии, повела меня на эту выставку. Тогда я впервые увидел живопись Бенуа, Бакста, Гончаровой, Ларионова, всех 22 художников, которые работали на проекты Дягилева. Мне захотелось иметь такие же картины у себя дома.

Как Вы считаете, почему произведения русской живописи того времени менее популярны у коллекционеров вне России по сравнению с иконами, театрально-прикладным искусством?

Дело в том, что в мировом контексте русское искусство имеет три направления, которые пользуются бесспорным уважением и интересом: иконы по причине их изумительного качества, духовности исполнения и живописности; авангард 1910–1920-х годов из-за своего новаторства; и театральная живопись благодаря своей уникальности и качеству, ибо в период ее расцвета с 1890 по 1930 г. все выдающиеся художники России работали для сцены. В результате главные новаторские произведения в живописи того времени были созданы для сцены или же получили воплощение в театре. А почему остальная русская живопись не имеет спроса у коллекционеров вне России? С одной стороны, ее мало знали и знают, а с другой стороны, есть большое

количество живописцев в Европе, которые по качеству не уступают русской живописи XVII–XIX вв. и в большинстве случаев его превосходят.

Что бы Вы посоветовали тем, кто мечтает стать коллекционером?

Для обычного человека, без избытка средств, я бы посоветовал подыскать отрасль, которая в данный момент не в моде. Это означает, что предметы будут стоить относительно недорого. В живописи традиционно сюжеты, связанные с войной или религией, ценятся меньше, чем красивые пейзажи, сюжетная живопись. Также есть этническое прикладное искусство тех стран, которые пока не вошли в моду. Но, конечно, главное – это должно коллекционеру нравиться, чтобы жить в гармонии с тем, что он приобретает.

Оглядываясь в прошлое, что хотелось бы изменить? И, заглядывая в будущее, что Вы хотели бы успеть осуществить?

Да, я хотел бы многое изменить: ужасные переживания в тюрьме, расстрел отца, гибель матери, моральное унижение от жизни при коммунистическом строе. Мне за 80 лет. И я хотел бы осуществить те проекты, которые начал реализовывать в последние пять лет: создание Национальной портретной галереи в Москве, возрождение Дома-музея Лобановых-Ростовских в Ростове Великом, возведение Памятника Примирения в Крыму. Идея возведения памятника связана с воссоединением Крыма с Россией и необходимостью консолидации российского общества, что очень важно для меня и других представителей потомков первой волны эмиграции, переживших ужасы Гражданской войны, казни родных и близких без суда и следствия, тюремные сроки и, как «счастливый» финал, изгнание из родного Отечества. Но я убежден, что без терпимости, примирения и покаяния не может быть народного единства. Крым был последним кусочком русской земли, откуда и началась история русской «белой» эмиграции. Памятник, по нашему убеждению, должен быть сооружен на средства, собранные по доброй воле россиян, живущих как в России, так и за ее пределами.

Н.Д. Лобанов на VII форуме Российских соотечественников в Великобритании, 2015 г.

Н.Д. Лобанов и ректор Академии Вагановой Н. Цискаридзе с ученицами Академии

Памятник предполагается установить в одном из четырех городов: Керчи, Евпатории, Феодосии или Ялте. Уже создана специальная рабочая группа. В 2016 г. планируется провести открытый конкурс на скульптурное решение Памятника Примирения и общественное обсуждение проекта и места его возведения в 2017 г. в День народного единства 4-го ноября.

Князь по судьбе Никита Лобанов-Ростовский. Призвание: меценат⁷⁸

Текст подготовил Владимир Хутарев-Гарнишевский

Глава города Ростова Константин Геннадьевич Шевкопляс и князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский 17 мая 2013 г. на торжественном открытии выставки «Дар князя Н.Д. Лобанова-Ростовского Ростовскому музею»

«Россия. Наследие» встретился с одним из крупнейших русских хранителей, коллекционеров и меценатов князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. Потомок древней русской династии Рюриковичей, родившийся в эмиграции и сделавший карьеру ученого и банкира, Никита Дмитриевич собрал уникальную коллекцию русского искусства 1880-1930-х годов. Большая ее часть была передана отечественным музеям.

Россия. Наследие: Ваш интерес к русскому культурному наследию – это семейная черта? Один из авторов «Проекта правил о сохранении древностей» 1877 года был князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Он же руководил Комиссией по составлению проекта. Одним из предложений тогдашней Комиссии было деление империи на археологические округа, состоявшие из нескольких губерний. Применимо ли сейчас такое деление, учитывая географические особенности архитектурного наследия? В состав отделов Комиссии о сохранении исторических памятников должны были кроме чиновников входить представители местных археологических обществ и известные ученые. По Вашему мнению, насколько эффективно участие научной общественности в вопросах управления и сохранения наследия.

⁷⁸ Федеральный мультимедийный проект Министерства культуры РФ «Россия. Наследие», №3, 29 февраля 2016 г. С. 102–109.

Никита Лобанов-Ростовский: Мой интерес к культурному наследию основан на моем причастии к русской культуре и осознании, что без сохранения культурного наследия и его представления перед мировой общественностью, Россия многое теряет. Россия теряет, не достаточно хорошо зная своего прошлого и не пропагандируя его за рубежом. Является ли мой интерес семейной чертой или нет – возможно, вопрос совпадения. Деление РФ на археологические округа считаю на данный момент неуместным, ибо администрация таких округов вряд ли будет совпадать с делением страны в Министерстве культуры, от кого археологические объекты зависят. Участие научной общественности в вопросах управления и сохранения наследия абсолютно необходимо. Но в нынешней России общественное мнение мало влияет на такую деятельность. И многие инициативы в этой сфере за последние 20 лет мало к чему привели. В директивной стране, где большинство расходов на культуру идет из бюджета, все решения исходят от министра культуры на основании данных ему указаний и ассигнованных средств. В такой ситуации места для общественного мнения очень мало.

РН: *Вы принимали активное участие совместно с князем А.А. Трубецким в работах над памятником героям Первой мировой войны. Сейчас Вы участвуете в работе Комиссии по установке Памятника Примирению. Каким он, по Вашему мнению, должен быть? Как монументальная скульптура может повлиять на мировоззрение обывателей, и способна ли она это сделать в принципе?*

НДЛ-Р: Да, монументальная скульптура будет постоянно влиять на мировоззрение жителей, как и на приезжих. А обыватели со временем примут идею примирения как единственный путь к собственному благополучию, подобно тому, как это совершилось в Испании при генерале Франко, а затем при Нельсоне Манделе в Южно-Африканской республике, и при Тони Блэре в Северной Ирландии. Памятник Примирения в Крыму должен быть монументальной скульптурой, влияющей, как и на жителей, так и на туристов. Для этого я предлагал воздвигнуть статую (подобную статуи Свободы в Нью-Йорке) у конца моста в Керчи, которую каждый въезжающий и уезжающий мог бы увидеть. Правительством Крыма уже получено четыре письменные заявления от разных городов Крыма, каждое из которых убедительно объясняет, почему памятник должен стоять у них. Среди них и Керчь!

РН: *Общеизвестны Ваши дары музею Ростовского Кремля, Отделу личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина. Расскажите, что подвигло Вас передать часть своей коллекции провинциальному российскому музею, как*

происходило сотрудничество с местными властями и администрацией музея? Как Вы в целом оцениваете современное российское меценатство по сравнению с дореволюционным? Каковы движущие мотивы мецената в его благотворительной деятельности? Каково соотношение имиджевых, экономических и культурных стимулов для меценатства?

НДЛ-Р: Причина для моего дара свыше 1000 экспонатов музею Ростовского кремля связана с моим именем. Мои предки княжили в Ростове. Было логично перевести туда содержание Дома-музея Лобановых-Ростовских из Филевского парка в Москве, откуда городское правительство мне предложило выселиться. У меня не было сотрудничества с местными властями, а только с администрацией музея. Изначально директор Н.С. Каровская и хранитель Е.В. Ким относились конструктивно и благожелательно к моему дару и даже подобрали купеческий дом Шлякова по ул. Пролетарской для размещения части моих даров. Дом недостаточно велик для размещения того, что я им подарил и продолжаю дарить. И, несмотря на то, что Министерство культуры одобрило проект его реставрации в начале 2015 г., из-за отсутствия желания у дирекции Ростовского кремля ускорить процесс реставрации и по сей день не началась, и неизвестно, начнется ли. Нет письменных указаний на то, когда она начнется и в какие сроки пройдет. Не ясно как, в конечном итоге, дом будет выглядеть. Сплошное молчание. Мне трудно быть меценатом в России. Меценатство в России незначительно развито по сравнению с дореволюционной эпохой и со странами Европы и Америки. Частично это объясняется тем, что государство недостаточно поощряет меценатство. По нынешним законам России, меценат может списать с налогов только 2 % со стоимости дарения музею, а государственная компания 1 %, в то время как в США меценаты могут списывать 80%. В отличие от России, ввоз искусства в США никогда не облагался налогами. В результате в стране, которой всего лишь 240 лет, скопилось диспропорциональное количество культурного наследия всех стран. Благотворительность в США в области культуры в два раза превышает ассигнованный на культуру госбюджет.

Так что же делать? Конечно же, повысить процент списывания с налогов за дарение музеям. Отменить налог на ввоз произведений искусства из-за рубежа, при этом, безусловно, сохранив контроль за ввозом в виде обязательного декларирования. Конечно, необходимо более активно привлекать на работу в МИД высокопрофессиональные кадры из культурного сообщества. Это позволит более эффективно доносить до зарубежного зрителя русское искусство.

Однако далеко не всех потенциальных меценатов можно в принципе мотивировать снижением налогов. Устремления многих из них проистекают

из более благородных мотивов, чем материальная выгода. Я считаю чрезвычайно перспективным (и при этом абсолютно не требующим никаких расходов) создание гражданского звания, являющегося официальным признанием заслуг гражданина. Почему мы считаем правильным, когда за заслуги в искусстве самые достойные получают звание Народного артиста или Народного художника, но никто не слышал о подобном поощрении труда коллекционера или мецената, передавшего свое собрание или свое состояние государству.

Таким бы званием могли бы стать «Меценат Москвы» или любого города, а также и «Заслуженный меценат России». В 1900 г. за свою благотворительную деятельность Александр и Василий Бахрушины были награждены званием Почетного гражданина Москвы. До этого такой чести был удостоен Павел Михайлович Третьяков.

***РН:** Частные коллекции являются не только успешным вложением денег или реализацией культурных интересов коллекционера, но и частью национального достояния. Они экспонируются наравне с государственными собраниями. Понимают ли это частные коллекционеры? Каким должно быть взаимодействие между частными коллекционерами и государственными музеями? Как Вы в целом видите особенности развития частного музейного дела в России и в странах Европы?*

***НДЛ-Р:** Во времена светлого прошлого, в 1950–1980-х годах, в СССР были коллекционеры. Немного – где-то 20 в Москве, 10 в Ленинграде и 6 в Киеве. Это были рядовые советские люди, жившие на зарплату и собирающие искусство как жизненную необходимость. А немногие из них, спасая шедевры от уничтожения властью (Костаки и Вишневский). Никто из них не мог и думать об успешном вложении денег, ибо рынка на искусство в СССР не было. После распределения национального достояния среди немногих в России оказались люди с огромным количеством наличных, которые некоторые из них начали именно вкладывать, закупаая живопись. Большинство из них – накопители произведений искусства, а не систематические коллекционеры. Зато они располагают гораздо большими средствами, чем любой государственный музей в стране. В результате мы видим появление частных музеев разного содержания, а также и выставление частных владений наряду с музейными как в России, так и за рубежом. <...>*

Взаимодействие между частным коллекционером и государством началось в 1994 г. Илья Самойлович Зильберштейн предложил создать Музей личных коллекций, обещав подарить свою коллекцию свыше 3000 экспонатов. Министерство культуры одобрило его предложение, оформив музей как филиал ГМИИ им. А.С. Пушкина по адресу – Волхонка, 14. Это был уникальный

музей, потому что даритель получал пространство в музее пропорционально своему дарению. Дарение не облагалось налогом, как это было в Лувре, и за него не взимались денежные дотации на содержание дара, как это делается в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Идея этого музея превзошла самые оптимистические ожидания и музею пришлось перекочевать в новое более обширное здание на Волхонке, 10. Увы, будущее музея не перспективно, ибо его основная часть превращена в склад экспонатов ГМИИ им. А.С. Пушкина. Это вряд ли будет способствовать взаимодействию рядовых частных коллекционеров с Музеем личных коллекций в Москве.

Развитие частного музейного дела в России и в странах Европы имеет большие перспективы. Беспрецедентное накопление наличных в России в результате приватизации государственной собственности, а в Европе в связи с многочисленными изобретениями, связанными с интернетом, привело к приобретению шедевров мирового искусства частными лицами. А это, как и в прошлом, ведет к созданию частных музеев, хозяева которых в России со временем, я надеюсь, передадут их в городскую или государственную собственность и этим обеспечат выживание музея.

РН: *От князей Лобановых-Ростовских в России осталось значительное архитектурное наследие: дома, дворцы, усадьбы. Посещаете ли Вы их, знакомы с проблемами этих памятников? В какой форме потомки дореволюционных владельцев нынешних архитектурных памятников могут участвовать в их судьбе? Каковы Вы видите основные тенденции и проблемы в сохранении наследия в современной России?*

НДЛ-Р: Самое значительное архитектурное наследие Лобановых-Ростовских – это дворец в Петербурге возле Исаакиевского собора по адресу Адмиралтейский проспект, д. 12, так называемый «дом со львами» А.Я.

Н. Лобанов на кухне Дома-музея Лобановых-Ростовских в Филевском парке. Москва, 2001 г.

Лобанова-Ростовского. А также и дом А.И. Лобанова-Ростовского на ул. Мясницкая, 43, в Москве. Я посещаю дворец в Петербурге, который ныне превращен в гостиницу «Четыре сезона». Мне было предложено участвовать в оформлении интерьера гостиницы. От этого предложения мне пришлось впоследствии отказаться, ибо нынешние хозяева достроили 5-й этаж, нарушив архитектурный ансамбль Монферрана. Часть интеллиген-

ции Петербурга восстала против этой надстройки, но безрезультатно. Когда хозяева гостиницы надеялись заполучить мою помощь с интерьером, они развесили в свите Лобанова на 2-м этаже театральные эскизы Бакста и портреты царской семьи, которые висят там по сей день.

Потомки дореволюционных владельцев архитектурных памятников уже участвуют, в редких случаях, в реставрации этих объектов и в их судьбе. К примеру, 14-го декабря, вместе с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, депутатом Общественной палаты РФ и членом правления Национального фонда «Возрождение русской усадьбы», мы посетили Е.Д. Григорьева, председателя комитета по внешним связям Санкт-Петербурга и его команду в Смольном. Мы предложили Петербургу воссоздать Музей дворянского быта, который размещался в Юсуповском дворце с 1919 по 1925 г., и был восстановлен частными средствами в 1997 г., но просуществовал только пять лет. Имея такой музей, потомки эмигрантов могли бы при желании передавать в него то, что они унаследовали от своих отцов и дедов. Аналогичная ситуация обстоит с возможным созданием Музея балета в Санкт-Петербурге в подходящем пустом и отремонтированном здании на участке Академии танца Бориса Эйфмана. В Европе и Америке есть огромное количество дягилевского наследия, которое ежегодно появляется на аукционах, где потенциальные дарители могли бы приобретать подходящие реликвии, находящиеся за рубежом.

***РН:** Вы родились, выросли и сделали карьеру в эмиграции, но являетесь гражданином РФ и активно участвуете в общественной жизни страны. Что для Вас значит историко-культурное наследие России, какую роль оно может сыграть в развитии страны и может ли?*

***НДЛ-Р:** Историко-культурное наследие России для меня воплощается главным образом в портретах. Посему я предложил создать современный Музей портрета – Национальную портретную галерею в Москве – на уровне туристического объекта международного уровня, социокультурного и образовательного центра. Через портреты, биографии и судьбы поощрять восприятие и достоинства тех личностей, которые создавали и создают историю и культуру России. Слово «национальная» – ключевое слово в понимании основной общественной функции этого института. Всем народам без исключения нужен свой портрет – лицо нации; изображения людей, которые внесли вклад в историю, развитие и культуру народов. Это – народные герои, монархи или президенты, политики, князья и воины, музыканты, писатели, спортсмены, ученые и педагоги, святые и юриды. Главный критерий существования любой национальной портретной галереи – это история и общественный статус оригинала изображения.*

Искусство портрета как жанра или критическая художественная оценка экспоната в данном случае вторичны.

Целей учреждения НПП несколько. Во-первых, это создание положительного образа великой России, объединяющего в себе героическое прошлое, многовековой опыт содружества всех народов, преемственность традициям служения Отечеству и портретно-биографический раздел выдающихся личностей, внесших значительный вклад в укрепление российской государственности и обороноспособности, развитие науки и техники, межнациональных и межконфессиональных отношений, возрождение духовности в обществе. Во-вторых, как инструмент противостояния разрушению подлинных духовных ценностей России. Наконец, это способствовало бы формированию положительного имиджа России за рубежом. В 2016 г. исполняется 150 лет Императорскому Русскому историческому обществу. Одной из основных целей его по мысли Александра II было «содействие русскому национальному историческому просвещению». Мне кажется, эти слова наилучшим образом отражают миссию НПП.

РН: Как Вы видите реализацию проекта Национальной портретной галереи?

НДЛ-Р: Это огромная работа невозможна без поддержки таких людей как Евгений Семенович Табачников, Петр Петрович Шереметев и многих других. Задача – создать современное музейно-биографическое пространство, в котором портреты личностей и биографии объединились в едином информационном проекте «История России в лицах». При нем многоязычный интернет-портал единого Российского портретно-информационного пространства, открывающий широкий доступ к отечественному культурно-биографическому наследию миллионам пользователей в нашей стране и за рубежом.

На этом портале виртуально заковать все существующие портретно-биографические коллекции российских музеев и других учреждений. Национальная портретная галерея – это должен быть некий бренд, под которым бы развивалась современная портретная школа, издавались книги, журнал. Важным разделом музея должен быть по справедливости – «Великие россияне за рубежом». Начало реализации проекта было положено весной 2012 г. выставкой «100 портретов» в Государственном историческом музее. И спустя три года мы видим продолжение. На Общественном совете Минкультуры 9 декабря 2015 г. снова обсуждался вопрос о создании виртуальной Национальной портретной галереи. И сейчас Министерство поручило ГИМ к концу февраля подготовить и представить на утверждение концепцию.

Светлана Тютюнджиева

**Князь Лобанов-Ростовский:
«...это мое Отечество»⁷⁹**

Никита Дмитриевич, в июле Вы показали мне черновик письма президенту Путину, в котором русские аристократы за рубежом считают претензии Марии Владимировны на Российскую корону незаконными. Какова судьба письма?

По неофициальным каналам нам сообщили, что письмо за подписью четырех аристократов было передано в администрацию президента. Официально же на запрос радиостанции «Коммерсант» последовал ответ, что там его не получили. Я лично направил письмо Нарышкину, но и оттуда ответили, что его не получали. Я сначала удивлялся: почему, что и как?! Главный результат был в том, что – те, кто на нас нападали, не знали что делать, потому что они не знали полного текста письма. Письмо до сих пор нигде не было опубликовано. Цитируются только отрывки из него. И остался вопросительный знак. Но как ни странно эта тема в СМИ не замерла и не замирает. Вышло большое радиоинтервью со мной, а затем телепрограмма, которая повторялась шесть раз. Если бы это кому-то не понравилось – то вряд ли было бы возможно, чтобы обсуждение продолжалось.

По Вашему, что послужило причиной предложения о возвращении царских дворцов престолонаследникам ?

По одной из версий депутату из Ленинградской области нужно было такое признание, поскольку в области есть немало романовских дворцов, которые рушатся. Если бы федеральное правительство предоставило по его предложению деньги на реставрацию дворцов, то можно было бы получить «откаты» и сделать на этом состояние. Что вполне вписывается в практику нынешней России.

А если это была проверка реакции общества?

Политический заказ – это второе. Некоторые говорят, что если бы это был политический заказ, то это бы сделал представитель Государственной Думы РФ, а не «местечковый» депутат Ленинградской области. Ясно одно – что в руководстве страны есть люди, которые по одной или другой причине поддерживают Марию Гогенцоллерн. Ее называют Великой княгиней Романовой, а ее сына – цесаревичем. Настолько наглое пренебрежение юридическим фактом: она замужем и разведена с Гогенцоллерном. Так что

⁷⁹ Россия / Русия, София, 30 октября – 5 ноября 2015 г.

уж сын-то зовется Гогенцоллерн, а не Романов. Сейчас накануне перезахоронения тема несомненно будет продолжаться...

По-моему, результаты Вашего письма налицо – после шумихи в Крым приехал легитимный представитель Дома Романовых?

Легитимный представитель Дома Романовых – Димитрий Романович, который побывал в Крыму заявил, что он готов продать свой дом в Дании и купить себе дом за свои деньги в Крыму – это отношение настоящего аристократа и непродажного человека! Вот тут-то и разница с поведением Марии Владимировны. А то, что депутат из Крыма предложил дать ему возможность проживать в Ливадийском дворце – весьма интересное предложение по двум причинам. Одна политическая – если легитимный, выбранный семьей, представитель Дома Романовых поселится в Ливадийском дворце в Крыму – это означает, что политически Романовы согласны с присоединением Крыма к России. Во-вторых, это даст экономический толчок, чтобы народ стремился туда попасть, покупал билеты – и гиды могли бы сказать, что тут живет Романов, в какой-то момент люди могут даже увидеть, поговорить или встретиться с представителем Дома Романовых – как это происходит в английских замках.

Памятник Примирения

Как у потомка Рюриковичей, князя Киевского у Вас были особо близкие отношения с Украиной. А теперь?

Когда-то мне предлагали баллотироваться в гетманы. Явно сейчас отношения не со всеми такие, как они были раньше. У меня есть друзья, которые всегда и, даже в советские времена, были проукраинскими и за это страдали. Тогда Малевича нельзя было назвать украинским художником – все были русскими. Фонд Бурлюка в Крыму был серьезным украинским научным центром. Даст ли новая администрация Крыма культурную независимость местным украинцам, которые там проживают. Так что цель моя в Крыму, как раз с помощью примирения дать возможность тем местным, кто имеет противоречия с русской администрацией – татары, евреи, итальянцы обсудить все – но без их осуждения. Как например, произошло в Южной Африке при переходе от «белой» администрации к «черной» были высказаны все ужасы, которые сотворили «белые», но никого не стали наказывать. Нам – «белым» и «красным», православным и мусульманам нужно обрести гражданское согласие. Памятник Примирения в Крыму может стать символом такого согласия. Явно и президент Путин понимает положительный аспект этого дела, раз он поддержал эту идею.

Первоначально Памятник Примирения предлагали установить на месте памятника Дзержинскому на Лубянской площади...

Да, эту идею высказал в разговоре с Патриархом граф Шереметев и Патриарх одобрил ее, но после нам объяснили, что это невыгодное место. К этому пятачку земли из-за автомобильного движения нет подхода. Была создана правительственная комиссия по созданию Памятника Примирения, я присутствовал на первом заседании комиссии и уже поступило пять писем от разных городов Крыма, которые предложили место для памятника. Проекта самого памятника пока еще нет, как не выбран и скульптор. Я предлагал использовать скульптуру Родена, где ввысь устремлены две руки сложенные в мольбе, однако из-за авторских прав это невозможно. Решено провести международный конкурс. Что касается места – мне кажется это должен быть огромный монумент, чтобы каждый приезжающий в Крым и уезжающий мог видеть его – и это могло бы быть возле будущего моста через Керченский пролив. По этому вопросу я готовлю выступление 4 ноября на Всемирном конгрессе соотечественников в Москве.

Как Ваша позиция по Крыму отразилась на отношении к Вам в Англии?

В Англии эта ситуация с Украиной была для меня тяжелой, еще и потому что я был Почетным председателем Координационного совета соотечественников, а по условиям в него входили все русскоговорящие люди, даже английский пастор. Беда в том, что представитель посольства на нашем заседании высказался в духе: кто не с нами – тот против нас. Он политизировал таким образом нашу организацию. И, например, украинец, международный судья по футболу, который устраивал молодежные матчи – демонстративно ушел. Этот раскол, предполагаю, был и в семьях в России. Все это подтверждает необходимость примирения. Я считаю, что все могло бы произойти иначе – без присутствия военных. В свое время я был на заседании российских соотечественников в Крыму и выступал за независимость Крыма в составе Украины. Как известно, несмотря на то, что это предусматривается Конституцией Украины –

Князь, который в молодости был чемпионом Болгарии по плаванию, около скульптуры пловца в парке имени болгарского царя Бориса III, 2015 г.

крымчанам никогда не позволяли провести референдум. Так что Украина сама привела к этому плачевному результату. В продолжение 20 лет она не давала русскоязычному населению подать прошение на русском языке. Это при том, что в Соединенных Штатах, в штате Нью-Йорк – Вы можете в любой государственный отдел подать прошение на русском языке, например, на автомобильные права. А в Крыму, где 40 % населения составляют русские – не разрешалось. Это явное нарушение постановлений ООН. А масштаб грабежа несчастной Украины поражает. Последний президент украл столько, что мог бы из своего кармана заплатить государственный долг страны – 17 млрд. долларов.

Закат демократии

Вы человек прагматичный, что движет Вами в отношениях с Россией? Желание увидеть ее процветающей державой.

Считаете Россию своей родиной? Отечеством! А родина моя – Булгаристан.

Так и записать – Булгаристан?!

Вы не можете этого не видеть, живя здесь – беженцы везде. Серьезные отряды под видом беженцев направляются во все капстраны, кроме Англии (вне Шенгенского договора), которые готовят потом подпольные акты и исламизацию демократии. Западные демократии постепенно демократическим порядком идут к диктатуре.

Что это значит?

Больше нет права на самовысказывание. Из-за политической корректности в Англии нельзя сказать публично, что Вы против евреев, нельзя сказать, что Вы против исламистов. Тоже самое происходило в 30-х годах в нацистской Германии – парламент постепенно проводил законы, ущемляющие права человека. Это происходит незаметно, но те аристотельские и платоновские основы в отношении прав человека в западных демократиях больше не существуют. И начинается демагогическая власть меньшинства через политику политической корректности.

(К сожалению, часть разговора приходится сократить по причине ограниченной газетной площади.)

То, что СМИ на Западе создают негативный образ России в связи с событиями в Сирии – это ясно, а на уровне обывателя – чем русские раздражают англичан?

Когда читают в газете, что какой-то русский купил себе очередной дом в центре Лондона, а англичане продают из-за больших денег и сходят на нижний уровень – затем это распространяется по вертикали. Так какое может быть положительное отношение?! Правительство предоставляет иностранцам льготы за инвестиции – этим законом пользуются, во-первых – китайцы, а во-вторых – русские, которые выкачивают средства из России. Для правительства Великобритании важно устранить торговый дисбаланс. В результате там сейчас самые дорогие дома и квартиры в мире. Эти детали постоянно оглашаются и отсюда идет общий негативный настрой.

Вы славитесь тем, что высказываете напрямую нелицеприятные истины в лицо и российским чиновникам. На фоне откатов и олигархов – есть ли надежда на положительные изменения во внутренней жизни нашей страны?

Этот вопрос меня очень волнует. Потому что даже президент Путин сказал, что поставлена задача к 2017 г. с 120-го места по уровню коррупции в мире переместить Россию хотя бы на 20-е место. Это значит, что коррупция останется, и она приемлема главой государства, но останется в меньшей мере. Для меня это трагедия, потому что коррупция – один из факторов, который не позволит России в ближайшие несколько лет справиться с экономической мафией. Потому что нужны предприниматели, которые начнут что-то делать: сеять, сажать сады – вместо того, чтобы ввозить яблоки из той же Польши. Чтобы сделать это – нужно верить в свою страну, а русский предприниматель не верит и потому выкачивает из страны средства. Это, во-первых, а во-вторых – местные «откаты», которые влияют на стоимость продукта до 10 % плюс отсутствие банковских кредитов на ставках подобных европейским под 2 % годовых. Да и другие административные препоны практически не позволяют создать бизнес в большом масштабе. Страна, которая посылает ракеты на Луну и собирается на Марс, не продает своих компьютеров и мотоциклов нигде в мире! Вы ездите по миру и ни в Европе, ни в Америке не видите русского товара. А страна имеет все нужные ресурсы, чтобы производить все.

Что же может поднять Россию?

Я думаю, что ухудшение ситуации, которое произойдет через год-два сделает так, что придется всем здравомыслящим министрам правительства начать проводить те законы, которые позволят предпринимателям поднять страну. То, что я Вам говорю известно многим в правительстве, но пока они в меньшинстве.

Ольга Орлова
Князь Никита Лобанов-Ростовский.
Возвращенные сезоны⁸⁰

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский на выставке «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870–1930» в Театральном музее им. А.А. Бахрушина. Москва, 2015 г. / Фото gctm.ru

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – русский князь, лондонский коллекционер, выдающийся благотворитель современности. Почетный член Российской академии художеств, бывший советник аукционных домов Christie's и Sotheby's, попечитель Метрополитен-музея в Нью-Йорке. Подвижник русской культуры, уникальная коллекция которого открыла миру театральную живопись Серебряного века. Плененный ароматом «Русских сезонов», князь Лобанов-Ростовский стал собирателем утраченных шедевров, а его коллекция – настоящим ковчегом русского искусства в эмиграции. Она представляет собой музей редкостей, вмещающий все известные художественные направления русского авангарда конца XIX – 1-й трети XX в. Среди имен – Лев Бакст, Александр Бенуа, Наталья Гончарова, Константин Коровин, Михаил Ларионов, Василий Кандинский, Казимир Малевич, Эль Лисицкий, Марк Шагал.

Бесценные дары Никиты Дмитриевича находятся в крупнейших музеях мира, в том числе ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве, Музее театрального искусства в Петербурге и на исторической родине князя в Музее Ростовского кремля.

В интервью Orloff Magazine Никита Лобанов-Ростовский – о запахе Mitsouko, завораживающих приобретениях и смертном грехе коллекционера.

Коллекционирование напоминает некую особую форму причастия, где холст и краски для человека собирающего становятся его хлебом и вином. Никита Дмитриевич, что бы Вы назвали смертным грехом коллекционера и его главной заповедью?

Недостатком коллекционера является отсутствие четкого определения участи коллекции при жизни или после его смерти. Как ни странно, большинство коллекционеров уклоняются от этого вопроса. Основа для

⁸⁰ Опубликовано 25 мая 2016, Orloff Russian Magazine, www.orloffmagazine.com.

решения этого вопроса в Советском Союзе была положена Ильей Самойловичем Зильберштейном. По его инициативе был создан Музей личных коллекций, который открылся 24 января 1994 г. <...>

Главная заповедь коллекционера – это уход за предметами коллекции. А именно, их реставрация и хранение в подходящих условиях. Часто многое из собираемого частными коллекционерами является культурным достоянием страны. Кураторские обязательства требуют как можно более точного описания работ и публикаций. Важнейшее обстоятельство – делиться с ответственностью собранными приобретениями. За 20 лет проживания в США мы с супругой показали наше собрание в 50-ти музеях, начиная с Метрополитен-музея в Нью-Йорке (эквивалент московских ГМИИ им. А.С. Пушкина и Третьяковской галереи, взятых вместе) и кончая университетскими музеями по всей стране. Все выставки сопровождались каталогами. Мы никогда не соглашались на выставку без каталога, ибо текст каталога имел для нас ту же важность, как и сама выставка, он создавался в целях пропаганды русской театральной живописи.

Смогли бы Вы рассказать о самом волнительном моменте лондонской выставки 1954 г., посвященной Дягилеву, где зародилась Ваша страсть к художникам «Русских сезонов», и где, как на «Весне священной», в определенном смысле, была перевернута страница истории?

Самыми волнующими на лондонской выставке были первые несколько секунд при входе в зал. Вас сразу же встречал запах «Мицуко», любимого одеколona Дягилева. А на черных стенах, в полутьме, яркими пятнами выделялись эскизы Бакста, Гончаровой и Ларионова. Необычная атмосфера, царившая на выставке, мастерство и «лубочность» русского отдела меня тут же пленили и породили желание собирать нечто подобное. Мне было ровно 19 лет. Тридцать лет спустя, с помощью моей первой супруги Нины, мне полностью удалось осуществить мои юношеские мечты, что для меня является необыкновенным жизненным удовлетворением.

Не так давно, говоря о своей судьбе коллекционера, Вы использовали метафору рыбака. Мне подумалось, что, наполняя сети благословенным уловом, кто-то идет и продает рыбу, кто-то – насыщает голод, и лишь некоторые, как персонаж пушкинской сказки – выпускают ее на свободу. Вы часто отпускаете приобретенные произведения искусства. В чем для Вас заключается смысл дарения?

Для меня дарение произведений живописи имело два направления. Первое – это дарение для популяризации. В 1950–1960-х годах мало кто в Соединенных Штатах, да и в СССР, знал о русской театральной живописи,

«Мире искусства» и русском авангарде 1910–1920-х годов. Потому я дарил в музеи в США (те, которые готовы были принять, а многие отказывались) русские живописные работы. Список моих дарений – 400 единиц работы 40 художников, от Андреевко до Яковлева, – приведен в книге «Художники русского театра», вышедшей в Москве в 1994 г., под заглавием «Список дарений Н.Д. Лобанова-Ростовского». Другой смысл дарения – это пополнение существующих собраний русской театральной живописи в Америке. Так, например, коллекция Сергея Лифаря хранится в старейшем музее США «Уодсворт Атенеум» в штате Коннектикут. Я подарил туда эскизы Льва Бакста и габаритные декорации Федоровского. А в Музее изящных искусств в Сан-Франциско я пополнил собрание, начатое госпожой Спрекелс, эскизами Бориса Билинского, Сергея Судейкина, Сергея Чехонина и Павла Челищева.

А как Вы характеризуете современное музейное пространство России, какие насущные проблемы, необходимые к преодолению, очевидны для Вас как коллекционера?

Я не знаком с современным музейным пространством России. О состоянии музеев в России не берусь судить, ибо я не путешествовал по стране. Могу только поделиться с Вами личным опытом общения с Министерством культуры и Музеем Ростовского кремля. Десять лет тому назад я предложил создать Национальную портретную галерею в Москве. Я написал об этом президенту Путину. В телевизионном разговоре с министром Авдеевым, он одобрил мое предложение и указал на бывший музей Ленина как возможное место для размещения Национальной портретной галереи. Я предлагал изначально включить в экспозицию будущей галереи портреты, которые одалживали бы на шесть месяцев или на год из многочисленных запасников музеев по всей стране. Тут же против этого восстало музейное сообщество. А слово «одолжение» в моем предложении не случайно. Оно указывало на убедительные причины, почему местным музеям уместно одалживать свои портреты в новосозданную галерею. Но только в 2016 г. Министерство культуры одобрило компромиссное решение о создании виртуальной портретной галереи.

Другой пример. Вот уже четыре года, как идет разговор о создании Музея Лобанова-Ростовского в Ростове Великом. Вот, что писала местная газета: «Да, именно так, более чем на миллион евро оцениваются дары князя Н.Д. Лобанова-Ростовского Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль».

На сайте Ростовского музея 13 апреля 2016 г. появилось скромное, почти незаметное среди рутинных объявлений о лекциях, выставках и ценах

на билеты, сообщение: «Две прекрасные живописные работы поступили в Государственный музей-заповедник от Н.Д. Лобанова-Ростовского. Это „Натюрморт с гитарой” Жоржа Брака, 1928 г. (фанера, песок, масло), и „Абстрактная композиция с красными, голубыми и желтыми полушариями” Александры Экстер, 1917–1918 гг. Произведения были переданы в дар без всяких предварительных условий. Спасибо!»

Объяснение этому очевидно. Во-первых, Министерство культуры дает определенные указания на то, что музей должен выполнить за год. Мои дарения являются дополнительной нагрузкой, которая никому в музее не нужна, ибо их профессиональное благополучие зависит от исполнения указаний Министерства, а не от получения шедевров мировой живописи для страны. А во-вторых, это происходит из-за отсутствия служащих, обладающих необходимыми знаниями, которые бы что-либо понимали в таких дарениях. Музеи превращаются в увеселительное заведение с целью привлечения максимального количества посетителей всякого возраста.

Для преодоления сложившейся ситуации, увы, должна радикально измениться идеология Министерства культуры. Нужно перейти с количественных достижений (еженедельные новые малопосещаемые выставки) к качественным экспозициям, приносящим удовольствие и знание посетителям. Идеальный пример – недавняя выставка «Прорыв» в Музее им. А.А. Бахрушина в Москве. За последние 25 лет такого количества посетителей в Музее не было, ибо тематических выставок мало, а музею приходится каждую неделю создавать новую экспозицию.

Эмоциональные эскизы театральной живописи – не просто произведения искусства, но и редкая историография чарующего мира «Русских сезонов» Дягилева. Насколько, на Ваш взгляд, изучен феномен русского эмигрантского искусства в мире и России?

Изучение русского эмигрантского искусства в мире мало кого интересует. Зато в России это изучение необходимо, ибо оно является важным вкладом в российское национальное достояние. В русской театральной живописи проявились все течения модернизма в России и СССР, что оказалось уникальным явлением в мировой живописи.

Кн. А.М. Ланской. Портрет крестьянки, 1925–1928 гг. Коллекция А.И. Шлеянова

К счастью, за последние 15 лет интерес к достижениям русских живописцев в эмиграции значительно возрос и интересуется не только коллекционеров, но и музеи. Тому свидетельствует недавно прошедшая выставка Ильи Зданевича в ГМИИ им. А.С. Пушкина, скомпонованная в основном из работ из двух частных собраний. Желательно проводить тематические выставки на тему русского эмигрантского искусства, что практически реализуемо при уже созданных значительных коллекциях в России и за рубежом, как, например, у Александра Ильича Шлепянова в Лондоне.

Насколько могла бы найти воплощение перспектива изучения наследия Ballets Russes на уровне объединенных мировых собраний, от экспозиции эскизов и костюмных музейных артефактов до театральных реконструкций в мультипространстве выставки?

Перспектива экспозиции объединенных мировых собраний наследия «Балле рюс» мне кажется сегодня неосуществимой, ибо не вижу государственной организации в России, которая пошла бы на затраты, связанные с такой выставкой. Для начала я бы предложил создать виртуальный каталог наследия «Балле рюс», включающий эскизы, музейные артефакты и театральные реконструкции, находящиеся в РФ, а также в Европе, Америке и Австралии. Инициатива такого предложения должна исходить от Министерства культуры, ибо ни Музей им. А.А. Бахрушина в Москве, ни Музей театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге не могут на себя взять такое масштабное предприятие, которое требует привлечения хорошо эрудированных сотрудников, которые также являлись бы хорошими «интернет-сыщиками». Но я уверен, что никто в Минкульте не «похлопает по плечу» музейщиков за такую инициативу.

Какую загадку русского авангарда Вам так и не удалось разгадать?

Я считаю, что русский авангард был прекрасно изучен – сначала на Западе, начало чему положено большим трудом Камиллы Грей «The Great Experiment» в 1962 (в то время в СССР обладателей беспредметной живописи могли посадить). Постепенно, за последние 20 лет ускоренными темпами изучение авангардного искусства расцвело в России и за рубежом. Поэтому загадок авангарда я не вижу.

Никита Дмитриевич, обретая ту или иную работу, Вы испытываете определенный набор переживаний, или каждый раз экспонат испытывается по-разному? Существует ли произведение из Вашего собрания, имеющее совершенно немислимую историю приобретения?

Да, я испытываю различные переживания в зависимости от степени неожиданности соприкосновения с желанным произведением искусства. Например, в 1964 г. в галерее «Кашей» на Медисон-авеню в Нью-Йорке хозяин и торговец скульптурой, знающий мои интересы, показал мне декорацию Ларионова к балету «Шут». Ему ее привез знакомый на продажу. Когда я увидел акварель, у меня замерло сердце от неожиданности и радости, ибо работы Ларионова в Нью-Йорке редко встречались. Главным образом, они были в Париже и разошлись при жизни художника.

По поводу немислимых историй приобретения, у меня имеется две. Один раз удача улыбнулась мне в Париже. Я стоял перед витриной книжного магазина на левом берегу Сены и рассматривал программку «Русских балетов». Обложку украшал эскиз костюма Федора Федоровского к «Хованщине» Мусоргского. Этот художник жил постоянно в России, и я полагал, что его работ нет за пределами СССР. Пока я стоял, ко мне бочком подкатил старик и спросил, не интересуется ли меня Федоровский, а услышав утвердительный ответ, предложил приобрести несколько его работ. Я согласился, и он повел меня по все более сужающимся улочкам, пока мы не достигли тупика. Я начал подумывать, не собираются ли меня ограбить. Но тут старик зашел в гараж, я последовал за ним – на затянутой паутиной полке лежала куча эскизов костюмов к «Хованщине». Старик попросил 10 долларов за эскиз, и я купил все. Позднее в Большом театре я слушал «Хованщину», шедшую в оформлении Федоровского.

В 1965 г., будучи в Афинах, мы с моей первой супругой Ниной зашли в кафе «Петроград» на улице Стадиу, 29. Все стены просторного помещения были увешаны картинами. Мне показалось, что некоторые из них очень напоминают русских театральных художников – в частности, Павла Челищева. Я подошел к одной из них, убедился, что это действительно так, и попросил позвать хозяина кафе. Оказалось, его зовут Николай Яковлев. Он был не только владельцем кафе, но еще и сочинителем популярных песенок – одним из известных тогда в Греции композиторов. Я спросил, откуда здесь все эти картины, и он ответил, что от самого Челищева и что их у него очень много. Челищев эмигрировал через Константинополь и

Ф. Федоровский. Эскиз двух костюмов
кн. Хованского, 1912 г.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, Цюрих, 2009 г.

Афины, вот поэтому его работы и «застряли» у Яковлева. Он показал нам комнату над кафе, где лежали груды великолепных работ русских театральных художников, а на стенах висели три акварели Кандинского. Все, что мы увидели в той комнате, он был готов продать за 10 тысяч долларов. Таких денег у нас тогда, увы, не было, и единственное, что мы смогли купить, был театральный эскиз Челищева.

Вы стали одним из идейных вдохновителей создания Памятника Примирения в Крыму к столетию Октябрьской революции. Скажите, какую знаковую природу для изгнанников

с «Других берегов» претворит в жизнь этот монумент?

Воздвижение Памятника Примирения в ноябре 2017 г. в Крыму будет важным символом для белоэмигрантов и их потомков. Я надеюсь, что при освящении Памятника Патриарх Кирилл выразит покаяние за ужасы, причиненные 20 миллионам россиян. Это положит основу к примирению красных и белых, каждый из которых стремился создать новую Россию, в которой жителям жилось бы лучше, но у которых коренным образом различались методы достижения этой прекрасной цели.

Спасенный Вами ковчег русского искусства – каким Вам бы хотелось его увидеть в будущем, что тревожит и о чем мечтаете?

Собрание Лобановых-Ростовских в Доме-музее Ф.И. Шаляпина на ул. Графтио, Санкт-Петербург

Мне хотелось бы дожить до того времени, когда наше бывшее собрание русской театральной живописи могло бы стать более доступным желающим. Ныне оно находится в хорошем помещении, в Доме-музее Ф.И. Шаляпина на улице Графтио в Питере. Музей вдалеке от центра, и туда неудобно ехать. А что касается намеченного Дома-музея Лобанова-Ростовского на Пролетарской улице в Ростове, хотел бы дожить до его открытия. И чтоб музей своим многогранным содержанием притягивал бы жителей города и туристов.

Светлана Парфенова
Имение Лобановых-Ростовских
«Александрино»⁸¹

*Миниатюра неизвестного художника.
Князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1760–1831)*

Княгиня Александра Николаевна Лобанова-Ростовская (1764–1829), урожд. Салтыкова. Работа художника Мартина Фердинанда Квидаля (1736–1808). Копия. Государственный музей «Ростовский кремль»

В 23 километрах от Новодугина располагалась старинная вотчина бояр Салтыковых (XVI–XVIII вв.). В 1783 г. Александра Николаевна Салтыкова вышла замуж за князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского, впоследствии генерал-губернатора Малороссии, члена Государственного совета, обер-камергера Двора Его Императорского Величества.

По отзывам современников, князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский в молодости отличался красивой наружностью, любезностью, веселым,

⁸¹ Проект «Уникальная Смоленщина», <http://www.mk-smolensk.ru/articles/2016/04/29/unikalnaya-smolenshhina-novoduginskiy-rayon.html>

*Александр Яковлевич
Лобанов-Ростовский
(1788-1866)*

*Князь Алексей Яковлевич
Лобанов-Ростовский (1795-
1848). Миниатюра Пьетро
де Росси, 1818 г.*

общительным характером. Славился прямой и благородством характера, говорил правду в глаза, временами бывал очень горяч. В дни могущества Аракчеева отворачивался от него в общественных собраниях; отказался от звания председателя Комиссии Прошений, когда был лишен возможно-

сти лично делать доклады и говорить правду императору.

Есть две версии происхождения названия имения «Александрино». По одной считается, что князь Яков назвал его в честь жены Александры. По другой – в честь сына Александра.

Сын Александр Яковлевич, генерал-майор, писатель, участник войны 1812 года, библиофил и коллекционер, друг Пушкина, отказался от совладения усадьбой в пользу младшего брата, генерал-адъютанта князя Алексея Яковлевича Лобанова-Ростовского. Лобановы-Ростовские владели имением до 1917 г.

В состав имения входило богатое торговое село Торбеево, удачно расположенное на почтовом тракте из Вязьмы в сторону Ржева. Здесь в 1793 г., в пяти км от главной усадьбы княгиня Александра построила церковь Вознесения. Здание, возведенное в стиле классицизма, находится в руинированном состоянии. В бывшей усадьбе Александрино сохранился ряд жилых и хозяйственных строений, окруженных парком с каскадными прудами. На территории Александрино располагался дом отдыха, где в советское время можно было отведать лечебно-столовой сульфатно-хлоридно-натриевой минеральной воды.

Церковь Вознесения, село Торбеево

Колоритный помещик

Последним владельцем усадьбы Александрино стал внук Алексея Яковлевича отставной гвардии

полковник князь Павел Дмитриевич Лобанов-Ростовский (1855–1917). Об этом представителе младшей ветви Лобановых-Ростовских, потомков Рюрика, часто отзывались нелестно, упоминая его угрюмый и крутой характер, называя за глаза самодуром. Звучали и другие отзывы: побольше бы, таких «самодуров».

Вот что пишет о нем краевед Анна Лапикова: «К примеру, не терпел поносящий визг и по этой причине запретил своим крестьянам держать свиней. Сохранился рассказ о том, как однажды, будучи в Вязьме, князь был вынужден заплатить 10 копеек за водопой своих лошадей. Эта наглость вязьмичей привела его в такое бешенство, что приказал владелец Александрино вырыть специальный канал, чтобы повернуть реку Вязьму вспять и тем самым лишить жителей города вообще воды.

Неизвестно, чем не угодил Лобанову-Ростовскому его ближайший сосед граф Шереметев, но запретил он ездить соседям по дороге через Александрино. Пришлось графскому семейству объезжать имение по пашне. Но по прошествию ста лет о нем уже говорят иначе: строг был барин, но справедлив. А в пользу последнего приводят такие аргументы: давал работу взрослым, а их детям – образование». Он отвел Вазузу, когда была засуха, и крестьянам грозил голод.

Отставной полковник лейб-гвардии Гусарского полка Павел Лобанов-Ростовский летом 1917 был посажен в сычевскую тюрьму, из которой под конвоем его отправили в Смоленск. Дальнейшая судьба неизвестна.

Елена Чинкова
**Спешите, князь,
Вас ждут Великие дела в Крыму**⁸²

Живущий в Лондоне князь Никита Лобанов-Ростовский рассказал «КП», насколько сильно лобби нашей знати на чужбине.

Подтянутый и энергичный 81-летний князь Никита Лобанов-Ростовский, сын русских аристократов-эмигрантов первой волны, геолог и коллекционер с мировым именем, живет в Лондоне, но бывает в Москве регулярно вот уже 46 лет. С очень благородной миссией.

Когда в 1970 г. меня первый раз привезли на родину предков, в Ростов Великий, представительница горкома поцеловала мне руку! Это в советские-то времена! – с улыбкой вспоминает князь. В Ростов он по-прежнему

⁸² Электронная версия «Комсомольской правды», 11 июня 2016 г.; напечатано в «Комсомольской правде», 5 июля 2016 г. С. 11.

С. Пинчук, Е. Чинкова и Н.Д. Лобанов-Ростовский. Интервью в ресторане, Москва, июнь 2016 г.

наведывается – делает дары Музею Ростовского кремля и ждет реставрацию здания для размещения даров. Он подарил в 2016 г. картины из своей коллекции стоимостью 1 млн. евро. В коммунистические времена это ценили (князь передал немалую часть своего собрания для Отдела личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина на Волхонке. – *Авт.*), осознавали, что это тоже часть российского культурного достояния. А сейчас на меня сотрудники Музея смотрят с кислыми лицами – чудак создает им

дополнительную нагрузку вне плана, указанного Минкультом. А могли бы получить светлую рекламу, особенно на нынешнем фоне хищений в Минкульте.

А у Вас что остается? Копии?

Я ничего не оставляю, потому что хочу расстаться со всем, что у меня есть.

Как это по-русски.

Я абсолютно русский человек.

А остальные наши эмигранты-аристократы?

За Россию болеют представители первого поколения. А большинство недавно приехавших стараются ассимилироваться, забыть русский язык, найти работу и включиться в жизнь страны.

А потомки первой волны?

Часть ассимилировалась, часть – нет. Зависит от семьи. Если религиозная и монархическая, она имеет моральную связь с Россией и обязательства перед ней. Многие из них теперь купили квартиры в Петербурге и Москве и проживают там часть года.

События в Крыму и на Украине наши знатные эмигранты на Западе поддержали?

Конечно, эмоционально все русские за то, что Крым возвратился в Россию. Но некоторые считают, что зря это было сделано с участием армии РФ.

С «зелеными человечками». В основном украинцы сами виноваты в происходящем. Как и Израиль, Украина чихает на три решения Совбеза относительно культурного определения меньшинства населения. Теперь это подобно второму израильско-палестинскому конфликту.

Наша диаспора более разобщенная, чем другие?

Увы. Вот Вам наглядный пример: в Чикаго есть квартал, где улицы указаны на украинском и английском языках, и два музея искусства: один современный, другой – классики. А в Нью-Йорке на Пятой авеню расположен огромный дом украинской общины. Плюс большая школа в помещении совсем недавно выстроенного музея в нижней части Манхэттена. Чувствуете мощь?

По силам ли русской аристократии повернуть общественное мнение на Западе в нашу пользу?

Она, конечно, не является универсальным двигателем общественного мнения. Для этого нужны связи и деньги. В разных странах – по-разному. Во Франции частично общественное мнение определяет князь Александр Трубецкой. У него есть для этого платформа – он является исполнительным директором ассоциации «Франко-российский диалог». Граф Петр Шереметев знаком со всей знатью Франции – он трудится в своем направлении. В Англии же я, главным образом, общаюсь с местной публикой, нежели с соотечественниками, и сегодня местные жители Англии в общем выражают негодование по отношению к России.

С подачи депутата от партии Саркози и сопредседателя «Франко-российского диалога» Тьерри Мариани французский парламент недавно проголосовал против продления антироссийских санкций. Именно он с коллегами прорвал прошлым летом политблокаду Крыма и снова собирается туда. Ваша совместная работа с Москвой?

Во Франции есть ряд пророссийских депутатов, и, в частности, Трубецкой очень хорошо с ними общается. Они понимают какой огромный ущерб наносят Франции эти санкции. Европейские страны страдают больше, чем Москва, где экономика пострадала на 20% от санкций. В отличие, например, от Германии и Польши. Но Олланд под каблуком у США. Нарушил международный договор по «Мистралям»! Не понимаю, почему этот социалист поддается давлению американцев!

У меня правильное ощущение, что именно Франция сейчас наиболее дружественна России?

Да-да! Потому что у Франции нет негативного отношения к нам. Вспомните, как уважительно относился Александр I к Наполеону I, даже при оккупации Парижа русскими войсками. Оккупация русскими Парижа была изумительно почтенной в отличие от оккупации других армий. Рядовой человек здесь не считает русских врагами. Во Франции четыре памятника в честь Российского экспедиционного корпуса.

А наш посол в Париже Александр Орлов – идеальный дипломат и популяризатор русской культуры. Не какой-то чиновник, сидящий там до пенсии. Российское посольство ощутимо присутствует в жизни французского общества. Орлов также крайне оперативный человек. Отвечает на электронные сообщения в течение 10 минут. Честь и слава таким представителям России за рубежом.

Депутаты Петербурга предложили выделить представителям Романовых дворец. Надо?

Сама идея хороша. Россия должна гордиться своей аристократией, которая создала огромную империю. Так много запущенных дворцов. Это была бы чудная реклама. Но зависит от того, кто там поселится. Димитрий Романович указал, что готов продать свой дом в Дании и на вырученные деньги купить дом в Крыму. В отличие от княгини Марии Владимировны, которая ожидает дара от России.

А Вам всем, может, стоит забыть эти межромановские распри и наоборот сплотиться вокруг России в такой тяжелой ситуации?

Технически это возможно. Вся семья Романовых должна собраться и после смерти в 2015 г. Николая Романовича, выбрать достойного молодого представителя семьи. Меня огорчает, что это не происходит.

Тем более Вы предложили и поставите в Крыму Памятник Примирению в 2017 г. Что это за проект?

Я предложил установить его как символ общественного согласия, межэтнической и межконфессиональной терпимости, духовного сплочения между теми 30 миллионами соотечественников, которые живут вне Родины, и теми 143 миллионами, которые проживают в России. Мы с графом Шереметевым написали письмо президенту Путину, и тот одобрил наше предложение по поводу Памятника. Памятник будет воздвигнут в Крыму в ноябре 2017 г. Хотя точку в оценке событий Февраля и Октября 1917-го реально поставить невозможно. Исторические суждения субъективны и во многом зависят от эпохи, в которой они формируются. Тема не вечная, но долговечная. На открытие Памятника надо привезти всю нашу

знать, все большие имена России. Только сделайте это заранее, – строго смотрит Лобанов-Ростовский на нашего компаньона за обедом – представителя крымских властей. – Я бездельник, но у меня программа написана на год вперед. – Встретьте и их, и французских депутатов на должном уровне. Чтобы показать на Западе, как их уважают и принимают. И правящие круги России, и оппозиция, непременно пригласить Зюганова, главу Думу и главы партий, представленных в Думе. А желательно, чтобы Сергей Лавров присутствовал! У него же такой универсальный авторитет. Он лучший министр иностранных дел за последние 30 лет в мире!

Сами поагитируете знакомых?

Необходимо пригласить немцев – в Германии есть подходящие депутаты. Итальянцев и англичан. В британском парламенте тоже есть люди, которые занимаются Россией и нормально к ней относятся. Просто не все это знают.

Они публично высказываются или в кулуарах?

Слишком непопулярно там это. В основном, в кулуарах.

Никита Дмитриевич, не по теме, но не могу не спросить. Вы правда работали с бен Ладеном?!

Да, работал. Мы столкнулись с ним в Саудовской Аравии. Я работал ростовщиком, а он был самым большим «сарафином» – менялой денег. 50 лет назад, менялы были мощнее банков в таких странах Ближнего Востока, как Кувейт или Саудовская Аравия. Если Вам надо перевести значительное количество долларов в тот же день (это называется «федеральные фонды»), единственным менялой, который мог это осуществить, в городе Дахран, был он. Мы работали с ним очень активно. Усама был уважаемым человеком. В финансовых кругах Вам скажут, что это один из самых исполнительных людей, на которого можно было положиться. Никакие разведки не смогли вникнуть в его финансовые дела. Во всех этих странах деньги пересылаются менялами не в обычном порядке, а через знакомых, родных, используя засекреченные инструкции.

А Вы знаете, что бен Ладен – иудей? После того, как Моисей с иудеями пересек Красное море, чтобы бежать из Египета, одно из племен Авраама, отделилось от Моисея и пошло прямо на юго-восток вдоль Красного моря до побережья пролива Адена. Это побережье называется Хадрамут. Они там осели. Во время войны Северного Йемена, которому помогал Египет, против Южного Йемена, занимающий Хадрамут султан Южного Йемена проиграл войну. Это и нужно было ожидать, ибо коалицией

египетских и северо-йеменских войск издавдала командовал последний маршал Советского Союза Петров. Часть более предприимчивого населения Южного Йемена эмигрировала в Саудовскую Аравию и большинство из них поселилось в городе Дждда. 50 лет тому назад из пяти ведущих семей в Дждде, одна была персидского происхождения, одна из местных хеджази и три остальные – люди из Южного Йемена. Король Ибн-Сауд признавал их красные паспорта султана Южного Йемена и давал им возможность работать. Начали они работать, как многие, менялами, ибо Дждда – это порт около Мекки, куда направлялись правоверные со всего мира. Всем паломникам нужно было менять деньги, а также, когда деньги кончались, нужен был посредник, кому продать личное имуществом. Отец Усамы преуспел и основал самую успешную строительную фирму на Ближнем Востоке, которая процветает и по сей день. Отец не ладил с Усамой, ибо Усама очень сильно переживал социальное неравенство в стране, где тысячи родственников Ибн-Сауда делят нефтяные доходы страны и раздают только мелочь своим подданным. Усаме пришлось уехать из Дждды. Он утвердил себя как удачный и процветающий меняла денег.

А в официальную версию его смерти верите?

Вне всяких сомнений.

А расстаемся мы на высоко духовной ноте. Вспомнив, что в 2015 г. администрация Петра Порошенко очень хотела организовать его визит на Афон, но Святая гора ответила отказом.

Визит Путина и Патриарха на Афон был очень важен. Я безумно рад, что мощь России и династии Романовых была настолько видна на Афоне. На горе, где не было дорог, а только тропинки для ослов, стоят огромные храмы, строительные материалы для которых были привезены на баржах из Одессы. Нужно там быть, чтобы понять финансовую мощь страны и вклад русских царей, которым это было возможно сделать.

На Афоне 12 скитов, из которых 4 – не греческие: 2 русские – Пророка Ильи, подчиненный монастырю Пантократора (основанному в 1363 г.), и Святого Андрея, один румынский – Святого Иоанна Крестителя при Большой лавре (первый монастырь на Афоне, основанный в 963 г.), и один болгарский – Святой Богородицы, при Святом Пантелеймоне (основан в 1169 г.).

Скит Св. Андрея Первозванного – самая большая церковь на Афоне. Это – величественное здание, сравнимое с самыми большими монастырями Афона. Так как скит подчинен монастырю Ватопед, возглавляет его отец-настоятель (диаконос). Это обстоятельство – отчасти результат националистической политики греческих монахов, которые «заморозили»

количество монастырей, остановившись на 20. Этим они надеялись замедлить на Афоне усиление влияния России в очагах православия Оттоманской империи. На северо-западной стороне собора находится церковь Св. Антония – первоначальный кириакон, – с фресками 1766 г. В 1842 г. Ватопед передал скит русским монахам, после чего началось постепенное строительство, с 1867 по 1900 г. Так что два «монастыря» на Афоне, построенные в XIX в. на русские деньги из русских материалов, привезенных на кораблях из Одессы, являются юридически скитами, а не монастырями.

В 1970 г. умер последний русских монах, проживавший в скиту. Скит оставался беспризорным на протяжении 22 лет, за это время многое из ценных икон и утвари пропало, а здания разрушились. Администрация Афона, видя, что Русская православная церковь на скит не претендует (она не посылала монахов населить скит), в 1992 г. передала его и все хозяйственные постройки архимандриту Павлу, назначив его настоятелем.

Напротив ворот собора находится большая трапезная прямоугольной формы. В начале XX в. в ней питались 300 монахов. Мне стало жутко, когда я увидел посуду и прочую утварь, разбросанную по полу. Тонны разбитого фарфора лежали под сгнившими полками и шкафами, где они когда-то хранились. Ложки, вилки и ножи лежали кучами на полу. Передо мной были предметы русской мануфактуры 2-й половины XIX в. Среди разбитого фарфора я выбрал полдюжины тарелок с метками шести разных фабрик России. Вернувшись в Лондон, я показал их моей жене Нине, специалисту по русскому фарфору, и попросил ее отвезти тарелки в подарок музею-заповеднику «Петергоф».

Из прошлого геолога

О.С. Муравьева. Как воспитывали русского дворянина

Убирать грязь не стыдно

В конце 1940-х годов на одной из постоянных баз геологических экспедиций был исключительно грязный общественный туалет. Но, разумеется, не это, привычное для всех, обстоятельство привлекало общее внимание, а то, что на базу в составе одной из экспедиций должен был приехать потомок древнего княжеского рода. «Мы-то, ладно, потерпим, – шутили геологи, – но что будет делать его светлость?!» «Его светлость», приехав, сделал то, что многих обескуражило: спокойно взял ведро с водой, швабру и аккуратно вымыл грязную уборную. Это был поступок истинного

Профессор Платон Чумаченко и Никита Витоша, София, 2007 г.

аристократа, твердо знающего, что убирать грязь – не стыдно, стыдно жить в грязи.

Профессор Платон Чумаченко в письме от 4 июля 2016 г. пишет:

«Прочитав эту историю, я вспомнил следующее, связанное с князем Лобановым-Ростовским. Как-то в школьные годы мы пошли в поход в Рильские горы. К вечеру очень устали от перехода. Каждый искал местечко на общих нарах в хижине, чтобы лечь и заснуть. Только Никита начал чистить место и встряхивать одеяло, что забрало у него время от желанного отдыха. Я спросил его, что бы он делал, если б попал на фронт в окопы, где каждый ищет уголок чтоб заснуть. Никита ответил, что

и в окопах поступил бы также: очистил бы место и там прилег. А не как остальные спят, как животные в грязи».

Елена Ким

К 120-летию со дня смерти А.Б. Лобанова-Ростовского

120 лет назад, 30 августа 1896 г., в царском поезде на пути из Вены в Киев скоропостижно скончался от сердечного приступа министр иностранных дел России Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896). Внезапная смерть выдающегося дипломата, занимавшего «почетное место в ряду самых замечательных государственных людей России», вызвала глубочайшую скорбь во многих европейских странах. Газеты Австрии и Германии, Сербии и Болгарии, Австрии и Италии посвятили свои статьи и даже специальные приложения заслугам князя и выражению глубочайшей скорби по поводу его кончины. А ежедневная парижская газета «Le Petit Journal», имевшая миллионный тираж, вышла с изображением сцены кончины министра на первой полосе. Сейчас эта газета хранится в Ростовском

А.Б. Лобанов-Ростовский

музее в составе дара Н.Д. Лобанова-Ростовского. Вообще многие французские газеты разместили «сочувственные и хвалебные статьи об умершем», сообщая, что все партии «преклоняются перед ним с уважением и сожалением». И только отзывы английских газет были исполнены «жалкой злобы», но, как писали современники, «ненависть англичан – почетное и редкое отличие для русских государственных деятелей, лучшее мерило действительности их политических заслуг».

В Ростовском музее хранятся и некоторые другие документы, связанные с жизнью выдающегося дипломата. Они подарены его потомком, князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. Однако есть и материалы, хранящиеся в музее с XIX в. Прежде всего, надо назвать подготовленную и изданную А.Б. Лобановым-Ростовским «Русскую родословную книгу». В библиотеке Му-

Смерть А.Б. Лобанова-Ростовского в купе царского поезда. Обложка французской газеты «Le Petit Journal». Париж, 13 сентября 1896 г.

зая сохранился и неразрезанный экземпляр журнала «Исторический вестник» 1896 г. с опубликованным некрологом, содержащим рассказ о жизни Алексея Борисовича, его заслугах, а также обзор европейской газет, откликнувшихся на смерть русского дипломата. Текст этот, по мнению Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, «затрагивает темы очень актуальные и поучительные для сегодняшней международной политики России».

Евгения Петухова
Об искусстве
Вопросы к Н.Д. Лобанову-Ростовскому

Н. Лобанов-Ростовский и Е. Петухова в его кабинете. Лондон, 2014 г.

Что или кого Вы считаете сейчас значимым в современном искусстве?

К моему сожалению, я мало что знаю о современном искусстве. А те немногие художники-живописцы, с работами которых я знаком, являются недостаточно представительными фигурами для того, чтобы вынести общие суждения. Обычно о значимости данного художника или художественного течения всегда легче и точнее судить много лет спустя.

Как Вы считаете, какие явления и процессы в искусстве все еще сохранили способность влиять на сознание людей в положительном ключе? То есть вдохновлять, развивать, обогащать духовно. Ведь границы всего происходящего в мире сейчас весьма размыты, в том числе и в определении – что считать искусством, что позитивным и наоборот.

Искусство влияет на сознание людей в положительном ключе, когда это искусство им что-нибудь говорит. Это относится к музыке, живописи, прозе и балету. В этом ракурсе товарищ Жданов в 1934 г. определил решение партии и лично товарища Сталина на эту тему. А именно, что в обстановке «обостряющейся борьбы классов» на пути к коммунизму искусство должно идеализировать действительность, звать к борьбе, к утверждению принятых целей. Грань между искусством и ремеслом очень трудно определить, в особенности в XX и XXI вв, когда многое из того, что, по сути,

оказывается ремеслом, считается искусством. Что явно непозитивно в качестве сюжета для произведения искусства – это, например, испражнение на тарелке или использованный презерватив. Однако именно эти вещи в наши дни широко экспонируются, ибо Западный мир старается отождествить себя в самых низах. Идеальный пример на данную тему – это, когда Кристиан Диор делает горизонтальные прорезы в дамских брюках, кладет на них пятно, чтобы создать иллюзию, что тот, кто в них одет, трудящийся.

Согласны ли Вы с тем, что для пресыщенных информацией и технологиями людей в текущий момент истории искусство может быть, в лучшем случае, только развлечением?

Для большинства технарей история искусства не может быть развлечением, ибо для этого оно должно возбуждать у них соответствующие эмоции. А для этого, в свою очередь, требуется чувствительность, вкус и понимание, которое отсутствует у масс.

Что сейчас определяет Ваши стандарты, ценности?

Мои стандарты-ценности – это степень удовольствия, которое мне приносит общение с картиной, звуки музыки и созерцание балетного спектакля. Все это проходит через призму моего восприятия. Ведь я впитывал впечатления от этих искусств в течение 75 лет, и таким образом у меня формировались образцы и шаблоны, по которым я сегодня сравниваю то, что вижу и слышу.

О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ

КН. Н.Д. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ
КН. А.А. ТРУБЕЦКОЙ
ГР. П.П. ШЕРЕМЕТЕВ
ГР. С.А. КАПНИСТ

28 Ashchurch Park Villas, London W12 9SP, Соединенное Королевство
Телефон: (+44 20) 8743-8775, Электронная почта: nlobanov@hotmail.com

4 июля 2015 г.

Президенту РФ В.В. Путину
Кремль, Москва, РФ

О: М.В. Романовой

Уважаемый Владимир Владимирович!

Глубоко преклоняясь перед Вашим вниманием к русской истории и точности исторических оценок, мы хотим поделиться с Вами своей обеспокоенностью ситуацией, которая складывается вокруг Марии Владимировны Гогенцоллерн, урожденной Романовой, и ее сына Георгия Гогенцоллерна.

В течение многих лет Мария Владимировна публично представляет себя в России главой дома Романовых и «великой княгиней», а своего сына объявляет «Государем Наследником Цесаревичем». Она принимает не заслуженные ею почести, покупает расположение высокопоставленных лиц, жалуя им фальшивые дворянские титулы и царские ордена, в то время как никаких прав престолонаследия, равно как и права называть себя главой дома Романовых, у Марии Владимировны нет. К ее так называемому «Российскому императорскому дому в изгнании» другие потомки Романовых не имеют никакого отношения. Напротив, существует «Объединение членов дома Романовых», которое в настоящее время, после недавней кончины своего брата Николая, возглавляет князь Дмитрий Романович Романов, легитимно признанный по старшинству главой всеми ветвями потомков императорской семьи. При этом, объединение не имеет никаких претензий на восстановление Империи.

У людей, знающих историю династии, самозванство Марии Владимировны всегда вызывало лишь горькую усмешку. Однако в последнее время деятельность Марии Владимировны взяло другое русло. В прессе уже появляются сообщения о том, что депутатами разрабатывается законопроект о возвращении «ее царской семьи» в Россию и о предоставлении ей особых привилегий и даже дворцовой недвижимости. Иными словами, Мария Владимировна пытается заручиться узаконенным государственным постановлением, чтобы узаконить свое самозванство.

Мария Владимировна знает о том, что ее не признают другие потомки Романовых, равно как и большинство представителей русского дворянства, и

минимизирует этот конфликт как обычный династический спор. И, конечно, многим людям, далеким от династических тонкостей, может показаться, что здесь имеет место запутанный конфликт между родственниками: на первый взгляд звучит, что неизвестно, на чьей стороне правда. И все же, есть один аспект, который ясен абсолютно всем.

Не углубляясь в историю отношений Николая II с великим князем Кириллом Владимировичем, подчеркнем, что речь идет и о том, что сын и наследник последнего, Владимир Кириллович Романов, отец Марии Владимировны, открыто поддерживал нацистов, был близок к Адольфу Гитлеру и во время войны находился в его штабе, готовя себя к марионеточному правлению после покорения СССР. Он публично призвал русскую эмиграцию и дворян в изгнании присоединиться к армии Третьего Рейха и выступить против советских войск во имя последующего восстановления монархии. Он же публично поддерживал призыв финского генерала Маннергейма воевать на стороне нацистской Германии. Эти хорошо известные и документально подтвержденные факты прилагаются к настоящему письму.

Мы всецело поддерживаем инициативы, направленные на восстановление исторической преемственности с дореволюционной Россией. Но мы считаем, что официальное признание Марии Владимировны Романовой и Георгия Гогенцоллерна символами этой преемственности явно дискредитирует эту высокую идею.

Поведение Владимира Кирилловича во время Второй мировой войны останется исторически черным пятном для всей этой ветви Романовых по отношению к памяти отдавшим свою жизнь, чтобы защитить Родину, которых Россия так хорошо вспомнила шествием бессмертных полков.

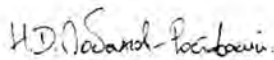
С уважением,

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский,
Первый зампред МСРС, Москва – Лондон

Александр Александрович Трубецкой,
Исполнительный президент ассоциации
«Франко-российский диалог»,
Председатель Общества памяти Императорской гвардии,
Париж

Петр Петрович Шереметев,
Почетный председатель МСРС, Москва – Париж

Сергей Алексеевич Капнист
Председатель Главного Управления
Старой Организации Российского Красного Креста
(ГУСО РКК), Ницца

П. П. ШЕРЕМЕТЕВ

Копия: Нарышкину С.Е., Председателю Российского исторического общества,
Москва, РФ

**О побеге князя
Владимира Кирилловича Романова¹
«Тема Кирилловичей» – очень болезненный вопрос
для любого искреннего монархиста
Беседу вела Оксана Карнович**

*Перед домом барона Э.А. Фальц-Фейна.
Вадуц, Лихтенштейн, 21 марта 2016 г.*

Письмо президенту России Владимиру Путину с призывом не допустить предоставления особого статуса княгине Марии Романовой, подписанное князем Никитой Лобановым-Ростовским, князем Александром Трубецким, графом Петром Шереметевым, графом Сергеем Капнистом, не только наделало шума в прессе, но и обострило противостояние российского дворянства за рубежом.

«Тема Кирилловичей» – очень болезненный вопрос для любого искреннего монархиста и особенно для барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна, которому 14 сентября 2015 г. исполнилось 103 года.

Еще в 1936 г. Эдуард Александрович получил подданство княжества Лихтенштейн и баронский титул от правящего тогда князя Франца I. В течение пяти лет, с 1894 по 1899 год, будучи послом Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге, князь дружил с Николаем Алексеевичем Епанчиным, директором Пажеского корпуса, дружбу с которым очень ценил, как и впоследствии ценил общение с его внуком Эдуардом Фальц-Фейном. Это обстоятельство позволило барону организовать островок России в Лихтенштейне и единственному жителю Вадуц отстроить дом в непосредственной близости от замка правящего князя.

Познакомившись с бароном, я обещала дважды в год бывать у него. Каждая встреча с ним уникальна. Навестив барона в октябре этого года вместе с князем Никитой Лобановым-Ростовским и поздравив его с прошедшим днем рождения, мы вернулись к «теме Кирилловичей». Меня интересовал вопрос, почему в 1945 г. князю Владимиру Кирилловичу Романову не было предоставлено убежище в Лихтенштейне – в отличие от генерала вермахта Бориса Алексеевича Хольмстон-Смысловского.

¹Русская мысль. Лондон, 2015, декабрь. С. 42-47.

«Последний из могокан», барон Фальц-Фейн, как всегда галантен и щедро делится воспоминаниями из своей удивительно насыщенной жизни.

ОК: Как прошел Ваш день рождения? Вы говорили, что Вас приехали поздравить сто человек. Как же все уместилось?

Бар. ЭФ-Ф.: Гости начали приходить в девять утра. И последний человек ушел в шесть вечера. Моя дочь устроила пикник с французским шампанским. Она каждый год это делает. Как всегда, было полно народу!

Кн. НДЛ-Р: Из зарубежья?

Бар. ЭФ-Ф.: Я нарочно в газетах запретил писать что-либо. Но несмотря на это, полно было! Оксана, ты откуда на этот раз приехала?

ОК: Я специально приехала на один день из Москвы, чтобы увидеть Вас и поздравить с днем рождения! (В подарок барону князь Лобанов-Ростовский привез обрамленную фотографию, где они оба запечатлены с Сергеем Михалковым, полученную от фотографа Юрия Барыкина. – О.К.)

Бар. ЭФ-Ф.: Оксана, что здесь написано?

ОК: «Дорогой Эдуард Александрович! Хотя и с опозданием в двадцать лет Ваше фото с Михалковым, надеюсь, будет интересно Вам, а может и приятно. Привет из России, Юрий Барыкин».

Бар. ЭФ-Ф.: Значит, фотография была сделана в 1995 г.! Почему ее так долго держали?

ОК: Юрий Барыкин случайно встретил Никиту Дмитриевича в Москве, узнал, что он собирается Вас навестить и передал эти фотографии. Никита Дмитриевич их обрамил и привез Вам в подарок.

Кн. НДЛ-Р: Так что, дорогой барон, в советские времена Вы встречались с вертушкой интеллигенции в Москве!

Бар. ЭФ-Ф.: Я помню, как мы начали при советском режиме кокетничать с русскими. Все-таки я от первой волны... Но как-то, не знаю почему, у нас все вышло хорошо. Так что мы были правы. Мы первыми начали связи с советскими и навели мост.

Кн. НДЛ-Р: А светлейший князь Васильчиков Георгий Илларионович меня порицал, что я езжу в Советский Союз, потому что он никогда туда не ездил. Мы оба работали в компании «Де Бирс». И потом, когда его начали туда посылать, он переменил свою позицию. Так что в эмиграции первой волны очень много людей смотрели с подозрением на нас, что мы ездим в Советский Союз!

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский,
С.В. Михалков и барон Э.А. Фальц-Фейн.
Москва, 1995 г.

Бар. ЭФ-Ф.: Еще как!

Кн. НДЛ-Р: Меня упрекали, будто я шпион КГБ! А советские думали, что я *шпион* ЦРУ. Так что с обеих сторон «обложили»! Вот такие были времена!

Бар. ЭФ-Ф.: Скажи мне, ты же Надежду Данилевич знал? Она же у меня двенадцать лет была секретарем? Ты знаешь, что она вышла замуж за посла? И с тех пор они оба исчезли и ни разу мне не позвонили. Ему позволили служить послом здесь, в Швейцарии, восемь лет.

Кн. НДЛ-Р: Он написал книгу, вспоминая Вас в ней.

Бар. ЭФ-Ф.: Ты с ним встречаешься?

Кн. НДЛ-Р: Не вижу, и вряд ли увижу. Он написал книгу о Швейцарии. Я сделал опровержение по поводу того, что он пишет, будто именно он нашел архив Соколова об убийстве царской семьи и через Вас уговорил князя Лихтенштейна Франца Иозефа его вернуть России. Это полная чушь. (По совету князя Лобанова-Ростовского барон Фальц-Фейн организовал передачу «архива Соколова» по делу об убийстве царской семьи в Екатеринбурге в обмен на домовые книги княжеского дома Лихтенштейн правящего князя Ханса-Адама II. – О.К.)

Бар. ЭФ-Ф.: Когда мы встречались здесь с премьером Черномырдиным, я снова напомнил ему о просьбе князя Лихтенштейна о возвращении ему домашних архивов, захваченных в 1945 г. Красной армией в Австрии в качестве военного трофея. Архивы продолжали считать трофеем на протяжении полувека, хотя ясно, что это не так – княжество не участвовало в войне, сохраняло нейтралитет. Премьер внимательно выслушал мои аргументы и заметил, что «надо что-то дать взамен», т.е. сделать какой-то подарок. По моему совету, князь за 100 тысяч долларов приобрел бумаги Соколова, а я договорился об обмене их на его архив.

Кн. НДЛ-Р: Я разговаривал с Данилевич лет шесть-семь назад, когда она позвонила из Вашего дома и сказала: «Никита, в Вадуце делегация из русских музеев. Все говорят о сенсации, что Вы продали собрание Путину. Как же Вы нам об этом не сказали». Я ответил, что меня просили держать это в секрете. Она же потом меня допрашивала и тогда сделала большую статью на двух страницах «Известий». Это было первое публичное высказывание о продаже нашего собрания. После этого я не имел никаких связей с ней. Вот сейчас узнаю от Вас, что они живут в Баден-Бадене.

Бар. ЭФ-Ф.: И с тех пор посол Степанов ни разу не был у меня. Мы же были близкими друзьями.

Ни он, ни она не сообщили о свадьбе. Потом я узнаю, что бывшая Данилевич – мадам Камбасадрис Степанова. Вот тебе и на! Обидно. Я же ей помогал в жизни. Но забудем эту историю.

<...>

Кн. НДЛ-Р: Князь А.А. Трубецкой, граф П.П. Шереметев, граф С.А. Капнист и я послали письмо Путину, предлагая ему пересмотреть вопрос о семье Романовых и статусе княгини Марии Владимировны. Ничего другого, только пересмотреть этот вопрос. В результате этого письма было много интервью (по радио и телевидению) и печатных статей, в которых постепенно о ней стали говорить все более и более объективно. То, что Вы попросили Оксану два года назад рассказать о неправильном восприятии руководством страны княгини Марии Владимировны, было осуществлено, потому что, по крайней мере на время, вопрос о передаче ей дворцов в Санкт-Петербурге и дома в Москве закрыт. Я только недавно понял, почему эта идея была предложена депутатом Петровым, председателем Законодательного собрания. Потому что тогда началась бы реконструкция зданий, а контракты на реконструкцию получили бы люди, близкие к этому депутату. И сделали бы на этом большие деньги. Этот вопрос обсуждался и по каналу «Россия-24». Как Вы помните, у Вас была журналист Зинаида Курбатова, которая снимала фильм («Корона российской империи». – О.К.). Из Первого канала (который государственный) ей тогда звонили и спрашивали: «Почему Вы показываете Марию Владимировну?» На что справедливо было отвечено: «Мне необходимо всех показать, чтобы интервью было сбалансированно». Чтобы были не только наши доводы, но и Марии Владимировны, чтобы публика сама судила, что правильно, а что нет.

ОК: *Так что, дорогой барон, все началось с Вас! Вас волновала эта тема, и мы пообещали Вам, что в России узнают правду.*

Бар. ЭФ-Ф.: Неужели мое имя такое важное?

Кн. НДЛ-Р: И Вы, и Ваша идея. Я помню, как Вы сказали Оксане: «Напиши! И сообщи это в России!» Что она и сделала. С этого все пошло. То, что Вы начали, появилось в большой телевизионной передаче.

ОК: *Кстати, Зинаида Курбатова – внучка Дмитрия Сергеевича Лихачева. Никита Дмитриевич, Вы, наверняка, встречались с академиком?*

Кн. НДЛ-Р: Да, конечно! Британская академия наук (Royal Academy) официально пригласила академика в Лондон, оплачивая ему авиабилет и проживание. Но Лихачев не мог принять это предложение, потому что к тому времени ему трудно было передвигаться самому. А Британская академия наук не могла или не хотела оплачивать расходы сопровождающему. Как-то за обедом сэр Исайя Берлин рассказал мне об этом. Я предложил ему «скинуться», и он согласился. Это дало возможность академику приехать в Лондон с дочерью Людмилой, которая говорила по-английски. Так состоялся первый визит Лихачева в Великобританию для чтения лекций и консультаций по истории культуры. Через год, в 1988 г., он приезжал для презентации первого номера журнала «Наше наследие».

У меня есть письмо, подписанное академиком Лихачевым, Мстиславом Ростроповичем, Владимиром Яковлевым (бывшим губернатором Санкт-Петербурга), Лидией Арцишевской о нелегитимности Марии Владимировны.

В Президиум Конгресса
соотечественников.

Глубокоуважаемая соотечественница!

Я присоединяюсь к тем, кто считает, что
беглые Романовы, включая Кирилла Вла-
димировича, не имеют никаких прав на рус-
ский престол, так же как и князь Михаил
Владимирович не имеет никаких прав еще и пото-
му, что брата Второго брата заключают.

Еще менее имеет оснований князь Дарга
на престоле Георгия Романовича, прино-
сительный к румынскому императору
императору Николаю II, приехавшего к нам
тем же беглым Романовым.

Я сомневан в том, что мы можем и должны
решением выдвигать претензии на Романов са-
мостоятельно, так как первая империя
и, по крайней мере, и империя и империя,
которая не имеет никаких претензий в России.

С уважением

Искр. Д. С. Лихачев

17.11.97

Письмо, подписанное академиком
Д.С. Лихачевым, о нелегитимности
Марии Владимировны

Бар. ЭФ-Ф.: Вчера после обеда была получасовая передача со мной по поводу Романовых.

Кн. НДЛ-Р: Вы рассказали инцидент, как князь Владимир Кириллович приходил к Вам и просил протекции у правящего князя Франца-Иозефа?

Бар. ЭФ-Ф.: Он никогда с немцами ничего плохого не делал. После революции Владимир Кириллович попал с отцом во Францию. В Бретани они купили себе дом. Ну а потом немцы оккупировали Францию. Отец умер, и Владимир Кириллович остался там. Немцы знали, что в этом доме живет Владимир Кириллович, наследник русского трона. И с ним кокетничали, обещая, что если Германия выиграет войну, то они его представят как нашего нового царя. А когда англичане и американцы высадились во Франции, он увидел, что немцы отступают, взял автомобиль, загрузил царские сокровища и удрал оттуда. А так как он меня знал и помнил, то добрался сюда на своем «ситроене». Ты так смотришь на меня, будто первый раз об это слышишь.

Кн. НДЛ-Р: В первый раз слышу!

ОК: *Про сокровища Вы прежде не рассказывали!*

Бар. ЭФ-Ф.: Значит, продолжаю. Когда Владимир попал сюда на границу, меня вызывают из правительства: «Сегодня ночью перешли пятьсот человек русских в немецкой форме – не власовцы, другие».

ОК: *Первая русская национальная армия генерала Бориса Алексеевича Смысловского (Артура Хольмстона). То, что Борис Алексеевич был генерал-майором вермахта, подтверждают лихтенштейнские исследователи Клаус Гримм, Хенниг фон Фогельзанг и Петер Гайгер, работавшие с материалами из личного архива Смысловского².*

Бар. ЭФ-Ф.: Да, от генерала Смысловского. И все русские одеты были в немецкую форму. Они воевали с немцами против большевиков. Они сказали, мы не будем воевать против англичан. Когда они сюда попали, меня вызвало правительство: «Приезжайте, у нас другого русского нет, который мог бы переводить». Они остались здесь на два года, потом Хуан Перон взял их в Аргентину. А к Владимиру князь Франц-Иозеф послал свой автомобиль на границу, чтобы с ним повидаться. Он хотел лично видеть, как и что, но спросил мнение швейцарцев. Они сказали: «Не дай Бог! Не берите его!» Потому что французские войска как раз заняли южную Германию. Они вошли бы в Швейцарию, чтобы забрать Владимира, который был на стороне немцев во время оккупации. Ничего плохо он не сделал. Когда человек имеет такую возможность вступить на престол России, то он не отказывается. Он же не знал, что немцы проиграют.

«2 мая 1945 г. Части Армии подошли к Швейцарской границе и расположились в селе Нофельс. Ночью намечен переход границы княжества Лихтенштейн. Вечереет. По частям отдан приказ не отлучаться. Ко-

² См.: *Grimm C.* Internierte Russen in Liechtenstein... S. 45, 73; *Vogelsang H. von.* Nach Liechtenstein in die Freiheit. S. 15, 31; *Geiger P., Schlapp M.* Russen in Liechtenstein. S. 59. / <http://e-libra.ru/read/362429-osobiy-shtab-%C2%ABrossiya%C2%BB.html>

ман্ডующий Армии выходит с двумя адъютантами из штаба отдохнуть и направляется в расположение частей. В автопарке кипит работа. Все машины должны быть на ходу. Идем вдоль расположений частей. Все заняты пересмотром и упаковкой своего скудного багажа. Настроение не-веселое. Выходим на окраину села к берегу Рейна. Нас обгоняет машина с офицером для поручений, отправляющимся в Фельдкирх за великим князем. Германский офицер, занимающий оборону на данном участке, увидев издали генеральские красные отвороты, спешит навстречу с рапортом. Генерал обменивается с ним несколькими фразами, затем, взглянув на часы, быстро возвращается в штаб. Там уже ожидают с докладом офицеры, производившие днем разведку границы. Вызывается Начальник Штаба. Через несколько минут выходит Нач. Штаба и приказывает собрать гг. офицеров. Значит, окончательное решение принято. Завтра прекращается наша вооруженная борьба»³.

Кн. НДЛ-Р: Как долго он оставался в Лихтенштейне?

Бар. ЭФ-Ф.: Несколько часов.

Кн. НДЛ-Р: И куда поехал дальше?

Бар. ЭФ-Ф.: Он повернул свой «ситроен» и поехал обратно в Австрию, в оккупированный гитлеровской Германией Инсбрук. Там было еще несколько самолетов. Один он нанял и полетел в Испанию. Несмотря на то, что вокруг были союзники, он без всякого труда попал в Испанию. И Франко ему позволил там остаться.

Кн. НДЛ-Р: Так что из нацистской Германии на немецком самолете Владимир Кириллович вылетел в Испанию?

Бар. ЭФ-Ф.: Да. Так что Владимир ровно несколько часов был на лихтенштейнской границе, а потом поехал дальше. Но как его не сбили англичане – просто удивительно!

«Что касается Владимира, то, всерьез опасаясь за свою жизнь, он перед освобождением Франции успел эвакуироваться в Германию, в Аморбах. В самом конце войны, спасаясь уже от наступающих советских войск, великий князь в компании Жеребкова оказался в Тироле. В первые дни мая они присоединились к колонне отступающей 1-й Русской национальной армии генерал-майора Бориса Хольмстон-Смысловского. Последний был кадровым немецким разведчиком и, заручившись поддержкой американцев, выводил на Запад ценные кадры русских коллаборационистов-диверсантов.

Интересно, что вместе с Владимиром и Жеребковым оказались и руководители французского пронацистского режима Виши – маршал Анри Петен и Пьер Лаваль.

³ Цит. по: *Неронов Г. П. Картинки прошлого // «Суворовец» (Буэнос-Айрес), 1952, № 18 (187). С. 3. / <http://e-libra.ru/read/362429-osobiy-shtab-%C2%ABrossiya%C2%BB.html>*

В ночь со 2 на 3 мая 1945 г. армия Смысловского перешла границу нейтрального княжества Лихтенштейн. Здесь русские пособники нацистов были интернированы и впоследствии избежали выдачи СССР. Что касается французов и Владимира, то власти княжества наотрез отказались предоставлять им убежище – все они были выданы представителям 1-й французской армии маршала Жана де Латра де Тассиньи. Великий князь в последний момент успел бежать на территорию Австрии, откуда по счастливой случайности ему удалось улететь на самолете в Испанию.

По другой версии, Лавалья и Петена, а также Жеребкова сдал французам сам Владимир Кириллович – в обмен на собственную неприкосновенность и разрешение на вылет в Испанию. Там его уже ждала его тетка – инфанта Беатрис.

Побег во франкистскую Испанию, несомненно, спас Владимира Кирилловича от возможного возмездия за коллаборационистскую деятельность. Еще в течение почти десяти лет он не рисковал выезжать за пределы Испании...»⁴

Кн. НДЛ-Р: Я хочу добавить к Вашей истории, что есть письменное его обращение к соотечественникам примкнуть к немецкой армии, чтобы бороться против большевиков. Некоторые люди считали, что режим в России это – второстепенно, важно выживание страны. И если немцы разбили бы большевиков, это был бы конец России в историческом контексте. И потому они сознательно воевали против немцев, чтобы спасти страну, а не режим. И тут была дилемма среди белой эмиграции. Одни говорили: «А что плохого, если мы воюем с большевиками?» А другие: «Мы боремся за выживание России». Это существенный вопрос.

Бар. ЭФ-Ф.: Владимир остался в Испании. Его Франко не выдал. Де Голль заявил, что если Франко не отдаст Пьера Лавалья, то будет конфликт.

Кн. НДЛ-Р: Лаваль был начальником французского правительства в Северной Африке, премьер-министром при правительстве Виши, коллаборационистом.

Бар. ЭФ-Ф.: Пьер Лаваль... Я его лично встретил на границе. Потому что я был фотограф для правительства. Я сделал альбом о том, что происходило на границе в сорок пятом. Вдруг вижу, Пьер Лаваль в белом cravate (галстук – *фр.*). Он всегда носил белый cravate. Но его сразу не приняли. На своем автомобиле он попал в Инсбрук, потом тоже на самолете улетел в Испанию. Но Франция потребовала немедленно его выдать, а то французы войдут в Испанию. И тогда Франко выдал его. И на другой день после того, как он попал в Париж, его без суда повесили. Это

⁴ Цит. по: Жунов Д., Ковтун И. Наследники престола. Совершенно секретно. 2015, № 28/357. // <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4959/>.

был большой стыд и срам Франции. Я их обвиняю, потому что если ты хочешь такие вещи выделывать, то тогда нужно судить человека. Без суда это не делается.

ОК: *Любопытное совпадение, что Пьера Лаваля и Анри Петена в сентябре 1944 года немцы эвакуировали в Зигмаринген, бывшую столицу княжества Гогенцоллерн – место эвакуации всех правителей режима Виши. Значит, Франко выдал Лаваля, но не выдал Владимира Кирилловича?*

Бар. ЭФ-Ф.: Да. А спустя много лет Владимира Кирилловича каким-то образом Романовы пригласили в Америку. Почему, не помню. Он там умер. На первом приеме встал сказать речь и упал мертвый. Его привезли сюда в Европу, а потом все-таки похоронили в Петербурге, в Петропавловской крепости...

Для меня это было уникальное время. Я составил рапорт для правительства, так как я был переводчиком и встречался со всеми – с Лавалем говорил, с Владимиром. И снимал, конечно. Там масса фотографий. Все эти подробности, которые я рассказываю, у меня в альбоме.

Кн. НДЛ-Р: Наверняка там есть фотография Владимира Кирилловича в его «ситроене». Это же уникальный материал.

Бар. ЭФ-Ф.: Я в следующий ваш визит подготовлю этот рапорт.

Кн. НДЛ-Р: А Владимир Кириллович был один в машине?

Бар. ЭФ-Ф.: Один. И автомобиль был переполнен царскими реликвиями, которые отец Кирилл забрал, когда он бежал в начале революции. И все пропало... Вот такие дела. И Лаваль, и Владимир вместе были на границе 2 мая в 1945 г., каждый на своем автомобиле. Я это помню, как будто это было вчера. И никого наше правительство не приняло.

ОК: *В те годы Вы жили в этом доме?*

Бар. ЭФ-Ф.: У меня была маленькая квартира здесь, внизу. Я разбогател благодаря моему сувенирному магазину. Вы себе не можете представить! Такой маленький магазинчик помог мне устроить такой прекрасный дом. Это сувениры. Продавал карточки по 50 сантимов. В один год я стал миллионером.

Кн. НДЛ-Р: Как называется пограничный пост, где Вы встретили Владимира Кирилловича на его «ситроене»?

Бар. ЭФ-Ф.: Шаанвальд. (На границе с Австрией. – О.К.).

ОК: *Был ли с князем Владимиром Кирилловичем некий Жеребков? (Юрий Сергеевич Жеребков – бывший артист балета, член нацистской партии, возглавлявший Комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции с целью их контроля со стороны гестапо. – О.К.).*

Бар. ЭФ-Ф.: Нет. Не знаю такого. Не было.

ОК: *Встречались ли Вы с Леонидой Георгиевной?*

Бар. ЭФ-Ф.: Она вышла замуж за американского еврея, господина Керби. Она жила с ним в Ницце, в большом палаццо. Потом развод почему-то. А затем Владимир взял разведенную Керби как жену. Я там часто бывал, завтракал. А их дочка Елена живет до сих пор в Испании. Не знаю, что она делает.

ОК: Ваши впечатления от встречи с князем Владимиром Кирилловичем? Помните какие-то детали? Сам Владимир Кириллович просил Вас помочь ему остаться?

Бар. ЭФ-Ф.: Конечно! А как же! Он же знал, что я здесь. Он же не знал, что правительство сильнее, чем я. Я же его раньше знал во Франции. Он так обрадовался, когда меня увидел на границе. Он думал, что я великий человек и могу его принять. Но правительство все-таки важнее меня. Швейцарцы сказали, что будет большой скандал, если французы придут и заберут его, если он здесь останется: «Не дай Бог! Не принимайте!» Так как швейцарцы нас защищают на границе, как и теперь, они имеют право сказать: да или нет! Это было удивительное время, 2 мая 1945 г. Это день, когда кончилась война. У нас же в Лихтенштейне не было войны, никто не стрелял. И вот когда 500 русских вместе с князем пришли, думали, что незаметно пройдут, но не вышло, всех проверяли. Но мне обидно, что все царские вещи он увез в Испанию. Что с ними случилось, я не знаю. Наверное, он их продал там. У него денег не было. Это была трагедия Романовых.

ОК: Владимир Кириллович – великий князь?

Бар. ЭФ-Ф.: Он только князь, но не великий. Даже отец Кирилл не был им.

ОК: Вы дружили с правящим князем Францем-Иозефом II?

Бар. ЭФ-Ф.: Конечно. Мы же соседи. Когда у меня было столетие, его сын князь Ханс-Адам II, предложил называть его на «ты». Он мне не дал орден, но сказал, что это важнее, чем орден. Теперь я единственный его на «ты» называю. Я последний, кто остался жив после революции и войны. Все, нет никого. Никого.

ОК: И Вы единственный, кого на руках держал последний русский император Николай II.

Бар. ЭФ-Ф.: Да! У меня была уникальная жизнь. Но, личная, к сожалению, не вышла.

*Барон Эдуард Александрович
Фальц-Фейн. Москва, 1995 г.*

Светлана Тютюнджиева
**Кого и зачем интересуется
российский престол!?**⁵

Каюсь в своей недалёковидности, но когда в мае месяце князь Лобанов-Ростовский, будучи в Софии, завел со мной разговор о правах потомков великого князя Кирилла Владимировича Романова на главенство в Российском императорском доме, я буквально отмахнулась: кого в современной России интересует тема монархии?! И возражения Никиты Дмитриевича о том, что в стране есть определенный процент монархистов, меня не убедили. «Кому нужна декоративная монархия?! Русский народ не на-

столько оглупел, чтобы содержать еще и царя, который не только не ориентируется в местной действительности, но даже не говорит по-русски!» – возмутилась я. И мы продолжили разговор об участии князя в заседании Международного фонда им. Святых Кирилла и Мефодия как члена правления. Поговорили о месте Болгарии в мировом культурном пространстве во времена Тодора Живкова и сегодня. Ему, человеку, рожденному в Болгарии, получившему здесь среднее образование и даже прошедшему «свои первые университеты» в застенках болгарской тюрьмы – многое из того, что происходило в Болгарии несколько десятилетий назад, было известно не понаслышке. «Во времена Людмилы Живковой здесь собирались имена мировой культуры. Сейчас же Болгарии на культурной карте Европы не существует – она никому неинтересна», – произнес он, тогда как приговор.

Несмотря на аристократическое происхождение и знание этикета высшего света, Никита Дмитриевич не церемонится и выводы свои зачастую выдает в острой форме. Некоторым это не нравится, но, по-моему, он имеет на это полное право. За свое происхождение он заплатил высокую цену, и не будем кривить душой – не так уж много ему осталось жить, чтобы раскланиваться и расшаркиваться. Собственно, и я не стану этого делать представляя его. Мы не раз писали о его благотворительных акциях, а также реальном участии в жизни родины предков, поэтому сразу перейду к предкам нынешних наследников российского престола.

⁵ Россия / Русия, София, 2015, 24–30 июля.

Романовым предложили вернуться в Россию

После революции 1917 года потомки Романовых попали из России в разные страны: Германию, Францию, Англию, Данию. Лицо, обладающее правами и обязанностями Главы Дома, оговаривается фамильным законом, учрежденным императором Павлом в 1797 г. Нынешние историки выделяют две основные ветви династии: так называемые Николаевичи – это объединение

Мария Владимировна с сыном Георгием

членов рода Романовых, возглавляемое князем Дмитрием Романовичем, праправнуком Николая I. Другая ветвь – Кирилловичи – этот Дом Романовых только с приставкой «в изгнании» возглавляет княгиня Мария Владимировна, внучка великого князя Кирилла Владимировича, который провозгласил себя императором в 1924 г., с чем еще тогда часть царской семьи не согласилась.

И до дней сегодняшних между «Домом-1» и «Домом- 2» согласия не наблюдается.

В 1990-х годах идея возвращения царской семьи на родину обсуждалась на самом высоком уровне, с ее представителями встречались Б. Ельцин, А. Собчак, Б. Немцов и другие не известные нам личности, но затем, видимо, в связи со сменой главных действующих лиц, этот проект заглох.

И вдруг 23 июня 2015 г. в газете «Известия» появилось сообщение, что депутат законодательного собрания Ленинградской области Владимир Петров написал письма потомкам царского Дома Романовых с предложением вернуться в Россию. Уточнялось, что тексты писем, адресованных – княгине Марии Владимировне в Испанию и князю Димитрию Романовичу в Данию, имеются в редакции «Известий». 20 июля это же издание сообщает, что вышеуказанный депутат уже подготовил законопроект «О статусе Российского императорского дома». Проектом федерального закона предлагается закрепить официальный статус потомков Романовых, признав, что «Российский императорский дом является частью исторического наследия» и «уникальной исторической институцией без прав юридического лица». «Статус – это не личные привилегии

и преференции членам Дома Романовых за счет государства, а нематериальное проявление справедливого уважения к династии, которая более 300 лет правила нашей страной и дала ей великих государственных деятелей и представителей аристократии», – говорится в пояснительной записке к проекту. Предполагается, что указом президента РФ Дому Романовых должна быть выделена резиденция на территории России. Официальную резиденцию Романовых предположительно можно устроить в Ропшинском или Павловском дворцах под Санкт-Петербургом либо в Ливадийском дворце в Крыму, считает депутат. Потомки Романовых, проживающие сейчас в основном в европейских странах, получают право безвизового въезда на территорию России – по паспорту и удостоверению членства в Российском императорском доме. Кроме того, следует предоставить им возможность получить российское гражданство в упрощенном режиме – без подтверждения владения русским языком (!) и необходимости непрерывно проживать в России последние пять лет. Депутат считает, что Романовы могли бы участвовать в государственных церемониальных мероприятиях.

В свою очередь, в СМИ появились заявления директора канцелярии главы Российского императорского дома Романовых Александра Закатова о том, что представители Дома готовы переехать в Россию. По словам сторонников княгини Марии Владимировны, она не претендует ни на собственность, ни на политические привилегии, а лишь хочет, чтобы Императорский дом являлся исторической институцией и частью исторического наследия. Что касается Дмитрия Романовича, есть информация, что он из Дании переезжать никуда не намерен.

Кому это нужно?

Вот – в чем вопрос! Ведь, как известно, «короля делает свита». Кто ныне и впредь обладает правом объявлять кандидатов на российский престол? Имеют ли претензии престолонаследников правовую основу? Кто ответит несведущему в делах высшего эшелона власти россиянину на возникающие один за другим вопросы?! Если в части восстановления исторической правды почти все ясно, то с учетом того, что монархия – дело наследственное, непонятно в какие непроходимые дебри могут нас завести эти вопросы. К моему счастью, в Софию по своим делам опять прилетел на пару дней князь Лобанов-Ростовский. Кто, как ни он – Рюрикович в 33-м поколении, потомок Игоря и Святослава, Крестителя Руси Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Юрия Долгорукова... может выступить консультантом по вопросам престолонаследия.

Скелеты в шкафу Дома Романовых

Я подготовилась наступать на князя, как на человека, который заинтересован в восстановлении монархии. Но он меня обезоружил с первых минут разговора. Оказалось, что вместе с известными и уважаемыми в зарубежье российскими аристократами, а именно П.П. Шереметевым, А.А. Трубецким и С.А. Капнистом он подписал письмо президенту Путину, в котором они приводят весьма серьезный аргумент, который может повлиять на решение о возвращении наследника престола в Россию. Текст этого письма Никита Дмитриевич мне предоставил после того, как стало известно, что письмо поступило в канцелярию российского президента.

В российских СМИ письмо все еще не комментируется, однако главный аргумент письма давно обсуждается во многих зарубежных изданиях. Он состоит в том, что Владимир Кириллович Романов – отец Марии Владимировны, открыто поддерживал нацистов, был близок к Адольфу Гитлеру и во время войны находился в его штабе, готовя себя к марионеточному правлению после покорения СССР. Он публично призвал русскую эмиграцию и дворян в изгнании присоединиться к армии Третьего рейха и выступить против советских войск во имя последующего восстановления монархии.

На фоне этого факта мне кажется ненужным приводить здесь весь разговор с Никитой Дмитриевичем по поводу того: имеет ли немецкий принц Георг Прусский, сын Марии Владимировны, право на российский престол. Бессмысленно рассуждать о том, насколько легитимен выбор престолонаследника на фоне мorganатических браков, а также внутренних разногласий между «Домом-1» и «Домом-2». Как и цитировать слова князя о том, что дама, представляющая Главой Дома Романовых, покупает благорасположение стремящихся к власти людей, раздает им награды и титулы, не имея на то никакого права. Особенно возмутили князя ее участие в предвыборных мероприятиях в Калининграде, а также юридическая неграмотность некоторых представителей властей Крыма, выступивших в поддержку престолонаследников.

После нашего разговора Никита Дмитриевич прислал мне ссылку на статью в журнале «Огонек», где рассказывается как в последние дни войны великий князь Владимир Кириллович со свитой пробивался на Запад в составе колонны 1-й Русской Национальной Армии генерала Смысловского.

Разумеется, любой исторический факт можно объяснить, но оправдать трудно...

Тем не менее, судя по темпам, с которыми был подготовлен законопроект, смею предположить, что ответ на вопрос: кого и зачем интересуется российский престол!? – не заставит себя долго ждать...

Рената Бурчик
**Расследование дела
Императорского дома⁶**

В сентябре 2015 г. следственный комитет возобновил расследование дела о гибели членов Российского императорского дома Романовых и членов их свиты, возбужденное в 1993 г. в связи с обнаружением группового захоронения в окрестностях Екатеринбурга.

Уже 11 ноября прошлого года подлинность останков Николая II и его родственников была подтверждена. Однако по просьбе Патриарха Московского и всея Руси Кирилла было принято решение о проведении более глубоких исследований «екатеринбургских останков» не только путем новой генетической экспертизы, но и дополнительных антропологических и исторических исследований. РПЦ убеждена, что положительные результаты такой тщательной экспертизы будут являться бесспорным доказательством подлинности останков. Этот вопрос принципиальный для духовенства, в первую очередь, потому, что царская семья причислена к лику святых, а значит, их останки должны почитаться как святые мощи.

Работы по эксгумации останков императора Александра III в Петропавловской крепости были полностью завершены 27 ноября 2015 г. ДНК отца последнего российского императора позволит точно установить подлинность останков цесаревича Алексея и княжны Марии, найденных далеко от места захоронения остальной семьи через много лет.

К февралю текущего года, по заявлению директора Государственного архива РФ Сергея Мироненко, должно завершиться историческое исследование останков Александра III, начатое в ноябре прошлого года: *«Поскольку РПЦ обратилась в правительство с просьбой провести дополнительное исследования, эта дополнительная экспертиза проводится. Проводятся следственная, генетическая, историко-архивная экспертизы. Сколько времени потребуются для первых двух – я сказать не могу. Это надо спрашивать у следователей и генетиков. Историческую экспертизу мы закончим где-то к концу января – началу февраля».*

В период столь весомых и значимых событий в отечественной истории, а также сложной геополитической обстановки, разрозненности некогда дружеских стран и братских народов «Невским новостям» посчастливилось побеседовать с прямым потомком княжеского рода Рюриковичей, одним из выдающихся представителей русской эмиграции, Первым заместителем Председателя Президиума Международного совета российских соотечественников, видным общественным деятелем, крупным коллекци-

⁶ Сайт «Невские новости». Санкт-Петербург, 9 февраля 2016 г.

онером русской театральной живописи, меценатом, геологом, бизнесменом, обаятельным мужчиной, джентльменом и просто удивительным человеком, жизнь которого словно написана мастером-романистом, князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским.

Никита Дмитриевич, откуда возникли вопросы по поводу подлинности останков императорской семьи?

Существуют вполне правдоподобные версии о том, что царская семья была расстреляна, а тела сожжены. Многие письменные свидетельства, как «архив Соколова» это доказывают (Николай Алексеевич Соколов – следователь по делу об убийстве последнего по времени российского императора Николая II и его семьи. – *Прим. ред.*). Для того чтобы понять, что есть фальсификация, нужно не просто проводить генетические экспертизы, а поднимать все архивы НКВД, ФСБ, КГБ, ВЧК и изучать документы, в которых можно найти реальные сведения. Нужно всестороннее расследование.

Вы активно комментируете вопросы, связанные с семьей Романовых. В поле Вашего внимания попала инициатива 2015 г. по возвращении царских дворцов престолонаследникам. Уже была такая ситуация: Мария Гогенцоллерн хотела «вернуть себе» дворец, который якобы некогда принадлежал ее семье. Но юридически она не является наследницей. Чего не скажешь о Димитрии Романовиче – легитимном представителе семьи Романовых?

Княгиня Мария Гогенцоллерн (урожденная Романова) раздает и продает ордена и титулы Российской Империи, такие, которые даются только Главой государства! Семье Романовых стыдно, что один из них в буквальном смысле ведет противозаконную торговлю фальшивыми титулами и наградами. Для всех нас, аристократов и дворян, это, прямо скажем, унижительно. Я был в числе тех четверых, кто написал письмо президенту Владимиру Путину, когда узнал о том, что она требует для себя признания особого статуса (письмо было подписано князем Лобановым-Ростовским, князем Трубецким, графом Шереметевым и графом Капнистом. – *Прим. ред.*). В этом письме речь идет о том, что Мария Владимировна бесосновательно называет себя Главой Дома Романовых и наследницей виртуального российского престола. Вот маленький эпизод: во время Второй мировой войны Владимир Кириллович (отец Марии. – *Прим. ред.*) письменно от имени Императорского дома поддержал Германию и генерала Маннергейма в войне против Советского Союза с целью борьбы с большевизмом. Он был предназначен стать царем-марионеткой в СССР, оккупированным Германией. Ведь он письменно и устно призывал русскую диаспору вклю-

Юрий А. Трубников, князь Дмитрий М. Шаховской, граф Петр П. Шереметев, князь Никита Д. Лобанов-Ростовский, граф Сергей А. Капнист. Париж, Российское посольство, 13 января 2015 г.

он родился в Херсонской губернии Российской империи. Он помнит, как сидел на коленях у Николая II, гостившего в их имении «Аскания Нова». В сентябре ему исполнится 104 года. И находясь в абсолютной ясности ума и памяти, он может подтвердить то, о чем я говорю. В том репортаже, который назывался «Корона российской империи», есть интервью с ним, где он на чистом русском языке отзываясь о Марии и ее деятельности так: «Какого черта! Она ведь не Романова больше. Она и ее сын – Гогенцоллерны». С 1920-х годов барон знал Владимира Кирилловича и утверждает, что немцы хотели его научить быть наследником русского трона, когда они выиграют войну. А что касается Димитрия Романовича, какой-то особый статус ему совершенно не нужен.

Вы никогда не жили в России? Можете представить себе, как сложилась бы судьба нашей страны, не случись революции 1917 года?

Да, я никогда не жил в России. Но в период СССР и, тем более, сейчас часто здесь бываю. Многие годы я был банкиром, заведовал отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в банке «Уэллс Фарго» в Сан-Франциско (сегодня это самый большой банк по размеру авуаров. – *Прим. ред.*). Мы одалживали деньги Советскому Союзу. Работа была не очень прибыльная, но зато с относительно малым риском. В то время в Союзе были выдающиеся специалисты банковского дела. Мы были уверены, что займы вернутся точно в срок.

Что касается Февральской революции... Социальная перемена политическо-го строя в России была неизбежна. Большинство в стране слишком негативно относилось к самодержавию. Интеллигенция, политически зрелый класс, понимала, что та автократия, которая существовала на тот

читься в войну против родного Отечества. Телеканал Россия делал об этом большой интересный репортаж, автором которого была петербургская журналистка Зинаида Курбатова – внучка академика Дм. Лихачева. В нем я рассказывал об этом и говорил, что, безусловно, многие могут усомниться в этих, на первый взгляд, абсурдных наших заявлениях. Но в княжестве Лихтенштейн живет барон Эдуард Александрович фон Фальц-Фейн, в 1912 г. он родился в Херсонской губернии Российской империи. Он помнит, как сидел на коленях у Николая II, гостившего в их имении «Аскания Нова». В сентябре ему исполнится 104 года. И находясь в абсолютной ясности ума и памяти, он может подтвердить то, о чем я говорю. В том репортаже, который назывался «Корона российской империи», есть интервью с ним, где он на чистом русском языке отзываясь о Марии и ее деятельности так: «Какого черта! Она ведь не Романова больше. Она и ее сын – Гогенцоллерны». С 1920-х годов барон знал Владимира Кирилловича и утверждает, что немцы хотели его научить быть наследником русского трона, когда они выиграют войну. А что касается Димитрия Романовича, какой-то особый статус ему совершенно не нужен.

момент, и тот факт, что Николай II «зарубил» все права Думы, привели к неуправляемому негодованию. Наверное, не случись революции, мог бы иметь место компромисс с введением выборной монархии. К примеру, мой дед Вырубов был товарищем министра внутренних дел – Главы Временного правительства, князя Г.Е. Львова. Так вот они были не монархистами, а республиканцами.

Никита Дмитриевич, Вы – известный коллекционер. Если не секрет, кому передадите в будущем свои коллекции, ведь информации о наличии у Вас прямых потомков нет?

Вам наверняка известно, что многое из своей коллекции я отдаю в дар. Большое количество предметов авангардной живописи передал музею современного искусства Нью-Йорка; около 4000 томов своей библиотеки – Фонду русского зарубежья в Москве. Отделу личных коллекций Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в конце 1980-х годов я передал 80 произведений русской графики, а в 1994 г. – собрание фарфора первой трети XX в. В 2008 г. ГМИИ им. Пушкина я подарил работу маслом Де Кирико и акварель Тео ван Дуйсбурга. За последние три года передал Музею Ростовского кремля более 2000 единиц живописи, графики, фарфора и книг.

Никита Дмитриевич, какое слово у Вас ассоциируется с Россией?

Единство. Повторю то, что говорил в ноябре 2015 г. на Всемирном конгрессе русских соотечественников. 15 лет тому назад в ноябре 2000 г. президент России посетил русское кладбище под Парижем в Сен-Женевьев-де-Буа и возложил венки на могилы русской героини сопротивления Вики Оболенской и писателя Ивана Бунина. Затем он остановился перед могилами тех, кого называют белогвардейцами, и произнес: «Мы дети одной матери – России. И для нас настало время объединяться». Сегодня важно рождение идеи, которая вела бы к консолидации российского общества, как для меня, так и для многих потомков первой волны эмиграции, переживших ужасы Гражданской войны, тюремное заключение, казнь родных и близких без суда и следствия, изгнание из родного отечества. Все это, скажу без преувеличения, проходило тяжело. И долго. Моя семья с множеством перипетий обосновалась в Болгарии в 1919 г., в Софии в 1935 г. родился я. Родители были против немцев и «за» союзников. При попытке бегства, нас поймали на границе и мы оказались в военной тюрьме, когда мне было двенадцать... По болезни меня сначала перевели в городскую тюрьму, а потом одного выпустили на волю. Маму выпустили через год. Позже и отца. Мы страшно бедствовали. А в один день отец исчез. Я только в начале 1990-х годов смог узнать о его

судьбе. В 1948 г. был расстрелян в лагере смертников. Несмотря на это, спустя много лет, я все равно убежден, что без терпимости, примирения и покаяния не может быть народного единства.

В этой связи хочется задать вопрос, как Вы относитесь к присоединению Крыма к составу России?

Это событие исторического масштаба. Я бы не называл это присоединением – считаю, что уместнее говорить о воссоединении. Сегодня, как отметил президент Путин, Крым может сыграть объединяющую роль для России. И это, безусловно, так. Крым был последним кусочком русской земли, откуда началась история русской белой эмиграции. Сегодня Крым – духовный фактор примирения как красных, так и белых. Воссоединение Крыма с Россией возродило идею создания Памятника Примирению в одном из четырех городов: Евпатория, Ялта, Феодосия, Керчь. Ее поддержал глава Республики Крым Сергей Аксенов. Благодаря поддержке Министерства культуры, совместно с Российским военно-историческим обществом уже создана рабочая группа и подготовлен план практической реализации Памятника Примирению. На последнем Всемирном конгрессе русских соотечественников в 2015 г. я предложил в текущем году провести открытый конкурс на скульптурное решение памятника и общественное обсуждение проекта и места его возведения в 2017 г. в День народного единства 4 ноября.

Чего, на Ваш взгляд, не хватает современной России?

Стране необходимо развитие среднего класса, а также поколения ученых, которые могли бы в полную силу заниматься инновационными процессами. Ведь это настоящая трагедия, что лучшие университеты России не входят даже в первую сотню университетов мира. И, к сожалению, есть причина, почему финансово обеспеченные люди посылают своих детей учиться за рубеж. Система образования нуждается в капитальном улучшении.

С политической точки зрения, существует большая проблема коррупции. Именно она делает российское производство неконкурентоспособным. В то время как именно сегодня России нужно искать новые рынки, альтернативные нефтегазовому сегменту. Потому что это богатейшая страна в мире и имеет потенциал занять ведущий ранг среди экономически мощных стран мира.

Мы живем в удивительную эпоху. На территории Российской империи настали времена относительной свободы. Такого никогда не было: ни в СССР, ни в царской России. Сегодня граждане обладают главным критерием свободы – выбором. Они могут пошатнуть страну, что без разрешения было невозможно ни при царях, ни при диктатуре. Или, не сопротивляясь активно пра-

вительству, работать и проявлять себя до пенсии. Только 30 лет назад нельзя было даже представить, что мы сможем беседовать вот так спокойно с Вами и еще менее вероятно, что этот разговор был бы опубликован на суд читателей.

О создании международной организации «Ливадийский клуб»

(докладная записка для внутреннего пользования)

Настоящим документом предлагается создание под эгидой служб безопасности России международной организации «ЛИВАДИЙСКИЙ КЛУБ» (далее – ЛК), состоящей из представителей монарших домов Европы и мира и представителей российской и мировой интеллектуальной и финансовой элиты, под формальным руководством действующих наследников Императорского дома Романовых при негласном полном контроле со стороны российских государственных структур.

Обоснование необходимости создания

В настоящий момент сложилась уникальная ситуация, которая благоприятствует созданию международной организации, объединяющей монаршие дома и светскую элиту мира под предводительством Русского императорского дома. Монархи и аристократия по всему миру имеют определенный авторитет и вес, однако этот авторитет никем не используется до настоящего времени, не объединен в единый проект. (Это случилось потому, что после революции 1917 г. СССР по понятным причинам находился в состоянии антагонизма с монархизмом, а после 1991 г. Россия не имела авторитета и ресурсов для создания такого рода организации. Другой силой, способной финансово и административно консолидировать мировую монаршую элиту являются США, но сама суть монархии идет вразрез с ментальностью американцев, которые никогда не переживали времен монархизма в своей истории.)

Создание ЛК как международной организации (способной создавать информационные поводы мирового уровня) должно быть актом мирового масштаба, однако в которой США не смогут добиться решающего авторитета, как страна, где отсутствуют монархические традиции, где нет исторически сложившегося монаршего дома, дворянства и т.д. Выражение протеста против монарших домов бессмысленно со стороны США, так как

⁷ Призыв крымских дворян.

столкнет Новый Свет с весьма уважаемыми и укорененными в веках традициями Европы, и породит раскол в единстве Западного мира.

Раскручивание ЛК станет актом консолидации мировой элиты под эгидой России, как серьезного центра силы, способного объединить монаршую и аристократическую элиту, проявить позицию России в мире непрямым образом, поддержать нужные и осудить нежелательные общемировые тенденции. На наш взгляд, сегодня Россия имеет возможность и необходимость показать преемственность традиций, и возглавить движение общемирового масштаба, где будет задавать тон и повестку дня, а не отбиваться от нападков других стран, в международных организациях, где Россия не играет ведущей роли, но состоит.

ЛК должен стать проводником консервативных ценностей в мире, выражать позицию монарших домов, аристократии, а также научной, культурной и духовной элиты мира (косвенно в поддержку политике России) по самым разным направлениям общественной жизни, высказывать необходимые тезисы устами людей авторитетных, привлеченных в работу ЛК в качестве экспертов, получивших признание, международные награды и т.п. При определенной раскрутке и вложении в проект, ЛК может стать мощным проводником российской позиции в мир, наподобие того, как в информационном поле это удалось сделать каналу RT.

Цели и задачи

Основная цель создания организации: обретение Россией стратегической инициативы на важных направлениях международных отношений за счет координации деятельности мировых монарших домов, аристократии и научной, культурной и духовной элиты, формирование общественного мнения по различным вопросам мировой политики, экономики, культуры и т.д.

Среди ключевых задач ЛК необходимо выделить:

- выражение мнения по важным вопросам общественного и гуманитарного порядка (в том числе, обращение к государствам, отдельным лидерам с призывами, нотами протеста);

- поощрения в виде премий за достижения в области науки, культуры, борьбы за мир, как комплексное дублирование Нобелевской премии, ставшей излишне ангажированной (присуждение премий в области литературы, кино, здравоохранения, за особые достижения в иных направлениях; присуждение звания «Человек года» по консолидированному мнению ведущих монарших домов мира, выраженному ЛК);

- присуждение дворянских титулов, поощрений и орденов выдающимся деятелям искусства за особый личный вклад в развитие культуры, укрепление дела мира и общечеловеческих ценностей и т.п.;

– проведение светских раутов общемирового значения, а также специальных мероприятий класса Premium в рамках работы ЛК (например, международный Ливадийский кинофестиваль, международная конференция по вопросам сохранения исчезающих видов животных, Всемирный конгресс по защите детей от онкозаболеваний и т.п.).

Важно привлекать всемирно известных людей и давать им возможность реали-зовывать свои проекты в рамках работы ЛК, делать авторитетных людей членами ЛК, присуждая им дворянские титулы за выдающиеся заслуги. Это позволит стремительно нарастить число российских агентов влияния по всему миру, как осознавших, так и не осознающих ситуацию, но выполняющих поставленные задачи так же, как проводником антисоветизма и русофобии стали русские лауреаты Нобелевской премии в области литературы (Бродский, Солженицын, а в 2015 году Светлана Алексиевич). С другой стороны, премии Ливадийского клуба можно присуждать правильным людям из разных стран мира, вводя уже их точку зрения в конфликт с западной позицией, давая им громкую трибуну для выступления, формируя и расширяя свою сферу влияния, опираясь на правозащитников, борцов за свободу из числа людей Запада, критикующих Запад (такими, в свое время были, например, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Саманта Смит).

Все это даст России возможность перейти по целому ряду гуманитарных и общемировых вопросов от глухой обороны к наступлению, опираясь на авторитет многовековой монаршей традиции, неся свет консервативных общечеловеческих ценностей в распадающийся в хаосе постмодерна западный мир и другие части света, испытывающие давление Запада. ЛК позволит постепенно консолидировать не только европейские монаршие дома, но позже включить в эту работу и арабские, японскую и иные восточные монархии, объединив, по сути, весь мир под сенью авторитета монаршей и дворянской традиций.

Вместе с тем, мнение ЛК всегда будет лишь мнением авторитетной общественной организации, не претендующей на приход монархий к власти во всех странах, не иницилирующей передел карты мира и т.п. Однако косвенное проведение мероприятий такого уровня в Крыму заодно легитимирует российский статус полуострова.

Управление и финансирование

Центр базирования организации – Ливадия (Большая Ялта, Республика Крым, РФ), ключевое место проведения мероприятий и заседаний организации – Ливадийский дворец, как историческое место, резиденция последнего императора России Николая Второго.

Главой ЛК должен быть избран наследник императорского дома Романовых Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Георгий Михайлович. Финансирование расходов на все мероприятия ЛК необходимо возложить на ведущих российских олигархов (одного или нескольких), которые получают дворянский титул, будут введены в правление ЛК, станут всемирно известными меценатами топ-уровня, организаторами светских раутов мирового масштаба, а также создадут необходимый уровень контроля за процессом, как и введенные в аппарат работники, обеспечивающие и контролирующие принятие и претворение в жизнь ключевых решений.

Членство в ЛК должно быть коллективным (монаршие домов) и индивидуальным (люди, имеющие или получившие дворянский титул за особые заслуги, и принятые в ЛК на этом основании, а также кандидаты в члены клуба).

Высшим лицом, единолично управляющим ЛК является Глава, избираемый Конференцией (высший коллективный орган ЛК). Конференция формируется как из представителей монарших домов, так и из дворянства стран, вошедших в ЛК, пропорционально количеству дворян из каждой страны. Конференция проходит один раз в год в Ливадийском дворце, растягивается на несколько дней, превращаясь в событие мирового масштаба. Общее число участников Конференции с правом голоса должно быть примерно 100 человек, однако, на мероприятие могут допускаться члены ЛК, имеющие право совещательного голоса, участвующие при этом в светских раутах, фестивалях, заседаниях, присуждениях премий и т.п.

Оперативное управление организацией между Конференциями осуществляется Правлением, состоящим из 12–15 человек. Председателем Правления является Глава ЛК по должности. Само Правление и является органом, принимающим ключевые решения. Техническую работу в течение года по всем направлениям ведет Канцелярия, которая возглавляется Канцлером ЛК и тремя Вице-канцлерами (по подготовке, организации и проведению мероприятий ЛК; по работе с монаршими домами, присуждению наград, геральдики и принятию в члены ЛК; по курированию основных направлений деятельности ЛК (культура, историческое наследие, здравоохранение, окружающая среда, экономическое развитие и т.п.) и спецпроектам, которые ЛК может проводить совместно с видными деятелями в общемировом масштабе либо с конкретными монаршими домами, поддерживая эти проекты финансово, информационно и организационно. Каждое конкретное направление работы возглавляется Советником Канцелярии (например, Советник по культуре и т.п.).

При необходимости структура управления ЛК может быть расписана в более подробном варианте, с указанием деталей должностных обязанностей и развернутой структурой аппарата по каждому направлению работы.

**ПОСТОЯННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Новинский Арбат, д.36/9, Москва, 121099
(т) +7 (495) 249 2434 (многок.) +7 (495) 690 7124 (оф.)

Web: www.ppcrimea.ru
E-mail: pprka.ppcrimea.ru

07-14/82/16 от 28.01.2016

А.К.УШАКОВУ
ООО «Бизнес и коммуникации»

info@investcrimea.org

Уважаемый Андрей Константинович!

Благодарим Вас за обращение № 07-14/82/16 от 18.01.2016 г. о создании под эгидой «действующих наследников императорского Дома Романовых» международной организации «Ливадийский клуб».

В то же время считаем, что Ваша инициатива в настоящее время не является актуальной по целому ряду причин. Это подтверждают и данные опросов общественного мнения, проведенных в 2006 и 2013 гг., в результате которых стало ясно, что более половины россиян считают тему возрождения монархии России не заслуживающей серьезного внимания.

Кроме того, логично предположить, что Ваши предложения о главенстве в «Ливадийском клубе» представителя одной из ветвей дома Романовых - князя Георгия Михайловича - могут создать потенциальную конфликтную ситуацию в среде наших соотечественников, включая самих представителей царского рода.

Хотелось бы также отметить, что Ливадийский дворец сегодня регулярно посещают российские соотечественники, в том числе представители Дома Романовых (к примеру, в августе 2015 г. Крым посетил князь Дмитрий Романович Романов), а также русской аристократии.

На базе дворцово-паркового комплекса ежегодно проводится Ливадийский форум российских соотечественников.

В этой связи создание международной организации «Ливадийский клуб» считаем нецелесообразным.

Исполняющий обязанности
Постоянного Представителя
Республики Крым при
Президенте Российской Федерации

А.ЖИДЕЛЕВ

ПАМЯТНИК ПРИМИРЕНИЯ В КРЫМУ¹

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский выступает на V Всемирном конгрессе соотечественников

Газета «Коммерсантъ» от 5 ноября 2015 г., в статье о V Всемирном конгрессе соотечественников, который проводится каждые три года, отметила:

Господин Лавров дал слово князю Никите Лобанову-Ростовскому, многолетнему участнику конгресса:

Лавров: «Я хотел бы с большим удовольствием пригласить князя Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского, который стоял у истоков движения соотечественников и очень много сделал для сохранения культурного и исторического наследия за рубежом, и который неизбежно выступает с очень интересными инициативами о том, как укреплять наш русский мир. Пожалуйста, Никита Дмитриевич!»

Лобанов: Памятник Примирения

«Господин министр, госпожа Матвиенко, Ваше Святейшество, уважаемые учредители этой встречи, уважаемые соотечественники!

¹ Коммерсантъ, 2015, 5 ноября, С. 2. Также опубл. в: Итоговый сборник материалов V Всемирного конгресса соотечественников, проживающих за рубежом. С. 34–35.

Хотел бы Вам напомнить о Памятнике Примирения:

15 лет тому назад, в ноябре 2000 г., президент России Владимир Путин посетил русское кладбище под Парижем – Сент-Женевьев-де-Буа и возложил венки на могилы русской героини Движения сопротивления Вики Оболенской и русского писателя Ивана Бунина.

Затем остановился перед могилами тех, кого называют белогвардейцами, и произнес: «Мы дети одной матери – России. И для нас настало время объединяться».

Рождение идеи, которая бы вела к консолидации российского общества для меня, как и многих представителей потомков первой волны эмиграции, переживших ужасы Гражданской войны, казни родных и близких, без суда и следствия, тюремные сроки и как «счастливый финал» – изгнание из родного Отечества – все это проходило без преувеличения тяжко.

Но я убежден, что без терпимости, примирения и покаяния не может быть народного единства.

Многие из сидящих в этом зале с одобрением встретили выступление графа П.П. Шереметева от имени МСРС о создании Памятника Примирения на IV Всемирном конгрессе.

Эта инициатива тогда получила поддержку Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла.

Крым

Событие исторического масштаба – воссоединение Крыма с Россией возродило идею создания Памятника Примирения.

Ведь Крым был последним кусочком русской земли, откуда и началась история русской «белой» эмиграции.

Сегодня, как отметил президент России, «Крым может сыграть уникальную объединяющую роль для России, став историческим и духовным источником еще одной линии примирения, как красных, так и белых».

Дорогие друзья, могу Вам сообщить, что глава правительства Республики Крым Сергей Валерьевич Аксенов (жаль, что его здесь нет) поддержал идею установки Памятника в одном из четырех городов: Керчи, Евпатории, Феодосии или Ялте. Благодаря поддержке Министерства культуры, совместно с Российским военно-историческим обществом, уже создана рабочая группа и подготовлена дорожная карта по практической реализации создания Памятника Примирения. Предлагается провести в 2016 г. открытый конкурс на скульптурное решение Памятника Примирения и общественное обсуждение проекта и места его возведения в 2017 г. – в День народного единства 4-го ноября.

Памятник, по нашему убеждению, должен быть сооружен на средства, собранные по доброй воле россиян, как живущих в России, так и за ее пределами.

Прошу внести в резолюцию Всемирного конгресса предложение о поддержке создания Памятника Примирения в Крыму, а также зарегистрировать участие диаспоры в осуществлении этого проекта.

Спасибо Вам!»

Ну, и про Сергея Лаврова он выразился без чинов под бурные аплодисменты присутствующих.

«Господин министр, полминуты лично для Вас. Три года тому назад я прочел, что Вы высказались, что мой предок Лобанов-Ростовский был из самых удачных министров Российской империи своего времени. Сегодня же весь мир знает, что Вы самый удачный министр иностранных дел всего мира!

И Вы достойно и умело защищаете интересы России. В этом контексте, в знак своего уважения к Вам, я оставил для Вас обрамленную картину министра иностранных дел Лобанова-Ростовского и, узнав, что в музее Министерства нет этого изображения, оставил и второй экземпляр».

Слева направо: Н.Д. Лобанов-Ростовский, депутат Э.Л. Слуцкий, Патриарх всея Руси Кирилл, министр С.В. Лавров. V Всероссийский конгресс соотечественников. Москва, 5 ноября 2015 г.

ПИСЬМА

01.10.2014 г.

Председателю Совета министров
Республики Крым
С.В. Аксенову

Уважаемый Сергей Валерьевич!

От имени единственного всемирного объединения организаций российских соотечественников – Международного совета российских соотечественников (МСРС) обращаемся к Вам с инициативой о сооружении в Крыму Памятника Примирения.

С этим проектом, способным консолидировать Русский мир, МСРС выступил на III Всемирном Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом (2009 г.). Делегаты Конгресса с энтузиазмом высказались в поддержку этого проекта.

Эта инициатива также была единодушно поддержана участниками IV Ассамблеи Русского мира. МСРС направил обращения по поводу сооружения Памятника Примирения в Администрацию президента России, Министерство культуры России, Патриарху Московскому и всея Руси. В ответах Министерства культуры, которое рассматривало этот вопрос по поручению Администрации президента, и Московского Патриархата отмечалось, что реализация идеи создания Памятника Примирения «видится уместной и своевременной».

Президент России В.В. Путин в своем выступлении 14 августа 2014 г. в Ялте отметил, «что Крым может и сегодня сыграть уникальную объединяющую роль для России, став историческим, духовным источником еще одной линии примирения как красных, так и белых».

Символом объединения и единства Русского мира мог бы стать Памятник Примирения, воздвигнутый на дорогой каждому россиянину, где бы он сегодня не жил, земле Крыма. Тем более, что Крым был последним кусочком русской земли, откуда и началась история российской «белой» эмиграции.

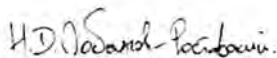
Поддерживая инициативу о проведении ежегодного Ливадийского международного форума Русского мира, просим Вас рассмотреть вопрос о возможности создания Памятника Примирения в Крыму.

Почетный Председатель МСРС

граф П.П. Шереметев

Первый заместитель Председателя МСРС

князь Н.Д. Лобанов-Ростовский

РЕСПУБЛИКА КРЫМ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПОСТОЯННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Новый Арбат, д.36/9, Москва, 121205
тел.: +7 (495) 690 7124

Web: www.pprcrimea.ru
E-mail: pprek@pprcrimea.ru

№ 07-13/698/15 от 17.06.2015

Главе Республики Крым

на № _____ от _____

С.В.АКСЕНОВУ

Уважаемый Сергей Валерьевич!

Информируем Вас, что в адрес Постоянного Представительства Республики Крым при Президенте Российской Федерации поступили письма от Советника Президента Российской Федерации В.И. Толстого и исполнительного директора Российского военно-исторического общества А.В. Назарова (копии писем прилагаются) с поддержкой проекта установки в Республике Крым Памятника Примирения.

В своем письме В.И. Толстой отмечает, что в соответствии с действующим законодательством установка на территории субъектов Российской Федерации произведений монументального искусства и памятных знаков относится к полномочиям регионов. При этом в субъектах, где сконцентрировано большое количество объектов культурного наследия, археологических памятников и охраняемых природных территорий, к которым относится Республика Крым, решению органов власти о возведении нового монумента или памятника, предшествует общественное обсуждение.

В свою очередь Российское военно-историческое общество предлагает создать рабочую группу, для решения организационных задач, а также выбора наилучшего места установки памятника.

Учитывая вышесказанное просим Вас, уважаемый Сергей Валерьевич, дать поручения соответствующим министерствам и ведомствам объявить открытый конкурс на лучшее архитектурное решение Памятника Примирения, провести общественное обсуждение проекта и решить вопрос с подходящим местом его сооружения (Феодосия, Ялта, Евпатория или иное знаковое место, связанное с эвакуацией частей Белой армии из Крыма осенью 1920 г.).

Приложение: упомянутое, на 3 лл.

С. Г. Мурадов

Г. Мурадов Г. МУРАДОВ

АДМИНИСТРАЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва

« 09 » сент. 2015 г.
№ АЧ-25-1043

Заместителю Председателя Совета
Министров Республики Крым –
постоянному представителю
Республики Крым при Президенте
Российской Федерации

Г.Л.МУРАДОВУ

ул. Новый Арбат, д. 36/9,
Москва, 121205

Уважаемый Георгий Львович!

В полной мере разделяю Вашу оценку инициативы о сооружении на территории Крымского полуострова монумента, символизирующего воссоединение Крыма с Россией и духовное объединение Русского мира.

Представляется чрезвычайно важным, чтобы практическая реализация этого масштабного проекта осуществлялась в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации и при широкой общественной поддержке.

Установка на территории субъектов Российской Федерации произведений монументального искусства и памятных знаков относится к полномочиям регионов, о чем в каждом из них принимаются соответствующие нормативные правовые акты. В субъектах Российской Федерации, где сконцентрировано большое количество объектов культурного наследия, археологических памятников и охраняемых природных территорий, решению органов власти о возведении нового монумента или скульптурного памятника, как правило, предшествует широкое общественное обсуждение.

Полагаю, что первыми шагами к реализации данной инициативы должны стать утверждение руководством Республики Крым процедуры принятия такого рода решений, проведение широкого общественного обсуждения и объявление открытого конкурса на идею Памятника Примирения.

Проработка вопросов об объемах и источниках финансирования проекта станет возможным после определения руководством Республики Крым места установки памятника, его допустимых размеров, оценки характера и объемов связанных с установкой памятника проектных и общестроительных работ.

Решения, принятые по итогам этого предварительного этапа реализации данного проекта, позволят наиболее полно и конкретно представить идею Памятника Примирения Главе государства и подготовить необходимое поручение в адрес Правительства Российской Федерации.

Советник Президента
Российской Федерации

С любовью уважаем,
В.Толстой

В.Толстой

Заместителю Председателя Совета
министров Республики Крым

Г.Л.МУРАДОВУ

Уважаемый Георгий Львович!

По поручению Министерства Культуры Российской Федерации Российское военно-историческое общество рассмотрело Ваше обращение по вопросу создания памятника «Примирения» на территории Республики Крым.

Сообщаем, что Общество поддерживает идею создания данного памятника.

В связи с чем, предлагаем создать рабочую группу, для решения организационных задач, а также выбора наилучшего места установки памятника.

После утверждения места установки памятника Общество готово объявить конкурс на лучшее архитектурное решение скульптурной композиции «Примирение».

Исполнительный директор

А.В. Назаров

В.Р. Мединский: Памятник Примирения планируют установить в Крыму 4 ноября 2017 года

19 ноября 2015 г.

Конкурс на создание монумента предполагают объявить в феврале 2016 г.

МОСКВА, 19 ноября. /ТАСС/. К 100-летию революции планируют установить «Памятник Примирения» в Крыму. Об этом сообщил в четверг министр культуры Владимир Мединский во время открытой лекции в МГИМО, посвященной мифам о революции и Гражданской войне.

Конкурс на создание монумента предполагают объявить в феврале 2016 г., а открыть его – 4 ноября 2017 г. в Крыму. Среди городов, в которых мог бы быть установлен памятник, сейчас рассматриваются Керчь, Ялта, Евпатория, Феодосия.

Памятник посвящен трагедии революции и Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. и будет символизировать общность нации, гражданское примирение потомков «белых» и «красных». Идею создания памятника поддержал президент России, также она получила одобрение V Международного конгресса соотечественников.

«Почему сегодня так актуален и уместен памятник примирения? – сказал министр. – Речь идет о примирении в наших головах».

С инициативой установки памятника в Минкультуры обратился князь Никита Лобанов-Ростовский – заместитель председателя Международного совета российских соотечественников. Установкой памятника займется возглавляемое Мединским Российское военно-историческое общество, которое объявит открытый конкурс и начнет сбор пожертвований на создание монумента.

Валерий ЛАВРОВ. Республика Крым
Ельцин, Солженицын, далее везде?¹

В ноябре 2015 г. крымчане торжественно отметили 95-ю годовщину установления советской власти в Крыму. Жители полуострова и гости побывали на местах боевой славы, посетив Перекопский вал, Армянск, Литовский полуостров, Юшунь. Юбилейные мероприятия прошли во всех других городах и районах Крыма. Были приведены в порядок места массовых захоронений красных героев. Участники торжеств возложили цветы к многочисленным памятникам и памятным местам, связанным с освобождением Крыма от белогвардейщины. А на научно-практической конференции, проведенной в те дни, были даны основные политические оценки ноябрьским событиям 1920 г. И вдруг новая инициатива министра культуры России Мединского.

Возглавляемое им Российское военно-патриотическое общество объявило сбор пожертвований на создание в Крыму монумента «Памятник Примирения» красным и белым – жертвам Гражданской войны. Организаторы собираются установить памятник 4 ноября 2017 г. в день «народного единства», прибудут представители русскоговорящей диаспоры со всего мира. Уже объявлен общероссийский конкурс среди скульпторов.

¹ Правда, 2016, № 25 (30376), 11–14 марта.

Идея «Памятника Примирения» красных и белых принадлежит представителям потомков русской «знати» за рубежом: князю Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому и графу Петру Петровичу Шереметеву. Вместе с Международным советом российских соотечественников в 2009 г. они выступили с предложением к 100-летию революции 1917 г. открыть монумент, который, по их мнению, «положит символический конец всем гражданским войнам в России». Стало известно, что такой памятник планируется установить в Крыму, ибо, по мнению Лобанова-Ростовского, «выбор Крыма вполне закономерен, если вспомнить, какую роль играл полуостров в истории раскола России и играет теперь в установлении связи времен». Заявки на установление планируемого памятника подало руководство крымских городов – Ялты, Керчи, Феодосии, а также Севастополя.

Исполнительный директор Российского военно-исторического общества Владислав Кононов, представляя идеологию проекта, заявил: «Прошло достаточно времени, чтобы перестать раскалывать общество спорами о том, кто был правее: белые или красные». Он также сообщил, что предварительные итоги международного творческого конкурса планируется объявить летом будущего года. А постоянный представитель Республики Крым при президенте РФ Георгий Мурадов подчеркнул: «Российское военно-историческое общество вместе с Министерством культуры России сейчас ведет большую работу по созданию так называемой дорожной карты для того, чтобы уложить в один ряд события, связанные с установкой памятника».

Вот и отправился заместитель Мединского Александр Журавский в турне по Крыму, чтобы на месте осмотреть «крымские города, откуда отбывали корабли с покидающей Россию белой гвардией».

Все эти судорожные действия властей диктуются правительственной «Концепцией государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», подписанной Медведевым еще 15 августа прошлого года. Вот то возносят Солженицына, то выпячивают Ельцина, то произносят вслух предложение об учреждении в России дня памяти династии Романовых и т.д. Да разве можно ставить в один ряд собирателей Земли Русской, коими выступили большевики в годы Гражданской войны, и тех, кто с оружием в руках с помощью иностранных интервентов разрывал Россию на куски? На открытие памятника планируется приезд аж 600 представителей русскоговорящих со всего мира. А кто и как пригласит потомков красных командиров и бойцов, погибших при освобождении Крыма? Только при штурме Перекопского вала полегли 10 тысяч красноармейцев! И почему, наконец, Журавский

осматривает только те крымские города, откуда наемные убийцы драпали из России, прихватив с собой награбленное за годы Гражданской войны? Не посетил же Журавский ни Перекопский вал, ни Чонгар, ни Юшунь, ни Литовский полуостров. А ведь именно там был заключительный акт Гражданской войны в Европейской части России. Там тысячи и тысячи могил известных и неизвестных героев, павших за сильную и могучую Россию.

Многие памятники героям Гражданской войны за годы безвременья на перекопской земле пришли в упадок. К тому же многие захоронения пополнились павшими героями времен Великой Отечественной войны. Естественно, киевские власти ими не интересовались. Крымчане совместно с коммунистами поддерживали там порядок. Сегодня захоронения нуждаются в капитальном ремонте. Вот куда бы направили свои усилия руководители Министерства культуры и Российского военно-исторического общества. Ан нет. Им нужны новые песни, другие герои. Вот приедут 600 русскоговорящих со всего мира, они и расскажут, кто «был правее: белые или красные». Нет, мы не Иваны, не помнящие своего родства. Крым действительно стал территорией героической. Ибо бойцы Красной Армии в годы Гражданской, а затем Великой Отечественной отстаивали и защищали свободу и независимость нашей Родины, а значит, и нашу свободу и независимость.

Памятник Примирения. Хронология¹

Оксана Карнович беседует с князем

Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским,

7 декабря 2015 г.

В ноябре 2015 на V Всемирном конгрессе соотечественников было поддержано решение правительства Крыма установить Памятник Примирения. В год 100-летия революционных событий, приведшей к братоубийственной Гражданской войне памятник будет установлен в Крыму 4-го ноября 2017 г. С этой идеей выступил князь Никита Лобанов-Ростовский – первый заместитель Председателя Международного совета российских соотечественников. Инициативу создания мемориала поддержал президент Российской Федерации Владимир Путин, а также Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. <...>

¹ Публикуется впервые.

ОК: Никита Дмитриевич, Вам и князю Александру Александровичу Трубецкому принадлежит идея создания памятника героям Первой мировой войны. Теперь Вы с графом Петром Петровичем Шереметевым решили инициировать Памятник Примирения, несмотря на то, что вас, как представителей известнейших аристократических фамилий, лично коснулись и красный террор, и все тяготы белой эмиграции. Почему, тем не менее, Вы предлагаете подобную инициативу примирения? Как все началось?

Кн. НДЛ-Р: Идея с Памятником Примирения появилась у меня во время съезда МСРС в Севастополе в октябре в 2008 г. Тогда, гуляя по Графской набережной, с Петром Петровичем Шереметевым (он – председатель МСРС) и с Евгением Семеновичем Табачниковым, исполнительным секретарем МСРС, мы остановились у мемориальной доски, посвященной белой эмиграции. Я заметил Евгению Семеновичу, что было бы уместно создать подобный мемориал и в Москве. Эту тему мы затем продолжили на заседании президиума МСРС в Ялте.

Прошел год, 4 ноября 2009 г. в московском Храме Знамения иконы Божьей матери в Романовом переулке состоялся молебен по жертвам революции 1917 г., Гражданской войны, репрессий, и в память русских людей, скончавшихся на чужбине. Это был первый в истории России молебен, который сблизил потомков «красных» и «белых».

После молебна протоиерей Чаплин пригласил на обед около 20 человек. Первым за обедом выступал Вячеслав Никонов, внук министра иностранных дел СССР В.М. Молотова. Он сказал, что рад находиться здесь, потому что в доме возле церкви жил его дед; что он играл в этом саду, и церковь служила гаражом для лимузина деда. Следом за ним выступил граф Петр Петрович Шереметев. Он сказал, что ему было горько слышать господина Никонова, ибо это был дом Шереметевых, где его отец играл здесь во дворе, а церковь была домашней церковью. Романов переулок тогда назывался Шереметевским. Из их выступлений всем стало очевидно, что поляризация между старыми и новыми русскими не исчезла.

23-го ноября 2009 г. мы с графом Шереметевым письменно обратились к Святейшему Патриарху Кириллу. Письмо, также подписанное депутатом Милли Меджлиса Азербайджана М. Забелиным и режиссером Павлом Лунгиным, гласило:

«Мы просим Вас, Ваше Святейшество, инициировать сооружение Памятника Примирения России, который призван служить великой цели возрождения России, русского народа и других народов России, которые исторически составляют общность людей, объединенных русским языком и русской культурой.

Памятник этот должен быть сооружен на средства, собранные русским народом, российскими гражданами и зарубежными соотечественниками».

Двумя днями позже, 25-го ноября, я послал письмо президенту Медведеву:

«Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Хочу привлечь Ваше внимание к идее, которую инициировал Международный совет российских соотечественников – проект Памятника Примирения России, призванный символизировать единство расчлененного историческими процессами и идеологическими барьерами народа. Идею уже поддержали многие общественные структуры. Среди них делегаты III Всемирного Конгресса соотечественников, на котором Вы выступали, участники IV Ассамблеи Русского мира, а также Патриарх Кирилл, который назвал эту идею „уместной и своевременной,». ...

Спустя месяц, 24 декабря 2009 г., я получил письмо от замминистра культуры А.Е. Бусыгина:

«Уважаемый Никита Дмитриевич!

Министерство культуры Российской Федерации по поручению Администрации президента Российской Федерации внимательно рассмотрело Ваше обращение, поступившее по каналам электронной связи, и сообщает следующее.

Инициатива Международного совета российских соотечественников о сооружении Памятника Примирения России и всенародном сборе средств на реализацию этой идеи представляется нам заслуживающей всяческого внимания и поддержки.

В соответствии с существующими правилами, Минкультуры России может финансировать только художественно-проектные работы по памятникам общегосударственного значения, сооружаемым на основании Указов президента Российской Федерации и постановлений правительства Российской Федерации и рекомендованных к реализации Художественно-экспертным советом по монументальному искусству при Минкультуры России».

25-го апреля 2011 г. я письменно пожаловался Сергею Евгеньевичу Нарышкину:

«Инициатива МСРС о сооружении Памятника нашла всеобщую поддержку среди многомиллионной российской диаспоры. Она была одобрена на III Всемирном конгрессе российских соотечественников (декабрь 2009 г.), на IV Ассамблее Русского мира (ноябрь 2010 г.). Создание памятника было

признано Его Святейшеством Патриархом Кириллом как благое начинание, „уместное и своевременное“...

Министерство культуры России, положительно восприняв инициативу МСРС о сооружении Памятника и всенародном сборе средств на реализацию этой идеи, сообщило, что Минкультуры „может финансировать только художественно-проектные работы по памятникам общегосударственного значения, сооружаемым на основании Указов президента Российской Федерации и постановлений правительства Российской Федерации и рекомендованных к реализации художественно-экспертным советом по монументальному искусству при Минкультуры России“.

В этой связи позволю себе привлечь Ваше внимание к идее сооружения Памятника Примирения России как к совместному проекту органов государственной власти и гражданского общества и помочь воплотить ее в жизнь.

Собраны ли нами, российскими соотечественниками, средства на создание памятника? Нет. Было бы преждевременно и безответственно с нашей стороны начинать всенародный сбор денег на Памятник, когда так много юридических и процедурных вопросов не согласовано».

Три года прошли без действия. После неудачных попыток реализовать проект Памятника в Москве, наш коллега по МСРС Евгений Семенович Табачников, который тесно участвовал в этом проекте, предложил использовать выступление президента в Ялте и обратиться в Крым. 30-го октября 2014 г. мы с графом Петром Петровичем Шереметевым написали Председателю Совета министров Республики Крым С.В. Аксенову².

Глава правительства Республики Крым С.В. Аксенов поддержал идею установки Памятника в одном из четырех городов: Керчи, Евпатории, Феодосии или Ялте.

Благодаря поддержке Министерства культуры, совместно с Российским военно-историческим обществом, уже создана рабочая группа и подготовлена дорожная карта по практической реализации создания Памятника Примирения. Предлагается провести в 2016 г. открытый конкурс на скульптурное решение Памятника Примирения и общественное обсуждение проекта и места его возведения в 2017 г. – в День народного единства 4-го ноября. <...>

² Текст письма С.В. Аксенову опубликован в настоящем издании, с. 262.

«Гримальди на Черном море» Письма

13 ноября 2015 г.

Министру С.В. Лаврову
Министерство иностранных дел
Москва О: раскопки в Крыму

Глубокоуважаемый Сергей Викторович,

17 декабря с.г. завершается Год Российской Федерации в Монако. На недавней встрече с Владимиром Путиным в Кремле князь Альбер II дал высокую оценку этому событию, назвав его «ключевым событием года» для Монако. В контексте доброжелательных отношений, сложившихся между президентом России и князем Монако, для дальнейшего укрепления сотрудничества между странами, полагаю, было бы полезным изучить вклад династии Гримальди в освоение Причерноморья и Крыма, и тем самым показать исторические основы современного сотрудничества между двумя странами. С этой целью предлагаю организовать археологические раскопки с участием специалистов из России и Монако двух развалин генуэзских крепостей в Крыму.

Осуществление такого незатратного совместного проекта в нынешней ситуации в европейском сообществе могло бы сыграть и культурную, и политическую роль. Месяца три тому назад, в беседе с послом Орловым по случаю открытия выставки об исторических связях Романовых с Гримальди, князь Альбер с интересом отнесся к высказанной послом идее о совместных археологических раскопках в Крыму в 2016 г.

Администрация Монако, на заседании, которое состоялось этим летом, поддержала инициативу совместных раскопок вместе с их главным архивариусом и полномочным по делам культуры и спорта. Мне также представляется, что этот совместный проект послужит укреплению международного имиджа русского Крыма.

Уважаемый Сергей Викторович, более подробно о представителях рода Гримальди в Крыму изложено в книжечке, которую я передал Вам на V Всемирном конгрессе соотечественников.

Конечно, есть и противники нынешнего сотрудничества с Россией. Так, до моего выступления на официальном приеме по поводу года России в Монако, принц Полиньяк меня предупредил не говорить об исторических связях рода Гримальди с Крымом, ссылаясь на указания от МИДа Франции. Я же, выступая на русском и французском языках, сказал, что мы все здесь собрались благодаря тому, что Крым дважды дал убежище представителям рода Гримальди в Средние века, и благодаря дружбе между князем Альбером II и президентом В. Путиным. После этого выступления принц Полиньяк мне сделал выговор, на что я ответил, что я в подобных политических перипетиях не разбираюсь и просто констатировал исторические факты.

Предлагаю: вопрос об организации в Крыму исследований с участием археологов из России и Монако мог бы обсудить с князем Альбером министр культуры В. Мединский на закрытии года России в Монако 17-го декабря.

С искренним уважением,
Никита Лобанов-Ростовский

От кого: IED <led@mid.ru>
Дата: 25 января 2016 г., 14:27
Тема: IED МИД России - Гримальди
Кому: drolegbarabanov@gmail.com

Уважаемый Олег Николаевич,

В порядке информации сообщаю Вам, что обращение Н.Д. Лобанова-Ростовского от 13 ноября 2015 г. на имя С.В. Лаврова относительно российско-монакского исследовательского проекта по изучению исторического наследия династии Гримальди в Крыму проработано МИД с Минкультуры России.

Минкультуры России поддерживает эту инициативу. Соответствующие предложения по проведению археологических полевых работ направлены этим ведомством в ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"», на территории которого располагаются генуэзские крепости Каламита и Чембало. Имеется также в виду подключить к проекту подведомственные Минкультуры России научно-исследовательские учреждения – Государственный институт искусствознания (организация международных конференций) и Государственный научно-исследовательский институт реставрации (содействие полевой консервации археологических предметов и их музеефицированию).

В ходе пребывания министра культуры Российской Федерации В.Р. Мединского в Монако в рамках закрытия Года России в Княжестве (16–17 декабря 2015 г.) в принципиальном плане согласован вопрос об экспонировании в 2016 г. архивной выставки «Гримальди и Романовы. Три века истории (XVII–XIX вв.)» помимо Москвы (Музеи Кремля или Исторический музей) также в Крыму (музей-заповедник «Херсонес Таврический»).

С уважением,

Владимир Мокрый
IED МИД России
телефон: (499) 244-19-75

11 февраля 2016 г.

Г.Л. Мурадову

О: книга о Гримальди в Крыму

Дорогой Георгий Львович!

Хочу Вам сообщить, что мое обращение от 13 ноября 2015 года на имя С.В. Лаврова относительно российско-монакского исследовательского проекта по изучению исторического наследия династии Гримальди в Крыму проработано МИД с Минкультуры России.

Передняя и задняя обложки книги Олега Барабанова «Гримальди на Черном море».

17 декабря 2015 г. на церемонии завершения Года Российской Федерации в Монако, министр культуры В. Мединский обсудил с князем Альбертом II вопрос о возможности экспонирования в 2016 г. архивной выставки «Гримальди и Романовы. Три века истории (XVII–XIX вв.)» в России, а именно: в Москве (Музеи Кремля или Исторический музей) и в Крыму (музей-заповедник «Херсонес Таврический»).

В контексте доброжелательных отношений, сложившихся между президентом России и князем Монако и для дальнейшего укрепления сотрудничества между странами мне представляется полезным издание книги О. Барабанова «Гримальди в Крыму».

Эта книга О. Барабанова, на французском и русском языках, обстоятельно повествует о вкладе династии Гримальди в освоении Причерноморья и Крыма. Ее можно было бы продавать на выставке в Москве и в Крыму туристам, что, несомненно, послужит популяризации имиджа русского Крыма.

Уважаемый Георгий Львович, будьте так добры, помогите издать книгу профессора О. Барабанова «Гримальди в Крыму». Набранная книга на флешке, которую я передал Вам ранее. Набор книги я подготовил за свой счет. Единственное, что остается – это передать флешку с текстом в типографию и указать размер тиража книги размером А5.

Приложение: письмо из МИДа России профессору Барабанову О.Н. о вышеуказанном.

С искренним уважением,

Никита Лобанов-Ростовский

РЕСПУБЛИКА КРЫМ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПОСТОЯННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Новый Арбат, д.36/9, Москва, 121099
тел.: +7 (495) 690 7124

Web: www.pprkimea.ru
E-mail: pprka@pprkimea.ru

№ 03-21/163/16 от 14.02.2016

на № _____ от _____

Руководителю Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
М.В.СЕСЛАВИНСКОМУ

127994, ГСП-4, Москва, Страссной бульвар, д. 5

О поддержке в публикации книги «Гримальди на Черном море»

Уважаемый Михаил Вадимович!

В связи с тем, что 2015 год был объявлен Годом России в Княжестве Монако, известным российским историком, доктором политических наук, профессором МГИМО – Университета МИД России О.Н.Барабановым подготовлена книга «Гримальди на Черном море. Деятельность правителей рода Гримальди на территории Крыма в XIII–XV вв.».

МИД России совместно с Министерством культуры РФ поддерживает инициативу О.Н.Барабанова, реализуемую в рамках российско-монакского исследовательского проекта по изучению исторического наследия династии Гримальди в Крыму.

Как показывают последние исторические исследования первые представители рода Гримальди приняли активное участие в деятельности генуэзских торговых поселений Крыма и в освоении территории Черноморского региона. Этот исторический аспект представляет большой интерес и может сыграть важную роль в упрочении двусторонних отношений России и Монако.

Публикация книги О.Н.Барабанова, на наш взгляд, позволит подчеркнуть ценность общего культурного наследия, исторические и культурные связи между двумя государствами.

В этой связи прошу Вас, уважаемый Михаил Вадимович, рассмотреть возможность оказания финансовой помощи в публикации данной книги.

Приложение: макет книги на электронном носителе.

С уважением,

Г.МУРАДОВ

РЕСПУБЛИКА КРЫМ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПОСТОЯННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Новый Арбат, д.38/9, Москва, 121099

тел.: +7 (495) 609 7124

№ 09-2/284/16 ТХ 03 2016

от № _____ от _____

Web: www.presidentia.ru

E-mail: prkr@pkr.gov.ru

Министру культуры
Российской Федерации
В.Р.МЕДИНСКОМУ

125993, ГСП-3, Москва, Малый Гнездниковский пер.,
7/6, стр. 1, 2

О поддержке публикации книги «Гримальди на Черном море»

Уважаемый Владимир Ростиславович!

Благодарим Вас за поддержку архивной выставки «Гримальди и Романовы. Три века истории (XVII-XIX вв.)», которая будет экспонироваться в Крыму в ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический».

В контексте дальнейшего укрепления сотрудничества между Россией и Монако и противодействия попыткам международной изоляции Крыма представляется весьма полезным издание книги известного российского историка, доктора политических наук, профессора МГИМО – Университета МИД России О.Н.Барабанова «Гримальди на Черном море. Деятельность правителей рода Гримальди на территории Крыма в XIII–XV вв.», с ее последующей презентацией в Москве и Монако. Известно, что несколько поколений семьи Гримальди в средние века участвовали в освоении побережья Черного моря.

Инициатором этой идеи является известный меценат, коллекционер и общественный деятель князь Н.Д.Лобанов-Ростовский, поддерживающий дружеские отношения с правителем Монако князем Альбером.

Книга О.Н.Барабанова обстоятельно повествует о вкладе династии Гримальди в освоение Северного Причерноморья и Крыма, что позволит подчеркнуть общее культурное наследие, исторические и культурные связи между нашими государствами.

В этой связи прошу Вас, уважаемый Владимир Ростиславович, поддержать публикацию данной книги за счет бюджетных ассигнований, выделяемых Министерству культуры РФ в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы).

Со своей стороны, мы направили аналогичное письмо в Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать).

Приложение: письмо в Роспечать на 2 лл.

Г. МУРАДОВ

«Воссоединение Крыма с Россией возродило идею создания Памятника Примирения»¹

Беседу ведет Неонилла Пасичник

МСРС

Никита Дмитриевич, Вы известный в России и за ее пределами общественный деятель, первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников. Награждены званием «Соотечественник года 2012», Российской Нобелевской премией, орденом и дипломом за вклад в сохранение исторических и других духовных ценностей российских соотечественников, удостоены званием почетного академика Российской академии художеств. Что сейчас объединяет русских людей за границей в отличие, быть может, от предыдущих лет?

Международный совет российских соотечественников (МСРС) включает 137 организаций из 52 стран мира. Это международный совет, штаб-квартира которого находится в Москве, несколько лет назад отметил свое десятилетие. Преимущество МСРС перед Конгрессом соотечественников, директивной организацией федерального правительства, в том, что к МСРС не предъявляется иных требований, кроме объединения русскоязычной диаспоры. Русскоязычная диаспора подразумевает два типа людей. Главным образом, тех русскоязычных людей, которые находятся на территории бывшего СССР – их около 18 млн. Плюс 12 млн. тех, которые распылены на разных континентах, в том числе потомки белоэмигрантов. Что их объединяет – это русский язык. Но меня огорчает, что, несмотря на то что нас, русскоязычных 30 млн., за пределами России и русских общин нас никто не слышит! Мы не влияем на общественное мнение в странах проживания, в отличие от Мирового конгресса евреев или армян. А я предлагаю, чтобы большие организации, такие, скажем, как Русский мир, Конгресс русских американцев, МСРС, Координационный Совет соотечественников, Казачество объединились и создали свой орган, например Мировой русскоязычный конгресс. И выбрали бы во главу русскоязычного человека, не живущего на территории России, но который имел бы вес и которого уважали бы в Москве точно так же, как в Вашингтоне и других странах. Русская диаспора разобщена и не представляет политическую силу; она не влияет значительно на события во многих странах. Зато, если путем консолидации

¹ Сайт «Русская народная линия», 14 ноября 2015, http://ruskline.ru/special_opinion/2015/11/pamyatnik_primireniya/.

объединить главные организации соотечественников, то мы постепенно сможем утвердиться на национальной мировой арене. На многих наших заседаниях мы обсуждали вопрос привлечения Православной церкви к участию в Мировом русскоязычном конгрессе и решили, что духовенство должно в нем участвовать, но не должно доминировать, поскольку среди нас, русскоязычных людей, есть и иудеи, и мусульмане, и представители других вероисповеданий. Это чисто светская организация, в основе формирования которой должны быть культура и язык. Все остальное, как, например, религия и национальность, нас только разъединяет.

Помимо правозащитной работы, МСРС поддерживает темы гуманитарного характера. Например, решением московского правительства будет построено второе здание известного Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. В его залах планируется разместить постоянные экспозиции и проводить выставки культурно-исторического наследия русского зарубежья. Одна из решаемых Советом соотечественников задач – возвращение предметов искусства на историческую родину. Теперь русский человек, скажем, в Буэнос-Айресе или в Нью-Йорке, передавая картину, реликвию или скульптуру в дар России, будет знать, что это будет там на учете и не пропадет. И это очень важно людям моего поколения, потому что очень часто нам некому оставить художественные ценности, ибо дети и внуки этим не интересуются. Я лично приобретал на аукционах культурные ценности и передавал их в дар России и Украине.

Примирение

Памятник Примирения, который будет создан и установлен в Крыму в 2017 г. – это ведь Ваша давняя идея? По этому ли вопросу Вы недавно побывали в Москве?

Событие исторического масштаба – воссоединение Крыма с Россией возродило идею создания Памятника Примирения. Ведь Крым был последним кусочком русской земли, откуда и началась история русской «белой» эмиграции. Сегодня, как отметил президент России, «Крым может сыграть уникальную объединяющую роль для России, став историческим и духовным источником еще одной линии примирения, как красных, так и белых». Об этом я сказал в своем выступлении на V Всемирном конгрессе соотечественников 5 ноября 2015 г. Памятник Примирения должен призывать к Покаянию за все преступления, которые были совершены в репрессиях и гражданских конфликтах, независимо от того, кто в них больше был виновен – красные или белые. Мы убеждены, что без Терпимости, Примирения и Покаяния – которые основаны на вере или хотя бы на

стремлении обрести веру – не может быть и народного единства. Мы получили благословение и предварительное согласие Святейшего Патриарха Кирилла на участие в открытии Памятника. Установкой памятника занимается возглавляемое министром культуры Владимиром Мединским Российское военно-историческое общество. 30 ноября в Международном информационном агентстве «Россия сегодня» состоялась пресс-конференция, положившая начало реализации проекта по сооружению Памятника Примирения в Крыму, который предполагается открыть 4 ноября 2017 г. С декабря прошлого года объявлен сбор народных пожертвований на создание монумента и открытый международный конкурс на скульптурное решение памятника в Крыму².

Среди городов, в которых мог бы быть установлен памятник, сейчас рассматриваются, в первую очередь, Керчь, где будет построен мост через Керченский пролив, а также Феодосия, Ялта и Евпатория. На состоявшемся недавно в Москве заседании Военно-исторического общества большинство проголосовало за мое предложение, но окончательного решения пока нет, поскольку не все участники РВИО присутствовали. По моему предложению Памятник мог бы находиться возле того места в Керчи, где начинается мост на материковую часть России. Оттуда Памятник будет хорошо виден, подобно Памятнику Свободе в Нью-Йорке.

Но наш Памятник Примирения посвящен трагедии революции и Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. и будет символизировать общность нации, гражданское примирение потомков «белых» и «красных». Приближается 100-летие Октябрьского переворота, который не только привел к гибели миллионов россиян, к разрушению тысяч православных храмов, но и, по нашему глубокому убеждению, затормозил развитие нашей родины, на долгие годы удалил Россию от семьи европейских народов. Октябрьский переворот как раз и привел к тому расколу общества, от которого Россия и Русский мир до сих пор не могут оправиться!

Эта инициатива не спущена кем-то «сверху». Это наша, исходящая от нескольких разных по убеждениям людей гражданская инициатива, не продиктованная никакими идеологическими, групповыми или корыстными соображениями. Соответственно, мы исходим из того, что и Памятник Примирения России должен быть сооружен на средства, собранные русским народом, российскими гражданами и зарубежными соотечественниками.

Нам – «белым» и «красным», русским и россиянам, верующим и неверующим, православным и мусульманам – нужно обрести еще и гражданское согласие. Не «спущенное сверху», а настоящее, выстраданное. Так пусть памятник-символ такого согласия поставит окончательную точку в

² С условиями конкурса можно ознакомиться на сайте РВИО по ссылке: <http://histrf.ru/ru/rvio/activities/projects/item-2202>.

истории разделения народа и станет основой для будущего партнерства и сотрудничества всех россиян, независимо от политических взглядов, в какой бы стране они ни находились, во имя и на благо России!

Памятник Примирения должен символизировать не только общественное согласие, межэтническую и конфессиональную толерантность, а его смысловое содержание должно быть направлено против духовного разобщения соотечественников, живущих в России и вне исторической Родины. Этот памятник, как историческая точка отсчета – символ понимания исторической трагедии раскола русского общества и для будущего взаимопонимания и примирения в том числе современных России и Украины.

Расстрел Романовых

Никита Дмитриевич, Вы принимали непосредственное участие в приобретении материалов дела о расстреле царской семьи, которое вел следователь Соколов и передаче их в Россию. Ваше отношение к расследованию нового дела о «екатеринбургских останках»?

Да, в свое время я уговорил барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна купить на аукционе Sothebys «архив» Соколова за счет правящего князя Лихтенштейна. Затем архив Соколова обменяли на личный архив князя Лихтенштейна, который находился в СССР как трофей. У Соколова все четко написано. Он был честным человеком и лицом незаинтересованным. Если он сказал, что собрал в пепелище кости двух детей, ему можно доверять. Алексей и Анастасия были худенькими, маленькими, их вполне могли сжечь на простом костре, как об этом сказано даже в незначительном на первый взгляд свидетельстве, которое нельзя исключать из делопроизводства. Так считал князь Алексей Павлович Щербатов, член Зарубежной экспертной комиссии, мой дядя, с которым я был близок в Нью-Йорке. Я имею в виду воспоминания красноармейца, чекиста Григория Ивановича Сухорукова, привлеченного к перезахоронению останков после неудачного их первоначального погребения в шахту: «Трупы были извлечены из шахты, думали их сразу похоронить на дороге, но дорога оказалась каменистой... Чтобы белые не смогли опознать трупы по количеству, два трупа, Алексея и Анастасии, сожгли. Трупы оставшихся сбросили в яму, залили кислотой, потом засыпали землей и перекрыли сверху шпалами. На месте кострища от двух трупов вырыли яму, потом заново закрыли и сверху развели еще один костер». Согласно рассказу Соколова, прибыв на место расправы с царской семьей, он не нашел тела государя. Однако в обнаруженном им небольшом костре, по его предположениям, были сожжены двое детей, вероятнее всего царевич Алексей и сестра его Анастасия. Эти уцелевшие кости Соколов сло-

жил в мешок, поместил в чемодан и через Дальний Восток привез в Париж. Живой еще тогда великий князь Николай Николаевич не захотел принять у Соколова коробку. И он передал ее находившемуся в Париже бывшему послу царского правительства Гирсу. Тот положил их в банковский сейф в Лионе. Сам Соколов умер в 1924 г. Из Лиона коробку с остатками костей, пулями от нагана, зубами, уже сухой землей великий князь Владимир Кириллович решил поместить в только что достроенный православный храм-памятник святого Иова Многострадального в Брюсселе. В самом начале Второй мировой войны коробку замуровали в стене храма, где она и хранится.

София

Никита Дмитриевич – Вы русский князь. Родились в Болгарии, на родине просветителей славян святых Кирилла и Мефодия. Что запомнилось с детских лет?

Родился я в Софии, поскольку октябрьский переворот 1917 года привел к появлению волны русских беженцев, преимущественно элит дворянства и духовенства. Эти беженцы рассеялись по всей Европе, но по большей части в Болгарии, Сербии и Франции. Епископ царицынский Дамиан (Царицын позднее стал Сталинградом, а сейчас Волгоград), поселился в Болгарии и основал здесь русское пастырско-богословское училище в монастыре Святого Кирика и Иулиты, близ Асеновграда. С 1922 по 1937 г. там обучались десятки студентов, ставших священниками в Болгарии и соседних странах. Владыка Дамиан стал архиепископом и имел намерение преобразовать семинарию в Духовную академию, но его земной путь оказался краток для осуществления замысла. А одним из жертвователей на устроение семинарии был мой дедушка князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, поддерживавший с владыкой Дамианом дружеские отношения. Дедушка был помещиком, в том числе, и в Ефремовском уезде Тульской губернии, владел домами в Москве и Петербурге. В Болгарию эмигрировала вся семья моего дедушки, так как он любил православное богослужение, а в Софии в соборе Александра Невского пел замечательный хор, куда входили певцы Болгарской оперы. Совсем недавно Болгарской Православной Церковью был прославлен святитель Богучарский Серафим (Соболев) и теперь его мощи почитают в соборе Александра Невского. Собираюсь быть в Софии в мае и надеюсь приобрести у правнука владыки Дамиана альбом о монастыре Святого Кирика, где воспроизводится запись о том, что «князь Лобанов-Ростовский из личных средств в 1924 году отпустил 4800 лев на стипендию для учащихся». Я непременно передам альбом в музей князей Лобановых-Ростовских в Ростов Великий.

До вторжения в 1944 г. Красной армии Болгария была для меня страной, где я чувствовал себя дома, жил нормальной семейной жизнью, с родителями, бабушкой и дедушкой. Няня Елена Иванюк меня страшно баловала, а когда в 1947 г. двенадцатилетним мальчиком я вышел из тюрьмы, няня была единственным человеком, который дал мне приют.

До сих пор очень четко помню, как в августе 1943 г. по радио объявили о смерти царя Бориса, крестника последнего Российского императора. Колокола софийских соборов тогда скорбно звонили о его кончине. А мой дед встал и перекрестился... Реакция деда оставила очень сильное впечатление в моем детском сознании. Гитлер вызвал царя Бориса в Берлин – уговорить, чтобы он объявил войну СССР и послал болгарские войска на Восточный фронт. Однако несмотря на то что царь Борис был по происхождению немцем из Сакс-Кобург-Готтской династии, а Болгария входила в состав Оси, он отказался выполнить «пожелание» фюрера, поскольку Болгария традиционно слишком привязана к России. Царю Борису удалось убедить Гитлера не отправлять болгарские войска на советско-германский фронт, а использовать их в основном в оккупационной зоне в Югославии и Греции. После встречи с Гитлером царь Борис скоропостижно скончался 28 августа, по официальной версии, от сердечного приступа. В народе же верили, что немцы подложили яд в его кислородную маску (в то время еще летали на самолетах «мессершмитт» с масками). Другое мое воспоминание связано с переездом из центра разбомбленной Софии в предместье, где у наших знакомых армян под фамилией Мурадян был склад. Там мы и прожили до конца войны.

Няня

Осенью 1946 г., после неудачного побега пешком в Родопских горах, болгарские пограничники поймали нас на греческой территории. Таким образом мы попали в военную тюрьму в Софии. Из-за недоедания я заболел. Поэтому меня перевели в Софийскую центральную тюрьму для уголовников, где кормили три раза в день. Спустя четыре месяца меня и маму перевели в «переправочное» заключение в 5-ом участке на ул. Марин Дринов. В те годы участок находился в бывшем турецком караван-сараяе, переделанном в тюрьму. Сегодня на этом месте стоит современное здание, в котором располагается тот же отдел полиции. В мае 1947 г. цыган Аванта, вор калош с калошной фабрики, где он работал, с которым я был в одной камере, был выпущен на свободу. Я попросил его сходить к моей няне Елене Ивановне Иванюк, которая жила в пяти минутах ходьбы от участка и дать ей знать, что мы с мамой в 5-ом участке. Три

дня спустя к няне пришли трое-двое в униформах и один – в штатском и сказали няне, что она им сделает большую услугу, если согласится меня принять, потому что я маленький, и они не имеют право держать меня в участке. Все остальные наши знакомые отказались, а няня согласилась, потому что я ей был как сын. Ее дочь Валя рассказывала, как на следующий день я появился – грязный, в потертой одежде и непричесанный. Я обрадовался этой встрече, но начал говорить няне, что у меня будет пища, а у мамы – нет! Тогда няне разрешили два раза в неделю носить маме в участок еду, но чтобы она не сама приходила, а чтобы еду приносила ее младшая дочь и я. Несмотря на то, что еда покупалась по талонам (был дефицит пищи), няня выкраивала из семейного пайка, делала два битка, которые она завертывала в фольгу и клала в алюминиевую коробку. Мы с Валею несли эту коробку в полицию и передавали у входа для мамы. Иногда были сырники или то, что было в доме на данный момент. Время от времени мама появлялась у окна (окна были без стекол с двумя железными вертикальными прутьями) и кидала нам записку, а полицейские притворялись, что не замечают.

Семья Иванюк жила в одной комнате на улице Сан Стефано, 8. На одной постели спали няня и ее супруг Николай Миронович, а на другой Валя с сестрой Галей. После моего прихода, хозяйка квартиры согласилась уступить вторую комнату. Вход в эту комнату был через комнату няни. Поэтому-то хозяйка и согласилась уступить ее. В результате во второй комнате спали Валя на диване, а я на кровати.

Няня работала уборщицей во Французской дипломатической миссии, ибо там платили больше чем в местных учреждениях, а Николай Миронович служил счетоводом.

Украина

Что Вы можете сказать о событиях, происходящих в Украине?

Нынешнее состояние Украины объяснимо тем, что ни одно ее правительство не соглашалось дать элементарные права русскоговорящему населению. Эти права меньшинств четко прописаны в Уставе ООН. Все последние три лидера грабили страну и мало чем другим занимались. Девять лет тому назад я выступал в ООН на презентации Международного совета русских соотечественников (МСРС), созданного в 2002 г. Совет имеет ассоциированный статус при Департаменте общественной информации ООН, при Экономическом и Социальном Совете ООН. В штаб-квартире ООН за круглым столом были подняты темы нарушения рядом стран основополагающей конвенции ООН в применении их к русскоязычному населению, а также проблеме массового безгражданства русских в Латвии и

Эстонии – этого позорного явления. Представитель от Украины Вадим Колесниченко обратил внимание на проблему вытеснения русского языка на Украине. Теперь оказался изгнанным из страны.

Можно провести параллель между Болгарией – страной где я родился и провел юность, включая тюремный срок, который я «отмотал» в 12 лет за свое происхождение, – и Украиной, страной, которая мне напоминает Болгарию. Из болгарской тюрьмы меня освободили благодаря вмешательству ООН. Само собой напрашивается сравнение с отставкой болгарского премьер-министра Бойко Борисова. Это произошло после череды массовых протестов против высоких цен на электроэнергию и правительственных мер экономии. Болгария – самая бедная страна Еврозоны и, подобно Украине, сильно коррумпирована. Решению премьера об отставке предшествовал ряд столкновений, в ходе которых пострадали люди – 8 человек. Выступая перед парламентом премьер-министр заявил, что «отказывается состоять в правительстве, при помощи которого полиция избивает людей». В Украине мы видим, что не только само правительство избивает людей, но уже идет гражданская война – люди стали защищаться от действий правительства... Жертвы исчисляются тысячами. Террористические акты совершаются у стен правительства. Это свидетельствует о глубоком кризисе украинского общества, искусственно созданного Лениным в 1922 г. Поэтому попытки запрещения коммунистической партии Украины выглядят по меньшей мере абсурдными.

Напрашивается еще одна параллель с Болгарией, когда в 2001 г. Народное собрание Болгарии избрало премьер-министром бывшего болгарского царя Симеона II, лишённого трона малолетним, в 1946 г. Стоит отметить, что на то время президентом страны был член компартии Болгарии. Выступая перед парламентом в качестве премьер-министра, Симеон II, исповедующий православие, подчеркнул необходимость сохранения преемственности во всем положительном, что было совершено в стране до сих пор. В украинском правительстве мы не наблюдаем подобного стремления, а видим разрушительную безответственную деятельность, не опирающуюся на опыт предшественников. Деструктивная политика руководства страны привела к гражданской войне. Это свидетельствует о том, что правительство страны слабо знает ее традиции и историю, а также руководствуется в своих действиях не чаяниями каждого гражданина государства, а навязанными извне ценностями, ему не присущими.

К примеру, в Болгарии в 1946 г. состоялся референдум, в результате которого провозглашенный царем, по смерти в 1943 г. отца царя Бориса Третьего, 9-летний монарх Симеон II покинул Болгарию. Долгие годы Симеон занимался бизнесом, жил в Мадриде, имея испанское гражданство с

фамилией графа Рыльского. Он создал Национальное движение Симеона II (НДСВ), которое победило на парламентских выборах в 2001 г. и получило право на формирование правительства.

Ваш род происходит от династии Рюрика, первого правителя Киево-Новгородской Руси, явившей миру многих святых, начиная равноапостольной княгиней Ольгой и ее внуком равноапостольным князем Владимиром, просветившим Русь светом Крещения. Вполне естественно, что Вы – представитель династии Рюриковичей – пытаетесь вразумить некоторых бывших представителей династии Романовых.

Потомок Рюрика, Святослав II, сын Ярослава Мудрого и внук святого равноапостольного Владимира (Красное Солнышко), был великим князем Киевским и Черниговским и являлся началом старшей линии дома Рюрика. От этой линии происходит святой Михаил Черниговский, князь Новгородский и великий князь Киевский и Черниговский, от которого берут начало древние русские княжеские роды Щербатовых, Лобановых-Ростовских, Долгоруких, Бярятинских.

Что касается темы прекращения династии Рюриковичей, правивших Русью 700 лет, то произошло это во времена так называемого Смутного времени, когда по указке Бориса Годунова был умерщвлен царевич Димитрий Иоаннович, младший сын царя Иоанна Грозного – законный претендент на русский престол. Народ не простил царю Борису это злодеяние, а мощи святого царевича Димитрия были обретены после кончины Годунова. Величайшая опера всех времен и народов «Борис Годунов» Мусоргского повествует о том, как соблазнившийся властью монах-расстрига Гришка Отрепьев, называемый Лжедмитрием, поверг наше отечество в смуту. Похоже, что и сейчас княгиня Мария Гогенцоллерн (урожденная Романова), пытается посеять смуту, потому раздает и продает ордена и титулы Российской империи, такие, которые даются только Главой государства! Семье Романовых стыдно, что один из них в буквальном смысле ведет противозаконную торговлю фальшивыми титулами и наградами. Для всех нас, аристократов и дворян, это, прямо скажем, унижительно.

Довольны ли судьбой Вашей коллекции?

Что касается коллекции русской театральной живописи, которую я собирал с супругой Ниной в течение 50-ти лет, посещая русских художников, разбросанных волей исторических обстоятельств по всему миру, то действительно, на сегодняшний день она уникальна. Ибо представляет не только художественную, но и историческую ценность, как уникальный до-

кумент. Рад, что ныне судьба нашего собрания картин связана с Россией. Она была приобретена фондом «Константиновский», хранится в Театральном музее в Петербурге и продолжает путешествие по всему миру, а я остаюсь гидом на выставках своей коллекции, как и в 1998 г. в Японии, где, как Вы помните, выставка демонстрировалась в Музее современного искусства Йогогамы под российским флагом!

Что нового в жизни уютной дворянской усадьбы в Ростове – Доме-музее князей Лобановых-Ростовских?

В 2000 г. директор Филевского парка Валерий Кособуцкий мне предложил создать Дом-музей в парке. Это на основании плана развития Филевского парка, в котором предвиделся музей – выставочный зал Я принял приглашение, закрепленное постановлением правительства г. Москвы и договором, составленным юристом правительства г. Москвы и моим адвокатом Ю. Кузнецовым. Суть соглашения была в том, что правительство Москвы мне дает за номинальную аренду, пожизненно, нововыстроенный дом (в советском и нынешнем российском законодательстве не существовало концепции «дарения дома»). Параллельно с этим, за свой счет, я заполняю музейную часть портретами и реликвиями, а офисные помещения надлежащей мебелью. Официальное открытие музея совершилось в 2001 г. С уходом мэра Лужкова, новая администрация указала мне, что юридические документы, связанные с музеем, не действительны. И предложили, чтобы я вывез из дома все его содержание. В результате я написал министру культуры Мединскому 6 ноября 2012 г., предлагая передать содержание Дома-музея Лобановых-Ростовских Государственному Ростово-Ярославскому музею «Ростовский Кремль». В результате Минкульт направил свое согласие в Ростов в письме от 13 декабря 2012 г. Я дождался оттепели и на грузовике добрался до нашего дома в Филевском парке в начале апреля, дабы вывезти все содержание в Ростов. Видимо в благодарность за вклад в обустройство Отечества, в нашей древней вотчине во граде Ростове Великом на улице Пролетарской решили устроить в 2018-м году Музей рода Лобановых-Ростовских, где будут храниться в числе документов и экспонатов мои книги и книги обо мне.

В это же время московский дом князей Лобановых-Ростовских на Мясницкой стал собственностью гангстера, угрозами заставившего прежнюю собственницу продать ему дом. И вот уже Департаментом культурного наследия города Москвы 19 января 2016 г. оформлен акт приемки выполненных работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Дом Лобанова-Ростовского синтерьерами, 1790 г., арх. М.Ф. Казаков» по адресу: ул. Мясницкая, д. 43, стр. 1. Собственником объекта культурного

наследия является Некоммерческое партнерство по развитию культуры и искусства «Меценат Клуб». Работы по сохранению объекта культурного наследия проведены за счет средств собственника – Некоммерческого партнерства по развитию культуры и искусства «Меценат Клуб». Я об этом узнаю только сейчас!..

Когда-то в СССР возник принцип дома или квартиры-музея, как института памяти, практически не известного на Западе. Но я голосую «За!» обеими руками. <...>

Национальная портретная галерея

Никита Дмитриевич, Вы ведь хлопотали и о создании Российской национальной портретной галереи?

Вы затронули один из сложнейших вопросов, который имеет принципиальное значение в том смысле, что готово ли современное российское общество увидеть многовековую историю своей страны без изъятия отдельных исторических персонажей из «смутных времен» как далекого прошлого, так и XX в. Парадокс заключается в том, что это мое видение Национальной портретной галереи, которую я высказал семь лет назад, получило одобрение руководства страны и Министерства культуры. Кстати, напомним, что тогда в России шла подготовка к празднованию 1150-летия российской государственности и НПГ России была призвана стать тем институтом, который и россиянам, и зарубежным зрителям представил через портрет историческую панораму прошлого на протяжении всей многовековой истории России.

Именно, так в 2011 г. и виделась будущая галерея в Решении Коллегии Министерства культуры о создании НПГ России, в котором было недвусмысленно сказано, что «Национальная портретная галерея должна представить в лицах историю России от времен появления первых исторических достоверных произведений до настоящего времени». И сегодня, когда после стольких лет настойчивых наших усилий Общественный совет при Министерстве культуры рекомендует вновь вернуться к проекту создания НПГ России, у отдельных официальных представителей музейного сообщества появляется иной подход к формированию НПГ России посредством ограничения избранными хронологическими рамками XVIII – начала XX в., ибо «тогда не возникает сколько-нибудь значительных сложностей для исторической оценки той или иной портретируемой личности, и тем более, если рассматривать, историю как единый процесс, изъятие из которого только нарушает объективность и полноту исторического прошлого». Не вступая в спор по поводу довольно спорного

аспекта этого утверждения, приведу мнение президента России В.В. Путина на встрече с историками (5 ноября 2014 г.): «А что касается XX века, для нас все важно: и более отдаленное прошлое, и ближайшее, новейшая история. С ней труднее, с этой новейшей историей, потому что там еще очень много политизированного, не все раны даже зажили еще, особенно если взять Гражданскую войну, противостояние красных и белых. Но тем не менее все равно надо с этим разбираться, надо стремиться к максимальной объективности, и, безусловно, нужно знать наше ближайшее прошлое».

Абсолютно уверен, что посетитель российских музеев, а я здесь основываюсь на собственном опыте общения с ним – это достаточно эрудированный и образованный человек, и он имеет полное право знать все страницы и персонажи отечественной истории, а не с «доской почета», причиснанной под чьи-то сиюминутные интересы. Я бы хотел, чтобы формирование концепции НПП России было бы не только сугубо внутриведомственным делом, и предшествовала созданию галереи обстоятельная и открытая общественная дискуссия, включая тех, кто знакомы с лондонской Национальной портретной галереей. <...>

Москва – Русский мир¹

Интервью вел Андрей А. Новиков-Ланской

А.А. Новиков-Ланской и Н.Д. Лобанов-Ростовский. Москва, 2016 г.

X Ассамблея Русского мира, приуроченная ко Дню народного единства, собрала в Москве несколько сотен соотечественников из многих стран. Одним из наиболее деятельных участников, как и в прежние годы, был князь Никита Лобанов-Ростовский, почетный председатель Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, знаменитый собиратель русского искусства и филантроп.

Он рассказал МОСЛЕНТЕ о том, как русские за рубежом живут в постоянной дезинформации, как делегаты Ассамблеи будут с этим бороться и зачем им помогать нашей стране.

¹ <http://moslenta.ru/article/2016/11/08/lobanovrostovskij/>, 8 ноября 2016

Неиспользуемые силы

Было не так много патетики и общих слов, звучало много объективных идей и конкретных предложений, как привлечь нашу диаспору к популяризации русского языка и русской культуры. За пределами России живет тридцать миллионов соотечественников, это огромная потенциальная сила, которая сегодня почти не используется.

Много профессионалов высочайшего уровня с колоссальными международными связями хотели бы работать с Россией.

Например, князь Трубецкой предложил разработать закон, который позволил бы соотечественникам полноценно участвовать в делах России, избираться в государственные органы, входить в советы директоров корпораций. Среди соотечественников много профессионалов высочайшего уровня с колоссальными международными связями, и они хотели бы работать с Россией, если бы была возможность.

Жизнь под прессингом и примирение в Крыму

Я переехал в Лондон из Нью-Йорка еще в 1979 г. и хорошо помню прежнюю «холодную войну». Так что мне не привыкать. Я стараюсь смотреть российские телеканалы и канал «Аль-Джазира», там меньше дезинформации, чем на «Би-Би-Си». Имея три разных источника новостей, начинаешь выявлять объективную картину.

Мы же знаем, что там было в действительности и как крымчане голосовали.

Мне понравилось предложение американского делегата подумать о создании единой государственной структуры, которая бы целенаправленно боролась бы с дезинформацией о России. Например, англичане уверены, что жители Крыма проголосовали за воссоединение с Россией под дулами русских автоматов. Потому что на «Би-Би-Си» с утра до вечера показывали репортажи о том, как российские войска захватывают Крым. Но мы же знаем, что там было в действительности и как крымчане голосовали. И что российские войска находились в рамках договора с Украиной. Я в Крыму бываю часто и знаю, что люди там на самом деле думают.

Кстати, через год в Крыму будет официальная закладка камня на месте будущего Памятника Примирения, установить который предложил я, а потом, надеюсь, и сам памятник. Это важно, потому что разделение на «белых» и «красных» до сих пор не преодолено до конца. Еще я с трибуны предложил делегатам проголосовать за то, чтобы провести следующую

ассамблею Русского мира в Крыму. В огромном зале только три человека воздержались, остальные поддержали.

Разделение на «белых» и «красных» до сих пор не преодолено до конца.

Теперь руководству фонда будет трудно отказаться от этой идеи. Соотечественникам крайне важно увидеть, что столько серьезных уважаемых людей – общественных и культурных деятелей, предпринимателей, благотворителей – едут в российский Крым, дабы поддержать своим присутствием идею примирения.

О благотворительности

Я передал России не менее пятнадцати тысяч единиц хранения. Помимо изобразительного искусства, это и материалы, важные для историков – архивные документы, рукописи императоров, фотографии, книги. Есть довольно дорогие вещи. Например, в прошлом месяце я подарил картины Брака, Экстер, Машкова – их совокупная стоимость около миллиона евро.

Чтобы сделать что-то хорошее для России, нужно преодолеть много препятствий.

Теперь я передаю предметы из своей коллекции Ростову Великому – московский музей в Филях давно закрыли, так как власти столицы сочли прежние соглашения с правительством Лужкова «юридически не обоснованными». Если все будет благополучно, там к 2018 г. отреставрируют старый дом и сделают музей. Экспозиционное пространство там небольшое, около трехсот метров, но теоретически хотя бы четверть из всего того, что я им подарил, можно будет разместить.

Мне постоянно приходится встречать нежелание властей идти на встречу. Кому-то может показаться странным, что люди не хотят сотрудничать – чаще всего, ссылаясь на разные инструкции, процедурные ограничения. Я понимаю, для них это головная боль, надо все это как-то оформлять, лишняя работа. Чтобы сделать что-то хорошее для России, нужно преодолеть много препятствий. Меня это не останавливает, я к этому привык. И потом, я же не ради сегодняшнего дня стараюсь – я смотрю на столетия вперед.

Джорджо де Кирико. Меланхолия поэта, 1916 г. Картина была передана в дар ГМИИ им. А. С. Пушкина. Дарители князь Никита и Нина Лобановы-Ростовские. Фото: Григорий Собченко / Коммерсантъ

ДРУГИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Национальная портретная галерея

Письма

Ассоциированный статус при Департаменте общественной информации ООН.
Специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН

Международный союз общественных объединений

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

105120, Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5

Тел.: +7(495)916-2571. Факс: +7(495)916-3067

E-mail: msrc@mail.ru Сайт: www.msrc.ru Skype: msrc-mos

Facebook: www.facebook.com/MSRC.2013 Twitter: @MSRS2003

Иск. № 287/14
30 XI 2010 г.

**Президенту Российской Федерации
Путину Владимиру Владимировичу**

О ходе неисполнения Минкультуры России проекта:
«Национальная портретная галерея» (НПГ).

Многоуважаемый Владимир Владимирович,

26 января 2017 года исполняется 7 лет со дня, когда Вы, на встрече с министром культуры Авдеевым А.А. одобрили предложение о создании в России НПГ и ее размещения в залах Государственного исторического музея. Поддержав эту инициативу в январе 2010 года, Вы отметили что: «Представители русской эмиграции первой волны сформулировали в свое время очень хорошую идею создания национальной галереи портрета».

Что же за прошедшие годы было сделано руководством Министерства культуры? Кроме различных постановлений, к сожалению, ничего.

Таким образом, за 7 лет такой деятельности Министерство культуры сумело Национальную портретную галерею России основательно «закопать в бумагах на исполнение принятых решений».

Эти обстоятельства вынуждают нас, представителей гражданского общества, вновь обратиться, к Вам, национальному лидеру России, ибо иначе практическая реализация общественно значимого проекта «Национальная портретная галерея», к сожалению, не возможна.

В приложении описание произошедшего за 7 лет и копии писем на эту тему.

С уважением,

П.П. Шереметев,
Почетный Председатель Президиума МСРС

Н.Д. Лобанов-Ростовский,
Почетный член Российской Академии художеств,
Первый заместитель Председателя Президиума МСРС

Табачников ЕС,
советник Председателя Президиума МСРС,
государственный советник Российской Федерации 2 класса

П. П. ШЕРЕМЕТЕВ

Н. Д. Лобанов-Ростовский

Табачников ЕС

Приложение:

2011 Решение коллегии Минкультуры создать НПП

2012–2016 гг., Минкультуры России

Годы диалога представителей МСРС с работниками Минкультуры, результатом которых, и то благодаря поддержке со стороны Администрации президента России, стало внесение вопроса о создании НПП в повестку дня Общественного совета при Минкультуре России.

9 декабря 2015 г. на заседании Общественного совета, в работе которого участвовал В.В. Аристархов, было принято решение: «Рекомендовать Минкультуры РФ создание виртуальной Национальной портретной галереи».

2016 г., Исторический музей

В соответствии с решением Общественного совета руководство Минкультуры дает поручение Историческому музею совместно с музейным сообществом подготовить концепцию и критерии формирования сетевого проекта «Национальная портретная галерея»: хронологические рамки экспозиции, отбор персоналий, произведений и их художественный уровень и пр. Данное поручение было выполнено, и 16 мая представители музейного сообщества и Института российской истории РАН на Круглом столе в Историческом музее одобрили общие подходы и концепцию формирования Национальной портретной галереи.

2016 г., РВИО

Далее, исходя из предложений, подготовленных музейным сообществом, руководство Минкультуры поручает реализацию проекта создания НПП Российскому военно-историческому обществу (РВИО), что повлекло за собой радикальные изменения в позиции Минкультуры России по вопросу создания Национальной портретной галереи.

Минкультуры России

Первый заместитель министра культуры В.В. Аристархов письмом от **18.07.2016** №11435-01 64 ВА официально сообщил руководству Международного совета российских соотечественников (МСРС), что «Национальная портретная галерея должна стать ресурсом, способствующим патриотическому воспитанию, образованию и просвещению подрастающего поколения, и что дальнейшая проработка вопроса о ее реализации должна проходить в контексте подготовки единого учебника истории России. Это явно не соответствует принципам, провозглашенным в «Основах государственной

культурной политики» (Указ Президента РФ 24.12. 2016 г.), а именно, что «государственная культурная политика основывается на признании огромного воспитательного и просветительского потенциала культуры и необходимости его максимального использования в процессе формирования личности».

Новая позиция Минкультуры по отношению к НПГ абсолютно не согласуется с первоначальным поручением – созданием Национальной портретной галереи и тем самым вызывает и недоумение, и глубокое разочарование у зарубежных соотечественников.

18 июля В.В. Аристархов пишет: *«Одновременно сообщаем, что данный вопрос не относится к компетенции Министерства культуры, в связи с этим рекомендуем обратиться в Министерство образования и науки Российской Федерации».*

На запрос МСРС, в котором мы уведомили руководство Минкультуры о согласии Минобразования и науки принять участие в работе оргкомитета по созданию НПГ и было предложено провести рабочую встречу по данному вопросу, из Департамента культурного наследия Минкультуры 9 декабря с.г. последовал ответ, что позиция Министерства неизменна по вопросу их (не) участия в создании НПГ и что они считают нецелесообразным проведение с нами (инициаторами данного проекта) рабочих встреч.

Копии писем:

16.05.2016 Протокол заседания при Государственном историческом музее

02.06.2016 Аристархов Лобанову

24.06.2016 Аристархов Швыдкому

18.07.2016 Аристархов Лобанову

24.10.2016 Каганов Лобанову

9.12.2016 из Департамента культурного наследия

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)**

М. Гнездиковский пер., д. 7/6, стр. 1, 2,
Москва, ГСП-3, 125993
тел. 8 (495) 629-20-08, факс 8 (495) 629-7269
E-mail: kultura@mkrf.ru

Директору
Государственного
исторического музея

А.К.ЛЕВЫКИНУ

« 19 » 12 2015 № 4499-05-05

на № _____ от _____

Уважаемый Алексей Константинович!

Председателем Президиума Международного совета российских соотечественников Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским было предложено создать Национальную портретную галерею.

Для реализации проекта по решению Коллегии Минкультуры России был организован комплекс музейных проектов, в том числе в 2012 году в Историческом музее была организована выставка портретов.

На заседании Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации 09.12.2015 вновь обсуждался вопрос о создании Национальной портретной галереи и было принято решение, что данная галерея в настоящее время может быть создана только как единый электронный каталог и мультимедийный портал в сети Интернет, основу которого составляют прежде всего коллекции и экспозиции Государственного исторического музея, Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея.

Одновременно было предложено поручить Государственному историческому музею выступить в роли координатора данного проекта.

В связи с решением Общественного совета (протокол от 09.12. 2015 №3) прошу Вас, уважаемый Алексей Константинович, организовать работу по подготовке концепции Национальной портретной галереи и представить ее на утверждение до 29.02. 2016 года.

Директор Департамента
культурного наследия

М.А. Брызгалов

Чечель Наталья Васильевна
8 495 629-10-10 доб. 1498

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
МИНИСТРА

125993, ГСП 3, Москва,
Малый Гнездовиковский пер., д. 7/8, стр. 1, 2
Телефон: +7 495 629 10 10
E-mail: min @ mkrf.ru

Первому заместителю
Председателя
Международного Совета
российских
соотечественников

Н.Д.ЛЮБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ

№ 16 от 16.12.15 № 563-Д/1-64-ВА

на № _____ от _____

Уважаемый Никита Дмитриевич!

Минкультуры России рассмотрело Ваши предложения по реализации проекта Национальной портретной галереи (далее - НПГ) от 04.04.2016 и сообщает, что в настоящее время прорабатываются организационные вопросы реализации указанного проекта.

Общественный совет при Минкультуры России (09.12.2015) предложил реализовать проект в формате интернет-портала.

Формат виртуальной галереи предполагает представление исторических персонажей, сыгравших значительную роль в истории России. Таким образом, проект имеет не только художественное, но и общественно-политическое значение.

По мнению Минкультуры России, оптимальным местом для размещения виртуальной НПГ является сайт История. рф.

Также полагаем целесообразным привлечение к разработке концепции НПГ Российской академии наук и Министерства образования и науки Российской Федерации.

В связи с вышеизложенным Минкультуры России приняло решение поручить реализацию проекта Российскому военно-историческому обществу. Соответствующий запрос руководству РВИО направлен.

Ваше предложение организовать комитет для содействия осуществлению проекта поддерживаем.

Минкультуры России готово принять участие в работе оргкомитета, привлечь к участию федеральные музеи в части подбора портретов и предоставления прав на экспонирование цифровых копий, а также обеспечить финансирование работ по созданию виртуальной галереи и оцифровке портретов.

В.В.Аристархов

С уважением,

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)**

**ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
МИНИСТРА**

125993, ГСП-3, Москва,
Малый Гнездинковский пер., д. 7/6, стр. 1, 2
Телефон: +7 495 629 18 10
E-mail: mail@mkrf.ru

«24» 06. 2016 г. № 10038-01-54-А.А.

на № _____ от « _____ » _____

ГРИЗОВАТЫЕ
24.06.2016
22.05.2016
А.А.

Специальному Представителю
Президента
Российской Федерации
по международному культурному
сотрудничеству

М.Е.ШВЫДКОМУ

Департамент по гуманитарному
сотрудничеству и правам человека
Минобрнауки
24.06.2016
А.А.

Уважаемый Михаил Ефимович!

Минкультуры России рассмотрело Ваше обращение от 23.05.2016 № МШ-228 о реализации планов создания Национальной портретной галереи (далее - НПГ) и сообщает.

Предложения первого заместителя председателя Международного Совета российских соотечественников Н.Д. Любанова-Ростовского о создании в России Национальной портретной галереи неоднократно обсуждались на различных площадках Минкультуры России. Общественный совет при Минкультуры России (09.12.2015) предложил реализовать указанный проект в формате интернет-портала.

По мнению Минкультуры России, оптимальным местом для размещения виртуальной НПГ является сайт История. рф.

Также полагаем целесообразным привлечение к разработке концепции НПГ Российской академии наук и Министерства образования и науки Российской Федерации.

В связи с вышеизложенным Минкультуры России приняло решение поручить реализацию проекта Российскому военно-историческому обществу.

Минкультуры России готово обеспечить финансирование работ по созданию виртуальной галереи и оцифровке портретов не ранее 2017 года.

С уважением,

В.В.Аристархов

Контакт: Наталья Паскаренко,
8 495 629-10-10 доб. 14-98

24.06.2016
1403545

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)**

**ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
МИНИСТРА**

125993, ГСП-3, Москва,
Малый Гнездиновский пер., д. 7/6, стр. 1, 2
Телефон: +7 495 629 10 10
E-mail: mail@mkrf.ru

Первому заместителю
Председателя
Международного Совета
российских
соотечественников

РР № 07.2016 № 11435-01-64.24

Н.Д.ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ

из № _____ от « _____ » _____

Уважаемый Никита Дмитриевич!

Российское военно-историческое общество проинформировало Минкультуры России о состоявшемся 07.07.2016 заседании с Вашим участием по вопросу создания Национальной портретной галереи.

Минкультуры России разделяет позицию участников встречи, что Национальная портретная галерея должна стать ресурсом, способствующим патриотическому воспитанию, образованию и просвещению подрастающего поколения, и что дальнейшая проработка вопроса о ее реализации должна проходить в контексте подготовки единого учебника истории России.

Одновременно сообщаем, что данный вопрос не относится к компетенции Министерства культуры Российской Федерации, в связи с этим рекомендуем обратиться в Министерство образования и науки Российской Федерации.

Минкультуры России подтверждает готовность принять участие в работе оргкомитета.

С уважением,

В.В. Аристархов

Чечель Наталья Васильевна
8495 629-10-10 доб. 14-98

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

(МИНОБРНАУКИ РОССИИ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА

Тверская ул., д. 11, Москва, 125993

Тел. (495) 539-55-19

Факс (495) 629-08-91

E-mail: info@mon.gov.ru

24 СЕНТ 2016

№

ВН-2122/16

Первому заместителю Председателя
Международного Совета российских
соотечественников

Н.Д. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ

О создании «Национальной
портретной галереи»

На № 80 от 1 сентября 2016 г.

Уважаемый Никита Дмитриевич!

Министерство образования и науки Российской Федерации рассмотрело обращение Международного Совета российских соотечественников по вопросу создания Национальной портретной галереи и сообщает о поддержке данного проекта, а также о своей готовности принять участие в работе организационного комитета по его реализации.

С
Уд. В. Ш. Каганов

В.Ш. Каганов

В.И. Воронин
(495) 629-73-32

МСРС-16

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)**

125993, ГСП-3, Москва,
Малый Гнездинковский пер., д. 7/6, стр. 1, 2
Телефон: +7 495 629 10 10
E-mail: mail@mkrf.ru

« 08 » 12 2016 № 4853-05-08

на № _____ от « _____ » _____

Советнику Председателя
Международного совета
Российских соотечественников

Е.С.ТАБАЧНИКОВУ

Ул. Новый Арбат д. 15 оф. 2219
г. Москва, 119019

Уважаемый Евгений Семенович!

Департамент культурного наследия по поручению руководства Минкультуры России рассмотрел Ваше обращение по вопросу создания Национальной портретной галереи и сообщает.

Позиция Минкультуры России по указанному вопросу изложена в письме Первому заместителю Председателя Международного Совета российских соотечественников Н.Д. Лобанову-Ростовскому от 18.07.2016 № 11435-01-64-ВА и подтверждена письмом от 23.08.2016 № 3204-05-08.

Создание ресурсов, способствующих патриотическому воспитанию, образованию и просвещению подрастающего поколения относится к компетенции Министерства образования и науки Российской Федерации.

Минкультуры России выражает готовность подключиться к проекту на этапе отбора картин и их оцифровки.

Проведение рабочей встречи полагаем нецелесообразным.

И.о. директора
Департамента культурного наследия

Ю.А.Евтюхин

Чечель Наталья Васильевна
+7 495 629-10-10 доб. 14-98

Протокол заседания Круглого стола, посвященного вопросу создания Национальной портретной галереи. Государственный исторический музей, по поручению Департамента культурного наследия Минкультуры от 16 мая 2016 г.

На заседании присутствовали представители Министерства культуры Российской Федерации, Государственного исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Государственного музея современной истории России, Института российской истории РАН, Международного совета российских соотечественников.

Выступали:

А.К. Левыкин (ГИМ): Идея создания в России Национальной портретной галереи была высказана еще в 2010 г. Первым заместителем Председателя Президиума Международного совета российских соотечественников Н.Д.Лобановым-Ростовским. Для реализации этой идеи по решению Коллегии Минкультуры России был принят ряд мер по подготовке проекта, основу которого составляют коллекции ГИМ, ГТГ, ГРМ. В ГИМ в рамках этого проекта в 2012 г. была проведена презентационная выставка «Национальная портретная галерея России» на базе собраний этих трех музеев. Главными задачами были определены следующие: Национальная портретная галерея должна строиться как поэтапный целостный комплекс музейных проектов, основу которого составляют коллекции трех вышеупомянутых музеев. При этом важнейшим принципом формирования галереи должно стать безусловное обеспечение целостности сложившихся музейных коллекций.

Базовым объединяющим компонентом межмузейного сетевого проекта НПП должен стать мультимедийный портал. На данном этапе мы должны решить организационные моменты, создать специальную структуру, которая будет заниматься разработкой проекта. Необходимо определиться с выбором платформы, на которой будет представлен этот проект. Определить принципы создания проекта: отбор произведений, персоналий, хронологические рамки, художественный уровень работ и пр.

М.А. Брызгалов (МК РФ): Позиция Минкультуры России была высказана в выступлении А.К. Левыкина. Хочу добавить, что для создания виртуальной НПП важно прежде всего определить общую позицию. Считаю необходимым разработать концепцию и договориться по основным проблемам, подготовить единый документ для представления на Коллегии МК РФ. Следует отметить позитивную роль МСРС в инициативе создания НПП России.

Н. А. Перевезенцева (ГИМ): Представила концепцию, разработанную отделом изобразительных материалов ГИМ. (Прилагается).

В.М. Безотосный (ГИМ): Почему выбраны только три музея? Коллекции портретов есть и в других собраниях, например, в Эрмитаже.

А.К. Левыкин: Прежде всего, эти три музея были выбраны МК РФ, так как в их собраниях наиболее полно представлен русский портрет. Нам необходимо начать эту работу, а затем, конечно, будут привлечены и другие музеи. Мы предлагаем остановиться на начале XX в. Поэтому сегодня пригласили представителей ГЦМСИР, ГМПИ, Музей Вооруженных сил. ГИМ, ГТГ и ГРМ начинали эту работу, и на данном этапе надо для решения организационных вопросов создать трехстороннее соглашение для выработки общих документов и создания организационной структуры.

К.А. Мееров (ГИМ): Представляет технологические предложения по проекту «Национальная портретная галерея». (Прилагается)

А.К. Левыкин: Насколько мощным должен быть ресурс, который будет работать с этим порталом?

К.А. Мееров: Технологических мощностей ГИМ для определенного этапа достаточно.

Ю.А. Петров (ИРИ РАН): Идея создания НПП может быть воплощена только в виртуальном виде. Но перед авторами стоит очень сложная задача отбора, определения критериев. Надо обосновать принципы отбора персоналий, выбор материала, техник. XX век – это век фотографий. Возникает следующая проблема: как с ними работать и кто это будет представлять. Важная задача, показать роль народа в истории отечества. Может быть использовать в проекте идею акции «Бессмертный полк».

Е.С. Табачников (МСРС): Сегодня, когда далеко не редки случаи не только неоднозначной оценки и интерпретаций исторических событий, но и явных искажений российской истории, создание Национальной портретной галереи трудно переоценить. При ее формировании мы должны основываться на собственной научной интерпретации отечественной истории. Принципами отбора могут быть – высокохудожественный уровень произведений и историческая правда. Национальные портретные галереи давно существуют во многих государствах, привлекая внимание к истории своих стран. Первый заместитель Председателя Президиума Международного совета российских соотечественников Н.Д.Лобанов-Ростовский, инициатор создания НПП, поддержал идею виртуальной галереи, которая как историко-просветительский проект отражала бы многовековую историю России в лицах. У Н.Д.Лобанова-Ростовского есть список около 200 крестьянских живописцев, которые могли бы составить целый раздел в виртуальной экспозиции. Мы можем также попросить соотечественников из

разных стран передавать картины в оргкомитет НПП и пр. НПП в виртуальном формате можно было бы предложить разместить на интерактивных панелях уникального выставочного павильона на территории будущего парка «Зарядье». Предлагаем также обратиться с предложениями о сотрудничестве и финансовой поддержке в фонд «История Отечества», основным направлением деятельности которого является популяризация российской истории, и, конечно, Российское историческое общество. Выражаем искреннюю признательность Историческому музею за работу в деле продвижения проекта по созданию НПП.

Г.Н. Голдовский (ГРМ): В ГРМ есть картотека И.И. Врангеля, насчитывающая 20 тысяч наименований портретов, а также коллекция Н.Я. Дашкова, насчитывающая десятки тысяч фотокопий портретов. Можно воспользоваться этими материалами. Перед создателями галереи стоят очень сложные задачи. Надо решить, представлять ли только высокохудожественные произведения, необходимо сочетание исторических и художественных смыслов, показывать лишь одно изображение личности или весь имеющийся ряд, не только достаточно высокого художественного уровня, Необходимо в тематической структуре выделить несколько частей, но ограничиться началом XX в. «Бессмертный полк» – это самостоятельный проект и его не надо включать в НПП, а предложить, например, Музею Великой Отечественной войны.

Необходимо создать межмузейную комиссию, назначить координатора, организовать специализированную группу для решения юридических вопросов по использованию музейных собраний, должны быть определены технические параметры. Решение всех вопросов требует времени – Национальная портретная галерея в Лондоне создавалась 160 лет. За основу НПП можно взять каталог Таврической выставки.

Т.П. Карпова (ГТГ): Предлагаю использовать издания, подготовленные ГТГ: Портретная галерея «лиц, дорогих нации» П.М.Третьякова. М., 2014 и Каталог собрания «Государственная Третьяковская галерея». Живопись XVIII–XX вв. и скульптура XVIII–XX вв. Все эти издания есть в электронном виде. Можно также использовать каталоги выставок, на которых были представлены портреты. Это могло бы стать основой НПП

В.Н. Захаров (ИРИ РАН): В последнее время в обществе заметен интерес к такого рода проектам. Что касается НПП, необходимо понять, насколько он важен, уникален, оригинален на фоне других подобных проектов. Надо определиться, что это будет: антология русской портретной живописи или иконография русских деятелей (это похоже на энциклопедию). Далее – определить хронологические рамки: с XVI до начала XX в. или включая XX век целиком? XVI век – очень мало изображений, XX век – век фотографий, са-

мые плодотворное время – XVIII–XIX века. Может быть, и остановиться на антологии русского художественного портрета до начала XX века?

В.М. Безотосный: В тексте концепции чувствуется искусствоведческий уклон. Считаю, что трудности возникнут при отборе персоналий и определении исторической значимости личности. Надо создать творческую группу, куда бы вошли не только искусствоведы, но и историки.

Решили:

провести совещание в МК РФ по итогам Круглого стола.

Протокол составлен ученым секретарем ГИМ Л.А.Шацилло

А вот как Администрация президента отозвалась на наше письмо В.В. Путину, перенаправив его тем, которые за последние семь лет не исполняли указание президента.

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

НЕБОРСКОМУ М.Ю.

mrsr@msrs.ru

ул. Иавинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

« 30 » декабря 20 16 г.

1334386

№ А26-13-133438671

В Вашем обращении на имя Президента Российской Федерации, полученном 30.12.2016 г. в форме электронного документа и зарегистрированном 30.12.2016 г. за № 1334386, поставлен вопрос, который разрешает Министерство культуры Российской Федерации.

В связи с этим для обеспечения получения Вами ответа по существу поставленного Вами вопроса Ваше обращение направлено в Министерство культуры Российской Федерации с просьбой проинформировать Вас.

Советник департамента письменных
обращений граждан и организаций

Т.Преденна

Поверх политических барьеров¹

Михаил Швыдкой: «Россию и Великобританию

связывают долгие и глубокие отношения»

Беседу вела Оксана Карнович

Представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой в эксклюзивном интервью «Русской мысли» рассказал об экспозиции портретов из Третьяковской галереи в Лондоне, российском культурном ландшафте и сохранении высокой духовности.

Михаил Ефимович, экспозиция портретов из Третьяковки в Лондонской Национальной портретной галерее стала успехом культурной дипломатии, к которой Вы тоже причастны. А как британцы восприняли это событие?

Россию и Великобританию связывают долгие и глубокие отношения. Они начались давно, почти больше 480 лет назад, когда московский царь Иван Грозный решил просить руки королевы Елизаветы I. С тех пор эти отношения знали и взлеты, и падения, и, конечно же, их кульминацией было братство по оружию во времена Первой и особенно Второй мировой войны.

Мы могли соперничать в политике и экономике, интересы наших стран сталкивались в разных регионах мира, но отношения двух культур, а значит и двух народов, были неизменно наполнены взаимным уважением и интересом друг к другу. Россия – вторая страна, после самой Великобритании, где Шекспир, по существу, стал национальным автором. Многие мои английские друзья, в том числе и директор Британского совета в Москве Майкл Берд, считают что «Гамлет», снятый выдающимся советским режиссером Г. Козинцевым с И. Смоктуновским в главной роли, превосходит английскую экранизацию этой великой пьесы. А Бернард Шоу назвал свою пьесу «Дом, где разбиваются сердца» фантазией в чеховском стиле.

Представленная экспозиция в столь трудные времена между двумя странами – это возможность повысить престиж России?

В последние годы мы часто обменивались значительными выставками: британские показы Томаса Гейнсборо и Уильяма Тёрнера у нас, для них мы открывали свои музейные коллекции импрессионистов и русского авангарда. Выставка «Русский портрет», которая сейчас представлена в Лондонской Национальной портретной галерее, – это некая важная веха

¹Русская мысль. Лондон, 2016, май. С. 56–58.

Третьяковская галерея и Национальная портретная галерея Лондона начали совместный проект; первой ласточкой стала выставка «Россия и искусство; эпоха Толстого и Чайковского»

в развитии наших межмузейных отношений. Эта экспозиция, без сомнения, стала украшением Перекрестного года русского языка и литературы в Англии и английского языка и литературы в России. Среди русских людей, запечатленных на этих портретах, много деятелей литературы, великих русских писателей. Перекрестный год языков и литератур проходит вопреки всем сложностям политического контекста в отношениях России и Британии. Над обменной программой этого года мы в высшей степени плодотворно работали с нашими британскими коллегами.

Успех любых проектов, которые составляют программу Перекрестного года, неизбежно отражается на повышении престижа наших стран, которую они представляют. В этом смысле, экспозиция портретов из Третьяковки, равно как и в высшей степени успешная выставка «Космонавты» в лондонском Музее науки – важное тому подтверждение.

Успех любых проектов, которые составляют программу Перекрестного года, неизбежно отражается на повышении престижа наших стран, которую они представляют. В этом смысле, экспозиция портретов из Третьяковки, равно как и в высшей степени успешная выставка «Космонавты» в лондонском Музее науки – важное тому подтверждение.

По замечанию основателя Лондонской портретной галереи Томаса Карлайля: «Любой портрет природой своей как бы превосходит полдюжины биографий». В этом контексте нельзя не поинтересоваться судьбой будущей Национальной портретной галереи в России, которая могла бы наряду со многими другими современными организациями продемонстрировать объективную тысячелетнюю российскую историю.

Наверное, не без влияния Британской портретной галереи мы в России размышляем о создании подобного музея в нашей стране. Думаю, что это будет важным шагом в преддверии 100-летия Октябрьской революции, которая развела граждан нашей страны по двум враждующим лагерям. Национальная портретная галерея сможет объединить нацию, если будет, надеюсь, представлять великих исторических персонажей нашей страны без изъятия, – так, как это делают британцы. Значение такого рода культурно-исторических институтов трудно переоценить.

Вы, конечно, знаете, что у истоков этой инициативы вместе со многими представителями потомков русской эмиграции стоял князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Быть может, такие значимые культурно-просветительские проекты стоило бы обсуждать с привлечением представителей российской общественности (музейного сообщества, творческой интеллигенции), например, на канале «Культура»?

Совсем недавно я разговаривал с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, который попросил меня поддержать реализацию этого музейного проекта, в частности заняться его продвижением в общественном мнении. Телеканал «Культура», так же как и радио с таким же названием, могут стать важным инструментом воздействия на общество.

Ответная выставка англичан охватывает период более трехсотлетней истории, мы же представляем ключевые фигуры российской истории и культуры только с 1867 по 1914 год. Не маловатый ли временной отрезок с нашей стороны?

Мы будем рады принять у себя портретную выставку, которую представят британцы, – «От Елизаветы до Виктории». Уверен, она вызовет большой интерес у публики, которая не очень хорошо представляет себе английский ренессансный портрет, как и британскую портретную живопись в целом. Мы не стремились к абсолютной симметрии при обмене выставками. Мы постарались представить эпоху расцвета русского портрета, которая приходится на последнюю треть XIX и первое десятилетие XX в.

В связи с этим вспоминается первая и единственная масштабная выставка русского портрета, устроенная Сергеем Дягилевым в 1905 г. в Таврическом дворце (благодаря покровительству великого князя Николая Михайловича), где было собрано около 4000 портретов, охватывающих период с 1700 по 1900 год. Причем выставка не только знакомила современников с полузабытыми произведениями прошлого, но и отражала современные тенденции. А какие современные тенденции могли бы Вы выделить в культурном российском ландшафте? Что ценного и важного для себя выделяет сегодняшний зритель – или все-таки потребитель?

Мне кажется, что самостоятельной культурной тенденцией, которая существует в современной жизни, в том числе в культуре России, является сохранение высокой духовности. Над чем бы ни задумывались современные художники в России, они, безусловно, больше всего заботятся о сопоставлении потребительскому сознанию – при том, что все они люди, живущие естественными и объяснимыми потребностями. Понятно, что во все

периоды человеческой истории массовая культура составляла большую, но все-таки не лучшую часть художественной жизни народов, но при этом важно понимать, что механизм, действующий в обществе потребления, способен превратить и эту самую высокую духовность в рыночный товар.

В связи с массовой культурой потребления, какие сложности Вы видите в культурной политике сегодня?

Искусство существует поверх политических барьеров. Но оно редко свободно от властного влияния экономики. Именно поэтому культурная сегодняшняя жизнь так разнообразна и ориентирована на самые разные группы населения. Она создает собственную экономику, которая в значительной степени автономна от общих экономических процессов. Культура старается обособиться и кормить саму себя. Об этом хорошо знают англичане, и этим сегодня занимаются и мои российские коллеги. Конечно, выдающиеся балетные спектакли Большого театра или опера Мариинского театра создается не для того, чтобы разрушать политические стереотипы зарубежных зрителей, но то, что они меняют отношение широкой публики к нашей стране, – это очевидно.

В 1956 г. супруги Лилиан и Виктор Хочхаузеры (Lilian and Victor Hochhauser) впервые вывели Большой театр СССР в Великобританию. Галина Сергеевна Уланова в балете «Ромео и Джульетта» так поразила английскую публику, что по подсчетам одного балетного критика овации длились 90 мин. По Вашему мнению, есть ли сейчас артисты такого личностного масштаба, определявшие эпоху, как Майя Плисецкая, Галина Уланова, Владимир Васильев, Марис Лиена, Михаил Лавровский?

И сегодня очевидно, что наивысшей ценностью культуры остается человек со всеми его проблемами и противоречиями, с его взлетами и падениями, со всем высоким и низким, что существует в каждом из нас. В Великобритании, как и во Франции, существует немало людей, которые всю свою жизнь посвятили продвижению русского искусства, но даже среди них Лилиан и Виктор Хочхаузеры, без сомнения, являются первыми среди равных. Их любовь к Большому театру уже насчитывает более 60 лет, и они подтвердили ее не только словами, но и делами. Сегодня балет Большого театра переживает совсем не худшие времена. Такие балерины, как Светлана Захарова или Мария Александрова, могли бы быть украшением труппы в любую эпоху.

Иоганн Готфрид Гердер, немецкий историк культуры поздней эпохи Просвещения полагал, что «золотой век» следует искать не в прошлом,

но в будущем? Согласны ли Вы с этим утверждением? Какое культурное будущее в современном мире видите Вы?

Хотя я всю жизнь занимался эпохой Просвещения, не могу согласиться с Гердером. С моей точки зрения, «золотой век» – в настоящем.

Светлана Сметанина
**Музей МИД России получил в дар картину
из коллекции князя
Никиты Лобанова-Ростовского²**

Директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом А.А. Макаров вручает картину заместителю руководителя Центра истории российской дипломатической службы П.Г. Барулину

В Центре истории российской дипломатической службы состоялась церемония передачи картины из частной коллекции князя Никиты Лобанова-Ростовского. О своем намерении передать картину в дар музею МИД России князь объявил в ходе своего выступления на V Всемирном конгрессе российских соотечественников, проживающих

за рубежом. От его имени картину вручил директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом Анатолий Макаров.

Один из основателей движения российских соотечественников, проживающих за рубежом, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский известен как коллекционер живописи – за свою жизнь он собрал огромную коллекцию русского искусства. Часто бывая в России, князь неоднократно преподносит в дар местным музеям картины из своей коллекции. В частности, экспозицию Ростовского музея дополнили произведения русских художников, а ГМИИ имени А.С. Пушкина князь преподнес две картины европейских мастеров начала XX в.

Директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом А.А. Макаров вручает картину заместителю руководителя Центра истории российской дипломатической службы П.Г. Барулину

² Сайт Всесоюзного координационного совета российских соотечественников, 17 декабря 2015, <http://vksrs.com/publications/muzey-mid-rossii-poluchil-v-dar-kartinu-iz-kollektsii-knyazya-nikity-lobanova-rostovskogo/>

Теперь дар от видного представителя движения русских соотечественников займет свое достойное место и в экспозиции Центра истории российской дипломатической службы. Подаренная картина представляет собой рисунок с обложки французского еженедельника «Le Petit Journal» от 13 сентября 1896 г. с сообщением о скоропостижной кончине министра иностранных дел России князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, предка Никиты Дмитриевича.

Русский дипломат Алексей Борисович Лобанов-Ростовский сделал блестящую карьеру. Окончив с золотой медалью Императорский Александровский лицей, он начал службу в МИД Российской империи, где быстро продвигался по карьерной лестнице. Так, в возрасте 34 лет он был назначен чрезвычайным посланником в Константинополе – редкий случай в истории российского МИДа, когда столь молодой дипломат возглавил миссию.

Пост министра иностранных дел Российской империи князь Лобанов-Ростовский занимал с февраля 1895 по август 1896, когда скоропостижно скончался, сопровождая в заграничном путешествии императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. Тогда в отечественной и иностранной печати выражалось сожаление об утрате «мудрого и осмотрительного руководителя внешней политики России»,

Выступая с приветственной речью на V Всемирном конгрессе российских соотечественников, проживающих за рубежом, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, обращаясь к главе МИД России Сергею Лаврову, напомнил, что когда-то он назвал его предка одним из самых успешных русских дипломатов. «Сегодня вы являетесь самым успешным министром иностранных дел», – заметил князь Лобанов-Ростовский, объявив о своем намерении преподнести в дар МИДу России картину с изображением своего предка.

Вручая эту картину во время церемонии в Центре истории российской дипломатической службы директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом Анатолий Макаров подчеркнул, что этот дар можно расценивать как символ преемственности российской внешней политики. «Для нас все интересно, что связано с историей дипломатии. Хорошо, что в министерстве есть такой музей, куда можно прийти и познакомиться с историей дипломатической службы. Тем более, что в глобальном смысле за прошедшие века наша задача не изменилась. Отстаивание и защита интересов Российского государства – это главное, ради чего мы работаем», – добавил Анатолий Макаров.

Вскоре в музее МИДа появится и отдельный зал для тех подарков, что дарят Сергею Лаврову, сообщил заместитель руководителя Центра исто-

рии российской дипломатической службы Петр Барулин. Один из таких подарков уже украшает экспозицию музея. Это уникальный расшитый золотом дипломатический мундир позапрошлого века.

Также здесь собраны оригинальные документы, книги с законодательными актами, личные вещи наиболее знаменитых министров и послов в российской истории – Александры Коллонтай, Георгия Чичерина.

Таким образом, открытый в сентябре 2001 г. Центр собрал в своей коллекции все, что имеет отношение к дипломатической службе: начиная от документов прообраза нынешнего министерства – посольского приказа Ивана Грозного до настоящего времени.

Сергей Дебижев
100 лет спустя

*Интервью в библиотеке гостиницы «Четыре сезона».
Санкт-Петербург, 9 июля 2016 г.*

Семь вопросов Сергея Дебижева Н.Д. Лобанову, Санкт-Петербург, для программы ТВ

Ваше личное отношение к событиям 1917 года?

Мое отношение к событиям 1917 г. не может быть положительным. В результате Октябрьского переворота я стал эмигрантом. Мои многовековые корни, связывающие меня с Россией, были обрублены. Также я испытываю скорбь за участь страны, в которой, по крайней мере, 20 миллионов жителей бессмысленно погибли от голода и в концлагерях. И отечество потеряло четверть своей территории, которую Ленин так щедро отдал Германии взамен на мир.

Революция или переворот?

В этом вопросе две составляющие. Вы спрашиваете о феврале или октябре 1917 г.? Февраль 1917 г. В результате массовых антиправительственных манифестаций и неудач на фронте царь Николай II вынужден был отречься от престола. Это было в какой-то мере «насильственное» отречение, к которому его принудили. Плюс радикальное изменение управления страной отвечают определению «революция». А почему радикальное? Потому что император являлся законодателем и исполнителем власти в стране (это несколько напоминает то, что происходит сегодня в России); его заменили на немонархическое Временное правительство во главе с князем Львовым, назначенным Николаем II. Под влиянием супруги Николай II был изолирован от своих приближенных. Его дружеские связи с ними прекратились после женитьбы. Бывшие друзья встречались с ним только при исполнении своих должностных обязанностей. Он был абсолютно отрезан от любых мнений, которые могли бы повлиять на него и на его слепое убеждение, что он на троне волей Бога. То же самое происходило и с Вильгельмом в Германии, когда окружающая его немецкая аристократия говорила ему только «да». Этой же позиции безоговорочного подчинения мнению императорской семьи придерживалась императрица, которая воспитывалась в атмосфере немецкого придворного повиновения и которой было безразлична воля русского народа, русские традиции и русская действительность, несмотря на то, что она приняла православие.

Октябрь 1917 г. – классический переворот. Ленин выходит с заседания Думы в Смольном, обращается к матросам и обещает им все то, что они хотят услышать. Взамен он их просит войти в зал заседания и разогнать Думу, что и было сделано. В результате власть перешла меньшинству, которое утвердилось как «диктатура пролетариата».

Роль иностранного влияния – главная или второстепенная?

Роль иностранного влияния и не главная, и не второстепенная. Однако она очень значимая и эффективная. Иностранное влияние сказалось по двум причинам. Первая – это политическая, где использовался распад российского государства и военного командования. Правительство Германии денежно снабжало радикальную фракцию Русской социал-демократической рабочей партии (впоследствии коммунистической). Также в апреле 1917 года германские власти при содействии Фрица Платгена, швейцарского деятеля международного социалистического движения, отправили Ленина вместе с 35 соратниками по партии в Петроград на поезде из Швейцарии через Германию с целью дестабилизировать страну. Вторая причина – этническая. Положение евреев в Российской империи, как второразрядных подданных, со значительными ограничениями, как социальными, так и экономическими, возмущало мировое еврейское сообщество. Оно значительными суммами помогало РСДРП. Например, нью-йоркский банкир и меценат Отто Кан переслал 100 000 золотых американских долларов на счет партии, а Джейкоб Шифф, совладелец банка «Лоуб» в Нью-Йорке, где я работал короткое время, послал телеграмму, с требованием расстрелять царскую семью.

Когда будет поставлена точка в оценке событий февраля и октября или это «вечная» тема?

Точку в оценке событий Февраля и Октября 1917 г. реально невозможно поставить. Исторические суждения субъективны и во многом зависят от эпохи, в которой они формируются. Постоянно всплывают новые материалы, которые порождают новые нюансы в существующих мнениях. Тема не «вечная», но долговечная.

Какие уроки мы должны извлечь именно сейчас, 100 лет спустя?

Прошло 100 лет, а социальные противоречия в России продолжают быть обостренными. Я это сам чувствую. Потому я предложил воздвигнуть в Москве Памятник Примирения, как символ общественного согласия, межэтнической и межконфессиональной терпимости, духовного сплочения с теми 30 миллионами соотечественников, которые живут вне Родины. Эта инициатива следует примеру генерала Франко в Испании, Тони Блэра в Северной Ирландии и, главное, Нельсона Манделы в Южной Африке. В этом контексте мы с графом Шереметевым написали письмо президенту Путину, который одобрил наше предложение. В результате памятник будет воздвигнут в Крыму в ноябре 2017 г. Этот монумент, как историческая точка отсчета, послужит символом понимания исторической трагедии раскола российского общества для будущей России.

Верите ли Вы в возможность возрождения Российской империи?

Да, я думаю, что возрождение Российской империи возможно.

Империя – историческая реальность для России и необходима для ее самосохранения, имея в виду ее географическую незащищенность. Хотя надо заметить, что имперская Россия, как и СССР, выделяла диспропорциональные средства на укрепление государства в ущерб благосостоянию населения. Этой же позиции придерживается нынешнее руководство страны, которое, в отличие от НАТО и США, делает ставку на кибервойну, которая будет иметь решающее значение в конфликтах будущего. А политическим устройством многонациональной страны должно руководить крепкая центральная власть, чтобы справляться с возможными этническими конфликтами. С многих точек зрения, идеальным строем для России была бы монархия. Согласно «Индексу процветания стран мира» Legatum Prosperity Index, в первой десятке процветающих стран – четыре монархии, на 1-м, 3-м, 5-м и 8-м местах.

Как вернуть Россию на путь истинный? Что необходимо сделать непременно и в первую очередь?

Полагаю, что под выражением «путь истинный» Вы имеете в виду благосостояние России. Благосостояние каждой страны определяется состоянием ее экономики. И эта экономика определяет политическую ориентацию управления. Россия – самая богатая страна в мире по своим ресурсам. Она на 6-м месте по валовому внутреннему продукту, но по среднему доходу населения она на 48-м или 53-м месте в мире, в зависимости от источника информации (Международный валютный фонд, Мировой банк). Как же повысить уровень благосостояния населения? Ответ очевидный. Развитие мелкого и среднего бизнеса, преобладающего в большинстве развитых европейских демократий, где государственный доход на 50% зависит

*Н.Д. Лобанов и А.Л. Кудрин.
Посольство РФ, Лондон, 2015 г.*

от налогов на население плюс на мелкий и средний бизнес, а 50% от больших компаний. В России, где царят беззаконие и коррупция, отсутствуют условия для развития мелкого предпринимательства. Те немногие предприниматели, которым удастся развить производство, часто приходят к заключению, что из-за взяток их продукты не выгодны. Успех создания бизнеса в России зависит от близости к губернатору, а не от востребования производства. Благодаря санкциям, это положение в России частич-

но изменилось. Например, рынок фруктов и овощей в Москве был в руках пяти «авторитетов». Сегодня же фрукты и овощи будут интенсивно выращивать по голландской технологии. А в Забайкальском крае китайцы арендовали 1 тыс. кв. км (100 тысяч гектаров) на 49 лет под выращивание овощей и фруктов. Но поскольку федеральное правительство множит геометрически свои расходы на оборону, при том, что госдоход уменьшился за счет падения цен на нефть и газ ниже того, на что рассчитывал госбюджет, я не предвижу повышения благосостояния населения на следующую пятилетку. В итоге нужна структурная реформа экономики, частично подобная той, что предложил недавно Алексей Кудрин. Она должна осуществляться по всем правилам разработки и реализации стратегий. Но ее исполнение в нынешних условиях маловероятно, ибо в стране нет компетентных ученых, чтобы разрабатывать стратегию. Этому свидетельствуют десятки стратегических планов, которые не были внедрены, кроме одного ныне удачно исполняемого в Санкт-Петербурге.

Евгений Белодубровский
**Мой Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский¹**

*(нефамильярные записки, мысли, вопросы и ответы на полях)
(реакция на интервью с Сергеем Дебижевым)*

*Н.Д. Лобанов и Е.Б. Белодубровский.
Санкт-Петербург, 2009 г.*

<...>

Никита А. Толстой

Вот шагаю я из-под арки Главного Штаба вместе с высоким тучным штучным господином с тростью-палкой, в широком твидовом пиджаке в рубчик, в очках на затылке. Идем, веселимся в поисках его «Волги» – забыл где оставил. Это (нетрудно догадаться) с Вашего позволения, Никита, остроумнейший граф-не-граф – полиграф Никита Алексеевич Толстой соб-

ственной персоной, Ваш, кажись, родственник, профессор оптики и мой многолетний патрон, учитель всего на свете и самый доверительный со-

¹ Берега, Калининград, февраль 2017 г.

беседник почти до конца своих дней. Больше того, Вы оба знали Александра Федоровича, последнего несменяемого премьер-министра России Керенского..., а что там!? Но вся штука в том, что именно он, Никита Толстой, Ваш тезка, лично свел нас и (к моему счастью и благодарности) сблизил надолго перед Вашим персональным вечером² – лекции о вечере – лекции о русской живописи в эмиграции в особняке графа Стенбок-Фермора на Невском у Аничкова моста. Это был праздник, я ликовал и ликую до сих пор...

ТВ интервью (9 июня 2016 г.)

<...>

Но для зачина – несколько «родственных» фактов и фактиков ... Далеким 1923 год. 10 декабря Альберт Эйнштейн присутствует в Стокгольме в качестве Нобелевского лауреата по физике, а я 10 декабря года 2003 г. нахожусь там, же только в качестве почетного гостя Нобелевского фонда. <...> Главное – вот оно: Альберт Эйнштейн был кумиром моей матери или, как сказали бы нынче, была его фанатом (в этом смысле она была отнюдь ой – как не одинока, им – легион Имя)...

И вот – приходим к еще более главному, мой дорогой Никита Дмитриевич. Именно это имя и эта домашняя легенда с участием Альберта Эйнштейна явились мне после нашей последней встречи с Вами в моем Петербурге в Вашем родовом гнезде, в гостинице под названием «Четыре Сезона», где я оказался свидетелем съемки Вашего интервью (или, как Вы говорите, – допроса, что по жанру близко к истине, но только по жанру, не приведи Бог, иначе) с известным в стране телережиссером и публицистом Сергеем Дебижевым. Причем, интервью не с глазу на глаз, не дуэль, не поединок, а совсем иначе. То есть – вопрос задается за кадром, ответ – в кадре, крупным планом, все эмоции на виду, такой «полиграф полиграфович», все по правде-матке, как говорится «с подлинным, верно»... Но именно эта очно-заочная игра в вопросы и ответы позволила Сергею Дебижеву (и он в этом преуспел) задавать Вам любые интересующие его (а значит и будущего зрителя) довольно сложные вопросы (касаемые истории, а не Вашей личности и личной жизни), но и в изложении им сути вопроса, подчас, очень пространным, длинным, тягучим, с учетом чужих мнений и версий на то или иное событие, с уходом в сторону и обратно, часто заглядывая в блокнот свой или общаясь с интернетом прямо «с колес» – я заметил, что все это для того, чтобы получить от Вас нужный ему (а значит на потребу телезрителя) ответ... Причем, это было мастерски

² 16 мая 1990 г. в ленинградском Доме журналиста.

исполнено: поставленным голосом, безошибочной интонацией, правильной речью и т.д.

... Но почти всегда Ваш ответ, дорогой князь, был совсем иной – неожиданный и точный, минуя общие слова и всем известные прописные истины (кто нынче только не пишет о мировой войне, об этой безумной кровавой бойне, кто только не пытается понять, в чем же был смысл, заинтересованность и прямая выгода здесь и для царской России и – мировых держав, а воз и ныне там...). У меня нет прав цитировать Ваши ответы и его вопросы (а это был настоящий урок по русской истории – от августа 1914 до июня 2014, скажем для крепких десятиклассников моего поколения) до передачи в эфире и даже в моем изложении (может быть Вы сами опубликуете некоторые Ваши ответы в приложении к моему очерку, Вам это будет, как говорится «с руки», просто как автору)... Скажу лишь, что Вы сумели упредить и даже сбить с толку Вашего интервьюера, который почти в каждом своем вопросе о войне и мире, о Царе-батюшке и об Ильиче, об Англии, Германии, Штатах, Японии, Италии и в их правителях видел настоящих заговорщиков (чуть ли не масонов, хотя это именно слово не было произнесено, оно витало в воздухе). Он говорил о заговорах, шифрах, интригах, мистике, фанатизме – самое близкое и самое съедобное удобоваримое варево для наших современников – то, что называется «кушать подано»... Ан-нет! У Вас в каждом ответе присутствовал главным образом человеческий фактум. Вы обращали Сергея (а значит и его не взыскующего истинны зрителя) к личности конкретной, что он собой представлял как человек... И уже потом объясняли смысл и умысел совершенным им деяниям. Вот в чем загадка и разгадка, вот где царит заговор – в душе, в слабости самого человека, получившего власть над людьми и страной, получившего ее по наследству, или взявшего – силой и обманом...

Что и требуется доказать! Я был счастлив наблюдать Вашу дуэль (не совсем по правилам). Я видел, как менялся голос Сергея Дебижева, как его убежденность в своем мнении о том, о сем почти улетучивалась. Он сопротивлялся, терял нить, перескакивал от темы к теме. Это уже была игра в одни ворота, когда при столкновении или в споре одна из сторон явно сильнее и поэтому побеждает... И еще одно наблюдение, поразившее меня в тот час с лишним. Вот гостиная – мраморы, ди-

Н.Д. Лобанов перед интервью с С. Дебижевым

ваны красного дерева, плюш, бархат, хрусталь, лепнина, бронза, портьеры, паркет – внешне все как было здесь прежде в дооктябрьские времена у Лобановых-Ростовских, благо сохранились документы и фотографии, все вроде бы настоящее... Но неуловимое, не живое (боюсь признаться самому себе и обидеть Вас) необъяснимо зовет меня поскорее покинуть этот оазис... Одно – навсегда: вид этого дома, эти львы моего детства и Александровский сад, фонтан, нетускнеющий шпиль Императорского Адмиралтейства и кораблик, вот уже, сколько веков весело парящий над моим родным городом и своим присутствием не дающий быть Петербургу – пу-стым...

И еще Вы, мой дорогой веселый насмешливый взыскующий человек слова и дела, ироничный князь Никита Дмитриевич, балетоман, экономист, денди, владеющий несметным количеством пиджаков, галстуков, башмаков и запонок, знающий толк не только в живописи, но и в бумажнике; князь Лобанов-Ростовский, говорящий на многих нужных ему для общения и бизнеса языках (плюс самый родной, неумирающий русский так называемый «мета язык», короче «блатной», который не уступает ни одному в точности, прелести, образности и крепости и на котором можно легко объяснить самые сложные проблемы и обстоятельства) и вообще, Вы мой избранный друг, самая большая умница... И последняя, как сказал бы Достоевский, «нота» – из доброго моего детства, когда я частенько жил у своей Тети Хаи на Суворовском проспекте, старшей сестры моей матери, знающей толк в том как жить – не тужить... Как-то на вопрос своей соседки, Клавдии, которая все время считала себя на выданье, каким же должен быть в идеале настоящий жених, она ответила, подняв седую голову с потешным пучком седых волос на макушке и помешивая тесто в кадке для мацы (я – свидетель этой картинки):: «высокий, стройный и... (пауза) инженер...»

Чем не Ваш портрет? поздравляю...

И еще одно воспоминание, хоть из давнего, но без этого – картина все еще не полна...

Как-то, в эпоху гласности и так называемого «нового мышления» в Санкт-Петербурге (он был, еще Ленинградом) на большой пресс-конференции в Союзе ученых на Университетской набережной, посвященной подготовке к будущей конференции о взаимодействии культуры и науки в период перемен, на вопрос ко мне заядлого журналиста: назвать двух самых выдающихся исторических деятелей XX века в России – я ответил коротко: Керенский и Горбачев. Не успела скромная публика как-то переварить мой ответ, как та же дама вновь выбросила руку и попросила уточнить персонально, что я с удовольствием сделал...

– Да! Это Александр Керенский, за 8 месяцев свободы в 1917-ом и Михаил Горбачев за свержение большевизма и установление так называемого «нового мышления» в 1985–1990-х. Две эпохальные попытки возрождения России.

– А конкретно – не унималась настырная дама – назовите имя хоть одного человека, лично., с которым непосредственно связано торжество горбачевской эпохи конца 1990-х в области, скажем, культурного возрождения России.

О Никите

– Без проблем! Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, известный собиратель и коллекционер театральной живописи и графики русской эмиграции! И это правда... Посудите сами. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – проживающий в Англии, гражданин США, коренной прямодушный русский интеллигент, богатейший и кошельком, и душевной щедростью, ученый-геолог. Несмотря на то, что в юные годы ему пришлось пережить тюрьму, карцер в постсоветской Болгарии, работу чистильщиком ботинок, подбирающим окурки на улицах Софии, совершить дерзкий побег, он сумел выпрямиться, выучиться, стать чемпионом среди юношей Болгарии по плаванию, стать крупным ученым-нефтяником и собственным трудом сколотить, как он говорит, деньги и авторитет в банковском мире Европы и Америки. В течение более полувека (1958–2009) он мотается по миру с единой целью – собрать и сохранить для родины своих предков коллекцию русской театральной живописи и графики и возродить имена творцов-созидателей, обреченных на изгнание и забвение.

И какая должна быть сила духа у человека, чтобы все эти годы верить и знать, что рано или поздно, такие времена настанут, когда на родине реабилитируют забытый пласт отечественной культуры.

А искренняя вера – это особый дар, как и природный талант Никиты Дмитриевича, как собирателя, который в сочетании с талантом предпринимателя и ученого бизнесмена позволяет

*Благодарность посла РФ. А. Яковенко
Н.Д. Лобанову за вклад в развитие
сотрудничества и двусторонних отношений
между РФ и Соединенным Королевством.
Лондон, 12 апреля 2016 г.*

правильно определять и оценивать то или иное произведение искусства, а также расположить к себе его владельца или случайного продавца-покупщика.

И я смею утверждать, что после Третьякова, Сергея Дягилева, Николая Бенуа, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский достоин именоваться меценатом в самом высоком первоначальном смысле этого слова. Вот пришли новые времена. И, по крылатому выражению застрельщика нового мышления М.С. Горбачева, «процесс пошел», мечта Лобанова-Ростовского сбывается. Его уникальная коллекция возвращается на родину. Постепенно обретая родную крышу, кров, музейные подмошки, а сам ревностный собиратель и хранитель – искреннее признание, награды, благодарности соотечественников, ценителей искусства и властей...

В декабре 2008 г. Никита Дмитриевич продал в Петербург значительную часть своей коллекции. С одним неременным условием: полная сохранность, целостность, открытость и доступность всех без исключения экспонатов его коллекции (как известно, уникальное собрание Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской хоть и вернулось в Петербург, но тут же оказалось закрытым для широкой публики под семью печатями).

Таким образом после стольких лет изгнания и утрат перед взорами петербургских ценителей русского театра начала XX в., студентов-театроведов и искусствоведов предстали имена и творения таких забытых художников русской эмиграции как, скажем, Михаил Федорович Андреевко-Нечитайло или Павел Челищев, Соня Делонэ (Тёрк) или Александр Серебряков, Николай Ремизов (Ре-ми) или Георгий Пожидаев, Сергей Чехонин или князь Александр Шервашидзе. Это не говоря уже о работах таких, более известных нам ранее, мастеров театра как М. Шагал, Л. Бакст, А. Экстер, М. Гончарова, Н. Ларионов, С. Судейкин, П. Анненков, Б. Григорьев, М. Добужинский, Б. Анисфельд, Л. Попова и др...

Кафе «Сайгон»

Для меня же лично имя Никиты Дмитриевича как собирателя и знатока русской живописи было знакомо задолго до нашей личной встречи.

Тут есть история. В самые лихие брежневские времена застоя и цензуры в тогдашнем Ленинграде в центре, на углу Невского и Владимирского проспектов существовало кафе «Сайгон». Здесь с полудня и до позднего вечера толкалась всякая мастеровитая деклассированная рабочая молодежь и всамделишная юная философическая поросль. Теперь это – общеизвестно...

Тон там задавали поэты и художники, но были и музыканты, артисты массовок, первокурсники, бездомные шалопаи, курильщики всякой дряни

и собиратели всякой антикварной всячины ... И всё сплошь гении и эрудиты (да и на самом деле – большинство действительно интересовалось искусством, литературой, музыкой, театром). Так и было, поверьте!

Я был там завсегда! У меня был свой круг «посвященных», круг друзей – единомышленников, которые, помимо любви к крепкому кофе и кофейному духу общенья, поименно и почти что построчно знали стихи Марины Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама. «Звучали» для нас и имена Пикассо, Филонова, Дали, Дягилева, Платонова, Ходасевича, Хармса ... Как ни крути, а «Голос Америки» и русское западное радио было «нашим» радио. Никакой особой политики, мы желали одного, чтобы нам никто не мешал ... Вполне доступен нам был и самиздат.

И вот однажды ко мне попали машинописные «Окаянные дни» Бунина, удивившие меня необыкновенно! Не столько содержанием: что к чему и кто такие большевики мне было ясно давно, сколько сам автор. И на какое-то время «такой» Бунин, «эмигрант» и публицист занял все мои мысли: уж слишком резким и непохожим здесь выглядел Иван Алексеевич – художник слова, прозаик, певец страстной любви, деревни и русской природы.

И тут случилась оказия! Счастливая!

Как известно, в «Сайгон» нередко захаживали «высоколобые» – это книжники, букинисты и просто перекупщики. Немногие из них читали то, чем торговали (букинисты и книжники – те, знали и нас, закоперщиков, уважали, принимали заказы). Мы – вполне дружили. Там тоже был свой круг. Они обретались на противоположной стороне Литейного, в ближних магазинах старой книги, проходных дворах и подворотнях, от угла Литейного до громадного серого «Дома Нефти» (бывшего Департамента Министерства юстиции, где, к слову сказать, 9 мая 1899 г. крестили в «прилагаемой» Церкви Святого Спиридона мальчика по имени – Владимир Набоков).

И вот один из книжников с Литейного, узнав что я интересуюсь зарубежным Буниным предложил мне купить у него за два сороковника (деньги для меня довольно большие) два свежих тома так называемых «Записок русской академической группы в США» за 1968 и 1969 гг. (мог ли я думать в конце 60-х, что в моей стране настанут такие времена, когда сам Евгений Львович Магеровский, профессор русской истории и соредатор этих самых «Записок ...» в 1993 г. в своей квартире на Лексингтон Авеню, 78 в Нью-Йорке вручит мне в подарок свеженький, только что из типографии 25 том «Записок...», посвященный «Русской религиозно-философской мысли и А.А. Фету по случаю столетия его смерти»).

<...>

Самым же значительным (и – неожиданным) сюжетом в этих двух серых крапчатых (обложка мягкая, дешевая «под обои») американских томика стало большой очерк – исследование о русской театральной живописи начала XX в. С биографическими справками и библиографией (совершенно меня поразившей, о чем речь – впереди!). Признаюсь, что в те мои страдные годы профессиональная музейная живопись меня не сильно интересовала; разве что залы Русского музея, где я назначал свидания своим знакомым барышням у известных картин известных художников (преобладал репинский портрет Льва Толстого в блузе и босиком).

Автор «живописного» очерка был «некто» Н.Д. Лобанов. Правда сноска тут – же назвала эту фамилию полностью «Н.Д. Лобанов-Ростовский». Вскоре из своего «Брокгауза» я вычитал, что наш автор наверняка принадлежит к славному княжескому роду Лобановых-Ростовских. И никак иначе...

В конце краткой так называемой «вступилочки» князь Н.Д. Лобанов-Ростовский скромно напоминает читателям, что его труд всего лишь «компиляция, составленная не только на основании имеющихся уже печатных работ на русском английском и немецком языках но и на основании собранной автором коллекции старых театральных программ и афиш и его разговоров и переписки с рядом русских художников или членами их семей».

Все так и не совсем так! Ибо исследование князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского явилось едва – ли не первой («пионерской») работой по истории русской зарубежной театральной культуры, причем историей «в лицах и положениях», изложенной на отличном русском языке. Для меня же, повторюсь, большинство художников, эмигрантов, картин, галерей, зарубежных музеев и так далее, названных в очерке были и вовсе в новинку. Кроме «хрестоматийных» имен Репина, Куинджи, Врубеля, Рериха, Билибина, Бенуа, Добужинского, не говоря уже о Николае Павловиче Акимове и его жене – актрисе Елене Юнгер, которые жили в Кирпичном переулке, рядом с моим домом и были постоянными покупателями моей мамы, работавшей в то время кассиршей в знаменитом Елисейском магазине.

Сейчас совсем нет нужды пересказывать содержание этого уникального (для того времени) «лобаново-ростовского» энциклопедического очерка-исследования. Стоит отметить лишь одно обстоятельство, одно скромное действие, предпринятое мной в отношении сего мемуара. Речь идет об упомянутой мной выше библиографии («SELECTED BIBLIOGRAPHY») по истории русского театрального искусства, кропотливо составленной Никитой Дмитриевичем. Шутка ли? Более трех сотен названий книг, журналов, отдельных статей, персоналий ... Вот эти-то всего пять ценнейших

страничек мелкого убористого английского текста я, при содействии одного моего приятеля – кочегара котельной нашего «Института культуры», тайно отпечатал в полтора десятка копий на допотопной по нынешним временам копировальной машине «Эра».

И одаривал ею своих единомышленников из числа «сайгонских» искусствоведов и художников ...

Персональный вечер

Сейчас же не без гордости я вспоминаю 16 марта 1990 г. еще в Ленинграде, когда в Доме журналиста профессор Никита Алексеевич Толстой и ваш покорный слуга вели первый персональный вечер князя Никиты Лобанова-Ростовского, где публика впервые увидела (в слайдах) уникальные творения великих мастеров театральной графики и рисунка. Потом, лет так через пять-шесть была моя встреча с Никитой Дмитриевичем в Лондоне в его гостеприимной квартире. И вот теперь 24.09.2009 – на недавнем вернисаже в новом Петербурге в честь открытия выставки его собрания в Театральном музее...

Кстати сказать, тогда же, в Сайгоне, автор открывшегося мне столь монументального очерка по русскому искусству и живописи казался мне (зачно) таким кабинетным седым и значительного его вида и положения – старцем. Но каково же было мое «разочарование», когда в нашем Фонде культуры, что на углу Невского и Думской улицы, появился стройный моложавый спортивного

Профессор Н.А. Толстой и Н.Д. Лобанов на выступлении в «Доме журналиста». Ленинград, 16 марта 1990 г.

сложения мужчина, настоящий денди средних лет с открытым удивленным насмешливым ироническим взглядом уверенного в себе человека, который с первого же мига и на долгие годы расположил нас к себе...

И тогда, и всегда я задавал себе вопрос – кто же князь Никита Дмитриевич, конкретно. Ибо он и строгий ученый, и профессор геологии, и пловец, и коллекционер, и зэк, и бизнесмен, и гурман, и знаток женской красоты, вина, кубинских сигар... И как-то в недавней беседе я решился спросить его: кто же Вы, Никита Дмитриевич? По преимуществу, что явилось залогом Вашей жизни и карьеры...

Ответ был один: «Я свободный, независимый и счастливый человек».

Вопросы к Эйнштейну

Теперь от лирики (по заказу) к главному. <...>

Откликаясь на Вашу просьбу-заказ высказать свое отношение обо всем услышанном и увиденном 9 июня 2016 г. в полдень в Вашем родовом дворце – а ныне отеле, – я, кроме этого, решил взять на себя роль Дебижева и задать Вам (письменно) несколько главных вопросов (главных – ибо готовящийся госпожой Алпатовой сборник статей и так далее, под условным названием «Обо всем»³ в некотором роде – итоговый), которые задавали в разное время разные люди самому Альберту Эйнштейну. Вот потеха (это слово хорошее, не ходульное) вот праздник ума и живых не традиционных решений и изящества мысли... И мне важен именно Ваш ответ (как, стало быть и Дебижеву, отнюдь не дураку...). Никакого подвоха, хотя истина что все сравнения – хромают. Короче, как гласила заповедь, бытовавшая среди евреев – витеблян (т.е. в Витебске Шагала и Пена) «не ищите там, где ничего нет, а где есть». А есть то, что я увидел (вычитал) в ответах Альберта Эйнштейна сходство с Вами в отношении понятия о смысле жизни, как таковой, жизни деятельной, сложной не без печалей и утрат, как ее пытался познать и понять Лев Толстой, постоянно мучившийся вопросом как «исполнять свою земную обязанность... без точки веры в себя, в важность дела... когда... не достает энергии заблуждений, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя...» (см. письмо Н.Н. Страхову от 8 июля 1878 г.). Так вот у Вас обоих (два в одном) в этом смысле все с точностью – наоборот. То есть у Вас этой «энергии заблуждения», как говорится, «выше крыши»... И еще больше – самоиронии. Причем, при полном отсутствии самолюбования, чем, подчас так грешил Лев Николаевич...

³Имеется в виду настоящее издание. – *Сост.*

Так так держать, Никита Дмитриевич!!!

И я уверен, что с той энергией заблуждения и с той же верой в себя и с тем же неиссякаемым запасом иронии и насмешкой над жизнью и возрастом жил и творил мой Альберт Эйнштейн (не говоря уже о том, что Вы оба в разной степени, но с той же болью испытали остракизм властей и невыносимое бремя изгнанничества).

Повторяю, в моей идее – никакой корысти, лукавства или – похвальбы, от которых можно легко сей минут отмахнуться и забыть... Ваше слово, товарищ...

Итак – вопросы, мысли, ответы и избранные афоризмы Альберта Эйнштейна!!!

Вопрос первый, Никита Дмитриевич: Прав ли был Альберт Эйнштейн, ответив на вопрос молодого студента-богослова о миссии Библии: «Библия – миф, наполненный жизнью» ... А Ваше мнение ?

Ответ: Да, я стопроцентно согласен с ответом Эйнштейна. О том, что Библия – миф для многих, в этом нет сомнения. Посудите сами. В первой главе Бытия (стихи 26-27) указано, что господь создал в шестой день одновременно Адама и Еву. А во второй главе Бытия (стихи 21-22) указано, что Еву создали после создания Адама из его ребра. Оба несоответствующие описания указывают на создание жизни, не только наших родоначальников, но всех живых тварей. Так что, да, «миф, наполненный жизнью».

Вопрос второй от одного журналиста-политолога Эйнштейну, когда тот прибыл в США: Справедливо ли было сказано о нем, что он де как ученый и мыслитель и пацифист, правящий монарх разума? Что Вы, Никита, думаете о таком так называемом монархизме?

Ответ: Безусловно, Эйнштейн долгие годы был выдающимся, если не единственным, гением науки начала XX в. И он был правящий монарх разума, повлияв на развитие науки. Но он никак не годился бы на роль монарха как политического вождя, где требуется прагматичный ум и способность принимать решения, которые часто противоречат морали и пацифизму.

Вопрос третий: Чем занимается наука и что лежит в основе научного знания Эйнштейн ответил, что, мол, основой всех естественных наук и искусств является вера человека во внешний мир, не зависящий от воспринимаемого его субъекта. Так ли это или справедливо для той ушедшей эпохи без компьютеров и мобильной связи?

Ваш ответ: Не ответив на вопрос, чем занимается наука, Эйнштейн определил, что в основе научного знания лежит убежденность в объективности внешнего мира, не зависящего от воспринимающего субъекта. Я не вижу, как компьютеры и сотовые телефоны влияют на эту аксиому.

Эйнштейн о большевиках и о Ленине: «их власть постоянно паразитировала на пустом желудке граждан и мнимом патриотизме» (очень похоже на сегодня)...

Ваш ответ: Пустые желудки граждан меняют политические установки их стран. Ульянов и власть большевиков пользовались «пустыми желудками» для управления страной. Что он был мнимым патриотом – очевидно, ибо отдал более четверти Российской империи, уже истощенной от войны с Германией, при заключении Брест-Литовского мира с целью, чтобы самому удержаться у власти.

Вопрос Эйнштейну: ...Правда ли, что главной проблемой науки – должна быть забота, как сделать лучше жизнь простого человека? Но, как? И что значит – простой человек?

Ответ: Нет, я не думаю, что главной задачей науки является забота, как улучшить жизнь простого человека. Последнее – не задача ученых, а задача политиков. Этим девизом они заманивают избирателей (простых людей), обещая им лучшую жизнь для всех при условии, что их выберут. Помимо понятия «избиратель», я не достаточно тонко знаю русский язык, чтобы ответить о значении понятия «простой человек».

О вере и религии. Эйнштейн: «Это детская болезнь человечества» и человека» и «...почитание силы, стоящей за тем, что поддается нашему осмыслению»... «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в гармонии всего сущего, но не в Бога, который заботится о судьбе и действиях людей».

Ответ: Я думаю, что Эйнштейн ответил правильно в другом интервью, что религия есть «почитание силы, стоящей за тем, что поддается нашему осмыслению». Эйнштейн несомненно разделял его точку зрения об абстрактной концепции Бога, отождествляя его с гармонией всего сущего. Как русский, я разделяю эту точку зрения.

Эйнштейн о бессмертии души: «Мне достаточно и одной жизни».

Ответ: Конечно, Эйнштейну очень повезло, что он довольствовался одной жизнью. Миллиарды жителей нашей планеты разных вероисповеданий верят в продолжение жизни в разных ипостасях. «Блаженны верующие, ибо есть у них Царство Небесное» (Матвей 5:3).

Эйнштейн: «Человек может поступать так, как пожелает, но не может желать/жить исключительно по своему желанию».

Вы: Мой ответ прост: это не подлежит обсуждению. Это наш удел по аксиоме.

Эйнштейн: «Сами довольствуйтесь малым, а другим давайте много».

Н.Д.(совершенно замечательный ответ – прим. наше!): Как аксиома это звучит уважительно. Но это противоречит человеческим инстинктам, которые мотивируются: 1) самосохранением (пища, крыша и т.д.), 2) размножением, 3) накоплением добра. Смысл этого напутствия Эйнштейна воспринимается как библейская заповедь: основы человеческой морали должны быть важнее «исключительно личного». Но естественно возникает вопрос: всякое ли благое деяние благотворно? Под конец жизни, не имея наследников, я раздаю другим больше и больше, часто не разумно. К примеру, я подарил Музею Ростовского кремля предметы искусства на более полтора миллиона евро; но уже второй год музей не может справиться с реставрацией дома Шлякова под Дом-музей Лобанова-Ростовского, а я старею и боюсь не увидеть дня его открытия, если он когда-нибудь будет.

Эйнштейна часто спрашивали: Свободны ли люди в своих поступках?

Н.Д.: Да, люди относительно свободны в своих поступках. Абсолютную свободу можно найти, живя в джунглях. Например, в сегодняшней России (беспрецедентно за последние 400 лет) люди имеют выбор, что до сих пор не предвиделось в стране. Пренебрегая основными моральными человеческими аксиомами, сегодня в России можно преуспеть, а прибавив пренебрежение к социальным законам, достичь благосостояния. А те, кто не хотят идти на моральные и светские компромиссы, могут вести незаметную и незначительную жизнь и скончаться естественной смертью.

Вопрос: Всегда ли наука или искусство или поэзия несет ответственность за свои поступки?

Н.Д.: Да, всегда наука (физика), искусство и поэзия должны нести ответственность за свои поступки. Эта ответственность может быть моральной в теократиях (как Саудовская Аравия или Израиль) или же социальной в странах «политической корректности» и автократиях как Турция и Россия.

И последний вопрос, который я выудил из массы интервью великого провидца и остряка: Если бы Вы, господин Эйнштейн, приняли участие в спиритическом сеансе – чей дух был бы вам ближе – скажите.

Ответ был прост и гениален: я не могу отвечать на этот интересный вопрос, будучи в смокинге в ожидании ужина с дамами и с их мужьями...

Ответ: В юности я принял участие в спиритическом сеансе. Вызывал дух Данте Алигьери. Он мне ответил, что поскольку я хоккеист, мне предназначен 9-й круг ада, где царит лед. Привлекательность этого круга, что будучи на границе с 8-м, из него можно беспрепятственно наблюдать все то, что изобрел Иероним Босх и его последователи в своей живописи, которую я уважаю.

Без комментариев.

Я только лишь могу поздравить себя (как в детстве – ущипнуть себя за ухо).., что судьба, чуть ли не навеселе, «от пуза», как за здорово живешь, мне подарила (не надо быть Эйнштейном или Барухом или Исааком, чтобы понять что жизнь – подарок и не свыше, а тут рядом, как калач под елкой, счастливый трамвайный билет, как пуля – дура...), радость и сильное трогательное беспокойство в дружеских, окрыленных крепким словом – встречах и застольях с Вами, дорогой Князь Никита Дмитриевич

- профессором химии (Ломоносов гордился, когда его так величали);
 - искусствоведом;
 - балетоманом;
 - мемуаристом;
 - философом;
 - лингвистом, специалистом по словарю блатных, русских дворников прошлых времен и современных бомжей;
 - русистом;
 - музееведом;
 - политологом;
 - крепкословом;
 - афоризмитом;
 - финансистом;
 - публицистом;
 - пловцом на открытой воде;
 - стройным и мыслях, пиджаках, штиблетах и бабочках.
- И, наконец, главное:
- смелым;
 - крепко сложенным;
 - верным мужем госпожи Джун;
- а также:

– умелым;
– внимательным;
– насмешливым;
– серьезным;
– ироничным собеседником (в скобках): даже приятелем, типа меня –
смерда с набережной реки Мойки – угол Невского и мне подобным...

от

горничной;
работяги на приисках;
кассира в банке;
кельнера;
парикмахера;
спортсмена;
фотографа;
зеваки;
журналиста-телевизионщика;
актера – статист;
поденного газетчика

до

президентов;
банкиров;
министров;
первосвященников;
царедворцев, мэров, дипломатов, парламентариев и париев всякого
рода, племени и пошиба.

НА СВОЙ ВЫБОР И НА СВОЙ КОШТ

За сим: искренно Ваш Евгений Борисович Белолубровский

Июль–октябрь 2016. Петербург – Лондон – Ленинград

Светлана Мрочковская-Балашова
**Памяти Коронации их Императорских Величеств
в Москве 1896 года¹**

26 мая 2016 г. исполнилось 120 лет со дня ПОСЛЕДНЕЙ коронации ПОСЛЕДНЕГО Российского Императора Николая II и его супруги Императрицы Александры Федоровны, состоявшейся в Москве 14/26 мая 1896 г.

По случаю торжеств накануне коронации был выпущен (ограниченным тиражом для приближенного круга лиц Российского Императорского дома) подарочный альбом «Его Императорское Величество государь Император Николай Александрович в 10 формах полков, где Его Величество состоит шефом и числится»². Издание было осуществлено Заведением Графических Искусств Э.И. Маркуса, собственность издателя Р.В. Пец, М.; СПб., 1896. На всех литографиях, выполненных по рисункам художника Г.К. Бакмансона³, Государь изображен в форме полковника соответствующего полка.

¹ Интернет-журнал Светланы Балашовой, <http://www.pushkin-book.ru/id=711.html>.

² Сведения о подарочном альбоме и изображение обложки заимствованы с сайта: <http://www.kabinet-auktion.com/auction/books12/164/>: Аукцион №12(48) Старинные и редкие книги, карты, гравюры: Лот 164, Souvenir du Couronnement de Leurs Majestés Imperiales a Moscou 1896. L'Empereur Nicolas Alexandrovitch en tenue de 10 régiments dont Sa Majesté est chef. [Памяти Коронации их Императорских Величеств в Москве 1896 года. Император Николай Александрович в мундирах 10 полков, шефом которых он является. М.; СПб.: Заведение Графических Искусств Э.И. Маркус, собственность издателя Р.В. Пец, 1896].

³ *Гуго Карлович Бакмансон* (17.04.1860, Паймио, Финляндия – 19.11.1953, Хельсинки) – русский художник-баталист при русской армии. Ученик Академии художеств с 1884 г. по 1886 г. и с 1894 г. по 1899 г. В 1886 г. получил малую поощрительную медаль и звание неклассного художника, в 1899 г. – звание художника за картину «Провожатый». С 1884 г. офицер Лейб-гвардии Измайловского полка. Подполковник. С 1889 – участник выставок. Экспонировался на выставках в залах ИАХ (1889, 1890, 1896, 1898, 1899, 1908), Московского общества любителей художеств (1891), Санкт-Петербургского (Петроградского) общества художников (1897–1917, с перерывами), Общества русских анварелистов (1899, 1903). После революции эмигрировал; жил в Хельсинки. Путешествовал по Северной Африке (Марокко). Участвовал в выставке художников Императорской Академии художеств Петрограда в Париже (1921). Источник: Valerij Surkov, <http://valsur.livejournal.com/5044.html>.

На вышеприведенной литографии Николай II представлен в мундире Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка в сопровождении свиты из десяти Великих князей Романовых, двух министров: Ванновского П.С. (военного министра министр в Свитской форме) и Воронцова-Дашкова И.И. (министра Императорского Двора и Уделов в форме л-гв Гусарского полка); Фредерикса В.Б. (товарища министра Императорского Двора и Уделов в форме л-гв Конного полка) и Рихтера О.Б. (командующего Императорской Главной Квартирой в Свитской форме).

Ниже имена Великих князей из окружения Императора:

Николай Николаевич Младший в форме л-гв. Гусарского полка;

Александр Михайлович в форме Гвардейского экипажа;

Павел Александрович в форме л-гв. Конного полка;

Михаил Николаевич в форме Гвардейской Конной артиллерии;

Владимир Александрович в Свитской форме;

Алексей Александрович в форме Гвардейского экипажа;

Михаил Александрович – предположительно, в мундире л-гв. 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона;

Сергей Александрович в Свитской форме;

Константин Константинович в форме л-гв. Преображенского полка;

Дмитрий Константинович в форме л-гв. Конно-гренадерского полка.

Один экземпляр именно этой литографии с изображением Николая II в окружении свиты, чудом сохранившийся в заграничной частной коллекции, вернулся на Родину в виде дара известного коллекционера (частого гостя нашего сайта) князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского Российскому Военно-историческому обществу. О чем в тот же день, 7 июля 2016 г., на сайте РВИО появилось сообщение⁴:

Гравюра «Николай II со свитой» торжественно передана в дар Музею военной истории «Стрелецкие палаты»

Сегодня в здании Российского военно-исторического общества состоялась торжественная передача музею военной истории «Стрелецкие палаты» гравюры с изображением «Императора Николая II в сопровождении свиты во время своей коронации в 1896 году в Москве». Князь Никита Лобанов-Ростовский передал экспонат из личной коллекции исполнителю директору РВИО Владиславу Кононову.

– Российское военно-историческое общество благодарит Никиту Лобанова-Ростовского за этот бесценный дар в экспозицию музея «Стрелецкие палаты», которую мы формируем из частных коллекций. Люди из разных

⁴ Сайт РВИО: <http://rvio.histrf.ru/activities/news/item-2693>.

Обложка и титульный лист подарочного альбома, изданного по случаю коронации императора Николая II

Даритель, кн. Н.Д. Лобанов-Ростовский слева

стран, которым не безразлична история России, заинтересованы в том, чтобы предметы из их архивов демонстрировалось зрителю. Благодаря музею военной истории РВИО мы предоставляем им такую возможность в самом центре Москвы. Данная гравюра также займет почетное место в нашем музее, – отметил исполнительный директор РВИО Владислав Кононов.

– Я знаю, что музей «Стрелецкие палаты» является достаточно молодой выставочной площадкой Москвы, но несмотря на это, Музей пользуется большой популярностью у ведущих художников современности. Полагаю, что данная картина гармонично впишется в экспозицию «Исторические портреты». Я очень рад передать картину в подарок именно Российскому военно-историческому обществу, – рассказал первый заместитель Председателя Международного совета российских соотечественников Князь Никита Лобанов-Ростовский.

На встрече также присутствовали: заместитель Председателя Совета министров Республики Крым Георгий Мурадов; Научный директор РВИО Михаил Мяжков; Президент ассоциации художников портретистов Александр Осипов; советник Международного совета российских соотечественников Евгений Табачников, а также профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова Екатерина Федорова.

Участники заседания обсудили успешную деятельность РВИО в увековечивании памяти героев Отечества и видных деятелей истории России, а также перспективу создания Национальной портретной галереи.

Заметки Н.Д. Лобанова-Ростовского Цели чиновника

С 1970 г. я ежегодно и по много раз в год бывал по делам в СССР, а затем в России. К моему большому горю, я замечаю, что отношение деловых людей после 1990 г. значительно изменилось от того, что преобладало во времена «светлого прошлого».

В современной России, цель жизни деловых людей и предприимчивых чиновников сводится к:

- 1) обмануть делового партнера, конкурента, коллегу, подчиненного, соотечественника и прочее;
- 2) отмыть деньги, чтобы легализовать наворованное;
- 3) вывезти наворованные деньги за границу;
- 4) вложить эти деньги подальше от надзора в оффшорные банки, предприятия, и недвижимость;
- 5) переправить за границу своих жен и, по возможности, любовниц, а также детей и внуков, которые ходят в элитарные заграничные школы и университеты;
- 6) при удачном претворении в жизнь вышеуказанного, самому переехать за границу.

Этот экспорт очень выгоден зарубежным банкам и принимающим странам для их платежного баланса. Видимо, правительство России эти утечки миллиардов из страны никак не беспокоят по причинам им более видным. Но если и когда стоимость нефти упадет ниже сорока долларов за бочку, то кому-нибудь, может, придет в голову вопрос: как же вернуть хоть часть утерянных миллиардов?

Предисловие к книге П. Чумаченко «Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку»

Авторы рассказывают о жизни геологов, геофизиков и т.п. – выходцев из России XIX и XX столетий, а также и как российская наука о Земле вписывается в мировую науку. Книга повествует о том, что сделал Домейко для геологии, науки и культуры в далеком Чили, или о том, как Соколов принес в Австралию зародившуюся в России геохимию, сделавшую геологическую разведку гораздо дешевле, или о том, как Агафонов и Малышева «вывезли» из России почвоведение, как Великовский и его идеи о зарождении жизни на Земле были приняты в штывки английскими учеными и в частности Ейгером, и что сделали репатрианты для геологии Израиля.

В книгу включено более 400 ученых, специалистов и рядовых тружеников, выходцев с территории Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации, работавших или работающих в области геологии, минералогии, палеонтологии, поиска и разведки месторождений полезных ископаемых, а также геофизиков, вулканологов, почвоведов и некоторых других представителей естественных наук, близких геологии или связанных с ней.

В этот биографический сборник включены не только ученые, но и практики, работавшие в разных областях наук о Земле. Отдельные биографии содержат, кроме краткого описания трудового пути, небольшие историко-культурные экскурсии, связанные с жизнью этих людей и некоторых членов их семей.

Эти выходцы из России отдали свой опыт, свои знания и свой талант всему культурному человечеству. С другой стороны они столкнулись с другой культурой, не только в жизни, но и в геологических науках. Они взяли и ассимилировали самые лучшие образцы местной культуры и постарались вернуть на Родину все то, что они открыли. Много из них поддерживали повседневные связи с ведущими геологами Советского Союза. Так двусторонне происходил обмен геологических знаний, обмен жизненного опыта.

Обо всем этом вы сможете найти в книге П. Чумаченко и О. Дитл – «Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку».

*Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, геолог,
академик «Международной информационной академии» при ООН
Лондон, 20.IX.2012*

Письмо профессора П. Чумаченко, 31 октября 2016 г.

Уважаемая г-жа Шурова!

На днях мой друг с юных дней князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский переслал мне информацию о конференции «Russian heritage in the contemporary world», London, 19 December 2016. Это сообщение меня заинтересовало!

Кто я? Я проф. д-р Платон Чумаченко, болгарский геолог российского происхождения. В последние годы с коллегами из разных стран мы начали собирать информацию о геологах российского происхождения, работающих в разных странах мира. Начали с болгарских геологов российского происхождения. Эта идея понравилась тогдашнему Председателю Русского культурно-информационного центра в Софии г-ну В. Баженову и он нашел средства напечатать брошюру с этими данными. Как говорят французы «L'appetite vient en mangeant», так что мы вышли за границы Болгарии и начали собирать данные и в других странах. В 2014 г., на свои деньги, напечатали книгу «Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку» и начали ее распространять своими средствами. Мы не обращались ни в какую российскую организацию, потому что побоялись! Чего? При собирании материала, напали на одну из «новых» русских эмигрантов, которая очень плохо отнеслась к нашей идее: «Да! Мы знаем, кто стоит за вашими спинами!», – имея в виду полицейские органы РФ. Нам помог выйти из этого положения князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Он создал в Англии фирму «Geological Non-Profit Limited, London», которая отвечала бы перед судом в случае, что к нам предъявят претензии. Эту книгу мы напечатали не для русских, а для «местных» геологов. Мы продолжили нашу работу статьями в геологических журналах о геологах в США, вышедших в Белграде, о геологах в странах франкофонии, вышедших в Мадриде. Сейчас собираем новые данные о геологах Латинской Америки, о геологах в Англии и о геологах в районе Австралии. Эти статьи написаны на английском языке и предназначены для другой публики.

Я бы хотел принять Intramural участие в Лондоне с докладом о российских геологах, которые работали или сейчас работают в Великобритании, но пока мне не известно, смогу ли я лично сделать это – мне за 80 лет и не уверен, что здоровье позволит. Но если не смогу участвовать в Intramural сессии, то хотел бы участвовать Extramural.

*Буду рад услышать от Вас, желаю Вам всех благ,
С уважением, Платон Чумаченко*

**Рецензия Н.Д. Лобанова-Ростовского,
геолога, на книгу Св. Петрусенко
«Минералите на Рила планина»**

*Н.Д. Лобанов-Ростовский и Свет
Петрусенко. Музей природоведческий.
София, 2015 г.*

Только обширное и глубокое знание предмета позволили С. Петрусенко так сжато изложить необходимые для читателя сведения о геологии Рилы.

Рила – необычная гора, на которой отличился Орфей и которая, наверное, связана с Божественной силой, о которой проповедовал священник Петер Дынов в 1918 г., говоря о одушевлении предметов. Эта сила зародилась в композиции скал, а именно из-за присутствия множества пегматитовых жил, которые излучают, кроме негативного радона

(в составе пироксенов), также и положительную радиацию, способствующую освежению силы и общего тонуса у людей.

Во время похода с автором на Рилу в июне 1952 г. мы шли от Кобилино-Бранище через Минералнето Езеро до хижины Маловица, а оттуда до хижины Иван Вазов. Несмотря на трудные маршруты и плохую погоду, я не чувствовал усталости. Тогда я объяснил себе, что крепкое здоровье и юный семнадцатилетний возраст мне в этом помогли. Это было до того, когда я узнал о идеях Петра Дынова и Николая Рериха, что заряд энергии шел из окружающего грунта горы. Из статей Петрусенко я узнал о присутствии пегматитов, содержащих кладезь минералов, и понял, что сила и величие Рилы и, особенно, Тиркусы на Урдин и на Седмете Езера явно связаны с минеральным богатством этого района. Для меня существует единство между составом минералов скал с духовной силой района.

**Н. Лобанов-Ростовский
о конкурсе живописи**

IV международный конкурс большеформатной живописи на открытом воздухе под эгидой ЮНЕСКО и руководством Анны Филимоновой был проведен в местечке Фурж (Fourges, вблизи Живерни, в часе езды

от центра Парижа на машине) с пятницы 17-го по воскресенье 19-го июня 2016 г. 73 художников-профессионалов и любителей из Франции, России, Украины, Алжира, Словении, Финляндии, Латвии, и даже Вьетнама приняли в нем участие. Несмотря на дождливую погоду, накануне конкурса все участники с энтузиазмом работали на выбранных ими лужайках. Темой конкурса фестиваля «Нормандия импрессионистов» был «портрет».

*А. Дебиоль, Д. Лобанова-Ростовская,
А. Филимонова, Н.Д. Лобанов-Ростовский
и Ф. Лагран. Фурж, Франция. 19 июня 2016 г.*

Вопреки языковому барьеру, атмосфера конкурса напоминала семейный пикник благодаря дружеским отношениям, установившимся между художниками, посетителями и добровольцами, обслуживающими посетителей. В промежутках между дождем художники талантливо воплощали свои нормандские импрессионистские впечатления на площади мельницы Фуржа, и в разных уголках деревни под наблюдением многих посетителей. Часть художников вдохновлялась моделями, добровольно приехавшими по этому случаю в Фурж. Посетители, как и в прошлом году, смогли участвовать в голосовании на лучшую работу в трех категориях: профессионал, любитель и юный художник.

Итоговая выставка и присуждение наград состоялась в воскресенье 19-го июня при установившейся солнечной погоде в присутствии региональных властей и международных деятелей искусства. Живописцы были награждены 20 призами. В этом году мнение трех независимых членов жюри совпало, причем они не совещались и не консультировались друг с другом. Молодая 21-летняя украинская художница Людмила Петрик, студентка Киевской Академии живописи, завоевала первый приз имени Дениса Ренья – мэра Фуржа и инициатора конкурса, трагически скончавшегося в 2014 г. Дополнительно она получила еще пять наград по разным номинациям. Второй приз достался ее 21-летней подруге из того же вуза.

Международное жюри в 2016 г. состояло из трех членов: Адриен Дебиоль (владелица галереи в Лион-ля-Форе, Сент Креспин, где когда-то жил сын Камиля Писарро Поль-Эмиль, тоже художник, сад которому разбил его крестный Клод Моне), Никита Лобанов-Ростовский (Лондон) и художник при французском военном флоте Франсуа Легран (Париж).

Дружеский шарж в исполнении Франсуа Лаграна: Александр Сергеевич Толстой и Никита во время обеда членов жюри. Ресторан «Мулен де Фурж», 19 июня 2016 г., Фурж

как их студенческая стипендия в Киевской Академии составляет 50 евро в месяц. Одна молодая художница, не имея денег на покупку холста, вырезала из большой картонной коробки поверхность в 1 кв. м., на которой создала красивый портрет, но несмотря на желание жюри удостоить ее награды, это оказалось невозможным, ибо по уставу конкурса работа должна быть написана на холсте. Я был в ярости, что руководство не уведомило ее об этом заранее.

Некоторые кандидаты из СНГ не получили вовремя визы из-за промедления местных, и организаторам пришлось звонить в посольства и умолять их выдать визы. Надеюсь, что в 2017 г. организаторы конкурса займутся этими административными вопросами заблаговременно, чтобы заручиться максимальным количеством участников.

К счастью, многие из молодых участников, а также и известные художники, как Георгий Шишкин, смогли продать свои портреты, в основном моделям, с которых они были написаны.

На обеде в ресторане «Мулен де Фурж», где кухня была высочайшего сорта, повар Валентин Петров оказался болгарин из Стара-Загоры. Увы, отсутствовали послы России и Украины при Юнеско – Элеонора Митрофанова и Олег Шамшур. А ведь именно украинские и русские живописцы заняли ведущие места!

Народное жюри насчитывало 478 публичных голосов.

Меня поразило качество работы и талант двух студенток Киевской Академии, единогласно получивших первый и второй призы. Я убедил мадам Адриен Дебиоль пригласить их на неделю в свою галерею, где, по ее словам, имеется 10 спален. Там они могли бы работать, а галерея затем продала бы их произведения и этим помогла бы им средствами. Многие кандидаты не получили визу во Францию, ибо согласно французским требованиям участники конкурса должны располагать наличными средствами из расчета по 50 евро в день, в то время

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского

НЕЗАВИСИМАЯ НГ EX LIBRIS

Четверг 09.04.2015

Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский / Сост. Н. Алпатова. – М., 2015. – 654 с. ISBN 978-5-906644-36-7

Сборник посвящен жизни князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского (р. 1935) – представителя старейшей русской княжеской фамилии. Рюрикович в 33-м поколении, через жизнь которого прошло большинство коллизий XX и XXI веков, он известен как главный коллекционер русского театрално-декорационного искусства начала XX столетия, подвижник и меценат. В издание включены воспоминания, статьи, интервью, рецензии, уникальные фотографии из архива Лобанова-Ростовского.

Книгу можно приобрести:

- 1) В книжном магазине Дома русского зарубежья, м. Таганская-Кольцевая, по адресу Нижняя Радищевская, д. 2.
- 2) В киоске музея им. Бахрушина, м. Павелецкая, на Бахрушинской ул.
- 3) В книжном магазине издательства «АРТ» на Малой Дмитровке. Это библиотека Союза театральных деятелей и в одной из комнаток находится магазин «Театральная книга», 107031, Москва, Страстной бульвар, 10.

Наталья Алпатова
От составителя¹

Идея собрать и сохранить разбросанные по различным отечественным и зарубежным изданиям статьи, воспоминания, интервью, выступления человека-эпохи, через жизнь которого прошли все коллизии XX и XXI вв.,

¹ Рюрикович в эмиграции: Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский / Сост. Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. М., 2015. С. 7–8.

наконец осуществилась. Перед вами, читатель, книга об одной из легендарных личностей, нашем современнике, соотечественнике, лишенном в силу исторических событий Родины, но не прерывающим связи с ней, искренно любящим ее, жизнь положившим на то, чтобы мир знал что такое Россия – Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском.

Лобановы-Ростовские – одна из старейших княжеских фамилий. ведущие свою родословную от легендарного Рюрика и давших России целую плеяду государственных и военных деятелей. Рождественский монастырь в Москве, основанный в 1386 г. княгиней Марией Ивановной Лобановой-Ростовской в память о Куликовской битве, усадьба на Мясницкой, 43, «дом со львами» в Санкт-Петербурге – вот только несколько адресов, связанных с этим родом.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – князь, Рюрикович в 33-м поколении, потомок Игоря и Святослава, Крестителя Руси Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Юрия Долгорукова, Всеволода Большое Гнездо, геолог, банкир, коллекционер, меценат, эск, родившийся и всю жизнь живущий вне Родины его предков; обладатель, пожалуй, самой большой в мире коллекции произведений крупнейших художников театра Серебряного века. Он много повидал и много, где побывал, а представляется очень скромно: «Проживаю в Лондоне в статусе пенсионера». Его знают в США, и в Южной Америке, в Англии и Африке, на Аляске и в Германии, в Италии и Болгарии (где он родился).

Сын Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского и Ирины Васильевны Вырубовой говорит: «Мы стали изгнанниками, не чувствуя за собой вины. Почему я, русский человек, должен расти в Болгарии, а не у себя дома? Почему я, как тогда говорили должен быть “беженцем”? Почему мои родители на вопрос: “Когда мы вернемся в Россию?” – отвечали – “Никогда”? “Но ты любишь Россию?” – спрашивал я отца. – “Конечно, очень”, – отвечал он. Вот так и пришлось расти тысячам русских детей: с одной стороны – у тебя есть Россия, с другой стороны – ее нет. Очень трудно понять. Но оставалась культура, Православная церковь, сознание общности судьбы и любовь к своему дому, в который нельзя вернуться...»

Для любителей русского театрально-декорационного искусства Серебряного века Никита Дмитриевич – фигура легендарная.

Собирая свою коллекцию по крупицам, извлекая картины почти из небытия, в молодости, отказывая себе во всем ради достижения поставленной цели, он совершил воистину подвиг – собрал уникальную коллекцию.

По целеустремленности, стремлению достичь желаемого Никиту Дмитриевича можно сравнить с незабвенным Ильей Самойловичем Зильбер-

штейном – ученым, коллекционером, совместно с Лобановым – одним из основателей Музея личных коллекций и не случайно его другом.

Когда-то покойный литературовед Юлиан Григорьевич Оксман рассказывал: «Когда я в 1920-е годы преподавал в Одесском Археологическом институте, ко мне подошел очаровательный голубоглазый кудрявый юноша и сказал, что хотел бы слушать мои лекции. Я ответил, что на это нужно специальное разрешение дирекции его школы. Юноша, несколько не огорчившись, пообещал мне его принести. И что самое удивительное, на следующий день он пришел с разрешением. Это был Илюша Зильберштейн».

Так и Никита в детстве, как все дети, собирал марки, монеты, потом вдруг стал собирать минералы и увлек собирательством весь класс. Собирая минералы, он решил стать геологом, стал им, да еще каким! Девятнадцатилетним юношей, впервые придя на выставку, посвященную памяти Дягилева, был потрясен увиденным и сказал себе: «У меня это будет...». И стало. Коллекция князя известна во всем мире.

Помимо собирательства Никита Дмитриевич еще и потрясающий даритель. Если какая-то часть российского дворянства, живущая на Западе, обратилась в Страсбургский суд с требованием реституции, то Лобанов наоборот все свои дары везет в Россию. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Музей частных коллекций, Музей-квартира Марины Цветаевой, Ростовский Кремль, Фонд «Русское зарубежье», Посольство РФ во Франции – вот далеко неполный список куда князь бесконечно приносит свои дары.

«Я выполнил долг русского человека перед Россией, в которой не был рожден. В меру моих сил и способностей я старался спасти то, что почти наверняка было обречено...».

«Я представитель русской образованной среды, и следую примерам моих образованных предков. Большую часть жизни я был озабочен рассеянием художественных работ театрального русского искусства. Решив собрать и сохранить часть этого искусства, я принес своим собранием и его научным описанием пользу памяти и истории русского искусства».

Н.А. Алпатова

Александр А. Тихонов

Коллекционер милостью Божьей¹

А.А. Тихонов и Н.Д. Лобанов. Женева, 2011 год.

Я восхищаюсь Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. Восхищаюсь Человеком. Восхищаюсь Профессионалом. Восхищаюсь Коллекционером. Еще в юности выбравшим своим девизом известное латинское выражение «per aspera ad astra» (через тернии к звездам) и всей своей жизнью показавшим и доказавшим, что «небо в алмазах» достижимо каждому из нас.

Надо только знать, что оно существует; что дорога к нему изобилует «терниями»; что, раз вступив на этот путь, не поддаваться сиюминутным соблазнам и, несмотря на «тернии», надо пройти его до конца – «к звездам». Иными словами говоря, «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в “то, чего нет на свете”, “а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она – прекрасна”» (А. Блок, 1918 г.).

Именно так – по римлянам и Блоку – жил и продолжает жить потомок древнего и славного русского княжеского рода, родившийся в Болгарии (1935), учившийся в Англии и США, работавший геологом и банкиром на всех континентах, страстный поклонник и знаток русского балета, посвятивший собирательству его сценографии более полувека, американец по паспорту, англичанин по месту постоянного проживания, коллекционер от Бога, русский «гражданин мира» Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. О своей жизни на фоне трагической истории европейского континента в XX в. Н.Д. Лобанов-Ростовский рассказывает в вышедшей в конце 2010 года книге «Эпоха. Судьба. Коллекция» (Москва: Русский путь, 2010, 584 с.).

Ключевым, по крайней мере для меня как собирателя, в этом названии является слово «Коллекция». Об эпохе, в данном случае 1935–2010 гг., равно как и об отдельно взятой судьбе, писали многие, много и продолжают писать до сегодняшнего дня. А вот о собирательстве, о своей коллекции, о

¹ Тихонов А.А. Искусство и право: художники, коллекции и коллекционеры, арт-рынок. Заметки дилетанта. М.: Экономика, 2016.

работе с ней и над ней, о своей жизни в ней – публикации можно пересчитать по пальцам одной руки. Как в России, так и за рубежом. Замечу попутно, что книг, написанных о коллекционерах и об их коллекциях, куда больше. Во второй половине XX – начале XXI в. в России было опубликовано всего 4 книги, написанных коллекционерами. Первой была книга профессионального искусствоведа А.А. Сидорова (1891–1978) «Записки собирателя. Книга о рисунках старых и новых». (Художник РСФСР, Ленинград, 1969, 237с.). Второй – книга «чистого», как и Н.Д. Лобанов-Ростовский, коллекционера, Г.Д. Костаки (1913–1990) «Мой авангард. Воспоминания коллекционера».

(Москва: Граффити Модус, 1993, 127 с.). Опубликована она была три года после смерти этого выдающегося открывателя и собирателя русского авангарда. Опубликованная (также post mortem) в 2005 г. книга С.А. Шустера (1934–1995), является сборником разных публикаций и записок последнего, объединенных составителями под одним, на мой взгляд амбициозным, заглавием «Профессия коллекционер» (Составление: Валентин Шустер, Андрей Васильев. Комментарии и именной указатель Наталья Семенова. Москва: Трилистник, 2005, 192 с.). И наконец книга «В саду времен. 150 лет фамильной коллекции Элия Белютина» (Автор и составитель Н. Молева. Москва: АСТ, 2008, 480 с.), написанная профессиональным историком искусства и супругой Э. Белютина. Так что книг, написанных «чистыми» коллекционерами, т.е. собирателями, по своей основной профессии не связанными с миром искусства, всего две: Г.Д. Костаки и Н.Д. Лобанова-Ростовского. И то, что последний написал и опубликовал при жизни свой «памятник нерукотворный» собирательству, с 620-ю иллюстрациями из которых 290 – в цвете, не может не вызывать восхищения. Как и главный герой книги – энциклопедическая коллекция русского театрально-декорационного искусства. История которой прослеживается от первой покупки в 1959 г. до ее частичного (810 единиц) возвращения в Россию в 2008 г. – благодаря Международному благотворительному фонду «Константиновский», приобретшему коллекцию, не имеющую себе равных в мире, за 16 млн. долларов.

А начиналась коллекция... с его статьи «Русские художники и сцена», опубликованной в 1958 г. в США. И, как пишет собиратель и страстный поклонник Дягилевских балетов, «Лишь в 1959 г., подрабатывая переводчиком в Колумбийском университете, я смог позволить себе выделить часть денег из своего небольшого жалования для первых приобретений. Начало моей коллекции – эскизы костюмов Сергея Судейкина к балету „Петрушка“. Я приобрел их по 25 долларов. В 1962 г. моя жена (Нина Жорж-Пико, дочь посла, Постоянного представителя Франции при ООН в Нью-Йорке, стала Лобановой-Ростовской в 1962 г. – А.Т.) приобрела эскиз декораций Александра Бенуа к этому же спектаклю. Это обошлось нам в 100 долларов» (с. 98). За 50 лет собирательства коллекция выросла до 1000 с лишним единиц, и стала стоить в сотни раз больше, чем она обошлась собирателю, который, считая что собрание русского искусства должно находиться на родине его предков, вначале пытался подарить ее своей исторической родине. Как развивались события дальше, можно узнать из книги (с. 197–222), где процессу продажи посвящена отдельная глава «Продажа коллекции». Всего же в книге 10 глав, лишь две из которых носят преимущественно биографический характер с инкрустациями коллекционерского плана (глава I «Биография» и глава VIII «Родословие»). Все остальные главы посвящены собирательству, коллекционерам, рынку искусства, заметкам о любимых художниках, многочисленным выставкам коллекции преимущественно в США, но также и в Европе, Азии, Латинской Америке и, разумеется, в России. Отдельного внимания заслуживает глава «Русская культура», а в ней краткое, блистательное эссе о А.С. Пушкине! (с. 268–275). Именно в этом эссе есть следующие строки автора о себе и России: «Я много раз бывал в Советском Союзе и позднее в России. Эта страна – мой дом, куда я ездил не в служебные командировки, а всегда возвращался. И культура, и жизнь великой страны были в самом прямом смысле моей жизнью. Что дает мне какое-то право говорить о том, что я думаю. С надеждой, что это не будет воспринято, как обычное высокомерное западное критиканство» (с. 274). А в приложениях – масса фактической информации о бытии коллекционера и его коллекции; библиография выступлений Н.Д. Лобанова-Ростовского в СМИ всего мира, а также публикаций о коллекционере и его коллекции. И «Last, but not least», обширнейший Указатель имен, которых в списке почти две тысячи! Точнее, 1940!

Я снова могу только повторить то, что я написал в начале главы: я восхищаюсь Вами Никита Дмитриевич. И я хочу выразить это мое восхищение здесь и сейчас, чтобы Вы меня услышали, а не тогда, когда Вам будет уже все равно, что о Вас скажут другие.

Восхищаюсь как человеком, за Ваш прямой, открытый, «без кукиша в кармане», характер. За то, что в свои 76 лет, в Вас живет тот юношеский задор, в отдельных случаях граничащий порой с «мелким хулиганством» (в речи преимущественно), который у подавляющего большинства исчезает с получением университетского диплома, точнее трансформируется в так называемую «солидность». Но словесное «хулиганство», или как сейчас говорят «ненормативная лексика», бывшего эка болгарской сначала военной, а затем Центральной тюрьмы (1946–1947), для русского князя, в 11–12 лет испытавшего все прелести тюремного режима, органична самой натуре самого молодого, наверное, в те времена политического заключенного и является незабываемым фактом его биографии.

Н.Д. Лобанов-Ростовский. Москва, 2014 г.

За Ваше умение дружить и дружбой дорожить. Дружить как с целыми странами, так и отдельными людьми. Показательным в этом отношении является «признание в любви» к Украине, которая многим напоминает автору родную Болгарию. И многолетняя дружба с украинским историком авангарда Д.Е. Горбачевым (с. 315–326). За Вашу душевную щедрость. За просто щедрость, благодаря которой многие музеи и институции как в России, так и за ее пределами, пополнили свои коллекции.

Восхищаюсь как профессионалом, за то, в частности, что Вы в Вашей банкирской деятельности начиная с 1970 г. помогли стране, в которой Вы могли бы родиться, да революция помешала.

Особенно впечатляет деятельность русского аристократа, геолога по призванию и финансиста по нужде, на стыке этих двух профессий. Как геолог, Н.Д. Лобанов-Ростовский в начале 1970 участвует в разведке алмазных месторождений в Южной Африке. Эта работа приводит его в международный алмазный бизнес – сначала в Африке, затем в Европе. «Алмазным венцом» карьеры на этом престижном, но и порой опасном поприще стало приглашение к сотрудничеству с мировым монополистом в этом бизнесе компанией «Де Бирс» в качестве «русского консультанта» по алмазно-финансовым вопросам (1987–1997). «Бриллиантом» же этого «венца» стало открытие в 1992 г. представительства «Де Бирс» в Москве. За то, что работая в «Де Бирс», Вы постоянно поддерживали Советский фонд культуры, который благодаря миллионному (в долл. США) дару со стороны компании получил воз-

*Н.Д. Лобанов-Ростовский.
Лондон, 2013 г.*

возможность издавать начиная с 1988 г. свой собственный журнал «Наше наследие», подписчиком которого я являюсь с первого номера. В книге подробно рассказывается об «алмазно-бриллиантовой» карьере, длящейся вот уже больше четверти века (глава I, раздел «Алмазы», с. 74–92).

Восхищаюсь как коллекционером – за Вашу увлеченность, постоянный поиск, выстраивание правильной, единственно верной стратегии собирательства – приобретать сердцем, собственными глазами и умом, а не кошельком и производителями серти-

фикатов. Когда-то на Руси таких коллекционеров величали с уважением «Знаток», а их «знаточеством» жило и прирастало неуываемое древо российского частного и государственного собирательства, национального нашего культурного наследия. За то, что благодаря Вашей 50-летней собирательской деятельности ставший достоянием истории Дягилевский балет, обрел, через выставки Вашей коллекции и сопутствовавшие им каталоги, свою вторую жизнь.

Наконец, за то, что не имея прямых наследников, не распылили коллекцию по аукционам, но сделали все для того, чтобы она оказалась в России. И за то, что все это открыто, со свойственной Вам независимостью суждений и оценок, Вы описали в своей замечательной книге «Эпоха. Судьба. Коллекция», которая, без всякого сомнения, станет учебником для многих поколений не только коллекционирования, но и что не менее важно, учебником Жизни.

Неонилла Пасичник **Куда переместились Рюриковичи?²**

К Пасхе появилась удивительная книга под древнерусским и одновременно европейским названием «Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский» / Сост. Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. – Москва, 2015. – 656 с., ил. (в пер.). О выходе из печати

² Берега. Калининград, 2015, 14 мая. <http://dovydenko.ru/drugie-avtory/200-n-pasichnik-chelovek-kotorym-voskhishchayutsya.html>

этого уникального сборника очерков и интервью читатели могли узнать из радиопередачи «Голоса русского зарубежья». Записи этих радиопрограмм хранятся на сайте московского Дома русского зарубежья им А.И. Солженицына. Не прошло и нескольких часов по окончании радиоэфира, как книга появилась у меня на столе! Электронную ее копию прислал в Киев на родину Рюриковичей главный герой издания – князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, в ответ на отзыв о радиоэфире, мгновенно преодолевающим не только пространство, но и время! По радио был слышен все тот же энергичный, что и в 1998 г., голос, во время нашего знакомства в Йокогаме (Япония), куда Никита Дмитриевич привез свое уникальное собрание театрально-декорационной русской живописи – равной чему по качеству, содержанию и значимости нет в мире.

Жизнь в изгнании словно притягивала потомка Рюрика к ярким и красочным эскизам для театральных постановок, в которых отражалась история не только индивидуальной судьбы, но и всей древнерусской династии на протяжении 700 лет ее правления – от святого равноапостольного князя Владимира, чей правнук-христианин князь Игорь 100 лет спустя, отстаивая христианские добродетели, избежал языческого пленения и сразился с половцами. Спаситься от уничтожения языческим нашествием в XIII–XIV вв. династия Рюриковичей сумела, переместившись из Киева в Москву. Погубил династию Рюрика к концу XVI в. властолюбивый боярин Борис Годунов, приказав умертвить последнего князя-Рюриковича, святого мученика царевича Димитрия Угличского, чтобы самому занять его трон, повергнув Русь в долгие годы Смуты. Книга о Рюриковиче – нашем современнике, словно яркая декорация к нештутейному спектаклю под названием жизнь. Судьба потомка вынужденных эмигрантов, сложившаяся вне родины предков, напоминает театральную постановку, где автор и режиссер – это те силы зла, что погубили могущественную страну и сделали изгнанниками лучших ее людей.

Изломанные, деформированные экспрессией формы живописных декораций на эскизах собрания Никиты Дмитриевича как бы являются воплощением исковерканных судеб беженцев из России после переворота 1917 года. В одном из интервью наш Рюрикович пожелал стать Лоренцо Медичи – возглавившим Флорентийскую республику банкиром, покровителем ваятеля и живописца Микеланджело и Боттичелли. Никите Дмитриевичу, обладателю более скромной в сравнении с флорентийцем коллекции, удалось стать больше чем Медичи – расставшись с ней, воссоединить с Россией эмиграционную ее составляющую, переместив свое собрание из хранилищ в Германии в музей обеих отечественных столиц: старую и северную.

Дворец А.Я. Лобанова-Ростовского, Санкт-Петербург, ок. 1820 г.

Не обошел дарами князь-Рюрикович и Киевский Национальный музей – уникальные эскизы к полотну Репина «Казачи пишут письмо турецкому султану» достались «Будинку з левами», как и некоторые футуристические картины, отражающие ущербный сектантский, лишенный целостности мировосприятия, образ мыслей их авторов. Другой «дом со львами» – знаменитый петербургский, воспетый Пушкиным, принадлежал семье кня-

зей Лобановых-Ростовских... Долгое время мы не знали, чем живут наши соотечественники вне России. Мы воспринимали как «течения» в искусстве то, что на самом деле являлось неотъемлемой частью их судеб: иногда с «пробелами», но всегда с ранами, болью и неистовой жаждой утверждения человеческого достоинства. Поэтому, если и сохранился у кого скепсис по отношению к русскому искусству эпохи модернизма – самого трагического периода отечественной истории, – мол «это вы сделали?», ответ ясен: «нет, это сделали вы или ваши предки, а художник всего лишь запечатлел». Для изучения, анализа и выводов из уроков, преподаваемых историей, сжатой в рамках коллекции, Никита Дмитриевич продолжает участвовать в устройстве выставок, несмотря на то, что собрание принадлежит государственным музеям Петербурга и Москвы, делая акцент на педагогической его значимости.

В благодарность за вклад в обустройство Отечества, в древней вотчине нашего Рюриковича во граде Ростове Великом на улице Пролетарской решили устроить Музей рода Лобановых-Ростовских, где хранится в числе бесценных документов и экспонатов книга об изгнании Рюриковича. И если к закату своей короткой и стремительной судьбы Лоренцо Медичи был обличен непримиримым монахом Савонаролой в непомерных грабежах разоренной крестоносцами православной Византийской империи, то традиционно долгую жизнь русского аристократа «обличает» книга, которую завершает очерк Никиты Дмитриевича, опубликованный в свое время монахами в издании Киево-Печерской Лавры «Печерский листок»³. Это рассказ об участии прадеда Никиты Дмитриевича в преодолении церковного раскола в Болгарии – стране, где 80 лет назад в канун православного Рождества появился на свет русский мальчик Никита, сын Дмитрия, князь Лобанов-Ростовский, Рюрикович.

³ Печерский листок. Киев, 2012, март. №33. С.6.

Виктор Леонидов
Феерия судьбы⁴

**Почему Никита Лобанов-Ростовский отказался
от титула, когда получал американское гражданство**

Этого высокого, элегантного, всегда со вкусом одетого человека хорошо знают в мире большого искусства и больших денег. Искусства – потому что именно он буквально спас сотни картин, рисунков, эскизов – огромный пласт русского наследия, оказавшегося за границей России, и сделал это собрание доступным своим соотечественникам.

А больших денег – так как этот же человек заведовал африканским, ближневосточным и европейским отделами знаменитого банка «Уэллс Фарго» в Сан-Франциско, а затем почти десять лет занимал должность старшего вице-президента Международного банка финансов и ресурсов в Лондоне. То есть являлся тем, кого в былое время советская пропаганда называла финансовыми воротилами. А еще он хорошо знаком многим, как неутомимый участник Международного совета соотечественников, организатор бесчисленных выставок, меценат, подаривший десятки шедевров российским музеям. До «мира капитала» у него была работа в геологических партиях среди скал Аргентины, на Аляске и в Южной Африке, много времени провел в Афганистане. Несколько раз наш герой смотрел в глаза смерти, но, пожалуй, самыми страшными для него стали годы, которые для других считались самыми счастливыми. Детство и ранняя юность.

И это все о нем. О Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском. Сама фамилия говорит о принадлежности к древнему русскому роду. Причем не простому, а Рюриковичам. Интересно, что, когда он получал американское гражданство, ему пришлось отказаться от титула, как это требовалось по американским законам. Сделал Лобанов это без всякого сожаления, объясняя впоследствии, что история его предков все равно остается с ним, а человека вначале судят по его делам, а уже потом по происхождению.

Н.Д. Лобанов и В.В. Леонидов. Открытие выставки «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов». Дом русского зарубежья, Москва, 15 июля 2015 г.

⁴ Независимая газета, 2015, 16 июля. Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский / Сост. Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. – М.: 2015 – 656 стр.

О жизни Лобанова-Ростовского можно было бы снять авантюрный сериал. Получилось бы ничуть не менее интересно, чем, к примеру, «Лоуренс Аравийский».

Среди его предков были и военные, и государственные деятели. Дом князей Лобановых-Ростовских в Питере построил великий Монферран. Один из представителей знаменитого рода даже дослужился до поста министра иностранных дел, и благодаря ему Россия получила возможность строительства КВЖД. Дед, Василий Васильевич Вырубов, был товарищем министра Временного правительства, а потом представителем Колчака в Европе. Его дочь и ее муж, родители Никиты, из революционной России бежали в Болгарию, где и появился на свет в 1935 г. будущий коллекционер и финансист.

К сожалению, великая победа обернулась для русских эмигрантов в Болгарии коммунистическим террором. Отец отказался принять советский паспорт, они пытались нелегально перейти границу с Грецией, но попали в руки пограничников. Вся семья, в том числе и маленький Никита, оказалась в тюрьме.

Оттуда сначала его, а потом и родителей, правда, выпустили, но жизнь была просто невозможной. Не брали на работу, родители продавали последнее. Маленький Никита собирал окурки, потрошил их и продавал табак цыганам на вес. И еще чистил ботинки на улице. А потом отец исчез. Просто пропал. Так тогда случалось со многими. И лишь 30 лет спустя, уже в постсоветской Болгарии, Никита Дмитриевич узнал, что отец был расстрелян в лагере.

Подобно герою фильма «Восток–Запад», он хотел попытаться бежать из страны через море. И даже, занимаясь плаванием, стал чемпионом Болгарии среди юношей. Но в дальнейшем, после всего пережитого, жизнь, наконец, изменилась.

Выручили дядя, легенда русской эмиграции, Николай Васильевич Вырубов, один из ближайших соратников де Голля, работавший в Комиссариате ООН, и будущий классик Ромен Гари (он был заместителем посла Франции в Болгарии). Они-то и вытащили Никиту и его мать из Восточной Европы.

Будущий банкир и собиратель уже тогда проявил волю и упорство, которые позволяли ему преодолевать препятствия на дороге жизни. Он все и всегда делал на самом высшем уровне – страшная болгарская школа не прошла бесследно. В Оксфорде, куда его за счет стипендии беженцам из Восточной Европы приняли в университет, учился только на «отлично», Лобанов однажды посетил выставку, посвященную Русским сезонам Дягилева. «Я был поражен, – вспоминал впоследствии Никита Дмитриевич, –

красотой того, что мне пришлось тогда увидеть: этой театральностью, буйством лубочных цветов, всей этой „русскостью“, что имела такое важное значение для моих все-таки „не западных“ глаз». Так возникла эта «одна, но пламенная страсть». В 1958 г. Лобанов-Ростовский купил эскизы Ларионова и Гончаровой по 2 доллара за штуку (на эти деньги тогда можно было купить несколько газет или кружек пива), в 1959 г. в США он приобрел эскизы костюмов Сергея Судейкина к балету «Петрушка» за... 25 долларов. Можно представить, во сколько десятков, если не сотни раз поднялась сегодня цена на такие произведения. Жена Лобанова-Ростовского Нина, урожденная Жорж-Пико, дочь посла Франции в США, тогда же приобрела эскиз декораций Бенуа к тому же спектаклю. Сумма была несколько больше – 100 долларов. С этого и началась коллекция.

По всему миру он яростно служил своей привязанности, встречаясь с самыми разными людьми, «осколками» старой России, той, которую пока еще мог застать.. Постепенно его собрание пополнялось работами Коровина, Бакста, Экстер, Бенуа, Сомова, Сорина, Серебряковой, а также авангардистов, супрематистов, кубофутуристов, тех, кто долгие годы находился под запретом на родине.

Причем собиратель очень мало напоминал коллекционера, «гребущего под себя».

Обо всем этом и о многом другом, вошедшем в эту невероятную жизнь, мы можем узнать, взяв в руки большой том, только что увидевший свет в Москве – «Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский».

Составила книгу наш известный редактор Наталия Алпатова. Составила, потому что перед нами сборник различных статей, заметок и интервью, выходивших в разные годы и посвященных Никите Дмитриевичу, а также большая работа ныне покойного историка Александра Горбовского «Рюрикович. Детство Никиты». Издание составляет 656 страниц в оформлении множества иллюстраций.

Как и откуда взялось это богатство?

*Нина Лобанова-Ростовская,
1962 г.*

Дело в том, Лобанов-Ростовский всегда был и остается в непрерывном поиске. Он организовывал выставки в Америке, во Франции, в Японии, писал статьи, записывал беседы с журналистами и более чем способствовал тому, что русское искусство XX в. стало возвращаться в своем полном объеме. В отличие от многих своих соотечественников, чью жизнь раздавила Советская власть, не затаил обиды на Родину и еще в 1970 г. привез в Центральный государственный архив литературы и искусства большой архив Сергея Судейкина.

Сегодня работы, подаренные им, находятся во многих государственных культурных центрах нашей страны. И в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, и в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, и в Московском доме-музее Марины Цветаевой, куда Лобанов передал портрет одной из героинь ахматовской «Поэмы без героя» легендарной Саломеи Андрониковой-Гальперн работы Александра Яковлева. Не обошел в свое время князь своим вниманием и украинские культурные центры в Киеве, в Национальном художественном музее Украины, где благодаря Никите Дмитриевичу находятся работы Репина и Экстер.

И эти невероятные жизнь и деятельность, своего рода воплощение «американской мечты» в русском варианте нашли отражение в сотнях публикаций, часть из которых и вошла в книгу.

Журналисты гонялись за ним, потому что его выставки и издания, без преувеличения, стали эпохой в истории культуры России новейшего времени. Основную часть тома составляют воспоминания тех, кому повезло встретить Никиту Дмитриевича на дороге жизни – искусствоведов, редакторов, коллекционеров, музейщиков и историков литературы, а также многочисленные интервью Лобанова-Ростовского.

Вспомним, как весной 1988 в знаменитом Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, а через несколько месяцев в Ленинградском манеже открылась огромная экспозиция «Русское театрально-декорационное искусство. 1880–1930. Из коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских». Событие это стало одним из главных символов культурного возрождения эпохи перестройки. Десятки произведений тех, кто проходил не столь давно по спискам «врагов народа», казалось бы, навеки заклеенного авангарда и «чуждого народу» формализма, заблистали всеми гранями перед потрясенной публикой. Огромный пласт отечественной культуры, словно град Китеж, снова возник в духовной жизни России. Однако только экспозицией дело не ограничилось. Настольной книгой исследователей искусства XX в. стал большой том каталога-резоне «Собрание Никиты

и Нины Лобановых-Ростовских: Художники русского театра: 1880–1930», подготовленный и изданный в Москве Никитой Дмитриевичем и известным историком искусства и литературы Джоном Боултом. Более тысячи воспроизведений работ из этой фантастической коллекции, причем в оформлении тщательных комментариев, стали доступны всем, кому дорога наша история и культура.

Конечно, в коротком обзоре трудно описать все богатство книги. Мы узнаем о легендарных мастерах, с кем встречался Никита Дмитриевич – Бенуа, Серебряковой, Анненкове, мн. др. Еще раз прикасаемся к трагедии детства и юности героя, вслушиваемся в его размышления о судьбе России, ее дворянства, ее культуры. Узнаем, как благодаря яростной энергии Лобанова-Ростовского на Поклонной горе возник Памятник героям Первой мировой войны, которую столь долгие годы именовали исключительно «империалистической», прочтем его письма президенту РФ о необходимости создания в нашей стране Национальной портретной галереи.

Словом, всем, кому дороги и интересны история русского искусства, судьбы частных собраний и музейных фондов за последние полвека, примеры людей, служивших своей стране несмотря ни на что – возьмите в руки книгу «Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский».

Андрей Новиков-Ланской
**Новая книга о Никите Лобанове-
Ростовском «Рюрикович в эмиграции»⁵**

Русский европеец князь Никита Лобанов-Ростовский вполне оправдывает такое триединое определение. Будучи русским по крови, он любит все масштабное и яркое. Будучи по образованию и стилю жизни европейцем, внимателен к тонкостям и требователен к деталям. И являясь по воле судьбы природным князем, обладает врожденным вкусом и тяготением ко всему прекрасному.

Недавно вышедшая в Москве книга «**Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский**» весьма под стать своему герою: объемный иллюстрированный фолиант, содержащий тщательнейшим образом собранные газетно-журнальные публикации. Статьи, интервью, рецензии – его и о нем, о жизни в искусстве и об искусстве жизни – точные, информативные и остроумные.

⁵ Сайт LoyalRoal.me. <http://www.loyalroyal.me/novaya-kniga-o-nikite-lobanovom-rostovskom-ryurikovich-v-emigratsii/>

Джун Лобанова-Ростовская в 74 года, на 4-й стадии рака. Лондон, 26 октября 2016 г.

Никита Дмитриевич предстает здесь в самых разных ипостасях. Конечно, для отечественной культуры он ценен и важен прежде всего как знаток и крупнейший собиратель русского изобразительного искусства XX в. Завсегдатай мировых аукционов, лично знавший Марка Шагала и Сальвадора Дали, и, тем более, всех главных представителей второй волны русского авангарда, он в первую очередь собирал, изучал и пропагандировал более изысканную ветвь раннего русского авангарда: Бакста, Бенуа, Добужинского, Ларионова, Гончарову, Экстер, Челищева и мн. др. Существенная часть книги посвящена именно этому – рассказам князя об истории его собрания, об особенностях психологии и поведения коллекционера.

Впрочем, ничуть не менее увлекательны и сюжеты из истории его семьи. Это ведь очень старый род, ведущий свое происхождение от Рюрика. Князья Лобановы-Ростовские не единожды выступали на самой авансцене русской истории. Судьбы родителей и пращуров Никиты Дмитриевича часто становятся предметом размышлений и воспоминаний.

Однако биография самого героя книги, пожалуй, наиболее впечатляющая. Детство в изгнании, тюрьма и попытки побега, спортивное чемпионство в Болгарии и учеба в Оксфорде, геологические экспедиции и банковское дело в США, женитьба на европейских аристократках – сначала французской, потом английской. Многолетнее общение с Виндзорами и Ротшильдами, Феликсом Юсуповым и Юрием Андроповым.

И все же, по-видимому, самое ценное в этой книге – размышления и оценки князя, ставшие итогом его колоссального жизненного и эстетического опыта. Соприкоснувшийся едва ли не со всеми значимыми персонами своей эпохи, объездивший весь мир и окунувшийся во все возможные сферы и стили жизни, Никита Лобанов-Ростовский остается бесценным носителем знаний и суждений, которыми делится весьма щедро.

Наталья Гельман
Рецензия на книгу
«Рюрикович в эмиграции»⁶

У меня в руках прекрасно оформленная книга, толстая и тяжелая – такими бывают романы. Но это не роман, это жития одного человека, созданные подвижничеством другого. О Н.Д. Лобанове-Ростовском я узнала очень давно, еще в советские времена, из любимой нами «Литературки». С тех пор следила за всеми публикациями, выставками, радовалась открытию музея, видела картины из его коллекции, в том числе в Ростовском кремле. Много поворотов в судьбе, трагичных и счастливых; было и чудо: появилась Н.А. Алпатова. Она скромно названа «составитель», по сути – автор этой удивительной книги. Представляю, какое количество документов из разных архивов, материалов, написанных о Н.Д. и им самим, ей пришлось перебрать и изучить, чтобы в итоге построить их в единый ряд. В эту работу вложен огромный труд, профессионализм и, конечно, было вдохновение. Благодаря Н.А. Алпатовой сейчас могу сказать, что знаю одного из самых одаренных, мужественных, последовательном во всем своего современника – Н.Д. Лобанова-Ростовского. Меня не гипнотизируют его «рюриковизм» и титулы, хотя по рассказам своей родственницы, бывшей в Карлаге около 15 лет, знаю, что наиболее стойкими нравственно и физически оказались потомки аристократических фамилий, в том числе и выпускницы Смольного, которых нам представляли кисейными барышнями. Титулы, конечно, обязывают «держат марку», но главное в становлении личности – воспитание и образование. С этим, к счастью, у нашего героя было все в порядке. Удивительная у него особенность – выучить язык, стать геологом, стать чемпионом по плаванию, стать профессиональным банкиром и богатым человеком. Уверена, что и сейчас у него есть какая-то неведомая мне программа, которую он успешно выполняет. Но превыше всего это страсть к коллекционированию. Совсем молодым человеком, отнюдь без особых материальных возможностей он приобрел свои первые «бумаги» (так коллекционеры называют эскизы к театральным костюмам и декорациям). Это были эскизы Судейкина, и это был маленький снежный комочек, превратившийся благодаря энергии, безупречному вкусу Н.Д. и помощи его первой жены – в огромный сугроб, переливающийся всеми красками палитр лучших художников.

Собирательство картин – это не только удовлетворение эстетических потребностей коллекционера, это болезнь с лихорадками при виде новых желанных картин и ремиссиями, когда они твои, и ты ходишь вокруг

⁶ Ноябрь 2015 г. Публикуется впервые.

них, ласкаешь взглядом как малых детей. Ты собственник (как Сомс), ты не можешь с ними расстаться. И вот еще одна особенность Н.Д. Лобанова-Ростовского – он дарит картины музеям, продает большую часть своей коллекции фонду «Константиновский». Но стать российским Лоренцо Медичи ему не суждено. В стране, где никогда не было Ренессанса, такие люди вряд ли нужны. Очень горько... Может быть, в будущем, но на моих глазах оно уходит в прошлое. Не будем о грустном, потому что мне надо написать о еще более грустном...

Н.Д. Лобанов-Ростовский любит Россию. Корни этой любви как раз и уводят нас к Рюриковичам, которые тысячу лет верно (а иногда не очень) служили своим государям. Лобановы-Ростовские внесли большой вклад в развитие страны, ее технический и культурный прогресс. Люди так устроены, что часто персону, которой мы отдаем все, в том числе и себя, оказывается недостойной и неблагодарной. Такой персоной и оказалась Родина. Лобановым-Ростовским, как и многим другим (а всего их было два миллиона), пришлось бросить все и спасать жизни. Они оказались в Болгарии; как мне импонирует полуиронический аргумент князя Ивана, деда Н.Д., в пользу этого выбора: в храме Александра Невского по воскресеньям поют артисты Софийской оперы. Всюду жизнь и она постепенно наладилась в Софии. Здесь родился Никита, матерью которого стала Ирина Вырубова, представительница еще одного замечательного русского семейства, обосновавшегося в Париже. Началась и закончилась война, советские войска, прихода которых с надеждой ждали многие эмигранты, оккупировали Болгарию. Это была катастрофа – режим коварный, мстительный, сам создавший себе врагов, устроил новую волну красного террора. Мальчик пережил заключение в тюрьму, гибель отца и много-много злоключений. Можно любить землю, где жили и умирали твои предки, охотно допускаю, можно даже верить в народ. Почему слепо, трепетно, с любовью относится к РФ умнейший Н.Д.? На протяжении многих лет пытается помочь во всем и не только в развитии культуры, он пишет Путину о своей мечте – создании Национальной портретной галереи и предлагает свою помощь как профессиональный финансист, строит в Филях свой домик-музей, борется за создание Памятника примирения. Режим как всегда не скрывает своего лица: письма – без ответа, музей отбирают, скоро и подаренные картины исчезнут... Как может не видеть этого реалист и прагматик Н.Д.? И продолжать верить персоне, обманувшей его не однажды. Он верит, что в Ростове Великом отремонтируют подаренный ему полуразвалившийся дом и не видит отвратительных противоречий и постоянных конфликтов между музейщиками и церковниками в Ростовском кремле? Ну, об этом – все.

Прекрасно, что Н.А. Алпатова включила в книгу раздел о поэтах и музах Серебряного века. Эти годы расцвета живописи, поэзии, музыки и танца могли бы вселить оптимизм. Но ни Красота, ни Искусство не спасли мир.

Андрей Маруденко
Рецензия на книгу
«Рюрикович в эмиграции.
Князь Никита Лобанов-Ростовский»⁷

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – человек яркий и сложный. Такими были герои Льва Толстого, противоречивые, мыслящие, живые. Собственно, у каждого человека так или иначе есть свой потенциальный писатель, соразмерный ему. Есть гоголевские персонажи, персонажи Достоевского, герои шансона, эстрады и частушек. Никита Дмитриевич – персонаж явно толстовский, из «Войны и мира». Собственно, такое впечатление он производит и при личной встрече.

А.М. Маруденко и Н. Лобанов. Le Grand Cafe, Париж, январь 2015 г.

Будь князь англосаксом и попади его биография в руки голливудскому сценаристу, мы бы могли увидеть новую версию «бондианы» – так много в его жизни удивительных историй: от бизнеса с Усамой бен Ладеном до торговли алмазами в «Де Бирс» и вечерних посиделок с Андроповым (интересно, какие записки о связях и шпионской сущности «белоэмигранта Лобанова» клали Андропову на стол?). Все это в окружении художников, коллекционеров, известных красавиц и джентльменов из самого уважаемого английского клуба «Whites», где князь состоит членом.

К сожалению, российская массовая культура не столь нуждается в таких героях. Все потому, что князь воплощает собой редкий тип русского аристократа, не существующий больше в России, и сохранившийся только кое-где за рубежом, а потому не всегда и не всем понятный. И неинтересный элите, ибо заметна становится разница между старыми и новыми.

Книга, о которой идет речь – «Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский» в разных формах открывает нам мир и жизненный

⁷ Берега. Калининград, 2016, № 4. С. 177.

путь князя. В нее вошли статьи Никиты Дмитриевича, интервью с ним, тексты о нем – все это стоит прочесть, особенно интервью и его прекрасные эссе, первое из которых посвящено Александру Пушкину, второе Александру Экстер, третье – давнему другу князя – барону Эдуарду Фальц-Фейну. Но если содержание книги позволяет понять глубину человека, то указатель встречающихся в книге имен на шестнадцати страницах мелким шрифтом открывает нам контекст его жизни, социальный масштаб, что не менее интересно, показательно и познавательно. Стоит задуматься о том, в каком «указателе имен» проходит наша жизнь.

Чего не хватает этой книге? Юмора князя, эпатажного порой, чего не может передать печатное слово, тем более, что иногда князь любит слово непечатное, при этом совсем не выглядит пошлым. Не хватает живой разговорной речи с камерами и без, удивительной дикции, ударений, словом – очарования старого русского языка, на котором говорит Никита Дмитриевич. Без этого нельзя понять его харизмы. Однажды князь был на передаче, где беседовал с одним из ярких журналистов-интеллектуалов российского телевидения. Но какова разница речи! Яркая и четкая дикция против монотонного невыразительного распева, и нужно признать, что почти все мы говорим так скучно. Но чтобы понять это, нужно посадить рядом князя.

Поэтому, стоит выпустить к этой книге видеоприложение: «Никита Лобанов-Ростовский перед камерой и вне», и тогда представление о нем, как о человеке и, я позволю себе такое выражение – удивительном социальном образце, будет более полным. Пригодится оно и как учебное пособие для всех интересующихся.

Екатерина Федорова **О тексте Горбовского и Гурвича⁸**

«Curriculum vitae» Никиты Дмитриевича ныне хорошо известно; о нем опубликовано несколько отличных и разнообразных биографических повестей и очерков. Но, продолжая интервью, мне вновь хотелось двигаться по хронологии его жизни. В неразрывном вязании вопросов-ответов непосредственные реакции Лобанова-Ростовского, его живые отклики не только освещали «упущенные» до сих пор детали его бытия, но и вводили в неожиданные стороны. Отступления, вытекающие из логики разговора, образовывали законченные «побочные» сюжеты. На мой взгляд, мозаика ответов на внезапно затронутые темы не менее интересна, чем основной предмет публикации. Неиссякаемость этих «ответвлений» свидетельствует, что

⁸ Публикуется впервые. Печатается в авторской редакции.

Лобанов-Ростовский достоин своего Эккермана, а также и то, что пока жизнь идет вперед, поток публикаций о нем всегда будет востребован.

В частности, мне было необходимо прояснить для себя вопрос: зачем Никите Дмитриевичу, почти в самом начале книги о нем⁹, нужно было поместить грубое, нелестное по отношению к герою книги и неуместное письмо одного из его жизнеописателей Горбовского, вслед за самим сочинением? Зачем он предпринял столь нетривиальный ход в композиции книги? Мне показалось, что и другие читатели могли задаться этим вопросом, а ответ в какой-то мере откроет психологический склад Лобанова-Ростовского. Ответы – в первом впечатлении – оказались ясны до прозрачности, но не так просто устроена эта личность, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский.

В книге «Рюрикович в эмиграции» помещен хорошо написанный, на мой взгляд, беллетристический фрагмент из биографии Лобанова-Ростовского. Писатель Горбовский касается периода его жизни в Болгарии, неудачного побега семьи и последовавших мытарств. Наверное, это законченное произведение, и как таковое, оно и хорошо. Мне думается, автор не «потянул» бы продолжение биографии Никиты Дмитриевича в Европе, поскольку не знал этой среды в той мере, которая дала бы его перу свободу и естественность. Он, некоторым образом, постарался «обезопасить» себя, скрыть несостоятельность беллетриста продолжать дальше, «переведа стрелки» с себя на объект: «...нельзя допустить, чтобы это стало бы чем-то вроде путеводителя... на фоне малоинтересного для рядового интеллигентного читателя бытия некоего господина...»¹⁰.

Данный автор позволил себе неблагородный, но вполне объяснимый прием, переключая внимание со своей неспособности к длинному повествованию на то, что трудно держать далее читательское внимание к личности Лобанова. И чтобы уж окончательно убедить себя и других в этом, в качестве тяжелого аргумента, добавил откровенно наглые и хамские фразы: если такова аристократия, то ее не жалко; да и вообще, якобы, интерес к потомкам российского дворянства уходит в прошлое¹¹. Заявления Горбовского субъективны, голословны, никакими серьезными общественными мнениями не поддержаны. Ну и Бог бы с ними!?

Мелочно и мимоходом Горбовский позволил себе оскорбить память множества невинно замученных, убитых, хуже того, принужденных долгие годы существовать в нечеловеческих условиях русских, без которых

⁹ Горбовский А. Рюрикович. Детство Никиты // Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский. М., 2015. С. 5–70.

¹⁰ А.А. Горбовский скончался вскоре после того, как написал главу «Детство Никиты».

¹¹ «Если такова была российская аристократия, то правильно сделала революция, очистив Россию от таких людей... Любование остатками старой русской аристократии, модное какое-то время назад, отошло в прошлое». Горбовский А. Указ. соч. С. 69.

Россия безвозвратно оскудела. Они уже не могут ответить. Поскольку в современном российском обществе не так уж мало сталинистов и людей, по сей день «не верящих» в репрессии, не могу пройти мимо.

Кажется мне, Горбовский представитель той среды (или их потомков), которые и приложили руку к уничтожению русской потомственной элиты, и именно за то ее не любят. Потрешенная совесть нередко прорывается агрессией. Помимо этого, у меня создалось впечатление, что Горбовский ничего не хочет знать из реалий того ужасающего периода, когда людей унижали, уничтожали лично и физически, и в то же время играли с ними дьявольские игры, шантажируя жуткой участью самых близких. Собственно, что не нравится Горбовскому в истории Лобановых-Ростовских: они вели себя как живые люди в ужасных обстоятельствах, а не как мифологические герои? Или «отчеты», к которым органы принуждали Ирину Васильевну, шантажируя участью сына? И которые не содержали ровно ничего, что бросило бы на нее тень.

По публикациям последних десятилетий теперь мы знаем, что следователь, не выполнивший «валового задания» по расстрельным статьям, сам подлежал расстрелу, преуспевший в убийствах – деньги. Совершенно очевидно, что в составлении заранее придуманных «протоколов» по сочиненному делу следователи той поры достигли высокого виртуозного мастерства¹². Это еще одно документальное свидетельство всеобщего абсурда. Поэтому, на наш взгляд, никакие источники НКВД периода «большого террора» нельзя рассматривать как документы.

Эти предварительные заметки не дают обзора многогранных тем разговора с Никитой Дмитриевичем, а лишь касаются одного его фрагмента, поскольку текст Горбовского меня «исторически оскорбил», и мне показалось, что его присутствие в книге нуждается в некотором предварительном комментарии.

Екатерина С. Федорова: В книге «Рюрикович в эмиграции» есть письмо Горбовского, нелогичное и бездоказательное. Мне показалось, что приведенный отзыв («Если такова была российская аристократия, то правильно сделала революция, очистив Россию от таких людей») он придумал сам. При всей терпимости и широте представлений о плюрализме мнений, думается, должны быть пределы. Зачем почти в начале книги о Вас понадобилось помещать этот текст?

Никита Д. Лобанов-Ростовский: Горбовский в свое время писал речи для Брежнева. Я для него был объектом неприятным. Но поскольку он стал эмигрантом, жил в Лондоне и писательством зарабатывать на жизнь, ему

¹² См. Чураков А.В. Части для юстиции // Военно-исторический архив, 2004, № 6 (54). С. 115–130.

было трудно, он использовал меня и мою судьбу как средство заработать деньги литературным трудом. Я опубликовал его письмо, поскольку мне был необходим его критический и отрицательный подход ко мне, чтобы читатели убедились, что он не наврал, описывая «фактологию» моей жизни. Ведь советский и даже постсоветский читатель, как правило, изначально негативно и недоверчиво настроен к содержанию такого рода документальной прозы, особенно, когда речь идет об аристократах. Ведь до сих пор большинство в России ненавидит аристократов. Лишь небольшая кучка людей относится к ним хорошо и иногда старается «стоять рядом с ними».

ЕСФ: Не знаю, в той среде, где мне привычно обитать, филологов и вообще гуманитариев, нет ни одного человека, который бы относился к Вашей личности отрицательно. Специально интересовалась и свидетельствую, что это так.

НДЛ-Р: Но если бы Вы спросили в рюмочной или водочной...

ЕСФ: Еще бы лучше отнеслись...

НДЛ-Р: Пошли дальше.

ЕСФ: Мне думается, этот Ваш ход – опубликовать негативный по отношению к Вам текст как подтверждение, что и все остальное написано объективно и нелицеприятно, – остроумен, но столь неожидан, что его необходимо специально комментировать, не всякий сразу догадается... В интервью Джин Вронской с Вами «Другая жизнь» есть намеки, которые возбудили во мне представление, а не является ли Вы одним из прообразов графа Тульева в фильме «Судьба резидента»?

НДЛ-Р: Я не знаю, кто такой граф Тульев.

ЕСФ: Это вымышленный персонаж, из старой аристократической семьи, эмигрант по воле судеб, который всячески старается помочь России.

НДЛ-Р: Я не думаю, чтобы у Вронской были такие глубокие замыслы. Горбовский в одном из писем мне об этом же намекает. Вообще же, его негатив по отношению ко мне – это, как говорил Маяковский, «часть его биографии».

ЕСФ: Другое произведение о Вас, «Дерзкие параллели» Эдуарда Гурвича, яркое, живое, где Вы представляете многогранной личностью, а автор стремится не отходить далеко от схваченных на лету деталей бытия, от конкретных примет и примеров Вашего бытия, через них передавая ощущение и осмысление этой фигуры – Лобанова-Ростовского, а не через слова

и умозаключения. В этом заложен большой объективизм повествования. Однако параллель его личности с Вашей мне кажется надуманной. А Вам она не кажется действительно дерзкой?

НДЛ-Р: Наоборот, это написано критически по отношению ко мне. И потому это произведение так же создает представление, что это не заказное произведение. Автор оказывает мне этим большую услугу. Если Вы помните, он заканчивает повествование следующим: «когда я смотрю на профиль Лобанова, то мне кажется, что он еврей». Это для меня идеально, потому что я, таким образом, приобщаюсь к очень деловой среде, которая активно участвует в прессе и на телевидении, в России и за рубежом.

ЕСФ: *Ваша бабушка – ведь племянница Фета, дочь его родного брата? А Фет, как известно, был евреем. Так что Гурвич, может быть, не совсем не прав.*

НДЛ-Р: Значит, во мне 1/16 этой крови!?! Очень рад. Не знал этого.

ЕСФ: *В некоторых опубликованных интервью и статьях о Вас звучит недоумение и некоторое раздражение, почему, соглашаясь принять одного интервьюера, Вы одновременно зовете и другого? Для спрашивающего это, во-первых, некомфортно, ибо какой-никакой, а это творческий процесс, со своей логикой беседы, где участвуют две личности (так хочется думать задающему вопросы), а, во-вторых, это изначально создает юридически шаткую ситуацию по отношению к авторским правам журналистов.*

НДЛ-Р: Мне мало осталось времени. Например, когда меня интервьюировал американский адвокат, рядом сидел Гурвич. Да и, кроме того, «двойной взгляд» обогащает содержание интервью.

ЕСФ: *В нашей же действительности получается, на мой взгляд, что один выигрывает за счет другого. И оба, как участники данной ситуации, потенциальные заложники неловкости и неудобства. У авторов могут быть противоположные взгляды на жизнь...*

НДЛ-Р: Пусть это будут люди из совершенно различных «миров». Для меня важно, чтобы они были людьми дела. И в целом, я всегда, начиная с 1970 г., когда стал приезжать в СССР, стремился общаться с теми, кто может сделать что-то реальное. Вот сейчас мне важны текущие конкретные дела. Например, не допустить, чтобы реализовалось так называемое «Ливадийское общество», предложенное Марией Владимировной¹³. За-

¹³ В поездке по Крыму в 2016 г. Мария Владимировна, законность притязаний которой не признают потомки династии Романовых, заявила, что «готова принять» как свою официальную резиденцию Ливадийский дворец в Крыму, имеющий статус памятника истории.

тем, я подготовил книгу о роли династии Гримальди в Крыму в XIII–XV вв. Сейчас нужно, чтобы публикацию книги о Гримальди успели приурочить к проходящей в Москве выставке, что содействует укреплению культурных связей России–Монако. Потому я предпочитаю контакты с деятельными людьми. А так, прибывать в оппозиции, быть может, и почетно, но мало способствует преумножению положительных явлений в жизни... Мне важнее не то, что случилось в прошлом, а то, что будет. Меня волнует судьба «моего» «Музея Лобановых-Ростовских» в Ростове Великом. Ведь за полтора года, как экспонаты переехали туда, почти ничего не сделано для открытия музея. А поскольку существуют профессиональные подходы к реализации культурных проектов, я действую в рамках этих подходов: письменно обращаюсь к тем людям, которые сегодня официально отвечают за данный «участок работы». И я действую последовательно, продвигаясь по инстанциям, редко – «через голову». Ведь я уже «пятьдесят лет в строю» в борьбе с бюрократией...

Выступление Н. Алпатовой на презентации книги «Рюрикович в эмиграции»¹⁴

14 апреля 2015 г. в Красной палате Ростовского кремля открылась выставка «Искусство плаката. Дар Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского». К этому событию была приурочена презентация книги «Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский» вышедший в Москве в 2015 г. В книгу включены история жизни, биографии Никиты Дмитриевича и его семьи, статьи, выступления Лобанова-Ростовского, интервью, многочисленные статьи о нем. В Ростов приехали академик РАХ скульптор Л.М. Баранов, искусствовед С.Г. Джафарова и молодые скульпторы Н. Баранова и Д. Астафьев. Они привезли скульптурные портреты Н.Д. Лобанова-Ростовского, созданные ими.

Моя встреча с Н.Д. произошла в 2003 г. Будучи редактором издательства РАН «Наука» я на протяжении многих лет редактировала ежегодное энциклопедическое издание – «Памятники культуры. Новые открытия». Это издание публиковало наравне со статьями искусствоведов, историков, лите-

¹⁴ Апрель 2015 г. Публикуется впервые.

*Н.Д. Лобанов-Ростовский и
Д.С. Лихачев на открытии выставки
собрания Лобановых в выставочном
зале Манеж. Ленинград, 1988 г.*

ту умершего к тому времени Лихачева. «Воспоминания» заняли не полкниги, а больше трети 650-ти страничного тома. Таких больших по объему публикаций ни до, ни после в этом издании не было. Обычно публикации занимали не более 25–35 страниц. Параллельно с «Воспоминаниями» была напечатана книга А.А. Горбовского «Детство Никиты», рассказывающая о детских и юношеских годах Никиты Дмитриевича. Автор предполагал написать большую книгу, но не успел, умер. Осталась в рукописи только одна глава.

Спустя годы, в 2010 г. издательство «Русский путь» выпустило книгу «Эпоха. Коллекция. Судьба», включив в нее «Воспоминания», естественно расширив и дополнив текстами и прекрасными иллюстрациями.

*Дмитрий Астафьев у глиняного
бюста Н.Д. Лобанова-Ростовского,
Москва, 2015 г.*

ратуроведов, археологов статьи научных сотрудников столичных и провинциальных музеев, библиотек, архивохранилищ, чьи имена, не побоюсь этого слова, увековечены этим изданием. Хотя книги, как теперь нам стало известно, горят, но сохраняются все же лучше рукописей.

Бессменным председателем Редколлекции Ежегодника был академик Д.С. Лихачев, основатель и инициатор этого издания. Одной из его многочисленных мечт было «отдать когда-нибудь полкниги под воспоминания большого деятеля культуры». Именно таким деятелем и является Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Включив «Воспоминания. Записки коллекционера» в очередной за 2003 год том, Редколлегия воплотила в жизнь мечту

умершего к тому времени Лихачева. «Воспоминания» заняли не полкниги, а больше трети 650-ти страничного тома. Таких больших по объему публикаций ни до, ни после в этом издании не было. Обычно публикации занимали не более 25–35 страниц. Параллельно с «Воспоминаниями» была напечатана книга А.А. Горбовского «Детство Никиты», рассказывающая о детских и юношеских годах Никиты Дмитриевича. Автор предполагал написать большую книгу, но не успел, умер. Осталась в рукописи только одна глава.

Спустя годы, в 2010 г. издательство «Русский путь» выпустило книгу «Эпоха. Коллекция. Судьба», включив в нее «Воспоминания», естественно расширив и дополнив текстами и прекрасными иллюстрациями.

В разных изданиях – российских и зарубежных – печатались статьи Лобанова-Ростовского, статьи о нем, о его коллекции. Идея собрать воедино статьи, интервью, воспоминания о встречах с бесчисленным количеством ярких, талантливых личностей, друживших с ним, встреченных им на жизненном пути, общающихся с ним, не покидала меня.

И вот, будучи весной 2013 г. в Лондоне, я поделилась ею с князем. Надо сказать, что поначалу он отверг ее, считая, что это никому неинтересно. Но, видимо, червь сомнения и мои постоянные уговоры возымели свое действие. И в октябре того же года, когда я снова была в Лондоне, я получила от него папку статей – для просмотра – чтобы оценить нужность этого предприятия. Я оценила... И началось...

Статей, интервью, писем, рецензий оказалось очень много. К сожалению, видимо интервьюеры, как наши, так и зарубежные, не озадачивают себя подготовкой к разговорам просмотром текстов, опубликованных ранее, и задают очень часто одни и те же вопросы. Поэтому повторы приходилось убирать, что-то сокращать. Мне хотелось включить в книгу как можно больше документальных фотографий, поэтому издание довольно обильно проиллюстрировано (к сожалению только черно-белыми фото). Очень много статей, опубликованных за границей на иностранных языках, не вошло в книгу. Никита Дмитриевич хочет издать их отдельно в Лондоне.

Никита Дмитриевич предполагал, что это будет небольшое карманное издание, а в книге 656 страниц, так что для нее нужен очень большой карман.

Очень многое осталось за пределами этой книги. Часть архива Лобанова-Ростовского еще не обработана. Уверена, что там очень много интересного. Надеюсь, что у этого издания будет продолжение.

На презентации «Воспоминаний» в Музее М.И. Цветаевой в 2005 г., говоря о том как интересно и легко работать с Никитой Дмитриевичем, я сказала: «Я жду!» Говорю это и сейчас.

С.Г. Джафарова, Н.Л. Баранова, О.А. Карнович, Н.Д. Лобанов-Ростовский, Н.А. Алпатова, В.В. Леонидов, Л.М. Баранов. Ростов Великий, 14 апреля 2015 г.

БЕСЕДЫ О БАЛЕТЕ

Нина Вырубова. «Маленькая русская из Медона». Переплетение судеб¹

Интервью Оксаны КАРНОВИЧ

с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским
и Юрием Александровичем Трубниковым

Нина Вырубова. Из архива
кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского

Нина Вырубова – одна из ярчайших русских балерин Франции 2-й половины XX в. Она танцевала с Роланом Пети и Сержем Лифарем, Юрием Алгаровым, братьями Сержем и Жоржем Головинными. По ее словам, ей «выпала честь быть первой партнершей Нуриева», «в чьих объятиях она оказалась спустя три дня после его последнего спектакля с труппой Кировского театра»². Они танцевали в «Спящей красавице» («Балет маркиза де Куэваса», Париж, 1961), когда сотрудники посольства пытались сорвать выступление, бросая стеклянные бутылки из-под кока-колы на сцену под ноги артистам.

Борис Кохно, бывший секретарь и помощник Сергея Дягилева участвовавший в создании труппы «Балета Елисейских полей» совместно с Роланом Пети, решил реализовать свое давнее желание возродить утраченную жемчужину эпохи романтизма – балет «Сильфида» (1832 г., хор. Ф. Тальони, муз. Ж.-М. Шнейцхоффера) и посоветовал Виктору Гзовскому пригласить Нину на эту роль (Ролан Пети – Джеймс). Спустя столетие в 1946 г. этот прославленный шедевр XIX в. вновь был показан французам. На гастролях в Лондоне Нину называли новой Тальони. Ее парящая легкость исполнения, лиричность делали ее героинь – Жизель, Сильфиду, Сомнамбулу (из одноименного балета Джорджа Баланчина) романтически отстраненными, воздушными и утонченными. Ей был подвластен любой стиль танца – от строго академического до комического. Приглашенная Лифарем в качестве étoile в Парижскую Оперу (вопреки строгому правилу принимать в труппу только выпускников школы при Опера) она заменила бале-

¹ Берега, Калининград, 2016, № 2.

² Мейлах М. Эверта, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Том I: Балет. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 389.

рину Иветт Шовире. Многие свои балеты Серж Лифарь создавал на Нину Вырубову, называя ее музой, балеринчиком. Несмотря на то, что Нина Вырубова в России не училась никогда, она танцевала «русский балет». Но как все начиналось?

После триумфа «Русских сезонов» и успеха «Русских балетов» Сергея Дягилева бытовало мнение, что только русские могут хорошо танцевать классический балет. Поэтому многие западные артисты, вошедшие в пантеон мирового балета, брали русские фамилии: Хильда Маннигс стала Лидией Соколовой, Патрик Хей – Антоном Долиным, Лилиан Эликс Маркс – Алисией Марковой. Но Нина со звучной дворянской фамилией, прославившая французский балет, имела русские корни. Первая мировая война, революция 1917 года и Гражданская война вынудили многих мастеров императорской сцены покинуть большевистскую Россию. Кто-то находил приют в труппе Дягилева. Старшее поколение, находясь за пределами сценического возраста, спасаясь от ужасов революционных событий, потеряв все, имели единственное богатство – свою профессию. Пытаясь приспособиться к новым жизненным условиям, они открывали собственные балетные студии, куда приходили дети таких же эмигрантов, как они сами.

Выезд из Крыма

Нина Вырубова родилась в Крыму в Гурзуфе 4 июня 1921 г. В 1924 г., когда Франция признала новую советскую республику, трехлетней Нине с мамой Ириной Львовной Вырубовой, урожденной Ле Дантю, и бабушкой баронессой Верой Николаевной Фредерикс удалось покинуть Россию. По воспоминаниям Нины Вырубовой, «из Гурзуфа они отправились в Москву, потому что там жила одна из бабушкиных сестер. Пробыли некоторое время в столице, чтобы уладить дела и оформить разные бумаги. Было много осложнений <...>. Но в результате мы смогли добраться до Риги, а оттуда – до Бельгии. И наконец – Париж, где мы оказались, если мне не изменяет память, 11 ноября 1924 г. <...> Сначала мы поселились в Отее, где было много русских. Жизнь складывалась непросто. Мама была еще молода – всего-то двадцать пять лет! Через некоторое время нам пришлось переехать в другую русскую колонию – Медон, где жить было гораздо дешевле. Атмосфера там сложилась истинно русская. Мы были бедными, но гордыми. <...> Когда мы приехали во Францию, мама разыскала Кострицкого – он прежде состоял зубным врачом при государе. Кострицкий (Сергей Сергеевич. – О.К.) взял ее к себе секретарем»³.

³ Там же.

В эмиграции женщинам пришлось утверждаться самостоятельно без мужской помощи. Где в тот период был дедушка Нины по материнской линии, Лев Евгеньевич Ле Дантю, не упоминается. Во Франции Ирина Львовна, спортсменка по плаванию, стала брать уроки у бывшей прима Мариинского театра Ольги Осиповны Преображенской (мадам Прео), приобщая к занятиям и дочь. Пытаясь прокормить семью, Ирина Львовна, по словам Нины, «невероятно одаренный человек», не имея профессионального хореографического образования, открыла Детскую балетную школу в пригороде Парижа Медоне. Возможно, увлечение балетом у Ирины Львовны возникло с детства. Поскольку до эмиграции Ле Дантю жили в Гурзуфе, то можно предположить, что семья Ле Дантю общалась с метром петербургской сцены Мариусом Петипа, который в течение шести лет (кроме 1905 г.) приезжал в Крым. Ле Дантю так же могли присутствовать и на прощании с великим балетмейстером, который скончался там же 1 июля 1910 г. Опытный педагог Ольга Осиповна, увидев способности у маленькой Нины, посоветовала ей заняться балетом. Но любовь к танцу у Нины появилась после того как она в девятилетнем возрасте увидела Анну Павлову, выступавшую в Théâtre des Champs-Élysées в Париже. С этого момента начинается путь восхождения маленькой Нины к вершинам балетного Олимпа. Потом она училась у прославленных балерин старой императорской школы Веры Трефиловой и, уже будучи étoile Парижской Оперы, у Любви Егоровой – ее «балетной мамочки». Лишь однажды взяла урок у Матильды Кшесинской. Занималась с Борисом Князевым, а вторым мужем стал однофамилец – танцовщик Аркадий Князев. Но лучшим своим педагогом Нина всегда считала свою маму.

Отец

Отца Нина не знала. По словам матери, он был убит «шальной красноармейской пулей» в 1922 г. в Крыму, и где похоронен, – неизвестно. «Сейчас появились сведения, что Владимира Сергеевича застрелил красноармеец и припугнул, что говорить надо именно так, иначе...»⁴. Отсюда как под копирку повторяемая фраза – «шальная пуля». Почему меня заинтересовал вопрос отцовства? Однажды в одном из интервью князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, прямой потомок царской династии Рюриковичей в 33-м поколении, сказал, что Нина Вырубова незаконнорожденная дочь брата его деда. (Александр Васильевич Вырубов – супруг всем известной фрейлины последней императрицы Анны Танеевой-Вырубовой – был родным братом его деда Василия Васильевича). Подобные родственные связи известной балерины с аристократической семьей произвели на меня ошеломляющий эф-

⁴ <http://dekabrist.mybb.ru/viewtopic.php?id=2681&p=1>

фekt. Я тут же бросилась проверять и сопоставлять доступные факты. Но подтверждения информации о незаконнорожденности Нины нигде не находила. На многочисленных генеалогических сайтах было указано, что отцом Нины был Владимир Сергеевич Вырубов, сын Сергея Александровича Вырубова и Марии Константиновны Трубниковой. Других данных об отце Нины найти не удавалось. Их отсутствие заставило меня обратиться к истории дворянских семей Трубниковых–Вырубовых. Но прежде чем разбираться в генеалогии рода Вырубовых, я решила изучить родословную семьи Ле Дантю. Открылось столько имен, биографий, совпадений, переплетений судеб, что их описание требует отдельных публикаций. Когда текст о родственных связях Нины наполовину был исследован и стали появляться ответы на вопросы, неожиданно мной было получено письмо от князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского о необходимости моей встречи с профессором МГУ Екатериной Сергеевной Федоровой, потомком декабриста Василия Ивашева, владимирских Вырубовых и Ле Дантю! Это ли не чудо! Оказалось, прабабушка Федоровой Анна Сергеевна Вырубова (1885–1975) (в замужестве Покровская), была родной сестрой отца Нины – Владимира. Избранницей Владимира стала Ирина Львовна Ле Дантю, дочь обрусевших французских эмигрантов. Ее мать баронесса Вера Николаевна Фредерикс приходилась двоюродной сестрой последнему министру императорского двора и уделов России, в ведомстве, которого служил отец Нины. (Барону Фредериксу выпала печальная роль скрепить подпись Николая II под отречением от престола 2 марта 1917 г.). Бабушка Екатерины Сергеевны, Ирина Покровская-Гюнтер, очень дружила с Ириной Львовной, так как обе были Иринами, пианистками и спортсменками. В годы Гражданской войны, после того как Владимир Сергеевич был убит в Гурзуфе, и связи оборвались, о судьбе Ирины Ле Дантю московским родственникам ничего не было известно. Е.С. Федорова на основе архивных материалов издала книгу «Как в капле дождя», приоткрыв завесы прошлого своей семьи, надолго замалчиваемых из-за опасности политических репрессий. Таким образом, судьба самым удивительным образом преподнесла мне встречу с дальней родственницей Нины Вырубовой. Только год назад Екатерина Сергеевна узнала, что Ирине Львовне удалось эмигрировать в Париж, и что она была мамой балерины Нины Вырубовой. Они друг с другом так и не встретились...

Камилла Ле Дантю (отцовская линия Нины Вырубовой)

История семьи Ле Дантю начинается с приезда в Россию Мари-Сесиль Вабль (1773–1865) и ее второго мужа Пьера-Рене Ле Дантю (1753–1822),

Мария Петровна Ле Дантю (урожд. Мари-Сесиль Вабль, в первом браке де Вармо), нач. XIX в.

Н.П. Козлов. Камилла Петровна Ивашева (Камилла Ле-Дантю), 1831 г.

антиквара и коммерсанта, преследуемого французскими властями за свои политические взгляды. С четырехлетней дочерью от первого брака Сидонией (1799–1869) от первого мужа роялиста, погибшего на гильотине, они прибыли в Петербург в 1803 г. (Сидония де Вармон, выйдя замуж за симбирского помещика В.И. Григоровича, родила Григоровича Дмитрия Васильевича, будущего известного писателя). В Петербурге Мари-Сесиль стала именовать себя Мария Петровна. (Забегая вперед, скажем, что Мария Петровна Ле Дантю – предок не только Екатерины Федоровой, Нины Вырубовой, но и художника Михаила Васильевича Ле Дантю.) Но все по порядку.

В 1804 г. у Марии Петровны родилась дочь Луиза (в замужестве Беккерс), в 1806 г. – Амели (в замужестве Рясовская), в 1808 г. – Камилла (в замужестве Ивашева), в 1810 г. – сын Шарль (по-русски, Карл), а в 1813 г. – Эжен (по-русски, Евгений). С началом Отечественной войны 1812 г. 60-летний Пьер-Рене и 40-летняя Мари-Сесиль с детьми покинули Петербург и обосновались в Симбирске. Мария Петровна Ле Дантю устроилась гувернанткой в семью Петра Никифоровича Ивашева (1767–1838), отставного генерала, проживавшего в имении Ундоры, Симбирской губернии. Здесь начинается история романтической и трагической любви ее дочери Камиллы Ле Дантю. Камилла (1808–1840), тайно влюбленная в сына помещика,

блестящего офицера, ротмистра Кавалергардского полка Василия Петровича Ивашева (1797–1841), из-за разницы в социальном положении не могла признаться ему в своих чувствах. О браке не могло быть и речи. За участие в тайном обществе «Союз благоденствия» Василий, как декабрист, в 1826 г. был посажен в Петропавловскую крепость. Признав свою вину, был причислен к преступникам второго разряда и приговорен к 20-ти

годам сибирской ссылки с последующим поселением. Когда из богатого и блестящего офицера он стал каторжником, девушка открылась родителям в своих чувствах и получила благословение от семьи Ивашевых разделить его судьбу. Преодолев многочисленные трудности дороги и ожидания встречи, на первом свидании с Василием, Камилла упала без чувств. Добившись разрешения от императора, они смогли обвенчаться в остроге в Туринске. После медового месяца Камилла перешла в каземат мужа, разделив с ним все тяготы заключенного. В 1838 г. в Туринск на постоянное жительство приехала ее мать, Мария Петровна. В декабре 1840 г. (в 1839 г. по старому стилю) Камилла простудилась и умерла при преждевременных родах пятого ребенка, а Василий скончался ровно через год, в день ее похорон. (Памятник на их общей могиле до сих пор является одной из достопримечательностей Туринска.) Заботу о детях Ивашевых (пятилетней Марии, Веры и Петре) взяли на себя друзья Ивашева – Н.В. Басаргин и И.И. Пущин. Бабушке Марии Петровне в 1841 г. с детьми было разрешено вернуться в Симбирскую губернию, где они поселились у сестры их отца княгини Е.П. Хованской под фамилией Васильевы. В 1856 г. детям Ивашева по манифесту по амнистии было возвращено дворянство и фамилия отца.

Трубниковы–Вырубовы

Старшая дочь декабриста Ивашева Мария Васильевна (1835–1897) вышла замуж за Константина Васильевича Трубникова (1829–1904) из Алатырского уезда Симбирской губернии. Он был инициатором первого русского телеграфного агентства, издателем и редактором ряда периодических изданий в Петербурге в том числе «Биржевых новостей». Мария Васильевна вместе с Надеждой Васильевной Стасовой (1822–1895) и Анной Павловной Философовой (1837–1912) (теткой антрепренера Сергея Павловича Дягилева) составили «женский триумвират», став одними из первых русских феминисток и организаторов женского движения в России. В свою деятельность Мария Васильевна вовлекла своих дочерей Ольгу (в замужестве Буланова, 1858–1942) и Марию Константиновну (1860–1898) (прабабушку Нины Вырубовой). По воспоминаниям

Мария Константиновна Вырубова с сыном Владимиром. СПб., 1880-е годы. Из архива Е.С. Федоровой

Сергей Алексеевич Вырубов с сыном Владимиром Сергеевичем Вырубовым, нач. 1900-х годов. Из архива Е.С. Федоровой

Ольги Константиновны Булановой роман «Что делать?» Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) писал с их матери Марии Васильевны.

О Марии Константиновне: «Мужем этой кроткой красавицы был Сергей Вырубов, светский лев и кутила, что, однако, не помешало ему стать известным либеральным земским деятелем»⁵. Сергей Алексеевич Вырубов (1858–1904) – один из первых революционеров на российском военном флоте, «предтеча лейтенанта Шмидта», «в 1880-м вошел в состав „Черного передела“ – одной из народовольческих революционных организаций. Для терактов народовольцев Вырубов, используя возможности офицера военного флота, добывал динамит. Дома он хранил запрещенную литературу и даже

завел ручной печатный станок, на котором печатал листовки. Подобная деятельность закончилась увольнением с флота, арестом и заключением в Петропавловскую крепость. И хотя Вырубов был уличен еще и „в дерзких отзывах о государе“, с учетом заслуг отца (штабс-ротмистр Алексей Гаврилович Вырубов в 1850-е годы возглавлял ковровскую уездную полицию в качестве земского исправника), и офицерского прошлого самого революционера Сергея Алексеевича, в конце концов, его отправили не на эшафот и даже не в Сибирь, а всего лишь в ссылку в родовое имение во Владимирской губернии под надзор полиции. Там бывший моряк поступил на службу по земству. В либеральных земских кругах, находившихся в оппозиции к правительству, Вырубова избрали членом Владимирской губернской земской управы. <...> И если заключение в крепости не сломило Вырубова, то теперь Петербург действовал изошреннее. Сергею Алексеевичу предложили видный пост в министерстве внутренних дел – в том самом, которое прежде вело на него охоту! И революционер с 20-летним стажем не устоял перед соблазном...<...> Сергей из мичманов (младших лейтенантов) вскоре „вырос“ до коллежского советника, гражданского чина, равного полковнику. Возможно, он стал бы и генералом, но в 1904 году неожиданно умер, находясь в командировке в Варшаве, всего лишь в 46-летнем возрасте»⁶. Мария Константиновна Вырубова, став членом этой же организации «Черный пе-

⁵ <http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/dr21.html>

⁶ <http://www.liveinternet.ru/users/5114887/rubric/3810593/comments/page5.html>

редел», постоянно находилась под полицейским надзором. «Самая красивая и болезненная» Мария Вырубова умерла в возрасте 38 лет. «Две Марии, мать и дочь, похоронены на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге. <...> Но в советское время на могиле осталась одна надпись: Мария Васильевна Трубникова. Инициалы другой Марии старательно соскоблили – видимо, потому что сама фамилия Вырубовой казалась властям одиозной»⁷. В браке родилось трое детей: Мария, Владимир (отец Нины) и Анна, по мужу Покровская (прабабушка Е.С. Федоровой). По неизвестным причинам на генеалогических порталах Анна, как третий ребенок, не указана. Афишировать дворянское происхождение было крайне опасным. Е.С. Федорова дает совершенно объективное объяснение отсутствию информации: «Анне Сергеевне никогда не случалось попасть в тенеты постреволюционных иллюзий, она ничего не забыла из ужасающих времен Гражданской войны и репрессий, и с годами трезвость взгляда на происходящее ничуть не затуманивалась, а лишь твердела в холоде и отстраненности. Единственный раз она опустилась на колени – перед младшим внуком Игорем, узнав, что тот собирается после обязательной службы навсегда остаться в Красной армии. Для нее это было оскорблением: она не забыла ни повешенного красноармейца на глазах детей своего приятеля Сиверса (не имевшего отношения ни к белым, ни к красным мирного управляющего именем), ни гибели его сына жениха ее дочери Ирины <...>, ни загадочной смерти от неизвестной пули своего родного брата Владимира <...>...».

Карл Ле Дантю (материнская линия Нины Вырубовой)

Вернемся к интересующей нас гурзуфской линии Ле Дантю, которая начинается с младшего брата Камиллы Карла Петровича Ле Дантю, сына Марии Петровны. В 1837 г. он женился, служил врачом, но рано умер. Его осиротевших детей вместе с детьми Камиллы несколько лет воспитывала бабушка Мария Петровна. Его сын Евгений Карлович Ле Дантю (1838–1915) – племянник Камиллы, был чиновником Главного управления Российского Общества железных дорог, жил в Санкт-Петербурге, был близок к музыкальным кругам, дружил с композитором М.А. Балакиревым. Женился «на Баварской подданной Германии Эрмине Густафовне Рюбнер. <...> В свидетельстве о рождении имя жены Е.К. Ле-Дантю уже указано в русской транскрипции „Эрминия Александровна“, здесь же: „вероисповедание

⁷ Федорова Е.С. Как в капле дождя. Общественная и частная жизнь России XIX–первой трети XX в. в судьбах семьи декабриста Василия Ивашева (по эпистолярным, мемуарно-литературным и другим историческим документам). М.: Лабиринт, 2011. С. 137.

Англиканское“. Видимо, это вероисповедание уже в XX в. дало повод ошибочно говорить об ее английском происхождении»⁸. На лето семья выезжала в Гурзуф, и в конце XIX в. переселилась из Петербурга в Крым окончательно. У них был дом в Крыму, который впоследствии перешел к его сыну Льву Евгеньевичу. В 1895 г. Лев Ле-Дантю женился. Его супругой стала баронесса Вера Николаевна Фредерикс. Их дочь Ирина выбрала в избранники Владимира Вырубова, имеющего с ней общую прапрапрабабушку Марию Петровну Ле Дантю (Мари-Сесиль). «По рассказам Ирины Владимировны Гюнтер (бабушки Е. Федоровой. – О.К.) Владимир Вырубов первым браком был женат на дальней родственнице, Ирине Ле Дантю. Но судьба ее, видимо, столь трагична, или на самом деле ее следы безвозвратно потерялись, так или иначе Ирина Владимировна о своей теще, с которой была дружна, более ничего рассказать не захотела или не могла, при том часто вспоминая»⁹... Если был первый брак, значит был и второй... Но выявить детали, что происходило в вихре революционных событий и условиях Гражданской войны, уже не представляется возможным.

Немного о Михаиле Ле Дантю

М.В. Ле Дантю, нач. XX в.

Родственными узами Нина Вырубова связана с известным художником-авангардистом Михаилом Васильевичем Ле Дантю (1891–1917), трагически погибшим в поезде, возвращаясь с войны. В 1912 г. Михаил, находясь в гостях у друга Кирилла Зданевича в Тифлисе, обратил внимание на картины художника-самоучки Нико Пиросмани. Благодаря Михаилу художественный мир узнал о Пиросмани, картины, которого прежде украшали стены грузинских харчевен и магазинов. Линия Михаила начинается от старшего брата Камиллы, Евгения Петровича, прапрадеда Михаила Ле Дантю. «Евгений Петрович, женившийся на Клавдии О कोरोковой и принявший в 1830 г. русское подданство, окончил Институт Корпуса горных инженеров, служил по горному ведомству в Сибири, был удостоен многих наград, в том числе ордена св. Владимира 4-й степени. По пути отца пошел и его сын, горный инженер Василий Евгеньевич (1898–1902). Его сын Василий Васильевич Ле Дантю (1864–1897) был врачом. Михаил по заслугам прадеда был воз-

⁸ <http://www.1-yalta.com/gurzuf-history-7.html>

⁹ Федорова Е.С. Указ. соч. С. 354.

веден в потомственное дворянское достоинство с правом внесения в III часть дворянской родословной книги»¹⁰.

Сравнивая фотографии Нины, Михаила и Марии Петровны Ле Дантю (Сесиль), обнаруживаешь определенное сходство в чертах лица, передавшееся через поколение. Мария Петровна Ле Дантю могла бы гордиться своими потомками, каждый из которых вошел в мировую историю культуры.

Беседа с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским

Несмотря на прояснившуюся информацию об отце Нины Вырубовой, тем не менее, я решила пообщаться с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, по матери Вырубовым и Юрием Александровичем Трубниковым, председателем Земско-городского комитета в Париже («Земгор»), какими родственными узами они связаны с Ниной Вырубовой? Тем более, Вырубов Василий Васильевич, дедушка князя, был председателем и членом этого же комитета в Париже в 1930-х, организации, оказывавшей поддержку русским эмигрантам, игравшей видную роль во всех общественных предприятиях русской эмиграции, в том числе и культурных. Его брат Александр Васильевич Вырубов был супругом фрейлины последней императрицы Анны Александровны Танеевой-Вырубовой. Возник вопрос, почему Ирина Львовна не обратилась за помощью к деду Никиты Дмитриевича уже проживавшему во Франции и имевшему влияние в среде русской эмиграции?

Князь Никита Д. Лобанов-Ростовский и Нина В. Вырубова. Париж, октябрь 1994 г.

ОК: Никита Дмитриевич, является ли Нина Вырубова Вашей родственницей? И кем приходился Вам отец Нины Владимир Сергеевич Вырубов?

Кн. НДЛ-Р: Я всегда был уверен, что Нина незаконнорожденная дочь брата моего деда. То, что Вы мне вначале указали на несовпадение дат смерти отца Нины (1919 г.), и даты ее рождения в 1921 г., заставило меня усомниться в правильности моих прошлых убеждений, еще до того как меня разыскала Екатерина Федорова. Брат моего деда тоже был рас-

¹⁰ http://www.nlr.ru/news/mbinfo/2009/7_8-4.pdf

Рудольф Нуреев и Нина Вырубова. Париж, 1961 г.

стрелян 1919-м большевиками в Кисловодске, лишь потому, что он дворянин и офицер. Какое совпадение... Екатерина, узнав о выставке, посвященной моему дяде Николаю Васильевичу Вырубову в Доме русского зарубежья, так вовремя меня разыскала, что нам с Вами не пришлось «водить читателей за нос». То, в чем я был абсолютно уверен на протяжении всей моей жизни, теперь к действительности не имеет никакого отношения. Но я поделюсь тем, что мне казалось, имело место быть. Я всегда был абсолютно уверен в том, ибо это было на моих глазах, что Нина Вырубова внебрачная дочь кого-то из родственников по линии деда Василия Васильевича Вырубова. Много лет не было в справочниках отчества Вырубовой. То, что ее мать впоследствии могла указать и дать отчество дочери не соответствует отношению моего деда и его сыновей к Нине. Вы посмотрите в энциклопедиях и словарях по балету ранее, чем 10 лет тому назад. Я помню, что с Клементом Криспом (один из старейших балетных критиков Англии, друживший со многими артистами, еще со времен дягилевской антрепризы. – О.К.) это обсуждал, и он это знал. Тогда я ему рассказал, что мой дед ее семью никогда не принимал. И он ответил, чтобы узаконить ее, мать прописала ей другое отчество. Самое удивительное, что с Ниной мы эти вопросы никогда не обсуждали. Разобраться в этом деле я не могу. Я написал об этом двоюродному брату Юре Трубникову, в надежде, что он скажет. К сожалению, тот кто об этом знал – это его мать. Но этого поколения уже в живых нет. Я рассказываю явные косвенные факты. Мой дед с ней не общался. И было какое-то эмбарго между ним и его семьей, т.е. детьми – двумя сыновьями и моей матерью. Когда мы с мамой вырвались из Болгарии во Францию в 1953 г., она тайно к ней пошла, чтобы отец не узнал об этом. Так как моя мать была по характеру другим человеком, очень добрым и набожным, то считала своим моральным долгом сказать Нине Вырубовой то, что против нее ничего не имеет. И она секретно к ней пошла.

ОК: Вы когда-нибудь писали о Нине Вырубовой как о незаконнорожденной Вашей родственнице?

Кн. НДЛ-Р: Никогда. Никогда не хотел это затрагивать. Это было бы унижительно для нее. Я приходил к Нине, как к родственнице, и она принимала

ла меня как родственника и относилась ко мне как к родственнику, но мы говорили о ролях, о каких-то интересующих нас на тот момент делах. И это было само собой разумеющимся. Но те факты, которые Вы мне указали, что у нее теперь везде указанный отец Владимир Сергеевич Вырубов, заставило обратиться к родословной Вырубовых, чье родство с отцом Нины я никак не могу найти.

ОК: *Это две разных ветви семьи Вырубовых: владимирская и московская. И Ваш дед с братом являются пятиюродными, или шестийюродными кузенами Сергею Алексеевичу Вырубову – деду Нины. В 2005 г. на вопрос Михаила Мейлаха Нине Вырубовой «как связана Ваша семья со знаменитой Анной Вырубовой? И еще: у меня есть друг – Никита Лобанов-Ростовский, – его мать тоже Вырубова...»¹¹ она неопределенно ответила: «Должно быть, у нас общие корни, потому что Вырубовых не так уж много. Это фамилия моего отца. Папы давно нет – он скончался, когда мне не исполнилось и года. Он был очень красивым человеком»¹². Василий Васильевич, Ваш дед, рассказывал что-то о своем брате, как об отце Нины? С кем Нина общалась из Ваших родственников?*

Кн. НДЛ-Р: Нет. Ничего не рассказывал. И я тогда в силу молодости не интересовался. В Париже она общалась с Александром Александровичем Вырубовым (1882–1962), в прошлом актером МХАТа, который был женат на Марии Чеботари (Чеботаревой). Помню, как он приходил к нам, и дед просил его прочитать что-нибудь из Пушкина, Гоголя или Бунина. Он прекрасно декламировал, артистично!

ОК: *Как Вы думаете, почему Ваш дед Василий Васильевич не считал должным принимать семью Нины у себя дома?*

Кн. НДЛ-Р: Не могу сказать. Может это заключалось в его мировоззренческой позиции. Он был человеком страстным, всегда открыто выражал свои взгляды. Для него важны были традиции не только в жизни, но и в убеждениях, которые сам воплощал в жизни. Порой был нетерпим в утверждении справедливости. Ему сложно было признать, что кто-то может жить вне норм, по-своему. Но духовная свобода для него была выше всего. Он был масоном.

ОК: *Однажды Ваш друг, болгарский писатель и поэт Любомир Левчев рассказал маленький сюжет, который показателен для характеристики Василия Васильевича Вырубова. В 1953 г., уехав из социалистической Болга-*

¹¹ Мейлах М. Указ. соч. С. 389.

¹² Там же.

рии и обосновавшись в Париже, Вам хотелось обрести новых друзей, и Вы решили подружиться с денщиком. На что дедушка ответил: «Никита, не пристало пить чай с прислугой».

Кн. НДЛ-Р: Шутка Левчева! Лакей, служивший у деда, вначале был конюхом у князя Георгия Евгеньевича Львова в Париже. У князя до революции там была квартира и поэтому лакей Иван (для французов Jean) после кончины хозяина «по наследству» перешел к деду вместе с квартирой. Иван от конюха дослужился до лакея. Позже он женился на кухарке моего деда. Дед купил им домик как раз напротив своего дома в деревне Fleury. По-французски говорил он очень плохо. Мой дед был холерик, эдакий барин! По утрам – до кофе, или чая, он орал на него. Меня всегда удивляло, почему тот спокойно стоял и слушал, когда его ругали. Только после его смерти мы увидели, что пол в комнате заставлен бутылками сидра. Он выпивал по четыре литра в день и постоянно находился в «облачном» состоянии, от чего воспринимал брань вполне спокойно. Оставив своих друзей в Болгарии, я хотел подружиться с Иваном. Но, дед сказал, что есть социальные привычки, которые нельзя нарушать. В этом случае нарушается баланс работодателя и рабочего.

Для характеристики моего деда приведу еще один эпизод. Летом 1967 г. я обедал у Луи Камю, председателя Коммерческого банка (Banque de Commerce) в его имении под Брюсселем. Я сидел справа от Марго Фонтейн, prima ballerina absoluta Королевского балета Англии, много лет танцевавшая с Рудольфом Нуреевым, несмотря на то, что она была значительно старше его. Узнав, что я русский, живущий в Париже, она спросила, не знаком ли я случайно с Николаем Вырубовым (которому была посвящена выставка в Доме русского зарубежья. – О.К.). «Да», – ответил я и добавил, что он младший брат моей матери. Фонтейн объяснила, что задала этот вопрос, ибо я очень похож на Вырубова, которого она хорошо знала в Лондоне до войны. Больше она ничего о нем не сказала. У моего дяди был бурный роман с ней, и он хотел на ней жениться, но мой дед считал, что не подобает русскому дворянину жениться на балерине и запретил брак. Похожая участь постигла моего дядю в желании жениться на дочери первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, Индире. Может быть, мой дед был прав, ибо в 42 года мой дядя женился на Сабин де Ноай (Noailles), дочери герцога де Муши, на 20 лет моложе его, и более полвека прожил с ней в счастливом браке.

Об Анне Александровне Вырубовой

ОК: Часто указывают, что Нина Вырубова родственница фрейлины Анны Александровны Вырубовой, подруги последней российской императрицы Александры Федоровны. Урожденная Танеева, Вырубовой она стала

после брака с братом Вашего деда Александром Васильевичем Вырубовым (1880–1919). По ее воспоминаниям, участие в Цусимском сражении, плен, наложили отпечаток на психику ее супруга. После развода вернула девичью фамилию, и общение с Вырубовыми прекратилось. Но фальшивый дневник тенью лег на фамилию Вырубовых.

Кн. НДЛ-Р: Об Анне Танеевой-Вырубовой, к счастью, информация основана на письменных данных, оставленных моим дядей Николаем Васильевичем Вырубовым и на моем личном знакомстве с Александром Гальперном, адвокатом А.А. Танеевой и мужем Саломеи Николаевны Андрониковой (Андроникашвили). Здесь лучше привести воспоминания моего дяди Николая Васильевича Вырубова из моей книги «Эпоха. Судьба. Коллекция»: «Не Танеева своим поведением вызвала молву, а советская пропаганда, публикуя в 1927 году на страницах журнала „Минувшие дни“ фальшивый дневник за подпись Вырубовой, зная, что, находясь за границей, она не сможет его опровергнуть. Целью публикации интимного дневника якобы руки Танеевой, которую молва обвиняла в позорном поведении, было желание опорочить царскую семью.

Сочинили фальшивый дневник и легенду его появления.

Утверждалось, что Танеева, находясь в заключении, боялась, что подлинник ее дневника будет найден и захвачен, и якобы попросила знакомую его переписать и сохранить копию. Именно эта копия и была будто бы найдена, а подлинник, которого на самом деле никогда не существовало, Танеева взяла с собой при бегстве.

Для сочинения дневника обратились к Алексею Толстому, знавшему образ мышления людей придворного круга и способного найти подходящий тон. Благодаря его таланту, дневник получил широкое распространение, а молва разнесла наше имя.

Толстой назвал фрейлину Вырубовой, а не Танеевой, не зная, что она после развода в 1908 году вновь стала носить свою девичью фамилию, которая тогда была очень громкой ввиду высокого придворного чина отца.

Толстой также, вероятно, не знал, что оригинал воспоминаний Танеевой был напечатан в Париже на страницах журнала «Русская летопись» в 1922 г. с подписью А.А. Танеева. По-видимому, мало кто в стране обратил внимание на публикацию А. Кочетова в Москве в 1991 году, в которой он доказывает, что фальшивый дневник – не более чем литературная мистификация. Это опровержение прошло незамеченным, и люди по старой привычке продолжают Танееву хулить.

В нашем роду Анна Танеева оказалась случайно. Она была дочерью управляющего царской канцелярией А.С. Танеева. В их семье эта высокая должность передавалась от отца к сыну в трех поколениях. Следует иметь в

виду, что Танеева и Вырубов были женаты всего один год. Танеева с ранних лет была приближенной Государыни и стала ее любимицей. Государыня решила назначить ее фрейлиной. При штабе Государя находился морской офицер Александр В. Вырубов (брат ВВВ). Он понравился Государыне, и она их поженила. На этом статус фрейлины оборвался. На редкость скромная свадьба состоялась в Царском Селе 30 апреля 1907 г.: присутствовали царские особы и Вырубовы. Вырубов запретил жене устраивать у себя дома встречи Государыни с Распутиным, и развод был неизбежен: через год брак был расторгнут. Затем Александр Вырубов подал в отставку, уехал в свое имение, вновь женился и обзавелся детьми.

Отношений у семьи с Танеевой не было. Мой отец (ВВВ) был видным противником Распутина, и, находясь в Ставке, где готовился заговор, который должен был привести к его аресту, открыто критиковал Государыню. Однако никто в семье не обвинял Танееву в позорном поведении. Нам, как и другим, не поведение Танеевой мешало, а ее роль при дворе. Любимица Государыни, Танеева стала ее посредницей при общении с внешним миром, пользовалась ее доверием и имела к ней доступ. Люди напрасно воображали, что Танеева вмешивалась в дворцовые интриги. Она была мистической поклонницей Распутина, видела в нем святого человека, способного спасти больного наследника и принести духовное успокоение Государыне. Сближение Государыни с Распутиным, возникшее при ее помощи, имело гибельное последствие для престола. За этот грех Танееву следует призвать к ответу перед историей, но время для этого наступит только тогда, когда в России взгляд на прошлое станет беспристрастным.

Следует напомнить, что Танееву дважды арестовывали, и ее поведение при дворе дважды подвергалось тщательному расследованию. Временное правительство хотело обнаружить ее участие в политических интригах дворца, препятствовавших ходу государственных дел. Но никаких доказательств не было найдено.

Советская власть Танееву подвергла тяжелому заключению и продолжительному допросу в присутствии людей, полностью настроенных против нее. Суд старался доказать ее участие в разгульном поведении в окружении Распутина, в котором ее обвиняла молва. А.Я. Гальперн потребовал на суде подтверждение ее девственности, чтобы доказать, что она не участвовала в разгулах, что было сделано, и ее девственность подтверждена. Итак, не найдя никаких улик, ее отпустили.

Прибавлю, что В.М. Руднев, следователь советского суда, производивший расследование о безответственном влиянии Танеевой на Государыню, в своих воспоминаниях о ней дал умеренную характеристику, обратную молве (опубликовано в Париже на страницах «Русской летописи»). Он пи-

сал о ней как о поклоннице Распутина, женщине глубоко религиозной и полной доброты.

Ее дважды судили за поведение при дворе и дважды оправдали. Однако имя ее до сих пор остается как бы воплощением чего-то предосудительного.

Оказавшись на свободе, Танеева с матерью, не скрываясь, прожили в Петрограде три года вплоть до бегства в декабре 1920 г.

Танеева скончалась в 1964 г. в Финляндии, где скромно, достойно и молча хранила память царской семьи.

Не позорное поведение очернило впоследствии имя Танеевой, а клевета фальшивого дневника, рассеянная молвой, которую ничто не прекратит, тем более что есть причина повторять уроки пропаганды, не ставя их под сомнение. Еще недавно парижский журнал решил опубликовать „поддельный“ дневник. Я предупредил редакцию, как он был составлен и что содержит клевету, и по соображениям этики публикацию отменили»¹³.

Беседа с Юрием Александровичем Трубниковым

ОК: *Встречались ли Вы с Ниной Вырубовой?*

ЮТ: С Ниной Вырубовой я никогда не встречался. Почему? Трудно ответить. Когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать, я с упоением ходил на балеты маркиза Кузваса (через знакомую, дружившую с Головиной, супругой Сержа Головина, мы получали билеты), но о Вырубовой ничего не слышал. Отношения моей семьи с Василием Васильевичем Вырубовым, дедом Никиты, были не простые. Отцу было лишь три года, а когда его родители развелись, и мать вышла замуж за Вырубова, это очевидно может оставить следы у ребенка. Мой отец был «правый» (За Веру, Царя и Отечество!). Вырубов был «левым», к тому же масон. И он славился «сильным» характером... Нас родители возили два раз в год нанести визит дяде Васе, как мы его называли, но и все, по крайней мере, до приезда Никиты.

ОК: *Вы родились в Париже. Почему эмигранты предпочитали селиться в Медоне, потому это местечко было бедным?*

ЮТ: В этом городке я провел первые 20 лет моей жизни. Город совсем не бедный, однако, там жила крупная русская колония: Дмитрий Мережковский и естественно Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева, Иван Лукаш и много других... Например, великий князь Андрей Владимирович жил одно время в Медоне и, конечно, Матильда Кшесинская. В ту пору Медон – это был свежий воздух, леса, высоко над рекой. В прошлом – остановка по дороге из Парижа в Версаль: наследник престола имел там дворец, в остатках

¹³ Н.В. Вырубов - Н.Д. Лобанову-Ростовскому // Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010. С.411-412.

дворца Mme de Pompadour была школа, в которой я учился. Настоятелем храма был когда-то сам Франсуа Рабле, где им была выпущена 4-я книга «Пантагрюэля»! А ближе к нам было соседство заводов «Рено», где работало много русских. Но, Нину Вырубову я не встречал. Она либо не ходила в церковь, либо ходила в другую (в Медоне их было две).

ОК: *Василий Васильевич Вырубов возглавлял «Земгор», теперь возглавляете Вы. Как Вы полагаете, почему мама Нины Вырубовой не обратилась за помощью в эту организацию?*

ЮТ: «Земгор» помогал и продолжает помогать нуждающимся русским беженцам, но по мере возможностей не своим, не родне. Забавная связь между Вырубовыми, Трубниковыми и Ле Дантю. Долгое время Ле Дантю («зубчатый» по-французски) для меня был художник авангардист Михаил Ле Дантю. Однажды, в 1994 г., работая в Тюмени, я решил посетить Туринск, на Урале, куда были сосланы декабристы. Приехал в дом-музей Василия Ивашева. Посетителей мало, стали расспрашивать, кто я, откуда? Я назвал свою фамилию и тут обратился в VIP. Мне объяснили, что у Ивашевых была дочь, которая вышла замуж за Константина Трубникова. Как будто он был скучный человек: с издателем «Журнала для акционеров» или «Биржевых ведомостей» разговор не увлекателен по вечерам! Это ли объясняет, что его жена оказалась первой русской феминисткой? К счастью для моей фамилии это происходило в XIX в., сегодня они расхаживают с обнаженными грудями по соборам. У них родилась дочь, которая впоследствии вышла замуж за революционера Вырубова. У Марии Константиновны и бабушка, и невестка (мать Нины) носят ту же необычную фамилию. Тот Трубников, очевидно, не из нашей линии (тверской), вероятно, из новгородской. Вот что я могу ответить на Ваши вопросы.

Заключение: Удивительное переплетение судеб, кружева биографий, имен, фамилий, сеть родственных связей и взаимоотношений... Колесо фортуны сделало свой круг. Мария Петровна (Сесиль) Ле Дантю, бежавшая от Французской революции, нашла приют в России. Она так и не выучила русский язык и в письмах подписывалась «Сесиль». Судьба распорядилась таким образом, что через столетие, ее прапраправнучка Ирина Львовна, убегая от русской революции, вернулась на родину своих предков. Ее дочь Нина своим предкам вернула причитающийся им пьедестал по праву рождения, несправедливо отнятый провидением. Вопреки обстоятельствам она стала одной из ярких звезд не только французского, но и мирового балета. Если Михаил Васильевич Ле Дантю остался на страницах истории русской и грузинской культур, то Нина Владимировна Вырубова вписала свое имя в историю французской культуры. Во Франции Нина

нашла то, чего не было в отечестве – дом, семью, будущее, признание... В 1999 г. она впервые посетила Россию – Гурзуф и Санкт-Петербург. Посещение Мариинского театра, на сцене которого она никогда не танцевала, вызывало горечь изгнания, возвращало к прошлому утраченной царской России, к блестящему веку Императорского балета, с его педагогами, великими русскими балеринами и танцовщиками, и, конечно же, к великому Мариусу Петипа, в балетах которого она танцевала столько раз... Французский кинорежиссер Доменик Делуш (Dominique Delouche) снял фильмы о балерине «Le Spectre de la danse» («Видение танца», 1960), «Les cahiers retrouvés de Nina Vyroubova» («Реконструкция записей Нины Вырубовой», 1996), запечатлев репетиции с учениками, рассказ о ее знаменитых партнерах, сохранил кино и фотосъемки выступлений Нины...

Е.С. Федорова: Знаете, моя бабушка время от времени вспоминала Ирину Львовну, ведь она с ней была очень дружна, при полном отсутствии информации ей всегда казалось что-то ужасное. Я только год назад узнала, что Ирине Львовне удалось выехать в Париж, и она мама балерины Нины Вырубовой. Когда я это узнала, Нины уже не было в живых, бабушки моей тоже, она так и не узнала, что Ирина Львовна с дочерью спаслись. И вот, прочитав о Нине, мысленно воскликнула: Бабушка, я ее нашла!.. А оказалось, Нина умерла в доме престарелых в 2007 году. Для меня это было потрясением. Ведь нет уже никаких родственников нашей огромной и когда-то „родственной“ семьи. Ее знаменитые тетради выбросили на помойку! Я полагала, что волны печальной истории наших семейств окамене-ли, но оказалось, нет. Если бы знать! Огорчению моему не было предела... Я страшно рада, что есть Никита Дмитриевич. Ваша Екатерина Сергеевна.

О балете.

«Les Ballets Russes de Monte Carlo»¹

Оксана Карнович беседует с князем

Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским

Каждого посетителя Новой сцены Большого театра поражает волшебство великолепной росписи плафона, где изображены эскизы Леона Бакста к спектаклям дягилевской антрепризы в редакции Зураба Церетели. Это персонажи балетов «Клеопатра», «Нарцисс», «Жар-птица», «Синий Бог» и др. Но мало кто догадывается, что эти шедевры, радующие глаз, могли быть безвозвратно утраченными, если бы не усилия князя Никиты Д. Лобанова-Ростовского и его первой супруги Нины. Они спасли от забве-

¹ Балет. М., 2016, июль–август, № 4 (199). С. 14–18.

ния уникальные экспонаты балетных и оперных постановок художников Серебряного века, в годы революционных событий и Гражданской войны навсегда покинувших Россию. Лобановы-Ростовские собрали более 1100 произведений 177-и художников русского театрально-декорационного искусства, сохранив и представив миру богатство русской культуры и искусства. После многочисленных выставок, устраиваемых супругами за рубежом, последовали выставки в СССР. Осуществилась и главная цель – возвращение театральной коллекции на родину российских живописцев. Сейчас коллекция Лобановых-Ростовских находится на постоянном хранении в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства.

Князь Сергей Платонович Оболенский²

ОК: Никита Дмитриевич, Вы сохранили огромный пласт культурного наследия дягилевской антрепризы. Вам довелось встречаться с теми, кто непосредственно входил в круг общения Сергея Дягилева?

Кн. НДЛ-Р: В мае 1959 г. у меня вырезали гланды (миндалины) в больнице в Ист-Хэмптоне (пригород Нью-Йорка на Лонг-Айленде). Туда меня пристроил Саша Тарсаидзе³. Я тогда был студентом в Нью-Йоркском университете. Саша сказал, что больница в Ист-Хэмптоне всегда почти пустая на выходные, и поэтому он мне там устроил операцию утром в 7 часов в субботу. В воскресенье он меня пригласил к себе отдыхать на пляже, где среди гостей был князь Сергей Оболенский, с которым они вместе работали в рекламной фирме, созданной князем. Помимо иных обстоятельств, нас с Сергеем Платоновичем связывало то, что мы оба закончили Оксфордский университет, а именно Крайст-Чёрч колледж, и мы оба были членами клубов Буллингдон и Лодер, к которым принадлежала и ныне принадлежит верхушка британского общества и правящая элита (истеблишмент). Сегодняшний британский премьер-министр Дэвид Кэмерон, министр финансов Джордж Осборн и мэр Лондона Борис Джонсон – все были членами Буллингдона.

Мы разговорились, и Сергей Платонович рассказал о прошлом:

«В мае 1912-го года я приехал с отцом в Лондон, чтобы поступить в Оксфордский университет. Я проделал все необходимые административные шаги, и мне сказали, что ответ будет через месяц.

² Князь Сергей Платонович Оболенский (3.10.1890, Царское село – 29.09.1978, Гросс-Пойнт, Мичиган, США) – старший сын Платона Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого и Марии Константиновны Нарышкиной, принадлежал к высшему кругу русской знати, русский офицер, сотрудник Управления стратегических служб США, один из основателей американского спецназа (U.S. Special Forces). После смерти отца в 1913 г. носил фамилию Оболенский-Нелединский-Мелецкий. Служил в Кавалергардском полку, а в 1916 г. женился наmorganaticкой дочери императора Александра II светлейшей княжне Екатерине Юрьевской. В 1958 г. стал вице-председателем совета директоров Hilton Hotels Corporation.

³ Александр Георгиевич Тарсаидзе (1901, Тифлис – 1978, Нью-Йорк) – грузинско-русско-американский писатель и историк.

Вместо того, чтобы возвращаться в Россию, я решил дожидаться ответа в Лондоне. Поселился я у моего друга князя Феликса Юсупова, который как раз закончил Оксфордский университет, и жил в квартире в районе Найтсбридж. У Феликса собирался светский артистический кружок. Это, среди прочих, были Анна Павлова, супруги Михаил и Вера Фокины, Лев Бакст, Сергей Дягилев, Джульетта Дафф (дочь леди Рипон), маркиз де Куэвас, Тамара Карсавина, король Мануэль Португальский. В один из вечеров Павлова была в очень хорошем настроении. Я с ней танцевал «бурлеск фанданго». Я на ходу вспоминал па, которым маэстро Чекетти обучал меня в Петербурге. Для Павловой же это было в известном смысле расслаблением и отдушиной от напряженной работы на сцене. Павлова была близкой подругой Феликса и, живя у него, я постоянно видался с ней.

С.П. Оболенский

Маркиза Рипон, русских кровей, устраивала большие приемы для людей из разных отраслей искусства в своем доме «Кумб-корт» возле дворца Хэмптон-корт (где проводила свои последние дни великая княгиня Ксения Александровна). В один из приемов за завтраком я там встретил Нижинского, Павлову и Карсавину. В июне 1911 г. леди Рипон на свои деньги привезла в Лондон дягилевскую труппу. Премьера, состоявшаяся в канун коронации Георга V, была самым нагремевшим успехом в истории театра в Лондоне. В ней участвовали Карсавина, Нижинский и даже мой старый учитель танца маэстро Чекетти.

Леди Джульетта Дафф была замужем за полковником Королевской конной гвардии. Она продолжила меценатскую традицию, начатую матерью, и после октябрьского переворота, собрала средства, чтобы снова пригласить Дягилева в Лондон. Я тогда помогал ей со сбором денег среди друзей. Она продолжала помогать Дягилеву вплоть до его кончины в 1929 г., собирая около 3 тысяч фунтов в год на содержание труппы.

После смерти Дягилева, Рене Блюм и полковник де Базиль в 1931 г. основали «Балерюс де Монте-Карло» (Les Ballets Russes de Monte Carlo). В 1934 г. Блюм ушел из компании и труппу возглавил полковник де Базиль, переименовав ее в «Бале-рюс дю Колонель де Базиль» (Ballet Russe du Colonel de Basil). Базиль не имел того круга богатых почитателей, которым располагал Дягилев, и был на грани банкротства. Через Савелия Сорина он обратился ко мне за помощью (к тому времени я уже жил в Америке). Я ответил Сорину, что согласен помочь и возглавил «финансовый комитет» с целью финансирования труппы де Базиля. Мы решили создать полноцен-

ную американскую балетную труппу, что было чрезвычайно трудно ввиду предыдущего финансового краха в США. Для начала я договорился со знаменитым американским импресарио Солом Юроком устроить им гастроль по Америке. Одной из проблем было то, что у нас была конкуренция в лице осколка дягилевской труппы, финансируемой Сергеем Денемом (Serge Denham, Сергей Иванович Докучаев) и Джанки Флайшманом (Julius «Junkie» Fleishman), под названием «Бале-рюс де Монте-Карло». Я, конечно, сразу же понял, что для нашего дела убийственно иметь две компании с подобным репертуаром, предназначенным для той же самой аудитории. Поэтому мы с Сориним считали, что эти две труппы должны слиться. Де Базиль сопротивлялся, ссылаясь на то, что, мол, Денем никогда на это не согласится. В конце концов, мы достигли устного договора. Вышло так, что обе труппы гастролировали в Лондоне. Я приплыл в Лондон, чтобы обсудить вопрос с адвокатами «Русского балета Монте-Карло». Увы, в ходе переговоров я понял, что де Базиль никогда не согласится на слияние, ибо его абсолютным условием было быть единственным главой ново созданной компании, не оставляя места Сержу Денему. Конечно, мы с Савелием Сориним были глубоко разочарованы, ибо потратили так много времени и денег на это дело. Единственным приятным воспоминанием от тех переговоров остались встречи в промежутках от них. Это были встречи с друзьями из прошлой России – как Александра Данилова, Баронова, Леонид Мясин, Михаил Фокин и Вера Зорина. Как ни странно, по вечерам на танцах, я был разочарован убедиться, что очень немногие балерины – хорошие танцовщицы на балах».

Алиса Никитина

ОК: Вам не безразлична тема классического балета. Как Вы познакомились с Алисой Никитиной⁴, первой исполнительницей Терпсихоры в балете «Аполлон» Джорджа Баланчина, фавориткой лорда Гарольда Хамсворта,

⁴ Алиса Никитина (урожд. Ландау) (1905, Санкт-Петербург – июнь 1978, Монте-Карло, Монако) балерина, певица, педагог. Училась в Петроградском театральном училище. После революции эмигрировала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, училась в балетной школе, танцевала в Любляне. Брала уроки у О. Преображенской в Берлине. В начале 1920-х танцевала в Русском романтическом театре Б. Романова в Берлине. В 1923 была принята в труппу Русского балета С. Дягилева. С 1925 жила в Монте-Карло, Париже и Лондоне. Исполняла роли в балетах Л. Мясина «Зефир и Флора» на музыку В. Дукельского и «Ода» Н. Набокова, Б. Нижинской «Ромео и Джульетта» (музыка К. Ламберта), Дж. Баланчина «Кощечка» (А. Соре) и «Аполлон Мусaget» (И. Стравинского) и другие. В 1932 в Париже в Театре Елисейских полей дала свой гала-концерт. В 1937 выступала в составе труппы Русского балета В.Г. де Базиль. Во время Второй мировой войны находилась в США. Вернулась в Европу. Училась пению в Милане и Риме. Некоторое время пела на итальянской сцене, исполняла лирические песни (колоратурное сопрано). В 1949 в Париже открыла собственную Школу (студию) классического балета. Организовывала выступления учеников своей Школы в Русском доме в Кормей-ан-Паризи (под Парижем) (1955–1959), благотворительном обществе «Дружеский очаг» и других. В 1959 была удостоена Хореографическим институтом в Париже премии имени Сергея Дягилева. В Монте-Карло организовала Культурный центр русского балета (1966). Учредила премию «Приз Терпсихоры» лучшей балетной ученице. Член-корреспондент Французской Академии изящных искусств. В 1973 участник Бунинских дней в Грассе (департамент Приморские Альпы). Автор мемуаров «Nikitina by Herself» (Лондон, 1959). <http://www.tez-rus.net/ViewGood105721.html>

1-го виконта Ротермира (1868–1940), который из-за любви к балерине материально поддерживал труппу Дягилева?

Кн. НДЛ-Р: В поисках эскизов театральных работ к постановкам труппы Дягилева мне дали адрес Никитиной в Монте-Карло. Я ей написал в надежде, что у нее что-то осталось, что она могла бы мне продать. К сожалению, во время моих деловых поездок в Монте-Карло, связанных с возможностью продажи собрания Лифаря в Монако, мне как-то не удалось у нее побывать. Так что у меня прямых впечатлений о ней не осталось, кроме ее письма ко мне от 24 октября 1976 г., которое я могу здесь воспроизвести.

6 Bd d'ITALIE, MONTE-CARLO, PAYS DE MONACO
24
10
76
Миледи Никита Дмитриевна Лобанова

Ваше письмо я получила. Я ермил, LA STAGE и Сергеев. Дягилев, не его меланхолия в театре и на всей Европе. У меня есть, различные костюмы, и конечно много фото т.к. это был самый большой успех труппы лет двадцатью ранее. Русское балет, на музыку написанную на него Henri Sauguet, хореографией нашего Мориса Баланчина и дек и костюмы Якоб и ПЕВЕР. Мои костюмы были выставлены на выставке в месте столетия рождения С.П. Дягилева, ит. отрывки в библиотеке Кларе и княгини Монакской. У меня, конечно есть много фото, в этом балете так же как и статья в балете "Les Ballets" сделаны документально сфотографированы в Буалете. Вы строили во время моего выступления на музыку Ф. Россени, постановка Бронислава Вилемского, костюмы Марии Ламбенсон.

То же касается рисунков, то они все были сделаны по заданию С.П. Дягилева и затем перешли его секретарю Бошви Кохно. Если они не отом труппы в театре, со всеми остальными предметами балета С.П.

Если вы не знаете Д. Кларе, я думаю вам его адрес: 18 Rue Vanne, S. MARTIN, PARIS 15, тел. Пер. 38-04.

Если вы еще помните, я могу вам показать мои костюмы и фото!

С искренними пожеланиями, Анна Никитина

P.S. Вы можете также иметь разъяснения о балете, в New York в Lincoln Center, его Library & Museum of the Performing Arts, отрывки от приездом, писания: "Circus, dance collection Genevieve Bivand" или "Interview" со мной. Или его представили на телевидении. Приездом отрывки по мне их журналистка Мишель Кендалл.

Ваша и моя мечта по меланхолия князя Монакского, школа балета по традициям и затем конкурс с "Ballet d'Etat" их спросил что вы могли быть крестоватых при балетной труппе. В память С.П. до-шного Кларе!

«Милый Никита Дмитриевич Лобанов

Ваше письмо я получила. Я создала «La Chatte» у Серг. Пав. Дягилева, по его желанию в Париже и по всей Европе. У меня сохранились костюмы, и конечно много фото, т.к. это был самый большой успех последних лет дягилевского русского балета, на музыку, написанную для него Henri Sauguet, хореографии нашего Жоржа Баланчина и дек. и костюмы Габо и Певзнера. Мои костюмы были выставлены на выставке в честь столетия рождения С.П. Дягилева, кот. открыли в присутствии Князя и княгини Монакской. У меня, конечно, есть много фото в этом балете, так же как и статуя в балете «Les Viches», сделанная знаменитым скульптором в Будапеште «VON STROB» во время моих выступлений на музыку F. Rouleis, постановка Брониславы Нижинской, костюмы Marie Laurencin. Что-же касается рисунков, то они все были сделаны по заказу С.П. Дягилева и затем перешли его секретарю Борису Кохно. Если он не отдал музею в Париже, со всеми остальными предметами балета.

Если Вы знаете Б. Кохно, я даю Вам его адрес: 18 Rue Marie Stuart, Paris 1R, tel. len 33-04. Если Вы сегодня придете, я могу Вам показать костюмы и фотографии.

С лучшими пожеланиями,

P.S. Вы можете также иметь разъяснения о балете в New York'e в «Lincoln Center» это Library and Museum of the performing Arts, откуда сюда приезжала, желанная curator, dance collection Genevieve Oswald, для interview со мной. Они это режиссировали на пластинке. Приезжала сюда ко мне их журналистка Mlle. Kendall. Есть у меня здесь по желанию князя Монакского школа балета по нашей русской традиции и затем конкурс с Bourse d'études для лучших учениц, чтоб [организовать] балетную труппу в память С.П. большого класса!

Алисия Маркова

ОК: *У Вас есть фотография с Алисией Марковой. Вы встречались с ней в театре «Ковент-Гарден»?*

Кн. НДЛ-Р: *Главным образом на мероприятиях, организованных Клементом Криспом, маститым балетным критиком Англии. Они были большими друзьями. Он мне сказал, что нам непременно следует познакомиться. Так что встреча состоялась по его инициативе.*

ОК: *Каковы Ваши впечатления от общения с Алисией Марковой?*

Кн. НДЛ-Р: *Впечатления... Контрапункт с Баланчиным: тот «обамериканился», она же была воплощением английской леди. Приятная стат-*

ная дама, излучающая сердечность и доброжелательность. Это часто бывает у людей, которые уверены в себе, знают свой талант, и поэтому чувствуют себя спокойно во всех обстоятельствах. Ей не нужно было ничего доказывать. Она была настолько приятна, что ее можно было долго и интересно слушать. Небольшого роста, она тихо говорила – деликатно, женственно. Я должен был записывать наши разговоры, но, увы... Мы встречались несколько раз. Она много рассказывала. Дягилевский период у нее остался как наиболее важный, гвоздем ее балетной карьеры. Все начиналось там. В общем, она в его труппе была самой молодой балериной. И под давлением Дягилева русифицировала фамилию. Была очень обаятельная женщина. Впрочем, как и Ольга Спесивцева. Как странно... Две, две танцовщицы, и обе имели какую-то душевную доброту, излучали тепло. Так что с ними было просто приятно быть.

*Н.Д. Лобанов и Алисия Маркова.
Лондон, Ковент-Гарден, 2001 г.*

Клемент Крисп и супруги Лобановы-Ростовские. Лондон, Ковент-Гарден, 2001 г.

Александра Данилова

ОК: *Расскажите, пожалуйста, об истории письма от Александры Даниловой*⁵.

Кн. НДЛ-Р: Данилова дружила с Мизией Серт, одной из самых богатых и влиятельных женщин Парижа, музой художников и поэтов, покровительницей русского балета, подругой Сергея Дягилева (все ее называли Мисей). Когда два знаменитых американца Артур Голд и Роберт Фитцдейл которые играли вместе на рояли, решили написать о ней книгу, то они приглашали нас с первой супругой Ниной с собой из Нью-Йорка на Лонг-Айленд, зная, что мы тоже интересуемся Мисей Серт, послушать, что она будет им рассказывать.

⁵ *Александра Дионисиевна Данилова (20.10.1903, Петергоф – 13.07.1997, Нью-Йорк) – русская балерина, балетный педагог. В 1924 г. вместе с Георгием Баланчивадзе, Тамарой Жевержевой и другими выехала на гастроли по Европе. Сергей Дягилев предложил войти в состав труппы «Русских балетов». В 1938-1951 Данилова – прима-балерина в труппе «Ballet Russe de Monte Carlo» под руководством С. Денема. С 1964 по 1989 год – педагог в школе Американского балета (School of American Ballet) Баланчина в Нью-Йорке. В 1989 президент США Дж. Буш вручил ей медаль Центра Кеннеди за совершенство в танцевальном искусстве.*

Портрет кисти Зинаиды Серебряковой. Александра Д. Данилова в роли одной из семи подруг невесты для сцены «Свадьба Авроры» из балета «Спящая красавица», 1925 г.

«Многоуважаемый Никита Дмитриевич

Простите меня, пожалуйста, что я Вам сразу не ответила на Ваше письмо и не поблагодарила Вас за новую фильму.

Спасибо Вам большое.

Мои друзья страшно заинтересовались моим портретом.

Один из них David James звонил мне из Лондона – что он в восторге от портрета и сказал, что Вы и Ваша жена были очень милы с ним.

Спасибо Вам за то, что Вы были так любезны с ним.

Один из моих друзей занимается фотографией и чудно отпечатал мне Вашу первую фильму.

С Мисей Серт я не мог встретиться, так как приехал в Париж только в 1953 г., а ее не стало в 1950-м. Но у меня были работы ее супруга Хосе Марии Серт, которые я подарил в Отдел балета Нью-Йоркской публичной библиотеки при Линкольн-центре. Я помню наши с Ниной поездки на Лонг-Айленд, как Данилова нас тепло принимала. По сравнению с другими балеринами из русской эмиграции она жила достаточно хорошо. Видно было, что она сильный человек, говорила уверенно и интересно. Нина записывает каждый свой день, могу ее попросить в дневнике посмотреть. У Зинаиды Серебряковой я купил портрет Александры Даниловой. Вот ее письмо ко мне:

Один из моих друзей занимается фотографией и чудно отпечатал мне Вашу первую фильму. Спасибо Вам большое. Мои друзья страшно заинтересовались моим портретом. Один из них David James звонил мне из Лондона – что он в восторге от портрета и сказал, что Вы и Ваша жена были очень милы с ним. Спасибо Вам за то, что Вы были так любезны с ним. Один из моих друзей занимается фотографией и чудно отпечатал мне Вашу первую фильму.

Теперь я ему дам вторую в красках. Я думаю, это будет очень красиво. Очень хочу знать, жива ли Серебрякова? И если жива, то где она живет? Последний раз я ее видела в Париже. Очень милая дама. Она племянница Александра Бенуа, который конечно давно умер.

Еще раз спасибо за все хлопоты.
Искренне Ваша Александра Данилова.

Марго Фонтейн

ОК: Расскажите, пожалуйста, о Марго Фонтейн.

Кн. НДЛ-Р: Она также как и я была в комитете спасения или выкупа имения Анны Павловой для создания дома-музея.

ОК: Кем комитет был организован? Кому было не безразлично наследие русской балерины?

Кн. НДЛ-Р: Кто был движущим элементом, я не знаю. Комитет был организован Ричардом Баклом, балетным критиком лондонской газеты «Обсервер». К сожалению, «левая» администрация района, где находился дом Павловой, считала, что нежелательно создавать музей балерины, лучше организовать школу для менее обеспеченных жителей района.

Наша общая знакомая леди Памела Джеллико, которая уже не жила со своим бывшим супругом военно-морским министром Джеллико, была близкой подругой Марго Фонтейн. И в этом контексте я с ними тусовался. А с Джеллико мы подружились. Нина подружилась, главным образом, потому что Джеллико, имея немного денег, была очень хорошим профессиональным лектором. Она была некрасива, но говорила и выступала очень хорошо, получала небольшие оклады, скажем в музее Метрополитен в Нью-Йорке. И потом, когда мы переехали в Калифорнию, Джеллико выступала в музее там. В те дни она тащила с собой из Лондона слайды, которые имели стекло, предохраняющее саму пленку. Для одноразового просмотра стекла не было. И эту тяжелейшую сумку она несла в руке, боясь, что слайды потеряются, и лекция не состоится.

Когда мы переехали в Лондон, в 1980 г. мы участвовали с леди Джеллико и Марго Фонтейн в комитете по спасению или выкупу.

Н.Д. Лобанов и Марго Фонтейн.
Брюссель, 1962 г.

Наталья Макарова

Кн. НДЛ-Р: Однажды Макарова ужинала у нас с Джун в Лондоне. Наталья сказала, что когда она сбежала из Советского Союза, британское правительство ее спрятали. Она описывала долгую, петляющую дорогу в лесах, прежде чем подъехать в это имение, саму усадьбу. И вдруг Джун сказала: «Это наше имение Пиквелл!», где они жили с отчимом. Отец Джун был убит на войне в кровопролитной битве при Монте-Кассино в Италии, и его коллега по службе и ближайший друг женился на маме Джун. Он разыгрывал отставного военного помещика, который занимался охотой и рыбной ловлей. И пил. Но в сущности он работал в британской разведке. Джун не знала, но предполагала и со мной не делилась своими предположениями. Как я узнал, что он работал на разведку? Когда мы с Джун были в гостях у ее сводного брата Джоффи Кларка (Joff Clarke), я видел фотографии ее отчима с маршалом Тито и другими видными политическими деятелями. Я спросил об этом Джоффи: «При чем тут отставной военный фермер и маршал Тито?» Он ответил, «Отца парашютировали в штаб Тито во время войны с немцами (он держал связь между Тито и Черчиллем). Каждый раз, когда приходила агентура в наш дом, я должен был подписываться, что ничего не буду говорить о том, что здесь кто-то был». Джун в это время уже переехала жить в Лондон. История с Макаровой была еще одним подтверждением. Отчим Джун был «Джеймсом Бондом» под маскировкой английского джентльмена-фермера. Явно английская разведка попросила его спрятать Наталью Макарову у себя в имении, которое было окружено непроходимым лесом. Никто не мог бы додуматься, что Наташа находится в этом имении, до которого нужно было долго ехать по лесу. На днях я получил письмо от брата Джоффи:

«Может, Вы напомним мне в каком году Наталья Макарова сбежала в Великобританию? (1970 г. – О.К.)

У меня самые теплые воспоминания с тех пор, когда я смотрел, как Макарова упражнялась на лужайке в Пиквелле. Это было восхитительное зрелище для молодых глаз!

Разведочная служба МИ-5 назначила русскоязычного человека в Пиквелл. Первый пробыл около 3 дней, прежде чем отец выставил его из-за грубого отношения к персоналу и к маме. Второй был приятный и остался на все время пребывания Макаровой в Пиквелле.

К сожалению, папа вырвал страницу, подписанную Макаровой в книге посетителей. Как всегда, “охотник за шпионами” заметал след!

Незадолго до того, как мы продали Пиквелл в 2000 году, мой друг Эндрю Добсон работал в Москве и Санкт-Петербурге. Это был пост от банка, где

он работал, спонсируемый правительством Великобритании, с целью помочь наладить финансовые услуги в России. К нему приставили очень красивую русскую бизнес-партнершу, которая приехала с ним в Пиквелл на обед. Будучи бывшим майором КГБ, она была заинтригована быть в Пиквелле. Она сказала, что в КГБ было большое досье на отца. Они подозревали, что он участвовал в укрытии Макаровой, и была приятно удивлена узнать, что она укрывалась именно в этом доме! Эта дама также имела высшую степень в области ботаники и смогла определить почти все родендроны, которые папа посадил на подъезде к Пиквеллу.

Имение Пиквелл. Джорджжэм, Девон

Я сходил посмотреть на Наталью, когда она выступала в Париже где-то в 1976 г., когда я там работал. Я послал ей 13 красных роз с запиской. Она помнила о своем пребывании в Пиквелле и меня мальчишкой. Мы пропустили по рюмке в ее примерке после выступления. Ее английский был все еще ограниченный, но она говорила со мной по-французски.

Наилучшие пожелания
Джоффи

ОК: Это невероятно!

Кн. НДЛ-Р: Изумительное совпадение, что женщина-майор КГБ, посетившая Пиквелл, признала, что советская разведка знала, что отчим Джун служил в английской разведке. А также и то, что КГБ предполагало, что Макарова была спрятана в этом имении. Постараюсь узнать имя бывшей сотрудницы КГБ, что придаст еще более вероятности этому необычному совпадению. На основании вышеуказанного, очевидно, что КГБ имело своего осведомителя в английской разведке, который заложил отчима Джун.

Сол Юрок

ОК: Вы встречались с Солом Юроком?

Кн. НДЛ-Р: Он стал главным импресарио в Нью-Йорке после того, как американский антрепренер Морис Гест ушел в отставку в 1910-1920-х годах. Сол Юрок (Соломон Израилевич Гурков) – украинский еврей. Он хорошо знал балетный, оперный репертуар, организовал гастроли Анны

Павловой, Федора Шаляпина, «Балле Рюс де Монте-Карло», потом Большого театра и многие другие. Прекрасный организатор! Я помню, мы стояли, как ни странно, посередине Лексингтон-авеню на проезжей части, заговорились, обсуждая репертуар, который он хотел предложить Большому театру привезти в Америку. Четко помню, когда мы заговорили о «Князе Игоре», он сказал, что поступит, также как в свое время сделал Дягилев для парижских сезонов в 1909 г. – привезет только второй акт с половецкими плясками, потому что для американской публики все остальное будет скучно. Так он и поступил. Мне этот случай сильно запомнился.

ОК: Общаясь с Солом Юроком, Вам было интересно узнать о советском балете, о советских артистах?

Кн. НДЛ-Р: Никак нет. Как ни странно, тогда, живя в Нью-Йорке, меня гораздо больше интересовали балеты Баланчина в «Нью-Йорк Сити Баллет», тем то, что происходило в России. СССР был далек и попасть туда очень сложно. Конечно же, когда Большой театр гастролировал в Нью-Йорке, мы были на спектаклях. Но гораздо чаще мы пользовались благонамеренностью супруги Баланчина Веры Зориной, которая часто приглашала нас в его ложу. Почему это было возможно? Потому что Баланчин никогда не сидел на спектаклях ни в ложе, ни в партере. Он всегда смотрел балеты с балкона или первого яруса из прохода, то есть по центру, где в Большом и Мариинском театрах находилась царская ложа. Я недавно с кем-то об этом говорил, по-моему, даже с Григоровичем, который мне подтвердил, что оттуда лучше видно. И потому мы имели два места в его ложе. У нас были дружеские отношения с его балеринами. Виолетт Верди была замужем за моим ближайшим другом Колином Кларком. Вот ответ, почему я был зациклен на культурной жизни Нью-Йорка, а не России.

Джорж Баланчин

ОК: Какие отношения у Вас были с Баланчиным? Вы общались на английском?

Кн. НДЛ-Р: Не были радушными, всегда формальными, как ни странно. Говорили всегда на русском.

ОК: Какая у него была манера общения? Как бы ее охарактеризовали?

Кн. НДЛ-Р: Баланчин нарочито старался быть американцем. К примеру, вместо галстука он носил веревку с металлическим клипом, что характерно для техасцев. Ходил в сапогах, будто он ковбой. И это ему не подходило,

потому что носить в Нью-Йорке, где люди более европеизированы, веревку с металлическим клипом, как это делают в Техасе, по крайней мере в те годы было более чем странно. Видимо, у него было свое представление об Америке. Техас и Нью-Йорк – это два разных мира. Так он представлял себе типичную Америку, не Нью-Йорк. На меня это производило отрицательное впечатление, это было мне чуждо. Но я понимал его ультра-американизм, потому что он хотел создать новый американский балет вместе с Линкольном Кирстином, и ему это удалось. Но в этом смысле он отличался от других эмигрантов, которые стремились сохранить русскую культуру на Западе.

Джорж Баланчин

ОК: Никита Дмитриевич, спасибо Вам большое за интересный рассказ!

Серж Лифарь. Откровения барона¹

*Барон Эдуард Фальц-Фейн в беседе с О. Карнович
и князем Никитой Лобановым-Ростовским*

Мне, бывшей балерине, историку балета, выпала редкая возможность встретиться и пообщаться с лучшими представителями русской эмиграции, так много сделавшими для сохранения культурного наследия, как в России, так и за рубежом. Герои моего интервью – русские аристократы, которые волею судеб оказались оторванными от своих исторических корней. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился в 1935 г. в царстве Болгария – Софии, ему 79 лет. Барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна в пятилетнем возрасте родители вывезли в Германию, спасая от ужасов революции. Ему сейчас 101 год!

Барон Э.А. Фальц-Фейн, О.А. Карнович, Н.Д. Лобанов-Ростовский. Вадуц, Лихтенштейн, 2014 г.

¹ Сцена. Москва, 2014, №3 (89).

О каждом написаны книги. Но, общаясь, понимаешь, что ни один формат не позволяет в полном объеме рассказать о многомерности личностей моих героев, об их удивительных судьбах, общественной и меценатской деятельности, знаменитых друзьях и встречах. Каждый из них, несмотря на все тяготы жизни, стал успешным, богатым, а знатными они были по праву рождения. Русская идентичность, лишенная своих истоков, но ощущаемая ими, быть может, острее, чем мы можем осознать, кровь именитых предков, непостижимая любовь налагали особую ответственность за Отечество, которое их отвергло.

Гражданин маленького Европейского княжества Лихтенштейн, барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн повидал многое и сыграл свою роль в некоторых исторических событиях, так же как и князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Это не было случайностью или следствием высокого происхождения. Барон и князь начинали все с нуля в бизнесе, в спорте, в семейной жизни и никогда не сдавались. Не иссякающая энергия и неподдельный интерес ко всему, что происходило и происходит вокруг, помогает им добиваться поставленных целей. Уникальная душевная природа моих героев, открытость, человечность и простота ломает многие стереотипы. Они осуществили много разных проектов, несмотря на скептицизм окружающих. Их вклад в сохранение русской культуры трудно переоценить. Князь и барон известны во всем мире как коллекционеры искусства, покупавшие шедевры у частных коллекционеров и на различных аукционах. Одна из целей приобретения было желание вернуть произведения на историческую родину. У каждого из них была своя история взаимоотношений с Россией сложная, эмигрантская, и прикасались они к ней по-разному.

Князь Никита Дмитриевич в 35 лет вместе с первой супругой Ниной в 1970-м году впервые посетил Советский Союз по приглашению ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства. – О.К.), куда они передали архив художника Сергея Судейкина. Позже, будучи вице-президентом «Уэллс Фарго Банк» в Сан-Франциско, князь ссужал деньги Советскому правительству, имея при этом дело с высшими сановниками страны: министрами, членами ЦК. Параллельно, вдвоем с Ниной они продолжали собирать свою знаменитую коллекцию русской театральной живописи начала XX в., пропагандировали, устраивая выставки в Европе, США, Японии, прежде незнакомую Западу, но и отторгавшуюся Советским Союзом, которому это искусство идеологически было чуждо. Иначе все складывалось у барона.

Сколько бы Эдуард Александрович не предпринимал попыток посетить СССР – все было безрезультатно, на историческую родину его не пускали. Впервые в Москву барону удалось приехать в 68 лет. Будучи бесмен-

ным президентом Олимпийского комитета княжества Лихтенштейн, барон Фальц-Фейн содействовал проведению Московских летних олимпийских игр в 1980 г., попросив каждого члена МОК отдать голос Москве, а не Лос-Анджелесу. В этом же году князю Лобанову-Ростовскому и его супруге Нине, несмотря на сопротивление советских бюрократов, наконец-то удалось показать свою коллекцию художников дягилевской антрепризы в Москве.

Наладив контакт с СССР, барон уже не мог остановиться! Первый подарок СССР Эдуард Александрович помнит до сих пор. Это был прекрасный ковер, подаренный персидским правителем императору Николаю II на празднование 300-летия царствования Дома Романовых, на котором были изображены все члены императорской семьи. В память о своем деде адмирале Николае Алексеевиче Епанчине, директоре Пажеского Его Императорского Величества корпуса (ныне Суворовское Военное училище в Петербурге) барон восстанавливает корпусную церковь и Мальтийскую капеллу; совместно с Юлианом Семеновым создает международную группу по поиску Янтарной комнаты, но, убедившись, что она безвозвратно потеряна, всячески содействует ее восстановлению; возвращает на родину, казалось, навсегда утраченные реликвии, а также (по рекомендации князя Никиты Лобанова-Ростовского) «архив Соколова» – следственные документы по делу убийства императорской семьи в Екатеринбурге. И это малая толика тех дарений, которые передал барон России.

Крупным даром барона Фальц-Фейна СССР стала часть библиотеки «Дягилева–Лифяра», состоящая более чем из ста книг. Еще в 1975 г. на аукционе Sotheby's, проходившем в Монако, барон купил редчайшую книгу из этой коллекции и подарил Илье Самойловичу Зильберштейну, специально откомандированному за ее покупкой Библиотекой им. В.И. Ленина, но из-за бюрократической волокиты московских властей (не было разрешения на выезд), опоздавшего на аукцион. Узнав, что книга уже продана, Зильберштейн на плохом французском обратился к барону: «Меня повесят, если я не привезу ее!» На что барон радостно воскликнул: «Голубчик, да Вы Наш! Не бойся, никто тебя не повесит. Вот тебе эта книга. Вези ее домой, скажи, что это подарок от одного русского, который помнит и любит свою Родину, несмотря на то, что нас выгнали, имущество отобрали, а бабушку расстреляли». С этого момента у барона завязалась дружба с человеком необычайного интеллекта, известным ученым, коллекционером, который не побоялся писать в советских изданиях о коллекциях живописи белоэмигрантов Эдуарда Фальц-Фейна, Нины и Никиты Лобановых-Ростовских.

Будучи одним из лучших спортивных репортеров, чемпионом Парижа по велогонкам среди студентов в 1932 г., президентом Лихтенштейнской

ассоциации велосипедного спорта, барон являлся членом закрытого Спортивного клуба, собиравшегося ежегодно 13 декабря в «Maxim's». Единственный человек, кому Луи Водабль, хозяин этого знаменитого ресторана, оставлял ключи от своих апартаментов, был барон, всегда имевший свою комнату на третьем этаже. Все это позволило Эдуарду Александровичу близко сойтись со всем высшим светом Парижа. Другим русским завсегда-таем «Maxim's», кроме барона, был Серж Лифарь, неустанный труженик, танцовщик, хореограф, коллекционер, так много сделавший для балета Франции.

В день открытия Сочинской олимпиады 7 февраля 2014 г. князь Никита Лобанов-Ростовский и я приехали в Вадуц, столицу Лихтенштейн, в дом «Аскания Нова» навестить барона Фальц-Фейна и поговорить о его друге – Серже Лифаре. Разговор передается без существенной правки, чтобы сохранить особенность речи Эдуарда Александровича Фальц-Фейна.

ОК: Барон Эдуард Александрович, здравствуйте. Позвольте подарить Вам небольшие сувениры из Москвы. Я поинтересовалась у Никиты Дмитриевича, чем могла бы порадовать Вас. Он упомянул, что, возможно, Вас заинтересуют марки. Я привезла марки с олимпийской символикой и открытки в дополнение.

Бар. ЭФ-Ф.: Это то, что я хотел! Значит, Вы пошли на почту и они имели это?

ОК: Не во всех почтовых отделениях они были в наличии. Не удалось приобрести марки, посвященные хоккею. Я скупила все, что было!

Кн. НДЛ-Р: Дураки! В день открытия Олимпиады каждая почта должна иметь юбилейные марки. Это именно то, что я хотел! У меня есть все марки со всех 16-ти олимпийских игр, где я участвовал. Сколько они выпустили? Вы же истратили целое состояние. Большое, большое Вам спасибо! Больше никто не подумал, никто марок не прислал. Я столько людей знаю из России. И потом, когда мы говорили с Никитой, я вспомнил. О! Мадам приезжает из Москвы! Но мне ужасно неловко за Ваши траты.

ОК: Поверьте, это суцая мелочь. Самое главное, что Вы рады!

Бар. ЭФ-Ф.: Большое, большое спасибо. Я не вижу, кто бы мне привез такие вещи. Еще пока никто не приезжал из Москвы. Это как раз то, чего мне не хватало!

Кн. НДЛ-Р: Все сейчас сидят у телевизора и смотрят Олимпийские игры. И никто никуда не ездит.

Бар. ЭФ-Ф.: Никита, ты можешь подвинуться немножко поближе. У меня все в порядке, но я начинаю плохо слышать.

Кн. НДЛ-Р: Вы задали вопрос, почему Оксана захотела с Вами встретиться. Оксана, будучи балериной, интересуется русским балетом зарубежья. И мы начали первое интервью с ней о Сергее Лифаре. Оно уже опубликовано.

Бар. ЭФ-Ф.: Он мой друг! Он был свидетелем на моей свадьбе.

ОК: Ваш свидетель? Неужели!

Бар. ЭФ-Ф.: Нет, извиняюсь. Свидетелем на первой моей свадьбе был князь Лихтенштейнский. Это было в Лондоне, в Вестминстере, в королевской церкви «Савой». Я женился на англичанке (Вирджиния Куртис-Беннетт, дочь лорда Ноэля Куртиса-Беннетта, советника короля Георга VI. – О.К.). «Савой» еще существует? Ты это знаешь. А Лифарь был на второй свадьбе (с Кристиной Шварц в 1964 г. – О.К.). Венчание проходило в маленькой православной русской церкви в Мюнхене. Но, к сожалению, оба брака были неудачными. Первая жена ушла вместе со знаменитым писателем Полом Гэлликко (Paul Gallico). Вы читали его книгу «Snow Goose» («Снежный гусь»). – О.К.? Она удрала с ним, и они жили в Монако. Он умер 40 лет назад, она осталась там одна и, удивительно, больше никогда не вышла замуж. А я решил после второго моего брака больше не иметь жену, потому что мне дважды не везло. Я решил, что меня больше никто не поймает. Вторая жена увлеклась наркотиками. Употребляла слишком много этой гадости и умерла.

Кн. НДЛ-Р: А как вышло так, что Лифарь приезжал тогда из Парижа?

Бар. ЭФ-Ф.: Лифарь часто приезжал сюда, гостил у меня здесь в доме.

Приезжал на недельку. Было страшно интересно, потому что все-таки он киевлянин. А я тоже украинец, теперешний украинец. Раньше, конечно, считалось, что родился в России. Значит, кто я такой: русский или украинец? Теперь Украина стала самостоятельной. Но я родился в России, значит я русский. Я так считаю, а как Вы?

Кн. НДЛ-Р: Я не могу Вас считать украинцем, потому что Ваши гены ничего общего с Украиной не имеют: они немецкие и русские. Вы можете сказать, что Вы немец психологически, или русский эмоционально, но не можете быть украинцем, из-за того, что Ваши земли были на территории сегодняшней Украины. Они могли быть у Вас и в Перу, но Вы оставались бы русским, а не перуанцем.

Сергей Лифарь. Вставка: Лифарь с бароном Фальц-Фейном

Сергей Лифарь и Коко Шанель

Бар. ЭФ-Ф.: Правильно, значит, я русский. Завтра приезжает русский посол в Швейцарии, Александр Васильевич Головин, и они привезут мне мирового гроссмейстера Анатолия Карпова. Так что на этом месте будет сидеть Карпов, посол и представитель симфонического оркестра им. Рахманинова. Потому что завтра в столице Лихтенштейна Вадуц будет большой концерт Рахманинова. А Сергея Рахманинова я хорошо знал. Когда я был маленьким мальчиком, он приезжал к нам в Ниццу, где мы жили, и играл у нас в доме. Мне тогда было 10 лет. Я не интересовался, что Рахманинов будет у нас играть. Я предпочитал с моим другом удрать покататься на велосипеде. И тогда моя мама говорила: «Ты должен слышать эту знаменитость». На что

я отвечал: «Мамочка, я хочу покататься на велосипеде». И она мне разрешила: «Ну, иди!» Конечно, мне было интересно кататься на велосипеде в этом возрасте. Но я помню, как он приезжал: Рахманинов играл на рояле, а Шаляпин пел у нас в доме в Ницце. Это сказка!

Вы знаете, что, благодаря нам с Юлианом Семеновым прах Шаляпина вернулся в Россию? Я дружил с его сыном Федором Федоровичем Шаляпиным. Я уговорил его подписать документ о согласии на перевоз гроба с прахом отца на Родину. Я встречался с Жаком Шираком, которого хорошо знал, и попросил помочь. Он согласился. И что Вы думаете? Однажды я лежу на пляже в Монте-Карло, читаю газету, а там написано, на Новодевичьем кладбище сегодня состоялось перезахоронение праха великого певца. Но нас с Юлианом даже не пригласили! Но обиды хранить я не умею. Федя часто потом бывал в Москве, многие семейные реликвии подарил Бахрушинскому театральному музею. Каждый месяц он приезжал ко мне из Рима, и мы с ним разбирали документы, сидя у меня за большим столом. С ним было очень уютно. Но однажды, он не приехал. Обещал быть через неделю. Он так много курил. (В память о своем друге барон выкупил фамильные реликвии Шаляпиных, которые остались в Риме у его подруги Беллы Левенсон – наследников у Федора Федоровича не было, – и подарил их в очередной свой приезд Музею Шаляпина в Петербурге. – О.К.)

ОК: *Невероятно!*

Кн. НДЛ-Р: Вы говорили, что Лифарь приезжал сюда к Вам. Сам или с графиней?

Бар. ЭФ-Ф.: Приезжал сам. Он тогда еще не попутался с графиней. Он тогда еще был свободен.

Кн. НДЛ-Р: Чем же она его «прихватила»?

Бар. ЭФ-Ф.: Я познакомил Лифаря с этой графиней.

Кн. НДЛ-Р: С какой целью? Он же предпочитал общение с молодыми людьми.

Бар. ЭФ-Ф.: Он так и так! Она была моей подружкой эта графиня!

Кн. НДЛ-Р: Так что Вы ее знали и «обработали» до Лифаря!?

Бар. ЭФ-Ф.: Я часто заходил в ресторан «Café de la Paix» напротив Парижской Оперы. И как-то сказал Лифарю, что буду там пить кофе с моей подружкой, чтобы он зашел и выпил с нами кофе. И так я познакомил Лифаря с графиней. Но я ничего не имел против, что он взялся за нее, потому что она была истеричкой.

Кн. НДЛ-Р: Так что Вы ее ему подбросили, чтобы с ней расстаться? Как получилось, что они сошлись?

Бар. ЭФ-Ф.: Они оба были согласны. Он жил один и не мог сварить сам себе даже кофе. Как-то он сказал, что «был бы рад найти человека, который за мной бы ухаживал, потому что я в кухне ничего не понимаю. Ходить все время в ресторан мне надоело». Она это услышала и сказала, что «я одинокая, у меня никого нет, я с удовольствием приеду к Вам, устройте мне комнату». Она всю жизнь жила в отелях.

Кн. НДЛ-Р: Но у него была хорошая квартира, по-моему, на Quai d'Orsay, 89, на четвертом этаже.

Бар. ЭФ-Ф.: Они стали вместе жить в Париже, благодаря мне. Почему-то, в один прекрасный день, когда было неясно, будет Франция коммунистическая или нет, он сказал: «Я отсюда удираю, я не хочу жить в этой атмосфере», взял все свои личные вещи, предметы искусства, которые он имел, и уехал в Лозанну. Устроился в подвале отеля в Монтре, я ему помогал. Он мне рассказал массу интересных историй тогда, когда мы перевозили вещи из его коллекции. Я помню, как взял в руки бронзовую маску Дягилева. Она была тяжелой. И он мне сказал ужасную вещь, которая сильно потрясла меня. Когда гипс застыл, то итальянец-мастер, который делал маску, стал бить молотком по голове Дягилева. И так грубо, что Сережа разрыдался.

Сергей Лифарь перед Гран-опера. Париж

Кн. НДЛ-Р: В каком отеле они поселились?

Бар. ЭФ-Ф.: По-моему, в Beau Rivage – главной гостинице Лозанны. Они там поселились. Я часто приезжал к ним поболтать с Лифарем. Он показывал все свои фотографии, рассказывал про жизнь. Было страшно интересно, потому что здесь ни с кем не поговоришь по русским вопросам, здесь же никого нет. Графиня страшно злилась, что я с Лифарем по-русски говорил, чтобы не забыть русский язык. Я рад был возможности немножко поговорить по-русски. Она по-русски ни слова не понимала. Злилась, как черт. Открывала дверь и возмущалась: «Вы еще долго будете болтать по-русски, я же ничего не понимаю!» Потом, за две недели до его смерти, Лиллиан (так ее звали), мне звонит и говорит: «Вы знаете, Сереже совсем нехорошо. Приезжайте!» Я сразу приехал в Лозанну. Ему уже было очень, очень плохо.

Кн. НДЛ-Р: А чем он болел?

Бар. ЭФ-Ф.: Вот, именно, хороший вопрос. Он ничем не болел. Он всегда был бодрый, все время рассказывал анекдоты и прочее. У него была удивительная память.

Кн. НДЛ-Р: Хороший рассказчик был!

Бар. ЭФ-Ф.: Чудный, чудный! Я никогда не чувствовал, что ему что-то мешало. А тогда, когда я приехал за две недели до его смерти, то увидел, что он еле-еле понимает мои вопросы. Не помню, сколько лет ему было, когда он умер.

ОК: В восемьдесят шестом году Лифаря не стало. Ему было восемьдесят один или два. Путаница с годом рождения.

Бар. ЭФ-Ф.: Удивительная история, но я был в Лозанне, когда Сережа умер. Я должен был поехать в Париж, и мой поезд шел через Лозанну. Когда он остановился на пять-десять минут, я подумал: «Как там мой Сережа поживает?» И в то время, когда поезд остановился, а я подумал про Сережу, он умер – в это самое время. Я приезжаю в Париж вечером и вижу в «Paris Soir» на первой странице: «Serge Lifar est mort à Lausanne». Вот тебе и на! Я проезжал мимо, когда он умер в Лозанне.

Кн. НДЛ-Р: Но у меня было впечатление, что он любил графиню. Почему я об этом говорю, потому что, когда они были у нас, он часто

Никита Лобанов-Ростовский приветствует баронессу Э. Фальц-Фейна в день его 100-летия, 14 сентября 2012 г. Вадуц

гладил ее. Значит, если человек при других гладит свою компаньонку, он, видимо, любит.

Бар. ЭФ-Ф.: Да, но это любовь была платоническая, не эротическая. Любовь может быть платоническая и эротическая. Но у него не было никаких связей с эротикой. Он никогда не спал с ней, ни разу. Я это знаю.

Фотографии на столике барона Фальц-Фейна

ОК: По словам биографа Лифаря Жана Пьер Пастори Лифарь всегда говорил, что любил только трех женщин: свою мать, Натали Палей и Лиллиан Алефельдт, а так же утверждал, что «всецело отдан творчеству, и не скрывал своего малого интереса к проблемам плоти». В книге «Моя жизнь» Лифарь о себе писал: «Я всегда был плохим любовником, чуждым наслаждению в постели».

Кн. НДЛ-Р: Но, как она выдерживала?

Бар. ЭФ-Ф.: Она его обожала. Платонически. Дальше рассказываю. Значит, я купил «Paris Soir». Я должен был встретиться с моими спортсменами в Париже, позвонил и сказал: «К сожалению, не могу присутствовать на ужине, еду в Лозанну». Поехал на Gare de Lyon (Лионский вокзал), купил себе билет на Лозанну и следующим поездом поехал обратно. Позвонил Лиллиан, чтобы она не закрывала гроб, хочу его еще увидеть. Вхожу в отель Beau Rivage, где они жили, спрашиваю: «Где Сережа?» Она сказала, что в отеле нельзя оставлять мертвых, после смерти – нужно перевезти либо в морг, либо в другое место. У них был большой друг семьи – врач (Рауль де Пре. – О.К.). Гроб перенесли в похоронное бюро недалеко от его дома. Я вхожу в комнату, Сережа лежит в гробу. Лиллиан чудно украсила все белыми лилиями. Он любил лилии.

ОК: Во втором акте балета «Жизель» Альберт появляется на сцене с букетом белых лилий, которые несет под плащом, чтобы возложить их на могилу Жизели. Это один из любимейших балетов Лифаря. Как символично...

Бар. ЭФ-Ф.: Да, Лиллиан чудно это устроила. Среди лилий лежал мой друг Сережа. Я страшно обрадовался, что могу еще раз увидеть его, взял фотоаппарат, чтобы сделать фотографию. Это же уникальная вещь, Сережа лежит в гробу среди лилий. Я всегда много фотографировал Сережу, и он был доволен. В это время как раз вошла Лиллиан в комнату, видит меня, что я снимаю, и как закричит: «Мертвых не фотографируют!» Взяла мой аппарат,

открыла крышку и вышвырнула пленку. Так что никогда и нигде не будет известно, как Сережа лежал в гробу. Она так разозлилась, что выгнала меня из комнаты. Что я сделал? Я пошел на вокзал купил билет на поезд в Париж.

Он часто бывал на кладбище, где лежала подруга его Коко Шанель. Она жила в Лозанне и умерла там. И он меня брал с собой. Когда я бывал у Сергея в гостях, мы ходили с ним к ней на могилу, клали там цветы, и он мне говорил: «Я хочу, что когда я умру, если я буду в Лозанне, чтобы меня похоронили с ней рядом, с Коко Шанель». Уже в Париже из газеты я узнаю, что он не будет похоронен рядом с Коко Шанель. Против его воли, Лиллиан похоронила его на Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Ты бывал там?

Кн. НДЛ-Р: Там ему поставлен большой памятник. Интересно, почему Лиллиан так устроила?

Бар. ЭФ-Ф.: Она была богатая. Ее отец был швед, промышленник, владел большим заводом по металлу. Деньги у нее были, так что она не из-за денег была с Лифарем. Свои деньги она тратила, когда они жили в гостинице в Лозанне. Но она теперь лежит рядом с Лифарем. Каким-то образом ей удалось это устроить на таком маленьком кладбище. Так что она лежит рядом с Лифарем. Ты же там был и видел, что она с ним лежит? Там же, на Сент-Женевьев-де-Буа, лежит мой полубрат Николай, племянник моей сестры Ольги от первого брака отца.

Кн. НДЛ-Р: Была ли Лиллиан когда-нибудь замужем?

Бар. ЭФ-Ф.: Хороший вопрос. Как сказать по-русски... – знаешь, я так редко по-русски говорю; я так рад, что Вы приехали... – когда человек в жизни старается везде попасть, быть светской дамой? Она, конечно, хотела иметь мужа с титулом. (В девичестве ее звали Инга Лиза Нимберг. – О.К.) Она вышла замуж за графа Алефельдт-Лаурвиг (граф Кристиан Карл Алефельдт-Лаурвиг – первый и единственный муж Лиллиан. – О.К.) Кто он был и чем занимался – не знаю. Но почему-то им не везло, и они недолго жили, по-моему, только один год она имела мужа. (Официально три: 1944–1947 гг. – О.К.) Потом она ушла от него, они развелись и всю жизнь Лиллиан носила фамилию первого мужа, так как это известное имя *comptesse* Алефельдт (одно из древнейших семейств в Дании, упоминание которого восходит к XIV в. – О.К.), то она носила это имя, чтобы показать, что она дворянка. А Сергей был очень знаменит, очень!

Кн. НДЛ-Р: Как интересно, что благодаря Вам состоялось знакомство Лифаря с графиней...

Бар. ЭФ-Ф.: Да, я их познакомил! И случилось невероятное – она оказалась ему очень преданной. Конечно же, я хорошо знал, как она мыслит. Она была умница. Она была влюблена в Лифаря, он не мог себе устроить даже чаю. И он очень рад был, что за ним кто-то ухаживал. Каждому мужчине

нужно, чтобы кто-то занимался им. Да, хотел сказать, Лиллиан – крестная моей Людмилы и была на свадьбе дочери в Hotel de Paris в Монте-Карло в 1979 г. Всего было 12 человек – родители, принцесса Грейс, Каролина, как свидетельница и князь Лихтенштейнский.

Кн. НДЛ-Р: Был ли у Лифаря друг?

Бар. ЭФ-Ф.: Я не знаю у Лифаря друга, которого он имел бы. Он это скрывал и никогда мне не говорил, что он другой ориентации.

Кн. НДЛ-Р: Даже Вам ничего не говорил? Он же открыто написал об этом в своих воспоминаниях?

Бар. ЭФ-Ф.: Я не знал никаких мальчиков, никогда не говорил мне о них.

ОК: *Лифарь рассказывал Вам о Дягилеве?*

Бар. ЭФ-Ф.: Дягилев же рано умер, в 1929 г. Он приезжал к моей маме в Ниццу на виллу «Нева». Он пришел в восторг, когда увидел альбом гра-вюр «Царское село» с дарственной надписью Александра II моему дедушке адмиралу Епанчину. И она ему подарила этот альбом, когда узнала, что он собирается устроить в Париже Русский центр с библиотекой. Они были большие друзья с моей мамой. Он жил в Монте-Карло до революции и там занимался балетами и устраивал «Русские сезоны» в Монте-Карло. И приезжал часто к маме чай пить.

Кн. НДЛ-Р: Один, или с кем-нибудь? или с кем-то из своих подопечных?

Бар. ЭФ-Ф.: Один.

ОК: *Он, видимо, не мог позволить прийти в дом и привезти с собой интимного друга.*

Кн. НДЛ-Р: Дягилев мог же приезжать или с Кохно, или с Лифарем?

Бар. ЭФ-Ф.: Тогда этикет не позволял брать с собой своих партнеров, когда имели честь быть приглашенными в той или иной дом. Это же неприятно, когда кто-то приходит к чаю и представляет: «Это мой друг». Это не годится. Так не делается. Это против протокола. Так что он всегда приезжал один. Лифарь был представлен у нас дома как новая звезда дягилевского балета. Я запомнил, что он очень был красив и изящен. Мама его очень жалела. У него была драматическая история бегства из Киева. Помогла ему сестра Нижинского – Бронислава. Но я не знаю ни одного его мальчика. Но эту историю, что Лиллиан выхватила фотоаппарат, не могу забыть. Нет ни у кого фотографии, как Сережа лежит в гробу с лилиями.

Кн. НДЛ-Р: А есть ли у Вас фотографии, где Вы и Лифарь?

Бар. ЭФ-Ф.: Да, есть! Но, у меня кляссеров таких сто. Чтобы узнать в каком в альбоме фотографии Лифаря со мной, нужно потратить неделю. Я не могу, у меня нет списка. Это адская работа. Я теперь начинаю сам

рассматривать мои сто кляссеров, и если они не подписаны, то делаю сам, чтобы моя дочь знала кто там на этой фотографии. У меня внизу на пианино есть фотография, где Сережа со мной. Пойдите, посмотрите!

ОК: Но я хотела еще Вас спросить о том, как Вы подарили библиотеку Дягилева Лифаря Киеву, при каких обстоятельствах?

Бар. ЭФ-Ф.: Когда должен был состояться аукцион Sotheby's в Монте-Карло Сережа сам мне позвонил и сказал, что будет продаваться коллекция его книг, большую часть собирал сам Дягилев, и что я должен взять больше денег. Когда шли торги, Сергей сидел рядом и шептал мне на ухо: «Бери скорее! Это даром. Уйдет. Уникальная вещь». На этом же аукционе я познакомился с Ильей Самойловичем Зильберштейном, с которым мы так много сделали. Ему повезло, что он встретил меня тогда, потому что я отдал книгу, за которой он приехал. Я потом много чего подарил Украине. Кто ж знал, что Украина отсоединится и российские реликвии окажутся в другой стране. (В благодарность за приглашение на Родину помимо библиотеки «Дягилева–Лифаря» Академии наук УССР в Киеве барон подарил походный сундучок с позолоченными подсвечниками XVIII в. с надписью «Личная собственность Императора Александра II», который был самой драгоценной семейной реликвией и хранился с тех пор, как император гостил в их доме в Преображенке. – О.К.)

Кн. НДЛ-Р: Я помню, когда Зильберштейн приехал в Париж после аукциона Sotheby's в Монте-Карло, он поселился в гостинице Quai Voltaire по адресу 19, Quai Voltaire, на той же набережной, где метров в шестистах в сторону к Парламенту жил Сергей Лифарь. Я тут же поехал к нему в гостиницу и увидел, что он горевал, что советские власти ему выдали выездную визу накануне аукциона в Монте-Карло, и посему он попал туда с таким запозданием и не смог познакомиться с материалом. Зато хвалил щедрость барона. Главное, что его беспокоило, это участь писем Пушкина, которые были у Лифаря, и он обсуждал возможность их у него купить. На следующий день Зильберштейн пришел к нам на ужин, на нашу квартиру на Avenue d'Iena, недалеко от Триумфальной арки. Нина приготовила, как обычно, вкусный ужин, но, к нашему великому огорчению, Зильберштейн выпил только чай, ибо у него был сильно развитый диабет.

Бар. ЭФ-Ф.: Лифарь считал, что письма Пушкина – самое ценное, что было у него. Их было одиннадцать. Все думают, что он получил их даром от Дягилева. Ничего подобного! Дягилев никакого завещания не оставил, он не собирался умирать. Все же могло достаться Франции. Бедный Сережа! Он без конца танцевал, не зная отдыха. Он только и думал, чтобы не вывихнуть ногу. Он мне говорил, что он спас дягилевские реликвии от

распродажи, работая ногами. Сережа ни за что не хотел продавать письма Пушкина, хотя ему предлагали большие деньги. А не продал, потому что берег их для России. Вот такой был патриот!

Кн. НДЛ-Р: Дорогой барон, были Вы знакомы с Борисом Князевым, Роланом Пети, Зизи (Рене. – О.К.) Жанмер?

Бар. ЭФ-Ф.: Да! При чем она здесь? Почему Вы спрашиваете?

Кн. НДЛ-Р: Потому что она, будучи звездой балета, помогала и выручала Лифаря в его трудные времена.

Бар. ЭФ-Ф.: Она приезжала на приемы в «Maxim's». Я имел чудное общество. Мы встречались раз в месяц и проводили очень веселые вечера. Там собирались всевозможные спортивные, театральные люди – Жан Маре, Морис Шевалье. Он был мой большой друг. Вы слышали о нем? И он приезжал на мою свадьбу в Мюнхен. Здесь же Лифарь обмывал золотую балетную туфлю, пил шампанское из нее, когда отмечал 25 лет работы в Парижской Опере. Он очень переживал, что пришлось уйти из театра. Он очень хотел поставить «Федру» в Большом театре. Не позволили. Со слезами на глазах он мне рассказывал об этом. Так что мы все встречались в «Maxim's». Я был членом этого общества. И, конечно, благодаря этому я познакомился со всеми знаменитыми театральными людьми Франции. И все приезжали ко мне навещать меня сюда. А теперь все умерли, и никого нет. НИКОГО. Все умерли. Я последний. Потому что не каждый человек до 101 лет дожил как я. Так что от старых времен, когда я жил в Париже и там учился, никого не осталось. Как хорошо, что Вы приехали!..

Оксана Карнович Об Ольге Спесивцевой –

*Беседа с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским
и Клементом Криспом¹*

<...>

В сезон 1927 г. 30 апреля Сергей Дягилев в театре Монте-Карло представил балет «Кошка» на музыку Анри Соге, который оформляли Наум Габо и Антон Певзнер (либретто Собеки – коллективный псевдоним С – Соге, Б – Баланчина, К – Кохно, на сюжет басни Эзопа в переработке Бориса Кохно). Главная партия создавалась Джорджем Баланчиным для Ольги Спесивцевой, участие которой было проанонсировано в прессе. Она станцевала ее в Монте-Карло. Но 26 мая, в канун парижской премьеры, из-за травмы балерины (Спесивцева случайно повредила ногу) сезон в Париже 27 мая 1927 г.

¹ Ольга Спесивцева / Сост. Ю.П. Бурлака. М.: Московская государственная академия хореографии (в печати)

в Театре Сары Бернар открыла Алиса Никитина, танцевавшая с Сержем Лифарем. Один из критиков писал, что результатом успеха было «высочайшее совершенство архитектуры и скульптуры Габо и Певзнера и скульптурной хореографии Баланчина»². В Вашей коллекции есть эскиз костюма Женищины-Кошки к этому балету. На этом маленьком наброске, выполненном карандашом просматриваются принципы конструктивизма, которые Габо использовал в своей абстрактной скульптуре – прозрачные поверхности, прорезанные пустотами, где художественным элементом был свет, а не цвет – совпадали со статуарностью и прозрачностью облика самой Спесивцевой. Расскажите, пожалуйста, как этот эскиз был Вами приобретен?

Кн. НДЛ-Р: В нашей с Ниной коллекции были все живописцы, родившиеся на территории Российской империи, участвующие в антрепризе Дягилева, т. е. 22 художника, работавшие с ним после 1914 г. вне России. Братья-конструктивисты Антон Певзнер и Наум Габо были одними из них. Я приехал к Науму Габо в его дом под Нью-Йорком с просьбой продать эскиз для «Кошки». Он меня разочаровал, сказав, что они все разошлись. У него ничего нет. Один эскиз был в коллекции Сержа Лифаря. Но Лифарь не захотел мне его продать отдельно от собрания. Так как Вы знаете, я не смог договориться на покупку его собрания, потому что он хотел продать вместе с ним и все собрание книг. А книги были оценены в ту же стоимость, что и собрание его театральных эскизов. Но книги мне были не нужны, потому что я уже имел подобный подбор. Так что я много лет старался купить эскиз Габо, но не смог до того, как коллекция Лифаря не появилась на аукционе Sotheby's. А это в результате того, что графиня Лиллиан Алефельдт (супруга Сержа Лифаря. – О.К.) ему запретила принять предложение княжества Монако выкупить его собрание. В итоге, к счастью коллекционеров, много материалов оказалось на аукционе. Джон Боулт писал: «Если Вы хотите сегодня воссоздать собрание русского театрального искусства, связанного с дягилевскими сезонами даже за любые деньги, то это невозможно сделать, потому что все разошлось по музеям и частным собраниям». Это недорогие работы, но они исторические и художественно важны.

ОК: Что значимого Вы еще приобрели на этом аукционе?

Кн. НДЛ-Р: Тогда же я купил редкий эскиз к балету «Павильон Армиды» Александра Бенуа, когда Рене из-за дождя останавливает карету и входит в дом маркиза. Есть много вариантов этого эскиза. Но только раз я видел версию на аукционе, где лакей его ведет с ключами и вводит внутрь. Джулиан Барран (Julian Barran), специализировавшийся на продажах дягилевских

² Боулт Д.Э. Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский об истории коллекции // Художники русского театра. 1880–1930. Каталог-резюме. М.: Искусство, 1994. Сп. 12; Kameneff V. Russian Ballet through Russian Eyes. London, 1936. P. 31.

раритетов, знал, как и я, что это единственный случай за 40 лет, когда этот эскиз появился на аукционе. Мне пришлось заплатить 2000 фунтов Джулиану Баррану на руки, чтобы он не соревновался со мной в торгах на аукционе.

ОК: Он к тому времени еще оставался аукционистом в *Sotheby's*?

Кн. НДЛ-Р: Нет, он уже ушел и стал арт-дилером, торговцем за свой счет. Он мог себе это позволить по двум причинам: его жена очень успешно играла на бирже. Она заработала много денег для своих клиентов и для себя. В известный момент они расстались, потому что у него были другие склонности. Беда в том, что он привык жить на широкую ногу. А быть частным маклером не так уж выгодно. Так что он вернулся к супруге. Она его приняла, думаю, из-за общих детей, чтобы был мужчина в доме. Он очень обаятельный человек.

Н. Габо. Эскиз костюма Женищины (кошки) к балету «Кошка», 1927 г. В верхнем левом углу печать коллекции С. Лифаря. © Санкт-Петербургский музей театрального искусства

ОК: Как Вы думаете, общался Баланчин с художниками, работавшими с Дягилевым, которые впоследствии тоже жили в США?

Кн. НДЛ-Р: Баланчин общался с группой художников, работавших с Дягилевым, минимально. Это потому что в его концепции балета художник не принимал участия. Тем он и отличается от Дягилева, что решил поставить на первое место хореографию и подходящее к ней телосложение танцора с монохромным задником и освещением. Но, чтобы доказать публике что он может ставить балеты, подобные дягилевским, Баланчин создал балет «Imperial». Для его оформления он пригласил Мстислава Добужинского, который тогда жил в Бруклине. Деловой партнер Баланчина Линкольн Кириштейн был очень богатый и субсидировал баланчиновский New York City Ballet. Он прекрасно знал дягилевский репертуар, но также разделял новаторские идеи Баланчина. И это отличало Баланчина от Сержа Денема который ничего не создавал, а использовал дягилевские наработки, потому что его интересовал доход, нежели творческая работа. То же самое можно сказать про Веру Немчинову, у которой была небольшая компания не продолжительное время. Ее придворным художником был Павел Чехонин.

ОК: Работая в США, Вы встречались с Ольгой Спесивцевой, которую Дягилев мечтал заполнить в свою труппу?

Ольга Спесивцева (1895–1991)

Кн. НДЛ-Р: Да, я встречался с ней в Толстовском фонде вблизи Нью-Йорка. Я ездил туда с Джо Уиши (Joseph Wishy), который снимал фильмы о выдающихся деятелях мировой культуры. Он хотел снять фильм о Спесивцевой. Уиши был американский балетовед, продюсер, гомосексуалист, считался необычным постановщиком фильмов, получил средства, но ничего не сделал. Как-то все было неудачно. Ездил я с ним в качестве переводчика. Потом я с ним летал в Тифлис, чтобы снимать Сергея Параджанова. После этого мы поехали в Лугано в Швейцарии, где он снимал фильм о Дягилеве. Питер Устинов играл Сергея Дягилева, Владимир Васильев – Вацлава Нижинского, а Карла Фраччи – Тамару Карсавину. Снимали часами. Но все эти ленты пропали... Он умер от СПИДа. Так многое из этого культурного наследия просто потеряно.

ОК: *Какие воспоминания остались у Вас от общения с Ольгой Спесивцевой?*

Кн. НДЛ-Р: Я не ощущал, что Спесивцева душевно больна. Те два часа, которые мы провели в Толстовском фонде, она сидела очень прямо, была красивой светской дамой. По-французски, ее можно назвать «гранд дам» (grande dame), чего не скажешь о большинстве балерин. У нее было чудное тело. Очертание его можно была видеть через ее легкий летний сарафан. Она давала впечатление дамы высшего общества.

ОК: *Вы помните, о чем Вы говорили?*

Кн. НДЛ-Р: К сожалению, нет. Все это было записано на пленку. Это одна из моих больших досад в жизни, что от этих трех интереснейших фильмов ничего не осталось. Ведь я был лично причастным к ним. И даже фотографий от этих встреч у меня не осталось. Я не ожидал, что Джо Уиши уйдет так быстро. Я всегда думал, что будет время с ним повидаться и получить от него фотографии и копию кинопленки. Увы, тогда еще не было лекарства против СПИДа, и он растаял за три месяца.

ОК: *Мне кажется, что плеяда таких ярких балерин как Ольга Спесивцева, Алиса Никитина, Александра Данилова, Алисия Маркова, с которыми Вы встречались, несмотря на то, что они получили балетное образо-*

вание в разное время и в разных странах, оставались хранительницами традиций императорской русской школы, олицетворяя собой всю красоту и элитарность балетного искусства, что пестовал в своих танцовщиках и танцовщицах Сергей Дягилев. Спасибо большое, Никита Дмитриевич, за интереснейшую беседу.

PS: На выставке русского авангарда из Бахрушинского музея в Музее Альберта и Виктории в Лондоне, мне посчастливилось познакомиться с крупнейшим балетным критиком Англии Клементом Криспом. Я решила задать несколько вопросов Криспу об Ольге Спесивцевой и обратилась с просьбой к князю написать ему об этом. Вот, что написал Клемент Крисп о Спесивцевой в ответ на просьбу Никиты Дмитриевича рассказать о встрече с ней:

КК: Дорогой Никита: Я не видел Спесивцеву, но три человека, которых я знал – Алисия Маркова, Антон Долин, Кит Лестер – все они говорили о ней с почтением, как о возвышенном художнике, и Маркова (в 1940 г. в Нью-Йорке) нанимала студию для своих частных занятий с учеником Чеккетти. Она спросила Спесивцеву, не хочет ли она поучаствовать в этом. Спесивцева согласилась, и затем показала Марковой ужасающе трудные классы, так как она (Ольга Спесивцева) была известна в Петербурге как ученица Екатерины Вазем – первой Никии в «Баядерке», поставленной в 1877 г. в Большом театре Петербурга. Техника Вазем была «стальная». (Она умерла в 1937 г. в Ленинграде) Кит Лестер (который преподавал в Королевской Академии танца в 1950–1960-х в Лондоне) был партнером Спесивцевой в турне по Южной Америке в 1930-е годы. Он рассказал мне о невероятно трудном классе Вазем, а также и как Спесивцева работала в студии каждое утро во время турне! В академии Вагановой должно быть несколько старожил, которым, возможно, известны классы Вазем не понаслышке. Спесивцева еще сказала Марковой – королеве балета Нью-Йорка в то время и на протяжении многих лет, что она должна оставаться в постели весь день перед спектаклем „Жизель“! (как она – Ольга Спесивцева – всегда делала)! Надеюсь, вышеописанное Вам пригодится. Мои лучшие пожелания Вам на переезд в новый дом!!! Всего доброго, Клемент».

О СОБРАНИИ ЛОБАНОВЫХ-РОСТОВСКИХ

Джон Е. Боулт

Лаборатория формы и цвета

*Русское театрально-декорационное искусство
из собрания Нины и Никиты Лобановых-Ростовских¹*

Джон Э. Боулт. Москва, 2000 г.

Данный очерк призван послужить путеводителем по коллекции эскизов декораций и театральных костюмов, а также картин, фотографий, афиш и плакатов, собранных Ниной и Никитой Лобановыми-Ростовскими более чем за полвека из бесчисленных источников по всему миру. Этот комментарий позволит лучше понять громадное значение представленных на выставке работ и то, почему они

представляют собой подлинный прорыв в новейшей истории русской визуальной и театральной культуры.

Собрание

Очень важно первое впечатление от собрания: калейдоскоп форм, буйство цвета и чувственная раскованность ощущений не оставляют сомнений: с нами говорят на универсальном языке, легко преодолевающим границы алфавитов и грамматик. И действительно, собрание побывало во множестве музеев мира и, обращаясь к эмоциональной стороне коллективного сознания, равно приводило в восторг зрителей и в Америке, и в Европе, и в Японии, и в самой России. Но это повсеместное восхищение обусловлено и еще одним поразительным свойством собрания – его способностью выдержать испытание не только временем, но и той «анонимностью», которую привносит обстановка музея. Ведь существует громадная разница между музейным выставочным пространством с его везде одинаковыми стенами, высокими потолками и проходами для публики – и камерной задушевностью частного собрания. И однако коллекция Лобановых-Ростовских с непринужденным достоинством справляется с этим вызовом, заполняя «нависающую пустоту» своей красотой. Может быть,

¹ Вступление к каталогу выставки «Прорыв»/ Гос. музей им. А.А. Бахрушина. М., 2017.

именно потому, что выставленные здесь объекты как раз и были рассчитаны на трехмерное зрелище живого театра. А тот, разумеется, всегда рассчитан на аудиторию.

И само собрание Лобановых-Ростовских, и эта выставка крайне интересны во многих отношениях: и как материал из истории русского театра XX в.; и как панорама русского искусства этого периода; и как характеристика состояния дел в отдельных областях, таких как дизайн одежды или сценография; и как взгляд на знаменитые труппы, заказывавшие художникам декорации и эскизы костюмов, – такие как «Русские балеты» Сергея Дягилева, Камерный театр Александра Таирова или Театр Революции Всеволода Мейерхольда.

Разумеется, жесткие рамки выставочного каталога не позволяют рассмотреть сколько-нибудь подробно ни одну из этих тем. Но один аспект крайне важен: Собрание – это место встречи творческих экспериментов. Здесь можно увидеть, как такие художники, как Лев Бакст, Александр Бенуа, Наталья Гончарова, Мстислав Добужинский, Михаил Ларионов, Эль Лисицкий, Казимир Малевич, Любовь Попова, Александр Родченко, Владимир Татлин и Александра Экстер, вырабатывали свое понимание символизма, кубизма, футуризма, супрематизма и конструктивизма, стремясь воплотить это понимание за пределами собственно живописи. Для этих художников, особенно для представителей авангарда, публичная коммуникация была делом абсолютной важности, и, подобно религиозным миссионерам, они пользовались любой возможностью для проповеди словом и изображением. Подобно политическим диктаторам, они не допускали мысли ни о какой конкуренции идей и подобно купцам или банкирам, жаждали получить за свои абстрактные активы вполне конкретные блага. Театр позволял им удовлетворить все эти стремления.

Собрание Лобановых-Ростовских охватывает более 50 лет развития театрально-декорационного искусства с особым интересом к периоду 1905–1925 гг. – времени, когда целое созвездие левых художников, поэтов, режиссеров, актеров и танцовщиков изменило весь ход развития русской культуры.

Благодаря своему богатству и насыщенности, коллекция Лобановых-Ростовских позволяет свободно перемещаться по множеству стилей и эпизодов, предлагая конкретные примеры (они будут специально оговорены ниже) того или иного направления в искусстве, начиная с символизма с его культом тайны, декадансом и избыточностью чувственных впечатлений. Главным представителем этого течения был Бакст, давший волю своему богатому воображению в декорациях и костюмах к экзотическим балетам, таким как «Клеопатра», «Шехерезада» и «Пери». Другим важным

направлением был, разумеется, кубизм, оригинально переосмысленный русскими художниками, в частности, Гончаровой с ее окрашенными ярким национальным колоритом эскизами для «Испанских танцовщиц» 1916 г. (видимо, для балетов «Испания» и «Триана». – *Перев.*). Привлекал русских художников и итальянский футуризм – это особенно касается Экстера, чья увлеченность скоростью и ритмом отразилась в ее легендарных фантастических костюмах для спектаклей Таирова в Камерном театре. Но, может быть, самым поразительным направлением авангарда был супрематизм, который впервые провозгласил в 1915 г. Малевич и который его ученики развили и воплотили в самых причудливых и чудесных формах, как сделал Эль Лисицкий в марионетках для «Die Plastische Gestaltung der Elektro-Mechanischen Schau "Sieg über die Sonne"» («Пластическое оформление электромеханического спектакля "Победа над Солнцем"») 1923 г. (в собрании Лобановых-Ростовских имеется вся серия литографий). Конструктивизм, это холодное, тщательно рассчитанное дитя революционной России, был многим обязан супрематизму, что наглядно продемонстрировали Александр Веснин, Попова, Родченко и братья Стенберги в созданном ими материальном оформлении постановок Мейерхольда и Таирова. И, наконец, русских художников, особенно тех, кто работал в эмиграции, привлекала кинематографичная броскость стиля ар деко, обильно насыщенного ориентальными реминисценциями. Здесь прежде всего вспоминаются Борис Билинский, Симон Лиссим, Георгий (Григорий) Пожидаев и Эрте (Роман Тыртов). Их эскизы – один из наиболее интересных и наименее известных разделов собрания Лобановых-Ростовских.

Но при всем богатстве и многообразии представленных художественных течений и стилей смысловым центром выставки остается авангард, так радикально обновивший восприятие искусства и жизни. Его теории совершили революцию в повседневном отношении к живописи, скульптуре, архитектуре и прикладному искусству, и именно им русское сценическое искусство во многом обязано своим мировым престижем накануне и некоторое время после Октября 1917 г. С приходом авангарда театральные костюмы и материальное оформление сцены сравнивались по значению с музыкой, либретто и самим театральным действием.

Что поражает при взгляде на выставленные эскизы – это их стилистическая цельность и чистота, постоянно сохраняемый импульс, независимо от исторической или национальной принадлежности – а не следует забывать, что в выражении «русское театральное-декорационное искусство» слово «русское» может означать не только собственно русское, но и армянское (Георгий Якулов), прибалтийское (Карл Гершельман), грузинское (Ки-

рилл Зданевич), еврейское (Роберт Фальк) или украинское (Анатолий Петрицкий). Более того, эти художники всегда готовы были детально вникать в самые разнообразные этнографические предметы. Так, Бакст тщательно изучал культуру древней Греции, что явствует из его костюмов 1911 г. для «Нарцисса»; Бенуа в своих костюмах для «Le Rossignol» («Соловья») Стравинского 1914 г. изобрел вымышленную династию древнего Китая; Ларионов отдал дань русскому фольклору в энергичных, ярких декорациях 1915 г. к «Шуту» (С. Прокофьева). Для сценографов XX в. весьма характерна такая способность сочетать в своих интерпретациях буйство творческого воображения с исторической достоверностью.

Зарубежные влияния

Разумеется, хотя русские театральные художники зачастую опирались на национальные художественные традиции, они были хорошо знакомы с последними открытиями в искусстве Западной Европы – и по публикациям, и благодаря частым поездкам во Францию и Италию – и имели четкое, хотя и не всегда лестное, мнение о Пикассо, Матиссе и Маринетти. Но, в конце концов, мы восхищаемся искусством русских театральных художников вовсе не за их обращение к зарубежным источникам, хотя, конечно, можно назвать немало заимствований и парафразов. Например, фантазия Ларионова «Дама с веерами», вне всяких сомнений, навеяна произведением «Футурист – Движение птицы» Джакомо Балла, которое Ларионов, должно быть, видел в Риме в 1916 г. С другой стороны, усваивая западные идеи, русские художники нередко преобразовывали и маскировали их, как делал Бенуа в оформлении «Петрушки». В то время для русских художников важны были, в первую очередь, национальные истоки, прежде всего сельский и городской фольклор. Одними из первых попытались соединить «высокое» искусство с «низким» участники объединения «Мир искусства» – группа блистательных любителей, собранная Дягилевым во времена Серебряного века и как бы предвосхитившая великолепные постановки «Русских балетов» 1909–1929 гг.

Мир искусства

И действительно, в оформлении постановок «Русского балета» легко заметить те же черты, что отличали «Мир искусства»: тягу к художественному синтезу, к новым сценографическим идеям, восхищение культурами прошлого, особенно Грецией, Востоком и Версалем, огромное значение, придававшееся творческому самовыражению, и неприятие официального

и академического в искусстве. Несомненно «Русские балеты» Дягилева, возникшие в Париже в 1909 г., сыграли огромную роль в истории современного сценического искусства, повлияв на сценографию, хореографию, танцевальный репертуар, да и на само развитие балета как искусства движения. Тому есть множество свидетельств, изобразительных и документальных. Многие написаны и о самом Дягилеве как импресарио, и о таких великих танцовщиках и балеринах, как Тамара Карсавина и Вацлав Нижинский, о художниках-сценографах, таких как Бакст, Бенуа, Соня Делоне, Александр Головин, Константин Коровин, Сергей Судейкин, Павел Челищев и Георгий Якулов. На материалах собрания Лобановых-Ростовских можно в полном объеме проследить эволюцию, которую проделали постановки «Русских балетов» – от орнаментальных поисков 1910-х годов через более «индустриальный» этап 1920-х, достигший кульминации в таких постановках, как «Le Pas d'Acier» («Стальной скак») (Якулов) и «Ода» (Челищев).

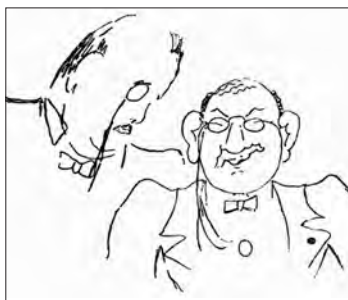
В первых сезонах «Русских балетов» особую роль играли два художника, представленные в собрании Лобановых-Ростовских весьма полно. Это Бенуа с его «Павильоном Армиды» и Бакст с «Клеопатрой» (обе постановки 1909 г.). Им принадлежит немалая доля заслуг в тех взрывах восторга, которые труппа вызвала у парижской публики. Легко перемещаясь из века в век, переносясь из Франции («Павильон Армиды») в «обрусевшую» Аравию (мавританская комната в «Петрушке»), а оттуда – в Китай («Соловей»), Бенуа в воплощении каждой конкретной эпохи был абсолютно серьезен и последователен, а благодаря своему острейшему чувству истории он всегда совершенно точно знал, как вдохнуть жизнь в тот или иной костюм или предмет оформления спектакля и наполнить его духом его времени. Бенуа с его энциклопедическим знанием Франции XVII и XVIII вв. и страстной любовью к Версалю был идеальным интерпретатором для «Павильона Армиды» (который впервые был поставлен Михаилом Фокиным в Санкт-Петербурге в 1907 г. и обновлен Дягилевым для постановки в Париже в 1909 г.). Иначе подходил к оформлению спектакля Бакст. Его интересовали, в первую очередь, человеческие фигуры, что легко видно по многочисленным султанам, наложницам, рабыням на изображениях, хранящихся в коллекции Лобановых-Ростовских. Но Бакст – и в этом он не слишком расходился с театральными художниками-конструктивистами, особенно с Экстер и Поповой, – смотрел на человеческое тело как на кинетическую силу, которую нужно не закутывать и маскировать, а выявлять и максимально демонстрировать в движении. Не представлять человеческое тело скованным статичным объектом, как это делалось на академической сцене – от этой традиции не отказывался и Бенуа, – а придать самому телу

предельную выразительность, усилив и подчеркнув его собственные движения либо с помощью аксессуаров – шалей, перьев, ювелирных украшений, либо придумав для костюмов сложный абстрактный крой, призванный усилить и подчеркнуть движения тела – вот чего добивался Бакст! Стремясь продемонстрировать энергию человеческой телесности, он усматривал источник ее красоты в напряжении между видимым и невидимым, которого он так мастерски добивался в костюмах для «Клеопатры» и «Шехерезады».

Дягилев

С годами вкусы и самого Дягилева, и его танцовщиков и художников-постановщиков менялись – постановки делались сначала более буйными, неистовыми, позднее – более плавными и ясными. Говоря о дерзновенных художниках «Русского балета», упорно стремившихся не рисовать, а конструировать декорации и костюмы, следует обратить внимание прежде всего на творчество Гончаровой и Ларионова, пусть даже важнейшие из их работ (в частности, «Литургия» 1915 г., в основу которой было положено православное богослужение, и «Histoires Naturelles» («Естественные истории», 1916 г.) так и не получили сценического воплощения. Эти два московских художника принадлежали к более молодому поколению, чем Бакст и Бенуа, и весьма скептически относились к утонченности своих петербургских коллег, в чем-то, возможно, и скучноватой. Придя в театр, они принесли в свою новую сферу деятельности множество самых разнообразных живописных идей, извлеченных из художественных находок неопрimitивизма, кубофутуризма и лучизма.

Для Гончаровой и Ларионова были особенно важны «примитивные» формы искусства – детский рисунок, а также лубок и икона, блестящие образцы которых демонстрировались в 1913 г. в Археологическом институте в Москве на «Выставке древнерусского искусства». В ярком насыщенный цвет, подчеркнутой стилизации, оптимистическом духе русского народного искусства они увидели новизну и искренность, которой не было ни в буржуазной, ни в академической художественной культуре. В традиционном изобразительном и прикладном искусстве Гончарова, Ларионов и их ближайшие коллеги, такие как Малевич и Татлин,

Шарж Жана Кокто. Сергей Дягилев и Лев Бакст

видели главный источник обновления и модернизации русского изобразительного и оформительского искусства. Они настаивали, что Россия – это часть Востока, а Восток – подлинная родина современного искусства. Основываясь на своем понимании русского народного искусства, Гончарова и Ларионов преобразовали русскую сцену в искрометный балаган, а их красные, оранжевые, желтые краски напитали ее кипучим весельем и брызжущей энергией, заставляющими вспомнить о ярмарке и цирке. Эти два художника вернули новой сцене энергию театрального фарса. Порой они добивались такого эффекта за счет нарочитых алогизмов, вводя в постановку элементы абсурда и вульгарности, как сделала Гончарова в игровом и игровом оформлении дягилевской постановки «Золотого петушка» в Париже в 1914 г. Это один из самых воодушевляющих и жизнерадостных образцов театрально-декорационного искусства во всей коллекции Лобановых-Ростовских.

Но материалы коллекции показывают, что Дягилев никогда не стоял на месте, и уже в скором времени он отказался от яркости Гончаровой и Ларионова в пользу более «механистичных» постановок. Самое красноречивое свидетельство никогда не угасавшего интереса Дягилева ко всему новому в искусстве и его способности мгновенно распознавать подлинное новаторство – тот факт, что именно в конце жизни он поставил свои самые смелые экспериментальные спектакли. Таков балет «La Chatte» («Кошка») 1927 г., оформленный Наумом Габо и Антоном Певзнером. В таких балетах сплетались новые концепции музыки, хореографии и визуальной динамики, и у них можно найти больше общего с новаторскими идеями балета ХХI в., чем с золотыми днями Бакста и Бенуа. И снова универсальность и богатство собрания Лобановых-Ростовских позволяют нам воочию увидеть ту мощь и способность опережать время, которую столетие назад являла русская сценография.

Премьера «La Chatte» в хореографии Георгия Баланчивадзе (Джорджа Баланчина) состоялась в апреле 1927 г. в Монте-Карло, а в следующем месяце – в Париже. История молодого человека, влюбившегося в кошку, которая превратилась в женщину лишь для того, чтобы затем снова стать кошкой, затрагивает ключевые темы зыбкости и превращений. Чтобы подчеркнуть их, художники-постановщики прибегли к конструктивистской геометрии, широко используя прозрачные и преломляющие свет поверхности из слюды, целлулоида и черной клеенки, создавая пластичные, изменчивые декорации, а также костюмы, которые отражали, представляли и оптически увеличивали движения танцоров. Размещенные на сцене абстрактные объекты не несли каких-то фигуративных значений (за исключением возвышающейся статуи Ве-

неры работы Певзнера), а круглая сцена сама вращалась, тем самым постоянно меняя свой облик.

«La Chatte» была одной из немногих как в России, так и в остальном мире «индустриальных» постановок, в которых эффект достигался благодаря использованию высокотехнологичных материалов и рационализированных по принципам тэйлоровских движений. В частности, постановка «Стального скака» Леонида Мясина, также 1927 г., отражала стремление Дягилева приблизить балет к реальностям века машин. «Стальной скак», поставленный в Париже на музыку Сергея Прокофьева, показывал новую Советскую Россию с ее культом заводов и машин. Якулов ввел в декорации реальные машины с движущимися элементами, в том числе паровые молоты.

Своими триумфами «Русский балет» и, не в последнюю очередь, его эксперименты с художественным оформлением в огромной степени были обязаны творческому духу Дягилева, и с его смертью в 1929 г. труппа распалась. Парадоксально, но она никогда не выступала в России, и хотя многие русские художники и поэты видели постановки Дягилева, когда по тем или иным причинам оказывались в европейских столицах, но ни в Санкт-Петербурге, ни в Москве не ощущалось сколько-нибудь значительного воздействия «Русских балетов». Но в то время, когда он с таким успехом выступал в Европе, в России успешно действовало немало весьма передовых и изощренных театральных проектов, которые, может быть, и не достигали уровня и масштаба «Русских балетов», но, без сомнения, были чрезвычайно важны и интересны в художественном отношении. Коллекция Лобановых-Ростовских дает их редкий свод. Среди них были символистские «маленькие театры», где молодые художники-постановщики предлагали различные интерпретации драматургии декаданса – пьес Мориса Метерлинка, Оскара Уайльда и других авторов эпохи *fin de siècle*. В этой связи особое значение имел театр, основанный в 1906 г. в Санкт-Петербурге Верой Комиссаржевской. Двумя годами позже там была подготовлена скандальная постановка «Саломеи» Уайльда с костюмами Николая Калмакова, столь смелыми и сладострастными, что премьеру запретили по распоряжению Священного Синода. Их эскизы богато представлены в собрании Лобановых-Ростовских.

Кабаре и мюзик-холл

Такого рода пикантные постановки по духу были ближе к кабаре и мюзик-холлу – театральным заведениям, которые в 1910-е и в начале 1920-х годов процветали и множились в Санкт-Петербурге, Москве и других больших городах, а также в центрах русской эмиграции в Берлине, Париже

Б. Григорьев. Четыре танцовщицы на сцене, 1914 г.

и Нью-Йорке. Некоторые из них, вроде основанной в Москве в 1908 г. «Летучей мыши», пользовались широким признанием как за качество текстов и исполнение, так и за оформление и зрительные эффекты. Они немало заимствовали из национальных традиций, в том числе из представлений бродячих актеров – ряженных и скоморохов. Именно оттуда идут такие особенности нового русского театра, как быстрое чередование номеров, клоунада, стремительный обмен остроумными репликами, и важнейшие постановки 1910-х годов, такие как «Победа над Солнцем», многим обязаны этим приемам.

Когда мы говорим о русском кабаре и других формах спонтанного театра, на ум непременно приходит цирк. Полеты над сценой, переодевания, чревовещание, угадывание – вот лишь некоторые трюки, которые ассоциируются одновременно и с лучшими русскими цирками, и с авангардом. Так, «Павлин» Ларионова должен был действовать, повинаясь голосу исполнителя, запускавшему и контролировавшему приводящий его в движение механизм. По образцу цирка строились целые постановки, такие как «Первый винокур» (1919, оформление Юрия Анненкова) и «Клоп» (1929, оформление Александра Родченко), а некоторые театральные художники, представленные в собрании Лобановых-Ростовских, такие как Владимир Бехтеев, Борис Эрдман и Елизавета Якунина, прямо работали для цирка, выполняя эскизы костюмов для клоунов, а в случае Карла Гершельмана – плакат, использовавшийся в номере фокусника.

Авангардизм

В то время как Гончарова и Ларионов были заняты своими театральными экспериментами в Москве, а позднее в Париже, Малевич и Татлин также изучали возможности театра как средства творческой выразительности. В конечном счете, их эксперименты 1911–1915 гг. в области сценического оформления сыграли большую роль в создании действительно новой эстетики дизайна, которую с 1921 г. осознали и целенаправленно разрабатывали конструктивисты. Конечно, Малевич и Татлин были очень разными художниками, и уже их ранние работы в театре – «Действо о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» в оформлении Татлина

и «Победа над Солнцем» в оформлении Малевича – продемонстрировали это различие, хотя обе постановки вели к одной и той же идее трехмерной, кинетической интерактивной сценической архитектуры.

Костюмы к «Царю» Татлин создал еще до того, как в 1914 г. в Париже увидел потрясшие его рельефы Пикассо, и до своих собственных изысканий в области, которую сам называл «материальным подбором». Но уже в этом спектакле он выразил чувство объема и пространства. Два года спустя, во время работы над его вторым большим заказом – спектаклем «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») его понимание оформления стало тактильным и более архитектурным. Акцент на спиральную структуру придает его композициям определенный вертикальный импульс, и здесь уже угадывается структура Памятника III Интернационалу 1919–1920 гг.

с его наклонной спиралью, как бы подразумевающей продолжение земной оси в пространство.

Татлинские постановки «Царя Максимилиана» и «Жизни за царя» нащупывали новые оформительские возможности, но не исчерпывали их. Они показывали необходимость нового усилия для того, чтобы добиться полного разлома театральных форм; и это усилие было сделано «дадаистским» событием – поставленной в Петербурге в декабре 1913 г. оперой «Победа над Солнцем». Элементы ее оформления представлены в коллекции Лобановых-Ростовских шелкографическими репринтами эскизов костюмов и декораций Малевича, выполненными в Германии в 1973 г.

Этот кубофутуристический балаган с прологом Велимира Хлебникова и либретто Алексея Крученых, на музыку Михаила Матюшина и в оформлении Казимира Малевича, широко использует неологизмы и заумь в тексте, диссонансы в музыкальном сопровождении и карикатуру в оформлении. Так, костюмы Малевича напоминают иллюстрированный каталог шутов и клоунов, но их трудно вообразить реальными персонажами, действующими на сцене. К тому же они нарисованы Малевичем, в основном, в профиль и больше похожи на детские фигурки, вырезанные из бумаги, чем на сложные интерпретации исторических и литературных персонажей вроде Нерона или Силачей. С другой стороны, декорации и задники

В. Татлин. Костюм Дудильщика для пьесы «Царь Максимилиан», 1911 г.

Малевича выглядят весьма удачными как существенные элементы сценической архитектуры, включая знаменитые черные и белые треугольники в квадрате из пятой сцены 1-го действия, которые Малевич впоследствии называл началом супрематизма.

«Победа над Солнцем» нарушила множество художественных, театральных и литературных условностей: она продолжала традиции балагана и ярмарки, но несла явную апокалиптическую идею; напоминала о старых ряженных и клоунах, но отдавала дань новой индустриальной эпохе (в какой-то момент на сцену падал самолет); показывала аудитории знакомых ей персонажей (например, Толстяка), и «людей будущего». Возможно, именно эта изменчивость и многообразная подвижность элементов оперы побуждала других художников-авангардистов предлагать для нее все новые и новые сценографические интерпретации. Среди них важное место занимает постановка Веры Ермолаевой в Витебске в 1920 г.

«Синяя блуза»

Клуб К. У. Т. В. Уг. Страстной пл. и Тверской ул., д. 48. [6. Ша-Нуар]

ТРИ СЕИНСА НАЧАЛО 10, 8, 10 ВЕЧЕРА.

А АДУСА, АРГО, АРДОВ, БУРОВОЙ ДОЛБЕ, БРОЗОВСКИЙ, ЮНАНИИ и др.

ПОЛИТИНА, БЬТТ, ЗЛОБА ДНЯ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 24 ЯНВАРИ.

СИНЯЯ БЛУЗА

Ударная группа

Памяти воинов семьи, края и Поволжья

Политина и по авторской мысли. Актрисы: Сметлова, Николаева и другие.

ПЕТЕРБУРГ — ВЕРТИ, МАН ИШКА — ВЕРКРОЛЬ. Куклы: Хунылы и другие. Электромеханики: ВО СЛОБО, ПУГАЛОВИЧ И другие.

Репетитор: А. Шенберг. Художник: Н. Филан. Музыкальный редактор: Н. Зайцев.

3-03-49 по кассе и в кассе 18 и 19. В кассе 18 и 19. На первый сеанс все билеты по 30 н.

Афиша спектаклей ударной группы «Синей блузы», 1929 г.

В Советском Союзе этот тип театра фарса сумел выжить в 1920-е годы, во многом благодаря новой экономической политике, позволившей в какой-то мере вернуться к свободному предпринимательству и тем самым возродить частные предприятия и встречи в тесном кругу. Еще в 1928 г. в московской телефонной книге значатся четыре те-

атра «легкого жанра». Однако кое-кому из стражей нового порядка деятельность этих развлекательных ночных заведений и маленьких театров представляется сомнительным, если не откровенно ядовитым пережитком буржуазного мира. Такое допустимо где-нибудь в послевоенном Берлине, но никак не на борту флага мира мирового коммунизма. Но противоядие против этой отравы нашлось внутри самого жанра кабаре: это был достаточно гибкий и доступный инструмент, который можно было приспособить и для решения политических задач. Так возникла система театров, известных как «Синяя блуза». В собрании Лобановых-Ростовских это направление богато представлено эскизами костюмов и плакатами Нины Айзенберг. «Синяя

блуза» была детищем революции, она раздвинула жанровые рамки агитационного театра и широко использовала атрибутику нового режима (Красная армия, фабричные песни, политические лозунги), чтобы транслировать ясные идеологические сигналы. Художники, склонные к геометризму и конструктивизму, сотрудничали с «Синей блузой», а ее представления имели определенную притягательность для широких масс. Но этот театр оказался недолговечным: ему не хватало важнейшего элемента дореволюционного театра – активного импресарио и избранной, статусной публики. Именно их наличие и сыграло решающую роль в успехе Камерного театра Таирова, который с момента открытия в 1914 г. отстаивал идею театра как переживания кинетического, а не чисто литературного или иллюстративного. Этот принцип поразительно ярко и оригинально воплощала в жизнь Экстер, любимый художник-постановщик Таирова.

Как и Попова, Экстер принадлежала к тем авангардистам, которые сумели преодолеть рамки живописной поверхности и организовать формы в их взаимодействии с пространством. Это взаимодействие она ясно осознавала и остро чувствовала, что ярко проявилось уже в первой их с Таиловым совместной работе – постановке «Фамиры-Кифареда» Иннокентия Анненского (1916) и в более поздних работах, в частности, в выполненных в 1920-е годы эскизах освещения сцены (примером могут служить эскизы оформления постановок «Дон-Жуана», «Гамлета» и другие проекты из собрания Лобановых-Ростовских).

Отдавая должное достижениям европейских художников-постановщиков и режиссеров, таких как Адольф Аппи и Макс Рейнхардт, Экстер применила их программные принципы организации контрапункта определенных сценических архитектурных форм, чтобы получить требуемый эмоциональный отклик. Таковы заостренные треугольники кипарисов и постепенный наклон ступеней в «Фамире-Кифареде». Сосредоточенность на ритмической организации пространства, на ритмической рамке действия была главной особенностью ее стилистического подхода к театру, будь то некий род «кубистического барокко» или более легкий конструктивизм.

При этом Экстер была отнюдь не самым аскетичным и лаконичным художником и нередко склонялась к декоративности, к чуть ли не «бакстовским» излишествам в оформлении. Без сомнения, именно поэтому Таиров приветствовал приход в театр Веснина. Начиная карьеру как архитектор-неоклассицист, Веснин обладал освежающей уравновешенностью и чувством меры, которые и продемонстрировал в декорациях и костюмах, созданных для постановки «Благовещения» в 1920 г. и «Федры» годом позже. Та же сознательная сдержанность привлекала Таирова в братьях Георгии и Владимире Стенбергах, которых он пригласил оформить несколько

спектаклей, в том числе «Федру» и «Вавилонского адвоката» Анатолия Мариенгофа.

Экстер любила роскошь форм, не всегда достижимую в послереволюционном театре, но никогда не упускала из вида, в каком именно виде искусства она работает. После недолгого сотрудничества с Таировым она работала над разными проектами, включая комплект марионеток (1926), и ставшую сегодня раритетом папку трафаретов «Театральные декорации» (Париж, 1930; в собрании Лобановых-Ростовских имеется полный комплект). Но ее важнейшей работой 1920-х годов были костюмы для фильма Якова Протазанова «Аэлита» (1924) по роману Алексея Толстого о путешествии советского инженера на Марс. На бумаге эскизы костюмов Экстер, в частности, костюм Королевы марсиан, выглядят неуклюжими и громоздкими, но в фильме они выполняли свою задачу безукоризненно. Дело в том, что кино обеспечило Экстер большую динамичность: она смогла воспользоваться кинематографическим методом «движения» персонажей, постоянно меня зрительскую перспективу. Без сомнения, именно гибкость и разносторонность Экстер привлекала к ней молодых художников, таких как Михаил Андреев, Лиссим, Вадим Меллер, Петрицкий и Челищев, способствуя становлению того, что сегодня часто определяют как «украинский авангард».

Октябрьская революция

Ю. Анненков. Праздничные декорации для площади Урицкого, 1920 г.

Октябрьская революция и Гражданская война повлекли не только политические перемены, но и экономический хаос, физические лишения и потерю культурных ориентиров. И смакуя идеологический энтузиазм

и поразительное богатство визуального материала, легко забыть, в каком расстройстве пребывало в те годы российское общество. Понятно, что такие стесненные обстоятельства и боязнь репрессий со стороны большевиков побудили многих писателей и художников к эмиграции. Русские диспоры появились не только в Берлине, Париже и Нью-Йорке, но и в таких неожиданных местах, как Бухарест, Стамбул и Токио.

По сути, те формы искусства, которые рождал революционный этос, – агитационное искусство и монументальная пропаганда – лишь маскировали собой острую нехватку добротных, долговечных творений в первые

годы новой республики. Как можно видеть по собранию Лобановых-Ростовских, история театра и изобразительных искусств того времени – это история *несделанного* не в меньшей мере, чем история того, что было сделано. Даже массовое действо, как воссоздание событий революции во «Взятии Зимнего дворца» Юрия Анненкова (1920), проходило вне театральных стен и зачастую без участия профессиональных артистов. Авансценой стала улица, а исполнителем – человек с улицы. Это было время развернутых теорий и скудной практики, визионерских проектов будущей утопии, моделей и прототипов, которые не могли быть запущены в производство, и множества театральных спектаклей, подготовленных, но так никогда и не поставленных.

Собрание Лобановых-Ростовских ясно показывает, что главной проблемой репертуара нового русского театра было отсутствие дидактических опер, балетов и пьес, несущих заповеди марксистской философии. Большинство театров продолжало ориентироваться на пьесы из классического репертуара, такие как «Федра» или «Король Лир», и на старых любимцев «буржуазии», вроде «Ромео и Джульетты». В этом отношении постановка гоголевского «Ревизора» Игорем Терентьевым 1927 г. выглядела вполне типичной, пусть даже оформление спектакля, выполненное Андреем Сашиним и несколькими другими учениками Павла Филонова, настолько ошарашивало, что всякая политическая тенденция и «важный» смысл просто выпадали из поля зрения. И критики не преминули отметить это обстоятельство.

Конструктивизм

Потому-то Мейерхольд так обрадовался, когда Владимир Маяковский в 1918 году принес ему текст «Мистерии-Буфф», повествующей о приходе на Землю коммунистического Рая. А этот текст привлек немало театральных художников, осуществивших самые разные постановки. В их числе были Натан Альтман, Ираклий Гамрекели и Казимир Малевич. Казалось, получил реальный шанс на воплощение тот театр, к которому стремился Мейерхольд, – театр, органически связанный с повседневностью, в любое время и в любом месте доступный для рабочего, крестьянина и интеллигента. В конце концов, именно эта идея лежала в основе многих конструктивистских постановок начала 1920-х годов, и именно в строгом и функциональном искусстве Родченко, Варвары Степановой и, особенно, Поповой Мейерхольд нашел необходимую поддержку того, что сам характеризовал как «условный театр».

Конструктивизм, провозглашенный как течение в 1921 г., повлиял не только на театральное оформление, сделав ощущение сцены подлинно

Афиша для спектакля «Земля дыбом», 1923 г.

техники жестов японского театра. Исходными положениями, на которых строилась система Мейерхольда, были формулы вроде «максимальный результат минимальными средствами» и «функция определяет форму».

Не удивительно, что Мейерхольд оценил непосредственную применимость архитектурных полотен Поповой, представленных на выставке « $5 \times 5 = 25$ » в 1921 г., сочтя, что ее геометрические композиции можно легко и быстро адаптировать для сцены. Результатом стало их этапное сотрудничество в работе над постановками «Великодушного рогоносца» и «Земля дыбом» в 1922 и 1923 гг. О них оповещают несколько винтажных афиш из собрания Лобановых-Ростовских. Мейерхольд и Попова обратились к гривуазному фарсу Фернана Кроммелинка о мельнике, подозревающем свою распутную жену, лишь как к материалу для эксперимента в чистой форме и чистой игре, взяв за отправную точку не драматический нарратив, а цирковое представление. Независимо от реакций на «Великодушного рогоносца» с вращающимися колесами «гимнастической установки» Поповой, Мейерхольд не рассматривал эту постановку как прототип для будущих работ. Тем не менее концепция спектакля повлияла на многие постановочные решения 1920-х годов, в том числе и на «Смерть Тарелкина» Степановой в 1923 г. (В собрании Лобановых-Ростовских имеется несколько эскизов костюмов для этого спектакля.) Как бы то ни было, последней работой Поповой для театра перед ее безвременной смертью стала интерпретация «Земли дыбом» Сергея Третьякова. Она основывалась на абсолютно «реальном» оформлении сцены, на которой появлялись автомобиль, трактор, телефоны и т.д. Включал реальные объекты в театральное пространство и Родченко в работе над «Клопом» Маяковского, поставленным Мейерхольдом в 1929 г.

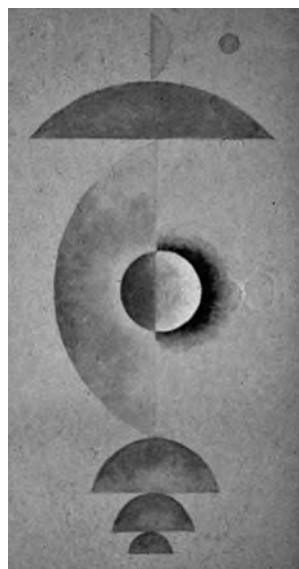
Что касается «Смерти Тарелкина», то было ли новаторское применение абстрактных деревянных конструкций связано с влиянием Поповой или нет, оно породило динамичный, подвижный сценарий движения актеров

трехмерным, но и на драматический текст, музыкальное сопровождение и актерскую технику. Важнейшим элементом конструктивистской концепции игры актера стали изыскания Мейерхольда в области биомеханики, которые, в свою очередь, многое взяли из ритмической системы Эмиля Жак-Далькроза, программы изучения трудовых движений Фредерика Тэйлора и

по сцене: их ощущаемые физические характеристики постоянно менялись, поскольку рейки и перекладины выступали в качестве своего рода механизма оп-арт. Эскизы костюмов из собрания Лобановых-Ростовских ясно показывают, что Степанова с ее строгой, подтянутой простотой развивала «пролетарскую» эстетику униформы, достигшую со временем высшей точки в ее концепции «прозодежды» и «спортодежды».

подавляющее большинство художников авангарда были станковыми живописцами, но даже если их профессиональная подготовка в качестве театральных художников была минимальной, они разглядели в театральных постановках источник трудных и интересных задач и вдохновляющее средство творческой выразительности. Они геометризировали объекты и фигуры, свели исполнителей к формальным элементам, заимствовали идеи из «низких» жанров искусства. Но все это они делали в той же изощренной манере, в какой вводили в свою профессиональную станковую живопись образы и приемы иконы, лубка или крестьянской игрушки. Примерами подобных переходов от одних видов искусства к другим могут служить татлинская трактовка пьесы Хлебникова «Зангези» и оформление Константином Вяловым спектакля «Севильская каморра» (оба – 1923) или мобильные вращающиеся конструкции Родченко, составлявшие подвижные элементы декорации в спектакле «Инга» (1929). Театр для этих художников воистину стал лабораторией формы и цвета, спокойной гаванью для экспериментов, укрытой от жестокой внешней реальности, хотя, с другой стороны, их строгость и интеллектуальная изощренность не находили отклика у среднего советского театрального зрителя. Новая аудитория во многом разделяла вкусы, требовавшие мелодрамы, легкого развлечения и доступности. Под воздействием такого давления снизу (а не только со стороны политических властей) к началу 1930-х годов советская сценография вернулась от пространства к плоскости, очень быстро заменив объемные конструкции плоскостными декорациями.

Последним лучом в сумерках авангарда стали динамичные костюмы Татьяны Бруни для балета Дмитрия Шостаковича «Болт» в 1931 г. После этого советское изобразительное и оформительское искусство устремилось к более «репортерской», иллюстративной эстетике и, в конце кон-

В. Кандинский. Звуковые гармонии к «Картинкам с выставки» М. Мусоргского. Дессау, 1928 г.

цов, пришло к социалистическому реализму. К этому его толкало не одно лишь желание государственной бюрократии – побудительных мотивов было много. Мелочное соперничество и профессиональная ревность в среде самих художников подрывали их коллективную силу; наиболее серьезные и влиятельные носители новых художественных идей, такие как Габо, Гончарова, Василий Кандинский, Ларионов, Марк Шагал и Экстер уехали из страны и развивали свои идеи за границей; и в любом случае даже в разгар модернистской бури классицизм и реализм никуда не исчезали и теперь с новой силой и энергией вынырнули на поверхность.

Разумеется, все эти факторы наложили глубокий отпечаток на судьбу советского театра. Искусство, процветавшее в последовавшие годы, было совсем другим и по задачам, которые ставило, и по художественным средствам. Если Бакст находил цель творческого вдохновения в чувственной свободе, Ларионов – в спонтанном веселье, Экстер – в драматических деформациях, а Попова – в поиске максимально экономных форм, то сталинский театр для народа акцентировал предписанную официозную церемонию. Все выглядело так, будто художественного ренессанса Серебряного века в России не было: советская культура прямо продолжила имперскую эстетику XIX в. То, что когда-то было лабораторией художественного эксперимента, превратилось в индустрию по производству стереотипов, и театр с неустрашимым двуличием предлагал зрителю далекий от реальности прекрасный сказочный мир. И, самое главное, театр снова получил импресарио, и на этот раз с такой тотальной диктаторской властью, о которой не мог мечтать и сам Дягилев.

Тьерри Морель На российских сценах¹

Нина Лобанова-Ростовская, совместно с супругом, собрала одну из самых крупных в мире коллекций русской театрально-декорационной живописи. Она рассказывает журналу «Аполлон» о своей любви на всю жизнь к балету и о том, почему она заинтересовалась этим искусством.

Красный – любимый цвет княгини Нины Лобановой-Ростовской. Уже при входе в ее элегантную лондонскую квартиру в стиле *fin de siècle*² вас заворожат ярко-красные стены прихожей. От пола до потолка они по-

¹Аполлон (Apollo), Лондон, 2015, декабрь. Фотографии Робина Френда / Пер. с англ. Е.С. Федоровой.

² Эпоха модерна во Франции носила имя *fin de siècle* «конец века». Стилистически ей соответствовал Серебряный век в России, по времени развернувшийся несколько позже французского – в начале XX в., а также термин *Jugendstil* в Германии и пр. Иногда термин *fin de siècle* применяют и к русскому искусству модерн, особенно к его зарубежному периоду.

крыты эскизами декораций и костюмов, созданными Александром Бенуа для балета «Петрушка» (1911): это трогательный рассказ о безответной любви куклы к балерине. «Это мой любимый балет», – восклицает Нина. К тому же «Петрушка» Игоря Стравинского столь же известен, как и его «Le Sacre du Printemps» («Весна Священная»). Напротив этой серии рисунков висит другое произведение Бенуа – камерный рисунок Стравинского, перо художника застало его сидящим за фортепиано в зале Театра Костанци в Риме, в мае 1911 г., погруженным в завершение партитуры этого самого балета.

Л. Бакст. Эскиз костюма к балету «Пери», 1911 г.

Рисунки так живописны и одушевлены, что Нина признается: «когда я возвращаюсь домой из поездки за границу, то неизменно, вновь и вновь, очаровываюсь созерцанием всех этих театральных персонажей, принимающихся плясать для меня в своих золоченых рамах». Подобное впечатление рисунки производят и на других: «со времен своего первого визита российский дирижер Геннадий Рождественский, старый друг и частый гость, не может удержаться, чтобы не насвистывать на пороге „тему балерины-куклы“. Годом позже после первого посещения он подарил мне белую льняную подушку, на которой его мать черной ниткой вышила ноты первых тактов этой причудливой мелодии».

Своего будущего мужа, князя Никиту Лобанова-Ростовского, Нина встретила в Нью-Йорке в 1959 г. Коллекции, начало которой они положили вместе в Нью-Йорке в 1960-х годах, и которую продолжали пополнять в Париже, Сан-Франциско и Лондоне, суждено было стать крупнейшим и наиболее полным в мире частным собранием русской театрально-декорационной живописи. «Удивительно, что у Никиты и у меня было общее увлечение этим периодом взлета русского художественного

Нина Лобанова-Ростовская у себя дома в Лондоне, октябрь 2015 г. На стене над диваном висит эскиз декорации для сцены «Возвращение шаха Шахрияра» для балета «Шехерезада» кисти Л. Бакста, ок. 1910 г.

творчества, происходившим между 1880 и 1930 гг. В нашу первую встречу у нас не было других разговоров, кроме как о состоявшейся в 1954 г. в Лондоне выставке Дягилева, вызвавшей глубокий восторг у Никиты. В то время как иным молодым женщинам хочется, чтобы их пригласили в театр или в модный ресторан, я постоянно просила съездить в Си-Клифф на Лонг-Айленде (предместье Нью-Йорка), в колонию российских белоэмигрантов, где мы пили бесконечный чай и обсуждали „Русские балеты“, а иногда даже находили кое-какие эскизы. Многие из этих эмигрантов оказывались дядей, или сестрой, или двоюродным братом тех, кто был связан с „Русскими балетами“ или с каким-то из многочисленных ответвлений Дягилевского детища».

Нина, урожденная Жорж-Пико, родилась в семье французских дипломатов и высокопоставленных государственных служащих, любивших искусство. Ее двоюродный дедушка, Франсуа Жорж-Пико, был одним из разработчиков Соглашения Сайкса-Пико³, в котором были определены сферы влияния Франции и Великобритании на Ближнем Востоке; а один из ее двоюродных братьев – бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен. Ее отец, посол Франции сначала в Аргентине, а затем в Организации Объединенных Наций и его жена русского происхождения, принимали у себя наиболее известных лиц из мира искусства. В детстве Нина увлеклась балетом и мечтала стать балериной. Неожиданный визит Сержа Лифаря, друга семьи, в балетную школу, где она училась, произвел на нее незабываемое впечатление.

На стенах столовой висят портрет Сергея Лифаря в исполнении П. Челищева, ок. 1928 г. (верхний слева); эскиз костюма шаха Шахрияра Н. Гончаровой, ок. 1922 г. (слева внизу); и эскиз декорации для Пролога «Сказки о царе Салтане» А. Бенуа, 1928 г. (в центре)

Но тогда детскому увлечению Нины было не суждено воплотиться. Лифаря – одного из величайших танцоров XX в. и, в прошлом, премьера балетов в «Русских сезонах» Сергея Дягилева – попросили, чтобы он отвратил Нину и ее младшую сестру от стремления к столь трудной профессии. Понаблюдав девочек в школе танцев, он угостил их чаем с пирожными, а сам взял на себя испытание их решимости: «Ты настолько жаждешь стать балериной, что готова быть второй танцовщицей

³ «Соглашение Сайкса-Пико» 1916 г. о разделе азиатских владений Османской империи было подготовлено двумя дипломатами: французом Ф. Жорж-Пико и англичанином М. Сайксом.

слева в третьем ряду кордебалета в течение всей твоей профессиональной жизни?» Нина ответила: «Конечно, нет, я хочу быть прима-балериной или никем». «Понятно, – продолжал Лифарь, – тогда я должен тебе сообщить, что придется тратить по четыре часа в день на занятия у станка и непременно бросить верховую езду и шоколад». Как вспоминает Нина: «Эта беседа вдребезги разбила мою мечту о балетной карьере, но не мое увлечение балетом». Брачные узы Нины с князем Никитой Лобановым-Ростовским в 1962 г. укрепили ее предназначение – оставаться вечно вовлеченной в мир балета, но не в качестве примы-балерины, а как одной из крупнейших собирательниц русской театрально-декорационной живописи.

Многие русские художники работали для театра; если нужно было бы одним словом охарактеризовать художественные и музыкальные произведения, создаваемые этими художниками и композиторами, то тем словом был бы «цвет»: «цвет – это то, что меня привлекло к искусству русских балетов», – добавляет Нина. Когда Нина и Никита занялись коллекционированием, им встретилось очень мало конкурентов. Они узнали, что некоторые эмигранты и представители русской диаспоры были и тронуты, и удивлены тем, как молодая, энергичная пара с рвением взялась собирать столь очевидно второстепенный материал. «Большинство эскизов, которые мы купили в 1960-х годах, принадлежали перу двух художников, Александру Бенуа и Сергею Судейкину, поскольку эти эскизы можно было сравнительно легко купить в Нью-Йорке. У одного русского книготорговца, действовавшего как советский посредник и продававшего книги из СССР в Нью-Йоркскую публичную библиотеку, также было очень много рисунков Судейкина – художник эмигрировал в Нью-Йорк и работал для кабаре „Летучая мышь“ Никиты Балиева и для Метрополитен-Оперы. Существовал еще российский продавец книг по имени Владимир Гессен, который был близким другом старшей дочери Александра Бенуа, Анны Черкесовой, в то время жившей в ателье ее отца в Париже. Раз в год Гессен обыкновенно посещал ее, возвращаясь обратно в Нью-Йорк с портфелем, полным рисунков Бенуа. У него также имелось несколько работ Бакста, Ларионова и Лансере.

Ярко-красная прихожая увешана эскизами костюмов и декораций А. Бенуа

Н. Гончарова. Эскиз декорации к 1-му акту балета «Золотой петушок», 1914 г.

русской художественной интеллигенции. Его отец, Николай Бенуа, был известным архитектором Российской империи, работавшим в Зимнем дворце, Петергофе и других местах в пределах или вблизи Санкт-Петербурга. В начале 1890-х годов вместе с Сергеем Дягилевым и Леоном Бакстом Александр Бенуа основал журнал «Мир искусства», участвовал в связанных с ним художественных мероприятиях, а также в балетах «Русских сезонов». Эти художники пропагандировали культ красоты, существованию которой они видели угрозу в самой антиэстетической природе развивающегося индустриального общества. Продвигая и сохраняя художественное наследие прошлого, они умели сопрягать мир западного и русского фольклора – преданий, сказок, карнавалов и маскарадов. Венеция оказалась в центре притяжения этого мира снов и зеркал, и потому Дягилев и Стравинский

хотели, чтобы их похоронили именно там, на острове Сан-Микеле.

Дягилев совершил революцию в искусстве балета и замыслил привлечь, что осуществилось с беспрецедентным успехом, самых талантливых людей в каждую из художественных областей: музыки, литературы, танца и изобразительного искусства. Увлеченный возможностями, предлагаемыми Западом, и решившись покинуть Россию из-за ее политической нестабильности и цензуры, он стал самым могущественным послом русского искус-

Н. Лобанов и Жозефина Леонидовна Пастернак. Оксфорд, 1992 г.

ства и культуры за рубежом. Театральная коллекция Нины включает работы русских художественных звезд на разных этапах их деятельности.

Дягилев работал с 40 различными художниками, 20 из них по рождению русские. В коллекции, которая охватывает более чем полувековой этап российского декорационного искусства, представлены все русские художники этого периода. Как сказал исследователь русского искусства Джон Боулт, она охватывает всю историю русского искусства модерн, от неорусского стиля и символизма, через кубофутуризм и супрематизм, до конструктивизма и социалистического реализма. Здесь представлены наиболее значимые фигуры каждого из направлений:

Бенуа и Бакст, Александра Экстер, Павел Филонов, Наталья Гончарова, Василий Кандинский, Константин Коровин, Михаил Ларионов, Казимир Малевич, Любовь Попова, Александр Родченко, Владимир Татлин и Марк Шагал. Создание такой обширной коллекции – редкое достижение, которое могло осуществиться только благодаря неустанным изысканиям и встречам с представителями русской диаспоры. Среди них были Лидия и Жозефина Пастернак, сестры Бориса Пастернака, автора «Доктора Живаго», и дочери известного русского живописца Леонида Пастернака. Сестры жили в Оксфорде; обе сохранили старые дневники и тетради эскизов, оказавшиеся для Нины и Никиты неисчерпаемым источником информации о многих крупных российских художниках, писателях и музыкантах того периода, который предшествует 1930-м годам – в их числе Сомов, Левитан, Толстой, Скрябин и Рахманинов.

Как часто случается в коллекционировании, изыскательские маршруты сами по себе служили средством роста художественного опыта. В результате Нина и Никита покупали эскизы во всех уголках мира, немного меньше в аукционных домах, больше у торговцев и частных владельцев. Иногда свою роль играла удача. Нина вспоминает одну случайную встречу: «Однажды, зайдя выпить лимонаду в обычном греческом кафе в Афинах, под странным названием „Петроград“, мы с Никитой наткнулись на фантастически роскошную серию русской графики, развешанную как открытки на стенах. Мы не могли истратить более, чем \$100 дорожных чеков, однако приобрели

*Каталог к выставке в музее
Метрополитен, Нью-Йорк, 1967–
1969 г.*

Н. Гончарова. Эскиз задника для финала «Жар-птицы», ок. 1926 г.

эскиз Павла Челищева для "Костюма танцовщика с изображением леопардов на шароварах" [ок. 1920]». Джон Дж. МакКендри, тогда хранитель графики и эстампов в Нью-Йоркском музее Метрополитен, выбрал этот цветистый рисунок для обложки каталога Выставки русской театральной живописи из собрания Лобановых-Ростовских, состоявшейся в этом музее в 1967 г. С тех пор число выставок, где коллекция демонстрировалась полностью или частично, уже достигло цифры 68.

Нина неизменна в своем убеждении: «выставки должны способствовать образованию и по-новому освещать избранные для нее произведения». Обширный *catalogue raisonné*⁴ коллекции воплощает этот дух и превратился в подробное справочное издание; он был опубликован в 2012 г. издательством «Antique Collectors Club»⁵ в двух великолепных томах под названием «Masterpieces of Russian Stage Design» («Шедевры русской театральной живописи», 1-й том) и *Encyclopedia of Russian Stage Design* («Энциклопедия русской театральной живописи», 2-й том) при участии Нины, Никиты и их друга Джона Боулта.

Основной недостаток такого рода собраний, содержащих работы, выполненные на бумаге, заключается в том, что их заклятый враг – это свет. Это объясняет, почему в квартире Нины рисунки хранятся, по большей части, в самых темных закутках. Одна стена центрального коридора посвящена избранным портретам выдающихся деятелей искусства. Среди них художник Константин Сомов, работы Бакста, сам Бакст, Мстислав Добужинский, князь Александр Шервашидзе, написанный Бенуа, Серж Лифарь Челищева, Николай Рерих, исполненный Бурлюком, Гончарова и Дягилев, созданные Ларионовым, а также автопортрет Сергея Судейкина. «Собирая подобный материал, можно вплотную приблизиться к тому, чтобы встретиться с самими художниками в их студиях или на русских вечерах». Рисунки явственно источают некую эмоциональную атмосферу, которая усиливается благодаря насыщенному различным сведениям рассказу Нины. Мгновенно становится ясным, что все художники хорошо знали друг друга и что их портреты были сделаны друзьями и для друзей. Большинство из них имели шуточные или нежные посвящения, в соответствии

⁴ Систематический каталог, содержащий краткие пояснения.

⁵ Буев. «Клуб собирателей антиквариата».

со степенью близости к объекту посвящения и теми душевными движениями, завесу которых они позволяли приоткрыть. Так, Ларионов не только создал две плодотворные художественные группы вместе с Гончаровой – «Бубновый Валет» (1909–1911) и «Ослиный хвост» (1912–1913) – но, в конце концов, стал ее мужем.

На протяжении своей творческой жизни Гончарова, и сегодня одна из самых почитаемых художниц, освоила множество стилей, но всегда оставалась верной своим русским корням. Она тщательно изучала традиционные народные узоры, что подтверждается производящей мощное впечатление декорацией для первого акта «Золотого петушка», оперы-балета, впервые поставленного в 1914 г. для «Русских балетов Дягилева» в Париже. Задник Гончаровой, созданный для финала «L'Oiseau de Feu» («Жар-птица», 1926), действует не менее гипнотически своим трехмерным изображением сказочного христианского города, полного золотых церковных куполов, которые кажутся прямо перенесенными из древнерусской иконописи.

Коллекция особенно богата произведениями авангарда, где женщины-художницы занимают центральное место. Наряду с Гончаровой представлены работы еще одной русской художницы, Александры Экстер, обучавшейся живописи частично в Киеве, а также и во многих мастерских Европы. Близкая к Аполлинеру, Браку и Пикассо, она внесла свой вклад в выставки «Треугольник» (1910) и «Союз молодежи» (1910–1914) в Санкт-Петербурге. Малевич и Татлин побудили Экстер изучать беспредметную живопись, она стала выдающимся создателем костюмов и сценографии, как в театре, так и в кино. Время создания ее эскизов костюмов для кинофильма «Аэлита» (1924) по одноименному роману Алексея Толстого совпало с модой на научную фантастику в период непосредственно до и сразу после революции 1917 года. Экстер также изобрела понятие «эпидермического костюма» для балетных постановок, в котором танцовщицы были расписаны, а не одеты.

Работы русской по происхождению Соня Делоне также нашли свое место в коллекции. Вместе с мужем Робертом эта достаточно известная художница изготовила эскизы декораций и костюмов для возрожденной Дягилевым постановки «Клеопатры» (1918) в театре «Коллизей» в Лондоне.

Бакст также создал прославленные эскизы костюмов для «Клеопатры», но для ранней

А. Экстер. Эскиз костюма женщины для кинофильма «Аэлита», 1924 г.

Л. Бакст. Эскиз костюма Синей султанши к балету «Шехерезада», 1910 г.

Портрет Нины Лобановой-Ростовской работы Рудольфа Хачатряна в собрании ГМИИ им. Пушкина. Москва, 1986 г.

дягилевской версии, осуществившейся в Париже в 1909 г. Нина показывает другую работу Бакста, одну из жемчужин в коллекции: чувственный облик балерины Иды Рубинштейн, которая одета в костюм Синей султанши, созданный для «Шехерезады» (1910). Этот культовый эскиз костюма, вместе с эскизом к «La Régi» («Пери»⁶, 1911), много раз выставлялся на многих крупных международных выставках. «La Régi» является квинтэссенцией творчества Бакста и, конечно, Нина выделяет эту графику среди того множества эскизов, которыми владеет: «вьющийся шарф, орнамент "павлиний глаз", красочный костюм с открытой грудью, головной убор из перьев сделали «La Régi» одним из самых очаровательных и соблазнительных женских костюмов Бакста».

Неожиданная встреча Нины и Никиты с известным русским искусствоведом Ильей Зильберштейном в 1965 г. дала новую жизнь забытым произведениям и их авторам. Зильберштейн не только сумел изучить и обобщить тысячи документов, написанных главными действующими лицами кружка «Мир искусства», или о них, но также встречался с их еще оставшимися в живых друзьями и родственниками. Его пример не перестает вдохновлять Нину и Никиту, непрерывно стремящихся к новым знаниям и открытиям. <...> Зильберштейн сумел создать удивительную коллекцию, которую составляли около 3000 произведений – картин,

акварелей, рисунков и гравюр – в то время, когда частная собственность была запрещена. Его энциклопедические знания и многочисленные публикации об этой плодотворной художественной среде, а также о худо-

⁶ Балет Поля Дюка.

жественных приемах каждого художника, стали важным ориентиром для коллекционеров. Этот научный подход дал много сведений, полезных для Нининого коллекционирования.

Благодаря множеству поездок в Россию она познакомилась с оригинальными рисунками государственного Ломоносовского фарфорового завода – ранее известного как Императорский фарфоровый завод. В результате она стала экспертом в этой области: книга Нины «Революционная керамика: советский фарфор 1917–1927 гг.» была опубликована в 1990 г., и еще она рассказала мне, что сейчас работает над книгой о Кандинском и керамике.

В 2008 г. Нина и Никита согласились продать значительную часть своей коллекции благотворительному фонду «Константиновский» в России, который, в свою очередь, подарил ее Санкт-Петербургскому Музею театрального и музыкального искусства, расположенному в трех зданиях в Санкт-Петербурге. В одном из этих домов находится музей-квартира легендарного оперного певца Федора Шаляпина. Еще до падения «железного занавеса», при поддержке Ильи Зильберштейна и многолетнего директора Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина госпожи И.А. Антоновой, Нина и Никита вошли в число основателей Музея частных коллекций в Москве. Основная цель создания этого новаторского музея в том, чтобы предотвратить распыление частных коллекций родственниками после смерти коллекционера.

Хотя пара развелась в 2001 г., они до сих пор разделяют друг с другом страсть к коллекционированию и часто ведут оживленные разговоры о совместных открытиях, обращаются к воспоминаниям, обсуждают новые замыслы. Однако Нина решила сохранить за собой некоторые из самых дорогих ее сердцу произведений и продолжит коллекционирование пока сможет: «я хожу на все русские аукционы и по-прежнему приглядываюсь к акварельным эскизам». С щедростью духа, которая определяет ее характер, она пообещала предоставить большую часть коллекции некоторым музеям России, а также «Музею танца» в Стокгольме. Ее страсть к балету на многие грядущие десятилетия будет приносить плоды новым поколениям.

Анонс: Вышел в свет альбом «Международный благотворительный фонд „Константиновский“. Коллекция Лобановых–Ростовских»

25 марта 2016 г.

Санкт-Петербургский музей театрального и музыкального искусства выпустил первое издание из серии «Меценаты – музеям». Альбом «Международный благотворительный фонд „Константиновский“. Коллекция Лобановых-Ростовских» посвящен крупнейшей в мире коллекции русского театрально-декорационного искусства Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, которая с 2008 г. находилась в музее на временном хранении, а в 2013-м была передана ему в дар фондом «Константиновский». Альбом, посвященный коллекции, стал энциклопедией шедевров театрального искусства 1880–1930-х годов – эпохи, которая сделала международную славу русскому искусству. В результате двух лет обширной научной работы в издание Театрального музея вошли самые яркие материалы коллекции: 65 художников представлены краткой биографией и лучшими рисунками, холстами, афишами. Кроме широко известных российскому зрителю шедевров, таких как «Павильон Армиды» А. Бенуа или «Клеопатра» Л. Бакста, в издании опубликованы работы художников-эмигрантов, хорошо знакомые только специалистам. Блестящие графические произведения П. Челищева, М. Андреевко, Г. Пожидаева, Эрте (Р. Тыртова) к театральным постановкам, осуществленным в 1920-е годы на сценах Европы и Америки, занимают достойное место в альбоме. В издание также включены интереснейшие воспоминания самого коллекционера – Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

Приобрести альбом можно в музейных магазинах Шереметевского дворца, Театрального музея и Дома-музея Ф.И. Шаляпина.

Презентация альбома «Международный благотворительный фонд „Константиновский“. Коллекция Лобановых-Ростовских»¹

- Кто: Санкт-Петербургский музей театрального и музыкального искусства
- Где: Санкт-Петербург, ул. Графтио, 2Б, Дом-музей Ф.И. Шаляпина
- Когда: 24.03.16 (12:00—14:00)

¹ <http://www.forsmi.ru/announce/340632/>

Презентация

Список участников:

Альбом «Международный благотворительный фонд „Константиновский“. Коллекция Лобановых-Ростовских» представляют:

– автор-составитель, старший научный сотрудник СПГМТиМИ Елена Игоревна Грушвицкая,

– директор Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства Наталья Ивановна Метелица,

– генеральный директор Международного благотворительного фонда «Константиновский» Геннадий Андреевич Явник.

По окончании презентации состоится пресс-тур по Фондам Музея театрального и музыкального искусства, где хранится коллекция Лобановых-Ростовских.

Альбом «Международный благотворительный фонд „Константиновский“. Коллекция Лобановых-Ростовских» – первая книга серии «Меценаты – музею».

Для старта этой серии Театральный музей избрал едва ли не самое прославленное свое собрание – крупнейшую в мире коллекцию русского театрально-декорационного искусства Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, которая с 2008 г. находилась в Музее на временном хранении, а в 2013-м была передана ему в дар фондом «Константиновский». Альбом, посвященный коллекции, стал энциклопедией шедевров театрального искусства 1880–1930-х годов, от В. Поленова и А. Бенуа до М. Ларионова и А. Экстер, от «Русских сезонов» С. Дягилева до русских антрепризных спектаклей на Западе. В издание также включены воспоминания самого коллекционера – Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

Более 800 работ в разных живописных и графических техниках, 120 художников, включая А. Головина, В. Поленова, Л. Бакста, А. Бенуа, М. Врубеля, К. Коровина, М. Добужинского, М. Ларионова, Н. Гончарову, П. Челищеву, А. Экстер, эскизы декораций и костюмов к постановкам Русских балетов Сергея Дягилева 1909–1929 гг., а также графические материалы спектаклей русских антреприз на Западе, представляют собой целостную, исчерпывающую энциклопедию русского театрального искусства 1880–1930-х годов.

Коллекция Нины и Никиты Лобановых-Ростовских широко известна во всем мире. Ее появление в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства стало сенсацией. Собрание активно выставляется в российских и международных проектах и поныне продолжает вызывать самый живой интерес у публики и специалистов.

Альбом коллекции, изданный Театральным музеем, не претендует на полноту каталога-резоне. Полные научные каталоги собрания Лобано-

вых-Ростовских были опубликованы на русском языке в 1994 г., на английском – в 2013 г. В альбоме Театрального музея собраны самые яркие материалы коллекции: 65 художников представлены краткой биографией и лучшими рисунками, холстами, афишами. Кроме широко известных российскому зрителю шедевров, таких как «Павильон Армиды» А. Бенуа или «Клеопатра» Л. Бакста, в издании опубликованы работы художников-эмигрантов, хорошо знакомых только специалистам.

Блестящие графические произведения П. Челищева, М. Андреевко, Г. Пожидаева, Эрте (Р. Тыртова) к театральным постановкам, осуществленным на сценах Европы и Америки, занимают достойное место в альбоме. Все упомянутые в альбоме спектакли вынесены в отдельный указатель, в котором читатель без труда найдет важную информацию о постановках.

Альбом предваряют воспоминания самого собирателя – Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Это увлекательный рассказ об его общении с художниками, наследниками, коллекционерами.

Е.И. Грушвицкая
**Собрание Нины и Никиты
Лобановых-Ростовских¹**

В декабре 2013 г. в помещении Шереметевского дворца состоялось знаменательное событие. В рамках проведения Международного культурного форума состоялась передача в дар Санкт-Петербургскому государственному музею театрального и музыкального искусства известной коллекции театрально-декорационного искусства, собранной Ниной и Никитой Лобановыми-Ростовскими. В качестве дарителя выступил Международный благотворительный фонд «Константиновский», который еще в 2008 г.

приобрел 837 предметов из этой уникальной коллекции. Собрание Лобановых-Ростовских хорошо известно в мире². Основание этой кол-

¹ Вступление к альбому «Международный благотворительный фонд „Константиновский“ // Коллекция Лобановых-Ростовских. СПб., 2016.

² В 2015/16 г. Музей получил в дар от Н.Д. Лобанова-Ростовского еще 14 предметов, среди которых четыре ценных рисунка, выполненных художниками 1-й половины XX в.

лекции было положено в самом конце 1950-х. За эти годы она стала крупнейшим на Западе собранием театральной живописи конца XIX–начала XX в. Интерес коллекционеров к этому периоду понятен – в конце XIX в. в русский театр пришли знаменитые художники: М.А. Врубель и К.А. Коровин, А.Я. Головин и В.Д. Polenov, А.Н. Бенуа и Л.С. Бакст, Н.Н. Сапунов и С.Ю. Судейкин. Они способствовали поднятию декорационного искусства на небывалый художественный уровень. А «Русские сезоны» С.П. Дягилева в Европе заставили говорить об этих художниках во всем мире.

Никита – жите

Никита Лобанов «заболел» собирательством еще в студенческие годы, когда посетил в Лондоне в 1954 г. выставку, посвященную художникам «Русских сезонов»: «Как зачарованный смотрел я на эти работы и как-то в один миг решил, что в моей жизни обязательно настанет один такой прекрасный день, когда подобные работы станут моими». Судьба самого Никиты Дмитриевича необычна. Представитель древнейшего русского княжеского рода Лобановых, восходящего к Рюриковичам, он родился в Болгарии, в эмиграции, в 1935 г. Ребенком оказался в немецкой оккупации, а после окончания Второй мировой войны вместе с родителями был репрессирован. Одиннадцатилетним подростком год отсидел в болгарской тюрьме. Через шесть лет после освобождения ему удалось уехать во Францию и затем в Англию, где Никита поступил в один из колледжей Оксфорда. В качестве профессии была выбрана геология. Как беженец из Восточной Европы он учился за счет английской казны и учился отлично, все силы вкладывая в учебу. Свое образование Никита Дмитриевич продолжил в США, став в 1958 г. студентом Колумбийского университета в Нью-Йорке. Здесь он выбрал экономическое направление, и сочетание геологии и финансов оказалось очень плодотворным. Получив степень магистра и, отработав по контракту два года в Патагонии, Никита Лобанов продолжил образование на вечернем отделении Университета, изучая банковское дело, а днем работая в банке. Наконец могла осуществиться мечта о собственной маленькой коллекции произведений искусства. Еще в 1959, подрабатывая переводчиком и ассистентом в Нью-Йоркском университете, Лобанов позволил себе первые приобретения. Познакомился с известными коллекционерами и дилерами, владельцами антикварных и книжных магазинов Нью-Йорка. Изумительные листы с эскизами костюмов к «Петрушке» И. Стравинского стали первой покупкой, всего по 25 долларов за лист. До середины 1960-х покупать работы русских художников, работав-

ших за рубежом, можно было за сравнительно небольшие деньги. В 1967 г. лондонский аукцион «Сотбис» начал проводить торги русского театрально-декорационного искусства. Заново открывались имена русских художников. Лобанов успел приобрести большую часть коллекции в промежутке между 1959 и 1970-ми годами, когда русское искусство еще не пользовалось таким большим спросом на Западе. Важным источником пополнения коллекции стали сами художники и их близкие родственники, наследники. Переехав в Нью-Йорк, Никита Лобанов познакомился со многими из них. Он внимательно слушал воспоминания людей, когда-то работавших с С.П. Дягилевым, узнавал адреса русских художников, проживавших в Париже, Мадриде, Нью-Йорке. Многие, зная трудное материальное положение начинающего коллекционера, отдавали свои произведения за символическую цену.

В 1967 г. состоялась первая большая выставка коллекции, организованная Международным выставочным фондом в помещении музея Метрополитен в Нью-Йорке. Выставка была собрана из произведений, принадлежащих Лобановым, и Юрию Рябову, также русского по происхождению. 105 из 112 экспонатов этой выставки были собственностью Лобановых-Ростовских. Предисловие к каталогу написал известный русский художник Ю.П. Анненков. Выставка имела успех, стала передвижной и побывала во многих городах Америки.

Брак

В 1961 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский встретился в Нью-Йорке со своей будущей женой Ниной. Полуфранцуженка-полурусская, дочь французского посла Жоржа Пико, Нина разделила не только судьбу Никиты, но и его страсть к коллекционированию. В то время она работала журналисткой в одном из нью-йоркских издательств, пользуясь служебным положением, помогала Никите Дмитриевичу со справочным материалом, вместе с ним разыскивала владельцев театральных эскизов. В 1962 г. состоялась свадьба. С самого начала совместной жизни Нина включилась в собирательскую работу. У нее оказалось необычайное чутье и тонкий вкус. Она много преуспела в изучении и атрибуции купленных произведений, умело работала в архивах, собирала сведения. Без нее коллекция не оказалась бы столь строго систематизированной и каталогизированной. Собственно коллекция начала формироваться в ее нынешнем виде после того как возник союз этих двух людей. Их вкусы совпали, а темпераменты и характеры дополнили друг друга. Собрание и носит имена этих двух людей – «Коллекция Нины и Никиты Лобановых-Ростовских».

Начало

К началу 1980-х коллекция уже обрела целостность. Она всесторонне демонстрировала развитие русского театрально-декорационного искусства в эпоху модернизма. Четкие временные границы 1880–1930 подтверждали принятую классификацию периода. От реализма и символизма к конструктивизму и абстракции, все развитие русской дореволюционной и советской сценографии как в учебнике представлено экспонатами. Не все они равноценны. В коллекции имеются настоящие шедевры. Рисунок М.А. Врубеля «Дама на котурнах» относится к редчайшим. Он нарисован в тот сложный период жизни художника, когда душевная болезнь уже дает о себе знать. В лице модели можно найти черты сходства с женой Врубеля, певицей Н.И. Забелой. Известно, что многие сценические костюмы для жены он создавал сам.

Собрание

Огромная часть коллекции посвящена «Русским сезонам» С.П. Дягилева. Собственно, эта тема и была основным стимулом к собирательству. Первая выставка, которую Н. Лобанов увидел в Великобритании, так поразила его воображение! Тогда внимание его привлекли А.Н. Бенуа и Л.С. Бакст. Они не только авторы сценического оформления первых Дягилевских спектаклей, но и идейные вдохновители, режиссеры, сценаристы, дизайнеры. Большое количество первоклассных произведений этих художников в коллекции объясняется особым пристрастием к их творчеству. Почти полный комплект рисунков к парижской версии «Павильона Армиды» работы А. Бенуа, изящные эскизы Л. Бакста к балетам с участием Иды Рубинштейн, Тамары Карсавиной и Анны Павловой, пожалуй, это самые востребованные экспонаты. Ни одна выставка Серебряного века русской культуры не обходилась без произведений, принадлежавших Лобановым-Ростовским. Поражает уровень работ следующего поколения дягилевских художников – Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова. К 1914 г. Дягилев резко меняет направление своих поисков и привлекает к работе молодежь, смело разрушающую старые традиции. Тем, кто знаком с коллекцией навсегда запомнились яркие, энергетически наполненные листы к «Литургии» Гончаровой, рисунки Ларионова к дягилевским балетам «Лиса», «Шут», «Полуночное солнце». Эти произведения создавались в Швейцарии, Испании, Франции, но в них отразилась Россия с ее иконописью, лубком, народным кустарным творчеством. Ларионов настолько увлекся театром, что даже попробовал себя в качестве хореографа.

Одна из последних постановок в Дягилевской антрепризе, балет «Ода» на музыку Н.А. Набокова, была оформлена молодым художником из России Павлом Челищевым. Талантливый график и живописец известен за рубежом как сюрреалист и абстракционист. В России он практически не работал, и его имя было известно у нас, пожалуй, только специалистам. Бежавший, как и многие, с Белой армией, он на несколько лет осел в Берлине, работал в небольших театрах и киностудиях. Его работы 1920-х годов – настоящее украшение коллекции Лобановых. Он принадлежал к тому поколению художников, которое возвращено было в знаменитой киевской студии Александры Экстер. Произведения самой Экстер достаточно полно представлены в собрании, начиная с хрестоматийных эскизов к «Фамире-Кифареду» И. Анненского и, кончая разработками мизансцен и сценических площадок к пьесам классического репертуара. Особенно интересно рассматривать серию «марсианских» костюмов к кинофильму Я.А. Протазанова «Аэлита», поставленному по рассказу А.Н. Толстого в 1924 г. Тогда жанр фантастики только формировался как в литературе, так и в кино.

В собрании Лобановых-Ростовских много редких афиш и плакатов. Более ста из них были приобретены Международным фондом «Константиновский». Почти все они уникальны, несмотря на то, что афиши печатаются достаточно большими тиражами зачастую на дешевой газетной бумаге, которую так трудно сохранить. Плакат парижского театра Шатле работы В.А. Серова с летящей фигурой Анны Павловой – Сильфиды – был напечатан для первых выступлений Дягилевского балета в 1909 г. Он редко встречается не только в частных, но и в музейных собраниях.

Дар музею

Никита Дмитриевич и Нина Лобановы-Ростовские давно лелеяли мечту о возвращении коллекции в Россию. 886 предметов из нее обрели свое постоянное место хранения в Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства. Самое крупное в мире частное собрание произведений театрально-декорационного искусства вошло в музейные фонды. В 2014/15 г. музей получил в дар от Нины Лобановой-Ростовской еще 46 бесценных произведений русских художников, среди которых работы Л.С. Бакста, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибина, К.А. Коровина, М.В. Добужинского, С.Ю. Судейкина, С.В. Чехонина и др. Объем этого альбома не дает возможности представить всю коллекцию целиком. Те произведения, что мы выбрали – самые характерные, самые поразительные предметы этого собрания.

Уникальное искусство России. Выставка «Прорыв. Русское театрально- декорационное искусство. 1870–1930» в Государственном театральном музее им. А.А. Бахрушина.

Лидия Довыденко

Идея и воплощение¹

11 декабря 2015 г. в Москве, в Музее театрального искусства имени А.А. Бахрушина открылась выставка «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870–1930». Идея назвать грандиозный проект «Прорывом» принадлежит директору музея Д.В. Родионову при единодушной поддержке организаторов. Прежде чем перейти к описанию уникальной и масштабной выставки, скажу несколько слов о Государственном центральном театральном музее, основанном в 1894 г. известным московским

Пригласительный билет на выставку
«Прорыв»

¹ Берега, Калининград, 2016, № 1.

Фото Л.Н. Бурмистрова

промышленником и меценатом А.А. Бахрушиным (1865–1929). Фонды Музея очень богаты. Это более чем полтора миллиона экспонатов: портреты и фотографии великих русских актеров, эскизы костюмов и декораций мастеров сценографии, предметы декоративно-прикладного искусства, афиши спектаклей. Посетив музей, главное здание или один из 11 филиалов, и не только в Москве (в феврале 2014 г. открылся первый региональный филиал музея в Сочи), ты попадаешь в волшебную страну театрального искусства, которое раскрывается не только через экспозиции, но и благодаря встречам с известными артистами на творческих вечерах, благодаря лекциям по истории театра с использованием фондовых материалов.

Выставка «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870–1930» величественна и масштабна прежде всего потому, что это совместный проект с Санкт-Петербургским государственным музеем театрального и музыкального искусства. В состав сокровищ Санкт-Петербургского музея вошла коллекция Нины и Никиты Лобановых-Ростовских. Музей получил коллекцию в собственность в 2013 г. из рук фонда «Константиновский». В результате посетители впервые видят и оценивают как единое целое творчество театральных художников из собрания двух музеев. Во-вторых, это торжество той мысли, что не только «рукописи не горят», но и произведения, созданные кистью и карандашом. Это произошло во многом благодаря горячему желанию коллекционеров Нины и Никиты Лобановых-Ростовских спасти и сохранить для России творчество тех, кто, оказавшись вдали от нее, не оставлял мысли о Родине. Работы, представленные на выставке, свидетельствуют не только о ярком таланте создавших их художников, но и о грандиозности личности тех, кто спас работы от забвения и уничтожения. И, в-третьих, не покидает чувство благодарности организаторам выставки за то, что мы впервые видим художников России 1870–1930 годов без разделения на белых и красных, без разделения на российский и зарубежный периоды. Никто еще в искусстве не проходил этого пути, никто еще не создавал подобного проекта. Мы видим и чувствуем цельность и красоту, ритм линий и красок театрально-декорационного искусства России – это самобытное национальное явление, не имеющее аналогов в мире. К тому же еще один важный феномен выставки, на уникальность которого обратил внимание Н.Д. Лобанов, – это женщины-«гиганты» по таланту в русской живописи.

На церемонии открытия выставки «Прорыв» первое слово было предоставлено Никите Лобанову-Ростовскому. Он открыл вернисаж речью, высветившей современные проблемы искусства и культуры в России, и внес свои конструктивные предложения.

«Русское театральное искусство на рубеже XIX и XX вв., которое Вы здесь видите, – уникальное. Почему это так? В Европе и Америке в это время оформление сцены делалось ремесленниками, а в России этим занимались ведущие художники своего времени, что привело к тому, что все значимые живописные течения русского искусства начала XX в. были, так сказать, зачаты на сцене или были воплощены на ней. Россия должна гордиться этим и спонсировать, и поощрять организацию подобных выставок как можно чаще по Европе и Америке – как рекламу русской культуры. Но это, конечно, легче сказать, чем выполнить.»

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский рассказывает о выставке

В советский период культура была инструментом государственной пропаганды «достижений и успехов». После смены государственного строя в России государство перестало заниматься активной культурной пропагандой за рубежом до такой степени, что даже культотдел в МИДе был упразднен. Частные инициативы рекламировать русскую культуру за рубежом существуют, и они очень похвальны. Но требуется иной масштаб, а его нет».

В экспозиции выставки «Прорыв...» более 700 работ: эскизы костюмов и декораций, выполненные знаменитыми мастерами, их учениками и последователями, макеты постановок, плакаты, афиши спектаклей.

Впервые на одной выставке объединены собрания двух музеев в самых разнообразных направлениях авангардного искусства: футуризма, супрематизма, лучизма, конструктивизма и др. Взорам посетителей предстали работы Карла Вальца, главного декоратора и машиниста Императорских театров. В экспозиции представлены также шедевры Врубеля, Головина, Коровина, Бакста, Бенуа, Кустодиева, Рериха, Билибина, Ф. Федоровского, смелые эксперименты Малевича, Татлина, Экстер, Поповой, Веснина, Родченко, Лисицкого, Якулова, неповторимые в своей цельности и красоте декорации Ларионова и Гончаровой. Каждому разделу экспозиции отведено особое выставочное пространство: залы сиреневый, синий и др.

В выставку включены работы художников, выполненные ими для всемирно известных «Русских сезонов» под руководством С.П. Дягилева, постановок московского Камерного театра А.Я. Таирова и театра Вс.Э. Мейерхольда, оригинальные эскизы оформлений кабаре, цирковых и агитационно-массовых представлений, работы, созданные русскими мастерами к спектаклям за рубежом в годы эмиграции.

Куратор выставки – С.Г. Джафарова, известный искусствовед, специалист по искусству русского авангарда, рассказала, что из коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, включающей более 800 работ, на выставку было предоставлено около 220 произведений, что дало возможность параллельно показать русское искусство, которое осталось в стране, и русское зарубежье, т.е. то искусство, которое уехало и оплодотворило западную культуру. Интересно, что в отдельных случаях нашлись работы к одному и тому же спектаклю из Бахрушинского музея и коллекции Лобановых-Ростовских, ныне принадлежащей Санкт-Петербургскому музею театрального и музыкального искусства. Всего получилось более 700 произведений 100 художников. Основная часть (более 460 работ) – из коллекции Музея им. А.А. Бахрушина и небольшая, но очень значительная часть из основной коллекции Санкт-Петербургского музея (около 30 работ). С.Г. Джафарова обратила внимание на задуманную интригу выставки – поступательное историческое движение от направления к направлению по залам различных цветов, от одной картины мира – к другой, от первых художественных открытий к последующим.

Главный хранитель Санкт-Петербургского музея Т.В. Власова поздравила всех от имени руководства музея с безупречной, «потрясающе интересной» экспозицией, подчеркнув возможность даже для искусствоведов сделать новые открытия в «связи времен». Она рассказала, что по просьбе Бахрушинского музея и куратора выставки из Санкт-Петербурга приехали работы Школьника, эскизы Малевича к знаменитой «Победе над Солнцем», проект «Супрематического балета» Коган, костюмы к «Ревизору» учеников Филонова Евграфова, Ляндсберга, а также эскизы Акимова и Чупятова, которых в коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского не было.

В своем выступлении генеральный директор Музея театрального искусства им. А.А. Бахрушина Д.В. Родионов отметил:

«Русское театрально-декорационное искусство последней трети XIX в., вобравшее в себя достижения и традиции предшествующих двух веков, стало художественной платформой для формирования всех авангардных течений и стилей искусства начала XX в., явившихся ярким выражением тектонических разломов, происшедших в российском и мировом социокультурном пространстве. Эта взаимосвязь до настоящего времени часто рассматривалась исключительно в ключе противопоставления старой, изжившей себя практики перспективной декорации, кулисноарочного построения сценического объема – живописной декорации, декорации, создававшей яркий художественный образ места действия, и связанной, в первую очередь, с именами художников станковистов, пришедших в театр, именами художников Мамонтовской оперы, именами Головина, Коровина, Поленова,

пришедших в Императорские театры, позднее – декорации символической и конструктивистской.

Самобытность русской театральной живописи конца XIX – начала XX в., ее яркость, выразительность и высочайшее художественное качество не потеряли своей силы до настоящего времени и по-прежнему продолжают оказывать влияние на развитие искусства. Только в этом году Бахрушинский музей представил значительное количество работ на выставку в Музее Виктории и Альберта в Лондоне – „Русский театральный авангард: война, революция, дизайн, 1913–1933 гг.“ (18 октября 2014 – 15 марта 2015 г.). В настоящее время в мексиканском Музее изящных искусств в Мехико открыта выставка „Русский авангард“, где также представлено большое количество работ этого периода из собрания нашего Музея.

Открывают выставку работы замечательного мастера, главного машиниста и декоратора Московских императорских театров Карла Вальца, который благодаря своей исключительной энергичности и любви к театру стал неформальным художественным лидером, взяв на себя ответственность за сохранение зрительского интереса к спектаклям Большого театра. Почитатель импрессионизма, Вальц до К.А. Коровина и А.Я. Головина пытался делать в Большом театре импрессионистическое декорационное оформление.

Владея широкими и глубокими знаниями пространства сцены-коробки, Вальц свободно оперировал живописной декорацией, открывая в ней за традиционной статикой природного или архитектурного фона внутреннюю энергию динамических превращений и преобразований, причем эти возможности часто воспринимались именно как чудеса и волшебство, настолько точно и почти мгновенно производил Вальц перемены и изменения внутри спектакля. Такую декорацию можно определить как динамическую, что станет неотъемлемой частью театрального спектакля в XX в. Работа Вальца подготовила приход в Большой театр художников-станковистов, с одной стороны, с внедрением в практику театра принципа художественной целесообразности оформления спектакля одним художником, с другой – с постоянным расширением спектра художественных приемов и выразительных средств.

Одна из главных идей выставки – соединить в едином пространстве творчество художников, работавших в России, но оставивших Россию после 1918 г. и позже. Соединить белую и красную линию судеб. Показать, несмотря на разнообразные и неоднозначные художественные коллизии этого периода, их фундаментальное единое основание, связанное с русской национальной культурной традицией.

Выставка – это и рассказ о судьбе уникальной коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, ставшей частью коллекции Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства. Благодаря страстной

любви этих замечательных подвижников русской культуры мы сегодня имеем возможность представить удивительную панораму отечественного искусства одного из самых ярких своих периодов развития. Искренне благодарю Никиту Дмитриевича за этот колоссальный вклад в дело сохранения нашего культурного достояния, за идею и поддержку нашего проекта, за пристрастное внимание к нашей деятельности.

Благодарю коллег из Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства, лично его директора Н.И. Метелицу, за плодотворное сотрудничество и неустанный интерес к делу просвещения наших соотечественников.

Благодарю Светлану Георгиевну Джафарову, взявшую на себя непростые обязанности куратора проекта и проявившую страстную увлеченность в деле создания экспозиции выставки.

Благодарю всех сотрудников нашего музея, внесших свой вклад в подготовку и организацию выставки – одного из самых крупных проектов музея за последние годы, выставки, собравшей в единой идейно-художественной структуре более 700 работ выдающихся российских художников».

Благотворное возвращение в коренную Россию русского зарубежья и слияние двух русских ареалов – таков итог многолетней деятельности по поиску и обретению объектов русского искусства князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Как написал он в своей книге «Эпоха. Судьба. Коллекция», «...я выполнил долг русского человека перед Россией, в которой не был рожден. В меру моих сил и способностей я старался спасти то, что почти наверняка было обречено...»

«Для нас Ваше имя стояло рядом с именами художников той эпохи...»²

Круглый стол, заключающий Выставку «Прорыв», состоявшийся в Музее имени А.А. Бахрушина 16.02.2016.

Ведущие: Н.Д. Лобанов-Ростовский (автор идеи выставки и владелец коллекции, переданной России и составляющей значительную часть выставки), С.Г. Джафарова (куратор выставки, создатель визуальной концепции).

Начало коллекционирования

П.Л. Баранов. Как и когда начался Ваш интерес к живописи?

Н.Д. Лобанов-Ростовский. Я родился в братской Болгарии, в Софии, где не было музея. В детстве я не видел помещения, где бы висели кар-

² Литературная запись Е.С. Федоровой // Берега. Калининград. 2016.

тины на стенах. Когда я приехал в Лондон, в январе 1954 г. меня привели на выставку, подобную той, которую мы обсуждаем. Там были выставлены работы художников, работавших с Дягилевым. Их было 42, из которых 22 было русских. И последние доминировали. Что это значит? Они были лучше по качеству и ярче остальных. По крайней мере, это было моей иллюзией. Несмотря на то, что я не имел опыта и не был знаком с живописью, я загорелся. Иными словами, я влюбился в эту живопись. В отличие от человеческих отношений, где для их «возгорания» необходимы феромоны, в этой влюбленности главной составляющей является интеллектуальное и эмоциональное притяжение к той красочности, лубочности, которая была у художников «дягилевского окружения».

Плакат выставки «Прорыв»

Идея выставки

Н.В. Геташвили. *Во-первых, когда пришла замечательная идея этой выставки? Ведь со времени 1980-х мы внимательно следили за экспозициями с участием коллекции Никиты Дмитриевича. Для нас Ваше имя стояло рядом с именами художников той эпохи. Давно не было подобной выставки. Мы соскучились по энтузиазму, который ее сопровождает. И второе, чувствую «холод в сердце», когда представляю себе, как было трудно куратору выставки Светлане Георгиевне в тесноте «бахрушинских пространств», как удавалось по-новому интерпретировать периодизацию работ, их структуру?*

НДЛ-Р: То, что Вы сказали – «манна небесная» для моих ушей. Возможно, я Вас разочарую, но здесь 70 % того, что было моим замыслом.

НВГ: Это мы как раз понимаем.

НДЛ-Р: И это дает мне возможность открыто просить Вас помочь в осуществлении этой же выставки через год в Петербурге, но в полном объеме, так, как я ее первоначально предложил «Бахрушину» полтора года тому назад. А почему она не была показана в соответствии с первоначальным замыслом? Замысел трудноподъемный и требует больших интеллектуальных и организационных возможностей. Россия еще мало знает это свое наследие.

Н. Лобанов и С. Джафарова у последнего стенда. Слева от Лобанова два эскиза Шага-ла, а под ними Кандинский. Справа, эскизы Татьяны Бруни к балету «Болт» Д.Д. Шостаковича

А что еще хуже, еще не научилась гордиться им. Если можно было бы получить разрешение музея Бахрушина и Театрального музея Петербурга на новую презентацию их фондов и найти помещение, подобное Манежу в Москве, тогда Вы могли бы увидеть реализацию моего замысла – с помощью куратора выставки Светланы Джафаровой.

О концепции

С.Г. Джафарова. Спасибо за теплые слова. Первоначально существовала концепция-сценарий Никиты Дмитриевича, включавшая

450 работ из его коллекции, и с ней надо было как-то обойтись в этих стенах. Но из предполагавшихся произведений Санкт-Петербургский музей был готов выдать только 150. Столько же ответно подготовил и Бахрушинский музей. Понимание, что забронированные для выставки вещи не дают достаточной для хорошей выставки панорамы возникло у меня при первом же знакомстве со списками. Наталья Катанова, заместитель директора по науке московского музея, хорошо знакомая с проектом, так же была озадачена несоответствием сценария и его наполнения произведениями. Директор Бахрушинского музея Дмитрий Родионов принял решение о необходимости масштабных добавлений. Эта работа и была проведена. Ведь по мысли Лобанова-Ростовского каждая работа, или группа работ, должна была отвечать за определенное направление в живописи. Главной же его идеей являлось показать влияние станковой живописи, т.е. «большого стиля», на театр, и отражение станковой живописи в декорационных работах. К сожалению, мы не могли получить работы, принадлежащие ныне Нине Лобановой-Ростовской и оказавшиеся у нее дома, хотя Никита Дмитриевич включил их в свой список. Целый ряд желанных произведений был уже ранее обещан на другие выставки или параллельно уже экспонировался.

Например, нам были важны эскизы костюмов к фильму «Аэлита» 1924 г., созданные Александрой Экстер, поскольку её творчество в России заканчивается именно на этом ярком событии. Мы смогли представить запись самого фильма и другие костюмы близкого времени, но – «по остаточному принципу», поскольку основная коллекция работ Экстер этого этапа из коллекции Никиты Дмитриевича – оказалась на выставке в Нидерландах.

Нам также нужны были попавшие на другую зарубежную выставку работы Сони Делоне-Терк, выполненные в стиле симультанизма, для того, чтобы показать широту спектра взаимодействий парижских и русских новаторов, принадлежащих к одному кругу.

После внимательного обсуждения состава с Е.И. Грушвицкой, хранителем и исследователем фонда Лобановых-Ростовских в Санкт-Петербургском музее, были добавлены работы из этой коллекции, а также некоторые знаковые вещи из собрания самого музея. Среди них, как уже говорилось, знаменитые эскизы Малевича к «Победе над Солнцем», интересные для истории футуризма вещи Иосифа Школьника. Надо было учитывать и будущее соседство работ в экспозиции. Например, если бы мы взяли другую работу того же Школьника из собрания ГЦТМ, в имеющихся конкретных интерьерах она своей яркостью затмила бы другие вещи вокруг. Что-то из коллекции и музейных вещей нам не выдали по состоянию сохранности. Помимо того, наша выставка совпала с выставкой русского авангарда в Мексике, забравшей много работ «первого ряда» из коллекции Бахрушинского и Петербургского музеев, весьма необходимых для нашей экспозиции. Нам многое удалось, но действовали многие факторы, не позволившие развернуть идеальную картину в соответствии с концепцией Никиты Дмитриевича. Вот, например, ждешь «Город Леденец» Врубеля, а получаешь эскиз к «Царской невесте». Он тоже, конечно, прекрасен, но «Город Леденец» дал бы отклики сказочного города на горе во всех периодах живописи Серебряного века и русского зарубежья.

В процессе собирания материала была поставлена внутренняя задача продемонстрировать изменение общеевропейских художественных стилей и их влияние на русскую театральную живопись. То есть, как через театральное искусство проявлялось время. Воплощение этой идеи было приспособлено к конкретному пространству залов музея. Построение выгородок рассматривалось изначально как увеличение повесочной площади и важный образный признак интерьеров. Определенная высота дополнительных стен, напоминающих ширмы и кулисы, специально заданный цвет, определяющий свое время, участвовали в создании атмосферы выставки. Произведения размещались по месту и с учетом выигрышного положения для каждого автора. Например, работы каких-то художников тяготели друг к другу по

Круглый стол. Слева направо: Н. Лобанов, С. Джафарова, Н. Катонина и Г. Коваленко

смыслу академически, но рядом совершенно не смотрелись, а другие, наоборот, удачно уживались рядом. Так, блок Билибина, уравновешивал соседнюю стенку, где размещен «Портрет женщины в украинском костюме» Врубеля и его другие работы, и перекликался своими красными всполохами с Федоровским, размещенным на противоположной стене зала.

Места было мало, но наше общее желание было представить максимально весь собранный материал. И у меня возникла прямая ассоциация со сказкой про Золушку, где, как известно, пытались всунуть в хрустальный башмачок ножку, которая гораздо больше по размеру. Но в нашем случае все весьма удачно состоялось. В какой-то момент картины сами стали раскладываться равномерно по стеночкам. Из-за плотного выставочного графика в музее и большого объема окантовочных работ на построение экспозиции было дано три дня и три ночи. До одиннадцати вечера компоновали персональные блоки, а ночью их монтировали на стены. Параллельно стены красились в нужные оттенки. В какой-то мере на последнем этапе вещи легли сами собой. В некоторых случаях персоналии разорваны ради точности хронологии или, наоборот, разновременные вещи одного автора соединены ради эстетического единства в интерьере. Приходится признать, кое-что еще не нашло себе здесь правильного места. Например, украинский авангард хотелось бы видеть в «красном зале» с темой «театр и революция», но он ситуативно столь мал, что не вместил эти работы. Тем не менее, мне думается, что в экспозиции хорошо «читаются» и этапы искусства, и персоналии.

Получилась, на мой взгляд, «аксонометрическая проекция» движения пластических идей искусства того времени.

Состоявшуюся сегодня выставку можно рассматривать как пилотный проект какого-то будущего более значительного показа с участием большего количества произведений и владельцев. Ведь и московские вещи дополнялись к сложившемуся эстетическому пространству коллекции Лобановах для полноты картины. Без этих дополнений, казалось, не складывался весь хор ярких голосов той эпохи. Конечно, осталось ещё много интересного за бортом этого конкретного состава.

Приемы развески

Развеска у нас осуществлена в два и редко в три ряда: это совершенно нормально и органично Бахрушинскому музею. Если вы перелистаете старые каталоги и фотографии выставок 10–20-х годов XX в., то увидите такую же развеску. Сами представленные нами художники именно так показывали себя на выставке в 1925 г. в Париже. Например, костюмы Степановой нами экспонируется квадратом из 9 работ. На указанной выставке в

экспозиции из таких же 16 костюмов к «Смерти Тарелкина» также был составлен квадрат по четыре работы в ряду. Тесно висящими картинами художники передавали энергию и «сгущенную атмосферу творчества», некий его сконцентрированный «выброс». Таким образом, вынужденно плотная развеска соответствует и идее выставки – сжатой энергии, нацеленной на прорыв.

Безусловно, описанная манера развески не соответствует привычкам частных современных галерей, которые вешают каждую вещь на уважительном расстоянии, подчеркивая коммерческую ценность произведения. Но это не стиль наших старых музеев. Когда-то плотно и не в один ряд висели работы в старом здании Третьяковской галереи. Мы от этого уже немного отвыкли за последние годы. Однако все панорамные выставки – «Москва–Париж», «Москва–Берлин», «Великая утопия» – располагались подобным же плотным образом, поскольку каждая картина служила иллюстрацией идее, событию и пр. И на нашей выставке работы тоже представляют не только самих себя, но, в том числе, и иллюстрируют художественные направления. Для последней цели такая тесная развеска целесообразна. Вот персоналия Рериха: одну работу из коллекции Никиты Дмитриевича к «Князю Игорю» мы поддержали эскизами к «Пер Гюнту». И вот уже складывается представление о «театральном» Рерихе для того зрителя, который о нем мог ничего и не знать. То есть мы добивались некоей полноты представительности стиля художника.

На такую выставку необходимо возвращаться, поскольку с первого раза ее трудно «прочитать». Только сильно подготовленный зритель может сразу охватить весь изобразительный ряд. Богатство материала заставляет вникать постепенно.

Еще раз подчеркну, что большим подспорьем для зрительского прочтения послужили окрашенные в нужные цвета стены и специально созданные выгородки. Профессионально были высчитаны все параметры пространств, углы и простенки. Они структурировали выставку. В модных однообразных серых или белых стенах выстроить правильную картину движения направлений искусства во времени было бы гораздо труднее.

В воплощении этой идеи проявился большой административный потенциал музея. Кроме того, силами музея, его дружной командой (сотрудниками выставочного отдела, хранителями, монтажниками и др.), работавшей чрезвычайно организованно, все было сделано быстро и ловко, в чем сказались огромная выставочная практика последних лет. Невероятное количество драгоценных листов деликатно «одето»: нарезаны папарту, найден подходящий багет. Временные рамки, конечно, отличались своей унифицированностью от более дорогих и индивидуальных рам на

работах из коллекции Лобановых, которые подбирались Никитой Дмитриевичем для каждой вещи отдельно, в них они хранятся и передвигаются по выставкам. Эта разница позволяла на выставке обнаруживать зрительно принадлежность работ к разным собраниям.

Бахрушинский музей достоин очень высокой оценки за блестящую реализацию этого проекта. От себя лично я бесконечно благодарю музей за терпение и столь радушный и профессиональный прием такой многодельной выставки.

Название «Прорыв»

Год назад директор музея, Дмитрий Викторович Родионов, произнес это название – «Прорыв», определил ее вектор и панорамный характер. А «как корабль вы назовете – так он и поплывет». Мы должны были провести «корабль» через все разделы выставки от сиреневого зала модерна к синему залу символизма, к желтому залу футуризма, к взрыву конструктивизма в красном революционном зале, фантазмагории национальных театров, новому примитивизму и новой фигуративности 1920-х, к драматизму линий двух театров – Таирова и Мейерхольда, роскошной декоративности художников русского зарубежья, найти в конце точку совмещения двух линий русской культуры. Подобного напряжения художественных событий на театральной почве не было в других странах. Ведь дадаизм, развивавшийся параллельно, такого театра не имел. Так что надо было показать всю специфику отечественных открытий, «прорывов» на сцене.

Материал выставки был весьма однородный. Поэтому сильным акцентом выглядело горизонтальное панно Экстер к «Фамире-Кифареду», вынесенное в верхний ряд иконостаса из работ Экстер и Веснина для Камерного театра. У нас было всего два макета и одна витрина с куклами Поповой, т.е. не было никаких дополнительных пространственных материалов. Их негде было бы разместить. То есть иных объектов, которые отвлекали бы на себя внимание, помимо самой живописи и афиш, не было. Осуществив принцип панорамного показа, мы впервые экспонировали материал, опубликованный и хорошо изученный, но в новой композиции. Уникальность нашей затеи в том, что широкому зрителю была предоставлена возможность наглядно сопоставить энергию, палитру и живописную силу большого числа известных мастеров в одном пространстве.

Г.Ф. Коваленко, доктор искусствоведения, действительный член Российской академии художеств: То, что говорила Светлана, это правда. Кроме того, должен добавить, что в этой выставке чувствуется сильная кура-торская рука. Несмотря на лакуны, выставка построена так, что вы этого

не почувствуете: в ней очень правильно расставлены акценты, дано правильное движение. В ней видна воля, она представлена очень доказательно, в выставке можно проследить движение идей. Раньше в музее было не принято приглашать сильных кураторов. Сегодня традиция изменилась.

Задача музея

Должен добавить. Первая и главная задача музея – работать со своей коллекцией, по-разному показывать ее, варьировать демонстрации, давать различные акценты. Сегодня музей делает замечательные выставки из полученных работ. Но он не должен забывать о главном – о работе со своей собственной коллекцией. Например, то, что первым приходит на ум: представить из фондов музея отдельно «„Бубновый валет в театре», «Русский конструктивизм в театре» или сделать выставку одного спектакля – «Принцессы Турандот», скажем, окружив ее всем историко-театральным материалом и живописью Игнатия Нивинского к первой постановке пьесы – такой выставки еще не было. Или представить макет спектакля «Рогоносец» – и все то, что вокруг макета происходило, фотодокументы и пр. Наконец, публикации такого серьезного музея и должны быть на серьезном, я бы сказал, мировом уровне. Вот, например, издание по следам выставки «Принцесса Турандот». Мы постоянно сталкиваемся с тем, что нет современной литературы о сценографии. Конечно, в музее должен быть отдел каталогов, который бы работал по известным мировым стандартам...

Вот книга уважаемой мной Милицы Николаевны Пожарской «Русское театральное-декорационное искусство конца XIX – начала XX в.» 1970 г. и «Русские сезоны в Париже. 1908–1929» 1988 г. издания. Все мы были с ней дружны, читали ее книги, которые тогда были событием. Однако если сегодня вы возьмете книгу Пожарской, вы не сможете ее читать: там нет ссылок, например, на членов труппы Дягилева, ибо они тогда считались «врагами народа», и пр. В этом смысле книга совершенно устаревшая. И надо восполнять лакуну. Надо использовать рукописи, хранящиеся в музее (ведь в его архивах много уникальных материалов, которых нигде нет), издавать их, окружив комментариями и всякого рода изобразительными документами. Это путь европейского развития музея.

Эпоха еще не изучена

Я очень доволен этой выставкой. Она внушает надежды, что что-то сдвинулось. Мы видим серьезное искусство, которое еще предстоит исследовать. Прав Никита Дмитриевич, говоривший, что эта сторона художественной эпохи еще не изучена. Например, была выставка в Третьяковской галерее. Театральный раздел ее был представлен непродуманно,

потому что не исследован. Меня попросили написать статью по ее тематике, но предложили только шесть страниц. Разве это исследование? Я отказался. Раскручивают-раскручивают, а движения, изыскания нет. Моя статья о балете «Стальной скак» Сергея Прокофьева составила 75 страниц. Была хорошая выставка Натальи Курниковой, посвященная фигуративному модернизму, в ее галерее «Наши художники», но в прекрасно изданном каталоге нет ни слова о театре. У Ильдара Галеева сейчас проходит выставка «Школа Кузьмы Петрова-Водкина», связанная с его учениками. Эта тема огромна. Это весь Петербург. Здесь тема театра есть, хотя это и не было специальной темой выставки.

Находка

Мне повезло, полтора года назад я отправился на Кубу с единственной целью – увидеть 27 работ Экстер, никогда не публиковавшихся, никогда не выставленных. И я их видел. Они никогда не будут выставлены в Гаванне, там это не интересно. Они в идеальном состоянии. Привезти эту выставку ничего не стоит – положить листы в папку – никаких транспортных расходов. Нужно вернуть эти работы человечеству.

Я очень благодарен Никите Дмитриевичу за выставку. Вы всегда вызываете надежду, что будет что-то новое.

НДЛ-Р: Спасибо Вам большое. Стоит поддерживать таких людей, как мы.

Прорыв сегодня?

С.А. Пинчук, советник постоянного представительства Республики Крым при президенте РФ; начальник отдела по связям с политическими, общественными организациями и СМИ: Вопрос риторический. Выставка называется «Прорыв» – русское искусство прорывается в Европу, на определенный период завоевывает ее. Молодой князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский начинает собирать произведения этой эпохи, а затем мы видим «бум» среди коллекционеров по отношению к этому искусству. Сейчас тоже переломная эпоха. Возможен ли подобный «прорыв» русского искусства в XXI в. и что будут коллекционировать наши дети и внуки в XXII в.?

НДЛ-Р: Возможен ли сегодня прорыв, господин Пинчук? Да, конечно, каждая эпоха имеет свои удачные и неудачные прорывы. Мы живем в те времена, когда наши представления обо всем и наши восприятия неизбежно уходят. Двенадцатилетние дети сидят и смотрят в компьютер, получая оттуда нужную им информацию. А какой же прорыв может произойти?

Вчера впервые я попал к художнику Павлу Каплевичу. Изумительные живописные работы в контексте компьютерной техники! В этой области я ничего не знаю, может быть, поэтому его работы произвели на меня колоссальное впечатление. Но, несмотря на мои преклонные годы, я понимаю, что это – прорыв, подлинный прорыв. Многим это может и не нравиться, но это достижение. Вот мой субъективный ответ на Ваш вопрос.

СГД: Вопрос очень интересный, но требующий знаний о том, что происходит. В каждой национальной культуре существует хотя бы «две культуры», как говорил еще Ленин. Сегодня осуществляется та ситуация, при которой в информационное поле попадает только одна культура, а, следовательно, только определенное искусство. Нас лишили всесоюзных выставок в Манеже – искусство художников театра и кино ушло из поля зрения граждан. Из маленьких выставок в галереях и музеях невозможно «собрать общую картину», последняя панорамная, как наша, выставка была в 1996 году. Выставки с «узкой темой» позволяют выявить конкретную ткань искусства, но не менее необходимы и полезны панорамы, которые и искусствоведам проясняют нечто новое, а зрителю дают неожиданные эстетические впечатления и понимание процессов.

Мне понравилось это слово «Прорыв», хотя на первый взгляд звучит, быть может, резковато и его часто произносят по политическим или экономическим поводам с экрана телевизора. Но оно емко выражает идею. Названия прежних панорамных выставок всегда носили краткий и содержательный характер, а также имели исторический смысл. Например, название панорамной выставки «Москва–Париж» в 1970-е годы символизировало тот период, когда мы стремились найти общие корни с Европой. Дмитрий Владимирович Сарабьянов, наш глава кафедры «Истории русского и советского искусства» на искусствоведческом отделении исторического факультета МГУ, в те годы читал спецкурс «Русская школа среди европейских школ». Это тогда было и модной, и актуальной идеей. На эту тему писались дипломные работы и диссертации.

Мысль создания двусторонних выставок принадлежала шведу Понтюсу Хюльтену, который в Центре Помпиду устроил в 1970-е годы комплексные выставки: «Париж–Берлин», «Париж–Нью-Йорк», «Париж–Париж» и «Париж–Москва». Выставки составили цикл, так что идея была «закольцована». По поводу Москвы соображения были более широкими: он хотел устроить выставку «Москва–Париж–Берлин», показать общекультурный срез художественной жизни трех столиц. Выставка до сих пор осталась «фигурой умолчания», она не состоялась, распалась на две части во времени и пространстве, поскольку было две Германии, два Берлина – догово-

ряться с Советским Союзом о ее открытии тогда оказалось невозможным. Надеюсь, что когда-то она осуществится.

Панорамная выставка «Великая утопия» готовилась с 1989 г., а название свое получила весной 1991 г. Название вызывало ощущение, что происходившая жизнь в недавнюю советскую эпоху, оказывается в новой реальности перемены формации «утопией». Русский авангард тогда воспринимался как часть этой большой утопии, и все соглашались с этим в тот момент. А сейчас советский период уже воспринимается совершенно по-другому и «утопией» никак считаться не хочет. Русский авангард так лег в основу отечественной и мировой культуры, что надо еще поискать искусство, которое столь базово вошло бы внутрь культуры XX в. Идешь по нашей выставке и видишь две роскошные работы Веры Мухиной из коллекции Никиты Дмитриевича. Немедленно узнаешь в ее энергичных закручивающихся шаялях автора «Рабочего и колхозницы», произведения, где материал и формы уже другие, но в своей стилистике, сопоставимой с арт-деко, учитывается опыт периода авангардных новаций. Найденные ею художественные средства органичны в том и другом случае своему времени.. Иллюстрации детских книжек Лебедева, Конашевича, несомненно, имеющие отпечаток советской эпохи, и на которых мы все воспитывались, тоже идут из предшествующей эпохи, сейчас самоценны и вошли в историю искусства. А также полиграфические приемы, шрифты, к примеру, газеты «Правда», внешний вид и интерьеры советского метро, дизайн автобусов и многие другие атрибуты советского периода возникли из эпохи конструктивизма. На самом деле, не было в искусстве советского периода полного «вычеркивания» предыдущего периода, а затем начала «с чистого листа». Так что слово «утопия» можно скорее отнести к нам – тогдашним, нам – начала 1990-х годов, по ощущению нашего «лузерства», но не к искусству.

Выставка «Москва–Париж–Берлин» в той ее части, которая пока не была реализована, выявила бы силу и своеобразие каждого из этих культурных центров на фоне их стадийного художественного соответствия и разного политического устройства. Но такой проект ещё впереди. На выставке «Прорыв» мы лишь коснулись этой темы.

Название «Прорыв» не случайно. Есть потребность в нашем обществе в узнавании о своих «прорывных эпохах», отмеченных яркими явлениями, на которые можно было бы сориентироваться и сегодня. Тот прорыв был на Запад, это была дягилевская идея: русское искусство должно быть показано в Европе. Для осуществления этой идеи он многое сделал. Кроме того, сам театральный художник в эту эпоху производит новаторский прорыв. Театральные постановки были призваны увлечь новизной. Каждая твор-

ческая личность, представленная на выставке, была средокрестьем различных тенденций, влияний. Конечно, кто-то был более скромнен, кто-то более дерзок в своих притязаниях, но их всех охватывали активные потоки нового искусства, была создана атмосфера прорыва.

Таким образом, на этой выставке тесно не от работ, а от идей – если бы мы то же самое пространство заполнили спокойными пейзажами, пространство выставки не казалось бы таким тесным. В этой выставке, как в яйце, заключены дальнейшие тенденции искусства, концентрация будущего в театральном выплеске – прорыве.

Каталог

НДЛ-Р: Я добавлю, господин Коваленко, несколько слов по поводу каталога, который, как Вы сами знаете, оказывается важнее самой выставки. Выставка забывается, как оперное и балетное представление. Но остается документ. Я обращаюсь к дирекции музея: пожалуйста, воспользуйтесь случаем создать очень серьезный каталог, который стал бы настольной книгой по данной теме, и куда были бы добавлены недостающие на выставке работы, не увеличивающие количество иллюстраций, а обогащающие концепцию. В каталоге она должна предстать полной и исчерпывающей, чтобы сформировался «идеологический документ», которым могли бы пользоваться искусствоведы настоящей и будущей эпох.

Учебное пособие

Е.С. Федорова: Мои студенты прислали фотографию того, как всей группой вчера два часа стояли в очереди на эту выставку. Им очень понравилось. И я поняла, что эта выставка ложится на сердце и входит в ум молодого поколения. Мне кажется, что и Бахрушинский музей, осуществивший эту выставку, и инициатор и автор концепции Никита Дмитриевич, и куратор выставки Светлана Георгиевна достойны того, чтобы было создано общедоступное учебное пособие по материалам выставки. Пособие должно быть написано очень простым языком. Необходимо уделить место искусствоведческим очеркам по каждому направлению и кратким искусствоведческим справкам к конкретным работам. А также в пособии должен находиться историко-культурологический комментарий, где была бы выписана «историческая канва», события общественные, интеллектуальные и художественные, На историческую канву «лег» бы представленный живописный материал и вошел в соответствие с эпохой, перекликаясь с ней. События художественные ярче и понятнее, когда коррелируют с событиями историческими, создавая картину жизни общества сквозь призму «театрально-декорационных инноваций». Нуж-

но, чтобы этот справочник служил для гимназий, художественных училищ, вузов, университетов, был стереотипно переиздаваемым, общепринятым. Мой педагогический опыт говорит: то, что изучается в школе, то, что входит в программы средних учебных заведений, – входит и в культурное сознание страны, становится «базовым и традиционным фондом культуры». А то, что выходит за ее рамки, увы, как правило, остается маргинальным явлением, проходящим для социума «по обочине» общественного сознания. Надо сказать, что к счастью, в нашей школьной гуманитарной программе до сего дня существуют далеко не примитивные, тонкие и высоко интеллектуальные произведения литературы и искусства. Как показывает реальность, и эти вещи осваиваются большинством, если большинство начинает знакомиться с ними с детства. Так что я желала бы устроителям «Прорыва», чтобы у выставки было такое продолжение – учебное пособие, которое называлось бы, например, «Путеводителем Нины и Никиты Лобановых-Ростовских по театрально-декорационной живописи Серебряного века» и носило бы на обложке имя Лобановых-Ростовских.

Понятным языком

Участница Круглого стола: Я математик по специальности. Пришла сюда потому, что серьезно увлечена живописью. Будучи студенткой, посещала упомянутую Вами выставку «Москва–Париж». Мне хотелось бы сказать о предваряющем выставку описании, представленном на огромном полотне перед входом в музей. Оно содержит изобилие искусствоведческих терминов, не всегда понятных посетителям. Мы любители, тоже совершаем прорывы: первый – в искусство от своей специальности, второй прорыв – в очереди на выставку, третий – в освоении языка искусства. Хотелось бы, чтобы описания выставок были написаны менее специальным языком и были понятны нам, в частности, любителям-математикам. Анонс должен так же привлекать к выставке, как и сама выставка.

СГД: Если набрать в интернете нужное имя художника или направление в искусстве, «выпадет» информация, написанная доступным языком для всех, поскольку очень многое подробно изучено и тщательно описано, и стало достоянием интернета. Нашей задачей было – при минимальном количестве времени на организацию выставки – привлечь посетителей *смотреть* саму выставку, а не читать аннотации. Перепечатать уже многократно написанное и опубликованное просто не было времени. Состав выставки окончательно определился только за десять дней до открытия выставки. Свободного места на стенах практически не оставалось, и мы

не стали отягощать выставку дополнительной информацией, хотя можно было бы «выгнать» из интернета комментарии к терминам, описания и историю спектаклей. Но это не было нашей задачей.

На выставках, где мало, что смотреть, а просторные помещения имеют длинные стены, их заполняют большими экспликациями. Там есть время и пространство для чтения. В тех случаях действуют другие принципы устройства выставки. Мы же считаем, что люди разучились смотреть, и это стало проблемой нашего времени. А после нашей выставки можно прийти домой, почитать в интернете или справочниках, например, что такое кубизм, кубофутуризм и так далее. «Прорыв» мы делали для того, чтобы люди, прежде всего, полюбовались!

Когда-то мы имели возможность посещать всесоюзные выставки в Манеже два-три раза в год, в его огромных пространствах – это была тренировка пластического вкуса и глаза зрителя при наличии хорошо отобранных вещей. Сейчас этой возможности нет. И сегодня очень трудно опять привлечь общество учиться смотреть и видеть, фантазировать, интерпретировать пластическое изобразительное искусство, анализировать художественную форму, воображать, развивать свое восприятие. Это важная проблема.

О книге Лобанова и каталоге выставки

Еще должна обратить Ваше внимание на потрясающую книгу Никиты Дмитриевича «Художники русского театра. 1880–1930», изданную в 1994 г. на русском и английском (2013) языках. Там есть систематические сведения и про каждого художника, и про пьесу, и про постановку. Он опубликовал образцовую книгу о своей коллекции. Эту книгу Лобанов создавал совместно с искусствоведом, славистом Джоном Боултом. В нашем каталоге тоже будет статья этого автора и статьи наших известных историков искусства. Не ждите от каталога подробных текстов – там, прежде всего, будут опубликованы репродукции почти всех работ выставки и некоторые ракурсы экспозиции. Будут даны биографии художников, история комплектования коллекций, использованных для этой выставки, сведения о коллекции Лобановых-Ростовских. Подробного разбора произведений также не будет – это не задача каталога выставки.

Современные постановки

Участник Круглого стола: Вопрос к Никите Дмитриевичу: часто ли Вы посещаете современные российские театры, какие реакции вызывает у Вас художественное оформление спектаклей, как можно было бы сравнить его с оформлением современных европейских постановок? И еще один вопрос

к Вам как к коллекционеру: какие из современных художников, по Вашему мнению, будут интересны публике лет через пятьдесят?

НДЛ-Р: Я сразу признаюсь Вам, что не считаю себя компетентным серьезно ответить Вам на оба Ваших вопроса. Но очень узко ответить я попытаюсь и поделюсь с Вами своими впечатлениями. На прошлой неделе я побывал на балете «Дон Кихот» в Большом театре, в оформлении Валерия Левенталья. Некомпетентно, неудачно и не помогает восприятию потребителя. Как можно было потратить такие деньги Большого театра на постановку, где нет элементарной концепции?! Например, дома графа на сцене не существует. Соответствующий персонаж появляется откуда-то сзади – публика недоумевает, откуда взялся этот дядька и почему?! Недавно я видел балет «Раймонда», оформленный художником Сулико Вирсаладзе. Мне его цветовая палитра не близка. Но это профессионально сделано. Каждый персонаж по сюжету охарактеризован так точно, что здесь явно ощущается школа «классической постановки в классическом театре». И это меня привлекает. Те же «новые» спектакли, в которых современные постановщики стараются утвердиться на спинах гениев, создававших свои оригинальные постановки, мне не по душе. Несколько десятков лет назад, когда Николай Бенуа был главным декоратором театра Ла Скала, он организовал «Общество охраны оригинальных постановок», чтобы они оставались такими, как были созданы их творцами. Еще недавно Вы могли видеть в Большом театре и «Бориса Годунова», и «Хованщину» в их первоначальном художественном облике, созданном Федором Федоровским. И это было наслаждением!

Участница Круглого стола: Хотела бы продолжить Вашу тему, и это касается выставки «Прорыв». Мариинский театр изо всех сил старается поднимать из-под спуда старые «классические наработки», постановки начала XX в. Я думаю, этому способствует и иницирует разыскания Валерий Гергиев. В театре достают эскизы Головина, Васнецова, ставят оперы в соответствии с их художественными замыслами. Могу привести пример постановки «Псковитянки». В Мариинке тоже начинается маленький «прорыв». И если там «микроскопическая песчинка» прорыва произвела фурор, то тут тем более впечатление от «Прорыва» здесь – огромно!

НДЛ-Р: Я должен объявить, что пришел господин директор. Мы не были знакомы с Вами, господин директор, когда Вы мне написали и взяли на себя риск мне предложить тему выставки. И Вы себе тогда не представляли, на какое «минное поле» Вы вступили. Слава Богу, здесь был проводник, Светлана Георгиевна, который как-то провел нас, вместе с сотрудниками музея,

через это поле. И выставка осуществилась! Спасибо Вам, ведь это невероятное достижение, какими бы критериями Вы не захотели его судить.

Роль Джафаровой и Лобанова

Д.В. Родионов, генеральный директор ГЦТМ имени А.А. Бахрушина: Добрый вечер, друзья! Извините, что не был с вами с самого начала Круглого стола. Я присутствовал на заседании коллегии Министерства культуры, где обсуждалась судьба музея Рерихов. Я убежден, что сегодняшняя беседа была существенной и важной – в рамках громадного проекта, названного нами «Прорыв». Никите Дмитриевичу я хочу сказать, что наше доверие взаимно. Если бы его не было, наверное, мы бы вместе не вступили на эту длинную дорогу подготовки, проработки содержания выставки, анализа «подводных камней», содержащихся на пути ее воплощения. Ведь изначально у нас были сомнения, подходят ли камерные залы музея для столь грандиозного проекта. Мы задавались вопросом, не будут ли работы – в стенах маленького особняка Бахрушина – давить друг друга, съедать друг друга? Но все-таки пришли к выводу, что нужно показать их вместе, чтобы эта суггестия художественных энергий прозвучала мощно и дошла до самого неискущенного посетителя, чтобы он почувствовал своеобразие и красоту художественности.

Без решительного импульса, который давал нам Никита Дмитриевич, такое решение не было бы возможным. Впрочем, он иронично ловил меня на сомнениях по поводу успешной реализации проекта, и мне приходилось постоянно играть роль «безудержного оптимиста». Нам всем вместе удалось выполнить наш проект, и я благодарю Никиту Дмитриевича за веру в Бахрушинский музей, за творческое и человеческое доверие нашему коллективу. И, конечно, не могу не сказать самые добрые слова о Светлане Георгиевне Джафаровой, которая включилась в проект не с самого начала. Ей досталась трудная миссия – собрать и обработать значительный массив информации в одну общую композицию, чтобы выставка приобрела экспозиционную логику и стройность, которую сегодня мы видим в этих залах. Она эту работу проделала, с моей точки зрения, блестяще и достойно во всех отношениях. Примите, Светлана Георгиевна, нашу благодарность за Ваше мужество и искреннюю любовь к русскому театру и русским художникам. Поскольку в жизни все совпадает и все не случайно, пользуюсь случаем, чтобы поздравить Светлану Георгиевну с днем рождения, прошедшим совсем недавно.

Сегодня в истории отечественной культуры произошло знаменательное событие – Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому присвоено звание почетного члена Российской академии художеств, с чем мы его искренне поздравляем!

Восприятие выставки

С.И. Орлов: С наслаждением и радостью два раза очень внимательно смотрел эту выставку. Для меня это было большим праздником! Это необычная композиция, предельно концентрирующая внутреннюю творческую энергию, представляющая многообразие идей и неожиданность интеллектуальных ходов. В этой концентрации проявился интересный и важный момент: искусство разных периодов, которое мы привыкли разделять на символизм, авангард и прочее – это все единая интеллектуальная аура. Важно и то, что выставка разнообразна по сути: здесь и эскизы костюмов, и эскизы декораций. И последние выражают универсальные станковые идеи, концепцию и позицию самого художника. Выставка выявила связь между искусством театральным и станковым, а также связь с культурой выражения идей, присущих каждому художнику. Например, для Рериха не было различия между театральными эскизами и станковой живописью; в его сознании, в его художественном методе они были едины, поскольку жизнь – это театр, а театр – это жизнь. И для Александра Бенуа театральные декорации – это не вид искусства, а форма восприятия мира и форма выражения своих идей. Весь период «рубежа веков» – единая и неделимая связь театра и жизни, художника и мира воображения, мира истории. Театр не что иное как окно, символические врата в миры воображения, истории и театра.

НДЛ-Р: Неразличение подхода к станковой и театральной живописи – это явление, присущее только России. Такого больше нигде, ни в какой другой стране не было. И это одна из очень важных характеристик русского искусства и поражающее нас его уникальное качество.

Достоинство выставки

А.А. Золотов, профессор ВГУ им. М.С. Щепкина и Российской академии госслужбы при Президенте РФ; действительный член и вице-президент Российской академии художеств: Здесь присутствуют сразу два из числа членов Президиума Российской академии художеств: профессор Коваленко и я. Мы оба свидетельствуем о том, с какой радостью и волнением Президиум приветствовал Никиту Дмитриевича в качестве почетного академика. Это действительно высокая и, главное, искренняя оценка его вклада в существование русской культуры в данном историческом отрезке времени. Он – это удивительное человеческое явление, когда мы видим столько внутренней стремительности, энергии, знания, любви, еще и еще раз любви к своему отечеству, к русскому искусству, к русским людям, живущим и в России, и во Франции. Благодаря выставке они могут узнать

многое из того, что, может быть, не всегда под рукой. Выставка удивительна, прежде всего, тем, что представляет огромное живописное богатство.

В годы моего обучения в Московском университете я слушал лекции профессора Сергея Ивановича Радцига по истории античной литературы. У него был удивительный афоризм: «Человек, который прочитал „Илиаду“ и „Одиссею“, на всю жизнь останется человеком, прочитавшим „Илиаду“ и „Одиссею“». Я думаю, что люди, посетившую эту выставку – это уже немножко другие люди. Им открылось – даже не богатство, – а чувство русского театра, русской живописи. Мы все получили возможность побыть в обществе русских художников, которых мы в основном не застали, и ощутить, что мы их как будто знали лично – через их театр. Поскольку театр обладает особой способностью – внушить людям в зале некое доверие к тому, что происходит на сцене. Сцена как бы «облучает» людей в зале. Художник в театре, наверное, самое первое лицо. Актеры могут входить в спектакль и исчезать из него. А художественный облик постановки навсегда остается в сердце зрителя.

Эта совершенно фантастическая выставка нас увлекла и унесла в те «облики русского театра», которые остались в сердцах людей, бывавших на премьерных тех времен. Эти «облики» каким-то чудесным образом подарены нам сегодня. Я думаю, что Театральный музей имени Бахрушина во главе с Дмитрием Викторовичем и его помощниками является сегодня в Москве художественным сосредоточием интеллектуальных сил в искусстве, которым причастны многие и многие люди, имеющие профессиональное отношение к искусству или не имеющие, подобно, например, лондонским математикам.

Я хочу поблагодарить Светлану Джафарову, которая проявила большую внутреннюю художественность, создавая эту выставку вместе с Никитой Дмитриевичем и Бахрушинским музеем. Я полагаю, что Академия художеств должна отметить эту работу одной из академических наград. Я об этом позабочусь, по крайней мере, внесу такое предложение.

Должен объявить, что сегодня Российской академией художеств было принято решение избрать своим почетным академиком Дмитрия Викторовича Родионова. Мы этому очень рады.

ЧЕСТВОВАНИЕ И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

Исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося ученого, литературного критика, искусствоведа, коллекционера, одного из основателей многолетнего издания «Литературное наследство» Ильи Самойловича Зильберштейна, посвятившего всю свою жизнь собиранию коллекции живописи и рисунка русских и западноевропейских мастеров. Среди частных коллекций послереволюционной России его собрание занимает особое место – это небольшой музей русского и западноевропейского искусства. В 1987 г. Зильберштейн передал ее в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

В марте 2016 г. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина открыл в Отделе частных коллекций (созданном по инициативе коллекционеров, главенствующим среди них был Илья Самойлович) выставку «Илья Зильберштейн. К 110-летию со дня рождения».

Н.А. Алпатова

Н.Д. Лобанов-Ростовский Юбилей И.С. Зильберштейна В ГМИИ им. А.С. Пушкина

И.А. Антонова и Н.Д. Лобанов-Ростовский

Чествование 110-летия со дня рождения Ильи Самойловича Зильберштейна состоялось в Итальянском дворике ГМИИ им. А.С. Пушкина в 19:00 28 марта 2016 г. Программу вела И.А. Антонова, Президент музея. Затем выступали директор РГАЛИ Т.М. Горяева, А. Г. Луканова, заместитель заведующего отделом личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина; заместитель директора РГАЛИ по научной работе Г. Злобина и Н.Б. Волкова, вдова Ильи Самойловича. Потом выступала я и завершил выступления М.Е. Швыдкой, представитель президента по международному культурному сотрудничеству.

В своем обращении к присутствующим я отметил уникальное достижение Зильберштейна: ему удалось совершить совместное мероприятие между государством и частником-коллекционером. Ведь коллекционеров в ту эпоху называли «спекулянтами». Идеоло-

гия того времени не допускала сотрудничества между государством и частными лицами. Благодаря усилиям Зильберштейна и Антоновой был создан Музей личных коллекций при ГМИИ им. А.С. Пушкина в здании слева от музея, которое до того принадлежало фирме «Автоэкспорт». Принцип музея был основан на том, что коллекционер дарит музею, а музей ему предоставляет пропорциональное пространство для размещения даров. Каждый даритель имеет свое пространство, где выставляются только

Слева направо: А.Г. Луканова, Н.Д. Лобанов-Ростовский, М.Е. Швыдкой, Т.М. Горяева. 110-летие Зильберштейна, ГМИИ им. А.С. Пушкина, 28 марта 2016 г.

его дары. Музей не требует от дарителя никаких других обязательств, как, например, денежный дар за уходом дарения. В любом музее вне России значительный дар музею (Зильберштейн подарил 2200 единиц) сопровождается значительным вкладом наличными за содержание дарения. Как член Музея Метрополитен в Нью-Йорке я был причастен к дарению собрания импрессионистов от банкира Бобби Лемана. Он дал 25 млн. долларов на постройку залов и 25 млн. на уход за его коллекцией. Сегодня создание Музея личных коллекций вряд ли кого-нибудь удивит, но в эпоху «светлого прошлого» – этого было немыслимо с позиции философии марксизма-ленинизма. После создания Музея, отношение правительства к коллекционерам резко изменилось. Их перестали называть «спекулянтами», а предложение описи правительством всех частных коллекций было не выполнено.

Вспоминая эту эпоху, Ирина Александровна Антонова отметила, что среди коллекционеров были и спекулянты, которые разыскивали живопись и антиквариат, торговали ими и этим наживались. Я считаю, что такая «спекуляция» была положительным явлением, ибо мотивировка заработка вдохновляла этих «спекулянтов» выискивать по всей стране культурное наследие и предлагать его настоящим коллекционерам.

Нина о Зильберштейне

А вот, что моя бывшая супруга Нина вспоминает о Зильберштейне:

«В сентябре 1970 г. ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства) пригласил нас провести две недели в СССР за их счет. Они нас заприметили, потому что в 1967 г. Никита организовал выставку

Н.Д. Лобанов и Н.Б. Волкова. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Отдел личных коллекций, Москва, 27 марта 2016 г.

Н.Д. Лобанов и Н.Б. Волкова у бюста Зильберштейна работы Л.М. Баранова (заказ Н.Д. Лобанова, переданный в дар ГМИИ им. А.С. Пушкина). Отдел личных коллекций. Москва, 27 марта 2016 г.

работ из нашего собрания русского театрального искусства в музее Метрополитен, в Нью-Йорке, с каталогом. Никиту попросили выступить в Москве, Ленинграде и Киеве на тему о русских художниках-эмигрантах. Через ЦГАЛИ мы узнали о существовании Клуба коллекционеров и официально встретились со многими его членами, с некоторыми из которых мы завязали дружбу.

Первый советский коллекционер, с которым мы встретились, возможно самый значительный, – искусствовед профессор Илья Самойлович Зильберштейн. Мы познакомились в 1965 г. в Париже, в бывшей мастерской Александра Бенуа по адресу рю Огюст Витю, 2, куда нас с Зильберштейном пригласила на чай старшая дочь Бенуа Анна Черкесова. Доктор Зильберштейн был в Париже в командировке от советского Министерства культуры. Его задание было купить у Сержа Лифаря 13 любовных писем А.С. Пушкина своей тогда невесте Наталье Гончаровой (задание не удалось выполнить). Зильберштейн любил творчество Бенуа. Между нами сразу же образовалась дружба, как только он узнал, что мы восхищались и собирали Бенуа. По-

мимо этого он почувствовал в нас ту самую навязчивую «лихорадку коллекционера», которой он сам был заражен. Зильберштейн завязал переписку с Никитой, часто прося его разузнать или подтвердить те или иные сведения о художниках-эмигрантах для своих статей и книг. Глубоко сознавая значимость архивного материала, который в изобилии теснился в квартирках стареющих художников и их вдов, Илья Самойлович убедил Никиту купить некоторые архивы, связанные с Бенуа, Дягилевым, Константином Коровиным,

Сомовым, Судейкиным, Яковлевым и другими и подарить их ЦГАЛИ, которым заведовала вторая жена Зильберштейна Наталья Борисовна Волкова.

Собрание Зильберштейна

Потрясающий успех Зильберштейна в архивных исследованиях и профессиональных публикациях оказал влияние на его коллекционерскую деятельность. Он положил основание своей коллекции еще юношей-подростком в Одессе, когда совершенно случайно ему повезло купить два прекрасных рисунка Бориса Григорьева. Шестьдесят лет спустя его коллекция представляла настоящую историю русского рисунка и акварели от конца XVIII в. до начала XX в. Она включала почти каждого значительного художника, и количество работ каждого художника превышало нормальные коллекционерские владения: 60 работ Ильи Репина, 22 рисунка Павла Федотова, почти 50 работ Бакста и примерно столько же Константина Сомова, 72 рисунка Александра Бенуа и многочисленные другие сокровища, как 76 портретов декабристов и их жен в исполнении Николая Бестужева.

Несмотря на ее разнообразие, у коллекции Зильберштейна есть ядро: Илья Самойлович больше всего лелеял работы «мирискусников», творчество которых отображено в собрании их лучшими работами. Мы с Никитой помним, с каким благоговейным восторгом мы любовались шедеврами в «лазурной» библиотеке Зильберштейна, когда он нас впервые пригласил на обед в 1970 г. Среди работ были портреты Анны Павловой и Айседоры Дункан в исполнении Бакста, известный портрет Бориса Кустодиева, изображающий Федора Шаляпина в меховой шапке, театральные наброски Александра Бенуа, Сергея Чехонина и Мстислава Добужинского, репинский изящный «Летний пейзаж в Абрамцеве» (1879), изображающий женщину в белом на порушенном мосту, а также работы Ореста Кипренского, Александра Орловского, Павла Федотова, Карла Брюллова, Василия Садовникова, Алексея Венецианова, Владимира Боровиковского, Василия Тропинина, Алексея Боголюбова, Василия Поленова и мн. др.

Западноевропейская часть коллекции была построена гораздо менее логично, чем русская, и во многом состояла из удачных находок, как, например, рисунок Рембрандта «Авраам и Исаак по дороге к алтарю» (1643). Есть множество французских рисунков, включая несколько в исполнении Юбера Робера и автопортрет Виже-Лебрён. Еще одна группа замечательных рисунков и работ акварелью состоит из набросков, сделанных архитекторами и мастерами интерьера, которые работали в России в конце XVIII и начале XIX в.: Франческо Галли Бибиена, Джузеппе Валериани, Пьетро Гонзага, Джакомо Кваренги и Тома де Томон.

Музей личных коллекций

Зильберштейн был не только историком и коллекционером. Он был также практичным и дальновидным человеком. Он знал многих собирателей и понимал, что после смерти многие коллекции будут распроданы детьми и вдовами (поскольку в то время в СССР якобы не было частной собственности, то также не было налога на унаследованное имущество) или распиханы по разным музеям, где они очутятся в запасниках. У него была идея, простая, но неожиданная для человека, который жил в стране, которая неодобрительно относилась к частной собственности. Он предложил создать Музей личных коллекций в здании слева от Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве. Идею он изложил Ирине Александровне Антоновой, замечательному и неугомонному директору ГМИИ им. А.С. Пушкина. Зильберштейн пригласил Никиту сопровождать его к Антоновой в роли русского эмигранта, коллекционера русского искусства, который поддерживает инициативу и тем самым обеспечивает поддержку русской диаспоры. Илья Самойлович пообещал подарить всю свою коллекцию Музею личных коллекций, если таковой будет создан. Музей открылся 24 января 1994 г., поначалу в здании «Автоэкспорта» на Волхонке, № 14, как филиал ГМИИ им. А.С. Пушкина. В 2005 г. его перевели в другое здание на Волхонке, № 10, справа от музея. Коллекция Зильберштейна составила ядро владений нового музея. Нужны были неординарная дальновидность, мужество и самопожертвование, чтобы, во-первых, реализовать создание такого музея, и, во-вторых, чтобы расстаться целиком со своей коллекцией, состоящей из свыше трех тысяч рисунков, акварелей, графики.

Мы с Никитой гордимся, что наши имена фигурируют вместе с именами других сооснователей и дарителей на мраморной табличке в крытом дворике музея.

Похороны

На прощании с Ильей Самойловичем в Большом зале ГМИИ им. А.С. Пушкина 25 мая 1988 г. я была единственной иностранкой. Гроб был обит красным бархатом и усыпан цветами сирени. Около гроба стояли три мольберта с тремя картинами: «Летний пейзаж в Абрамцеве» Репина, фронтиспис Бенуа к пушкинскому «Медному всаднику», изображающий Евгения, убегающего от Медного всадника, и «Король прогуливается в любую погоду» Бенуа. Я горько плакала, потому что мы потеряли друга, который щедро советовал, наставлял и направлял нас в нашей собирательской деятельности и наших поездках в Россию. Это был незабываемый человек».

Н.Д. Лобанов-Ростовский
Вспоминая Зильберштейна –
к столетию со дня рождения
Стенограмма выступления на встрече
с общественностью в Отделе личных коллекций
27 марта 2016 г.

Наше знакомство

Я познакомился с Ильей Самойловичем 50 лет тому назад, в 1965 г., в Париже, где я тогда работал в банке. Иссар Саулович Гурвич, обаятельный торговец русским искусством, мне рассказал о Зильберштейне и дал мне его адрес в гостинице «Вольтер» на ке Вольтер вдоль Сены, недалеко от квартиры Лифаря на той же стороне набережной. Мы с Ниной поехали к нему в гости и у нас сразу же завязались дружеские отношения. Мы пригласили его на ужин в следующее воскресенье с целью показать ему наши парижские приобретения, главным образом работы Александра Николаевича Бенуа. Будучи диабетиком, Илья Самойлович мало что кушал за ужином. Увидев, что мы с Ниной серьезно увлечены «Миром искусства», а в особенности театральной живописью, Зильберштейн нас всячески поддерживал и поощрял в этой деятельности. Ему захотелось иметь портрет Бунина работы Бакста, а также и портрет Есенина работы Бенуа. Но мне тогда было жалко с ними расстаться, и я ему их не отдал. Но на этом тема не закончилась.

*И.С. Зильберштейн у себя в кабинете.
Москва, 1956 г.*

Авиабилет

После этой встречи у нас завязалась регулярная переписка, и я ежегодно навещал Илью Самойловича во время моих официальных командировок в СССР в качестве ростовщика. Параллельно я установил деловые связи с Натальей Борисовной, которая, от имени ЦГАЛИ, пригласила нас с Ниной в 1970 г. на две недели в СССР взамен на то, что я передал им архив Сергей Судейкина. Нам выдали 14 тысяч рублей, часть которых Нина отказывалась на себе носить, говоря, что будучи ростовщиком, я должен

располагать деньгами. Сначала мы встретились с коллекционерами Москвы и Ленинграда. Потом нас повезли в Киев. Там в фойе гостиницы «Днипро», пока мы разговаривали с местными представителями ЦГАЛИ, некий представившийся глухонемым умело вытащил у меня из кармана пиджака бумажник с оставшимися рублями и авиабилетами. К счастью, в те годы заграничникам нельзя было иметь паспорта при себе. Они должны были лежать в гостинице. Возник вопрос, где найти две тысячи с чем-то рублей на покупку авиабилетов на полет обратно, а также преодолеть запрет иностранцам покупать авиабилеты на территории СССР. Деньгами нас выручил Илья Самойлович, который снял деньги из сберкассы и нам их передал. А скандинавская компания SAS сжалилась над нами и продала нам билеты в Лондон.

Запрет упоминания имени Лобанова-Ростовского

*Н.Д. Лобанов рассказывает
об И.С. Зильберштейне.
ГМИИ им. А.С. Пушкина. Отдел личных
коллекций, Москва, 27 марта 2016 г.*

Илья Самойлович много писал в «Литературной газете» и «Огоньке» о российском культурном наследии, находящемся за рубежом. В том числе он написал большую статью в «Огоньке» о нашем собрании с иллюстрациями на страницу или разворот. 16-го февраля 1983 г. наш общий знакомый Борис Ионович Бродский мне написал: «Илья Самойлович статью закончил. Печатать ее будет журнал „Огонек“. Тираж – что-то более двух миллионов. Задержка теперь за слайдами. Как я и предвидел, потребовались слайды 9 x12 см. Увеличить их могут только

в одной единственной лаборатории. Кроме того, редакция просила подробную аннотацию к картинкам. Предлагают печатать и Ваш портрет». Статья вышла в свет без упоминания моего имени и, конечно, без моего портрета. Заканчивалась она словами «продолжение следует», что оставляло надежду. В письме от 29 июня 1983 г. Бродский пишет: «Но, увы, Илью Самойловича, как у нас говорят, „сделали“. О том, что журнал не собирается печатать продолжение, было ясно. Хуже всего то, что ста-

рику заморочили голову „инстанциями“. А «инстанции» – это Комитет государственной безопасности СССР.

Илья Самойловичу запретили упоминать мое имя. КГБ в письме от 25 мая 1983 г. главному редактору журнала «Огонек» товарищу Сафронову указывало: «Возвращаем Вам статью И.С. Зильберштейна „Шедевры отечественной культуры“. Популяризацию Лобанова-Ростовского Н.Д. и его коллекции в советской печати считаем нецелесообразным. По нашему мнению, статья оставляет впечатление саморекламы автора и по содержанию написана с объективистских позиций. Начальник пресс-бюро КГБ СССР Киселев Я.П.»

Бывший сотрудник «Огонька» мне объяснил случившееся в письме таким образом: «...то, что когда-то завернули статью Зильбера, меня несколько не удивляет. Собственно, иначе и быть не могло в то время. Рассказывается о коллекции „беляка“, у которого отец, „беляк“, был даже репрессирован и пропал без вести в наших или болгарских лагерях. А мы его коллекцию будем пропагандировать, всякие там авангардистские штучки. Это сейчас все дозволено. А тогда бдели, будь здоров как! Единственно, чему я порадовался, что Сафронов (человек довольно трусливый, несмотря на его личное хорошее отношение с начальством из органов) наложил крепко в штаны, получив такой ответ».

Несмотря на запрет, Илья Самойлович искал выход из этого тупика. Мало кто во времена «светлого прошлого» взялся бы оспаривать решение КГБ. В одну из моих поездок в СССР в 1984 г. Илья Самойлович намекнул, чтобы я предложил портреты Бунина и Есенина СССР, а за этот жест он брался уговорить КГБ снять запрет на употребление моего имени в его статьях и в печати СССР. Я согласился. Илья Самойлович пошел на Старую площадь и вернулся довольный, несмотря на то, что ему пришлось унижаться и уговаривать генерала Киселева переменить свое решение. В следующий свой приезд я передал Илье Самойловичу оба портрета. В результате 27 августа 1984 г. последовало иное письмо в «Огонек», в котором частично указано: «Возражений против публикации, в части, касающейся КГБ СССР, не имеется. Приложения: статья на 4 листах – не секретна. Начальник пресс-бюро КГБ СССР Я.П. Киселев.» В результате обширная статья Ильи Самойловича о нашем собрании была опубликована в «Огоньке» с анонсом на обложке в № 36, за сентябрь 1986 г. Об этом мне написал Зильберштейн в письме от 13 сентября: «...Я Вам сообщил, что уже вышел №36 „Огонька“, в котором начало моей статьи о Вашей коллекции русской декорационной живописи, и что через два дня выйдет №37, где печатается конец этой моей статьи».

Оригинальные документы на бланке КГБ за подписью Киселева мне удалось приобрести из архивов КГБ в 1992 г.

Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина

31-го июля 1985 г. Илья Самойлович мне писал: «С директором музея изобразительных искусств И.А. Антоновой я говорил о Вашей выставке. Она очень положительно относится к этой идее. Убежден, что в конце августа Вы получите официальный ответ на это Ваше предложение».

Как предсказал Илья Самойлович, госпожа Антонова мне прислала письмо, где сообщала, что она готова выставить у себя в музее наше собрание, но что она не имеет права договариваться о выставках с иностранными коллекционерами, и что это необходимо решать через Министерство культуры. Вслед за этим я написал в Министерство культуры, ссылаясь на письмо Ирины Александровны. В ответ мне указали, что у всех музеев запланированы выставки на последующие пять лет.

Советский Фонд культуры

Прошло два года. К власти пришел Горбачев. Был создан Советский Фонд культуры, который получил больше прав, чем Минкульт СССР, и стал как бы ее противовесом. В начале 1987 г. Илья Самойлович пригласил меня к себе домой, говоря, что в этот вечер из Киева прилетает первый зам-пред Фонда культуры Георг Мясников (доверенный Раисы Максимовны Горбачевой), который хотел бы со мной поговорить. Как выяснилось, Мясников хотел показать наше собрание в России, потому что в уставе Фонда был пункт, связанный с возвращением на Родину культурных ценностей. Я ответил, что не могу самостоятельно решить, ибо я являюсь только совладельцем собрания. Я должен был спросить Нину. Нина согласилась, и я ответил Мясникову положительно.

В письме от 7 февраля 1987 г. Борис Ионович Бродский пишет: «Илья Самойлович утверждает, что выставка Вашей коллекции в музее Пушкина планируется на январь 1988 г. Уверенность его такова, что мы готовим текст, в котором упоминается подарок Никиты Лобанова, после его выставки, в Музей частных коллекций работы Николая Бенуа». А 20 февраля Борис Ионович пишет: «Поздравляю с официальным решением о проведении выставки Вашей коллекции в Москве в Музее им. Пушкина. Звоните Зильберштейну».

Я связался с Ириной Александровной, ибо мне нужно было ее письменное подтверждение о сроках проведения выставки. Это позволило бы мне начать оформлять страховку и документы о ввозе и вывозе части собрания из СССР. Она прислала мне такое письмо от 10 апреля 1987 г. Отобрав 400 с лишним работ для выставки, я отправился в Москву на официальную встречу с Мясниковым. В те времена узор линолеума на третьем этаже Минкульта состоял из супрематических картинок Малевича.

вича. К счастью, специалисты Минкульта этого не понимали. Мы уселись в переговорной, и Мясников меня спросил: «Почему Вы хотели со мной встретиться?» Я ему ответил, что в гостях у Зильберштейна он просил нас показать нашу коллекцию в России. На что Мясников сказал: «Я Вас не о чем не просил». А я ответил: «Дорогой, я понимаю, что Зильберштейна Вы сможете прижать, но со мной так не выйдет. К тому же у меня письмо от Антоновой, где написано, что выставка состоится. А ежели Вы ее запретите, то Вам придется мне выплатить значительную неустойку за мой финансовый и моральный ущерб». Мясников побледнел. В зале был телефон. Я набрал телефон Антоновой и передал Мясникову трубку. И тут началась феноменальная перебранка, в присутствии корреспондента газеты «Родина» Н.Г. Щегловой и фотографа газеты В.Д. Некрасова, которые запечатлели эту встречу.

В результате выставка состоялась, и Илья Самойлович не пострадал.

Смелость

В 1960 г. в «Правде» появилась крохотная статья, без подписи, о кончине Александра Николаевича Бенуа в Париже. Инициатором статьи был Илья Самойлович. До этого времени о любом «мирискуснике» можно было писать только отрицательно. В 1974 г. Илья Самойлович заметил, что за рубежом к этому времени вышло 79 книг о Сергее Дягилеве, а в России ни одной. Илье Самойловичу удалось пробить книги о Дягилеве, Бенуа, Коровине и Серове. Мне удалось пополнить большую часть его книги о Коровине следующим образом. В Париже Константин Коровин подрабатывал своим талантом рассказчика, публикуя еженедельно рассказы в газете «Русская мысль». В конце Второй мировой войны в редакцию «Русской мысли» попала бомба и все номера газеты были уничтожены. Илья Самойлович хотел воспроизвести как можно больше литературного наследия Коровина.

Алексей Коровин

В Париже Илья Самойлович разыскивал (среди множества другого) тексты статей, которые Константин Коровин публиковал в газетах «Возрождение» и «Русская мысль». Илья Самойлович вслед за книгой «Александр Бенуа размышляет» собирался издать книгу «Константин Коровин вспоминает». Часть статей ему удалось найти, но большинства он не имел.

Собирая театральную живопись, я искал следы покойного Алексея Коровина, чей стиль очень напоминает работы отца, как по палитре, так и по почерку. Михаил Бенуа (заведующий Русской частной оперой в Париже Марии Кузнецовой) дал мне адрес вдовы Алексея Константиновича (1897–1950), у которой была двухкомнатная квартира в 16-м округе Парижа.

У нее осталось мало работ мужа. Я купил у нее все, что там было. А на вопрос: есть ли у нее еще что-нибудь? – она указала на большой пакет весом килограммов пять. «Это газетные вырезки статей Константина Коровина. Хотите их?» Я тут же их купил и поблагодарил судьбу за то, что она привела меня туда, ибо шесть месяцев спустя после моего визита она скончалась. Я отвез в Москву пакет со статьями и передал их Илье Самойловичу. Таким образом, у него очутился почти весь подбор, и он смог опубликовать книгу («Константин Коровин вспоминает...» М.: Изобразительное искусство, 1971).

Серов – Юсупов

Н.Д. Лобанов-Ростовский с картиной В. Серова

Во время визита в Париж в 1964 г. Зильберштейн побывал у князя Юсупова. Он часто заходил к князю на беседы с его супругой Зинаидой Александровной, и главным образом, с Феликсом Феликсовичем. В его доме на улице Пьер Герен в 16-м округе находился портрет его отца работы Серова «Юсупов в мундире кавалергарда, стоя у вороного коня»¹. Вариант этой картины «Юсупов в белом мундире верхом на белом коне» (1903) был хорошо известен Зильберштейну, ибо он висел в постоянной экспозиции в Русском музее в Ленинграде, и ему очень хотелось вернуть эту картину в Советский Союз. Феликс Феликсович не соглашался, несмотря на то, что Зильберштейн был чрезвычайно убедителен и красноречив.

После кончины Юсупова картина перешла по наследству его дочери Ирине, а от нее к внучке, Ксении Николаевне Сфинри, урожденной Шереметевой. Ксения Николаевна решила ее продать. Она поделилась этим с моим дядей Николаем Васильевичем Вырубовым, который и меня известил об этом.

Я был готов за нее заплатить 50 тыс. долларов с целью обменять картину на театральные эскизы в любом из музеев Советского Союза и об этом написал Зильберштейну, который приветствовал мое предложение, предложив немедленно связаться с ним при моей очередной поездке в Москву. В 1976 г., договорившись с Зильберштейном, в назначенный час я явился к нему на квартиру на Лесной улице. Там нас ждала «Волга» из Министерства культуры, которая нас отвезла на свидание с Генрихом Поповым, начальником министерского иностранного отдела. Я заметил, что у него

¹ Граф Феликс Сумароков-Эльстон (1856-1928) – муж княгини Зинаиды Юсуповой, чей титул и имя он принял.

на столе лежала большая фотография картины Серова и справка из Третьяковской галереи о ее подлинности. Я выразил свое желание обменять картину Серова на 10 театральных эскизов Головина, чьи работы отсутствовали у меня в собрании. Попов отказался, что было в те времена обычным ответом советского чиновника. Зильберштейн напомнил Попову, что Третьяковская галерея очень хотела бы иметь эту картину и что мое предложение явно в пользу Советского Союза, ибо 10 эскизов Головина могли бы стоить тогда максимально 20 тыс. долларов. Попов был неумолим.

В сделках такое отношение советского чиновника обычно, по моему опыту, кончалось взяткой. Но Попов был мне неприятен и, в отличие от других коммерсантов, взятку я ему не предложил. А идти к министру П.Н. Демичеву мне не хотелось, я знал, что Попов и Демичев – одного поля ягоды.

Зильберштейн был чрезвычайно огорчен. Мне же было обидно за то, что лишний раз пришлось безрезультатно иметь дело с советским чиновником.

Зато Попов наладил хорошие деловые отношения с Антониной Гмуржинской, хозяйкой известной галереи, торгующей авангардом в Кельне. Гмуржинская покупала в 1960–1970-х годах шедевры авангарда 1920-х годов в Москве и Ленинграде у коллекционеров и семей художников. С официальным разрешением Министерства культуры она вывозила живопись, заплатив продавцам и Минкульту. Часть того, что она вывезла, было приобретено у нее П. Людвигом. Ныне эти работы висят на двух этажах в Музее им. Людвиг в Кельне (Russische Avangarde. 1910–1930; Sammlung Peter Ludwig; Museum Ludwig).

Зильберштейн проявил свое чрезвычайно дружеское отношение ко мне, подарил уникальный эскиз Головина, костюм для Тамары Карсавиной в роли Жар-птицы (1910). Честь и слава ему!

После неудачи я предложил Ксении Николаевне свести ее с Аукционным домом «Сотбис» в Лондоне. Она согласилась. Вскоре Джулиан Барран, директор отдела импрессионистов приехал в Париж и вместе с Ксенией Николаевной и Вырубовым они отправились на склад «Сожегард» на авеню Клебер, где хранилась картина. Барран был ею восхищен и оценил ее в

Н.Д. Лобанов-Ростовский на презентации книги И.С. Зильберштейна «Парижские находки». Музей личных коллекций. Москва, 1994 г.

100 тыс. фунтов. Ксения Николаевна была в восторге и тут же согласилась поставить ее на аукцион в Лондоне. Но на аукционе картина не продалась, в 1977 г. она казалась покупателям слишком дорогой.

После аукциона картину купил антиквар американец Николас Лин, у которого был антикварный магазин в Лондоне «Зимний дворец» (Winter Palace).

Когда Лин скончался, его имущество, включая картину Серова, 13 февраля 1986 г. продавалось на аукционе «Сотбис» в Лондоне (лот 61). Там ее купил М.Л. Ростропович.

Никита Лобанов-Ростовский: «В моем кабинете только хорошо обрамленные копии»²

Интервью Елены Калашниковой

Что для Вас главное достижение Ильи Самойловича Зильберштейна?

Здесь было много сказано об исключительной деятельности Ильи Самойловича как писателя и издателя. Ему удалось издать свыше 75 книг. Одновременно он создал собрание изобразительного искусства, включающее больше 3000 предметов. Но самое важное, с моей точки зрения – это создание им Музея личных коллекций, который открылся в 24 января 1994 г. Представьте: в тоталитарном коммунистическом государстве правительство и частное лицо сошлись для создания Музея личных коллекций – это противоречит доктрине марксизма-ленинизма, которая не предвидит частной собственности, и потому совместная деятельность государства и частника концептуально невозможна. Ведь в СССР коллекционеров считали спекулянтами. Музей был создан с целью принимать частные коллекции произведений искусства и предоставлять дарителю место в музее, пропорциональное количеству его даров. При этом, не налагая на дарителя никаких дополнительных финансовых обязательств. Государство взяло на себе все расходы по содержанию музея. Это было возможно только в коммунистической системе. Во всех других странах дары музею сопровождаются денежной компенсацией за необходимость ухода за ними и хранение. Вот Вам пример. Нью-Йоркский Бобби Леман (пайщик банка Lehman Brothers) подарил Метрополитен-музею свою коллекцию импрессионистов. Помимо этого он дал 25 млн. долларов, чтобы музей перестроил для нее помещение, и еще 25 млн. – на уход за

² Опыбл. 20 мая 2016 г. <http://o-culture.com/zhivopis-grafika-fotografiya-skulptura/item/2138-nikita-lobanov-rostovskij-ya-okruzhjon-kopiyami-i-s-nimi-razgovarivayu-kazhdyj-den>

картинами. А до недавнего времени Лувр облагал дары «налогом» – фактически музей Лувра делал дарителю одолжение, принимая от него дар. Мне очень обидно, что ГМИИ им. А.С. Пушкина не пользуется этим уникальным в мире музеем и его не рекламирует, а даже наоборот – половина помещения ныне используется как склад. А относительно нового названия Музея личных коллекций, вижу, что нынешняя администрация ГМИИ им. А.С. Пушкина переименовала «музей» на «отдел» с целью в конце концов покончить с достижением Зильберштейна.

А какие у Вас любимые работы из коллекции Зильберштейна?

В его кабинете висел портрет Кати Серебряковой работы ее матери, он висит здесь, у входа. И картина Александра Бенуа «Петр Великий на прогулке», которая также находится в начале экспозиции. В кабинете Зильберштейна множество эскизов стояли возле стены, а иные, над которыми он, наверное, работал, лежали на письменном столе. Я всегда удивлялся, как Илья Самойлович разбирается в изрядном беспорядке у себя кабинете. Он уверял, что весь этот видимый беспорядок так устроен, что он знает, где, что и как находится.

Марк Шагал сделал рисунок для Зильберштейна. Какие-то художники писали специально для Вас?

Да, Николай Александрович Бенуа сделал, по крайней мере, пять моих портретов; Ремизов, живший в Солнечной Долине в Калифорнии (а я – в Нью-Йорке, т.е., в четырех часах полета от него), послал мне автопортрет по почте, это же сделал и Леон Зак, который жил в Париже.

Н.Д. Лобанов на встрече с общественностью по случаю 110-летия со дня рождения И.С. Зильберштейна. Лекторий Отдела личных коллекций. Москва, 14 февраля 2016 г.

Фотокопии работ из собрания Лобановых-Ростовских в кабинете Н.Д. Лобанова. Лондон

Какие у Вас любимые работы из своей коллекции?

Декорации Михаила Ларионова и костюмы Льва Бакста.

А со временем меняются ли Ваши предпочтения?

Да, вначале я пренебрегал авангардом. То есть, когда я приходил в семью Родченко, они мне передавали работы (в 1950–1960-е годы дома хранить их было опасно), я вывозил их и дарил Музею современного искусства в Нью-Йорке и Музею Гугенхайма. В 1970 г. профессор Джон Боулт убедил меня создать энциклопедическую коллекцию, которая отобразит все движения искусства в России, и моя коллекция расширилась на 176 художников.

А до этого по какому принципу формировалась Ваша коллекция?

Вначале мы стремились иметь работы каждого из 22 художников российского происхождения – из тех 42-х, которые работали у Дягилева. А затем мое восприятие расширилось, что привело к коллекции работ 176 художников.

На встрече-лекции в Отделе личных коллекций Вы сказали, что сейчас ничего не покупаете, только раздариваете.

Да. Я перестал покупать уже последние пять лет, ибо, считаю, что наше собрание стало достаточно содержательным.

А если Вы перестали покупать, значит ли это, что Вы хотите всю свою коллекцию раздарить?

Да, хочу раздарить все, что имею, – не только картины, но и состояние и имущество. Я ведь начал жизнь уличным человеком. В Болгарии, когда вышел из тюрьмы, я чистил ботинки. Я обеспечил первую супругу. Вторая моя супруга – потомок рода Сидней, предком ее был королевский казначей. Так что у них достаток на десять поколений вперед. Пасынку я купил дом и дочери супруги построил дом, так что обоих детей я обеспечил. Но давать сверх того считаю ненужным, пусть сами зарабатывают. Я им дал базу, на основании которой они могут развивать свою жизнь. Вот почему я хочу как можно больше раздать.

И Вы готовы расстаться с любимыми работами?

Уже расстался. Я окружен копиями. В моем кабинете только копии, хорошо обрамленные, но копии. С ними я разговариваю каждый день.

Расскажите про свой обычный день.

Встаю в 6:30 или 7:00. Утреннее пищеприятие для меня – главное. Пью

цикорий (три большие чашки), потом яйцо всмятку с тостом, смесь семечек с сырой овсянкой и большим количеством черники (потому что у меня диабет). После 10-ти утра иду на часовую прогулку быстрым шагом. Потом отвечаю на письма в электронной почте, их накапливается от 40 до 60 с чем-то за ночь. В 12:30 приходит моя помощница – Ольга Шаумян, внучка бакинского комиссара (Вы слишком молоды и не знаете про этих людей, расстрелянных английскими интервентами в Туркменистане), и мы работаем с ней до восьми вечера. Питаемся мы в определенные часы: обедаем ровно в час, пьем чай в 17:00, ужинаем – в 20:00. В восемь вечера я прерываю работу, а Ольга иногда продолжает работать до десяти. С девяти до десяти я провожу с супругой, все остальное время она работает в другом помещении у себя в кабинете. Вот мой стандартный день.

А чем занимается Ваша жена?

Она никогда не работала, всегда занималась хозяйством в имении и домах. Домохозяйка, как принято говорить.

А какие у нее интересы?

Она – графолог: по почерку определяет характер людей.

Это было ее профессиональной деятельностью?

Нет, она никогда не работала, ибо не было необходимости. Может быть, Вы помните, я сказал, что она потомок лорда Сиднея. В нынешней России люди, подобные Сиднею – это, скажем, Вексельберг и Прохоров.

Кто самые важные люди в Вашей жизни?

Думаю, супруги. Без первой супруги Нины не было бы нашей коллекции. Ее зарплата была 42 доллара в неделю, моя – 86, мы жили на одну зарплату, а остальное уходило на собирательство. За последние 18 лет жизни со второй супругой Джун я обрел изумительный покой и возможность работать, не отвлекаясь, поэтому каждый день удается кое-что создать.

Были у Вас в молодости моральные авторитеты, маяки?

Моральных авторитетов у меня не было, потому что я как бывший эзк жил, в основном, на незаконном положении. Влияли на меня люди, чьи имена в России ничего не говорят. Был в Софии академик Костов, создатель учебника по минералогии. Он помогал мне, когда мне было 14–15 лет. Также директор аквариума в Варне, профессор Вылканов. Это все люди науки, которые помогли мне ориентироваться в жизни еще в эти ранние годы.

Академик Иван Костов (в центре) с бывшими ученикам профессором Платоном Чумаченко и Н.Д. Лобановым. София, 1999 г.

что такое плавать семь часов в день. Это сейчас можно надеть наушники и слушать что-то приятное, а в те времена ничего этого не было! Плавать 1000 метров только ногами, затем 500 метров только руками, а потом 2000 метров и ногами, и руками. В общем, тут необходима сила воли себя заставить это делать.

Вы занялись плаванием по совету врача, чтобы избежать рахита. То есть, от плавания Вы не получали удовольствия?

Только в том смысле, что это могло дать мне возможность доплыть до Турции. Цель была – сбежать и доплыть до Турции. Одному из нас в спортивном клубе это удалось.

А позже были для Вас авторитетные фигуры?

Да, были. Например, очень известный в Англии ученый – еврей из Риги, сэр Исайя Максимович Берлин. Мне посчастливилось с ним познакомиться, как только я приехал в Оксфорд, и он мне сказал следующее: «Оксфорд – изумительное место для молодых, потому что здесь постоянно устраиваются „тусовки“. Но если Вы хотите добиться чего-либо, то должны пренебречь друзьями. Запирайтесь и учитесь. Другого способа добиться успеха в науке – нет». Когда гигант мировой культуры (он в России неизвестен) Вам такое говорит, то стоит прислушаться.

А что было для Вас стимулом в коллекционировании? Собирать уходящую русскую культуру?..

Нет, сначала я хотел окружить себя красивыми картинами. А потом стал сотрудничать с профессором Боултом, который объяснил мне уникальное явление русской культуры – равенство станковых художников авангарда и сценических. В Советском Союзе об этом искусстве мало говорилось. Сле-

дую советам Боулта, я начал покупать недорогие эскизы. Например, вместо покупки шедевров Бакста покупал произведения десятка разных художников. Потому у нас всестороннее собрание всего этого периода, и оно, в общем, имеет образовательное значение. На выставке «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870–1930» в Бахрушинском музее организаторы постарались приблизиться к моей концепции: показать рядом примеры станковой и театральной живописи того периода. При входе на выставку зрителей встречала – аннотация, объясняющая живописные стили. Возможно, эту концепцию отразят в каталоге выставки «Прорыв», потому что незнающий человек самостоятельно не разберется в разнообразии художественных течений. Я надеюсь, подобную выставку воссоздадут в 2017 г. в Манеже в Питере. Так что цель последних 20 лет собирательства была создать синтетическую коллекцию всех художников, которые участвовали в этом направлении искусства.

Но это последние 20 лет, а до этого?

А предыдущие 30 лет я собирал то, что было по карману, и то, что попало из интересного для меня. А когда я начал прилично зарабатывать, то стал покупать на аукционах все то, чего у нас в собрании не доставало.

Скажите, собирали Вы что-то до произведений искусства?

Да, почтовые марки, это было еще в Болгарии, потом – минералы, когда стал геологом. А потом переехал в Америку и перешел на коллекционирование живописи.

А многое ли Вам не удалось купить из того, что хотелось?

Да. Много. В 1958 г. в Нью-Йорке у торговца картин Третьякова эскиз декорации Бакста стоил 100 долларов, а эскизы Гончарова и Бенуа – по 20 долларов. Поэтому, вместо Бакста, мы покупали пять эскизов Гончаровой и Бенуа. Это было плохое распоряжение деньгами, потому что за последние 50 лет цены на Бакста увеличились в 100 раз, а на Бенуа и Гончарову, может быть, в десять.

Чьи-то еще советы, кроме Исаяи Берлина, повлияли на Вашу жизнь?

Да, когда в Болгарии я сидел в камере с вором по имени Аванта, он меня научил незаметно провозить доллары. Технология следующая: вытряхиваете табак из сигареты. Долларовая банкнота на 2 миллиметра короче стандартной сигареты без фильтра, скажем «Кента» или «Кэмела». Так что скручиваете банкноту, засовываете в сигарету без табака, закладываете табак с обеих концов, заклеиваете табак слюной и кладете в глубину пачки,

а ближе к отверстию «невинные» сигареты. При шмоне предлагаете сигаретку таможеннику или сыщику и сами прикуриваете, а остальные – целехонькие. В 1940–1950-х годах еще были в ходу банкноты в 1000 долларов, что позволяло перевозить значительные суммы, потом их изъяли. Совет Аванты мне помог выжить.

Как понимаю, ценный совет Вы получили и от князя Георгия Васильчикова, синхрониста при ООН: не идти в переводчики.

Да, светлейший князь был одним из трех лучших переводчиков в мире, переводившим с русского языка на английский, или с английского на русский язык. Он зарабатывал большие деньги по тем временам – 1200 долларов в месяц. Он мне сказал, что работа переводчика – это тупик, и Вы всегда будете сидеть на той же зарплате и делать одно и то же. По подобной же причине я не стал преподавателем геологии.

Вы считаете себя счастливым, или это зависит от периода жизни?

Да, я считаю себя очень счастливым! Конечно, это зависит от периода жизни. Последние 20 лет я чрезвычайно счастлив, у меня исключительно приятная и проявляющая ко всему большую терпимость супруга, которая мне не морочит голову.

Много ли, по-Вашему, зависит от человека и его желаний, или больше от случая, «судьбы»?

Из трех перечисленных факторов, я бы начал с самого человека. Затем его желания и воля, а остальные 33 процента – дело случая. То есть, желание нужно сочетать со случаем. Ожидать чего-то от Аллаха – это требует веры, которой у меня нет.

То есть, человек сам творец своей судьбы?

До некоторой степени, да.

Но есть же предрасположенность к чему-то?

Да, конечно, есть предрасположенность, как бывает предрасположенность к водке или пиву. Если есть смекалка, то, конечно, легче добиться того, что хочешь. А если ты – недостаточно умен, то можно идти на госслужбу и выполнять поручения, и так дослужиться до пенсии.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Евгения Коробкова

Князь Лобанов-Ростовский против Музея Ростовского кремля¹

*Коллекционер и меценат обвинил музей
в «занижении значительности дарения»*

Известный коллекционер и меценат князь Никита Лобанов-Ростовский пожаловался министру культуры Владимиру Мединскому на ненадлежащее отношение дирекции музея Ростовского кремля к его дарениям (письмо князя имеется в распоряжении «Известий»).

В 2012 г. Никита Лобанов-Ростовский, проживающий в Лондоне и являющийся владельцем крупной коллекции русского искусства,

передал Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль» 1090 предметов. Выбор музея князь объяснил родственными мотивами: во времена Ивана Грозного предки Лобанова-Ростовского княжили в этом городе. Таким образом, Ростовскому кремлю были подарены семейные документы и фотографии, коллекция гравюр, произведения художников начала XX в., в том числе Казимира Малевича и Александры Экстер.

Однако вскоре после дарения у князя начались разногласия с директором музея Наталией Каровской, которые, по мнению обеих сторон, достигли апогея в нынешнем году.

В письме, адресованном главе Минкультуры, говорится, что работа с коллекцией князя ведется медленно, большая часть даров не учтена, а самоотношение к ним – ненадлежащее. Лобанов-Ростовский отмечает «очевидную тенденцию к занижению значительности дарения».

В частности, «оригинальное графическое произведение или фотография выдаются за репродукцию и определяются не в основной, а в научно-вспомогательный фонд». Графические произведения, купленные князем у художника Немухина, были оценены в €500, «в то время как их реальная (аукционная) стоимость по крайней мере в пять раз выше».

«Такие ошибки не объяснить только низким уровнем профессионализма сотрудников, поскольку ошибки всегда происходят в сторону заниже-

Н.Д. Лобанов-Ростовский, 2016 г.

¹Известия, 22 марта 2016 г.

ния стоимости предметов и ни разу оценки не были завышены», – подчеркивается в письме.

Меценат отмечает «небрежное отношение» Каровской к национальному достоянию. В частности, по словам князя, Каровская отвергла его предложение подарить музею картины Экстер и Брака общей стоимостью порядка €750 тыс.

«Это редчайшее в РФ и мире решение руководителя музея», – заключает Лобанов-Ростовский.

Директор музея Ростовского кремля Наталия Каровская объяснила происходящее сложностью характера князя, непониманием специфики работы в России и особенностями коллекции, значимость которой сильно преувеличена князем.

– У князя эмоциональное отношение к коллекции, у нас – профессиональное, – отметила Каровская в разговоре с «Известиями». – Предоставленные нам дары не представляют собой цельной коллекции. Это множество разных вещей, среди которых – гравюры и сквородки, документы и личные награды Никиты Дмитриевича, ксерокопии и даже слайды того, что было продано князем.

По словам директора музея, из всего подаренного «реальную ценность» имеют лишь «ряд гравюр и графика».

– Например, ценность представляют работы Александры Экстер, но проблема в том, что они еще не прошли экспертизу. Выставлять неподтвержденную работу Экстер – большая опасность для музея, поскольку она – одна из самых подделываемых авторов. Можно влететь в большой профессиональный скандал. Боюсь, что мне придется ехать в Петербург к экспертам, потому что сами они к нам не поедут, – сказала Каровская.

Работа с коллекцией князя ведется уже три года. Медленные темпы директор объясняет сложностью в оценке предметов коллекции, отсутствием необходимых экспертов и большой загруженностью сотрудников музея.

– Все идет своим чередом. Мы не можем бросить все и заниматься только коллекцией Лобанова-Ростовского, – пояснила Каровская.

В интервью «Известиям» 81-летний Никита Лобанов-Ростовский отметил, что «Ростовский кремль просто тянет время, чтобы ничего не делать».

– Это история про то, как бывший белоэмигрант что-то дает нации, а она его отфутболивает. Каждый человек, который, как говорят в России, «сечет» в искусстве, сразу видит цифры долларов вокруг моих даров. Вопрос: что происходит? – недоумевает князь.

Министерство культуры РФ не склонно драматизировать ситуацию.

«Музеем-заповедником уже проведен ряд выставок предметов, переданных в дар Н.Д. Лобановым-Ростовским, ведется работа по включению этих предметов в состав музейных коллекций. В настоящее время готовится проектная документация для ремонта здания, где по инициативе директора ГМЗ „Ростовский кремль“ Н.С. Каровской будет размещен музей переданных в дар предметов», – говорится в ответе на запрос «Известий».

Кроме того, согласно данным Минкультуры, «2 марта 2016 года в ГМЗ „Ростовский кремль“ создана рабочая группа по взаимодействию с Н.Д. Лобановым-Ростовским во главе с директором музея. Итоги будут подведены на открытии очередной выставки переданных в дар предметов в июле нынешнего года».

28 марта князь приезжает в Россию для встречи с представителями Минкультуры и Ростовского кремля. «Известия» следят за развитием событий.

Елена КИМ
**Князь Лобанов-Ростовский
против музея Ростовского кремля
Продолжение темы¹**

В газете «Известия» от 22 марта 2016 г. была опубликована статья Е. Коробковой «Князь Лобанов-Ростовский против музея Ростовского кремля». Этот материал не остался незамеченным, вызвал дискуссию в социальных сетях, причем не только среди музейных профессионалов. Решающую роль в этом интересе сыграли как широкая известность самого Никиты Дмитриевича, так и неожиданные высказывания в его адрес

Н.Д. Лобанов-Ростовский у стен Ростовского кремля, 2009 г.

директора Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» Н.С. Каровской. В продолжение темы предлагаем материал, подготовленный сотрудниками Ростовского музея, которые, как оказалось, имеют отличную от директорской точку зрения на подаренную коллекцию.

¹ Послано в «Известия» 4 апреля 2016 г. в ответ на одноименную статью, напечатанную 22 марта. Ответ не был опубликован.

Самый популярный вопрос, который чаще всего задают журналисты князю Н.Д. Лобанову-Ростовскому, такой: «А почему Вы, человек небедный, свою коллекцию русской театральной графики конца XIX–I-й половины XX в. решили продать России, а не подарили?» Опубликованная статья лучше всяких объяснений отвечает на этот вопрос, поскольку в ней рассказано о том, что порой случается с дарами и дарителями.

Почему в Ростов?

У этого дарения в Ростовский музей была своя предыстория. Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский в 2001 г. на собственные средства создал частный Дом-музей Лобановых-Ростовских в парке Фили в ответ на предложение московского правительства. То же московское правительство (правда, в другом составе) спустя десять лет, сообщив, что договоренности с предыдущей администрацией юридически не обоснованы, предложило князю вместе с музеем покинуть территорию парка. Вот тогда-то, в октябре 2011 г., Никита Дмитриевич предложил Ростовскому музею принять экспонаты и оборудование упраздненного Музея Лобановых-Ростовских в Филях.

Никита Дмитриевич – потомок ростовских князей. В Успенском соборе, под спудом, покоятся его далекие предки, а иконы святого благоверного князя мученика Василька Ростовского есть почти во всех ростовских храмах и монастырях. Неслучайно в свой самый первый приезд в Россию в 1970 г. Никита Дмитриевич посетил и Ростов. «Интересно было побывать в этих местах» – эту его запись, датированную 12 сентября, сохранила музейная Книга отзывов. Так что обращение князя в Ростов было закономерным. Кроме того, Никита Дмитриевич надеялся, что сотрудничество с государственным музеем даст гарантии сохранности коллекции, и история с Музеем в Филях не повторится.

Отношение к дарителю

Казалось бы, руководство Ростовского музея должно было обрадоваться возможности приращения коллекции, тем более что за время директорства Н.С. Каровской на закупки выделялись незначительные средства, а в 2011 г. на эти цели и вовсе не было потрачено ни рубля. Не менее важной представлялась возможность вовлечения в орбиту музея выдающегося человека, почетного члена Российской академии художеств, известного общественного деятеля, знатока русского искусства, коллекционера и крупнейшего мецената, хорошо известного в музеях всего мира. Еще в 1960-х годах Никита Дмитриевич начал дарить в музеи США про-

изведения русского искусства, тем самым способствуя его популяризации. Кстати, уникальные документы – акты этих дарений, сейчас переданы в Ростовский музей. А, к примеру, Музей Метрополитен, членом которого князь является, ежеквартально высылает ему свои бюллетени – сведения о новых экспозициях, выставках, мероприятиях (теперь тоже в Ростове).

Но, как водится, пополнению фондов в музее не обрадовались – нет помещений для хранения, работать некому, некогда и множество других абсолютно объективных причин. Что же касается возможности общения с выдающимся современником, то, увы, руководство Ростовского музея о крупном деятеле на ниве русского искусства князе Лобанове-Ростовском ничего не слышало. И даже спустя несколько лет общения Н.С. Каровская величала Никиту Дмитриевича «графом».

Перед особняком купца Шлякова. Слева-направо: зам. директора музея Ростовского кремля С.В. Сазонов, Е.В. Ким, редактор издательства «Наука» Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский с женой, мэр г. Ростов К.Г. Шевкопляс с супругой, Е.С. Табачников. Ростов Великий, 2014 г.

Выставка

Тем не менее, все же было принято решение о принятии дара в музей, что было письменно согласовано с Министерством культуры. Весной 2013 г. коллекция была доставлена в Ростов, а 17 мая состоялось открытие выставки «Дар в Ростовский музей кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского». На ней экспонировалось 290 произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, а также уникальные фотографии и документы. Это нетривиальное событие привлекло внимание представителей власти, других официальных лиц, прессы. На вернисаже присутствовали даритель с супругой, специально прибывшие в Ростов из Лондона. Министерство культуры на этом мероприятии представляла директор Департамента культурного наследия Н.Ю. Самойленко, присутствовали также заместитель руководителя Россотрудничества Министерства иностранных дел РФ Г.Л. Мурадов, руководители Ярославской области, Ростова и Ростовского района, а также князь Павел Куликовский, праправнук Александра III и князь Георгий Юрьевский, потомок Александра II.

Вернисаж прошел на самом высоком уровне, а Н.С. Каровская получила очередной контракт на руководство музеем на грядущее трехлетие.

Хотя после этого события интерес к самому Никите Дмитриевичу и его дарам со стороны руководства музея заметно поутих, он продолжал свои дарения в музей.

Что подарено

Уже сейчас на учет поставлено свыше 1000 предметов XVII–XXI вв., имеющих значительную историческую и художественную ценность. Несомненный интерес представляют гравюры и эстампы русских и западных художников XVIII–1-й половины XIX в. (портреты русских царей, виды Москвы и Петербурга), приобретенные, в основном, в Париже, картины, акварели и рисунки XIX–XX вв., в том числе художников-эмигрантов (Н. Бенуа, Д. Бушен, Л. Е. Кропивницкий, Женья Шефер – вот лишь некоторые имена), а также старинные карты России и Европы. Отличается полной коллекция афиш выставок русских художников конца XIX – начала XX в., изданных в разных странах мира в последние четыре десятилетия. Необходимо также выделить архивы Лобановых-Ростовских, Вырубовых и других семей, отражающие жизнь русской эмиграции во Франции, Болгарии, Германии, США. Часть собрания отражает жизненный путь самого дарителя – потомка ростовских князей, его многогранную общественную, а также собирательскую деятельность. Еще один раздел дара – произведения декоративно-прикладного искусства, приобретенные Н.Д. Лобановым-Ростовским в разных странах мира (камень, дерево, металл, керамика, ткани, фарфор и пр.), отражающие его художественный вкус и географию передвижений. Никита Дмитриевич передал в Ростовский музей свои награды, начиная с юношеских медалей за достижения в спорте и заканчивая золотой медалью Российской премии Людвиг Нобеля, врученной ему 30 марта 2013 г. В Музей поступила уникальная библиотека, включающая более чем 500 томов, значительная часть из которых – с автографами. Коллекция отличается органичным единством и полнотой, повествуя посредством действительно разных предметов об удивительной судьбе кн. Лобанова-Ростовского.

Сейчас в музее на обработке находится около 14 000 предметов (приняты в фонды после письма дарителя в МК). Да, это фотографии, слайды, вырезки из газет и журналов, письма, другие документы, но они представляют огромную ценность для истории русского искусства. Если это не понимать, то можно ли всерьез рассуждать о «профессиональном» подходе к коллекции, как это делает Н.С. Каровская? Думается, профессионалы не увидели бы ничего «почти невозможного» и в организации проведения

экспертизы подаренных князем эскизов А.А. Экстер к спектаклю «Фамира-Кифаред».

Да, есть еще бытовые предметы конца XX – начала XXI в., не внесенные, кстати, в состав музейного фонда, а хранящиеся пока как «хозинвентарь». Между тем, Музей получил цельный комплекс бытовых предметов превосходного качества, не говоря об их мемориальном характере. Уже прошло 15 лет с момента открытия музея в Филях, и очень скоро все предметы перейдут в разряд винтажных, потом и антикварных, а Ростовский музей будет иметь богатый материал для создания самых разнообразных выставок.

Кстати, о пресловутых сковородках, упомянутых Н.С. Каровской. Как раз в день публикации статьи в Музее начался монтаж выставки, посвященной кухонной утвари, причем в одном из главных и самых посещаемых помещений Ростовского кремля – Отдаточной палате. Среди экспонатов есть и сковородки.

Новые дарения

Несмотря на откровенно скандальную ситуацию Н.Д. Лобанов-Ростовский не намерен прекращать сотрудничество с Ростовским музеем. В конце концов, директора уходят, а музей остается. В очередной свой визит в Москву он, как всегда, берет и два чемодана весом 32 килограмма для Ростовского музея. «Чтобы директорше было понятно значение дарения, готовлю к передаче старинный серебряный чайник и другие изделия из серебра», – замечает никогда не теряющий чувства юмора князь (кстати, это не первый его дар предметов из драгметаллов в Ростов).

В 2014 г. Никита Дмитриевич высказал предложение о передаче двух картин – «Абстрактная композиция» А.А. Экстер (1917–1918) и «Натюрморт с гитарой» Ж. Брака (1928) – на временное хранение с передачей на постоянное в момент открытия Музея Лобановых-Ростовских. И хотя официального ответа от руководства Ростовского музея до сих пор не случилось, князь не теряет надежды и предлагает на этих же условиях еще одно полотно – «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином» (1918) кисти И.И. Машкова. Общая стоимость трех произведений, по словам дарителя, составляет около 1000000 €. О своем намерении он официально уведомил руководство Музея.

А вот как дирекция Музея Ростовского кремля отреагировала на ответ смелой сотрудницы музея на высказывания директрисы, опубликованной в статье в «Известиях». Дирекция не только уволила ее, но и незаконно изъяла служебный компьютер за месяц до ее ухода с работы.

Алексей Орлов

Разоблачение дирекции на открытой Фейсбук-группе «Музейный критик», 27.12.2016

Доводилось ли кому-либо из музейных сотрудников оказываться в такой ситуации: вы приходите на свое рабочее место после выходных дней, а на столе, вместо числящегося за вами компьютера – лист А-4 с распечатанной крупно на принтере надписью «Компьютер изъят по распоряжению администрации». Такая ошеломляющая картина предстала 18 декабря пред взором ведущего научного сотрудника Картинной галереи Ростовского музея Е.В. Ким, около 20 лет изучающей художественную жизнь Ростова, живописное и графическое собрание Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль», историю Ростовского музея, немало на этом поприще преуспевшей, и к тому же получившей уведомление о сокращении. Ей оставалось работать чуть меньше месяца (до 13 января 2017 г., заметим, что сократили ее за 8 месяцев до наступления пенсионного возраста), когда зам. директора по научной работе С.В. Сазонов, «аки тать в ночи», проник в рабочее помещение Картинной галереи, вместе с заведующим Информационным центром А.П. Барановым и ученым секретарем С.А. Архиреевым, унес в неизвестном направлении служебный компьютер Е.В. Ким, а также внешний диск. На последнем хранились наработки по созданию экспозиции Музея князей Лобановых-Ростовских. В свете последнего объяснения напрашиваются сами собой. В мае в группе обсуждалось открытое письмо Е.В. Ким, «посмевавшейся» публично выступить против резких (чтобы не сказать – хамских) заявлений директора Н.С. Каровской в адрес крупнейшего дарителя музея князя Н.Д. Лобанова-Ростовского.

И вот – администрация торжествует, негодная сокращена. Но торжество было неполным: мало сократить, важно лишить Е.В. Ким всех ее работок, всех собранных за 20 лет материалов, в том числе рукописей неоконченных статей и книг. Ну а полученным материалом распорядиться по-своему. Как? Пример тому уже существует. В газете «Ростовская старина» №6 (175), вышедшей в свет в сентябре 2016 г. (гл. редактор С.В. Сазонов, составитель Л.Ю. Мельник) опубликована статья Евгении Гершкович «Первый и второй авангард из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского». Эта статья представляет собой пересказ с минимальными изменениями двух ранее опубликованных статей (*Карнович О.А.* Дар соотечественника – на миллион евро // Ростовский вестник, № 28, 21 апреля 2016. С. 14; *Ким Елена В.* Произведения В.Н. Немухина в Ростовском музее. Дар Н.Д. Лобанова-Ростовского // Берега. 2016, №4 (август). С. 134–138). При этом почти четверть

статьи, подписанной Е. Гершкович – заимствованный текст вообще без каких-либо изменений.

Стоит ли говорить, что, несмотря на письменное обращение Е.В. Ким, каких-либо объяснений со стороны администрации Ростовского музея не последовало. Возможно, ситуацию прояснят правоохранительные органы.

Никита Дмитриевич, сегодня на «Музейном критике» разместили небольшую информацию о том, как у меня администрация изъяла компьютер. В ней упоминается и дискуссия по поводу моего ответа на выступление Каровской в «Известиях». Посмотреть можно по ссылке:

<https://www.facebook.com/groups/590172257692723/?fref=ts>

Сегодня ученый секретарь и зав. информационным центром музея, которые вместе с Сазоновым участвовали в «изъятии» компьютера, приходили просить у меня прощение. Вот сила печатного слова.

С уважением, Е.В. Ким

27.12.2016

Анна Мельник

Выставка плаката

*Крупнейшая коллекция русского искусства подарена
Ростову Великому¹*

Новый музей появится в 2018 г. в Ростове Великом. Бесценную коллекцию передает в дар городу князь Никита Лобанов-Ростовский. Во времена Ивана Грозного его предки княжили в этом городе. Им была дана привилегия въезжать внутрь городских стен под звон колоколов. И вот теперь коллекцию князя, которая считается крупнейшим в мире частным собранием русского искусства, увидят ростовчане.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – потомок Рюриковичей в 33-м поколении. Его предки – Владимир Мономах и Ярослав Мудрый. В мире его называют человеком-феноменом, он себя – эзком. Родился в Болгарии, там же, в возрасте 11 лет, отсидел год в тюрьме как политзаключенный.

Отца расстреляли. Никита Дмитриевич уезжает в Англию. Заканчивает Оксфорд и колумбийский университет в Нью-Йорке. Геолог, банкир, меце-

¹ Оpubл. на сайте gipro.ru и ARTinvestment.RU, 23 апреля 2015 г.

Приглашаем вас 14 апреля 2015 года
в Красную палату Ростовского кремля
на встречу с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским

В программе:

- открытие выставки «Искусство плаката. Дар Н. Д. Лобанова-Ростовского»;
- первая презентация книги «Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский». Москва, 2015;
- автограф-сессия;
- концерт оркестра Академического музыкального колледжа Московской государственной консерватории.

Начало в 16.00, вход свободный.

нат, чемпион по плаванию, сомелье, поклонник авангарда, любитель русского театрального искусства – его коллекция считается самым значительным частным собранием.

Он никогда не жил на родине. Считает себя обязанным отдать произведения русского искусства в музеи России. И вот, очередные документы о дарении Ростовскому кремлю еще 40 экспонатов, подписаны. Есть только условие: вещи обязательно должны выставляться.

«Музей решил, что нужны какие-то соответствующие площади для этого дара, и мы выбрали дом, который в распоряжение музея передал город несколько лет назад», – рассказал заместитель директора ГМЗ «Ростовский кремль» Сергей Сазонов.

Выставка «Искусство плаката», личные архивы княжеского рода Лобановых-Ростовских, секретные документы КГБ, подлинники Бенуа, эстампы Малевича, коллекция портретов русских царей – все это переедет на улицу Пролетарскую.

Сейчас это здание, построенное в середине XIX в., заброшено и нуждается в реставрации. А ведь это дом Ивана Александровича Шлякова – одного из основателей музея в Ростовском кремле. И именно здесь он принимал известных деятелей российской культуры – например, художника Верещагина.

Деньги на разработку проекта реставрации древнего особняка уже получены от Министерства культуры.

«Моя цель – умереть бедным человеком. Я стараюсь постоянно расставаться с тем, что я имею. Вот почему я с радостью отдаю, без сожаления», – пояснил Никита Лобанов-Ростовский.

Тем более, шутит князь, все миллионы достались ему после удачного брака. Вторая жена – потомок лорда Сиднея, казначея Великобритании, именем которого назвали город в Австралии.

Детей у потомка Рюрика нет, но будет детище – уверен Никита Дмитриевич. Ведь уже через год в Ростове планируется начало реставрации.

Елена Ким

Дар соотечественника – на миллион евро¹

«Русская мысль» не раз писала о князе Н.Д. Лобанове-Ростовском, члене Координационного совета российских соотечественников в Великобритании, чья общественная и благотворительная деятельность активна и разнообразна.

Даритель

Жизнь русского князя, родившегося в Софии, многие годы связана с Англией. В 1958 г. он получил диплом бакалавра геологии в колледже Крайст-Чёрч в Оксфорде. Учеба стала возможна благодаря выделенной неизвестным меценатом стипендии. В память об этом в 2012 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский на свои деньги создал в университете факультет планетарной геологии. А в благодарность и память о своем учителе – профессоре органической химии докторе Поле Кенте он создал постоянное место преподавателя органической химии имени доктора Пола Кента. Факультету геологии Оксфордского университета Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил написанный маслом портрет основоположника современной геологии Чарльза Лайелла. А поскольку интересом к геологии Н.Д. Лобанов-Ростовский «заразился» в горах недалеко от болгарской столицы, то он регулярно преподносит дары Национальному естественнонаучному музею при Академии наук в Софии. В 2014 г. это был фрагмент породы с планеты Марс. Экспонат выставлен на почетном месте недалеко от входа в музей, вместе с фрагментами пород с Луны, подаренных Болгарии Советским Союзом и США.

¹ Русская мысль, Лондон, 2016, июнь.

Джун и Никита Лобановы-Ростовские на открытии серий лекций его имени в Оксфорде, 2012 г.

У витрины с кусочком грунта с Марса. Национальный естественнонаучный музей при Академии наук в Софии

Что же касается произведений искусства, то одаренные Н.Д. Лобановым-Ростовским музеи трудно даже перечислить – это Метрополитен, музей Гуггенхайма и МОМА в Нью-Йорке, Музей Почетного легиона в Сан-Франциско, ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве, Национальный художественный музей Украины в Киеве, Музей театрального искусства в Петербурге... Около пяти лет Никита Дмитриевич сотрудничает с Государственным музеем-заповедником «Ростовский кремль». Его цель – создание на своей пра-пра-родине Музея князей Лобановых-Ростовских. Не сразу, но эту идею поддержали и в Ростовском музее, и в Министерстве культуры Российской Федерации. В марте 2013 г. в Ростов было перевезено содержимое закрытого по распоряжению московских властей частного Музея Лобановых-Ростовских в Филях общей стоимостью 600 000 евро. И в последующие годы

его дары регулярно поступали в Ростовский музей. В настоящее время здесь уже поставлено на учет около 1300 музейных предметов XVII–XXI веков, еще свыше 14 тысяч единиц проходят научную обработку.

Дарения в Ростов 2013–2015 гг.

Несомненный интерес представляют гравюры и эстампы русских и западных художников XVIII–1-й половины XIX в. (портреты русских царей, виды Москвы и Петербурга), приобретенные дарителем, в основном, в Париже, а также старинные карты России и Европы. Отличается полной коллекция афиш выставок русских художников конца XIX – начала XX в., изданных в разных странах мира в последние четыре десятилетия.

Необходимо также выделить архивы Лобановых-Ростовских, Вырубовых и других семей, отражающие жизнь русской эмиграции во Франции, Болгарии, Германии, США. Часть собрания повествует о жизненном пути

самого дарителя – потомка ростовских князей, его многогранной общественной, а также собирательской и выставочной деятельности. <...>

Еще один раздел дара – произведения декоративно-прикладного искусства, приобретенные Н.Д. Лобановым-Ростовским в разных странах мира – это английский фаянс и китайский фарфор, инкрустированные перламутром шкатулки, индийские ткани и русское ткачество, а также многочисленные изделия, старинные и современные, из камня, дерева, металла.

<...>

В 2013 г., во время открытия первой выставки даров в Ростове, Никита Дмитриевич преподнес музею две работы «амазонки авангарда» Александры Александровны Экстер (1882–1949). Это эскизы костюмов к спектаклю А.Я. Таирова по пьесе И.Ф. Анненского «Фамира-Кифаред» в московском Камерном театре. «Вакхическая драма», премьера которой состоялась в 1916 г., сразу стала событием во многом благодаря сценографии. Актеры двигались по наклонным площадкам, среди кубов и пирамид, а грим формировал не только пластику лица, но подчеркивал мускулатуру рук и ног, акцентировал мышцы тела актеров. Эти приемы так называемого «эпидермического искусства» хорошо видны на эскизах, хранящихся теперь в Ростовском музее. Приобрел их Никита Дмитриевич в 1969 г. в Нью-Йорке у Симона Лиссима, ученика А.А. Экстер.

Искусство начала XXI в. представляют несколько работ живущего в Германии Е. Шефера и небольшая, но весьма представительная и разнообразная коллекция произведений В.Н. Немухина, как известно, одного из самых дорогих из ныне живущих русских художников. Сейчас, благодаря дару Н.Д. Лобанова-Ростовского, в Музее хранится восемь произведений признанного мастера, характеризующие зрелый период его творчества в живописи, графике, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве.

Новые дарения в Ростовский музей

В нынешнем году Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил в музей портрет своей первой супруги Нины. Этот портрет выполнен в 2003 г. с натуры профессором Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры

Н.С.Каровская вручает Н.Д. Лобанову-Ростовскому ключ от здания будущего музея. Справа – Джун, супруга Н.Д. Лобанова-Ростовского, 2 августа 2014 г.

А. Лавинский. Эскиз декорации к «Мистерии-Буфф» В.В. Маяковского, 1921 г.

С. Ченик. Петрушка, 1984–1986 гг.

М. Федорова. Ярмарка. Скоморох-шут, 1995 г.

им. И.Е. Репина Л.С. Давиденковой. Лидия Сергеевна – выдающийся портретист, чья кисть запечатлела композитора М. Таривердиева, писателя В. Каверина, режиссера Г. Товстоногова, актера и режиссера О. Ефремова и других известных деятелей культуры. Портрет Нины Лобановой-Ростовской – в этом ряду. Стоимость портрета – 5 000 евро.

Знаток и почитатель русского театрального искусства, Никита Дмитриевич продолжает отслеживать лучшее, что есть на художественном рынке с целью покупки и передачи в Ростов. Так, уже в этом году, на аукционе в Лондоне он приобрел за 3 750 евро эскиз декорации к спектаклю В.Э. Мейерхольда по пьесе «Мистерия-Буфф» В.В. Маяковского, созданный в 1921 г. скульптором, графиком, автором утопических архитектурных проектов Антоном Михайловичем Лавинским (1893–1968). И это классический образец конструктивизма на русской сцене.

Проявляет Никита Дмитриевич интерес и к творчеству современных русских театральных художников. Так, в настоящее время он ведет переговоры с заслуженным художником России, членом-корреспондентом Российской Академии художеств Марией Владиславовной Федоровой. Она известна как автор концертных костюмов ансамбля «Русская песня» под руководством народной артистки РФ Надежды Бабкиной, с которым сотрудничает более 30 лет. Уже отобранные созданные ею эскизы, и в ближайшее время поступят в Ростовский музей.

Еще одна миссия Н.Д. Лобанова-Ростовского – возвращение произведений русских художников в Россию. Имя Сер-

гея Чепика (1953–2011), выпускника Ленинградского института им. И.Е. Репина, с 1988 г. жившего в Париже, в России почти неизвестно. А между тем, о его популярности в Западной Европе свидетельствует тот факт, что Пьер Ришар заказывал ему свой портрет, а мастерскую посещала Маргарет Тетчер. Живя в самом центре Европы, художник не переставал думать о России, отсюда – большое количество созданных в Париже работ на русские темы. Одна из них – «Петрушка», уже куплена Никитой Дмитриевичем и скоро будет доставлена в Ростов.

Сенсации

В марте нынешнего года Н.Д. Лобанов-Ростовский принял решение передать в дар Ростову три картины общей стоимостью свыше миллиона евро. Две из них – уже в музее.

Живописная «Абстрактная композиция» кисти А.А. Экстер относится к тому периоду творчества художницы, который очень высоко оценивали исследователи – от Я.А. Тугендхольда и А.М. Эфроса (современников А.А. Экстер) до Г.Ф. Коваленко (нашего современника). В эти годы она в своих произведениях выходит в чистую беспредметность, создавая «Цветовые ритмы» и «Цветовые динамики» – собственный вариант абстрактного искусства, отличный и от супрематизма К.С. Малевича, и от архитекторки Л.С. Поповой, и цветописы О.В. Розановой. Над этой своей «ничего» не изображающей картиной Экстер работала во время обстрелов в Киеве и Одессе, одухотворяя, по словам Я. Тугендхольда, «комбинации разноцветных геометрических поверхностей» «мучительным горением души». Даже привыкшему к миру реальностей зрителю трудно оторвать взгляд от этих горячих оранжево-красных кругов, синих и черных глубин, блестящих, как эмаль, поверхностей белого. Это какой-то «горный» мир, в котором живут чистые идеи. У этой картины было совсем немного владельцев. Как и эскизы к «Фамире-Кифареду», картина была приобретена Никитой Дмитриевичем у Симона Лиссима еще в 1964 г. По оценке Аукционного дома «Сотбис» стоимость ее составляет 500 000 евро.

«Натюрморт с гитарой» легендарного основателя кубизма Ж. Брака (1882–1963) хотя и был написан спустя 10 лет после картины А.А. Экстер, но по своему художественному языку он гораздо традиционней. Уже после окончания Первой мировой войны выразительные средства живописи Ж. Брака не носят подчеркнуто бунтарского характера. Он пишет красивые натюрморты с фруктами, музыкальными инструментами серо-голубых, светло-зеленых, желтых тонов. К этому периоду творчества художника и относится подаренный натюрморт. История его бытования хорошо прослеживается. Сразу после создания он был куплен в частное собрание

в Берлине, затем хранился в Цюрихе. Французские эксперты оценили полотно в 220 000 евро.

Никита Дмитриевич заявил о намерении подарить Ростовскому музею и великолепный «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином», созданный в 1918 г. выдающимся русским художником Ильей Ивановичем Машковым. По оценке Дж. Баррана, бывшего директора отдела импрессионистов Аукционного дома «Сотбис», стоимость «Натюрморта» составляет 300 000 евро.

Выставка

Все подаренные в последний год произведения, как уже поступившие в Музей, так и находящиеся в пути, впервые будут показаны публике на выставке «Дар князя Н.Д. Лобанова-Ростовского. Новые поступления», которая откроется 7 октября 2016 г. в Парадном зале Красной палаты Ростовского кремля. Помимо перечисленного, зрителей ждут разнообразные открытия. Здесь можно будет увидеть живописные перуанские примитивы XIX в. и старинное столовое серебро, китайские вазы и даже богато украшенный кургузными сюжетами фаянсовый ночной горшок из дома английских аристократов (большая редкость!) и мн. др.

Дом-музей князей Лобановых-Ростовских

Собирая по всему миру и передавая в дар Ростову сокровища русского и зарубежного искусства, Никита Дмитриевич надеется, что, если не все, то большая часть подаренного будет экспонироваться на постоянной основе в Музее князей Лобановых-Ростовских. Проект реставрации особняка XIX в. в Ростове утвержден. Получено и административное разрешение на ремонт здания. Остается дожидаться от Министерства культуры средств на проведение реставрационных работ. Хочется надеяться, что беспрецедентное по стоимости и художественной и исторической ценности

Школа Куско. Перуанские примитивы: анелы, XIX в.

дарение не останется не замеченным, и деньги для реставрации здания для Музея князей Лобановых-Ростовских будут выделены.

Елена Ким
**Произведения В.Н. Немухина
в Ростовском музее¹**

Дар Н.Д. Лобанова-Ростовского

В отличие от многих других классиков современного искусства, В.Н. Немухин никогда не бывал в Ростовском музее. В свою очередь, и Ростовский музей не являлся обладателем произведений этого выдающегося художника второй волны русского авангарда, входившего в круг основателей советского неофициального искусства. Однако в 2013 г. судьбы известного мастера и музея пересеклись. В последние четыре года здесь сложилась небольшая (9 единиц хранения, говоря музейным языком), но представительная и разнообразная коллекция работ знаменитого мастера, в которой есть и живопись, и графика, и скульптура, и произведения декоративно-прикладного искусства. Произошло это благодаря крупнейшему благотворителю Ростовского музея князю Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому.

Среди тысяч произведений искусства, документов, фотографий, исторических артефактов, подаренных Н.Д. Лобановым-Ростовским в Ростов для готовящегося Музея Лобановых-Ростовских, эта небольшая коллекция занимает особое место. Ее отличает цельность и высокий художественный уровень. Она не только характеризует определенный период творчества В.Н. Немухина, но и не менее – эстетические пристрастия самого дарителя.

Первым произведением В.Н. Немухина, поступившим в Ростовский музей в составе дара Н.Д. Лобанова-Ростовского, была декоративная тарелка с надглазурной росписью «Пистолет». Интерес к художественному фарфору у Немухина пробудился еще в 1950-е годы, когда он осваивал опыт своих предшественников – художников левых направлений 1910-х – начала 1920-х годов. Однако свои собственные композиции в этом материале он стал создавать только в 1990-е годы, переосмысливая, по его собственным словам,

*В. Немухин. Тарелка
«Пистолет».*

¹ Берега. Калининград, 2016, № 4 (16). С. 134–138. Также в сокращенном виде: Ростовский вестник. Ростов, № 59 (15723), 2016, 11 августа. С. 12.

*Бубна. Дар от В.Н. Немухина
Н.Д. Лобанову. Дюссельдорф,
1996 г.*

*Н. Лобанов в московской квартире
В.Н. Немухина, 21 сентября 2014 г.*

«пространство немецкой фарфоровой белизны с позиций русского художественного авангарда». Изготовленную на всемирно известной с XIX в. фарфоровой фабрике Ф. Розенталя тарелку В.Н. Немухин расписал в той свободной манере, которую один из первых исследователей его творчества Г. Маневич назвала «абстрактно-фигуративной». Здесь вполне реальный, хотя и схематично изображенный пистолет перекликается и с четкими геометрическими фигурами, и с неопределенных очертаний пятнами, и волнистыми линиями – сочетаниями его, известными и по его станковым произведениям. Тарелка была приобретена Никитой Дмитриевичем и находилась в Доме-музее Лобановых-Ростовских в Филях, откуда и была привезена в Ростов вместе со всем содержимым этого Музея после его закрытия.

Как известно, 2 августа 2014 г. на вернисаже выставки «Н.Д. Лобанов-Ростовский. Общественный деятель. Коллекционер. Даритель» директор Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» Н.С. Каровская объявила о выделении особняка – памятника архитектуры XIX в. для размещения в нем подаренной коллекции и создании Музея Лобановых-Ростовских. Никита Дмитриевич сразу задумался о том, как сделать готовящийся Музей привлекательным для будущих посетителей, как с первого зала экспозиции захватить их внимание. По его представлению, это можно сделать с помощью ярких, самобытных, насыщенных энергией произведений современного искусства. Выбор Н.Д. Лобанова-Ростовского пал на произведения В.Н. Немухина не случайно. К этому времени коллекционер был знаком с художником почти 20 лет. В произведениях Немухина Никиту Дмитриевича, по его словам, привлекала «богатая фантазия и лаконичность выражения». Вот как об этом знакомстве вспоминает сам Н.Д. Лобанов-Ростовский:

«Познакомился я с Владимиром Николаевичем в 1996 г. в Дюссельдорфе. К нему меня привел врач Рувим Бессер, который финансово помогал Немухину за все годы, что он проживал и работал в Германии (он приезжал туда где-то на полгода каждый год). За это Немухин давал доктору Бессеру

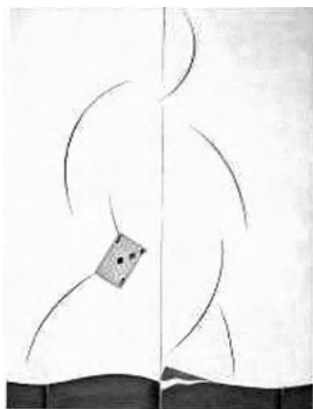
консультацию о покупке иных художников неконформистов, что помогло Рувиму создать самое лучшее собрание вне России так называемых пятидесятников и шестидесятников, а также создать очень значительное собрание работ самого Немухина. Видимо, Немухин был очень рад моему посещению, потому что он подарил мне эскиз с дарственной надписью».

Сразу после вернисажа в Ростовском музее, Никита Дмитриевич навесил художника в его московской квартире и отобрал произведения для покупки в готовящийся Музей Лобановых-Ростовских. Спустя месяц, 21 сентября 2014 г., три графические работы художника, причем в авторском оформлении, были доставлены в Ростов. На обороте картона каждого произведения сделана авторская надпись: «Передано музею Ростовского кремля в качестве дара от Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Приобретена у В.Н. Немухина. 5/08/2014 г. Вл. Немухин – 2014».

Листы «Валет „УРА“», «Композиция с картой» и «Супер-слон» – это artist's multiples, созданные В.Н. Немухиным в 2013–2014 гг. по мотивам своих известных произведений начала 1990-х годов. В листе «Супер-слон» Немухин соединяет изобразительное и абстрактное постижение мира. В мощный и причудливый силуэт слона художник вписывает излюбленные супрематистами плоские и бестелесные композиции из кругов, квадратов, прямоугольников и треугольников, словно ведя диалог со своими предшественниками – авангардистами первой волны. «Композиция с картой», у которой есть и другое название – «Фигура (Ломберный стол)», представляет собой условное изображение человеческой фигуры, образуемой взрезаемыми плоскостью листа энергичными упругими линиями. А на пересечении линий наклеена реальная игральная карта – бубновый туз.

Супер-слон

Композиция с картой

Валет «УРА»

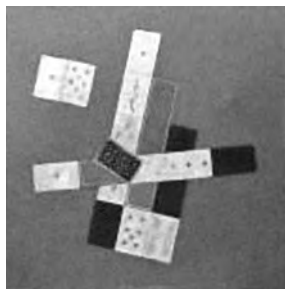
Валет Казино

Валет Марк Шагал

Пространственная композиция

Конструктивное видение

Эстетическое своеобразие карт, их пластические особенности и метафизическую сущность художник стал постигать в середине 1960-х годов. Вспоминая о том, что одно из первых объединений художников-авангардистов называлось «Бубновый валет», сам В.Н. Немухин позиционирует себя продолжателем «традиций в поисках безграничной свободы художественного поиска». Тогда же Немухин начал писать многочисленных «Бубновых валетов», которые доминировали в его искусстве, по словам художника, «как особого рода образ – знак – символ». «Валет „УРА“» –

самый многословный, если можно так выразиться, из подобных произведений художника, невероятно разнообразных, но объединенных обязательным наличием карточного знака «бубен». Здесь изображен застегнутый наглухо френч, из рукава которого выглядывает дуло пистолета, барак (Лианозовский, в котором в 1960–1970-е годы кипела неофициальная художественная жизнь), а также жесткие ритмы цветных полос, в которые как бы впечатаны черные буквы «УРА». Художник словно вспоминает и осмысливает свое прошлое. «Шла суровая борьба за право на жизнь, – вспоминал о том времени Владимир Николаевич. – Жизни, конечно, не лишали, и зверям не скармливали, однако травили, да еще как!» Однако ни жесткое давление власть имущих, ни материальная скудость существования не способны остановить живой поиск художника. В этой работе отчетливо прослеживается автобиографическое начало, нарастание которого исследователи засвидетельствовали в творчестве Немухина уже с конца 1980-х годов.

Позже в Ростовский музей поступят еще два листа из серии «Бубновых валетов». В ноябре 2014 г. Никита Дмитриевич приобретет у автора «Валета Казино» (2011), убедительно запечатлевшего завсегда игорных

заведений, а в 2015 г. подарит в музей «Валета Марк Шагал», напоминающего шагаловских бородатых евреев в колодках и в котором ощутима шагаловская поэтика. Это произведение было ему продано не автором, а уже упомянутым доктором Рувимом Бессером, однако в сентябре 2015 г., перед отправкой в Ростов, Владимир Николаевич оставил на листе и свою памятную надпись.

В ноябре 2014 г. от Н.Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей в качестве дара поступила скульптура В.Н. Немухина «Пространственная композиция» (1997). Живописец и график, Немухин обратился к созданию скульптур из дерева по его собственным словам, «абсолютно интуитивно», уже будучи известным зрелым мастером – в 1996 г. Все свои подобные скульптуры автор именует про-

сто «композициями», а предшествуют им небольшие эскизы-идеи, совсем не меняющиеся в материале. Немухин в скульптуре – минималист, простые геометрические формы, как считает сам автор, в его работах «вступают в особое пластическое взаимодействие», «образуют особого рода объемные состояния». «Пространственная композиция», хранящаяся ныне в Ростовском музее, была воспроизведена среди избранных работ художника в альбоме «Владимир Немухин. Живопись. Графика. Скульптура. Фарфор», изданном в Москве в 2012 г.

Формирование ростовской коллекции В.Н. Немухина шло в то время, когда художник готовился к своей первой, а потому особенно ответственной ретроспективе в России. При всей своей занятости и большом напряжении сил, требующихся от художника при подготовке персональной выставки, Владимир Николаевич находил время для ведения переговоров и встреч с Н.Д. Лобановым-Ростовским и сотрудниками Ростовского музея. Выставка «Владимир Немухин. Грани формализма. Лидия Мастеркова. Лирическая абстракция» состоялась в Московском музее современного искусства в апреле–мае 2015 г. Уже после ее окончания собрание Ростовского музея обогатилось картиной «Конструктивное видение» 2006 г. Сюжет картины – карточные столы – появился у Немухина в середине 1960-х годов и, бесконечно варьируясь, остался в его творчестве на столетие. На обороте картины содержится авторская надпись: «Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому на память от Немухина В.Н. 25/IX 2015 г.».

Конструктивное видение – это особое восприятие действительности, которым обладал, например, по словам самого Немухина, его главный

«Супрематическая композиция» на страусином яйце

учитель – П.Е. Соколов. Именно конструктивное видение обращает художника к аналитическому искусству. На холсте с этим названием изображена поверхность игрального стола. На столе размещенные в определенном порядке живописные карты, и в центре, одна реальная, наклеенная рубашкой вверх карта. Даже рама, отделенная по замыслу художника на некоторое расстояние от подрамника, создает ощущение не столько картины, сколько реального предмета.

Когда 19 апреля 2016 г. В.Н. Немухина не стало, Никита Дмитриевич в память о художнике подарил в Ростовский музей еще одну его работу. Это оригинальная «Супрематическая композиция» (2002) – раскрашенное соответствующим мотивом страусиное яйцо, подаренное в 2010 г. Н.Д. Лобанову-Ростовскому Р. Бессером. Экзотические страусиные яйца издавна использовались художниками для создания произведений декоративно-прикладного искусства. Так, среди первых поступлений Ростовского музея церковных древностей было экспонировавшееся в Белой палате, но до наших дней, к сожалению, не дошедшее «страусово яйцо, обложенное в металл, с финифтью», которое современник назвал «оригинальной редкостью». В.Н. Немухин создал своеобразный объект, расписав абстрактными супрематическими мотивами органическое природное творение, вновь соединив несоединимое.

В.Н. Немухин – художник редкого творческого долголетия. Не случайно статья известного исследователя, заведующего отделом новейших течений Русского музея А. Боровского, посвященная работам художника 1990–2000-х годов, названа им «Художник в силе». Теперь в Ростовском музее хранится коллекция произведений именно этого, позднего и весьма плодотворного периода творчества В.Н. Немухина. А Н.Д. Лобанов-Ростовский заключает: «Диапазон его произведений очень широк, доказательство чему – те девять работ, которые я подарил музею Ростовского кремля».

Елена Ким

Император Николай Александрович¹

Как известно, первым в списке Почетных членов Ростовского музея церковных древностей был «государь цесаревич Николай Александрович», будущий император Николай II. Когда-то в Белой палате Ростовского кремля экспонировалось несколько его фотографий, однако, до наших дней они не дошли. Теперь, благодаря дару кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского,

¹ Подробности: <http://rvio.histrf.ru/activities/news/item-2693>; <http://www.pushkin-book.ru/id=711.html>.

в Музее появилось несколько изображений Николая II, в том числе и два листа из подарочного альбома «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в 10 формах полков, где Его Величество состоит шефом и числится». Альбом литографий был выпущен по случаю коронации Николая II и Александры Федоровны, состоявшейся в Москве 120 лет назад, 14/26 мая 1896 г. Издание было осуществлено ограниченным тиражом по оригиналам художника Г.К. Бакмансона (1860–1953) Заведением графических искусств Э.И. Маркуса (М.; СПб., 1896).

Откликаясь на просьбу министра культуры РФ В.Р. Мединского, Н.Д. Лобанов-Ростовский 7 июля 2016 г. подарил Музею военной истории «Стрелецкие палаты» еще один экземпляр литографии «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в форме Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка». Интересно, что из десяти великих князей в окружении императора, запечатленных на литографии – семеро посещали Ростов и Ростовский музей церковных древностей, а великие князья Владимир Александрович, Сергей Александрович и Константин Константинович были Почетными членами Ростовского музея.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в форме Лейб-гвардии Конного Его Величества полка

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в форме Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка

**3-Я ВЫСТАВКА ДАРОВ МУЗЕЮ
РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ, 7 ОКТЯБРЯ 2016 Г.
Мнение директора Музея Ростовского кремля
Н.С. Каровской о дарах Лобанова¹**

*Н. Лобанов и Н. Каровская на фоне
Ростовского кремля. Ростов, июль 2016 г.*

Глубокоуважаемый
Никита Дмитриевич!

Подтверждаю успешную доставку
Ваших последних даров в музей «Ро-
стовский кремль».

В субботу сразу же провели все
вещи через фондово-закупочную ко-
миссию.

Заседание было «outstanding»...

Комиссия, в основном, молчала.
Да, это было весьма сильно!!

Работы великолепны!!!

Вы нас поразили во всех смыс-
лах...

Мы просто не могли оторвать глаз,
особенно от Брака. Потрясающее при-
обретение нашим древним музеем...

Разрешите выразить Вам нашу общую глубокую благодарность столь
щедрым даром.

И – вот оно, зримое отличие французского (европейского) искусства от
отечественного того же периода.

Отдельно – и позже – обсудим с Вами порядок экспонирования и об-
рамления Брака. Хочу посоветоваться с Вами о правильном показе и воз-
можных приемах обрамления (?) шедевров.

Еще предстоит перевести все документы на русский язык.

Сегодня сфотографировали в хранении, завтра выложим в интернет с
самыми восторженными благодарностями дарителю.

Простите за задержку с ответом – задавали обязанности руководителя.

С искренним восхищением –
Наталия Каровская

¹Электронное послание Н.Д. Лобанову от 11/04/2016

Выставка в Ростове Великом

Пресс-релиз

7 октября 2016 г. в 15.00 в Парадном зале Государских хором Ростовского кремля открывается выставка «Дар князя Н.Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей. Новые поступления». Это уже 4-я выставка, основанная на дарах известного общественного деятеля, коллекционера и мецената в Ростовский музей-заповедник. Однако от предыдущих она отличается особым масштабом. На ней будет представлено беспрецедентное по художественной и исторической ценности дарение (произведения искусства, документы, исторические раритеты) общей стоимостью свыше 70 миллионов рублей.

Буклет выставки «Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского 2015–2016 гг.»

Предыстория

Ровно пять лет назад князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, Рюрикович в 33-м поколении, предки которого были ростовскими князьями, предложил Ростовскому музею принять в свои фонды в качестве дара экспонаты и оборудование частного Музея Лобановых-Ростовских в московском парке Фили, к тому времени закрытого по распоряжению властей. За прошедшие годы в Ростовский музей им было передано около 15 тысяч предметов XVII–XXI вв., часть которых уже поставлена на музейный учет, часть проходит первичную научную обработку. Дары продолжают поступать.

Музей Лобановых-Ростовских

Масштаб и значимость дарений князя в Ростовский музей таковы, что в 2014 г. было принято решение о создании в структуре Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» самостоятельного подразделения – Музея Лобановых-Ростовских. Он будет размещен в двухэтажном особняке XIX в., ранее принадлежавшем одному из основателей Ростовского музея И.А. Шлякову. В текущем году Министерство культуры РФ выделило свыше 39 миллионов рублей на реставрацию здания – памятника архитектуры федерального значения. В настоящее время проходит процедура конкурсного отбора подрядчика на проведение реставрационных работ.

Выставка

Посетители увидят выдающиеся произведения русского и зарубежного изобразительного искусства, большинство из которых никогда не экспонировались в России. Особо следует выделить картину «амазонки авангарда» А.А. Экстер «Абстрактная композиция» (1917–1918), стоимость которой по оценке Аукционного дома «Сотбис» составляет 500 тысяч евро; созданный в 1918 г. выдающимся русским художником И.И. Машковым «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином» (300 тысяч евро по оценке Дж. Баррана, бывшего директора Аукционного дома «Сотбис»); «Натюрморт с гитарой» легендарного основателя кубизма Ж. Брака, который французские эксперты оценили в 220 тысяч евро. Впервые будет показана публике коллекция произведений видного представителя второй волны русского авангарда В.Н. Немухина, характеризующая зрелый период творчества художника. Знарок и коллекционер русской сценографии Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил музею произведения и этого вида искусства, часть которых представлена на выставке. Богатством и разнообразием отличается раздел декоративно-прикладного искусства, в котором экспонируется английский фаянс и китайский фарфор, старинное столовое серебро и цветное стекло, а также этнографические предметы из самых разных стран мира, в которых побывал даритель. Выставка также включает в себя обширный документальный раздел, в который вошли архивные документы, фотографии, редкие книги.

На вернисаже будет присутствовать Н.Д. Лобанов-Ростовский, который специально прибудет из Лондона в Ростов.

Выставка продлится до середины декабря.

Елена Ким
**Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский –
Ростовскому кремлю**

Вот уже на протяжении пяти лет князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, Рюрикович в 33-м поколении, предки которого княжили в Ростове, сотрудничает с Государственным музеем-заповедником «Ростовский кремль». За прошедшие годы в Ростовский музей им было передано около 15 тысяч предметов XVII–XXI вв., часть которых поставлена на музейный учет, часть проходит первичную научную обработку.

Масштаб и значимость дарений князя в Ростовский музей таковы, что в 2014 г. было принято решение о создании в структуре Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» самостоятельного подразделения – Музея князей Лобановых-Ростовских. Он будет размещен в двухэтажном особняке XIX в., ранее принадлежавшем одному из основателей Ростовского музея И.А. Шлякову (1843–1919). Летом 2016 г. Министерство культуры РФ выделило около 40 миллионов рублей на реставрацию здания – памятника архитектуры федерального значения, идет процедура конкурсного отбора подрядчика на проведение реставрационных работ.

Однако, пожалуй, самый крупный дар в Музей Н.Д. Лобанов-Ростовский внес в 2016 г. – это произведения искусства, документы, исторические раритеты общей стоимостью свыше 70 миллионов рублей. Часть дарений (около 150 экспонатов) можно было видеть в Парадном зале Государских хором Ростовского кремля на выставке «Дар князя Н.Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей. Новые поступления», которая

Ростовский кремль. Вид с озера Нерз. Фото В.А. Абрамова

Н. Лобанов и Е. Ким. Ростов, 7 октября 2016 г.

*Л. Давиденкова. Портрет
Нины Лобановой-Ростовской, 2003 г.*

открылась 7 октября 2016 г. Это уже четвертая выставка, основанная на дарах известного общественного деятеля, коллекционера и мецената в Ростовский музей-заповедник, однако от предыдущих она отличалась особым масштабом. Посетители имели возможность увидеть выдающиеся произведения русского и зарубежного изобразительного искусства, которые никогда не экспонировались в России.

Особо следует выделить картину «амазонки авангарда» А.А. Экстер «Абстрактная композиция», стоимость которой по оценке Аукционного дома «Сотбис» составляет 500 тысяч евро;

созданный в 1918 г. выдающимся русским художником И.И. Машковым «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином» (300 тысяч евро по оценке Дж. Баррана, бывшего директора Аукционного дома «Сотбис»); «Натюрморт с гитарой» легендарного основателя кубизма Ж. Брака, который французские эксперты оценили в 220 тысяч евро. Впервые была показана публике коллекция произведений видного представителя второй волны русского авангарда В.Н. Немухина, характеризующая зрелый период творчества художника.

Знаток и коллекционер русской сценографии Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил музею произведения и этого вида искусства, часть которых была представлена на выставке. Богатством и разнообразием отличался раздел декоративно-прикладного искусства, в котором экспонируется английский фаянс и китайский фарфор, старинное столовое серебро и цветное стекло, а также этнографические предметы из самых разных стран мира, в которых побывал даритель. Выставка также включала в себя обширный документальный раздел, в который вошли архивные документы, фотографии, редкие книги.

Специально для участия в вернисаже из Лондона, где он проживает последние тридцать с лишним лет, прибыл даритель – кн. Н.Д. Лобанов-Ростовский. Из Парижа в Ростов приехали его кузен Юрий Александрович Трубников с супругой Беатрис, выделявшейся, как и положено парижанке, особой статью и шармом. Кстати, Беатрис имеет теперь самое непосредственное отношение к ростовскому собранию. Именно она выполнила серию росписей на лиможских тарелках по мотивам театральной коллекции

Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, которые поступили в музей в 2013 г. и уже неоднократно экспонировались в его стенах. Из Москвы приехали известные ученые, художники, представители СМИ, в том числе корреспонденты ОРТ. Последнее было весьма кстати, так как ярославские журналисты на вернисаже «блистали своим отсутствием». Местную прессу представлял корреспондент газеты «Ростовский вестник», но готовить репортаж не входило в его планы, так как незадолго до вернисажа руководство Музея запретило размещать материалы о Музее без предварительного с ним – руководством Музея – согласования. А здешние «акулы пера» оказались не очень зубасты.

Г.Ф. Алексеева, вдова В.Н. Немухина, у его произведений. Ростов, 2016 г.

<...>

На вернисаж по приглашению Н.Д. Лобанова-Ростовского из Москвы приехала Г.Ф. Алексеева. Полгода назад ушел из жизни ее супруг, выдающийся художник В.Н. Немухин (1925–2016). Нельзя не отметить важную роль Галины Федоровны в создании коллекции работ Немухина, которую Никита Дмитриевич подарил Ростовскому музею. Шесть из девяти произведений происходят из мастерской самого художника.

Галина Федоровна при этом вела переговоры, устраивала встречи, пила чаем, наконец, помогала упаковывать произведения для транспортировки в Ростов. И все это она делала с неизменной доброжелательностью, своим спокойствием уравновешивая знаменитого и, несмотря на лета, темпераментного супруга. В Ростове Галина Федоровна была рада своими глазами увидеть, что работы Владимира Николаевича экспонируются на выставке и доступны широкому кругу зрителей.

Вскоре после окончания вернисажа Никита Дмитриевич покинул Ростов и Россию. Однако буквально на следующий день после своего возвращения в Лондон, он прислал в музей график своих ежемесячных прилетов в Москву на ближайшее время. Билеты на самолеты Британских авиалиний уже куплены, и в их стоимость вошел и багаж – очередные дары Ростовскому музею.

Дары Лобанова-Ростовского заняли достойное место в Музее Ростовского кремля

Стенограмма вернисажа выставки в Парадном зале

Красной палаты Кремля города Ростова

19 октября 2016 г.

*Джун Лобанова-Ростовская.
Ростов, 2014 г.*

Лобановы-Ростовские – владельцы князья ростовской земли с XV в. Владетельные – т.е. они были правителями этой территории с многовековым правом наследования власти. За прошедшие столетия они воевали за русскую землю, строили на этой земле, занимались политикой и содействовали просвещению. XX век многое перевернул в России, и многое из ее культурного наследия оказалось утерянным, забытым, уничтоженным или вывезенным из страны. Вопреки своей

нелегкой судьбе, о которой столь много уже говорилось в прессе, последний отпрыск стариннейшего российского рода, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, при первой же возможности стал по крупицам собирать предметы русской художественной культуры, оказавшиеся за рубежом. Началось это в 50-х годах прошлого столетия. Вот уже полвека он отыскивает работы российских художников, собрав и научно описав свою значительную художественную коллекцию. А около 45 лет назад, как только у него появилась возможность дарить России вновь найденные произведения зарубежных соотечественников, он стал возвращать их нашей стране. 7 октября 2016 г. в Парадном зале Красной палаты Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» при Министерстве культуры РФ прошел вернисаж выставки «Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского. 2015–2016 гг.». Открытие сопровождалось выступлениями. Предлагаем их читателю. На выставке представлены те предметы культуры, истории, старины, которые, как надеется общественность, в скором времени займут свое место в «Доме-музее Лобановых-Ростовских» в городе Ростове Великом.

Выступления

Директор Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» **Наталья Стефановна Каровская:** Уважаемый Никита Дмитриевич! Благодарю за то, что Вы к нам приехали. Почитаем за честь, что Ваше творчество теперь будет представлено в федеральном музее Ростовский кремль. Я надеюсь, что и Вы удовлетворены. Когда наш музей называют провинциальным, мы внутренне не принимаем это. Согласитесь, наш музей хорошего европейского уровня. Мы гордимся, что теперь и Ваша коллекция среди коллекций музея.

*Директор Музея Ростовского кремля
Н.С. Каровская и Н.Д. Лобанов-Ростовский
на вернисаже 7 октября 2016 г.*

Мы сделали буклет, посвященный дарам Лобанова-Ростовского. Это наш скромный подарок на память о выставке. А, кроме того, мы хотим подарить участникам вернисажа и каталог недавно прошедшей выставки произведений одного из самых чтимых наших ростовских эмальеров Александра Алексева. Поприветствуем присутствующих здесь уважаемого Юрия Алексеевича Евтюхина, представителя Министерства культуры РФ, и глубокоуважаемого Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского, нашего сегодняшнего именинника и центральную фигуру нашей встречи. Поскольку сегодня много выступающих, я как директор музея по существу ничего говорить не буду, предоставляя слово сотрудникам и гостям. Предлагаю относиться к встрече как к хорошему празднику. Если у присутствующих возникнут вопросы к любому из выступающих, мы все будем рады ответить. Конечно, прежде всего, мы стремимся познакомиться с дарами Лобанова-Ростовского, которые приобрел музей за последние два года. Первое приветственное слово я предоставляю представителю нашего учредителя, директору Департамента культурного наследия.

Юрий Алексеевич Евтюхин: Добрый день, дорогие друзья, добрый день, уважаемые коллеги. Сегодня мы с Вами присутствуем на замечательном событии – на очередной выставке даров Никиты Дмитриевича. Прежде всего, от имени Министерства культуры РФ я хочу поблагодарить Никиту Дмитриевича за столь щедрые дары Ростовскому музею, за предметы живописи, графики (не буду перечислять все предметы выставки, Вы их

сейчас увидите), за те предметы, которые заняли достойное место в коллекции музея. Хочу пожелать всем собравшимся ярких впечатлений, а музею дальнейшей плодотворной работы. Спасибо большое.

НСК: Наша непосредственная работа с коллекцией Лобанова-Ростовского продолжается три года: она связана и с приемом даров, и с их осмыслением и описанием. Прежде всего, я хочу поблагодарить сотрудников музея, работающих с этими вещами, уделяющих им большое количество времени и сил. Это огромный профессиональный труд. Помимо сотрудников музея над коллекцией работают наши партнеры, например, Ярославский художественный музей и его искусствоведы. Сначала я хочу вспомнить Татьяну Альбертовну Лебедеву, передать ей низкий поклон за то, что она описала около 200 предметов из поступивших в дар, это очень большая помощь. А для того, чтобы более подробно познакомить Вас с крупными частями даров и дать представление об их значимости, я приглашаю Ярослава Евгеньевича Смирнова, заведующего издательским отделом музея, в последний год активно включившегося в работу. На нем, в первую очередь, лежит ответственность за разбор и анализ архива, который очень разнообразен и велик.

Ярослав Евгеньевич Смирнов: Дорогие друзья, я вас всех приветствую на этом замечательном празднике, дорогой Никита Дмитриевич, я особо приветствую Вас в этот прекрасный день! Наталия Стефановна упомянула, что наша работа продолжается три года. Но отмечу, что отношения Никиты Дмитриевича с музеем Ростовского кремля давние. В «Книге отзывов посетителей» 17 сентября 1970 г. есть запись «интуриста – Лобанова-Ростовского»: «было интересно побывать в этих местах». Вот с этих пор он, видимо, и стал приглядываться к Ростовскому музею, а за последние три года эти отношения музея и Никиты Дмитриевича стали родными, плодотворными и интенсивными. В 2012 г. Никита Дмитриевич принимает решение, что часть своей коллекции он передаст Ростовскому музею. Уже в мае 2013 г. состоялась первая выставка даров Лобанова-Ростовского. В начале 2014 г. состоялась небольшая передвижная выставка, составленная из репродукций подаренных картин, которая была показана в Ростовской городской библиотеке, в образовательных учреждениях города и района. В том же году, 14 августа открылась большая выставка, посвященная герою сегодняшнего дня и его коллекции, рассказывающая о его жизненном пути, истории его знаменитого княжеского рода, об обширной культурной и общественной деятельности. А 15 апреля прошлого года состоялась выставка плакатов из собрания Лобанова-Ростовского и одновре-

менно – презентация вышедшей в 2015 г. книги, ему посвященной, «Рюрикович в эмиграции». Таким образом, сегодняшний вернисаж – четвертая выставка, связанная с собранием Лобанова-Ростовского. Наши взаимоотношения интенсивны, низкий поклон Никите Дмитриевичу, который неустанно следит за пополнением ростовской коллекции. Активная работа сотрудников нашего музея направлена на изучение, описание и постановку на государственный учет произведений, введение их в научный и культурный оборот. То собрание, что передается в течение последних трех лет, это скорее мемориальная коллекция, рассказывающая о самом собирателе, выдающемся коллекционере. Она состоит из различных частей – здесь художественные произведения, предметы быта и архив. Готовясь к этой выставке, мы опубликовали буклет, который присутствующие могли бы взять на память. А также один выпуск музейной газеты «Ростовская старина», выходящей раз в квартал, мы решили целиком посвятить этому событию. В каждой из статей как можно более подробно рассказывается о каждой из частей этой замечательной выставки. Мне бы хотелось вручить Никите Дмитриевичу на память 100 экземпляров газеты и 100 экземпляров с пожеланием продолжать Вашу деятельность, пропагандировать русское искусство за рубежом и свою собрание.

НДЛ-Р: Кланяюсь Вам низко, как самурай, на 90 градусов, за этот щедрый дар. Спасибо Вам.

НСК: Выставка будет работать до декабря. Поэтому если ярославцы, ростовцы, москвичи пожелают, они могут приводить сюда студенческие группы, учащихся, своих друзей. Но сегодня – вернисаж, и выставку мы представляем посетителям особенным образом. Безусловно, лучше куратора, лучше экспозиционера выставку не знает никто. Ведь он каждую вещь держит в своих руках, ищет для каждой лучшее место и наиболее выигрышное освещение и думает об общей концепции. О выставке Вам расскажет заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Владимир Васильевич Зякин.

Владимир Васильевич Зякин: Спасибо. Всем собравшимся добрый вечер! Выставка построена на основе коллекционного метода, т.е. каждая группа экспонатов представляет отдельный вид художественного творчества. Первое место принадлежит живописным работам. Среди них мы демонстрируем «Натюрморт с гитарой» Жоржа Брака, одного из основателей кубизма; работу Александры Экстер 1917–1918 гг., представительницы русского авангарда, и натюрморт, написанный в 1918 г. Ильей Машковым,

членом художественного объединения начала XX в. «Бубновый валет». Далее мы видим эскиз декорации к «Мистерии-Буфф» Маяковского кисти художника Антона Лавинского. По-моему, загадочный цикл из трех работ, на которых изображены конквистадоры. Мы знаем только, что выполнены эскизы в 1950 г. Дальнейшая работа наших сотрудников будет связана с выявлением более подробной информации об этом цикле. Портрет Нины Лобановой-Ростовской и целый авторский комплекс произведений современного художника Владимира Немухина, к сожалению, недавно ушедшего из жизни, – эти работы были приобретены Никитой Дмитриевичем совсем недавно и сейчас уже находятся в коллекции Музея. Еще один экспозиционный комплекс – творчество известного мастера театрально-декорационного искусства, представительницы династии художников Федоровых–Осиповых, Марии Федоровой. Из трех представленных работ одна – эскиз для ансамбля Надежды Бабкиной, две – эскизы картины «Ярмарка» для государственного ансамбля танца России. Для многочисленных графических работ XIX – начала XXI в. небольшого формата мы выделили пространство западной стены, и здесь мы видим авторов разного времени и разных стран, писавших в многообразных графических техниках и на различных графических материалах. Здесь же представлены три блока марок, два из них принадлежат известному художнику Георгию Шишкину. Блок, посвященный 400-летию восстановления единства Российского государства, удостоен грамотой «за лучшую почтовую марку России 2012 года». А также здесь размещен блок марок от представительства авиакомпании «Боинг», среди которых несколько марок посвящены истории авиастроения в России. Есть и значительные предметы из полиграфического раздела, афиш и плакатов. Из предметов бытового искусства представлены изделия из металла и серебра, столовые приборы и посуда, датируемые серединой XX столетия. Интересен и раздел фарфора и фаянса, изготовленных в России, Казахстане, Израиле и других странах. Особо в экспозиции выделены две серии номерных декоративных тарелок, одна из которых посвящена Жозефине и Наполеону, выпущена Израильской фирмой «Брадекс» в 1984–1986 гг., и серия немецкого фарфора «Сцены из сельской жизни». Что касается архива, он распределен по историческим периодам, тематическим рубрикам. Здесь следует отметить документы, отражающие важнейшие моменты российской истории, на которых есть подпись Павла I и Александра I, затем целый ряд документов, в той или иной мере характеризующих жизнь и деятельность семьи Лобановых-Ростовских, и наконец, цикл документов, представляющий значимые эпизоды жизни и общественной деятельности Никиты Дмитриевича. Эти разделы мы постарались проиллюстрировать фотографиями, на которых он запечатлен вместе с деятелями

отечественной культуры. Из библиотечного фонда, поступившего к нам и содержащего более 1000 экземпляров, мы представили небольшую часть, содержащую автографы известных людей, и те книги, которые характеризуют Никиту Дмитриевича как коллекционера, его пристрастия и интересы. Этот раздел – завершающий. Что можно добавить? Если нашлось бы еще немного места, можно было бы расширять экспозицию и другими материалами. Но мы должны уметь соотносить экспонируемые материалы с реально имеющейся сегодня площадкой. Спасибо за внимание.

НСК: Спасибо Вам за работу. Конечно, Вы очень волнуетесь, я Вас понимаю, хочу только отметить, что Парадный зал Красных палат Ростовского кремля – это лучшее экспозиционное помещение на сегодняшний день, и по объему, и по качеству, и по способности осветить выставочный материал, и по возможности принять большое количество посетителей. Безусловно, Никита Дмитриевич, Парадный зал – это лучшее, что Ростовский кремль мог предоставить для Вашей выставки.

НДЛ-Р: Благодарю.

НСК: Я думаю, настало время послушать Никиту Дмитриевича.

НДЛ-Р: Уважаемая директор Наталия Стефановна, уважаемое руководство музея. Благодарю вас за отличное оформление выставки, посвященной моим дарениям музею за последний год. Здесь очевидны вклад и талант Владимира Васильевича Зякина, который сумел сформировать тематически целостную выставку. Выставка представляет собой и некий знак будущего создания «Музея Лобановых-Ростовских» в доме Шлякова на Пролетарской улице в доме № 46.

Чем значимы дарения подобного рода? Всего за пять лет существования РСФСР комиссия, возглавляемая Горьким, успела вывезти из России 60 тысяч тонн произведений искусств на продажу за рубежом. Эта цифра известна из информационных бюллетеней российских железных дорог. Существует два письма Ленина, адресованные Горькому, в которых он просит его ускорить вывоз и продажу художественных ценностей, чтобы скорее выручить валюту. Эти огромные резервы, ранее бывшие достоянием российской культуры, оказались за границей. Несомненно, стоит стараться для того, чтобы постепенно возвращать это достояние на родину, что я и делаю.

Многие из вас себе, наверное, задают вопрос: А почему Лобанов, имея возможность дарить столь ценные произведения, не построил бы музей на свои средства в стиле, который ему подходит, вместо того, чтобы

рассчитывать на благожелательное отношение Министерства культуры и руководства Музея Ростовского Кремля в этом деле? Ответ мой основан на историческом опыте всех стран мира. Частные музеи, как бы прекрасно их ни финансировали, со временем перестают существовать. Наглядный пример – это наследие Николая Рериха. В 1929 г. в Манхэттэне на Риверсайд Драйв вдоль Гудзона был создан 29-тиэтажный небоскреб имени Рериха. Там заседали последователи его идеологии, располагались архив и все живописное наследие Рериха. 30 лет спустя музей переместился в пятиэтажный дом на 107 ул. в Манхэттэне. Часть живописи была продана. Поэтому я приверженец дарений госбюджетным организациям, у которых есть гораздо лучшая перспектива выживания в ближайшем и отдаленном будущем. Подобная мотивация была у Третьякова, как и у Бахрушина. Оба оставили свои изумительные коллекции городу Москве.

Лет 30 тому назад вместе с Ильей Самойловичем Зильберштейном нам удалось уговорить директора ГМИИ им. Пушкина И.А. Антонову создать Музей личных коллекций. Ей удалось убедить правительство в целесообразности этой идеи. В результате правительство перестроило здание компании «Автоэкспорт» в музей, в основание музейной экспозиции было положено собрание Зильберштейна плюс дары зарубежных соотечественников. Такое случилось в первый раз, когда в коммунистической стране государство вошло в партнерские отношения с частником, чтобы создать музей. И что еще важнее – государство приняло на себя расходы по содержанию музея. Вне Советского Союза такой симбиоз был и остается невозможным. Музеи вне России не принимают значительных художественных пожертвований, если дар не сопровождается дополнительными средствами их музейного содержания. Следуя этой практике, я предложил Министерству культуры денежными средствами участвовать в реставрации дома Шлякова. Мое предложение не было принято.

Музей личных коллекций имел невероятный успех, и количество поступающих подарков превысило все ожидания. Пришлось для него построить новое здание справа от ГМИИ им А.С. Пушкина.

Конечно, не все подобные мероприятия вполне удачны. Во время правления мэра Лужкова директор Филевского парка предложил построить для меня в парке дом под Дом-музей Лобановых-Ростовских при условии, что я заполню его экспонатами. Что и было сделано на основе юридических документов, заключенных с правительством Москвы. Пришел новый мэр Собянин. Мне сообщили, что документы, заключенные с правительством Москвы, юридически не обоснованы. На этом основании мне «предложили» освободить дом. При содействии Министерства культуры содержание дома в Филах было перевезено в Ростов. Я, конечно, был очень рад

этому решению, ибо моя семья многими веками связана с Ростовым Великим. Жду с нетерпением начала реставрации, чтобы разместить там все мои дары, которые будут продолжаться и в будущем. Надеюсь на открытие музея в 2018 году.

НСК: Великолепная речь, спасибо. И пример того, как надо готовиться к выступлению. Здесь сказала и Ваша профессиональная преподавательская привычка писать точный конспект выступления. Никита Дмитриевич приехал к нам не один, а в сопровождении некоторых авторов, произведения которых Вы видите, московской прессы и своих друзей. Теперь пришло время предоставить слово гостям. Итак, Мария Владиславовна Федорова, заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств. Я очень рада Вас видеть и прошу сказать несколько слов.

МВФ: Благодарю за честь присутствовать здесь и хочу сказать, что мы счастливы находиться на открытии выставки, поскольку это огромное событие в культурной жизни, как и любая выставка, которую организует и в которой принимает участие Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Первая выставка, где я увидела его коллекцию, состоялась в Музее изобразительных искусств имени Пушкина в 1988 г. Это было выдающееся событие в жизни культуры, поскольку мы впервые увидели настоящие, живые произведения эпохи модерна, которых до этого не видели никогда. В этом году была невероятно успешная выставка в Музее имени Бахрушина, называвшаяся «Прорыв. Театрально-декорационная живопись Серебряного века» и включавшая множество работ из коллекции Лобановых-Ростовских. Очередь стояла огромная, и ее даже некоторым образом можно сравнить с очередью на выставку Серова. Я сегодня представляю здесь Академию художеств, которая высоко ценит деятельность Никиты Дмитриевича по возвращению предметов искусства высочайшего класса. От имени президента Академии художеств Зураба Константиновича Церетели и от имени Президиума Академии художеств мне поручили поздравить Никиту Дмитриевича и

М.В. Федорова вручила Н.Д. Лобанову-Ростовскому благодарственную грамоту от РАХ

отметить значительность вклада, который он приносит в отечественную культуру. И в знак подтверждения этого отношения к Вам я привезла официальный документ, надпись на котором гласит «Благодарность».

НДЛ-Р: Прошу передать благодарность академику Церетели.

НСК: Спасибо. Позвольте предоставить слово профессору Московского университета, доктору культурологии Екатерине Сергеевне Федоровой.

ЕСФ: Сергей Константинович Маковский в мемуарах «Портреты современников», вышедших в Нью-Йорке 60 лет назад в 1955 г. в Издательстве имени Чехова, отметил «потребность» новых поколений Советской России «преемственно связать себя с историческим прошлым, не считаясь с мировоззрением „не помнящих родства” фанатиков марксизма». С этих пор в России растет интерес к российским художникам, чье творчество волею судеб развивалось вне страны. Очень осторожно, маленькими шажками, но неуклонно, искусствоведы и собиратели начинают посвящать общество в подлинную историю российского искусства, оказавшегося вне родины. Важно не только для настоящего благоприятного климата в обществе, но и для формирования будущих поколений возвращать нашей стране представления о художественном процессе и достижениях русских творцов во всей его полноте. Когда же в Россию возвращаются материальные предметы, живописные и графические полотна, это тем более ценно. Именно этим систематически, в течение почти полувека занимается Н.Д. Лобанов-Ростовский.

Его дары Ростовскому кремлю представляют несомненную художественную ценность, не являются рядовыми или второстепенными работами известных художников. Абстрактная композиция Александры Экстер писалась в 1917–1918 г., в эпоху революции. Одухотворенное сочетание геометрических поверхностей вызвало восхищение художественных критиков и продолжает вызывать его до сих пор, они дают этой работе высокую оценку, выраженную и в высоких цифрах стоимости. В то же бурное время написан экспрессивный натюрморт с камелиями Ильи Машкова, одного из основателей «Бубнового валета». «Натюрморт с гитарой» Жоржа Брака, созданный через десятилетие основателем кубизма, спокойный по тону, цвету и настроению, раскрывает развитие кубизма на рубеже 1930-х. У каждой работы хорошо известный провенанс, что подчеркивает ее ценность. Редко случается, чтобы кто-либо из наших зарубежных соотечественников дарил столь выдающиеся произведения искусства, которые имеют и внушительный денежный эквивалент. Только за последний год сумма даров

коллекционера составила 70 миллионов рублей, что ныне объявлено и в прессе. Эта стоимость основана на оценке влиятельных зарубежных аукционных домов.

Овидию принадлежат слова: «artes molliunt mores» – искусства смягчают нравы, «...а под их благодатным покровом кротость приемлют сердца, злые распри бегут».

Меценатство в России началось с XVIII в. У русских меценатов, бесспорно, истоками их благотворительности были соображения весьма прагматические. Но они неизменно сочетались с самоотверженной любовью к искусству и России. В России меценатство всегда считалось служением. Даже земные, расчетливые люди действовали из общественных и патриотических побуждений. «Для того чтобы процветало искусство, – писал Станиславский, – нужны не только художники, но и меценаты». Он и сам был промышленником, весьма удачливым, переделав доставшуюся ему фабрику золотой канители в ультрасовременную тогда фабрику электрических проводов. Однако же идеей его был не коммерческий театр, а приносящий убытки «разумный, нравственный, общедоступный театр». «И этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь, скажет Константин Сергеевич. Во 2-й половине XIX в. расцвет культуры во многом подготовил и сопровождал расцвет меценатства, трактуемого как сознательная идея улучшения жизни общества.

Как говорил литературовед и лингвист Григорий Винокур: «Что же делать, если истина не всегда оригинальна!» И здесь истина проста. Если совершится чудо и Музей Лобанова-Ростовского в 2019 г. начнет свою жизнь в доме Шлякова, то помимо художественных и идейных соображений, он, несомненно, окажется привлекательным объектом для российских и зарубежных туристов, и неизбежно будет содействовать материальному благополучию города. Подобно тому, как имя Гая Цильния Мецената стало нарицательным и превратилось в знак расцвета римской культуры, так и деятельность Никиты Дмитриевича служит нам образцом и знаком надежды на расцвет русской культуры, образцом отношения не только к искусству, но именно и прежде всего к жизни.

НСК: У нас есть еще один выступающий, позвольте предоставить слово кандидату исторических наук Михаилу Владимировичу Ковалеву, доценту Саратовского государственного университета имени Гагарина, специалисту по истории русской эмиграции.

МВК: Многое хочется сказать, но я постараюсь быть кратким. В 1920-е годы кто-то из видных русских эмигрантов сказал: «Мы не в изгнании, мы в

послании». Вот это «послание», эта миссия виделась эмиграции как борьба за сохранение русских культурных ценностей, за сохранение духовных свершений российского народа. Отраднo, что уже в 1960–1970-е годы эти культурные ценности медленно, по капельке начали возвращаться на историческую родину, чтобы в 1990-х пролиться благодатным дождем в России. В этом процессе Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому принадлежала выдающаяся роль, значение которой мы до конца еще не осознаем. Для меня Никита Дмитриевич не только меценат-коллекционер, это уникальный пример пропагандиста русской культуры и за пределами России, и в самом отечестве. Ибо мы сами не до конца понимаем, каким богатейшим наследием мы обладаем. А Никита Дмитриевич осознал это как никто другой. Сейчас происходят бесконечные поиски национальной идеи. И кажется, Никитой Дмитриевичем эта идея давно найдена: это идея художественной культуры, которая способна всех нас объединить и которой он сам служит на протяжении всей своей жизни. Спасибо Вам большое за то, что Вы делаете. Мне думается, символично, что богатейшие дары, подаренные Ростовскому кремлю, оказались на родине Ваших предков, в городе, с которым связана история Вашей семьи. Спасибо Вам еще раз.

НСК: Слово ростовскому эмалиеру Александру Геннадиевичу Алексееву.

АГА: На фотографии первого альбома, который Никита Дмитриевич подарил музею, он стоит на олимпийской дороге на фоне Спасо-Яковлевского монастыря. В этой фотографии что-то очень трогательное. Вернуться через несколько столетий на родину предков – это поступок! Возвратить культурное наследие на родину – это тоже поступок! Хочется пожелать здоровья, долгих лет жизни, а также увидеть, что мечты осуществились. И чем быстрее, тем лучше!

НСК: Сейчас небольшое и очень приятное событие, последнее выступление. Три года нашего сотрудничества – это очень большая работа. Я это сказала в самом начале, и сейчас хочу повторить. Я благодарна, что Министерство культуры нам позволило вести эту работу. Ведь она связана с большими бюджетными тратами. И поскольку мы – государственное предприятие, по своей воле мы решать такие вопросы не могли бы, а только посоветовавшись с нашим учредителем. Одной из частей этой большой работы является такая, на первый взгляд, простая вещь, как упаковка и транспортировка. Я напому, что натюрморт Брака написан на песке, это очень сложная техника. И такое произведение нельзя везти в обычной упаковке, а необходимо самым тщательным образом сохранять горизонтальное положение – при особен-

ностях наших дорог, о которых мы все прекрасно знаем. Вот за эту помощь мы благодарны нашему партнеру, имя которого сейчас назову, благодаря ему мы всегда спокойны за сохранность наших работ. Это фирма «Хепри». Сегодня ее представитель у нас в гостях, и я хочу вручить Благодарственное письмо Минзале Дамировне Ишмуратовой.

МДИ: Хочу поблагодарить Наталью Стефановну за доверие, поскольку для нас это не просто очередной проект, а причастность к истории. Поэтому, Никита Дмитриевич, спасибо Вам большое и долгих лет Вам жизни, чтобы Вы продолжали нас вдохновлять и делать нас лучше. А Ростовскому музею желаю процветания.

НСК: Лучшее враг хорошего. Предлагаю завершать встречу и в заключение предоставить слово мэру города, отцу города, Константину Геннадиевичу Шевкоплясу. Ведь федеральный музей находится на ростовской земле. Коллекции, которые мы сегодня показываем, никуда не денутся из Ростова. Так что они – богатство нашего города.

КГШ: Добрый вечер, уважаемые дамы и господа, Никита Дмитриевич! В очередной раз я с огромным удовольствием приветствую Вас и Ваших гостей на ростовской земле. И слово «очередной» я произношу с особым уважением и трепетом, поскольку Ваш порыв – передать ростовской земле коллекцию возник неожиданно. Вы не ожидали, что так произойдет, эту коллекцию предполагалось разместить где угодно, только не в Ростове. А теперь в который раз открывается выставка Ваших даров. Но, видимо, Господь так распорядился, что привел Ваш путь сюда, на родину Ваших предков. И для всех ростовцев это замечательно и приятно. Я говорю Вам «спасибо» от себя лично и от всех ростовцев, даже при том, может быть, что не все еще знают об этом приобретении. Наличие таких замечательных экспонатов, присутствие таких выдающихся людей как Вы, будущие посещения выставки людьми, которые заинтересуются ею, наверняка послужат стимулом развитию города. Для города Ростова вместе с депутатами и администрацией мы выбрали путь туристического развития как культурного, а не промышленного центра. Культура для Ростова – это его перспектива, его будущее. В прошлом году Ростов Великий стал победителем всероссийского конкурса «Культурная столица малых городов России». И теперь историческое наследие Ростова получило известность, и его культурной жизнью стали интересоваться больше. Одним из «столпов», эпицентром культурного развития города является Ростовский кремль, и мы ценим замечательный коллектив, директора, и таких людей как Вы, вносящих свой

вклад в общее дело. Благодарю Вас за Ваш поступок. Вы рассказывали, как в 20-е годы прошлого века вывозили культурное наследие из страны, было время «разбрасывать камни», а сейчас пришло время их собирать. И Вы – один из этих собирателей, приношу Вам благодарность от всего Ростова.

НСК. Приглашаю всех присутствующих посмотреть выставку и всем вместе приветствовать Никиту Дмитриевича. Благодарю всех, кто специально приехал в Ростов, а ростовцев за то, что вы часто приходите в музей, мы работаем для вас, мои дорогие.

Ростов Великий, 2016 г.

**«РОСТОВСКАЯ СТАРИНА», № 6 (175)
сентябрь 2016 г.**

*Газета Государственного музея-заповедника
«Ростовский кремль»*

<...>

Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» очередной выставкой (открытие – 7 октября 2016 г.) представляет новейшие поступления в составе коллекции дарителя музея Н.Д. Лобанова-Ростовского.

К этому открытию приурочен специальный выпуск газеты «Ростовская старина». В статьях специалистов музеев Ростова, Ярославля и Москвы рассказывается об отдельных комплексах этой выставки.

В октябре 2011 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский объявил о своем решении передать Ростовскому музею часть своей богатой и разнообразной по составу коллекции. Художественная коллекция Лобановых-Ростовских складывалась в течение полувека, она включала в себя произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, книжные издания. Большая ее часть была продана или подарена в различные музеи. Одна из последних продаж – собрание театральной графики, состоящее более чем из тысячи первоклассных работ, приобрел Международный благотворительный фонд «Константиновский» (2008), Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына получил в дар библиотеку из более 3000 томов и редких фотодокументов (2010). Основу для передачи в Музей Ростовского кремля составила экспозиция прекратившего свое существование частного Дома-музея Лобановых-Ростовских в московском парке «Фили» (2001–2012).

Поступление части коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского в Ростовский музей и внесение предметов в музейный фонд – событие не одномоментное: продолжающаяся передача отдельных предметов и их комплексов, их научная обработка идут в течение 2013–2016 гг. Всего к настоящему времени в музей поступило около 1500 произведений искусства и архивных документов, а также более 1000 книг. Немалую часть составляют материалы, пополнившие научно-вспомогательный музейный фонд (около 1400 предметов), ведется работа по описанию и включению в него новых предметных и документальных комплексов.

Пополнение музейного собрания из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского неизменно сопровождается выставочными проектами, представляющими зрителю новые поступления.

Открытие первой выставки в Парадном зале Государских хором в присутствии дарителя и его супруги состоялось 17 мая 2013 г. На вернисаже было показано 290 произведений живописи, графики, скульптуры,

Газета «Ростовская старина», 2016 г., сентябрь

декоративно-прикладного искусства, а также редкие документы и фотографии.

В начале 2014 г. в городской детской библиотеке и образовательных учреждениях Ростова и района музей развернул передвижную выставку «Жар-птица. Сказка на русской сцене», подготовленную на основе репродукций произведений русских художников из собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского.

2 августа 2014 г. в Самуиловом корпусе музея начала работу выставка, посвященная многогранной общественной и собирательской деятельности потомка ростовских князей. 179 экспонатов из собрания дарителя и иных фондов музея раскрывают жизненный путь коллекционера и историю княжеского рода.

Открытие еще одной выставки – «Художественный плакат из собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского» – состоялось 14 апреля 2015 г. в присутствии дарителя.

Нынешняя выставка, четвертая по счету, демонстрирует поступления 2015–2016 гг. Характеризуя в целом коллекцию, выставка в нескольких своих разделах содержит редкие, а порою уникальные экспонаты – произведения живописи, графики, художественные изделия из фарфора и фаянса, драгоценных металлов, документы семейного архива и книги из личной библиотеки дарителя. Для показа в рамках вернисажа была отобрана небольшая часть из новых поступлений – чуть более 150 экспонатов.

Живописная часть коллекции на выставке представлена произведениями русских и западноевропейских художников XX–начала XXI в. В этой группе выделяются работы французского основателя кубизма Жоржа Брака, русских художников Ильи Машкова, Александры Экстер, Владимира Немухина.

В разделе графики экспонируются работы русских и зарубежных авторов, выполненные в различных техниках, а также полиграфическая продукция (театральные и художественные афиши, плакаты, марки) XIX – начала XXI в.

Декоративно-прикладное искусство демонстрируют изготовленные в Англии столовая посуда и приборы из серебра конца XIX–первой трети XX в. Здесь же – экспонаты из металла, относящиеся ко 2-й половине XX–началу XXI в., фарфор и фаянс производств Англии, Германии, Казахстана, России и Франции (1980-е годы–начало XXI в.).

Документальная часть выставки представлена материалами из личного архива Н.Д. Лобанова-Ростовского – письмами, фотографиями и иными источниками конца XVIII – начала XXI в. Дополняют данный раздел вернисажа редкие книжные издания. В каждой из представленных книг – надписи известных дарителей со словами благодарности Н.Д. Лобанову-Ростовскому за подвижничество и яркий пример просветительства.

Ярослав Смирнов
Семейный и личный архив
Н.Д. Лобанова-Ростовского

Есть у Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского как коллекционера, помимо иных черт и достоинств профессионального собирателя произведений искусства, очень ценное качество: он все тщательно документирует.

Не случайно уже первый его справочник о русских театральных художниках, появившийся в 1967 г., так и назывался – «Кто есть кто и где?». А потому напрасно думать, что это качество благоприобретенное. Скорее оно свойство природы: врожденный историзм сознания проявился уже в детстве – и когда 6-летним мальчиком стал собирать «коллекцию из новых болгарских марок», и когда чуть позже, подростком, начал вести свой дневник. Проявленное личное в юном представителе старинного княжеского рода, можно предположить, возродилось традициями фиксации и архивирования истории, испокон веков присущими дворянскому менталитету. С годами и десятилетиями собирательской деятельности генетически предопределенный «летописный» опыт превратился в навык, почти технологичный прием, позволивший сформировать и немалый личный архив.

Архив Н.Д. Лобанова-Ростовского – неотъемлемая часть его всемирно известного собрания художественных ценностей, органичное продолжение самого коллекционера – комплекс биографических сведений и материалов, характеризующих его многогранную личность и деятельность с различных сторон. Именно таким перед нами предстает документальное собрание, которое в 2013 г. в составе части художественной коллекции дарителя начало поступать в Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».

Н.Д. Лобанов-Ростовский не впервые делится материалами своего составленного на Западе архива с российскими документальными хранилищами. Еще в 1970 г. Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне – РГАЛИ) приобрел у коллекционера ценные альбомы с рисунками С.Ю. Судейкина, присоединив их к уже существовавшему архивному фонду художника (ф. 947). Вскоре в ЦГАЛИ был образован и личный фонд Н.Д. Лобанова-Ростовского (ф. 2712) в составе 425 единиц

хранения (хронологический охват архивных источников – 1838–1981 гг.). Помимо творческих материалов самого коллекционера (рукописей статей, каталогов), его переписки с художниками и их наследниками, антикварами, здесь – представительное собрание писем знаменитых русских живописцев, их рисунков, а также слайдов и фотокопий графики и станковых произведений, и др. В 2010 г. Никита Дмитриевич подарил Дому русского зарубежья имени А.И. Солженицына личную библиотеку в 3200 томов и значительный по объему фотоархив.

Продолжающий поступать в музей личный архив Н.Д. Лобанова-Ростовского следует рассматривать в единстве с ранее возникшими документальными комплексами. Вместе с тем, складывающуюся подборку архивных источников в музее отличает ее неразрывность с художественной и книжной частями коллекции, что придает всему собранию особую историко-культурную ценность.

Еще одна особенность комплекса лобановских документов в «Ростовском кремле», как представляется, состоит в том, что его образует «живой» архив, преимущественно составившийся в рамках деятельности мемориального Дома-музея князей Лобановых-Ростовских в московском парке «Фили». Это и определило основное содержание подборки документов, рассказывающих об истории дворянского рода и семьи Н.Д. Лобанова-Ростовского, его обширной собирательской и общественной работе на поприще сохранения отечественного культурного достояния, благотворительной деятельности в России.

Сейчас в музейной коллекции архивных материалов Н.Д. Лобанова-Ростовского насчитывается около 240 единиц хранения, относящихся к концу XVIII–началу XXI в. Документы представлены как в подлинниках (151 документ), так и копиях (многое отнесенное к научно-вспомогательному фонду – в ксерокопиях). В составе коллекции фотографий – почти 200 снимков конца XIX–начала XXI в. Из них примерно половина – подлинники. Значительная часть архивных документов и фотографий заключена в рамы, что свидетельствует об их экспозиционном прошлом в филевском музее. Особая группа документальных материалов – внушительная подборка слайдов, негативов, фотопробников (более 7 тысяч), научная обработка которых сегодня продолжается.

Письменные источники в архиве Н.Д. Лобанова-Ростовского имеют различное происхождение и представлены на русском, французском, английском, болгарском, немецком, испанском языках. В зависимости от тематики выделяются несколько блоков источников. Прежде всего это материалы по истории рода князей Лобановых-Ростовских в дореволюционное время. В подборке документов за 1-ю половину XIX в.–1917 г. –

письма, свидетельства о рождении, венчании, формулярные списки, опись имущества. Второй блок материалов объединяет документы по истории семьи Лобановых-Ростовских и их родственников Вырубовых и Галаховых в эмиграции. Здесь письма, фотографии, образцы официальной документации (паспорта, удостоверения, дипломы и др.), связанной с жизнью и натурализацией российских беженцев в Болгарии и Франции, документы о деятельности эмигрантских организаций.

Нансеновский паспорт Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской – матери Никиты Дмитриевича, 1953 г.

Отдельный – третий – блок можно выделить личные документы Н.Д. Лобанова-Ростовского – материалы, относящиеся к его учебе в Великобритании и США, началу служебной карьеры (1950–1960). В числе документов – паспорта, свидетельства о регистрации по месту жительства, водительские права, медицинская и клубная карты и др. В этой же подборке источников – корреспонденция Н.Д. Лобанова-Ростовского редактору газеты «Новое русское слово» и два письма к Никите Дмитриевичу от американских политиков Р. Кеннеди и Дж. Линдси (1965) в связи с выборами мэра Нью-Йорка.

Значительный по объему четвертый блок материалов включает документы об общественно-культурной, благотворительной деятельности Н.Д. Лобанова-Ростовского, преимущественно за период с конца XX в. по настоящее время. Здесь его переписка по актуальной проблематике с официальными лицами и органами власти, музеями, школьниками, дипломы и свидетельства о награждении, присвоении почетных званий, принятии в членство различных общественных организаций, поздравительные адреса, газетные вырезки статей и интервью и т.п. Все эти источники – богатейший материал к биографии фондообразователя.

Пятый блок представлен материалами исторической коллекции, собранной Н.Д. Лобановым-Ростовским. В настоящее время она включает семь документов за 1798–1850 гг., связанных с именами контр-адмирала Константина Степановича Леонтовича (?–1811) и его потомков. Уникальные документы – подлинные указы, письма – содержат автографы императоров Павла I и Александра I.

В кратком обзоре архивной части коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского удалось затронуть лишь некоторые аспекты содержательной стороны и

введения в научный оборот нового для Ростовского музея комплекса документальных источников.

Предварительный характер наблюдений обусловлен еще и тем, что дары коллекционера продолжаются. На рабочей встрече в Музее в августе 2016 г. Никита Дмитриевич выразил намерение пополнить личный архив дополнительными материалами, в частности, из семейной переписки. Будем надеяться на это в уверенности, что в ГМЗРК ценный во многих отношениях историко-документальный архив обретет своего внимательного исследователя и благодарного зрителя музейных выставок.

Евгения Гершкович
**Первый и второй авангард из коллекции
Н.Д. Лобанова-Ростовского**

«Цвет должен вытекать из формы», утверждала Александра Экстер, и слова эти идеально рифмуются с живописным строем «Абстрактной композиции с красными, голубыми и желтыми полушариями» – полотна, пополнившего коллекцию Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». Работа Экстер датирована 1917–1918 гг., временем, когда жизнь одной из ярчайших звезд русского авангарда совершила еще один круг – и от предметных импрессионистических и сезаннистских произведений художник стала постепенно двигаться в направлении абстрактных мотивов, возможных предвестников стиля ар деко.

Вещь покоряет сочетанием мощного авторского темперамента и рафинированности. Нагромождение объемных геометрических элементов с динамикой и взрывами цвета, без которых Экстер (1882–1949) была бы не Экстер, в известном смысле служит продолжением опытов художницы в жанре театральной декорации и трехмерной беспредметной сценографии.

Она играла с пространством (декорации к пьесе Оскара Уайльда «Саломея». Камерный театр, 1917), гранила его, отсекала лишнее, заставляя принимать все новые и новые формы, и ее волей изменяясь полностью.

Стоит напомнить, что над «Абстрактной композицией», своей «ничего» не изображающей картиной, Александра Экстер, покинув Москву в декабре 1917 г., работала во время обстрелов в Киеве и Одессе, одухотворяя, по словам искусствоведа Якова Тугендхольда, «комбинации разноцветных геометрических поверхностей» «мучительным горением души». Даже предпочитающему реалистическое искусство зрителю трудно оторвать взгляд

от этих горячих оранжево-красных кругов, синих и черных глубин, блестящих, как эмаль, поверхностей белого.

Провенанс «Абстрактной композиции» сомнений в подлинности работы не вызывает: Никита Лобанов-Ростовский приобрел вещь у художника, душеприказчика Александры Экстер и ее близкого друга Симона (Семена) Лиссима в 1964 г. в Нью-Йорке.

Согласно завещанию художницы, после ее смерти большинство живописных и графических работ, а также личный архив были переданы ему. С. Лиссим хранил и два эскиза к «Фамире-Кифареду», вакхической драме Иннокентия Анненского, поставленной Александром Таировым в Камерном театре. Три года назад эти гуаши 1916 г. Лобанов принес в дар Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль», чьи фонды русского авангарда обладают работами высокого художественного уровня, в том числе «Эскизом костюма» 1920 г. А. Экстер.

Недавнее пополнение коллекции живописным полотном крупного формата, создание которого приходится на самый пик творческой карьеры мастера, без сомнения делает музейное собрание еще более представительным.

Ценно, что «Ростовский кремль» стал обладателем именно станковой работы Экстер, широкой публике более известной как театральный художник.

В контексте поисков нового художественного языка «амазонкой русского авангарда» опыты француза Жоржа Брака, а именно «Натюрморт с гитарой» 1928 г., выглядят более традиционными.

Большой удачей представляется и тот факт, что благодаря дару Никиты Лобанова-Ростовского, имя легендарного основателя кубизма теперь также в собрании музея. К слову сказать, это первая работа западного художника XX столетия в Ростовском музее.

Вещь написана Браком уже после Первой мировой войны, где он воевал, был тяжело ранен в голову, долго лечился. Палитру живописца, некогда бунтаря, тогда уже не отличала красочная несдержанность, прежняя энергия в ней отсутствует. После открытия для себя творчества Сезанна, после встречи с Пикассо

А. Экстер. Абстрактная композиция

И. Машков. Натюрморт с камелиями, фруктами и вином

Ж. Брак. Натюрморт с гитарой

Брак кардинально меняет художественную манеру, все более тяготея к лаконизму выразительных средств. «Невозможно все время находиться в пароксизме», – заметил однажды художник, имея в виду былую страсть к буйству цвета.

Из-под его кисти теперь выходят преимущественно натюрморты с посудой, цветами, фруктами (лимоны, груши, персики) и музыкальными инструментами в светло-серых, голубых, оливковых и желтых тонах. Сразу после своего создания «Натюрморт с гитарой» был приобретен поклонником авангарда, бароном Рихардом фон Радаком и хранился у него в Берлине. Затем работу унаследовал барон Свен фон Радак. Кстати, в той же коллекции находились работы Казимира Малевича и Варвары Степановой, теперь юридически всплывающие на аукционах.

Еще принадлежа к группе фовистов, основанной Матиссом и Дереном, Жорж Брак посылал свои работы в Москву, где вместе с другими французскими художниками, Кес Ван Донгеном, Морисом Вламинком и Полем Сильяком, участвовал в выставках «Бубнового валета» (1910–1914).

«Валеты» нисколько не скрывали источников своего вдохновения. Увлеченные лубочными образами, городским фольклором, базарными вывесками, они стремились сблизить русское искусство с достижениями французских модернистов.

Илья Машков был одним из них. В компании Петра Кончаловского, Аристарха Лентулова и Роберта Фалька, в желтой рубашке, с раскрашенным лицом он с удовольствием эпатировал публику. Именно эта веселая компания объединилась в общество «Бубновый валет».

Работы Ильи Машкова «Камелия» (1913) и «Тыква» (1914) стали первыми произведениями нового русского искусства, которые Третьяковская галерея приобрела в свое собрание. Ростовский же музей отныне стал владельцем «Натюрморта с камелиями, фруктами и вином». Холст, на котором автор оставил свой автограф, датирован 1913 г. Авторство подтвердил искусствовед Глеб Геннадьевич Поспелов. Автор знаменитого труда «Бубновый валет», изданного в 1990 г., проводит параллель этой работы именно с натюрмортом из Третьяковки: «Тут и там Машков скругляет верх композиции, серая драпировка располагается широкими складками, которые в нашей картине напоминают торжественные складки театрального занавеса. Полностью совпадает кладка мазков, характерная для работ Машкова 1913 года».

Помимо вещей первого авангарда коллекционер передал в музей произведения Владимира Немухина, видного представителя так называемого «второго авангарда».

Термин «второй авангард», чье рождение связано с хрущевской оттепелью 1955 г., Всемирным фестивалем молодежи и студентов 1957 г. в Москве, выставкой «Новая реальность» в Манеже 1962 г. и, наконец, «Бульдозерной выставкой» сентября 1974 г., ввел в оборот художник Михаил Гробман. Также искусство «второго авангарда» иллюстрируют терминами «неофициальное», «нонконформистское» и «андерграундное».

С Владимиром Николаевичем Немухиным Никита Дмитриевич был знаком на протяжении последних 20 лет. Благодаря этому общению составила коллекция из девяти произведений позднего периода недавно скончавшегося мастера. Теперь все эти работы, отмеченные дарственной надписью художника, хранятся в Ростовском музее. Кроме одного живописного полотна «Конструктивное видение» (2006) в составе коллекции – пять графических листов Немухина, декоративная тарелка, деревянная абстрактная скульптура и страусиное яйцо с росписью. Игральные карты, которые художник ввел в свои композиции в 1964 г., с тех пор стали постоянным мотивом его работ – таких, как «Валет Марк Шагал», «Валет Казино», «Валет „УРА“».

Даже по этой небольшой коллекции вещей можно составить представление о том, что Немухин, введенный в историю искусств абстрактным экспрессионистом, не был художником радикального языка, но оставался радикальным в своей «беспринципности» эзопова языка, возможность разгадывать который предоставлена зрителю.

Выставка щедрого дара Никиты Лобанова-Ростовского в Парадном зале Государских хором продлится всего два месяца, но работы останутся в музее навсегда.

Александра Юревич **Книги с автографами**

Научная библиотека Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» в недавнее время пополнилась несколькими сотнями изданий из коллекции Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Значительная часть этих редких книг – с автографами.

Подаренное музею книжное собрание пополнило уже имеющуюся в музейной библиотеке большую коллекцию книг с автографами деятелей XIX–XX столетий, среди которых много славных имен – представителей ростовского

и ярославского купечества, местной интеллигенции, всероссийски знаменитых ученых, историков, писателей, художников.

Основательное изучение книг с автографами из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского еще предстоит. Но уже сейчас можно представить читателю некоторые предварительные наблюдения об этом во многих отношениях интересном собрании авторских записей.

В коллекции переданных музею книг – издания середины XIX–начала XXI в., вышедшие в России, Великобритании, Болгарии, Германии, Австрии, США. Они разнообразны по тематике: книги по истории императорского дома Романовых, худо-

жественная литература, альбомы современных художников.

Особенно ценны альбомы-каталоги выставок, создававшихся на основе коллекции Никиты Дмитриевича, большая подборка журналов со статьями о его собирательской деятельности и о самой коллекции произведений искусства. Есть здесь и издания по минералогии и геологии, отсылающие читателя к первой профессии нашего дарителя.

Можно предположить, что специально коллекционированием книг с автографами Н.Д. Лобанов-Ростовский никогда не занимался. Но благодаря своей профессиональной деятельности, увлечению собирательством предметов искусства и общественному положению Никита Дмитриевич на своем жизненном пути встречался со многими деятелями культуры, искусства и политики. И свидетелями этих встреч, мимолетных или основанных на многолетнем общении, в частности, стали книги с автографами.

В числе дарителей коллекционера яркие имена – поэт Евгений Евтушенко, танцовщик и балетмейстер Владимир Васильев, детский писатель, общественный деятель Альберт Лиханов, писатель и культуролог Андрей Новиков-Ланской, археолог, доктор исторических наук Анатолий Кирпичников и мн. др.

Профессор богословия Николай Арсеньев, дядя Никиты Дмитриевича, подарил племяннику четыре тома «Российской родословной книги» (П. Долгоруков, 1854), а на мемуарной книге одного из лидеров кадетов Павла Дмитриевича Долгорукова (1866–1965) «Великая разруха» (Мадрид, 1964), сделал на титульном листе собственноручную надпись: «Милому Никите от дяди Николая. 1 марта 1965 г.».

<...>

Интересным книжным экземпляром является сборник «Люблю тебя, Россия! Песни на стихи Михаила Ножкина. Мелодии и тексты песен». Автор, народный артист России Михаил Ножкин на титульном листе издания надписал: «Уважаемому Н. Лобанову-Ростовскому с пожеланием долгих лет жизни! М. Ножкин. 9/IV 1989 г.».

Книга Андрея Сазонова «Исповедь коллекционера» имеет посвящение: «Добрым друзьям замечательным собирателям Нине и Никите Лобановым-Ростовским». В экземпляре из коллекции читается и трогательная надпись автора, позволяющая увидеть, что дарителя и адресата связывают давние дружеские отношения: «Дорогому Н.Д. от благодарного и любящего его автора. 07.10.03. СПб».

Автограф в книге Н. Туроверова «Двадцатый год – прощай, Россия», оставленный известным бардом, исследователем истории культуры после революционной эмиграции, автором-составителем шести сборников поэтов Русского зарубежья Виктором Леонидовым, – содержит уже оценку заслуг замечательного коллекционера: «Дорогому Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому, спасшему целую эпоху искусства России. В. Леонидов. 12.1.2002».

Подобных примеров книжных автографов в новой музейной коллекции редких изданий насчитывается множество. Эти записи открывают перед читателями не только интересный мир человеческих взаимоотношений, но и судьбу коллекционера – Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

Татьяна Лебедева

Коллекция гравюр и литографий

В 2013 г. я как эксперт Минкультуры России получила предложение сделать описание и экспертизу работ, переданных в дар музею-заповеднику «Ростовский кремль» Н.Д. Лобановым-Ростовским. Признаюсь, была заинтригована и испытывала некоторую робость. Сама личность коллекционера и его собрание широко известны. На протяжении многих лет Н.Д. Лобанов-Ростовский сохранял национальное достояние российской культуры. Незадолго до того его уникальное собрание, состоящее из первоклассных произведений русского театрально-декорационного искусства начала XX в., было возвращено в Россию. Тем более было интересно, что же он подарил Ростовскому музею? Та часть коллекции, с которой я работала, в своей большей составляющей оказалась собранием гравюр и литографий XVII–XIX вв.

Описание частной коллекции имеет свою особенность. Любая коллекция не является случайным набором предметов. Коллекция сама по себе – явление культуры, целостный организм, имеющий художественное и историко-культурное значение. Она является результатом творческого процесса, несет в себе интеллектуальную и эмоциональную энергию собирателя, передает его мироощущение, художественные интересы, вкусы, пристрастия. Главной темой, объединяющей коллекцию Никиты Лобанова-Ростовского, является тема России, ее истории и культуры. Сюда органично встраивается и его собрание гравюр и литографий.

Передо мной оказались полторы сотни листов старых гравюр, фрагмент некогда большого искусства. Гравюра – особое искусство. В самом этом термине, как мне кажется, есть вкус чего-то благородного, дорогого, изысканного, сродни вкусу старого вина. Пожелтевшая, как правило, тряпичная бумага хорошего качества, изображение, выполненное с помощью оттиска с металлической доски, изящный, скрупулезно сделанный рисунок. Старые гравюры не терпят быстрого пролистывания, они рассчитаны на неспешное разглядывание, любование изображением, его деталями, игрой взаимодействия линий и штрихов, светотеневыми эффектами. Они погружают зрителя в иную, давно ушедшую реальность.

Работа с такой коллекцией, безусловно, содержит эмоциональный момент, главная же цель – искусствоведческое исследование. Задача эксперта заключается в идентификации предметов (уточнении авторов, названий, объекта изображения, даты, техники) и определении их художественной ценности.

Я. Хоубракен. Петр I, российский император, 1752 г.

Большую часть коллекции составляют портреты представителей правящего дома России династии Романовых – от Михаила Федоровича до Николая II. Тема изображения первых людей страны весьма популярна и востребована в искусстве во все времена, тесно связана с политикой, идеологией, социальной жизнью страны. Эти портреты, как правило, писались известными художниками и тиражировались граверами и литографами с помощью различных гравировальных техник (резца, офорта, пунктира, меццо-тинто) или рисунков литографским карандашом. Граверы переводили изображение в другой художественный материал, превращая воспроизведение в новое само-

ценное и самостоятельное произведение. Гравюры из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского, главным образом, являются работой художников разных европейских стран.

Открывает галерею довольно редкий лист XVII в., работа французского гравера Балтазара Монкорне (Balthasar Moncornet) «Великий князь Михаил Федорович» 1650 г., изображающая русского царя Михаила Федоровича, первого представителя династии Романовых, о чем свидетельствует текст на гравюре: «Michel Phedorwitz grand duc de Moscovie de l'an 1612 il est de la religion des grees schiematiques, et grand Capitaine». Считается, что Б. Монкорне гравировал портрет с оригинала известного немецкого путешественника и секретаря посольства короля Фридриха III Адама Олеария (1599–1671), сделанного им во время визита посольства к русскому царю Михаилу Федоровичу и персидскому шаху Сефи I «с целью завязать торговые отношения с Персией через Россию». В то время в представлении иностранцев Россия была далекой экзотической страной, вероятно, поэтому французский художник позволил себе вольность в интерпретации сюжета: фоном для портрета служит сцена охоты рыцарей на страусов.

В гравюрах XVIII в. таких казусов не встречается, российские представители императорской фамилии изображаются в ряду европейских монархов с подобающим пиететом, традиционными атрибутами власти известными немецкими, голландскими, английскими граверами.

Среди них есть интересные листы: Христиан-Альберт Вортман (Christian-Albert Wortmann) с оригинала Иоганна Пауля Люддена (Johann Paul Lüdden) «Петр II, император и самодержец всероссийский», 1729 (Германия, Россия); Йозеф (Джузеппе) Вагнер (Joseph (Giuseppe) Wagner) с оригинала Джакомо Амигони (Амикони) (Jacopo Amigoni (Amiconi)) «Анна I, императрица всероссийская», 1732–1739 (Италия, Англия); Иоганн Мартин Бернигерот (Johann Martin Bernigeroth) «Анна, принцесса Мекленбург-

Г. З. Фациус. Екатерина II, императрица всероссийская, 1773–1776 гг.

Вид Москвы. Гравюра

Среди них есть интересные листы: Христиан-Альберт Вортман (Christian-Albert Wortmann) с оригинала Иоганна Пауля Люддена (Johann Paul Lüdden) «Петр II, император и самодержец всероссийский», 1729 (Германия, Россия); Йозеф (Джузеппе) Вагнер (Joseph (Giuseppe) Wagner) с оригинала Джакомо Амигони (Амикони) (Jacopo Amigoni (Amiconi)) «Анна I, императрица всероссийская», 1732–1739 (Италия, Англия); Иоганн Мартин Бернигерот (Johann Martin Bernigeroth) «Анна, принцесса Мекленбург-

Шверинская, наследница российского престола», 1730-е (Германия); Бернард Вогель (Bernhard Vogel) по оригиналу Иоганна Купецкого «Петр I Великий, всероссийский император и вседержитель», 1737 (Германия); Якоб Хоубракен (Jacob Houbraken) с оригинала Карела де Моора «Петр I, российский император», 1752 (Голландия); Георг Зигмунд Фациус (George Sigmund Facius) гравюры С.А. Панина (Тип П. Ротари) «Екатерина II, императрица всероссийская», 1773–1776 (Германия, Россия); Франческо Бартолоцци (Francesco Bartolozzi) с оригинала Александра Рослина по рисунку Микаэля Бенедетти «Екатерина II российская императрица», 1785 (Англия).

Стиль барокко XVIII в., с его пышностью и изощренностью формы, наиболее ярко выразился в парадных портретах царских особ. Очень эффектно выглядят работы известного немецкого художника, который гравировал по собственным рисункам, Иоганна Элиаса Ридингера (Johann Elias Ridinger) «Елизавета I, императрица и самодержица Всероссийская» (1741–1767) и «Петр Федорович, Великий князь Всероссийский» (1742–1760). Оба листа представляют конные портреты монархов в окружении свиты на фоне пейзажа. Они сделаны изощренным «барочным» рисунком, повторенным в гравюре, с прекрасно нарисованными фигурами, в том числе лошадей (художник был известным анималистом). Автора гравюры определить удастся не всегда – поля с текстом могут быть утрачены, или сам автор не поставил подпись. Но и среди работ неизвестных художников попадаются интересные листы. К таковым следует отнести портрет с текстом: «Дмитрий, московский царь / Demetrius Moskovitarum Szaar». Она напечатана на старой бумаге, с двух плохо совмещенных досок. Погрудный мужской портрет довольно небрежно помещен в раму с атрибутами воинской славы: оружием, доспехами, знаменами, сверху и внизу аллегорические фигуры. Изображен Лжедмитрий I, официально именовавший себя царевич (затем царь) Дмитрий Иоаннович, в сношениях с иностранными государствами – император Димитрий (лат. Demetreus Imperator) (?-1606). По устоявшемуся в историографии мнению – самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV царевича Дмитрия. Находился у власти с 1 июня 1605 по 17 (27) мая 1606 г. По аналогии с другими известными изображениями этого персонажа, а также учитывая актуальность изготовления портрета, его можно датировать 1606 г.

Значительное количество работ в коллекции являются видовыми гравюрами и литографиями с изображением российских городов. Это отдельные листы из альбомов с видами Москвы и Санкт-Петербурга 1-й половины XIX в. «Живописное представление нравов, обычаев и забав в России» (1804) Д.А. Аткинсон; «Панорама Санкт-Петербурга» (1820–1827). Издатель А.И. Плюшар; «Живописное и археологическое путешествие по России в 1839 г.» (1842).

Издатель О. Брай; «38 литографированных видов С.-Петербурга» (1840-е), «Виды Москвы» (1840–1850-е). Издатель И.Х. Дациаро. Виды рисовались разными художниками, русскими и европейцами, выпускались работавшими в России издателями-иностранцами, печатались в Париже, часто в мастерской Лемерсье, и продавались в России. Эти листы всегда привлекательны изображением достопримечательных мест, подчас не сохранившихся до наших дней. В них тщательно прорисованы архитектурные сооружения. Улицы городов и пейзажи окрестностей всегда оживлены фигурками людей, занятыми повседневными делами. Эти листы можно рассматривать как отображение жизни России XIX в. Среди подобных работ чуть особняком стоит подкрашенная акварелью литография «Сюжет с повозкой, груженной бочками» с подписью: N. Ivaschentzoff. Sourd-muet. Работа принадлежит художнику Николаю Ивашенцеву, граверу и литографу, глухонемому, воспитаннику С.-Петербургской школы глухонемых, где он обучался рисованию и гравированию у К.К. Гампельна и Н.И. Уткина. Работал в 1820–1850-е годы в Петербурге, известен как иллюстратор и автор изображения народных типов. Лист довольно редкий. Подобная печатная продукция – широко распространенный и востребованный вид искусства в XVIII–XIX вв. Но время не щадит произведения на бумаге, и из некогда больших тиражей и альбомов остаются десятки оттисков и отдельные листы. Со временем их ценность только возрастает, они становятся предметами коллекционирования, оседают в собраниях музеев. Проведенная исследовательская работа облегчалась тем, что многие листы имеют аналоги в крупных музеях: Государственном историческом музее (Москва), Государственном Эрмитаже (С.-Петербург), Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Москва), Британском музее (Лондон) и др. Это само по себе говорит о качестве коллекции гравюр и литографий Н.Д. Лобанова-Ростовского, которая является щедрым и достойным пополнением музейного собрания.

Валентина Ермолова
**Изделия из фарфора, фаянса, керамики,
стекла и дерева**

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский передал в дар Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль» более 80 предметов из фарфора, фаянса, керамики, стекла и дерева.

Керамические изделия в составе этого дара относятся, в основном, к современному периоду (2-я половина XX – начало XXI в.) и отличаются

Развод, 1985 г.

*Замок Харлек в Уэльсе,
1-я пол. XX в.*

*А. Воробьевский. Красная
птица, 1970–1980-е годы*

*И.Я. Вольман. Медный
всадник, 2012 г.*

*Р. Хёрси. Ветряная
мельница, 1990-е годы*

*Тарелка ТОО «Empire
Group», Казахстан, 2015 г.*

разнообразием исполнения и назначения: декоративные коллекционные предметы, сувениры, официальные презенты, бытовые вещи. География исполнения разнообразна: СССР, Россия, Казахстан, Англия, Португалия, Германия и др.

Девять номерных декоративных тарелок 1988–1990 гг. Ленинградского фарфорового завода им. М.В. Ломоносова (далее – ЛФЗ), с полихромной деколью на тему русских сказок «Жар-птица» и «Руслан и Людмила», выполнены в традициях палехской росписи по рисункам современных палехских художников. Эти тарелки (серия «Русские сказки») впервые выпускались в СССР на ЛФЗ.

По заказу фирмы «Брадекс» («Bradex», головной офис – в г. Хайфа, Израиль) в 1984–1986 гг. была выпущена серия номерных тарелок «Жозефина и Наполеон» по эскизам современного французского художника Клода Бульме в традициях северского фарфора, в стиле ампир, на Лиможской фарфоровой фабрике Анри д'Арсо и сыновья. Серия отражает наиболее значимые события жизни Жозефины и Наполеона. Из шести тарелок серии в собрании Н.Д. Лобанова-Ростовского находилось пять: «Жозефина», «Встреча», «Память», «Коронация» и «Развод».

Для тарелки «Императрица Жозефина» («L'Imperatrice Josephine») (1983) за основу взят портрет Жозефины Богарне, 1805 (Лувр, Париж) работы Пьера-Поля Прюдона.

Тарелка «Коронация» («Le Sacre») (1985) представляет в интерьере собора сцену посвящения Наполеона Бонапарта и коронации Жозефины. Рисунок выполнен по картине Жака-Луи Давида «Посвящение Наполеона I в императоры и коронация императрицы Жозефины в соборе Нотр-Дам в Париже 2 декабря 1804 г.» (Лувр, Париж).

На тарелке «Развод» (1985) приведен видоизмененный фрагмент картины Анри-Фредерика Шопена (1804–1880): на переднем плане изображена Жозефина в голубом платье, с диадемой на голове, она протягивает левой рукой лист сидящему в кресле Наполеону в военной форме; за фигурами стоит накрытый зеленой скатертью стол; слева на фоне зеленой драпировки с «золотыми» пчелами – небольшое овальное зеркало в резной золоченой раме и кресло с бордовой драпировкой с «золотой» монограммой «N» в лавровых ветвях. Развод Наполеона и Жозефины состоялся 15 декабря 1809 г., после 13 лет совместной жизни.

На Императорском фарфоровом заводе (Россия, Санкт-Петербург) были изготовлены декоративные настенные тарелки «Медный всадник» с изображением памятника Петру I в Петербурге скульптора Фальконе (автор модели росписи – И.Я. Вольман, 2012), тарелка «Красная птица» ЛФЗ (СССР, Ленинград, 1970–1980-е) представляет роспись известного художника по фарфору А.В. Воробьевского.

На трех декоративных тарелках можно видеть репродукции картин современных английских художников. Две изготовлены на заводе в Коулпорте («Coalport China Ltd.») г. Стоук-на-Тренте (Стэффордшир). Полихромная деколь выполнена по росписи Роберта Хёрси «Ветряная мельница» и «Старая водяная мельница» (1990-е), одна – на заводе Дж. Веджвуда. Полихромная деколь выполнена по рисунку Колина Ньюмена «Луга и пшеничные поля» (1987).

Репродукционное направление представляют тарелки фарфоровой фабрики Кристиана Зельтманна (Германия, Бавария, г. Вайден, 1986) с воспроизведением живописных работ немецкого художника Кристиана Люкея (1945 г.р.).

В традиционных для английской керамики сочетаниях синего и белого уже не одно столетие созданы печатные изображения на различных предметах. На зеркале тарелки (Ironstone, England, 1-я половина XX в.) изображен на утесе на берегу моря средневековый замок Харлек в Уэльсе, богатом своим историческим наследием. Строительство этого замка относится к 1283–1289 гг. при Эдуарде I.

На чайнике завода Wood & Sons (1920-е) представлен по мотивам «сине-белой» китайской керамики пейзаж с ивой, где показана история любви юноши и девушки, которые потом превратились в двух птичек.

Очень редким для современного английского дома являются туалетные наборы, куда входили и ночные горшки. Большой популярностью у англичан пользовались керамические горшки.

В музей поступил фаянсовый ночной горшок (Завод Доултона, Англия, Стэффордшир графство, г. Берлем. 1-я половина XX в.) с подглазурными печатными изображениями кобальтом с галантными сценами по мотивам живописи Антуана Ватто.

На восьми тарелках, подаренных Нине Лобановой-Ростовской, первой жене дарителя, были сделаны копии с эскизов сценических костюмов начала XX в. Эскизы находились в коллекции Никиты Дмитриевича. На оборотной стороне тарелок Лиможской фарфоровой фабрики имеются надписи на французском языке: «Pour Nina», «B. Troubnikoff», и даты: 2004, 2005.

На тарелках представлены копии эскизов театральных костюмов «Стражник» к постановке оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», 1929, И.Я. Билибина; танцовщика (балет группы В.П. Зимина), 1920, П. Челищева; козы для оперы «Сказка о царе Салтане», 1910, И.Я. Билибина. Эскизы авангардного костюма женщины в юбке с фижмами и мужского костюма с брыжами выполнены А. Экстер (1924) к спектаклю «Дама-призрак» по пьесе испанского драматурга Педро Кальдерона де ля Барка (1600–1681) «Дама-невидимка (призрак)» (1629) в переводе К.Д. Бальмонта.

На белом фоне тарелки фабрики Розенталя (Германия, 2006–2012) В.Н. Немухин (2012) изобразил схематически в авангардном стиле птицу с использованием черной, красной, оранжевой, охристой и темно-зеленой красок. На обороте тарелки имеется авторская подпись: «Вл. Немухин – 2012».

В собрании Н.Д. Лобанова-Ростовского оказались два бюста (бисквит) князя Георгия Евгеньевича Львова, видного земского, общественного и государственного деятеля России.

Презентами Н.Д. Лобанову-Ростовскому на официальных церемониях были четыре фарфоровые тарелки «Столичной фарфоровой мануфактуры» (Россия, Москва. 1998–2012), на которых изображены «Дом правительства Москвы», «Герб московского государства», «Герб Москвы XIX в.», «Герб Москвы»; фарфоровое декоративное блюдо с изображением московского герба (ЗАО «Объединение Гжель». Россия, Московская обл., Раменский р-н, с. Новохаритоново. Автор росписи: Л. Каштанова. 2000-е);

фарфоровое панно «Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации» (Россия, Гжель (?). 2000-е); декоративная тарелка «ВВЦ г. Москва» (Россия, 1992–2012); кружка «250 лет со дня рождения Екатерины II». Фарфоровая фабрика в Кёнитце (Германия, Тюрингия, г. Кёнитц. 2012); кружка «400 лет династии Романовых» (Керамический завод Коста. Португалия, Коста Нова. 2013); памятный знак «Хрустальный шар» (Россия, Москва. Скульптор А.З. Налич, автор идеи В.С. Жук, 2003) был вручен в качестве награды Н.Д. Лобанову-Ростовскому в номинации «За вклад в русскую культуру и искусство».

Интересными являются тарелки, изготовленные на ТОО «Empire Group» (Казахстан, Алматинская обл., Жамбылский р-н, с. Узынагаш. 2015(?)), которые не только отражают легенды и историю Казахстана, но являются и «пригласительными билетами» Никите Дмитриевичу и его супруге на торжественную церемонию в казахской семье, о чем свидетельствует гравированная надпись на обороте.

Ряд предметов представляет собой купленные во время поездок Никиты Дмитриевича сувениры, а также находившиеся в его доме предметы 2-й половины XX – начала XXI в.

В коллекцию изделий из дерева поступило более 30 предметов. Это скульптура В.Н. Немухина «Пространственная композиция» (1997), резной раскрашенный герб Лобановых-Ростовских (конец XIX – начало XX в.), сувенирная тарелка-панно с изображением птицы (ЗАО «Хохломская роспись», Россия, Нижегородская обл., г. Семёнов, 2007).

Интересны две рамки для фотографий (Испания, Гранада (?) и Индия (?), середина XX в.), выполненные из кости и дерева и инкрустированные костяными пластинками, две шкатулки (Италия, Испания, середина XX в.), инкрустированные деревом и костью и отражающие традиционные промыслы этих стран.

Многие предметы современного производства были в обиходе Н.Д. Лобанова-Ростовского: менажницы (3 ед.) и миска (Филиппины, Таиланд и Индия, начало 2000-х), изготовленные из массива дерева и одна из мелких фрагментов, плетеные из прута корзинки-сухарницы (5 ед.), две ложки для салата (Филиппины (?), 2-я половина XX в.), восемь подставок под горячее из дерева, прута и соломы, выполненные в технике плетения и резьбы, высокие плетеные напольные ваза и корзинка, напольная резная ваза, пепельница (ваза для благовоний(?)), одна небольшая шкатулка.

Все эти предметы дают нам представление об обстановке дома Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и отражают круг его интересов и достижений в общественной деятельности по сохранению и возвращению предметов русского искусства.

М. Ковалёв
Новые дары князя Лобанова-Ростовского

*М. Ковалёв и Н.Д. Лобанов-Ростовский.
Москва, 2016 г.*

Филевский парк

В сентябре 2001 г. в московском парке в Филях на месте сказочной постройки, названной «Город мастеров», был создан мемориальный Музей Лобановых-Ростовских, призванный сохранить дары известного коллекционера, мецената и общественного деятеля князя Никиты Лобанова-Ростовского. В уютном домике, похожем на древнерусский терем, разместилась ин-

тересная экспозиция, рассказывающая об истории знатной русской фамилии. Ее содержание выходило за сугубо генеалогические рамки и сквозь историю семьи и ее видных представителей обрисовывало исторический путь России в его величии и страданиях. Сам Никита Лобанов-Ростовский стал внештатным хранителем. Созданный им музей посещали экскурсионные группы, его гостями становились многие видные деятели науки, политики, культуры. Казалось бы, в современной Москве возник хороший пример успешной кооперации частной и муниципальной инициативы.

Однако в 2011 г. новые городские власти затеяли реконструкцию «Города мастеров». Никите Лобанову-Ростовскому было заявлено, что документы на строение оформлены не надлежащим образом, а потому музей должен быть снесен. Письменные и личные обращения князя к московскому мэру результатов не дали. Возникла потребность в перевозе всех экспонатов из Филей, поиске нового места их хранения и экспонирования. Трудности не снизили энтузиазма князя, и дарения от него по-прежнему продолжают поступать в Россию.

Вернисаж в Ростове

В октябре 2011 г., Никита Лобанов-Ростовский обратил свой взор на Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Ростов Великий – город, с которым на протяжении веков была неразрывно связана история его рода, и который сам князь впервые посетил в далеком 1970 г. Нельзя сказать, что в музее сразу оценили замысел князя и широту его планов. Потребовалось немало времени и усилий для поиска модели сотрудничества.

Весной 2013 г. по указанию Министерства культуры РФ началась передача даров Никиты Лобанова-Ростовского в Ростовский кремль, а в мае того же года там открылась его первая выставка. На сегодняшний день состоялось уже четыре выставки. Последняя из них по времени открылась 7 октября 2016 г. в Парадном зале Государских хором Ростовского кремля

*Витрина с английским серебром.
Дар Н.Д. Лобанова-Ростовского*

под названием «Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского. 2015–2016 гг.». Представленные дары были оценены европейскими и российскими экспертами в 1 млн. евро (70 млн. рублей). Настоящими жемчужинами вернисажа стали три живописные работы – «Абстрактная композиция» Александры Экстер, одной из ярчайших представительниц русского авангарда, «Натюрморт с камелиями, фруктами и вином» кисти Ильи Машкова и «Натюрморт с гитарой», созданный одним из основателей кубизма Жоржем Браком. Помимо них на выставке были представлены уникальные предметы декоративно-прикладного искусства, книги с авторскими автографами, фотографии, плакаты. С грустью отметим, что прошедшее мероприятие крайне слабо освещалось средствами массовой информации. Особенно удивляет молчание телеканала «Культура» и тематических газет и журналов. Следят ли их корреспонденты за проходящими в стране вернисажами, или же без специального приглашения (и связей) у нас никто и ничего не делает? Заместитель директора Музея-заповедника «Ростовский кремль» Сергей Сазонов настоятельно просил газету «Ростовский вестник» не печатать статьи о дарениях князя без его разрешения и согласования. Увы, даже публикации в тематическом номере газеты «Ростовская старина», подготовленном к открытию выставки, не обошлись без досадных ошибок. Будем же надеяться, что описанные проблемы являются лишь временными, и что они будут успешно преодолены.

На сегодняшний день Никита Лобанов-Ростовский передал в музей свыше 15.000 различных предметов, датируемых XVII–XXI вв. Конечно, можно подсчитать стоимость всего подаренного в денежном эквиваленте. Но нет сомнения, что с культурной и исторической стороны они бесценны. Вряд ли провинциальный музей в России мог когда-либо рассчитывать на получение столь уникальных экспонатов, связующих страны и народы, людей и эпохи, если бы не дарения князя. Тем бережнее должно быть отношение к ним.

Дом-музей Лобановых-Ростовских

Обилие даров Никиты Лобанова-Ростовского естественным образом поставило вопрос об их музейно-экспозиционном статусе. Поэтому родилась идея создать в составе Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» специальный Музей Лобановых-Ростовских, который было предложено разместить в «Доме Шлякова» на улице Пролетарской.

Выбор именно этого особняка выглядит абсолютно обоснованным и логичным. Его хозяин, Иван Александрович Шляков, был крупным ростовским купцом, меценатом и одним из главных поборников сохранения и музеефикация исторического наследия родного города. При его непосредственном участии было начато собирание церковных древностей, давшее основу для создания музея Ростовского кремля. До революции в добротном купеческом доме гостило немало выдающихся деятелей отечественной культуры, например, художники Василий Верещагин и Михаил Нестеров. К несчастью, «Дом Шлякова» с трудом пережил трагические перипетии российской истории XX в. и до наших дней дошел не в лучшем виде. Однако желание Никиты Лобанова-Ростовского подарить часть своей бесценной коллекции Ростову Великому дало надежду и на возрождение «Дома Шлякова».

Реставрация откладывается

Еще в декабре 2014 г. был объявлен тендер на разработку проектно-сметной документации для реставрации особняка, предполагавшую проведение историко-культурной экспертизы, негосударственной экспертизы и согласование разработанной проектной документации к концу июня 2015 г. Тогда государственный контракт выиграло ООО «Интеграл» из Москвы. Министерство культуры РФ готово было финансировать данный проект. Но время шло, а подготовительные работы продвигались крайне медленно.

Лишь 11 августа 2016 г. на сайте Единой информационной системы в сфере закупок появилось объявление о «Проведение ремонтных и реставрационных работ на объекте культурного наследия “Дом Шлякова” по адресу: Ярославская область, город Ростов, ул. Пролетарская, дом 46». Максимальная сумма контракта была обозначена в размере 39. 987. 664,85 рублей. Окончание приема заявок было намечено на 31 августа 2016 г., а уже 2 сентября было запланировано подведение итогов. Между тем, по каким-то причинам срок приема заявок был продлен до 7 сентября. О желании участвовать в конкурсе на получении государственного контракта заявили различные строительно-реставрационные фирмы из Москвы, Оренбурга, Ярославля, Великого Новгорода, Архангельска. Одним из

участников выступал ООО «Интеграл», который в конце 2014 г. выиграл тендер на разработку проекта реставрации «Дома Шлякова» и который имел широкую историю отношений с Музеем-заповедником «Ростовский кремль». Эта фирма, к слову, часто занималась реставрацией музейных объектов на основе государственных тендеров, чему, как поговаривают, способствовала близость ее руководства к видным представителям Министерства культуры РФ.

Неожиданно в дело вмешалась Федеральная антимонопольная служба РФ, которая принудила отменить «Протокол вскрытия конвертов с заявками на участие в конкурсе с ограниченным участием и открытия доступа к поданным в форме электронных документов заявкам на участие в конкурсе с ограниченным участием от 07.09.2016 г. № ПВК1». Что послужило основанием для такого решения, можно пока только догадываться. Таким образом, намеченное на 9 сентября 2016 г. подведение итогов конкурса стало невозможным. В конкурсную документацию вновь были внесены изменения, срок подачи заявок был продлен до 5 октября. Но в начале октября история не завершилась. Сроки приема заявок дважды продлялись: сначала – до 14 октября, а потом – до 26 октября. Значит, предквалификационный отбор и определение обладателя контракта может состояться только 31 октября. Но вот будет ли эта дата окончательной? Удастся ли, наконец, завершить изрядно затянувшуюся историю с определением подрядчика на выполнение реставрационных работ в «Доме Шлякова»? Но не менее важный вопрос связан еще и с тем, кто будет победителем конкурса, и сможет ли он качественно и надежно провести необходимые работы. Увы, российские реалии таковы, что нередко в конкурсах побеждают организации, предлагающие свои услуги за самую низкую цену. Качество при этом отходит на второй план. Но ведь в данном случае речь идет о важном объекте национального культурного достояния!

К сожалению, сложившиеся обстоятельства не только затягивают ремонт старинного купеческого особняка, но и само открытие Музея князей Лобановых-Ростовских. Музей-заповедник «Ростовский кремль» давно столкнулся с катастрофической нехваткой экспозиционных площадей, помещений для проведения реставрационных работ, хранилищ. Уже давно ощущается потребность в расширении музейного комплекса за счет ввода в эксплуатацию новых площадей. И работа в этом отношении ведется. В настоящее время идет реконструкция Конюшенного двора в непосредственной близости от кремля. «Дом Шлякова» также должен был стать важным элементом этой программы. Остается ждать и надеяться, что Министерство культуры РФ проявит должный интерес к ситуации и поможет успешно разрешить ее.

ВЫСТАВКА В ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА
«ЛЕОН БАКСТ: LEON BAKST»
Коллекционируя Бакста¹

Нина Лобанова-Ростовская
в беседе с искусствоведом Тьерри Морелем

Л. Бакст. Эскиз декорации и мизансцена последней сцены «Возвращение шаха Шахрияра», 1910 г.

Шехерезада

Шехерезада очаровала Шахрияра, рассказывая ему бесконечные сказки на протяжении тысячи и одной ночи. Прекрасная сценография Льва Бакста к «Шехерезаде» очаровывала публику на протяжении более ста лет. Когда под музыку Н. Римского-Корсакова поднимался занавес, перед зрителями предстал роскошный коридор сине-зеленых и красно-розовых оттенков, напоминающий о сказках «Тысячи и одной ночи», с персидскими коврами, подушками, огромными раскачивающимися лампами и красивейшими полуобнаженными женщинами в экзотических костюмах. Этот балет, сочетающий сексуальность, жестокость, страсть и экзотику Востока, имел огромный успех на премьерном представлении в Париже в 1910 г.

В те предшествующие Первой мировой войне дни в дальние страны нельзя было отправиться на самолете или хотя бы увидеть их по телевизору, поэтому экзотические декорации Бакста обсуждал весь Париж, они повлияли даже на моду и интерьеры. Женщины из высших слоев общества стали носить брюки в духе гаремов, а кутюрье Поль Пуаре начал создавать для своих клиенток тюрбаны. Повсюду появились диваны с цветными подушками, а ювелир Картье в своих эскизах к кольцам и брошам стал сочетать изумруды и сапфиры.

Балет «Шехерезада» всегда считался олицетворением «Русских балетов» Сергея Дягилева. Он поражал не только хореографией, но и музыкой, декорациями, костюмами, а также освещением, которое Дягилев считал очень важным. Сорокаминутная завораживающая феерия, объединяющая все эти элементы, стала незабываемой постановкой, в которой Дягилеву, благодаря его прекрасному вкусу, удалось соблюсти грань между экзотическим и

¹ Лобанова-Ростовская. Коллекционируя Бакста // Лев Бакст. К 150-летию со дня рождения. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 330–335.

эротическим и предотвратить превращение восточной «русскости» танца в китч.

В 1966 г. мы с мужем, Никитой Дмитриевичем, приобрели один из вариантов сценографических декораций к «Шехерезаде» на распродаже на одном из парижских складов, но затем были вынуждены хранить декорацию на складе в течение 10 лет, поскольку наша нью-йоркская квартира была слишком мала. В 1976 г. мы переехали в Сан-Франциско, на первый этаж большого дома, и немедленно занялись отправкой произведения на грузовом судне через Панамский канал. Получив уведомление о прибытии судна, мой муж доверил мне оформление груза в порту, вооружив меня долларовыми купюрами различного достоинства, чтобы умасливать таможенных брокеров. Проехав мимо огромных фуры и кранов, бочек

и ящиков с товарами, я добралась до нужного ангара. Крепко сложенный таможенный офицер, которому я протянула документы на груз, дал указание подчиненным найти нужный ящик и открыть его. Из ящика показалось изображение огромного экзотического коридора и обитательниц гарема, развлекающихся с чернокожими рабами. Неожиданно возвратившийся с охоты шах Шахрияр стоял, замахнувшись мечом, около одной из женщин. Внезапно я осознала, что картину можно было принять за порнографическую, и заволновалась. Пожевывая незажженную сигару, офицер спросил: «Что здесь изображено?» Решив, что он похож на бонвивана, я ответила: «Оргия». Он обошел картину, рассмотрев ее со всех сторон, затем сказал: «Она прекрасна, хоть и не похожа на те оргии, где я бывал. Запакуйте ее, ребята, и помогите этой даме поместить ее в машину». Я тепло отблагодарила его и повезла картину домой.

В 1979 г. мы переехали в Лондон, и однажды к нам на ужин зашел блистательный и суровый редактор журнала «Apollo» с супругой. Он с интересом взглянул на эскизы к «Русским балетам» на стенах и замер у «Синей султанши» (кат. 92) из «Шехерезады». «Это самый красивый зад, который я когда-либо видел. Я хочу, чтобы он украсил обложку „Apollo“». Изображение «Синей султанши» было опубликовано в 1982 г. на обложке сентябрьского номера, посвященного русскому театрально-декорационному искусству.

Л. Бакст. Эскиз костюма Зобеиды к балету «Шехерезада». 1910 г. Собрание Нины Лобановой-Ростовской

Юлия Махалина в балете «Шехерезада»

*Л. Бакст. Желтая султаниша.
Эскиз для балета «Шехерезада», 1910 г.*

В 2003 г., когда труппа Мариинского театра выступала в Лондоне, одна из ведущих балерин, Юлия Махалина, попросила нашего общего друга познакомить нас, чтобы увидеть нашу коллекцию эскизов к балетным постановкам. Юлия исполняла партию Зобеиды в «Шехерезаде» и была очарована оригинальным эскизом Бакста к костюму ее персонажа. Она попросила разрешения сфотографировать эскизы, чтобы костюмер труппы мог переделать ее костюм в соответствии с оригиналом. К слову, я посещала многочисленные постановки «Шехерезады» в России и за рубежом, однако ни одна из них не отличалась подходящими декорациями и костюмами – часто вместо великолепия присутствовал китч, а хореография была порочна, а не сексуальна.

В самом деле, мне известно лишь одно место, где зрители смогли устоять перед обаянием «Шехерезады». Этим местом был пуританский Нью-Йорк, куда Дягилев привез «Русские балеты» в 1916 г. Во-первых, чернокожих рабов не позволялось изображать чернокожими. Во-вторых, взволнованного директора театра и Дягилева вызвали в Комитет по вопросам морали из-за жалобы на «сомнительные оскорбительные элементы» присутствующие в постановке, которые необходимо было устранить под угрозой отмены следующих выступлений, билеты на которые уже были раскуплены. Согласно утверждению цензора, балет являлся не произведением искусства, а порнографическим действием с неоднозначно извивающимися на подушках женщинами и мужчинами. Фокин, хореограф-постановщик «Шехерезады», неистово доказывал, что все эти движения являлись поставленной хореографией. Судья внимательно слушал, дымя большой сигарой, и, казалось, находил ситуацию забавной. Он вынес постановление о том, что спектакль разрешен к показу при условии, что все неоднозначные подушки будут заменены на кресла-качалки. Хотелось бы мне увидеть эти выступления.

Пери

Репутация Льва Бакста как величайшего и определенно самого влиятельного художника среди балетных сценографов XX в. была по большей части основана на его чувственных ориенталистских костюмах для постановок «Русских балетов» «Шехерезада», «Клеопатра», «Тамара», «Синий бог» и «Ориенталии», а также двух костюмах для балета «Пери». Струящийся шарф, яркий костюм, орнаменты, воспроизводящие цвета павлиньего хвоста, головной убор с перьями и дерзко обнаженная грудь – все это делает костюм Пери самым завораживающим и соблазнительным женским костюмом, придуманным Бакстом. Этот костюм – квинтэссенция Бакста. Если бы меня как собирателя эскизов его костюмов для «Русских балетов» попросили выделить один из них, я бы выбрала костюм Пери.

В 1965 г., когда мы приобретали прекрасный эскиз костюма к балету «Пери» у госпожи Цыпкевич, одной из племянниц Бакста, живущей в Париже, она рассказала, что этот эскиз – большеформатная копия оригинального рисунка Бакста 1911 г., находящегося в «одной старой французской коллекции». Нам, конечно, было любопытно, о какой коллекции шла речь, однако мы не смогли найти информацию. Тем не менее, для нас стала чудесным сюрпризом просьба Аукционного дома «Сотбис» взглянуть на попавший к ним для продажи на аукционе (который должен был состояться 12 июня 2007 г.) прототип эскиза костюма Пери, переданный кем-то из семьи коллекционера, а затем и написать об этом эскизе.

«Пери» – персидская сказка о фее (пери), изгнанной из небесного царства и переживающей различные приключения на земле в попытках вернуться обратно с помощью магического талисмана. Дягилев заказал Баксту создание балетного сценария на эту тему на музыку французского композитора Поля Дюка. Бакст также должен был придумать декорации и костюмы. Постановку предполагалось включить в сезон «Русских балетов» 1911 г., однако премьера так и не состоялась, главным образом потому что Дюка настаивал на том, чтобы первую роль исполняла его любовница, Наталья Труханова, танцовщица, обладающая пышными формами и не входящая в состав труппы «Русских балетов». Это привело к бесконечным

Л. Бакст. Эскиз костюма принца Искандера для Вацлава Нижинского к балету «Пери». Литография, 1911 г. Собрание Никиты Д. Лобанова-Ростовского

Афиша выставки «Русское театральное-декорационное искусство 1880–1930, из коллекции Нины и Никиты Д. Лобановых-Ростовских». ГМИИ им. А.С. Пушкина. Москва, февраль–март 1988 г.; Манеж, Ленинград, апрель–май 1988 г.

ссорам между Дягилевым, Дюка, хореографом Михаилом Фокиным и Бакстом. Труханова не приехала на репетиции в Монте-Карло, и постановка была отменена, несмотря на то, что партнером Трухановой должен был стать Вацлав Нижинский в партии воина Искандера. К счастью, эскизы Бакста как для прекрасных костюмов Трухановой, так и для костюмов Нижинского были уже сфотографированы для рекламы, а также распечатаны в сувенирных программках с анонсами предстоящего сезона «Русских балетов». Таким образом, эскизы привлекли внимание парижских поклонников балета и любителей искусства. (В июне 1912 г. Труханова выступила с концертной версией «Пери», но не в costume по эскизам Бакста.)

Арт-дилер и коллекционер Жюль Шавасс приобрел оригинальный эскиз костюма напрямую у Бакста. После смерти Шавасса в начале 1919 г. его коллекция ушла с молотка (6 июня того же года в Париже), и эскиз костюма к «Пери» был приобретен племянником коллекционера за 900 франков, оставаясь в собрании семьи вплоть до аукциона 2007 г. Наткнуться на прототип эскиза костюма работы Бакста с таким безупречным провенансом – редкая удача.

Этот костюм был столь красивым и желанным любителями искусства, что в 1911 г. тиражом в 50 экземпляров был издан отпечаток оригинального эскиза, раскрашенный вручную. Позднее, после смерти Бакста, на арт-рынке появился отпечаток большего формата, также раскрашенный самим художником (он был издан тиражом в 100 экземпляров).

В 1988 г., когда выдающийся директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина Ирина Антонова решила показать публике часть нашей коллекции – коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, эскиз к «Пери» был выбран в качестве изображения для баннера с анонсом выставки.

Нет достоверных сведений о местонахождении прототипа эскиза для костюма Искандера, однако в коллекции нью-йоркского Музея Метрополитен хранится прекрасный более поздний вариант. Большеформатные версии и костюма Пери, и костюма Искандера были показаны рядом на

элитарной выставке, посвященной Дягилеву, и на первом дягилевском фестивале, проходившем в декабре 2004 – марте 2005 г. в голландском городе Гронинген. Возможность увидеть эти рисунки на одной стене была настоящим подарком. Посетители, как мужчины, так и женщины, замирали напротив обольстительной танцующей фигуры Пери.

«Спящая красавица»: семь панно Бакста и их судьба

Когда мы с Никитой впервые посетили племянниц и племянника Бакста в середине 1960-х годов в Париже, нам рассказали о семи больших панно, созданных Бакстом на тему сказки Ш. Перро «Спящая красавица» для лондонского дома Джеймса де Ротшильда во время и после окончания Первой мировой войны. В 1983 г., спустя несколько лет после нашего с Никитой Дмитриевичем переезда в Лондон, Лилиан де Ротшильд (баронесса Эли де Ротшильд), зная о нашем интересе к творчеству Бакста, связала нас с Дороти де Ротшильд, тетушкой ее мужа, ведущей затворнический образ жизни. Морозным январским утром мы были приглашены навестить ее и взглянуть на панно Бакста. Нас попросили надеть теплые пальто, шарфы и перчатки, а также захватить фонари. Ровно в 11 утра, заинтригованные, мы подошли к дому 23 на площади Сент-Джеймс, сразу за отелем Ритц. Нас проводили в уютную библиотеку с отделанными панелями стенами на первом этаже четырехэтажного особняка. Лилиан представила нас Дороти де Ротшильд и ее компаньонке и подруге Марии Брасси. Нам предложили угоститься шерри, и мы выглянули в небольшой сад с застывшими на морозе подстриженными деревьями, примыкающий к Грин-парку. Когда настало время взглянуть на панно, мы снова надели пальто, поскольку столовая на втором этаже, где размещаются произведения, никогда не использовалась зимой и, соответственно, не освещается и не отапливается. Мы прошли наверх в компании Марии Брасси и в свете фонарика

Дороти де Ротшильд (1895–1988)

Джеймс Арманд де Ротшильд (1878–1957)

*Старый король просит
Добрую фею заступиться*

*Принцесса и придворные
засыпают столетним сном*

*Обещание
Доброй феи*

увидели семь панно. Такое освещение делало их еще более загадочными и красивыми. Госпожа Брасси владела обширной информацией о теме каждого панно и изображенных персонажах, она дала нам составленную ею распечатку с указанием главных героев, ответила на многочисленные вопросы, а также сказала, что госпожа Ротшильд польщена нашей заинтересованностью и хотела бы поговорить о панно.

Мы вернулись в теплую библиотеку и спросили госпожу Ротшильд о том, почему ее покойный супруг, Джеймс де Ротшильд, доверил создание панно именно Баксту. Она рассказала, что это просто случайность: однажды в 1913 г. ее муж шел по Пикадилли и столкнулся с Филиппом Сассун, близким другом и кузеном, любителем и знатоком искусства. Ротшильд сказал что-то вроде: «Ты-то мне и нужен, чтобы посоветоваться о выборе художника для панно, которые я хочу заказать в свой новый дом на Парк-Лейн». Сассун ответил, что направляется в Общество изящных искусств на выставку некоего Леона Бакста, и предложил Ротшильду присоединиться и познакомиться с художником, «который, кстати, еврей». Ротшильд встретился с Бакстом, взглянул на его картины и купил две, а затем спросил Бакста, не захочет ли он написать несколько панно для настенных панелей комнаты-студии. Бакст начал расспрашивать о желаемой теме, на что Ротшильд ответил, что его главные интересы – скачки и гольф. Бакст возразил, что не занимается подобными темами и что его сильная сторона – сценография к балетным и оперным постановкам. На что, как утверждается, Ротшильд ответил: «Хорошо, предложите что-то, что Вы были бы счастливы создать». Когда Бакст ответил «Спящую красавицу», – Ротшильд дал согласие, уточнив лишь, что желает быть изображенным в

образе Прекрасного принца. За этим разговором последовала переписка и, возможно даже обсуждение стоимости работ, однако окончательной договоренности достигнуто не было, как не был уплачен и аванс за работу. Затем Ротшильд и Бакст потеряли контакт на несколько лет, поскольку разразившаяся Первая мировая война принесла проблемы иного характера.

Мы уже знали, что в 1890 г. Бакст присутствовал на генеральной репетиции «Спящей красавицы» П.И. Чайковского в Мариинском театре в Санкт-Петербурге.

Этот прекрасный балет в трех актах с прологом по одноименной сказке Шарля Перро глубоко впечатлил Бакста, и он мечтал создать постановку «Спящей красавицы». В течение жизни он трижды будет обращаться к этому сюжету. Работа над панелями для Ротшильда заняла девять лет. В этот период Бакст также работал над укороченной 48-минутной постановкой в исполнении труппы Анны Павловой в Нью-Йорке (1916). Кроме того, он создал декорации и 300 костюмов для роскошной, но не снискавшей успеха лондонской постановки «Спящая принцесса» для «Русских балетов» (1921).

Вскоре после начала Первой мировой войны Бакст покинул свою промерзшую парижскую мастерскую, чтобы отправиться в Швейцарию, в Лозанну, где жила его сестра с четырьмя детьми. 1915 и 1916 годы были сложными, сезоны «Русских балетов» в Париже не состоялись, и Бакст, который был единственным кормильцем семьи и постоянно нуждался в деньгах для себя, сестры и племянников, работал над несколькими проектами, за которые смог получить аванс.

Нам рассказали, что, будучи гражданином Франции, Джеймс де Ротшильд вступил в ряды Французской армии, а затем был переведен в

Пробуждение

Появление Злой феи на крещении

Нина Лобанова-Ростовская и Джон Э. Боулт на открытии выставки работ из собрания Лобановых-Ростовских в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 26 февраля 1988 г.

Британскую армию в качестве переводчика. В 1915 г. он получил серьезное ранение и после выздоровления был направлен в Лондон для работы в Министерстве обороны. Тем не менее, в 1918 г. он отправился в Палестину и набрал батальон еврейских солдат для службы под командованием генерала Алленби, в то время занимавшего пост военачальника в Палестине.

Дороти де Ротшильд провела первые пять лет своего замужества, пришедшегося на годы войны, практически не видя супруга. В 1918 г. она находилась в Париже с семьей мужа. Его отец, барон Эдмон де Ротшильд, был ярким сторонником сионистского движения и выделил деньги на покупку земли в Палестине для расселения русских евреев, затем финансировал развитие сельского хозяйства и промышленности.

Джеймс де Ротшильд написал жене письмо, в котором предлагал ей посетить Бакста в его мастерской на бульваре Мальзерб, 112. Придя к Баксту, она увидела частично завершенные панно, на которых лица персонажей еще не были написаны. Бакст пояснил, что ему не удавалось найти подходящих моделей во время и после войны. Дороти сообщила об этом супругу, который предложил использовать в качестве моделей родственников и друзей семьи Ротшильдов, которые охотно согласились. Кроме них, для панно позировала их экономка и некоторые домашние животные – немецкая овчарка, той-спаниель, птица и кошка. (Так мы, между прочим, узнаем, что Бакст мастерски рисовал животных.)

Семь панно были написаны масляными красками на холсте, каждое из них составляло 210 см в высоту, но все они были разными по ширине, в зависимости от размера стен салона с учетом камина и окон. Однако, как пояснила госпожа Ротшильд, в их доме номер 34 по Парк-стрит панно были установлены лишь на короткое время, поскольку в 1930 г. было построено здание Гровенор-хаус, закрывшее вид из окон особняка Ротшильдов на Гайд-парк. Джимми тогда сказал, что никакое здание больше не встанет между ним и видом на парк, и построил дом 23 на площади Сент-Джеймс, выходящий окнами на Грин-парк. Панно были установлены в столовой, однако их повествовательный порядок, определенный Бакстом, пришлось нарушить из-за нехватки места.

Каждое панно изображало отдельную сцену.

1. Проклятие Злой феи, которая, будучи разъяренной тем, что ее не пригласили на крестины, обрекает Принцессу на вечный сон, если она когданибудь уколет палец.

2. Не сумев разрушить злые чары, Добрая фея обещает, что если принцесса уколет палец, то уснет на целое столетие и будет спать до тех пор, пока ее суженый, Принц, не разбудит ее поцелуем.

3. Принцесса колет палец о веретено, навещающая старуху-пряху в отдаленной комнате в башне.

4. Стареющий Король, окруженный придворными, умоляет Добрую фею поведать ему судьбу дочери. Обезьянка Феи показывает Королю медальон с портретом Принца (Джеймса де Ротшильда), чей поцелуй разбудит Принцессу.

5. Принцесса и придворные проваливаются в вековой сон.

6. Сто лет спустя молодой Принц, поехав на охоту, находит замок, в котором спит Принцесса.

7. Принц видит Принцессу и будит ее поцелуем (кат. 64).

Архитектура замка – его внешнее оформление и интерьеры – это смешение элементов готического, византийского и романского стилей, все это представлено на фоне ярких пейзажей. Костюмы (также объединяющие самые разнообразные стили) выполнены из пышной парчи, тканей с вышивкой, вельвета и шелков. Кроме того, на панно изображены рыцари в средневековых доспехах, а колыбель Принцессы является прекрасным образцом русского декоративно-прикладного искусства.

Изображения главных героев – придворных и слуг – включают в себя сорок два портрета трех поколений Ротшильдов, родственников их супругов, друзей, домашней прислуги, а также портрет самого Бакста. Среди главных персонажей: Прекрасный принц (Джеймс де Ротшильд), Принцесса (баронесса Морис де Ротшильд), Король (маркиз Кру, посол Великобритании во Франции), Королева (баронесса Роберт де Ротшильд), Старуха-пряха (госпожа Марион, экономка барона Эдмона де Ротшильда), Пафф, собачка Принцессы (Маффин, собака Джеймса де Ротшильда), Злая фея (вымышленный персонаж), Добрая фея (маркиза Кру).

Никита и Нина Лобановы-Ростовские перед «домом со львами» А.Я. Лобанова-Ростовского, Санкт-Петербург, 1988 г.

Прежде чем мы покинули резиденцию Ротшильдов, госпожа Ротшильд предложила нам, когда потеплеет, выехать на ланч с ней и госпожой Брасси в Павильон в Эйтропе, в поместье Уоддесдон, чтобы взглянуть на хранящиеся там эскизы костюмов Бакста. Она написала нам записку, в которой просила сохранять молчание, объяснив, что не хотела бы стать объектом внимания грабителей или надоедливых сотрудников Крестис и Сотбис. В июле 1983 г. мы отобедали в Павильоне и увидели два восхитительных эскиза к костюмам для «Шехерезады» работы Бакста, приобретенных ее мужем в 1913 г. и скромно висевших на стене у лестницы: большеформатная версия «Синей султанши» и чудесный костюм «Бриллиантового негра». Спустя год мы снова были приглашены на ланч в Павильон, а затем госпожа Ротшильд приехала навестить нас в компании госпожи Брасси, чтобы взглянуть на нашу коллекцию произведений Бакста. Госпожа Ротшильд всякий раз с гордостью рассказывала о многочисленных занятиях своего покойного мужа, в том числе о его решительном стремлении продолжать дело отца по созданию еврейского государства – Джеймс де Ротшильд был председателем Палестинского еврейского колонизационного общества (PICA) и даже финансировал строительство официального здания парламента – кнессета. После его кончины в 1957 г. дело содействия развитию искусства, науки и культуры Израиля было продолжено его вдовой, которая, к примеру, финансировала постройку новых зданий Верховного суда Израиля.

Согласно завещанию Ротшильда, после смерти его жены панно работы Бакста переходили в коллекцию Художественного музея Тель-Авива. Несмотря на это, в связи с отсутствием прямых наследников Дороти де Ротшильд, ушедшая из жизни 10 декабря 1988 г. в возрасте 93-х лет, завещала все свое имущество Джейкобу Ротшильду, правнучатому племяннику мужа, принявшему титул барона Ротшильда после смерти своего отца в 1990 г. Дороти де Ротшильд оставила после себя состояние в 98 117 964 фунта стерлингов, что, согласно Википедии, является самым крупным на тот момент официально утвержденным завещанием на территории Англии и Уэльса. Разделяя сионистские взгляды свекра и покойного мужа, Дороти Ротшильд сокрушалась о том, что Джейкоба Ротшильда, казалось, гораздо больше интересовало его положение в британском обществе, нежели помощь Израилю.

Именно в это время я оказалась невольно замешана в историю с правами на владение панно Бакста. 23 марта 1989 г. Лилиан де Ротшильд рассказала мне, что взволнованные сотрудники Тель-Авивского музея сообщили ей о том, что Джейкоб Ротшильд медлил с передачей панно. Лилиан просила меня о помощи, поскольку мы обе слышали, как Дороти Ротшильд

подтверждала, что панели завещаны Музеем Тель-Авива. Я согласилась помочь. На следующий день мне позвонил заместитель директора, рассказавший, что в офисе Ротшильдов заявляют: панно – королевская собственность и, следовательно, не могут быть вывезены из страны. Однако в то время я работала в Национальном фонде коллекций произведений искусства Великобритании (NACF) и могла проверить эту информацию, которую наш юрист мне не подтвердил. Неделю спустя мне еще раз позвонили из Тель-Авива и попросили сопровождать директора Музея, чтобы взглянуть вместе с ним на панно, что я и сделала 3 апреля. Одновременно я пыталась получить примерные оценки стоимости панно от Общества изящных искусств и театрального отдела Сотбис, однако обе организации отказались от сотрудничества, узнав, что им придется иметь дело с Джейкобом Ротшильдом. Больше вестей от Музея я не получала, но Лилиан де Ротшильд рассказывала, что Джейкоб Ротшильд вел себя некорректно. В то время моя восьмидесятилетняя мать лежала в больнице в Париже, кроме того, я занималась публикацией книги и поэтому перестала следить за развитием событий.

В 1992 г. пожар нанес урон резиденции французского посла в Лондоне, и лорд Ротшильд сдал господину послу свой дом на площади Сент-Джеймс в годовую аренду. В 1993 г. господин посол Бернар Дорен с супругой устроили прием для историков и любителей искусства и попросили меня рассказать о панно, которые, оказывается, все еще находились в доме, чем я была весьма удивлена.

Затем, 1 апреля 1995 г. мы с мужем были приглашены на закрытый показ в поместье Уоддесдон в честь завершения его реставрации, приуроченной к столетнему юбилею особняка. Паино работы Бакста были установлены в специально предназначенной комнате в Уоддесдоне. В тот день мы заходили туда дважды, и оба раза были единственными посетителями! В конце концов гости приезжают в Уоддесдон, чтобы увидеть восхитительную французскую мебель, картины, гобелены, фарфор и предметы искусства, а не панно, исполненные еврейским художником российского происхождения. Было грустно видеть, насколько эти прекрасные произведения недооценены, и думать о том, что все могло сложиться совершенно иначе, будь они выставлены в экспозиции Тель-Авивского музея.

В июне 2015 г. я была приглашена в Израиль на празднование 50-летнего юбилея Музея Израиля в Иерусалиме. На различных мероприятиях мне довелось познакомиться с представителями израильского музейного мира, включая уже ушедших к тому времени на пенсию кураторов Художественного музея Тель-Авива, которые помнили о моих попытках оказать им помощь. Они все еще были полны негодования, по их словам,

Нина Лобанова-Ростовская на открытии выставки, посвященной 150-летию со дня рождения Льва Бакста. ГМИИ им. Пушкина. Москва, 6 июня 2016 г.

некрасивая история. Я посетила Тель-Авивский музей – это динамично развивающаяся институция с эффективным управлением, и панно Бакста могли бы стать центром его экспозиции. Вместо этого они висят в Уоддесдоне в качестве временно предоставленных экспонатов, лишенных внимания публики. Как бы то ни было, они все еще принадлежат лорду Ротшильду через Фонд семьи Ротшильдов, и возможно, однажды он пересмотрит свое решение и выполнит указанную в завещании волю своего двоюродного дедушки.

Елена Калашикова
**«Бакст – очень земной человек
и „вкусный” художник»²**

Около 250 произведений живописи, оригинальной и печатной графики, фотографии, архивные документы, редкие книги, сценические костюмы и эскизы для тканей впервые собраны вместе на выставке «Лев Бакст / Léon Bakst. К 150-летию со дня рождения» в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Никита Лобанов-Ростовский – коллекционер, меценат. Несколько работ из его коллекции представлены на выставке «Лев Бакст / Léon Bakst. К 150-летию со дня рождения» в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Качество любой выставки живописи зависит от того, что на ней не показано. Я вчера был на выставке и думаю сегодня снова пойти. Она

² 04.07.2016. <http://booknik.ru/today/faces/bakst-poshel/>

впечатлила меня количеством экспонатов и многогранностью содержания. Я бы воздержался от показа многочисленных ранних статичных эскизов костюмов, развешанных в шеренгу высоко под потолком. Однако сотрудники музея говорят, что выставка публике очень нравится (я сам видел очереди на улице), и что посещаемость – две или три тысячи в день за первую неделю.

Фасад ГМИИ им. А.С. Пушкина, объявляющего выставку Бакста

Помните ли первые купленные Вами работы Бакста?

Да, это была Ида Рубинштейн в роли Клеопатры. Большинство эrogenных зон у нее четко выражены – это одна из характеристик Бакста, он подчеркивал эrogenные зоны со всех ракурсов.

А с его сыном Андреем Бакстом, тоже художником, Вы были знакомы?

Да, он был очень приятный человек. Бывал у него дома по адресу 40 rue Lauriston на восьмом этаже в 16-м районе Парижа. Он унаследовал квартиру-мастерскую отца, а живопись унаследовали три племянницы и племянник... Одна из племянниц, Мила Марковна Барсак, проживала по 2А, рю Барсак (rue Barsacq), Париж 18. Замужем она была за Андреем Барсаком, выходцем из Феодосии. Он был театральным художником и постановщиком. С 1940-го он руководил театром «Ателье». У них была элегантная квартира недалеко от театра. На стенах висели не более шести второразрядных эскизов Бакста. Кроме них у Милы Марковны не было иных работ дяди. Я себе это объяснил ее тактичностью по отношению к супругу, который, по сравнению с Бакстом, был третьеразрядным театральным художником, но, однако, был первосортным постановщиком.

Л. Бакст, Эскиз костюма Клеопатры для Иды Рубинштейн, 1909 г.

Мария Марковна Константинович проживала в пригороде Парижа по адресу 26 rue Henri Savignac, Bellevue par Medon. В Медоне жило очень много

На выставке Л. Бакста у эскиза костюма Пери для Наталии Трухановой, 2011 г.

русских. Местное население звало ее мадам Констан. Архивный материал она держала в чемоданах, а работы большого размера (больше чем А3), как например эскизы для тканей, стояли в несколько слоев вдоль стены.

С Леонидом Маркович Клячко я не встречался. Работы дяди его вообще не интересовали. Из-за нехватки места в его квартире четверть унаследованных работ гнили на балконе у его сестры Берты Марковны Цыпкевич (Разаматт по первому браку) по адресу улица Лафайетт, 103, на шестом этаже. Ее прозвали мадам Николя (по мужу Николаю Ивановичу Цыпкевичу). Из них я купил 20 полугнилых эскизов и отдал их в музей Нью-йоркской публичной библиотеки: у них были фонды для реставрации, иначе эти вещи погибли бы. Мария и Берта относились к унаследованным работам Бакста довольно небрежно, считая их физическое присутствие в их маленьких квартирках обременительным. Поэтому они очень охотно продавали то, что у них было, тем немногим желающим, а в 1950–1960-х годах таковых было от силы четыре. Да и те, кто покупал, покупали мало. Так профессор Эмилио Бертолати, галерейщик из Милана, купил не более 10 работ, потому что он знал, что спрос на них в его галерее был минимальным. Посему Берта Марковна отправила 70 работ в музей Израиля, просто чтобы расстаться с грузом.

Сколько работ из Вашей коллекции на нынешней выставке?

Десять, может быть. Нескромно говорю, что обратить внимание надо на работы из нашего с моей первой супругой Ниной собрания: «Синюю султаншу», эскиз костюма Трухановой... «Билибошка» мне эстетически не нравится, я его не купил, потому что Нина была против. В живописных и театральных произведениях Бакста изумительная динамика. Поэтому я собиратель театральной живописи.

Мне очень повезло с «Синей султаншей». Этот эскиз костюма был выставлен для продажи на аукционе Сотбис. На нем нет подписи Бакста на лицевой стороне. Я сказал представителям «Сотбис»: дайте знать собственнику, что я готов купить эту работу до аукциона, по той стоимости «резерва». Собственник согласился – в сделке был, в общем, двусторонний риск. Работа могла не принести ему тех денег, на которые он рассчитывал, а тут он сразу получал наличные. И вот я прихожу с картиной домой, вскрываю раму и вижу сзади имя зятя Бакста (Жорж Разаматт) – его торгового

представителя. «Синяя султанша» была сделана для журнала «Иллюстрасьон». Редактор попросил Бакста не подписывать работу, чтобы подпись не мешала репродукции. Впоследствии я купил этот номер «Иллюстрасьон». Кстати, в «Султанше» идеально изображены задние эрогенные зоны – деликатно, привлекательно, изумительно интересно.

«Шахземана» я не мог купить у Иссара Сауловича Гурвича, торговца русской живописью в Париже. В 1964 г. он стоил 250 долларов, а я покупал у него эскизы максимально за 20 долларов. Чехонин продавался у него по 20 долларов, а ведь он – изумительный талантливый многогранный художник, но на него не было того спроса, как на Бакста.

В чем для Вас уникальность Бакста?

Посмотрите на эскиз костюма Пери для Трухановой. Она статична, но это статичная динамика: Вы чувствуете движение. То же самое было у Нуреева – движение чувствовалось даже в том, как он стоял на сцене. Типичного динамичного Бакста Вы узнаете за 20 метров. К тому же он ввел в русскую живопись сезанновское сочетание цветов – синее с зеленым. У него удивительная гамма цветов, появляются даже лубочные цвета – красный с желтым и оранжево-желтым.

*Билибошка, слуга Кащея,
«Жар-птица», 1910 г.*

*Шахземан, «Шехерезада»,
1911 г.*

Фото Л.Н. Бурмистрова

Указатель имен

А

Абрамович Р.А. 116
Абрамян А.Я. 184
Абдулмеджид I, султан 76, 91, 77
Аванта, цыган 20, 281, 485
Авдеев А.А. 178, 214, 290
Агафонов В.К. 332
Агилера Кристина 112
Айзенберг Н.Е. 420
Акимов Н.П. 320, 448
Аксёнов В.П. 35
Аксенов С.В. 252, 259, 261, 262, 270
Алгаров Ю.В. 364
Александр I 224
Александр II 76, 138, 140, 491
Александр III 248, 491
Александрова М.А. 306
Алексей, цесаревич 172, 207, 248, 279
Алексеев А.Г. 517, 526
Алексеев В.В. 173
Алексеева Г.Ф. 515, 517
Алексиевич С.А. 255
Алефельдт-Лаурвиг Кристиан К. 402
Алефельдт-Лаурвиг Лиллиан
(Нимберг Инга Лиза) 190, 402
Алленби Эдмунд 560
Алпатова Н.А. 4, 337, 339, 344, 347, 349, 353,
355, 363, 468, 491
Альтман Н.И. 423
Амиго (Амикони) Джакомо 541
Анастасия, вел. княжна 172, 173, 279
Андреенко-Нечитайло (Андреенко) М.Ф. 318
Андрей Владимирович, вел. кн. 379
Андроникова-Гальперн
(Андроникашвили) С.Н. 62, 63, 193, 377
Андропов Ю.В. 56, 352, 355
Анисфельд Б.И. 318
Анненков П.В. 318, 351
Анненков Ю.П. 156, 418, 422, 423, 440
Анненский И.Ф. 151, 421, 442, 499, 535
Антонова И.А. 37, 61, 62, 154, 468, 469, 476,
556
Антонян М.А. 68
Аполлинер Гийом 433
Аппиа Адольф 421

Апраксин П.Н., граф 180, 181
Арагон Луи 193
Аракчеев А.А. 220
Арапов А.А. 155, 156
Арбакл Ричард 43
Аристархов В.В. 291, 292, 294, 296
Арсеньев Н.С. 30, 538
Арцишевская Л. 238
Асенова Лили (зам. Атанасова) 31
Астафьев Д.А. 361, 362
Аткинсон Д.А. 542
Ахматова А.А. 319, 350

Б

Бабкина Н.Г. 500, 520
Бабурин С.Н. 131
Базиль де (Воскресенский В.Г.) 383, 384
Бакл Ричард 198, 389
Бакмансон Гуго Карлович 328, 509
Бакст А.Л. 565
Бакст Л.С. 4, 7, 34, 35, 50, 54, 66, 160, 163,
187, 198, 205, 212, 214, 188, 318, 349, 352,
381, 383, 411, 413, 414, 415, 420, 421, 426,
427, 429, 430, 431, 432, 436, 437, 441, 443,
444, 447, 471, 473, 482, 552-555, 556
Балакирев М.А. 371
Баланчин Джордж (Баланчивадзе Г.М.) 364,
384, 386, 387, 392, 393, 405-407, 416
Балиев Н.Ф. 149, 429
Балла Джакомо 413
Бальмонт К.Д. 546
Барабанов О.Н. 273
Баранов А.П. 494
Баранов Л.М. 361, 470
Баранов П.Л. 450
Баранова Н.Л. 363
Барнс Мейнард 23
Баронова И.Л. 384
Барр Альфред 64
Барран Джулиан 50, 406, 407, 479, 502, 512,
514
Барсак Андрей 565
Барсак М.М. 565
Бартолоцци Франческо 542
Барулин П.Г. 307, 309

Барыкин Ю. 235
Басаргин Н.В. 369
Бах Иоганн Себастьян 161
Бахрушин А.А. 203, 212, 215, 337, 398, 409, 410, 443, 446, 448, 449, 451-455, 461, 465, 467, 485, 552, 553
Бахрушин В.А. 203, 387
Безотосный В.М. 300, 302
Белодубровский Е.Б. 313
Белоусов К.Г. 152
Белютин Э.М. 341
Бенедетти Микаэль 542
Бенкендорф А.Х. 33, 198
Бен Ладен Усама 225, 226, 355
Бенуа А.Н. 7, 66, 148, 149, 156, 189, 198, 212
Бенуа Н.А. 50, 151-153, 189
Берд Майкл 303
Бердяев Н.А. 55, 56, 137, 186
Берлин И.М. 49, 50, 69
Бернар Сара 406
Бернигерот Иоганн Мартин 541
Бертонати Эмилио 566
Бессер Рувим 504, 507-508
Бестужев Н.А. 97, 471
Бехтеев В.Г. 418
Бёклин Арнольд 65
Бибиена Франческо Галли 471
Билибин И.Я. 320, 443, 447, 454, 546
Билинский Б.К. 187, 214, 412
Блок А.А. 340
Блэр Тони 201, 311
Блюм Рене 383
Богарне Жозефина 545
Боголюбов А.П. 471
Богуславская-Пуни К.Л. 187
Бойко Борис 171, 283
Борис Ш *см.* Саксен-Кобург-Готтский Борис 14, 25, 27, 168, 172, 176, 191, 209, 281, 283
Борисов-Мусатов В.Э. 34, 66
Боровиковский В.Л. 53, 471
Боровский А.Д. 508
Босх Иероним 326
Боулт Джон 188, 351, 406, 410, 431, 432, 463, 482, 484, 485, 560
Брай О. 543
Брак Жорж 63, 215, 289, 433, 440, 488, 493, 501, 510, 512, 514, 519, 524, 526, 530, 535, 536, 549

Брасси Мария 557, 558, 562
Брежнев Л.И. 45, 63, 358
Брик Л.Ю. 193
Бриннер Юл (Бринер Ю.Б.) 19
Бродский Б.И. 149, 474, 476
Бродский И.А. 60, 149, 255
Бролинг Густав 140
Бруни Т.Г. 425, 452
Брызгалов М.А. 293, 299
Брюллов К.П. 53, 471
Буланова О.К. 369, 370
Бульме Клод 544
Бунин И.А. 59, 63, 71, 251, 259, 319, 375, 384, 473, 475
Бусыгин А.Е. 269
Бутенев А.П. 81, 89
Бухарин Н.И. 44
Буш Джордж Герберт Уокер 387
Бушен Д.Д. 492

В

Вабль Мария-Сесиль *см.* Ле Дантю М.П. 367, 368
Ваганова А.Я. 199, 409
Вагер (Уайджер) Лоуренс Рикард 39
Вагнер Йозеф (Джузеппе) 541
Вазем Е.О. 409
Вайян-Кутюрье Мари-Клод 193
Валериани Джузеппе 471
Вальц К.Ф. 447, 449
Ванамейкер Самюэль (Сэм) 157
Ванновский П.С. 329
Вармон де Сидония 368
Васильев А.А. 341
Васильев В.В. 306, 538
Васильчиков Г.И. 235, 486
Ватто Антуан 546
Вацдорф фон Тило 50, 157
Веджвуд Джордж 545
Вексельберг В.Ф. 483
Веласкес Диего 53
Великовский Э.Ш. 332
Венецианов А.Г. 471
Верди Виолетт 392
Верди Джузеппе 161
Верещагин В.В. 496, 550
Вермеер Ян Делфтский 182
Вертинский А.Н. 19

Веснин А.А. 189, 412, 421, 447, 456
Вефик-Паша Ахмед 91
Вивальди Антонио 161
Виндзор Георг V 165, 352, 383
Виндзор Георг VI 165, 352, 397
Виндзоры 165, 352
Винокур Г.О. 525
Вирсаладзе С.Б. 464
Вишневская Г.П. 318
Вишневский Ф.Е. 184, 203
Владимир Кириллович, вел.кн. 173, 238,
233, 234, 239, 241, 242, 243, 245, 247, 249,
250, 280
Владимир Красное Солнышко 284
Владимир Мономах 3, 246, 338, 495
Вламинк Морис 536
Власова Т.В. 448
Вогел Герберт 181, 542
Вогел Дороти 181
Вогель Бернард 582
Водабль Луи 396
Вознесенский А.А. 60
Волкова Н.Б. 149, 154, 468, 470, 471
Волошин М.А. 63
Вольман И.Я. 544, 545
Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) 75, 101, 102
Воробьевский А.В. 544, 545
Воронцов-Дашков И.И. 329
Вортман Христиан-Альберт 541
Врангель И.И. 301
Вронская Джин 359
Врубель М.А. 159, 183, 439, 441, 447, 453,
454
Всеволод Большое Гнездо 3, 338
Вылканов Александр 196, 483
Вырубов А.А. 375
Вырубов А.В. 377, 378
Вырубов В.В. (дед) 10, 13, 15, 18, 19, 40, 41,
55, 192, 251, 348, 373, 374
Вырубов В.В. (дядя) 19, 23, 40, 380
Вырубов В.С. 370, 373, 375
Вырубов Н.В. 8, 11, 31, 33, 41, 57, 174, 191,
192, 196, 348, 374, 376, 379
Вырубов С.А. 370
Вырубова А.А. см. Танеева А.А. 373, 376, 377
Вырубова А.С. (Покровская) 367, 371
Вырубова И.В. см. Лобанова-Ростовская И.В.
57, 178, 338, 354, 372, 373

Вырубова И.Л. (урожд. Ле Дантю) 365, 366,
367
Вырубова М.К. (урожд. Трубникова) 370, 371
Вырубова Нина (Н.В.) 364-369, 371, 374, 379,
380
Вышинский А.Я. 25
Вялов К.А. 425

Г

Габо Наум (Певзнер Н.Б.) 386, 405, 406, 407,
416, 426
Габсбург Фридрих III 541
Газданов Г.И. 30
Гайгер Петер 239
Галахов Н.А. 192, 553
Галеев И.И. 458
Гальперн А.Я. 377, 378
Гампельн К.К. 543
Гамрекели И.И. 423
Ганди Индира 376
Гари Ромен 11, 30, 31, 348
Гейнсборо Томас 303
Гельман Н.А. 353
Гент (Гентшенфельде) Наталия фон 72
Георг V 247, 383
Георгий Орьевский, кн. 491
Гергиев В.А. 167, 464
Гердер И.Г. 306, 307
Геринг Герман 82
Герра Рене 48, 188
Гершельман фон К.К. 412, 418
Гершкович Е. 494, 495, 534
Герцен А.И. 75, 96
Гессен В.О. 429
Гест Морис 391
Геташвили Н.В. 451
Гзовский В.И. 364
Гинзбург Е.С. 68
Гиппиус З.Н. 379
Гирс Н.К. 173, 280
Гитлер Адольф 14, 32, 58, 158, 168, 233, 247,
281
Гмуржинская Антонина 479
Гогенцоллерн Георг, принц Прусский
(Романов Г.М.) 245
Гоголь Н.В. 35, 92
Годунов Борис 176, 284, 345
Голд Артур 387

Голдовский Г.Н. 301
Головин А.В. 398, 414
Головин А.Я. 439, 449
Головин Жорж 364
Головин Серж 364, 379
Головина (Лириан ван де Вальде) 379
Гонзаго Пьетро 471
Гончарова Н.Н. 212
Гончарова Н.С. 4, 8, 190, 428, 430, 432
Горбачев Д.Е. 343
Горбачёв М.С. 44, 100, 317, 318, 476
Горбачева Р.М. 476
Горбовский А.А. 11, 147, 349, 356-359, 362
Горький Максим 521
Горяева Т.М. 468, 469
Грей Камилла 216
Грейс Келли, принцесса 190
Грибоедов А.С. 97
Григорович В.И. 85, 368, 392
Григорович Д.В. 368
Григорьев Б.Д. 156, 318, 418, 471
Григорьев Е.Д. 205
Гримальди Альбер II 271-273, 275, 361
Гримм Клаус 39
Гробман М.Я. 537
Грушвицкая Е.И. 437, 438
Гундяев Г.М. см. Кирилл, патриарх 209, 218, 226, 248, 259, 261, 267, 268-270, 278
Гурвич И.С. 473, 567
Гурвич Э. 11, 356, 359
Гэллико Поль 397
Гюго Виктор 92
Гюнтер И.В. см. Покровская-Гюнтер И.В. 367, 372
Гяуров Николай 148

Д

Давид Жак-Луи 545
Давиденкова Л.С. 500, 514
Давиденко Борис 184
Дали Сальвадор 160, 167, 352
Дамиан, епископ царицынский 280
Данилевич Н.В. (Степанова Камбсандрис) 236
Данилова А.Д. 384, 387-389, 408
Даничев А. 161
Данте Алигьери 326
д'Арсо Анри 544

Дафф Джульетта 383
Дациаро И.Х. 543
Дашков Н.Я. 301
Де Голль Шарль 31, 192, 241
Дебижев С. 309, 310, 313-315, 322
Дебиоль Адриен 335, 336
Делоне Роберт 414
Делоне Соня (Терк) 453
Делуш Доменик 381
Демичев П.Н. 479
Денев Катрин 63
Денем Серж (Докучаев С.И.) 384, 387, 407
Денисов Н.Х., купец 19
Дерен Андре 536
Дефф Джульетта 383, 384
Джафарова С.Г. 361, 363, 448, 450, 452, 453, 465, 467
Джевдет-Паша Ахмед 119
Джеллико Памела 389
Джонсон Борис 382
Джоффри Роберт 189
Димитриевич Алеша (А.И.) 19
Димитриевич Валя (В.И.) 19
Димитриевич, семья 19
Димитрий Романович, вел.кн. 208, 224
Дитл Ольга 332
Добсон Эндрю 390
Добужинский М.В. 318, 411, 432
Довыденко Л.В. 443
Доди Филипп 48
Докучаев Светослав 29, 384
Долгоруков П.В. 75
Долгоруков П.Д. 126, 538
Долгоруков (Долгорукий) Ю. 3, 75, 246, 338
Долин Антон см. Хей Патрик 365, 409
Домейко Игнаци (И.И.) 332
Донген Кис ван 536
Дорен Бернар 563
Достоевский Ф.М. 137, 316
Драйзер Теодор 255
Дудаков В.А. 184
Дуйсбург ван Тео 61-63, 185, 251
Дукельский В.А. 384
Дункан Айседора 471
Дынов Петер 334
Дыченко И.С. 184
д'Эстен Валери Жискара 428
Дюка Поль 434, 555, 556

Дюкро Николая 150
Дягилев С.П. 54, 64, 149, 156, 186, 188, 190,
194, 198, 213, 215, 319, 339, 344, 348, 364,
365, 369, 382-387, 392, 399, 403-408, 413-
417, 428, 430, 432, 433, 437, 438-443, 447,
451, 457, 470, 477, 482, 552, 554-457

Е

Евграфов Н.И. 448
Евтушенко Е.А. 60, 538
Евтюхин Ю.А. 298
Егорова Л.Н. 366
Ейгер Дерек Виктор 332
Екатерина II (Романова Е.П.) 541, 542
Ельцин Б.Н. 100, 245, 265, 266
Епанчин Н.А. 234, 395, 403
Ермолаева В.М. 420
Ермолова Валентина 543
Есенин С.А. 156, 473, 475
Ефремов О.Н. 500

Ж

Жак-Далькроз Эмиль 424
Жанмер Зизи (Рене) 405
Жданов А.А. 230
Жевержеева Т.Л. 387
Жеребков Ю.С. 240-242
Живков Тодор 168, 193, 244
Живкова Людмила 244
Живов В.М. 59
Жиделев А. 257
Жорж-Пико Франсуа 30, 186, 342, 349,
428
Жуков Д. 241
Жуковский В.А. 66
Журавский А.В. 266, 267

З

Забела (Забела-Врубель) Н.И. 441
Забелин М.Ю. 268
Завалишин В.К. 152
Зак Леон 481
Закатов А.Н. 246
Захаров В.Н. 301
Захарова С.Ю. 306
Захцер Елена 193
Зданевич И.М. 216
Зданевич К.М. 372, 413

Зельтманн Кристиан 545
Зильберштейн И.С. 54, 64, 149, 153, 184, 203,
213, 339, 395, 404, 434, 435, 468-481
Зимин В.П. 546
Злобина Г.Р. 468
Золотов А.А. 466
Золя Эмиль 92
Зорина Вера (Хартвиг Эва Бригитта) 57, 384,
392
Зюганов Г.А. 225
Зякин В.В. 519, 521

И

Ибн-Сауд 226
Ивакин Ю.А. 184
Иванов Иордан 29
Иванов П.Л. 173, 174
Иванюк Е.И. 13, 22, 281
Иванюк Н.М. 282
Ивашев В.П. 367, 371, 380
Ивашев П.В. 368
Ивашева В.В. 369
Ивашева К.П. см. Ле Дантю К.П. 368
Ивашева М.В. (Трубникова) 369
Ивашева М.К. (Вырубцова) 367
Ивашева О.К. (Буланова) 369, 370
Иващенко Н.И.
Игнатъев А.А. 24
Игнатъев Н.А. 128
Игорь, князь 3, 345

К

Каверин В.А. 500
Каганов В.Ш. 292, 297
Кадина И.Г. 151
Казаков М.Ф. 285
Калашникова Е. 480, 564
Калиновская В.Д.
см. Лобанова-Ростовская В.Д. 13
Калмаков Н.К. 34
Кальвин Жан 101
Кальдерон де ла Барка, Педро 546
Камю Луи 376
Кан Отто 311
Кандинский В.В. 4, 184, 188, 212, 425, 426,
431, 452
Капица П.Л. 40
Каплевич П.М. 459

Капнист С.А. 7, 158, 234, 232, 237, 247, 249, 250
Карлайль Томас 304
Карнович О.А. 303, 363, 364, 381, 393, 405, 409, 467, 494
Каровская Н.С. 154, 202, 487-495, 499, 504, 510, 517
Карпов А.Е. 398
Карпова Т.П. 301
Карсавина Т.П. 64, 383, 408, 414, 442, 479
Картье Луи-Франсуа 552
Катонова Н.Ю. 452, 453
Качурин И.В. 184
Каштанова Л. 546
Кваренги Джакомо 471
Квидаль Мартин Фердинанд 219
Кеннеди Роберт 533
Кент Пол 39, 497
Керби 243
Керенский А.Ф. 314, 316, 317
Ким Е.В. 494
Кипренский О.А. 471
Кирико де Джорджо 61, 185, 251, 289
Кирилл Владимирович, вел.кн. 233, 244, 245, 280
Кирилл, патриарх 209, 218, 226, 248, 259, 261, 267, 268-270, 278
Кирпичников А.Н. 538
Кирстин (Кирштейн) Линкольн 393, 407
Киселёв Я.П. 154, 475
Киссинджер Генри 57
Кларк Джозеф 390
Кларк Колин 392
Клячко Л.М. 566
Князев Аркадий 366
Князев Б.А. 366, 405
Ковако Ю.А. 76
Коваленко Г.Ф. 453, 456, 461, 466, 501
Ковалёв М.В. 548
Ковтун И.В. 241
Коган Д.З. 183, 448
Козинцев Г.М. 303
Козлов Н.П. 368
Кокто Жан 415
Колесниченко В.В. 170, 283
Коллонтай А.М. 309
Колчак А.В. 348
Комар В. 113
Комиссаржевская В.Ф. 417
Конашевич В.М. 460
Кононов Владислав 266, 329, 330
Константинович М.М. 565
Кончаловский П.П. 536
Кормер В.Ф. 28
Коробкова Е.П. 487, 489
Коровин А.К. 477
Коровин К.А. 4, 7, 212, 349, 414, 431, 437, 439, 443, 447, 448, 449, 470, 477
Кособуцкий В.Ф. 176, 285
Костаки Г.Д. 184, 203, 341
Костов Иван 196, 483, 484
Кострицкий С.С. 365
Кохно Б.Е. 364, 386, 403, 405
Кочетов А. 377
Кречетов С. 156
Кривошеин Н.И. 63
Крисп Клемент 374, 386, 387, 405, 409
Кроммелинк Фернанд 424
Кропивницкий Л.Е. 492
Кру (маркиз) 561
Кру (маркиза) 561
Крученых А.Е. 419
Крылов И.А. 12
Крюгер Франц 76
Ксения Александровна, вел.кн. 383
Куденко А. 158
Кудрин А.Л. 312, 313
Кузнецов Ю.И. 177, 285
Куинджи А.И. 320
Куликовский Павел, кн. 491
Куликовский-Романов Т.Н. 173
Купецкий Иоганн 542
Курбатова З.Ю. 237, 250
Курникова Наталья 458
Куртис-Беннетт Вирджиния 397
Куртис-Беннет Ноэль 397
Кусевицкий С. 161
Кустодиев Б.М. 447, 471
Куэвас Пабло 379, 383
Кшесинская М.Ф. 366, 379
Кэмерон Дэвид 382

Л

Лаваль Пьер 240-242
Лавинский А.М. 500, 520
Лавров В. 265

- Лавров С.В. 154, 225, 258, 260, 271, 272, 273, 308
- Лавровский М.Л. 306
- Лагран Франсуа 335, 336
- Ладурнер А.И. 74
- Лайелл Чарльз 497
- Ламберт Константин 384
- Лансере Е.Е. 429
- Ланской А.М., кн. 215
- Лапкиова Анна 221
- Ларионов М.Ф. 4, 7, 34, 35, 53, 63, 149, 159, 180, 187, 198, 212, 213, 217, 349, 352, 411, 413, 415, 416, 418, 426, 429, 431, 432, 433, 437, 442, 447, 482
- Ларионова А.К. (урожд. Томилина) 167
- Латр де Тассиньи Жан Мари 241
- Лафонтен Жан де 12
- Лахат Шломо 564
- Лебедев В.В. 460
- Лебедева Т.А. 518, 539
- Левенсон Белла 398
- Левитин Г.М. 184
- Левицкий Д.Г. 53
- Левчев Любомир 29, 43, 179, 192, 193, 375, 376
- Левыкин А.К. 293, 299, 300
- Ле Дантю Амели (Рясовская) 365, 368
- Ле Дантю В.В. 372
- Ле Дантю Е.К. 371
- Ле Дантю И.Л. 367, 372
- Ле Дантю К.П. (Ивашева) 367, 368, 371
- Ле Дантю Л.Е. 366
- Ле Дантю Луиза (Беккерс) 368
- Ле Дантю М.В. 368, 372, 380
- Ле Дантю М.П. 368, 372, 373
- Леман Роберт (Бобби) 469, 480
- Ленин В.И. 40, 44, 62, 113, 171, 174, 177, 283, 310, 324, 395, 459, 521
- Лентулов А.В. 536
- Лемерсье Жак 543
- Леонидов В.В. 98, 105, 347, 363, 539
- Леонтович К.С. 533
- Лермонтов М.Ю. 27, 92, 205
- Лестер Кит 409
- Лиера М.Э. 306
- Лин Николас 480
- Линдси Джордж 533
- Лисицкий Эль (Лазарь) 4, 54, 212, 411, 412, 447
- Лиссим Симон (С.М.) 151, 189, 412, 422, 499, 501, 535
- Лифарь Серж 397-399, 428
- Лихачев Д.С. 3, 237, 238, 250, 362
- Лиханов А.А. 538
- Лиховцева А.В. 178, 179
- Лобанов-Ростовский А.Б. 229
- Лобанов-Ростовский А.Я. 74, 220
- Лобанов-Ростовский Алексей Я. 220
- Лобанов-Ростовский Д.И. 14, 17, 23
- Лобанов-Ростовский И.Н. 14, 191
- Лобанов-Ростовский Н.Д. 6, 9, 11, 12, 69, 149, 151, 153, 157, 158, 162, 178, 185, 194, 195, 200
- Лобанов-Ростовский Я.И. 219
- Лобанова-Ростовская А.Н. (урожд. Салтыкова) 219
- Лобанова-Ростовская В.Д. (урожд. Калиновская) 13
- Лобанова-Ростовская Джун (урожд. Маршам-Тауншенд) 47, 163, 186, 198, 335, 352, 387, 491, 498, 499, 516
- Лобанова-Ростовская И.В. 13, 56, 533
- Лобанова-Ростовская Нина (урожд. Жорж-Пико) 161, 186, 349, 407, 434, 514, 560, 561, 564
- Ломоносов М.В. 326, 330, 544
- Лорансен Мари
- Лужков Ю.М. 177, 285, 289, 522
- Луи Виктор (Луи Виталий Евгеньевич) 184
- Луканова А.Г. 469
- Лукаш И.С. 379
- Лунгин П.С. 268
- Львов Г.Е. 10, 40, 182, 251, 310, 546
- Людвиг Петер 479
- Людден И.П. 541
- Людовик XIV 190
- Люкель Кристиан 545
- Ляндсберг А.М. 448

М

- Магеровский Е.Л. 319
- Май Карл Фридрих 21
- МакКендри Джон Дж. 432
- Макаров А.А. 307, 308
- Макаров В.Ю. 23
- Макарова Н.Р. 390, 391
- Макинский А.П. 32

Маковский С.К. 524
Малевич К.С. 4, 34, 184, 188, 208, 212, 411, 412, 415, 418-420, 431, 433, 447, 448, 453, 477, 487, 496, 501, 536
Маликова Ашени 62
Малышева В.С. 332
Мамаева Айна (Шарифи) 195
Мамонтов С.И. 188, 448
Мандела Нельсон 201, 311
Мандельштам О.Э. 319
Маневич Г.И. 504
Маннергейм Густав 233, 249
Мануэль Португальский 383
Маргарет, принцесса 165
Маре Жан 405
Мариани Терри 223
Мариенгоф А.Б. 422
Марион, экономка Ротшильдов 561
Маркова Алисия (Маркс Лириан Эликс) 365, 386, 387, 408
Маркус Э.И. 328, 509
Маруденко А.М. 355
Мастеркова Л.А. 507
Матвиенко В.И. 258
Матисс Анри 65, 161, 167, 413, 536
Матюшин М.В. 419
Махалина Ю.В. 554
Машков И.И. 289, 493, 502, 512, 514, 519, 524, 530, 535, 536, 549
Маяковский В.В. 359, 423, 424, 500, 520
Медведев Д.А. 59, 266, 269
Мединский В.Р. 177, 264, 265, 266, 271, 272, 273, 278, 285, 487, 509
Медичи Лоренцо 345, 346, 354
Мееров К.А. 300
Мейерхольд Вс.Э. 411, 412, 423, 424, 447, 456, 500
Мейлах М.Б. 364, 375
Мекленбург-Шверинская Анна 541
Меламид А. 113
Меллер В.Г. 422
Мельник Анна 495
Мельник Л.Ю. 494
Меньшиков А.С. 75, 76
Мережковский Д.С. 379
Меркель Ангела 58
Метелица Н.И. 437, 450
Метерлинк Морис 417

Микеланджело Буонаротти 345
Мильштейн Н.М. 161
Минзала Д.И. 527
Мироненко С.В. 248
Митрофанова Э.В. 336
Михалков С.В. 235
Модильяни Амадео 160
Мокрый В.В. 272
Молева Н.М. 341
Мольер Жан Баттист Поклен 92
Моне Клод 115, 335
Монкорне Бальтазар 541
Монферран Огюст 162, 204, 348
Мор Дерри 33
Морель Тьерри 426
Моор де Карел 542
Морозов И.А. 182
Моторин В.А. 167
Моцарт Вольфганг Амадей 161
Мрочковская-Балашова С.П. 328
Мурадов Г.Л. 262-264, 266, 273, 330, 491
Мурадян, семья 169, 281
Мусоргский М.П. 176, 217, 284, 425
Мухина В.И. 460
Муши де, герцог 376
Мягков М.Ю. 330
Мясин Л.Ф. 384, 417

Н

Набоков В.В. 18, 30
Набоков Н.А. 18, 384, 442
Назаров А.В. 264
Наков А.Б. 151
Налич А.З. 547
Наполеон I Бонапарт 58, 224, 520, 544, 545
Нарышкин С.Е. 207, 233, 269
Нарышкина М.К. 156, 382
Неборский М.Ю. 302
Некрасов В.Д. 477
Немухин В.Н. 487, 494, 499, 503-507, 515
Немцов Б.Е. 245
Немчинова В.Н. 407
Неронов Г.П. 240
Неру Джвахарлал 376
Неру Индира см. Ганди Индира 376
Нивинский И.И. 457
Нижинская Б.Ф. 384, 386, 403
Нижинский В.Ф. 64, 383, 408, 414, 556

Никитина Алиса (урожд.Ландау) 384, 385, 406, 408
Николай I (Павлович) 74,76
Николай II (Александрович) 243, 251, 310, 329, 508
Николай Николаевич, вел.кн. 173, 280, 329
Никонов В.А. 268
Ноай де Сабин 42, 376
Нобель Людвиг 492
Новиков-Ланской А.А. 157, 162, 287, 351, 538
Ножкин М.И. 539
Нуреев Р.Х. 374, 376, 567
Ньюмен Колин 545

О

Обама Барак 58
Оболенский С.П. 283, 382
Оболенский-Нелединский-Мелецкий П.С. 382
Оболенская Вики 251, 259
Оболенская Нина 19
Оболенская Саломея (Мия) 19
Ойстрах Д.Ф. 161
Окорокова К.И. 372
Оксман Ю.Г. 339
Окуджава Б.Ш. 60
Олеарий Адам 541
Олланд Франсуа 58, 223
Ольга, кн. 176
Онслaгeр Дональд 152
Орлов А.К. 224, 494
Орлов С.И. 466
Орлова Ольга 212
Орловский А.О. 471
Осборн Джон 382
Осипов А.И. 330
Осман Абдулмеджид I 76, 77, 91
Островский Н.А. 5
Отрепьев Григорий (Лжедмитрий I) 176, 284, 542

П

Павел, архимандрит 227
Павлова А.П. (М.) 54, 366, 383, 389, 392, 442, 471, 559
Пален де П.П., граф 42
Панин С.А. 542
Параджанов С.И. 408

Пасичник Неонилла 167, 276, 344
Пастернак Б.Л. 319
Пастернак Ж.Л. 430
Пастернак Л.Л. 431
Певзнер Антуан (Нота, Натан Абрамович Беркович) 386, 405, 406, 416, 417
Перевезенцева М.А. 300
Перон Хуан 239
Перро Шарль 557, 559
Пестель П.И. 97
Петен Анри 240, 241, 242
Пети Ролан 364, 405
Петипа Мариус 366, 381
Петр I 60, 540, 542
Петрик Л. 335
Петрицкий А.Г. 413, 422
Петров В. 237
Петров Ю.А. 300
Петров-Водкин К.С. 66, 458
Петрусенко Светослав 28, 29, 53, 334
Петухова Е.В. 230
Пен Юдель 322
Пец Р.В. 328
Пиаф Эдит 123
Пикассо Пабло 160, 161, 186, 319, 413, 419, 433, 535
Пинчук С.А. 222, 458
Пиромани Нико 372
Писарро Камиль 335
Писарро Поль-Эмиль 335
Питалев Илья 157
Плантагенет Эдуард I 545
Платонов Андрей (Клементов А.П.) 319
Платтен Фриц 311
Плисецкая М.М. 306
Пожарская М.Н. 457
Пожидаев Г.А. 318, 412, 436, 438
Полиньяк Луи де 190, 271
Покровская-Гюнтер И.В. 367, 372
Поленов В.Д. 437, 448, 471
Поляков В.Г. 19
Поляков Серж (С.Г.) 19
Попов Г.П. 479
Попова Л.С. 184, 318, 411, 412, 414, 421, 423, 424, 426, 431, 447, 456, 478, 501
Порошенко Петро 226
Поспелов Г.Г. 536
Предина Т. 302

Преображенская О.О. (мадам Прео) 366, 384
Прокофьев Вячеслав 160, 161
Протазанов Я.А. 422, 442
Проханов А.А. 57
Прохоров М.Д. 98, 483
Прудон П.-П. 545
Пуаре Поль 552
Пулиев Х.Н. 29
Пуни И.А. 187
Путин В.В. 177, 178, 207, 208, 211, 214, 224, 226, 232, 234, 236, 237, 247, 249, 252, 259, 261, 267, 271, 287, 290, 302, 311, 354
Пушкин А.С. 27, 42, 54, 61, 89, 92, 130, 131, 143, 161, 190, 220, 342, 346, 356, 375, 404, 405
Пуцин И.И. 369
Пятаков Сергей 160

Р

Рабле Франсуа 380
Радак фон Роберт 536
Радак фон Свен 536
Радциг С.И. 467
Разаматт Жорж 566
Ракитина Е.Б. 156
Распутин Г.Е. 378, 379
Рахманинов С.В. 398, 431
Рашид-Паша Мустафа 80
Рейнхардт Макс 421
Рембрандт Харменс ван Рейн 52, 53, 471
Ремизов Н.В. (псевдоним Ре-Ми, наст. фам. Ремизов-Васильев) 318, 481
Ренье Денис 335
Ренье, князь Монакский 190
Репин И.Е. 54, 320, 346, 350, 471, 472, 500
Рерих Н.К. 156, 320, 334, 432, 447, 455, 465, 466, 522
Решетникова И.Л. 149
Рид Томас Майн 21
Ридингер И.Э. 542
Ридлей Катерина (Кэтрин) 33, 198
Римский-Корсаков Н.А. 546, 552
Рипон, маркиза 383
Рихтер О.Б. 329
Ришар Пьер 501
Робер Юбер 471
Робаев Е.И. 173
Роден Огюст 209
Родионов Д.В. 443, 448, 452, 456, 465, 467
Родченко А.М. 184, 411, 412, 418, 423, 424, 425, 431, 447, 482
Рождественский Г.Н. 427
Розанова О.В. 501
Розенталь Филипп 504, 546
Роллан Ромен 255
Романов Георгий см. Гогенцоллерн Георг, принц Прусский
Романов К.К. 329
Романов М.А. 329
Романов М.Н. 329
Романов Н.Н. мл. 329
Романов Н.Р. 224
Романов П.А. 329
Романов С.А. 329
Романова М.В. (зам. Гогенцоллерн) 232, 234, 158, 160, 238, 245
Рослин Александр 542
Росси Пьетро де 220
Ростропович М.Л. 238, 318, 480
Ротшильд де Джейкоб 352, 562, 563
Ротшильд де Джеймс Арманд 557, 558, 559, 560, 561, 562
Ротшильд де Дороти 557, 558, 560, 562
Ротшильд де Лилиан 557, 562, 563
Ротшильд де Морис 561
Ротшильд де Роберт 561
Ротшильд де Эдмон 560, 561
Ротшильд де Эли 557
Рубина Дина 51
Рубинштейн И.Л. 65, 434, 442, 565
Рубинштейн Я.Е. 184
Рублёв Андрей 33
Руднев В.М. 378
Руссо Жан Жак 101
Рюбнер Э.Г. (Э.А.) 371
Рюрик (князь Долгорукий) 8, 176, 221, 284, 338, 345, 352
Рябов Ю.В. (Джордж) 440

С

Савонарола Джироламо 346
Садовников В.С. 471
Сазонов А.А. 494, 496
Сазонов С.В. 491, 494, 496, 549
Сайкс М. 428
Саксен-Кобург-Готтский Симеон II (Рыльский) 172, 284

Салтыкова А.Н.
см. Лобанова-Ростовская А.Н. 219
Самойленко Н.Ю. 491
Сапунов Н.Н. 439
Сарабьянов Д.В. 459
Сассун Филипп 558
Сафронов А.В. 475
Шашин А.Т. 423
Сверчков Н.Е. 55
Свешников Б.Б. 184
Святослав II, вел.кн. 284
Северянин Игорь (Лотарёв И.В.) 34
Сезанн Поль 66, 160, 180, 535, 567
Семёнов В.С. 184
Семёнов Ю.С. 395, 398
Семёнова Наталья 341
Серафим (Соболев Н.Б.) 280
Серебряков А.Б. 318
Серебрякова Е.Б. 481
Серебрякова З.Е. 7, 49, 193, 349, 351, 388, 389
Серов В.А. 53, 65, 442, 477, 478, 479, 480, 523
Сеславинский М.В. 274
Серт Мизия (Мися) 387, 388
Серт Хосе-Мария 388
Сиверс 371
Сидней, лорд 164
Сигалов Д.Л. 184
Сидоров А.А. 341
Симеон II см. Саксен-Кобург-Готтский
Симеон II (Рыльский) 171, 172, 283, 284
Симпсон Роберт 45, 47
Синьяк Поль 536
Скрябин А.Н. 431
Слуцкий Э.Л. 260
Сметанина Светлана 307
Смирнов Я.Е. 518, 531
Смирнова Н. 186
Смит Саманта 255
Смоктунувский И.М. 60, 303
Смысловский Б.А.
см. Хольмстон-Смысловский Б.А. 234, 239, 240, 241, 247
Собчак А.А. 245
Собченко Г. 289
Соге Анри 384, 405
Соколов Н.А. 249, 279

Соколов П.Е. 508
Соколова Лидия (Маннингс Хильда) 365
Солженицын А.И. 35, 170, 255, 265, 266, 277, 345, 350, 532
Сомов К.А. 34, 156, 349, 431, 432, 471
Сорин С.А. (З.И.) 349, 383, 384
Сорокин В. 113
Спесивцева О.А. 387, 405, 406-409
Спиноза Бенедикт 324
Спрекелс Альма 214
Сталин И.В. 32, 42, 56, 58, 184, 230
Станиславский К.С. 525
Стасова Н.В. 369
Стенберг В.А. 412, 421
Стенберг Г.А. 412, 421
Стенбок-Фермор А.А., граф 314
Степанова В.Ф. 423, 424, 425, 454, 536
Стравинский И.Ф. 149, 161, 189, 384, 413, 427, 430, 440
Страхов Н.Н. 322
Стрэтфорд Каннинг Чарльз 80, 81, 91
Судейкин С.Ю. 4, 7, 149, 154, 156, 214, 318, 342, 349, 350, 353, 394, 414, 429, 432, 439, 443, 471, 473, 531
Судейкина Джин 7, 149
Сумароков-Эльстон Ф.Ф. (Юсупов) 478
Сухоруков Г.И. 172, 279
Сфири К.Н. (Шереметева) 478
Сяопин Д. 44

Т

Табачников Е.С. 206, 268, 270, 290, 300, 330, 491
Талейран-Перигор де Шарль М. 102
Тальони Филиппо 364
Танеев А.С. 377
Танеева А.А. 366, 373, 376, 377, 378, 379
Таривердиев М.Л. 500
Тарсаидзе А.Г. 382
Татлин В.Е. 411, 415, 418, 419, 431, 433, 447
Твардовский А.Т. 60, 61
Терентьев И.Г. 423
Тетчер Маргарет 501
Тёрнер Уильям 303
Тиссен Генрих 62
Тито Иосиф Броз 390
Тихонов А.А. 340
Тициан Вечелио 53

Тишина И.Н. 5, 10
Товстоногов Г.А. 500
Толстой А.С. 40, 336, 377, 422, 433, 442
Толстой В.И. 263
Толстой Л.Н. 40, 71, 92, 137, 304, 320, 322, 355
Толстой Н.А. 313, 314, 321
Толстой Н.И. 36, 38
Тома де Томон Жан-Франсуа 471
Третьяков П.М. 203, 301
Третьяков С.М. 424
Трефилова В.А. 366
Триоле Эльза 193
Тропинин В.А. 471
Трубецкой А.А. 7, 158, 201, 223, 232, 234, 237, 247, 249, 268, 288
Трубников К.В. 369, 380
Трубников Ю.А. 55, 56, 250, 364, 373, 374, 379, 514
Трубникова Ольга 57
Трубникова М.К. см Вырубова М.К. 367
Труханова Н.В. 55, 556, 566, 567
Тугендхольд Я.А. 501, 534
Тулуз-Лотрек Анри де 180
Тургенев И.С. 27
Туреров Н.Н. 539
Тыртов Р.П. см. Эрте 54, 412, 436, 438
Тэчер Николас 45
Тютчев В.В. 207
Тютюнджиева С. 244

У

Уайльд Оскар 417, 534
Уваров Иван 179
Уиши Джозеф 408
Уланова Г.С. 306
Улик Константин 10
Устинов Питер 64, 198, 408
Уткин Н.И. 543

Ф

Фальк Р.Р. 156, 413, 536
Фальц-Фейн Э.А. 172, 234, 235, 236, 250, 279, 356, 393, 394, 395, 396, 397, 400, 401
Фациус Г.З. 541, 542
Федорова Е.С. 10, 12, 330, 356, 350, 358, 361, 367, 368, 371, 372, 373, 381, 426, 524
Федорова М.В. 500, 523

Федоровский Ф.Ф. 214, 447, 454, 464
Федотов П.А. 471
Фейербах Людвиг 107
Фернандель Фернан 26
Фет А.А. 319, 360
Филимонова Анна 334, 335
Филонов П.Н. 319, 423, 431, 448
Философова А.П. 369
Фицдейл Роберт 387
Флайшман Джулиус (Джанки) 384
Фогельзанг Хенниг фон 239
Фокин М.М. 383, 384, 414, 554, 556
Фокина В.П. 383
Фонтейн Марго 376, 389
Франко Франсиско 66, 201, 240, 241, 242, 311
Франц-Иозеф, князь Лихтенштейна 172, 236, 239, 279, 397, 403
Фраччи Карла 64, 408
Фредерикс В.Б. 329, 367
Фредерикс В.Н. 365, 367, 372

Х

Хаммер Арман 62
Хамсворт Гарольд 384
Ханс-Адам II 243
Хармс Д.И. (Ювачёв Д.И.) 319
Хартман Артур 84
Хачатрян Р.Л. 434
Хей Патрик (Долин Антон) 365
Хёрси Роберт 544, 545
Хлебников Велимир 419, 425
Хованская Е.П. 369
Ходасевич В.Ф. 319
Ходорковский М.Б. 131
Хольмстон-Смысловский Б.А. (Хольмстон Артур) 234, 239, 240
Хоубракен Якоб 540, 542
Хохлова О.В. 186
Хочхаузер Виктор 306
Хочхаузер Лилиан 306
Христо (Христо Явашев) 181
Хутарев-Гарнишевский В. 200
Хюльтен Понтюс 459

Ц

Цветаева М.И. 62, 185, 193, 319, 339, 350, 363, 379

Цейтлин М.О. (Амари) 63
Церетели З.К. 160, 381, 523, 524
Цискаридзе Н.М. 199
Цыпкевич Б.М. 566
Цыпкевич Н.И. 566

Ч

Чайковский П.И. 15, 304, 559
Чеботари Мария (Чеботарева) 375
Чекетти Энрико 383
Челищев П.Ф. 4, 7, 187, 214, 217, 218, 318, 352, 414, 422, 432, 436, 437, 438, 442, 546
Челик С.В. 500, 501
Черепнин А. 188
Черкесова А.А. 429, 470
Черномырдин В.С. 236
Чернышевский Н.Г. 370
Черчилль Уинстон 32, 390
Чехов А.П. 28, 71, 524
Чехонин П.М. 7, 188, 407
Чехонин С.В. 7, 188, 214, 318, 443, 471
Чиканова Г.А. 7
Чинкова Е. 221, 222
Чичерин Г.В. 309
Чудновский А.Ф. 183
Чумаченко Платон 28, 29, 228, 332, 333, 484
Чупятов Л.Т. 448
Чураков А.В. 358

Ш

Шавасс Жюль 556
Шагал М.З. 4, 7, 188, 212, 318, 322, 352, 426, 431, 452, 481, 507, 537
Шаляпин Ф.И. 218, 219, 392, 398, 436, 437, 471
Шаляпин Ф.Ф. 398, 435
Шамшур О.В. 336
Шанель Коко 398, 402
Шаумян О.С. 483
Шаховской Д.М. 7, 250
Шацилло Л.А. 302
Шварц Кристина 397
Швыдкой М.Е. 131, 292, 303, 468, 469
Шевалье Морис 405
Шевкопляс К.Г. 200, 491, 527
Шемякин М.М. 19
Шервашидзе А.К. (Чачба) 149, 318, 432

Шереметев П.П. 158, 177, 206, 209, 221, 223, 224, 232, 233, 234, 237, 247, 249, 250, 259, 261, 266, 268, 270, 290, 311
Шефер Е.В. 70, 186, 492, 499
Ширак Жак 398
Шифф Джейкоб 311
Шишкин Г.Г. 65, 336, 520
Школьник И.С. 448, 453
Шлепянов А.И. 215, 216
Шляков И.А. 202, 325, 491, 496, 512, 513, 525, 550
Шмидт С.О. 36
Шнейцхоффер Ж.-М. 364
Шовире Иветт 365
Шопен Фредерик 545
Шопенгауэр Артур 107
Шостакович Д.Д. 130, 425, 452
Шоу Бернард 303
Шпенглер Освальд 59
Штраус Мишель 50
Шурова 333
Шустер В.М. 183
Шустер Алик (С.А.) 341

Щ

Щеглова Н.Г. 477
Щепкин М.С. 466
Щербатов А.П. 172, 174, 279, 284
Щукины 149, 182

Э

Эдельман Евгений 155, 156
Эджертон О.Н. 19
Эджертон Эдвин 19
Эйнштейн Альберт 314, 322-326
Эйфман Б.Я. 205
Экстер А.А. 4, 50, 53, 63, 151, 153, 189, 215.
Эминем 112
Эрдман Б.Р. 418
Эренбург И.Г. 27
Эткинд М.Г. 148, 150, 151, 153
Эфрос А.М. 501

Ю

Юнгер Е.В. 320
Юревич Александра 537
Юрок С. (Гурок С.И.) 384, 391, 392
Юрьевский Г. 491

Юрьевская Е.А. 382
Юсупов Ф.Ф. 352, 478

Я

Явник Г.А. 437
Яковенко А.В. 317
Яковлев А.А. 62, 220, 350, 471
Яковлев А.Е. 62, 220
Яковлев Николай (Никки) 217, 218
Якулов Г.Б. 66, 412, 414, 417, 447
Якунина Е.П. 418
Яровая Катя 98, 105
Ярослав Мудрый 3, 246, 284, 338, 495

Содержание

От составителя.....	3
ИЗ БИОГРАФИИ	
Ирина Тишина	
Дорогой Никита Дмитриевич.....	5
Екатерина Федорова	
«Мне важнее действие, чем созерцание».....	10
Мария Антонян	
После прочтения интервью-повествования	68
Наталия фон Гент	
Господин из Сан-Франциско.....	69
Наталия фон Гентшенфельде	
Диалектика любви	72
Письмо М.Г. Эткинду	148
Елена Ким	
Комментарий на письмо	
Н.Д. Лобанова-Ростовского к М.Г. Эткинду.....	151
Письма от Е. Эдельмана.....	155
«Российская элита не умеет себя вести в приличном обществе».	
Беседовал Андрей Новиков-Ланской.....	157
Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский:	
«У меня особая связь с Россией».	
Беседовал Андрей Новиков-Ланской.....	162
Неонилла Пасичник	
«Считается неприличным демонстрировать свое богатство...»	167
Анастасия Лиховцева	
Никита Лобанов-Ростовский:	
«Моя цель – умереть бедным человеком»	178
Наталья Смирнова	
Идейный князь	186
Никита Лобанов-Ростовский	
«Я хотел бы многое изменить...»	194
Князь по судьбе Никита Лобанов-Ростовский.	
Текст подготовил Владимир Хутарев-Гарнишевский	200
Светлана Тютюнджиева	
Князь Лобанов-Ростовский: «...это мое Отечество»	207
Ольга Орлова	
Князь Никита Лобанов-Ростовский. Возвращенные сезоны	212

Светлана Парфенова	
Имение Лобановых-Ростовских «Александрино»	219
Елена Чинкова	
Спешите князь, Вас ждут великие дела в Крыму	221
Из прошлого геолога	227
Елена Ким	
К 120-летию со дня смерти А.Б. Лобанова-Ростовского	228
Евгения Петухова	
Об искусстве.....	230
О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ	
Письмо В.В. Путину.....	232
О побеге князя Владимира Кирилловича Романова.	
Беседу вела Оксана Карнович	234
Светлана Тютюнджиева	
Кого и зачем интересуется российский престол?	244
Рената Бурчик	
Расследование дела Императорского дома	248
О создании международной организации «Ливадийский клуб».....	253
Письмо А.К. Ушакову.....	257
ПАМЯТНИК ПРИМИРЕНИЯ В КРЫМУ	
Выступление Н.Д. Лобанова-Ростовского	
на V Всемирном конгрессе соотечественников, 5 ноября 2015 г.	258
Письма	261
В.Р. Мединский	
Памятник Примирения планируют установить	
в Крыму 4 ноября 2017 года.....	264
Валерий Лавров	
Ельцин, Солженицын, далее везде?	265
Памятник Примирения. Хронология.	
Беседовала Оксана Карнович.....	267
«Гримальди на Черном море»	
Письма	271
«Воссоединение Крыма с Россией	
возродило идею создания Памятника Примирения».	
Беседовала Неонилла Пасичник.....	276
Москва – Русский мир.	
Интервью Андрея Новикова-Ланского	287
ДРУГИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ	
Национальная портретная галерея	290

Письма	293
Протокол заседания Круглого стола, посвященного созданию Национальной портретной галереи	299
Поверх политических барьеров. Михаил Швыдкой: «Россия и Великобритании связывают долгие и глубокие отношения». Беседовала Оксана Карнович.....	303
Светлана Сметанина	
Музей МИД России получил в дар картину из коллекции князя Никиты Лобанова-Ростовского.....	307
Сергей Дебижев	
100 лет спустя	309
Евгений Белодубровский	
Мой Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский	313
Светлана Мрочковская-Балашова	
Памяти Коронации их Императорских Величеств в Москве 1896 года.....	328
ЗАМЕТКИ	
Никита Лобанов-Ростовский	
Цели чиновника.....	331
Предисловие к книге П. Чумаченко «Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку»	332
Письмо профессора П. Чумаченко Шуровой.....	333
Рецензия Н.Д. Лобанова-Ростовского на книгу С. Петрусенко «Минералите на Рила планина»	334
Н. Лобанов-Ростовский о конкурсе живописи	334
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ Н.Д. ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО	337
От составителя. Н.А.Алпатов.....	337
Александр А. Тихонов	
Коллекционер милостью Божьей.....	340
Неонилла Пасичник	
Куда переместились Рюриковичи?	344
Виктор Леонидов	
Феерия судьбы	347
Андрей Новиков-Ланской	
Новая книга о Никите Лобанове-Ростовском «Рюрикович в эмиграции»	351
Наталия Гельман	
Рецензия на книгу «Рюрикович в эмиграции»	353
Андрей Маруденко	
Рецензия на книгу «Рюрикович в эмиграции».	

Князь Никита Лобанов-Ростовский».....	355
Екатерина Фёдорова	
О тексте Горбовского и Гурвича	356
Выступление Н. Алпатовой на презентации книги «Рюрикович в эмиграции»	361
БЕСЕДЫ О БАЛЕТЕ	
Нина Вырубова. «Маленькая русская из Медона». Переплетение судеб.	
Интервью Оксаны Карнович	364
О балете. «Les Ballets Russes de Monte Carlo». Беседу вела Оксана Карнович	381
О СОБРАНИИ ЛОБАНОВЫХ-РОСТОВСКИХ	
Джон Э. Боулт	
Лаборатория формы и цвета.....	410
Тьерри Морель	
На российских сценах.....	426
Анонс и презентация альбома «Международный благотворительный фонд «Константиновский». Коллекция Лобановых-Ростовских»	436
Выставка «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870-1930» в Государственном театральном музее им. А.А. Бахрушина	
Лидия Довыденко. Уникальное искусство России	443
«Для нас Ваше имя стояло рядом с именами художников той эпохи...»	450
ЧЕСТВОВАНИЕ И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА	
Н.Д. Лобанов-Ростовский	
Юбилей И.С. Зильберштейна в ГМИИ им. А.С. Пушкина	468
Н.Д. Лобанов-Ростовский	
Вспоминая Зильберштейна – к 110-тилетию со дня рождения.....	473
Никита Лобанов-Ростовский: «В моем кабинете только хорошо обрамленные копии»	
Интервью Елены Калашниковой	480
РОСТОВ ВЕЛИКИЙ	
Евгения Коробкова	
Князь Лобанов-Ростовский против Музея Ростовского кремля	487
Елена Ким	
Князь Лобанов-Ростовский против Музея Ростовского кремля. Продолжение темы	489
Алексей Орлов	
Разоблачение дирекции на открытой Фейсбуке-группе	

«Музейный критик»	494
Анна Мельник	
Выставка плаката	495
Елена Ким	
Дар соотечественника – на миллион евро.....	497
Елена Ким	
Произведения В.Н. Немухина в Ростовском музее	503
Елена Ким	
Император Николай Александр	508
3-я ВЫСТАВКА ДАРОВ МУЗЕЮ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ.....	510
«Ростовская старина».....	528
Ярослав Смирнов	
Семейный и личный архив Н.Д. Лобанова-Ростовского	531
Евгения Гершкович	
Первый и второй авангард из коллекции Н.Д. Лобанова-Ростовского.....	534
Александра Юревич	
Книги с автографами.....	537
Татьяна Лебедева	
Коллекция гравюр и литографий.....	539
Валентина Ермолова	
Изделия из фарфора, фаянса, керамики, стекла и дерева.....	543
Михаил Ковалёв	
Новые дары князя Лобанова-Ростовского.....	548
ВЫСТАВКА В ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА «ЛЕОН БАКСТ. LEON BAKST»	
Коллекционируя Бакста	
Нина Лобанова-Ростовская в беседе с Тьерри Морелем.....	552
Елена Калашникова	
«Бакст – очень земной человек и «вкусный» художник	564
Указатель имен	572

При оформлении книги использованы:

Обложка:

А. Вагин. Портрет Н.Д. Лобанова-Ростовского. Будапешт, 1999 г.
Н.Д. Лобанов-Ростовский. Дубровник, 2010 г.

Форзацы:

Приглашение президента Российской Федерации Д.А. Медведева
в Гербовый зал Новгородской ярмарки по случаю празднования
Дня народного единства 4 ноября 2011 года.

Приглашение президента Российской Федерации В.В. Путина
в Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца
по случаю празднования Дня всенародного единства 4 ноября 2012 года.

Герб Лобановых-Ростовских
Родословное древо Лобановых-Ростовских

Популярное издание

**Рюрикович в XXI веке.
Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский**

Статьи, интервью, письма, рецензии

Редактор Н.А. Алпатова
Макет И.А. Томозова
Обложка И. А. Томозова

Подписано в печать 10 марта 2017 г.
Гарнитуры Minion Pro, PF DinDisplay Pro
Бумага офсетная
Печать офсет
Усл.-печ. л.
Тираж 600 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС»
125438, г. Москва, ул. Автомоторная, дом 7, офис 312
Тел.: + (499) 408-01-16
E-mail: rostest-iv@inbox.ru
www.poligraf-plus.ru